

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№1, 2023 год

Подписано к публикации: 09.01.2023

*Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор*

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., РИНЦ (Elibrary.ru)
и в Международную базу дан-
ных Agris.**

eLIBRARY.RU

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-72620 от 04 апреля
2018г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: <http://su-journal.ru>

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик
Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджиров Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулдизе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожеников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маларчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Оксановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Отганя Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Раkitина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногноева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебrenникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могадда Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Шербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Матюшенко М.С. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ	8
Чжан Лумэн СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ СТАНДАРТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ЖУРНАЛИСТОВ В КИТАЕ И США	14
Дреева Дж.М., Асланян Р.М. АЛЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	18
Самарин Д.А. О РАЗГРАНИЧЕНИИ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТТО ЕСПЕРСЕНА	24
Чиркин И.С. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КОНЦЕПТА «НАТО»	30
Акимова А.С. К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ ЯКУТСКО-РУССКОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПО ЮВЕЛИРНОМУ ДЕЛУ	37
Дреева Дж.М., Болатов Т.А. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ АВТОРА ПЕСЕННОГО ТЕКСТА	41
Никулина Н.А. «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ» КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ	46
Черемных Ю.А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «СОБАКА» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ	53
Губаева Н.Г., Рубаева В.П. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	59
Демонова Ю.М. ТОНОВЫЕ И КОНФИГУРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУЧАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ	65
Ермолаева Л.Д. НЕКОТОРЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА	70
Мустафин А.А. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	73
Ульбашева З.М. ПАРЕМИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКОНЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОКОНЦЕПТА «ТИШИРЫУ»/ «МУЖЕР» («ЖЕНЩИНА»)) В КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ)	79

Зайцева Н.Н. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	83
Ван Пин АВТОРСКИЕ ПРАВА В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА В КИТАЕ	88
Мэй Чан Мьей Зо ОТРАЖЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ТЕРМИНОВ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ	93
Демкина Я.Ю. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ДЖО БАЙДЕНА НА ОСНОВЕ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА	99
Ещенко И.О., Бойчук И.В., Лукьянова Е.В. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	104
Заварзина В.А. О ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РАЗВИТИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОБСТВЕННО НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА	108
Истомина С.М. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ОКЕАН» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.К. КУПЕРА «КРАСНЫЙ КОРСАР» И К.М. СТАНЮКОВИЧА «ВОКРУГ СВЕТА НА “КОРШУНЕ”»)	115
Лю Юэ, Селиверстова Е.И. ВЗГЛЯД НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	119
Балута А.А. БХАГАВАДГИТА КАК ДРЕВНЕЙШИЙ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПАМЯТНИК ИНДИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	126
Варданян Л.В., Аграшева О.Е. ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ВЫРАЖЕНИЯ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА SAFETY В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	131
Вороничев О.Е., Моспанова Н.Ю., Крамарева И.Е. О КЛЮЧЕВЫХ СЛОВАХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	136
Гринева О.А. ЭТИКА ОБЩЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	144
Искандарова Г.Р. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «СЛОВА» В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	149
Арибжанова Д.З. ПЬЕР АБЕЛЯР И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В "ИСТОРИИ МОИХ БЕДСТВИЙ"	154

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Файзуллин Э.А., Файзуллина А.А.**
СОДЕРЖАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ,
ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ И ИНВАЛИДНОСТЬ 158
- Касумова Л.А.**
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ 165
- Фролова Т.П.**
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 171
- Попова Е.Ф., Головцова А.В.**
ПРИТЧИ КАК СРЕДСТВО ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЕЧИ У ЛИЦ
С СЕМАНТИЧЕСКОЙ АФАЗИЕЙ 175
- Баркалов С.Н., Махов С.Ю., Струганов С.М.,
Крысин М.В., Носов С.А.**
ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 180
- Зотова И.Н.**
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА В РАБОТЕ
СО СТУДЕНТАМИ ТЕАТРАЛЬНОГО ВУЗА 190

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гатауллин З.Ш.**
ПОТЕРПЕВШИЙ СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ 194
- Гитинова М.М., Гусейнова П.М.**
К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СОВЕРШАЕМЫХ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ 198
- Зейналбдыева А.В., Бобенко В.И.**
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 202
- Занозина Ю.В.**
ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОСТУПНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НАСЕЛЕНИЕМ 208
- Рубанцова Т.А.**
ЛАТЕНТНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ 213
- Гитинова М.М., Лагдуев С.М.**
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ 216
- Гладыч Н.В.**
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ 219

Агаев Г.А., Сафонов В.Н., Зорин А.Р. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕВИНОВНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	225
Зорина Е.А., Антонов А.Г., Вахмистрова С.И. К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО АНАЛОГИИ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	232
Абоян А.А., Гордеев К.В., Парин Д.В. К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	238
Бекова Р.М. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	244
Дамбаа Н.В. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	250
Стародубцева М.А., Печатнова Ю.В., Пинчук А.П. ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫМ ИДЕОЛОГИЯМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	255
Долженко Н.И., Купряшина Е.А., Подмоков Н.С. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	258
Прошин В.М. ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТОРОНАМИ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	264
Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА	267
Монахов Г.Д., Бадмадоржиев Г.Е., Гордеев К.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ЮАР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ (КЕНИИ, ТАНЗАНИИ И РУАНДЕ)	272
Красильников Т.С. ДОКЛАД «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ» И РЕФОРМА СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ	279
Ракитина В.И. ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЦАМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	291
Шухов Ф.Г., Орехов Д.А. ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ АРЕНДЫ И ЛИЗИНГА	298

Зинченко Д.С., Нерубенко А.С., Колесникова О.А., Колесников А.Г. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (КВАДРАКОПТЕРОВ) СОТРУДНИКАМИ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ	301
Короткова О.А., Воробьева М.О. ШКОЛА ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ФОРМА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	309
Краснов А.А. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ, ПРИМЕНЯЕМОЙ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	313
Давыдов Р.Ю. ОСНОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ КАК ИНСТИТУТООБАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	319
Купин М.С. ВЛИЯНИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР НА РОССИЙСКИЕ ПРАВИЛА О КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЯХ	323
Таранюк Ю.В., Ембулаева Н.Ю. ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА	329

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Матюшенко М.С., преподаватель,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации*

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

Аннотация: современная пресса, как правило, является первоисточником различной неологической лексики, активно интегрирующей в речь аудитории, в том числе, французской. Глобализационные процессы и активная заинтересованность реципиентами новостным контентом, поступающим на первые полосы именитых изданий из всех стран, в особенности лидеров мировой политики и других международных коллизий, заставляют конкурировать между собой журналистов, которые стараются удовлетворить любопытство читателей и привлечь их внимание непосредственно к своим материалам за счет использования в заголовках и слоганах текстов средств массовой информации неологизмов. Большой пласт неологической лексики принадлежит англицизмам, что детерминировано активным использованием английского, в том числе, в роли одного из самых распространённых языков-посредников между инофонами практически всех государств. При этом, ассимилируя в речи франкоговорящих народов, новые дефиниции порождают такой феномен как франгле. В данной статье проводится анализ наиболее ярких слов и словосочетаний, используемых авторами при озаглавливании и аннотировании публицистических текстов, представленных в электронных и печатных ресурсах. В качестве материала для работы послужили французские центральные газеты: 'Le Figaro', 'Le Monde', 'Les Échos', 'Le Point', вышедшие в печать в 2020-2022 годах.

Ключевые слова: заимствования, англо-американизмы, пресса, Франция, СМИ, газета, неологизмы

Для цитирования: Матюшенко М.С. Заимствования из английского языка в современных французских СМИ // Современный ученый. 2023. № 1. С. 8 – 13.

Введение

Актуальность исследования заключается в исследовании такого многоаспектного языкового феномена, как англо-американские заимствования, используемые в названиях и слоганах французской прессы. Благодаря популярности именитых центральных периодических изданий, новые слова и выражения, вследствие своей необычной звучности, экстраординарности и свежести, активно интегрируются во французскую повседневную лексику, изучение и анализ которой ввиду постоянного пополнения неологизмами, не теряет своей актуальности. Анализ непосредственно англо-американских заимствований и новых франгле позволяет раскрывать этнопсихолингвистическую специфику того общества и тенденций средств массовой информации (далее – СМИ), в которое начинают внедряться данные слова.

Феномен использования заимствований из английского языка рассматривается в контексте его американского варианта, так как в настоящее время «многие языки мира подвержены непосредственно его влиянию» [1, с. 100].

Целью статьи является выявление и анализ неологических англо-американских заимствований, используемых журналистами в названиях и слоганах материалов современной французской прессы.

В настоящей работе решены следующие исследовательские задачи:

- (1) найдены и систематизированы англо-американские заимствования во французском языке;
- (2) определена роль неологизмов, используемых в заголовках и слоганах французской прессы;
- (3) проанализирована неологическая лексика сквозь призму этнопсихологии языка-реципиента.

Методы исследования, используемые в данной статье: контент-анализ, синтез, контекстологический метод, метод сплошной выборки, сводка и группировка найденного лексического материала.

Отношение лингвистов к англо-американским и другим заимствованиям дуально:

С одной стороны, неологизмы подобного типа увеличивают лексический запас [2, с. 99] титульного языка определённого этноса, позволяют расширить языковую картину мира публичного пространства государства согласно глобализационным поликультурным тенденциям и проследить специфику становления этнопсихологии других народов сквозь призму их языка.

С другой стороны, как подчёркивает С.В. Воробьёва (2019), английские заимствования часто рассматриваются как представляющие угрозу [1, с. 100], прежде всего, для этноязыковых мень-

шинств, что умаляет значение языковой преференциальной политики и деструктурирует миноритарные языки, а также негативно сказывается на чистоте французской лексики. Как подчёркивает В.С. Виноградов, вторжение неологических заимствований в язык-реципиент «приобретает политический характер» [3, с. 51].

Как подчёркивают М. Cziffra (2013) заметнее всего влияние англо-американских неологизмов прослеживается «в молодежном сленге [7], жаргоне [2, с. 97-98], речи мигрантов и иммигрантов [3, с. 52], а также текстах СМИ [4]» [1, с. 101]. При этом, согласно исследованиям J. Soubrier, «официальные» неологизмы имеют очень низкое распространение в профессиональном дискурсе [16, р. 404], в отличие от материалов публицистических жанров.

Во французской лингвистике условно можно дифференцировать четыре основных вида заимствований из английского языка:

1. *"Quasi inévitables"* [7] – «Фактически незаменимые» слова, используемые для номинации объектов и явлений [2, с. 99], вошедшие в жизнь франкоговорящих обществ, интегрировав, тем самым, в обиходную и литературную речь неологизмы, например, *"start-up"* (поиск новой бизнес-модели) или *"hacker"* («виртуальный взломщик») и т.д. Примеры использования неологической англо-американской лексики во французской прессе:

«*Nomad Éducation veut profiter de l'essor de l'EdTech*» [10] – Перев.: «*Nomad* Образование хочет воспользоваться преимуществами развития *l'EdTech*»:

(1) *"nomad"* (adj.) – во франц. яз. это прилагательное, произошедшее от англ. существительного *"nomad"* – «кочевник». Данная дефиниция используется при описании того, кто обучается через Интернет во время путешествий, а именно, независимо от своего местоположения, путём использования современных гаджетов – неологизм 2021 г.;

(2) *"EdTech"* (f) – сложносокращённое существительное – от англ. *"edtech"*, – обозначающее такую дефиницию, как «технологии, ориентированные на образование» – неологизм 2021 г.

«*Les deepfakes de plus en plus utilisées dans les cyberattaques*» [11] – «В кибератаках все чаще используются дипфейки»: *"deepfake"* (m) – метод монтажа видеоизображений посредством искусственного интеллекта и нейронных сетей, позволяющий заменять существующие видеозаписи реальной съёмки на любые компоненты, исходя из авторской задумки. Таким образом, стало создаваться множество фейковых (ложных) видео в шуточных или диверсионных целях, в том числе, выступлений политических лидеров, где оригиналь-

ная речь и мимика заменены оппозиционными, иррациональными и прочими неадекватными высказываниями – неологизм 2020 г.

«*Les "licoornes", nouvelles alternatives aux Gafa*» [14] – Перев. *"licoornes" (pl.)* – ««Ликурны» – новые альтернативы *Gafa*: *"licoornes"* – данная дефиниция никак не связана с единорогами (фр. *"licorne"*) – мифическими животными, а интерпретируется как стартап Силиконовой долины (Америка) стоимостью более миллиарда долларов, который переворачивает привычные правила реализации бизнес-идей с ног на голову, благодаря чему становится веб-гигантом (например, *Dropbox*, *Blablacar*, *Snapchat* и т.д.) [13] – неологизм 2020 г.

«*A Agboglobloshie, une plate-forme collaborative pour promouvoir le "up-recycling"*» [17] – Перев. «На *Agboglobloshie* – совместной платформе для продвижения *"up-recycling"*: *"up-recycling"* – повторная переработка вторсырья экологически безопасным методом – неологизм французского языка 2020 г.

«*Chantre du matériel libre, David Li a été le premier à ouvrir un "makerspace". Un mouvement qui a depuis essaimé en Chine*» [17] – Перев. «Воспеватель свободного материала Дэвид Ли был первым, кто открыл *"makerspace"*. Движение, которое с тех пор распространилось по Китаю»: *"makerspace"* – социальный воркшоп, т.е. виртуальная платформа, позволяющая программистам создавать небольшие индивидуальные авторские или групповые проекты – неологизм 2016 г.

2. «*Critiqués et remplaçables*» [7] – «Критикуемые и заменимые» – вместо данных заимствований авторы толковых словарей рекомендуют использовать французские эквиваленты, например, англицизм *"parking"* («паркинг», «парковка») *Le Comité d'étude des termes techniques français* предлагает заменять словом *"parc"* («стоянка»); *"camping"* (*le lieu* – «место») («кемпинг») – словосочетанием *"camp site"* («палаточный городок») и т.д.

«*La "cancel culture" fabrique-t-elle une génération d'ignorants?*» [6] – Перев. «Создает ли феномен «упразднения культуры» поколение невежественных людей?»: *"cancel culture"* (f) – понятие, означающее пренебрежение или массовое давление («остракизацию») на популярную личность его аудиторией или обществом за несоблюдение социальных норм – неологизм 2019 г.

«*Les "fab labs" incarnent la volonté de faire société et de faire la ville autrement*» [12] – Перев. «*"Fab labs"* воплощают в себе стремление к созданию иных общества и городской жизни»: *"fab lab" (m)* – это сложносокращённое существительное, пришедшее из английского языка, произошедшее от дефиниции *"fabrication laboratory"* (в толковых

словарях рекомендовано заменять на французский эквивалент "*laboratoire de fabrication*") [8].

«*LA LETTRE DE BRUXELLES. Nouvelle humiliation pour les LR qui se font éliminer du bureau du PPE, le grand parti des démocrates-chrétiens en Europe*» [1] – Перев. «ПИСЬМО ИЗ БРЮССЕЛЯ. Новое унижение для LR ((Политика) Les Républicains (французская политическая партия), которых исключают из бюро СИЗ, крупнейшей партии Христианских демократов в Европе): "*PPE*" – аббревиатура от англ. словосочетания "*personal protective equipment*", которое в переводе обозначает «средства индивидуальной защиты» – неологизм 2020 г. В толковом словаре французского языка предлагается эквивалент "*EPI*" – "*Équipement de protection individuelle*" [15].

3. «"*Djeuns*" et **hype**» [7] – «'Молодняковые' и *стильные*» слова», вошедшие в обиходную речь, став модными и популярными благодаря молодёжному сленгу.

«*A Dallas, une banque "anti-woke" se pose en alternative à Wall Street*» [9] – Перев. «В Далласе в качестве альтернативы Уолл-Стрит создается банк "анти-вокизма": с английского "*woke*", сокращение от слова "*woken*" («пробуждённый»), "*woke up*" («просыпаться») или "*woken up*" ("*réveillé*" – «проснувшийся»), произошедшие от афроамериканского аргю [0]. "*Woke*" (*m, f*) во франц. яз. – уничижительное политическое существительное, используемое для стигматизации и клеймения радикального взгляда вокиста на социальную справедливость и защиту меньшинств, интерпретиру-

ющее его деятельность как противоположную республиканскому универсализму и лишённую рациональности.

«*Will Smith montre fièrement son "dad bod"*» [18] Le Figaro, le 5 mai 2021. – Перев.: «Уилл Смит с гордостью демонстрирует свое "папино тело": "*dad bod*" (*sub.; m*) – во франц. яз. существительное, произошедшее от англ. словосочетания [*dad bod*], которое дословно переводится как «тело папы» – неологизм 2015 г. Данное понятие во французском толковом словаре эквивалентно прилагательными "*grassouillet*" («пухлый») или "*bedonnant*" («пузатый»).

4. Франгле – французско-английские макаронизмы: например, "*kebabiste*" (или "*kebabier*", "*kébabier*", "*kébabiste*") – «шашлычник», т.е. владелец шашлычной или "*hamburgeurs*" («гамбургёр») – человек, который готовит гамбургеры.

Согласно контекстологическому анализу вышепредставленных текстов, во французской прессе авторитетных изданий наиболее популярны англо-американские неологизмы первого и второго видов: (1) «Фактически незаменимые слова» и (2) «Критикуемая и заменяемая» неологическая лексика. Реже можно встретить молодёжный сленг, а франгле вовсе отсутствует.

Исходя из вышеприведённых результатов контент-анализа таких изданий, как '*Le Figaro*', '*Le Monde*', '*Libération*', '*Les Échos*', '*Nice-Matin*', '*Le Point*', '*Le Parisien*', опубликованных за 2020-2022 гг., наиболее популярны англо-американские заимствования среди журналистов следующих газет:

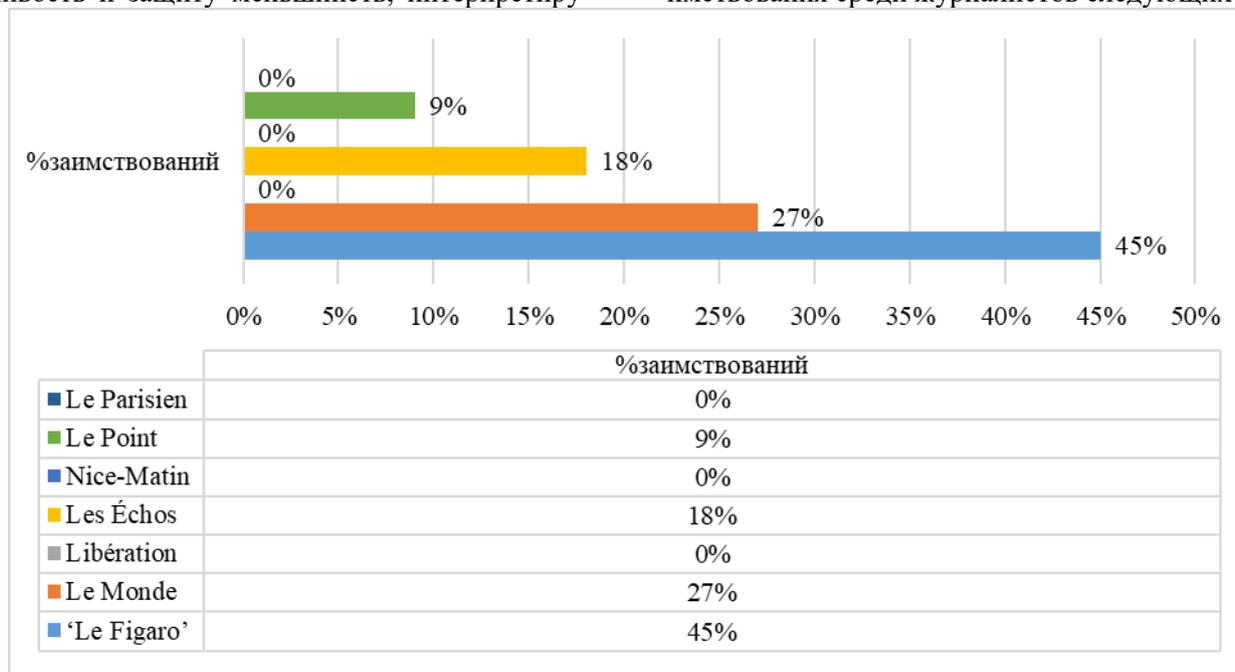

Рис. 1. Частотность использования англо-американских заимствований во французских СМИ

Исходя из гистограммы на рис. 1, наиболее популярно использование неологизмов в таких газетах, как *'Le Figaro'*, *'Le Monde'* и *'Les Échos'*, в то время как в изданиях *'Libération'*, *'Nice-Matin'* и *'Le Parisien'* в заголовках и слоганах они найдены не были. Согласно этнопсихолингвистическим тенденциям, склонность к представленным заимствованиям указанных ресурсов свидетельствует об ориентированности журналистов и редакции *'Le Figaro'*, *'Le Monde'* и *'Les Échos'* на описание инновационных коллизий, происходящих в мире.

Выводы

Англо-американские заимствования – один из самых популярных источников неологизмов во французском языке, которые интегрируются в титульный язык франкоговорящего этноса посредством авторитетных СМИ. С целью привлечения внимания читательской аудитории журналисты обращаются к неологической лексике преимущественно в заголовках и слоганах.

Литература

1. Воробьева С.В. Новейшие англицизмы во французском языке: реальна ли угроза? // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета / Отв. ред. С.В. Воробьева. 2019. Изд-во: Белорусский государственный университет (Минск).
2. Кудряшова И.А., Седова Т.В. Заимствования в лексике современного испанского языка как результат «Спроса и предложения» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 96 – 99.
3. Масляков В.С. «Спанглиш» как явление языковой межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2011. № 1 (13). С. 51 – 61.
4. Савина Т.Т., Насыров К.В. Англоязычные заимствования в современных текстах российских СМИ // Гуманитарные науки и исследования. 2016. № 7 (59). С. 54 – 60.
5. Berretta E. Au Parti populaire européen, chronique d'une défaite française annoncée. Le Point, le 02 juin 2022. URL: https://www.lepoint.fr/politique/emmanuel-berretta/au-parti-populaire-europeen-chronique-d-une-defaite-francaise-annoncee-02-06-2022-2478049_1897.php#xtmc=ppe&xtnp=1&xtcr=1. Date: 22.10.2022
6. Boilait E. La «cancel culture» fabrique-t-elle une génération d'ignorants? Le Figaro, le 31 août 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/culture/la-cancel-culture-fabrique-t-elle-une-generation-d-ignorants-20220831>. Date: 22.10.2022
7. Cziffra M. (2013) Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler anglais. Slate.fr. Article de 18 mars 2013. URL: <https://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-anglicismes-franglais>. Date: 20.10.2022
8. Fab lab. Wiktionary. URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/fab_lab. Date: 22.10.2022
9. Godeluck S. A Dallas, une banque "anti-woke" se pose en alternative à Wall Street. Les Echos, le 14 octobre 2022. URL: <https://www.lesechos.fr/finance-marches/banque-assurances/a-dallas-une-banque-anti-woke-se-pose-en-alternative-a-wall-street-1869666>. Date: 22.10.2022
10. Landré M. Nomad Éducation veut profiter de l'essor de l'EdTech. Le Figaro, le 05 juillet 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/nomad-education-veut-profiter-de-l-essor-de-l-edtech-20220705>. Date: 22.10.2022
11. Léocadie M. Les deepfakes de plus en plus utilisées dans les cyberattaques. Les Echos, le 14 août 2022. URL: <https://www.lesechos.fr/tech-medias/intelligence-artificielle/les-deepfakes-de-plus-en-plus-utilisees-dans-les-cyberattaques-1781865>. Date: 22.10.2022
12. Les "fab labs" incarnent la volonté de faire société et de faire la ville autrement». Le Monde, le 18 octobre 2019. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/10/18/les-fab-labs-incarnent-la-volonte-de-faire-societe-et-de-faire-la-ville-autrement_6016031_3232.html. Date: 22.10.2022
13. Licoornes, les coopératives du monde d'après. EnerBlog, le 15 juin 2020. URL: <https://www.enercoop.fr/blog/actualites/nationale/licoornes-les-cooperatives-du-monde-dapres>. Date: 22.10.2022.
14. Malet C. Les «licoornes», nouvelles alternatives aux Gafa. Le Figaro, le 28 mai 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/entrepreneur/les-licoornes-nouvelles-alternatives-aux-gafa-20210528>. Date: 22.10.2022
15. PPE. Wiktionary. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/PPE>. Date: 22.10.2022
16. Soubrier J. Néologismes et termes d'emprunt dans le français des affaires. P. 403 – 504. URL: https://bibliotheque.auf.org/doc_num.php?explnum_id=803. Date: 20.10.2022

17. Tual M. Chantre du matériel libre, David Li a été le premier à ouvrir un « makerspace ». Un mouvement qui a depuis essaimé en Chine. Le Monde, le 15 février 2016. URL: https://www.lemonde.fr/pixels/article/2016/02/15/david-li-pionnier-de-l-open-source-en-chine-les-autorites-nous-adorent_4865535_4408996.html. Date: 22.10.2022
18. Will Smith montre fièrement son "dad bod". Le Figaro, le 05 mai 2021. URL: <https://video.lefigaro.fr/madame/video/will-smith-montre-fierement-son-dad-belly/>. Date: 22.10.2022
19. Woke. Wiktionary. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/woke>. Date: 22.10.2022

References

1. Vorob'jova S.V. Novejshie anglicizmy vo francuzskom jazyke: real'na li ugroza? Jazykovaja lichnost' i jefektivnaja kommunikacija v sovremennom polikul'turnom mire: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 20-letiju osnovanija kafedry teorii i praktiki perevoda fakul'teta soci-okul'turnyh kommunikacij Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Otv. red. S.V. Vorob'eva. 2019. Izd-vo: Belorusskij gosudarstvennyj universitet (Minsk).
2. Kudrjashova I.A., Sedova T.V. Zaimstvovaniya v leksike sovremennogo ispanskogo jazyka kak rezul'tat «Sprosa i predlozhenija». Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11-2 (77). S. 96 – 99.
3. Masljakov V.S. «Spanglish» kak javlenie jazykovoj mezhkul'turnoj kommunikacii. Jazyk i kul'tura. 2011. № 1 (13). S. 51 – 61.
4. Savina T.T., Nasyrov K.V. Anglojazychnye zaimstvovaniya v sovremennyh tekstah rossijskih SMI. Gumanitarnye nauki i issledovaniya. 2016. № 7 (59). S. 54 – 60.
5. Berretta E. Au Parti populaire européen, chronique d'une défaite française annoncée. Le Point, le 02 juin 2022. URL: https://www.lepoint.fr/politique/emmanuel-berretta/au-parti-populaire-europeen-chronique-d-une-defaite-francaise-annoncee-02-06-2022-2478049_1897.php#xtmc=ppe&xtnp=1&xtr=1. Date: 22.10.2022
6. Boilait E. La «cancel culture» fabrique-t-elle une génération d'ignorants? Le Figaro, le 31 août 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/culture/la-cancel-culture-fabrique-t-elle-une-generation-d-ignorants-20220831>. Date: 22.10.2022
7. Cziffra M. (2013) *Français et anglicismes: quand le français se met à parler anglais*. Slate.fr. Article de 18 mars 2013. URL: <https://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-anglicismes-francais>. Date: 20.10.2022
8. Fab lab. Wiktionary. URL: https://fr.wiktionary.org/wiki/fab_lab. Date: 22.10.2022
9. Godeluck S. A Dallas, une banque "anti-woke" se pose en alternative à Wall Street. Les Echos, le 14 octobre 2022. URL: <https://www.lesechos.fr/finance-marches/banque-assurances/a-dallas-une-banque-anti-woke-se-pose-en-alternative-a-wall-street-1869666>. Date: 22.10.2022
10. Landré M. Nomad Éducation veut profiter de l'essor de l'EdTech. Le Figaro, le 05 juillet 2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/nomad-education-veut-profiter-de-l-essor-de-l-edtech-20220705>. Date: 22.10.2022
11. Léocadie M. Les deepfakes de plus en plus utilisées dans les cyberattaques. Les Echos, le 14 août 2022. URL: <https://www.lesechos.fr/tech-medias/intelligence-artificielle/les-deepfakes-de-plus-en-plus-utilisees-dans-les-cyberattaques-1781865>. Date: 22.10.2022
12. Les "fab labs" incarnent la volonté de faire société et de faire la ville autrement». Le Monde, le 18 octobre 2019. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/10/18/les-fab-labs-incarnent-la-volonte-de-faire-societe-et-de-faire-la-ville-autrement_6016031_3232.html. Date: 22.10.2022
13. Licoornes, les coopératives du monde d'après. EnerBlog, le 15 juin 2020. URL: <https://www.enercoop.fr/blog/actualites/nationale/licoornes-les-cooperatives-du-monde-dapres>. Date: 22.10.2022.
14. Malet S. Les «licoornes», nouvelles alternatives aux Gafa. Le Figaro, le 28 mai 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/entrepreneur/les-licoornes-nouvelles-alternatives-aux-gafa-20210528>. Date: 22.10.2022
15. PPE. Wiktionary. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/PPE>. Date: 22.10.2022
16. Soubrier J. Néologismes et termes d'emprunt dans le français des affaires. R. 403 – 504. URL: https://bibliotheque.auf.org/doc_num.php?explnum_id=803. Date: 20.10.2022
17. Tual M. Chantre du matériel libre, David Li a été le premier à ouvrir un « makerspace ». Un mouvement qui a depuis essaimé en Chine. Le Monde, le 15 février 2016. URL: https://www.lemonde.fr/pixels/article/2016/02/15/david-li-pionnier-de-l-open-source-en-chine-les-autorites-nous-adorent_4865535_4408996.html. Date: 22.10.2022
18. Will Smith montre fièrement son "dad bod". Le Figaro, le 05 mai 2021. URL: <https://video.lefigaro.fr/madame/video/will-smith-montre-fierement-son-dad-belly/>. Date: 22.10.2022
19. Woke. Wiktionary. URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/woke>. Date: 22.10.2022

*Matyushenko M.S., Lecturer,
All-Russian Academy of Foreign Trade
Ministry of Economic Development of the Russian Federation*

LOANWORDS FROM ENGLISH IN MODERN FRENCH MEDIA

Abstract: the modern press, as a rule, is the primary source of various neological vocabulary, which is actively integrated into the speech of the audience, including French. Globalization processes and the active interest of recipients in news content coming to the front pages of famous publications from all countries, especially leaders of world politics and other international conflicts, force journalists to compete with each other, who try to satisfy readers' curiosity and draw their attention directly to their materials by using neologisms in the headlines and slogans of mass media texts. A large layer of neolexics belongs to Anglicisms, which is determined by the active use of English, including as one of the most common intermediary languages between foreign speakers of almost all states. At the same time, assimilating into the speech of French-speaking peoples, new definitions give rise to such a phenomenon as Frangle. This article analyzes the most striking words and phrases used by the authors when writing and annotating journalistic texts presented in electronic and printed resources. The French central newspapers served as the material for the work: 'Le Figaro', 'Le Monde', 'Libération', 'Les Échos', 'Nice-Matin', 'Le Point', published in 2020-2022.

Keywords: loanword, Anglo-Americanisms, press, France, mass media, newspaper, neologisms

For citation: Matyushenko M.S. Loanwords from English in modern French media. Modern Scientist. 2023. 1. P. 8 – 13.

*Чжан Лумэн,
Санкт-Петербургский государственный университет*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ СТАНДАРТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ЖУРНАЛИСТОВ В КИТАЕ И США

Аннотация: кодексы журналистской этики были разработаны, чтобы направлять журналистов в их повседневной профессиональной деятельности. Основы профессиональной этики предоставляют журналистам базу для самоконтроля и самоисправления. Однако усилия профессиональных журналистских организаций по выработке общеприемлемых стандартов этических кодексов по-прежнему терпят неудачу, поскольку большинство этических кодексов уходят своими корнями в социокультурную, религиозную и политическую среду стран, из которых они были созданы.

В этой статье, взяв в качестве примеров «Стандарты профессиональной этики китайских журналистов» и «Руководящие принципы этики Американской ассоциации профессиональных журналистов», изучены кодексы этики журналистов Китая и США с точки зрения стандартов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: этика, идеология, профессиональная этика журналиста, КНР, США

Для цитирования: Чжан Лумэн Сравнительный анализ современных стандартов профессиональной этики журналистов в Китае и США // Современный ученый. 2023. № 1. С. 14 – 17.

Журналистская этика и ее стандарты являются темой, которая вызывает интерес не только у журналистов и преподавателей журналистики, но и у широкой общественности, особенно в эпоху цифровизации и широкого доступа к информации. Причина в том, что в разгар социальных преобразований существующая структура этики и ценностей может оказаться под угрозой, а журналисты столкнулись с необходимостью пересмотра значения или даже основных ориентиров, отраженных в основах профессиональной этики.

Понятие профессиональной этики журналиста и ее сущность остаются дискуссионным вопросом в научных кругах. По мнению Лазутиной Г.В. этика представляет собой совокупность кодексов и советов по прессе, т.е. осознанное отражение спонтанно сложившихся в социуме механизмов морали как регулятора общественного поведения, качественно другой слой общественного сознания [1].

Д.С. Авраамов характеризует профессиональную этику как: «науку, изучающую профессиональную специфику морали». Также он считает, что журналистика относится к профессиям с особыми моральными устоями, так как она связана с «вторжением в судьбу и духовный мир человека» [2, с. 3].

Однако, не все придерживаются точки зрения о значимости положения этики журналиста в современном обществе. Так, например, заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России А.К. Волин отметил, что «...никакой миссии у журналистики нет, журналистика – это бизнес. Задача журналиста – зарабатывать деньги для тех, кто его нанял» [3].

При этом важно учитывать, что профессиональная этика имеет несколько уровней. Например, у каждой ассоциации СМИ есть право устанавливать этические ценности своего издания. Например, в Японии журналисты добровольно и регулярно отбирают собственные новостные сообщения посредством практики самоцензуры – не по принуждению со стороны правительства, а по принуждению их собственных печатных организаций, освещающих деятельность правительства. Кроме того, одна из ведущих газет мира «Нью-Йорк таймс» продолжает печатать на своей первой полосе запатентованный в 1896 г. лозунг «Все новости, достойные печати», что отражает ценностный ориентир издания и запросы к качеству собственных публикаций. Несмотря на дебаты о том, насколько газете удалось следовать своему принципу, в конечном итоге это означает, что каждая организация СМИ имеет право устанавливать свои собственные этические стандарты, которыми должны руководствоваться журналисты и редакторы во время работы.

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональная этика журналистов представляется как разновидность этики и принципов профессионального поведения СМИ и их работников, который является своеобразным эталоном самодисциплины журналистов. При этом в разных странах и даже новостных изданиях, профессиональная новостная этика может значительно отличаться.

На международном уровне ожидается, что журналисты будут вести себя профессионально и этично, чтобы продемонстрировать максимальные стандарты журналистики в соответствии с ее общепризнанными принципами. Сообщество журналистов Китая имеет особые ориентиры в своей

профессиональной деятельности, так как в китайском обществе высоко ценятся нормы морали во многом базирующиеся на учениях конфуцианства. Соблюдение этих устоев включает в себя как соблюдение традиций, так и отдельные профессиональные принципы. Причиной для этого стало желание создать эффективное взаимодействие между различными заинтересованными сторонами в медиа индустрии.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году деятельность журналистов основывалась на принципах служения народу, и ключевых идеях Мао Цзедуна. В октябре 1984 г. на Третьем пленуме Центрального комитета КПК 12-го созыва обсуждались не только задачи по развитию экономики страны, но также указывалось на необходимость провести реформы национальной журналистики. Позднее, в 1991 году, официальная Всекитайская ассоциация журналистов обнародовала свои этические принципы «Кодекс профессиональных этических норм журналиста в Китае», который также подчёркивал значимость Марксистской идеологии и важность придерживаться идеологических идей главенствующей партии. Общим элементом этих китайских этических кодексов является отсутствие у них так называемых «зубов», так как не был разработан какой-либо механизм для обеспечения этих правил.

На настоящий момент наиболее свежей редакцией является «Кодекс профессиональной этики китайских журналистов» пересмотренный Всекитайской ассоциации журналистов 7 ноября 2019 г. Согласно последней редакции, СМИ необходимо руководить информационным потоком. Кроме того, были добавлены такие пункты, как «вооружать умы идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эру», «поддерживать чаяния народа».

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении уже длительного времени в Китае был закреплён особый стандарт, указывающий на то, что служение Коммунистической партии Китая является основной обязанностью китайских журналистов в соответствии с их особым этическим кодексом. Это значительно отличает нормы профессиональной этики китайских журналистов от остального мира.

В наиболее очевидный противовес можно поставить нормы профессиональной этики журналистов, принятых в США, которые на первый взгляд значительно отличаются в своих ценностных ориентирах и концепции как таковой. Можно с уверенностью сказать, что о свободе прессы и об этике общения в США сказано больше слов, чем где-либо еще в мире. Как сказал однажды выдающийся

профессор журналистики одного из университетов США, это стало почти национальным хобби. Книги, журналы и статьи, посвященные тому или иному аспекту средств массовой коммуникации в США, наполнили бы большую библиотеку. Кодексы профессиональной этики также многочисленны. Как и в Австралии, где существует такое же множество журналистов, редакторов, владельцев газет, работников радио и телевидения, сценаристов, рекламщиков, киношников и многих другие из сферы медиа, различные специальности, даже находящиеся на самой периферии массовой коммуникации, – все они имеют собственные кодифицированные своды моральной этики. Однако остается спорным вопрос, сколько из них на практике представляют собой чего-то большее, чем просто бумага, на которой они написаны. Среди их множества кодексы Американского общества редакторов газет 1923 года (Canons of Journalism¹) и Ассоциации журналистов Sigma Delta Chi 1973 года являются наиболее престижными и уважаемыми в сообществе. Проводить сравнительный анализ будем на основе «Кодекса этики Общества профессиональных журналистов США».

Сравнивая «Китайский стандарт» и «Американский стандарт» в профессиональной журналистской деятельности, можно отметить в первую очередь различные устремления китайских и американских журналистов в отношении морали с точки зрения макроэкономики.

Во-первых, деятельность китайских журналистов направлена на партию и народ (статья 2) как потребителя контента, а условием для существования СМИ является требование к журналистам является деятельность, направленная на «распространение идей и основных ценностей социализма» (статья 1). В профессиональной этике журналистов США ключевым фактором контента является достоверность, а требование к журналистам – всеобъемлющее, справедливое и честное освещение событий.

Кроме того, в китайских стандартах для журналистов подчеркивается необходимость «служить народу всей душой», в то время как в американских кодексах профессиональной этики этот стандарт упоминается редко. Кроме того, в кодексе Китая ориентирами для работы журналиста являются: продвижение хорошего стиля работы, установление правильного взгляда на жизнь, мировоззрение, ценности и укрепление нравственного воспитания [4], настойчивость во внедрении реформ и инноваций, содействие обмену и сотрудничеству с международными новостными коллегами, которые также не упоминаются в Американских профессиональных нормах для журналистов. «сведение к минимуму вреда», подчеркнутое в

американском кодексе профессиональной этики, напротив, не отражено в китайском кодексе.

Другим ключевым различием является соотношение понятий «сообщение новостей» и «пропаганда». В Соединенных Штатах строго противопоставляют пропаганде и проводят однозначную границу между пропагандой и сообщением новостей, в то время как в Китае подчеркиваются направленность пропаганды в СМИ.

В этических нормах журналистов США установлено множество конкретных пунктов для соблюдения справедливости и объективности, таких как: проверять культурные ценности объекта сообщения, не допускать участия в каких-либо группах, деятельность которых может нанести ущерб личной неприкосновенности или авторитету и т. д. Основными критериями для новостей в Китае является честность и объективность, большинство требований относятся к макроуровню, также в кодексе очень мало конкретных указаний по практике и работе с новостями.

В аспекте социальной ответственности, в профессиональных нормах журналистов Китая и США, подчеркиваются значимость надзора. Однако, то время как в западных странах, в том числе США, выделяется общественный надзор за средствами массовой информации, то есть приглашение общественности контролировать деятельность СМИ и реагировать на неэтичное новостное вещание или ненадлежащие новости. В Китае выделяется внутренний надзор, который подчеркивает влияние СМИ на общественное мнение и упоминается особая роль и ответственность возложенная в связи с этим.

Кроме того, указывается, что новости в Китае, как социальное мероприятие, не должны смешиваться с коммерческими факторами, такими как реклама, и должны решительно противостоять всем видам платных новостей [5] и вредоносному контенту. В то время как западная пресса во многом носит коммерческий характер.

Однако, существуют и схожие черты, например, требование к достоверности новостей.

Одним из ключевых стандартов этики СМИ в Китае, закрепленных в последней редакции кодекса, является точность предоставляемых сообщений, этот принцип закреплен в статье 7. То есть подразумевается, что СМИ контролируют тип ин-

формации, которую они публикуют. Например, средства массовой информации, информирующие о новостях, транслируемых по радио и телевидению в Китае, сталкиваются со строгими нормами, касающимися типа транслируемой информации[6]. Если журналиста уличают в заговоре с целью распространения ложной информации, против него будет возбуждено расследование.

В Америке существует стандартизированный критерий для журналистов: «Журналисты должны быть честными, справедливыми и смелыми при сборе, сообщении и интерпретации информации». То есть требования к американским журналистам заключаются в том, чтобы углубляться в самые глубины темы, сближаться с массами, заниматься расследованиями и исследованиями, а также пытаться стать своего рода бесстрашными следователями в поисках истины.

В аспекте справедливости и объективности, кодексы обеих стран подчеркивают правду. Китайский стандарт требует от журналистов, чтобы сообщение новостей не преувеличивало, уменьшало или искажало факты, также запрещено манипулировать интервьюируемыми и додумывать. Кроме того, также установлены строго регламентированные нормы сообщения о чрезвычайных ситуациях, то есть критерий соблюдения своевременности и точности, открытости и прозрачности с целью содействия эффективному урегулированию инцидентов, поддержанию социальной стабильности и общественного благосостояния. Американский кодекс направлен на избегание стереотипов и предрассудков, включая дискриминацию по расе, гендеру, возрасту, религиозным убеждениям, сексуальной ориентации, внешнему виду и социальному статусу, тем самым подчеркивается необходимость со стороны репортера не навязывать собственные ценности другим.

Таким образом, в рамках данного исследования были изучены кодексы этики СМИ Китая и США. Результаты исследования показывают, что этика, доминирующая в СМИ каждой из этих стран, исходит из существующих в данном обществе ценностей, норм и кодекса поведения. Соответственно, можно сделать вывод о том, что существует прямая связь между этическим кодексом СМИ и ценностями и нормами в конкретном обществе или культуре.

Литература

1. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект Пресс, 2011. 224 с.
2. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 224 с.
3. Выступление Волина в МГУ [Электронный ресурс]. URL: http://bg.ru/education/otvet_mgu_volinu-17070/ (дата обращения 20.02.2013)
4. Чжао Ю. Русская пресса в Китае (1898-1956). Москва: Шанс, 2017. 399 с.

5. Су Юйфан. Интернет-журналистика КНР в контексте глобализации медиасреды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во РУДН, 2013. 22 с.

6. Клифорд Г., Факлер М. и др. Этика СМИ: дела и моральные рассуждения, 7-е изд. Бостон: Из-во Allyn & Bacon. 336 с.

References

1. Lazutina G.V. Professional'naja jetika zhurnalista. M.: Aspekt Press, 2011. 224 s.
2. Avraamov D.S. Professional'naja jetika zhurnalista. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1999. 224 s.
3. Vystuplenie Volina v MGU [Jelektronnyj resurs]. URL: http://bg.ru/education/otvet_mgu_volinu-17070/ (data obrashhenija 20.02.2013)
4. Chzhao Ju. Russkaja pressa v Kitae (1898-1956). Moskva: Shans, 2017. 399 s.
5. Su Jujfan. Internet-zhurnalistika KNR v kontekste globalizacii mediasredy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: Izd-vo RUDN, 2013. 22 s.
6. Kliford G., Fakler M. i dr. Jetika SMI: dela i moral'nye rassuzhdenija, 7-e izd. Boston: Iz-vo Allyn & Bacon. 336 s.

*Zhang Lumeng,
Saint Petersburg State University*

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN STANDARDS OF PROFESSIONAL ETHICS OF JOURNALISTS IN CHINA AND THE USA

Abstract: codes of journalistic ethics have been developed to guide journalists in their daily professional activities. Standards of professional ethics provide a basis for journalists' self-control and further self-correction. However, the efforts of professional journalistic organizations to develop generally accepted standards of ethical codes continue to fail, since most ethical codes are based on the foundations of the socio-cultural, religious and political environment of the countries from which they were created.

In this article, using the Chinese Norms of Professional Ethics for Chinese Journalists and the The Society of Professional Journalists (SPJ) code of ethics as an example, the foundations of the ethics of journalists in China and the United States are studied from the point of view of professional standards.

Keywords: ethics, ideology, professional ethics of a journalist, China, the USA

For citation: Zhang Lumeng Comparative analysis of modern standards of professional ethics of journalists in China and the USA. Modern Scientist. 2023. 1. P. 14 – 17.

*Дреева Дж.М., доктор филологических наук, профессор,
Асланян Р.М., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова*

АЛЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: цель статьи, посвященной феномену ономастических аллюзий, заключается в выявлении аллюзивной сущности имен собственных в рамках художественного дискурса. Для достижения заявленной цели поставлены **задачи**, состоявшие в определении критериев аллюзивного статуса имени собственного; анализе отобранных методом сплошной выборки аллюзивных антропонимов с учетом источника референции; выявлении зависимости интертекстуального потенциала аллюзивного имени от степени прецедентности источника заимствования; установлении соотношения между типом источника референции, смысловым объемом ассоциативных связей и, как следствие, интертекстуальным весом аллюзивного онима. Как свидетельствуют **результаты** исследования, в художественном тексте преобладают литературные аллюзивные имена собственные, отсылающие к прецедентным литературным персонажам, что свидетельствует о наибольшем интертекстуальном весе данного типа аллюзивных отсылок. Установленное в ходе исследования соотношение между смысловым объемом ассоциативных связей аллюзивного онима и типом источника референции, позволяет сделать вывод о наличии в художественном тексте прямой пропорциональной зависимости интертекстуального потенциала аллюзивного имени собственного от степени прецедентности источника заимствования. Результаты исследования могут найти применение в чтении лекций и проведении практических занятий по стилистике и лингвопоэтике.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзия, аллюзивное имя, художественный дискурс, литературные аллюзии, морфологические аллюзии, библейские аллюзии, исторические аллюзии

Для цитирования: Дреева Дж.М., Асланян Р.М. Аллюзивный потенциал имен собственных в художественном дискурсе // Современный ученый. 2023. № 1. С. 18 – 23.

Аллюзия как одна из фигур интертекста в художественном дискурсе является важным элементом как для раскрытия авторской интенции через отношения с другими текстами, так и для трансляции культурной, исторической и литературной информации.

В настоящее время феномен аллюзии остается не до конца изученным, поскольку он оказался в центре пристального внимания лингвистов лишь к концу XX века в связи с началом антропологической переориентации общей парадигмы гуманитарных и собственно филологических исследований [4, с. 115]. Данное явление продолжает быть актуальной проблемой на сегодняшний день в связи с неоднозначностью понятия аллюзии, существованием множеств трактовок термина и различных подходов к классификации аллюзивных единиц, а также вследствие трудности в разграничении понятий аллюзии и подобных ей средств намека, например, цитаты.

Под аллюзией, относящейся к «фигурам диалогизма» (М.М. Бахтин), понимается «наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам» [12]. В контексте учения М.М. Бахтина о «чужом слове» аллюзия рассматривается как одна из форм манифестации интертекстуальных связей.

Явление интертекстуальности активно изучалось зарубежными и российскими учеными. Ю. Кристева, опираясь на теорию «диалогизма» М.М. Бахтина, утверждает, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [7, с. 430], то есть новый текст вмещает в себя множество предыдущих текстов.

Взаимосвязь нового текста с уже существующими текстами акцентирует в своих работах Р. Барт, считающий, что интертекстуальность, «представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек. Текст – это раскавыченная цитата. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2, с. 283].

Н.А. Кузьмина отождествляет понятия интертекстуальности и интертекст. Согласно ее концепции, интертекст – это «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно саморегенерироваться по стреле времени» [8, с. 105].

Таким образом, интертекстуальность подразумевает наличие в тексте межтекстовых связей и элементов, отсылающих к каким-либо уже известным в истории или литературе фактам, называемым

мых также прецедентными. Подобными элементами, способствующими созданию нового текста с новыми смыслами, выступают аллюзии, цитаты, реминисценции и центонные тексты. В рамках данной статьи внимание фокусируется на одном из таких элементов, а именно – на аллюзии как одном из способов манифестации интертекстуальности.

Аллюзия, как один из элементов интертекстуальности, выступает, по мнению И. Арнольд, в качестве «приема употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт» [1, с. 196]. Аллюзия опирается, таким образом, на внеязыковые предварительные знания говорящего и слушающего, автора и читателя, на их фоновые знания в области истории или литературы.

Анализируя функциональное назначение аллюзивной отсылки, И. Фоменко отмечает, что «функция аллюзии та же, что и у собственно цитаты: обогатить авторский текст смыслами текста-источника» [11, с. 18], а отличие состоит в том, что аллюзия лишь намекает на источник.

Т.В. Ведерникова полагает, что роль аллюзии заключается в выражении намерений автора, а также в создании внутритекстовых связей. По ее словам, аллюзии обладают большим количеством «признаков как основных, так и дополнительных, что обеспечивает глубину и разнообразие интерпретации текста или персонажа» [3, с. 35]. Распознавание аллюзии и наделение ее смыслом всегда тесно связаны с точкой зрения автора и читателя. В зависимости от их личных убеждений, аллюзивные отсылки воспринимаются и интерпретируются по-разному.

Основополагающее свойство аллюзии заключается, однако, в ее интертекстуальной сущности, а именно: в отсылке, прямой или косвенной, к предшествующим литературным текстам, к определенным историческим, культурным, биографическим и другим фактам.

Лингвисты указывают также на стилистический потенциал рассматриваемого феномена. Не останавливаясь подробно в рамках данной статьи на аллюзии как стилистической фигуре, приведем лишь мнение Н.Н. Романовой, полагающей, что аллюзия – это «стилистическая фигура, содержащая явное указание или отчетливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи» [10, с. 253].

Одной из разновидностей аллюзии, представляющей огромный интерес для исследования, является ономастическая аллюзия. Ономастическая аллюзия включает в себя антропонимы, имеющие

аллюзивную природу, то есть интертекстуально отмеченные имена собственные, представляющие собой социокультурные отсылки.

Цель данной статьи заключается в выявлении интертекстуальной природы ономастических аллюзий в художественном дискурсе. Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) установить критерии аллюзивного статуса имени собственного;

2) проанализировать отобранные методом сплошной выборки аллюзивные имена собственные с учетом источника их референции;

3) выявить зависимость интертекстуального потенциала аллюзивного имени от степени прецедентности источника заимствования;

4) определить соотношение между типом источника референции смысловым объемом ассоциативных связей и, как следствие, интертекстуальным весом аллюзивного имени собственного.

В качестве **материала** для исследования привлекается детективный роман английской писательницы Агаты Кристи «*Убийство Роджера Экройда*», вышедший в свет в 1926 году.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы**: синтез, обобщение, метод сплошной выборки, описательный метод, семантическая классификация эмпирических данных.

Литературный энциклопедический словарь определяет имя собственное как слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [9, с. 44].

Если имя собственное обладает интертекстуальной природой, то есть намекает на уже известный литературный образ или историческую личность, то можно говорить о феномене ономастической аллюзии.

Данный вид аллюзии обладает способностью «сообщать потенциальный максимум информации в минимальном объеме текста» [5, с. 1275]. Для эффективной реализации референтного потенциала ономастической аллюзии имя собственное в составе данной аллюзии должно быть непременно знакомо адресату и вызывать у него определенные ассоциации с объектом внеязыковой действительности. Только адресат, обладающий соответствующими фоновыми знаниями, сможет идентифицировать аллюзивное имя собственное и осознать в полной мере его семантический потенциал. В противном случае, намерение автора вызвать

некие ассоциации у читателя посредством отсылки останется нереализованным.

Таким образом, аллюзивное имя, как и другие разновидности аллюзии, представляет собой весьма выразительный художественный прием, позволяющий автору создать яркий, ассоциативный образ посредством отсылки к прецедентному имени или персонажу, придать этому образу дополнительные оттенки смысла.

Авторы художественных текстов часто прибегают к данному приему, опираясь на его широко ассоциативные ресурсы. Как свидетельствует анализ собранного эмпирического материала, подобные отсылки достаточно часто встречаются и в романе Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда».

Обнаруженные методом сплошной выборки примеры ономастических аллюзий были подвергнуты нами семантической классификации, в результате которой были получены 4 группы: мифологические, библейские, литературные и исторические аллюзивные имена. Рассмотрим подробнее каждую группу.

Примером мифологического аллюзивного имени собственного является отсылка к древнегреческому персонажу, присутствующая в имени одного из главных героев «Убийства Роджера Экройда», известного сыщика Эркюля Пуаро. Эркюль – французский вариант произношения имени античного героя *Геркулеса* (Геракла). Образ могучего Геркулеса, обладающего невероятной силой, однако, не соответствует внешнему облику Пуаро, человека маленького, плотного, с головой яйцевидной формы и пышным усам.

Данную аллюзию можно отнести к стилистическому приему ироничного сравнения, поскольку, сопоставляя сыщика с Геркулесом, т.е. формально утверждая сходство между ними, А. Кристи содерзательно опровергает его, она словно посмеивается над внешностью Пуаро. Тем не менее, могучая сила древнегреческого героя коррелирует с недюжими умственными способностями детекти-

ва, который, как и Геркулес, совершает свои подвиги, т.е. раскрывает преступления с помощью «маленьких серых клеточек» мозга.

Литературная ономастическая аллюзия содержится в имени Редьярда Киплинга, английского писателя, поэта и журналиста XIX-XX вв. Контекст, в котором находится аллюзивное имя, отсылает нас к рассказу писателя из «Книги джунглей» «Рикки-Тикки-Тави»:

«*The motto of the mongoose family, so Mr. Kipling tells us, is: «Go and find out»* [13].

В приведенном фрагменте речь идет о девизе семейства мангустов, в котором транслируется поразительное любопытство этих животных: «Труднее всего испугать мангуста, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангустов «Беги и узнай» [6]. Рассказчик в романе Доктор Шепард употребляет данную аллюзию в отношении своей любопытной сестры, Кэролайн.

В качестве библейского аллюзивного имени выступает отсылка к персонажу из Библии *Мафусаилу*:

«*How does it feel to be Methuselah?*» [13].

Мафусаил, согласно Ветхому Завету Библии, является одним из праотцов человечества, предком Ноя, прославившего своим долголетием. Его имя обычно упоминается для описания очень старого человека.

Примером исторической аллюзии может служить упоминание имени Карла I, короля Англии, Шотландии и Ирландии 1625 по 1649 гг.:

«*There were one or two pieces of old silver, a baby shoe belonging to King Charles the First, some Chinese jade figures, and quite a number of African implements and curios*» [13].

Анализ собранного эмпирического материала позволил определить процентное соотношение используемых в произведении ономастических аллюзий, представленное в виде приведенной ниже диаграммы:

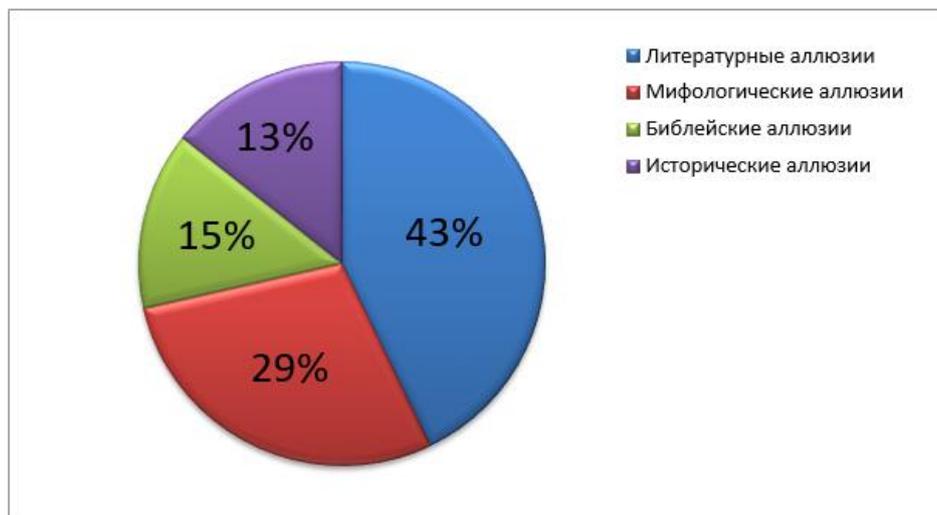

Рис. 1. Процентное соотношение используемых в произведении ономастических аллюзий

Как явствует из диаграммы, Агата Кристи в большей степени прибегает к литературным именам собственным (43%), в меньшей степени – к библейским (15%) и историческим (13%). Мифологические аллюзивные имена занимают промежуточное положение между литературными и библейскими именами (29%).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что, поскольку основное значение аллюзивной единицы – расширение семантического потенциала создаваемого текста, то, очевидно, именно литературные отсылки обладают наибольшим смысловым объемом ассоциативных связей и, следовательно, наибольшим интертекстуальным весом.

Обобщая вышеизложенные наблюдения, можно констатировать следующее.

Аллюзия является сложным, неоднозначным феноменом, требующим дальнейшего изучения. Аллюзивная отсылка, как один из способов выражения интертекстуальных связей в художественном тексте, способствует расширению семантического потенциала текста, обогащая его новыми смыслами и дополнительными ассоциациями.

Аллюзивное имя, т.е. имя собственное, обладающее аллюзивной природой, представляет собой яркий художественный прием. Отсылая к прецедентному объекту действительности, ономастическая аллюзия позволяет автору создать красочный, ассоциативный образ и придать ему новые оттенки значения.

Анализ результатов проведенного исследования свидетельствует о том, что из четырех выявленных семантических групп аллюзивных имен наибольшим интертекстуальным весом обладают литературные ономастические аллюзии, что свидетельствует о большей степени прецедентности литературных источников по сравнению с мифологическими, библейскими и историческими.

Данное наблюдение, касающееся соотношения между смысловым объемом ассоциативных связей аллюзивного имени и типом источника референции, позволяет сделать вывод о наличии прямой пропорциональной зависимости интертекстуального потенциала аллюзивного имени собственного от степени прецедентности источника заимствования.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта, 1981. 384с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Ведернікова Т.В. Аллюзії як різновидінтертекстуальності у художньому творі // Аргументи сучасної філології: «нестача» і «бажання» у тексті: матер. Міжнарод. наук. конф., Харків, 2-3 квіт. 2021 р. Харків: ХНПУ, 2021. С. 33 – 38.
4. Дреева Дж.М. Ономастическая цитата как одна из форм выражения интертекстуальных отношений в поэтическом дискурсе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2 (36). С. 114 – 118.
5. Дреева Дж.М., Кастуева И.К. Аллюзия как средство манифестации интертекстуальных связей в поэтическом дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1275.

6. Киплинг Р. Рикки-Тикки-Тави. URL: [<https://deti-online.com/skazki/skazki-kiplinga/rikki-tikki-tavi/?reader=1>] (дата обращения: 01.11.2022).
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму (пер. Г.К. Косикова). М.: Прогресс, 2000. С. 427 – 457.
8. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 268 с.
9. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
10. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили. М.: Флинта, 2009. 416 с.
11. Фоменко И.В. Аллюзия // Поэтика: словарь актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной Intrada, 2008. 358 с.
12. Энциклопедия «Кругосвет». URL: [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ALLYUZIYA.html] (дата обращения: 10.11.2022)
13. Christie A. The Murder of Roger Ackroyd. URL: [<https://www.gutenberg.org/files/69087/69087-h/69087-h.htm>] (дата обращения: 01.11.2022)

References

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Flinta, 1981. 384с.
2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika: per. s fr. Sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 s.
3. Vedernikova T.V. Aljuzii jak riznovidintertekstual'nosti u hudozhn'omu tvori. Argumenti suchasnoï filologii: «nestacha» i «bazhannja» u teksti: mater. Mizhnarod. nauk. konf., Harkiv, 2-3 kvit. 2021 r. Harkiv: HNPU, 2021. S. 33 – 38.
4. Dreeva Dzh.M. Onomasticheskaia citata kak odna iz form vyrazhenija intertekstual'nyh otnoshenij v pojeticheskom diskurse. Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 2 (36). S. 114 – 118.
5. Dreeva Dzh.M., Kastueva I.K. Alljuzija kak sredstvo manifestacii intertekstual'nyh svjazej v pojeticheskom diskurse. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 1-1. S. 1275.
6. Kipling R. Rikki-Tikki-Tavi. URL: [<https://deti-online.com/skazki/skazki-kiplinga/rikki-tikki-tavi/?reader=1>] (data obrashhenija: 01.11.2022).
7. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog, roman. Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu (per. G.K. Kosikova). M.: Progress, 2000. S. 427 – 457.
8. Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka. Ekaterinburg; Omsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 268 s.
9. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jenciklopedija, 1987. 752 s.
10. Romanova N.N., Filippov A.V. Stilistika i stili. M.: Flinta, 2009. 416 с.
11. Fomenko I.V. Alljuzija. Pojetika: slovar' aktual. terminov i ponjatij. gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoj Intrada, 2008. 358 s.
12. Jenciklopedija «Krugosvet». URL: [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ALLYUZIYA.html] (data obrashhenija: 10.11.2022)
13. Christie A. The Murder of Roger Ackroyd. URL: [<https://www.gutenberg.org/files/69087/69087-h/69087-h.htm>] (data obrashhenija: 01.11.2022)

*Dreeva Dzh.M., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Aslanyan R.M., Postgraduate,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*

ALLUSIVE POTENTIAL OF PROPER NAMES IN LITERARY DISCOURSE

Abstract: the purpose of the article devoted to the phenomenon of onomastic allusions is to identify the allusive nature of proper names within the framework of literary discourse. To achieve the stated goal, the following tasks were set: to determine the criteria for the allusive status of a proper name; to analyse the allusive anthroponyms selected by the continuous sampling method, taking into account the source of reference; to identify the dependence of the intertextual potential of an allusive name on the degree of precedent of the source of borrowing; to establish the relationship between the type of reference source, the semantic volume of associative connections and, as a consequence, the intertextual weight of the allusive onym. According to the results of the study, literary allusive proper names predominate in the literary text, referring to precedent literary characters, which indicates the greatest intertextual weight of this type of allusive references. The correlation established in the course of the study between the semantic volume of associative connections of an allusive onym and the type of reference source allows us to conclude that in the literary text there is a direct proportional dependence of the intertextual potential of an allusive proper name on the degree of precedent of the source of borrowing. The results of the research can be used in lectures and practical classes on stylistics and linguopoetics.

Keywords: intertextuality, allusion, allusive name, literary discourse, literary allusion, mythological allusion, biblical allusion, historical allusion

For citation: Dreeva Dzh.M., Aslanyan R.M. Allusive potential of proper names in literary discourse. Modern Scientist. 2023. 1. P. 18 – 23.

Самарин Д.А., кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский технический университет

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТТО ЕСПЕРСЕНА

Аннотация: в статье рассматриваются взгляды датского лингвиста и специалиста по английской грамматике О. Есперсена на разграничение между грамматикой и словарём (лексикой) языка. Если грамматика представляет собой систему определённых правил организации (оформления) языка, то, напротив, словарь – это его непосредственный строительный (иначе, языковой) материал. Особое значение в этом соотношении учёный придавал функционированию языка как органичной и цельной системы, которая невозможна без взаимодействия двух участвующих в коммуникации лиц – говорящего и слушающего. С учётом данных позиций построена концепция ономаσιологической грамматики О. Есперсена, равно как и система его понятийных категорий. Особое место в концепции датского учёного занимает учение о классификации и градации частей речи, наделяемых разными, иногда взаимопересекающимися признаками. Наиболее подробно рассмотрены аспекты, связанные с употреблением имён существительных и образованием их множественного числа; имён числительных (количественных и порядковых), глаголов (с учётом их полисемантического характера), а также предлогов во всём их многообразии. Внимание, уделявшееся О. Есперсеном внешней и внутренней форме слов, также составляет оригинальный аспект его ономаσιологической концепции грамматики. С этим моментом связано и неприятие учёным алфавитного расположения лексических единиц в традиционных словарях. Не менее интересные и глубокие идеи, высказанные датским исследователем по поводу иных разделов науки о языке, например, лексикологии и семантики, представляют несомненный интерес для будущих исследований в различных сферах, связанных с проблемами грамматики, теории языка и перевода.

Ключевые слова: грамматика, словарь, лексикология, слово, язык, внешняя форма, английский язык, семантика

Для цитирования: Самарин Д.А. О разграничении грамматики и словаря в лингвистической концепции Отто Есперсена // Современный ученый. 2023. № 1. С. 24 – 29.

Сущность языка заключается в передаче и восприятии мыслей между людьми. Это взаимодействие между индивидуумами, собственно, и представляет собой процесс общения. Речь при этом, прежде всего, идёт именно о живом общении, хотя в отношении письма и чтения будут действовать схожие принципы. Датский ученый-лингвист Отто Есперсен (1860-1943) придавал особое значение не только активности двух участников этого процесса – говорящего и слушающего, но и оформлению их речи по правилам грамматической системы. Можно задаться вопросом, в чём именно этот исследователь усматривал принципиальное различие между грамматикой и лексикой (т.е. словарём)? На этот вопрос можно дать следующий ответ: обе эти части языка (или языковой системы) О. Есперсен разграничивал на том принципиальном основании, что первая из этих систем, грамматика, имеет дело с наиболее общими фактами языка (правилами), в то время как вторая, лексика (или лексикология) – лишь с единичными явлениями (собственно, самими словами). В этом факте как раз и заключается наиболее фундаментальное и не вызывающее ни у кого возражений противоречие между ними.

Для демонстрации непосредственного различия между двумя вышеназванными системами О.

Есперсен брал определённые слова и раскрывал их внутренний характер. Так, например, он показал антагонизм лексики и грамматики на примере отдельно взятого им английского имени существительного «cat»: «То, что cat „кошка“ обозначает определённое животное, это единичный факт, который относится только к данному слову; но образование множественного числа путём добавления звука -s – это общий факт, поскольку он относится также ко многим другим словам: rats „крысы“, hats „шляпы“, works „работы“, books „книги“... и т.д.» [6, р. 32]. В данном примере, как это легко будет видно любому невооружённому глазом, сошлись воедино как факт номинации, конкретное понятие, обладающее своими особыми признаками и свойствами, так и его грамматический показатель, характерный для огромной массы имён существительных. Причём указанный здесь случай относится к стандартному (и самому распространённому) способу образования множественного числа в английском языке. С другой стороны, лишь одним этим условием различие между грамматикой и словарём (лексикой), ограничиваться, конечно же, не может. Ведь в таком случае не учитываются исключения. И по этой причине образование множественного числа ряда имён существительных,

таких как fish – fish (рыба – рыбы) и ox – oxen (вол – волы) (эта вторая – ещё древнегерманская форма, сохранившаяся и в современном немецком языке (Ochs(en)) вообще не имеет права находиться в грамматике английского языка; по всей вероятности, таким формам самое место именно в словаре. Но, с другой стороны, эти неправильные формы, действительно, там и должны указываться, составляя материал соответствующих словарных статей. Но, тем не менее, даже несмотря на это обстоятельство, как это ни странно, образование множественного числа от стандартных, нормативных слов (с окончанием -(e)s во мн. ч.) вроде взятого О. Есперсеном имени существительного «cat» не находит себе в них места. В подобной же ситуации оказываются, например, неправильные и правильные глаголы. Формы первых достаточно индивидуальны, вторые прибавляют к своей основе окончание -ed. Как заметил С.О. Шералиев, в языке и лексика, и грамматика «как термины обеспечивают или регулируют нормы литературного языка» [4, с. 128]. Это утверждение представляется особенно метким и справедливым в отношении лингвистических концепций, рассматривающих функционирование обеих рассматриваемых здесь сфер – лексики и грамматики – в разговорном (обыденном) и литературном (нормативном) языке.

О. Есперсен, тем не менее, считал неправомерным исключать неправильные образования из системы грамматики, поскольку в их пределах, в принципе, и действуют известные „общие факты“ или правила: «Если в грамматике ничего не сказать об oxen, учащийся может подумать, что множественное число от ox будет oxes» [2, с. 31]. То есть, без указания этого момента грамматика будет читающих её вводить в заблуждение. Не обращать внимание на такие выбивающиеся из общего ряда формы абсолютно нельзя, поскольку их игнорирование повлечёт за собой массу ошибок. Соответственно этому принципу, грамматика и словарь в их определённых границах и отношениях фактически перекрывают (иначе, охватывают) определённые сферы действия друг друга. И это не должно вызывать ни у кого удивления, поскольку, действительно, они обе имеют дело с идентичными (одними и теми же) данными. В данном случае справедливо замечание Е.Н. Абрамовой насчёт языка как живого и постоянно эволюционирующего организма, в случае с которым «приходится признать тот факт, что языковые нормы будут меняться, какие бы предписания и словари не имелись в нашем распоряжении» [1, с. 20]. Живой язык постепенно изменяет грамматические нормы, в нём регулярно, и порой довольно хаотично, появляются новые слова (особенный их

наплыв пришёл на XX столетие и первые десятилетия XXI века). Но эти изменения становятся особо заметны, в первую очередь, в живой, разговорной речи, в её диалектах, которые порой значительно варьируются между собой (что показывает опыт и Великобритании и США, и ряда европейских стран). В случае со словарями положение дел совершенно другое – фиксация таких инноваций (отклонений) в них в связи с необходимостью их упорядочения всё равно происходит гораздо позднее.

Не менее интересным по сравнению с уже рассмотренными ранее категориями представляется положение других частей речи. Особо в этом отношении выделяется имя числительное. По мнению О. Есперсена, приведённому в его «Философии грамматики» (в ориг. «Philosophy of Grammar»), принятое в грамматических системах «простое перечисление имён числительных скорее неуместно» [2, с. 31]. Но, с другой стороны, он, без тени сомнения, свободно причислял к сфере грамматики, например, образование порядковых имён числительных с помощью стандартного окончания -th (наряду с исключениями из этого правила типа first, second и т.п.) и далее, в сфере количественных имён числительных, десятков – 20, 30, 40 и более крупных – с помощью добавления другого окончания – -ty. Очевидно, что рассуждения О. Есперсена в отношении грамматических (или понятийных) категорий, несмотря на несомненные достоинства и оригинальные черты его грамматической концепции (особенно ценной для ономаσιологического направления в грамматике XX столетия, в том числе и в России (напр., труды Л.В. Щербы и И.И. Мещанинова, а также других языковедов)), не во всём отличались должной последовательностью и точностью.

В отношении частей речи, в принципе, в лингвистике нет и не может быть полной однозначности. Эта неоднозначность, прежде всего, связана с различными подходами и принципами выделения частей речи разными учеными. Двойственная позиция в грамматике отмечается не только, например, у имён числительных, но и у предлогов. В словарях даются точные принципы различий в их значении и применении в предложениях (например, достаточно частотных предлогов at, for, in, как и многих других). Для них, действительно, характерны довольно различные функции; особенно резко это различие заявляет о себе при сравнении переводов с английского языка на русский и наоборот. Кроме этого, именно в словарях отмечаются и различные аспекты многозначных глаголов. Их полисемантический характер и без того хорошо известен. И таких глаголов в английском языке достаточно много, к ним принадлежат,

например, такие глаголы, как «get» и «keep». Но, с другой стороны, при их присутствии в словарях, предлоги, несомненно, сохраняют свои позиции и в системах грамматики из-за связи с „общими фактами“. Предлоги, как указывал в своём основном грамматическом труде датский исследователь, могут управлять зависимыми (придаточными) вопросительными предложениями: «They disagree as to how he works», У них нет согласия в вопросе о том, как он работает“ и «That depends on what answer she will give», „Это зависит от того, какой она даст ответ“» [2, с. 32]. Однако предлоги не могут, тем не менее, управлять придаточными предложениями, вводимыми упомянутым союзом that. Но такое явление, как можно увидеть в том же месте «Философии грамматики», напротив, реально в более флективном (по сравнению с английским языком) датском языке: «der ar ingen tvivl ot at han er drabt „нет сомнения, что он был убит“» [2, с. 32]. В этом случае в английском языке в качестве исключения можно разве что привести сочетание in that (напр., he differs in that...“).

В подобном плане общие факты другого плана в связи с предлогами относятся уже не одному, а к сочетанию двух разных предлогов. Например, в выражении «from behind the bush» „из-за куста“, представляющем собой неразрывное целое (формулу) иная сочетаемость входящих в него элементов – напр., to behind – просто невозможна как противоречащая грамматическим нормам. Такие же устойчивые конструкции образуют определённые взаимоотношения между предлогами, с одной стороны, и наречиями, с другой, в примерах вроде «climb up a tree» „влезть на дерево“ и «to be in „быть внутри [комнаты, помещения, любого другого пространства и т.п.]“». В грамматике также рассматриваются, таким образом, вопросы о возможности выражения посредством предлогов наличия (пробытия, расположения) в каком-либо определённом месте или движения (направления или приближения (куда-л.) или же, напротив, отхода, удаления (откуда-л.)) и о специфических взаимоотношениях между разными (напр., локальными и временными) значениями одних и тех же предлогов.

Грамматика, с другой стороны, не оставляет в стороне и случаи употребления предлогов, уже совершенно утративших своё прежнее локальное или временное значение. Эти анахроничные предлоги просто низводятся до положения пустых (бесцветных) или обычных вспомогательных, служебных слов. Этот факт О. Есперсен отчётливо продемонстрировал на примере предлога «of»: ««the father of the boy» „отец ребёнка“ (род. п. (иначе – притяжательный) в сочетании the boy's father), «all of them» „каждый из них“, «the City of

London» „лондонское Сити“» [6, р. 33]. Примерам такого рода в любом языке, в действительности, просто нет числа. Данный предлог с давних пор имеет обширное применение в английском языке. Подобный же парадокс представляет собой и частица «to» перед инфинитивом. Очевидно, что и её О. Есперсен был готов рассматривать как предлог – в случаях её употребления в качестве прямого эквивалента дательного падежа. Хотя категория падежа для английского языка носит скорее имплицитный (подразумеваемый) характер (фактически ведь в этом языке функционируют лишь общий, притяжательный и, с долей условности, объектный падежи). Но в рамках теоретической грамматики можно вполне выделять четыре падежа, как в немецком языке, или даже шесть, как в утратившем живой статус латинском языке. Современный английский язык, по-видимому, при этом допускает некоторую двусмысленность, которую, например, можно увидеть в фразах (при их сравнении) Jack gave a shilling to her (the girl) = Jack gave her (the girl) a shilling «Джек дал ей (девочке) шиллинг». Но такие способы выражения отлично трактуются при обращении к их глубинным структурам. Самоочевидно поэтому, что в ряде случаев принимаемое как должное разграничение между грамматикой и словарём на деле представляется не просто чем-то сомнительным, но даже в значительной мере и просто произвольным условием. Соответственно, эта проблема издавна имеет чисто диалектический характер.

В принципе, практически любой факт языка может подвергаться рассмотрению с двух сторон – или снаружи, или же изнутри. В этом отношении необходимо исходить или из его внешнего вида (формы), или же из его внутреннего значения (содержания). Формулировка этого положения говорит о противоположных сторонах одного явления. В первом случае речь идёт о семасиологическом процессе, идущем от звучания (слова или какой-либо другой части языкового выражения) к связанному с ним значению. Во втором случае – об обратном, ономасиологическом процессе – от значения (слова) к его формальному выражению (т.е. внешней форме). Соответственно, схематически это выглядит как две полярные формулы, обозначаемые начальными буквами, т.е. Ф>З и З>Ф. Другими словами, эти формулы связаны с позициями слушающего и говорящего как двух участников процесса коммуникации (речевого (со)общения). Ведь для существования какой-либо системы в ней непременно должны быть хотя бы два элемента.

Так, если исходить при этом из внешней формы, в словаре английского языка можно найти, например, такие имена существительные, как wa-

terfall и mountain и объяснить их значения средствами самого этого языка (с позиции толкового словаря) – виды природных объектов (в одноязычном словаре) или же постпредством их перевода – cascade и mont (фр.) (в двуязычном словаре). В принципе, с этой целью можно совершенно произвольно, полагаясь исключительно на собственное усмотрение (желание или чувство вкуса), взять совершенно разные слова, относящиеся к определённым сферам (видам дискурса). В словарях приводятся различные значения одних и тех же слов; с течением времени они могут настолько сильно и необратимо разойтись, что, в свою очередь, приводит к явлению полисемии (многозначности), например, в случае английского глагола go: (1) идти; (2) ехать; (3) двигаться; (4) начинать что-то делать; (5) путешествовать; 6) стартовать; 7) уезжать и т.д. Это один из самых многозначных и оттого распространённых глаголов в английском языке. Впрочем, та же самая ситуация будет и с глаголами с аналогичной семантикой движения во многих других языках (можно взять для примера только европейские): aller (фр.), gehen (нем.), ir (исп.) При подходе Ф>З слова с идентичным звучанием (омофоны и омонимы) логично помещаются вместе; например, английское слово round: как имя существительное: (1) круг; (2) цикл; (3) ракетный снаряд; как имя прилагательное: (4) шарообразный; (5) полный; (6) звонкий; (7) быстрый и пр. В отношении немецкого или испанского языка, как языков более флективных, чем тот же английский язык, такой конверсионный подход из-за наличия разных окончаний уже представляется более проблемным.

С внутренней же стороны, исходя из другой приведённой формулы (З>Ф), расположение материала в словаре будет абсолютно противоположным. В этом отношении О. Есперсен в своём философском курсе грамматики говорил о необходимости строгой систематизации и размещения в логическом порядке обозначаемых в языке предметов и отношений: «Это достаточно просто в отношении некоторых классов, например, числительных, место которых, как видели выше, не в грамматике, а в словаре: one, two, three...» [6, p. 33-34]. Но, как признавал сам автор, в отношении ряда близких понятий или синонимов, таких, например, как image „изображение“, picture „картина“ или photo „фотография“ и т.п. всё уже становится несколько сложнее, и это во многом связано с разнообразием как предметов, так и мыслей, выражаемых средствами языка. Этим же обстоятельством определяется и дилемма нахождения удовлетворительного логического расположения лексики (попытки её решения предпринимались, в частности,

в отношении французского языка П. Роже и Ш. Балли).

Итак, в соответствии с концепцией О. Есперсена, если при подходе Ф>З (от формы – к значению) рядом расположить омофоны, точно так же для гармонии рядом следует разместить ещё и синонимы, пусть и неоднозначные: «например слово way в значении „путь“ – рядом с road „дорога“, path „тропинка“, trail „след“, „тропинка“, passage „проход“, а в значении „способ“ – рядом с manner „способ“, method „метод“, mode „образ“» [2, с. 33]. Так можно попробовать воссоздать более-менее полную картину того словаря, о котором задумывался датский исследователь. В данном случае, разумеется, речь идёт об одноязычном словаре, исходящем из принципа З>Ф (идушим от значения к форме); в двуязычном словаре, наоборот, сначала приводится иноязычное слово, а уже затем – его эквивалент, т.е. соответствующее ему слово (или же несколько слов) из родного языка. У всех этих синонимов, к тому же, имеются и различные словообразовательные модели. И сам факт обращения к словообразовательному и лексико-грамматическому уровням языка представляет собой ни что иное, как прямое подтверждение того жизненного обстоятельства, что результаты процесса конативной (познавательной) деятельности людей находят своё отражение также в различных языковых сферах. Поэтому, в связи с общим системным характером языка, не приходится сомневаться и в гармоничном сосуществовании лексики (языкового материала) и грамматических норм.

Из-за проблемы систематического расположения единичных фактов большая часть словарей вынуждена, действительно, ограничиваться одним алфавитным расположением лексических единиц. Несмотря на его общепринятую практическую ценность, О. Есперсен считал такое расположение совершенно ненаучным, приводя в пример более идеальный и упорядоченный, по его мнению, санскритский алфавит. Но, как бы то ни было, идея расположения рядом слов, пусть даже и очень близких по их звучанию, например, таких, как английские bag „портфель (сумка и т.п.)“ и beg „просить, умолять“ и им подобных (напр., Weg „дорога, путь“ и weck „буди“ (от глагола wecken „будить“ – форма императива) в немецком языке), тоже едва ли была бы удачной. Она, скорее, привела бы к определённому смешению понятий. Ведь то, что хорошо для одного языка, может быть непригодным и даже неприемлемым для других. Впрочем, и сам О. Есперсен признавал нереальность создания удовлетворительной для всех системы в словарной части языка. Но в данном случае, как видимо, надо считаться ещё и с тем обстоятельством, что общепризнанная система словарей

всё же не только привычна для всех, но и удобна. Просто О. Есперсен в данном случае исходил чисто из своих ономаσιологических (близких к идеографическим) принципов.

В разграничении сфер ведения грамматики (общие) и словаря (единичные) факты О. Есперсен придерживался положения Г. Суита. В своём труде «Новая грамматика английского языка, логическая и историческая» (англ. «A New English Grammar: Logical and Historical», 1900) английский филолог и грамматист Генри Суит (1845-1912) аргументировал это разделение на том основании, что грамматика, подобно другим наукам, имеет дело лишь с подводимыми под общие законы фактами. Это значит, что она занимается их изложением в виде общих (системных) правил, и, соответственно, по этой причине, пренебрегает отдельными явлениями. Отсюда этот учёный делал представляющийся ему логичным вывод, что грамматика не разбирается со значениями первичных слов, таких как «дерево», «хорошо», «расти», просто относя их к массиву изолированных фактов, «называемых словарём или лексиконом, где они составляют то, что мы можем назвать лексической стороной языка» [7, р. 7]. Получается, что словарь у Г. Суита был фактически изолирован от грамматики. Тем не менее, О. Есперсен не был согласен с таким категоричным суждением и специально подчёркивал, что эти две сферы иногда с успехом пересекаются, отчего ряд фактов лучше рассматривать них обеих, т.е. «не только в грамматике, но и в словаре» [2, с. 34]. Но другой крупной и сложной проблемой при таком двухчастном (двустороннем) подходе оказывается сфера значений слов. Само её определение в лингвистической науке О. Есперсен считал ещё неустоявшимся. Одним из пионеров в этом научном направлении стал выдающийся французский лингвист и историк Мишель Бреаль (1832-1915). Именно он впервые в истории лингвистики и употребил слово „семантика“ (*sémanétique*) (от др.-греч. *σημαντικός* «обозначающий»). Этот новый и ставший столь популярным в XX и XXI вв. термин был введён М. Бреалем в оборот в его книге «Опыт семантики, науки о значениях» (фр. "Essai de sémanétique, science de significations", 1897), именно вторая часть которой, по его словам, «собственно и составляет семантику, или науку о значениях» [5, р. 109]. В поиске природы значения и его обозначении для придания ему научного статуса он не был одинок. В то же самое время другие исследователи пользовались терминами „семасиология“, „сематология“ (в их числе – А.Х. Сэйс, Дж. А. Г. Муррей) или „семология“ (А. Норейн) или даже „сигнифика“ (*significs*), могущие вызывать серьёзные возражения и даже откровенные сомнения или упрё-

ки в учёном мире. В отличие от термина «семантика», они просто не прижились.

Логично, что для обозначения этой сферы лингвистики О. Есперсен взял на вооружение термин М. Бреалья „семантика“ как более актуальный и соответствующий запросам времени (проще сказать, очевидно, посчитал его более удачным). Г.Ф. Свиридова, соглашаясь в этом суждении с датским учёным, подчёркивала: «Значительную роль в объяснении сути категоризации в сфере синтаксиса играют положения концептуальной семантики Отто Есперсена, в которой ставится вопрос не только о взаимодействии семантики и синтаксиса, но и о соотношении лексически и синтаксически представленных концептуальных структур» [3, с. 8]. С учётом доминирующего положения исторического направления в современной лингвистике (прежде всего, начала и первой половины XX в.) датский учёный констатировал знаковый рост числа работ, посвящённых именно динамической семантике. Но, по его личному убеждению, при всём этом обилии ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов и статическую семантику [2, с. 34-35]. Предмет семантики, как известно, представляет собой специальную классификацию и систематизацию значений слов (т.е. указывает их место в языковой системе), равно как и учитывает изменение этих значений. Из этого следует, что эта отрасль лингвистической науки имеет дело не с «общими», а лишь именно с «единичными» фактами языка. Однако автономное положение семантики как части грамматики вызывает другие вопросы. Несмотря на обозначенное выше важное отличие науки о значениях и её несомненную значимость, никто из видных учёных, занимающихся лингвистическими исследованиями, обычно не включает семантику в число грамматических разделов или дисциплин. В этом заметно проявление некоторого эклектизма, впрочем, характерного для ряда научных направлений. И сам О. Есперсен также эксплицитно не включил её в свою грамматическую систему.

Несмотря на определённые противоречия в представлениях О. Есперсена о грамматической системе и её взаимоотношениях с лексикой (лексикологией), его лингвистическая концепция и сейчас не теряет своей актуальности и научного потенциала. И это притом, что с момента издания основного лингвистического труда датского учёного, «Философии грамматики» (1924), минуло почти ровно сто лет. Это говорит, в частности, об аргументативном стиле изложения и научном подходе самого автора. С течением времени лингвистическая концепция О. Есперсена сохранила своё теоретическое и практическое значение; на протяжении этого долгого периода различные

идеи «Философии грамматики» апробировались и применялись в последующих научных теориях. Поэтому она представляет интерес для учёных-грамматистов и лексикологов (лексикографов) не

только на родине учёного, в Дании, или в Великобритании и в целом Европе, но и в России и других странах мира.

Литература

1. Абрамова Е.Н. Лексико-грамматические особенности современного английского языка // Евразийский Союз Учёных (ЕСУ) / Eurasian Union of Scientists. 2021. № 3 (84). С. 19 – 23.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
3. Свиридова Г.Ф. Исследование номинативных предложений в современных парадигмах лингвистического знания // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 6-7 (10-11). С. 7 – 14.
4. Шералиев С.О. Способы выражения и особенности метафор в языке поэзии // Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ / Вестник Педагогического университета. 2020. № 6 (89). С. 125 – 130.
5. Bréal M. Essai de sémantique (Science des significations). Paris: Librairie Hachette at Cie, 1897. 378 p.
6. Jespersen O. Philosophy of Grammar. L.: Unwin Brothers, 1992. 358 p.
7. Sweet H. A New English Grammar: Logical and Historical. Oxford: Clarendon press, 1900. xxiv, 499 p.

References

1. Abramova E.N. Leksiko-grammaticheskie osobennosti sovremennogo anglijskogo jazyka. Evrazijskij Sojuz Uchjonyh (ESU). Eurasian Union of Scientists. 2021. № 3 (84). S. 19 – 23.
2. Espersen O. Filosofija grammatiki. M.: Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1958. 404 s.
3. Sviridova G.F. Issledovanie nominativnyh predlozhenij v sovremennyh paradigmah lingvisticheskogo znani-ja. Sankt-Peterburgskij obrazovatel'nyj vestnik. 2017. № 6-7 (10-11). S. 7 – 14.
4. Sheraliev S.O. Sposoby vyrazhenija i osobennosti metafor v jazyke poezii. Pajomi donishgoxi omuzgori. Vestnik Pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6 (89). S. 125 – 130.
5. Bréal M. Essai de sémantique (Science des significations). Paris: Librairie Hachette at Cie, 1897. 378 p.
6. Jespersen O. Philosophy of Grammar. L.: Unwin Brothers, 1992. 358 p.
7. Sweet H. A New English Grammar: Logical and Historical. Oxford: Clarendon press, 1900. xxiv, 499 p.

*Samarin D.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University*

ON THE DISTRIBUTION OF GRAMMAR AND VOCABULARY IN THE LINGUISTIC CONCEPTION OF OTTO ESPERSEN

Abstract: in the article the views of the Danish linguist and English grammarian O. Jespersen on the distinction between grammar and vocabulary (lexicon) of the language are discussed. If grammar is a system of certain rules for the organization (formation) of a language, then, on the contrary, a dictionary is its direct building (in other words, language) material. In this ratio, the scientist attached particular importance to the functioning of the language as an organic and integral system, which is impossible without the interaction of two persons participating in communication - the speaker and the listener. Taking into account these positions, the concept of O. Jespersen's onomasiological grammar, as well as the system of his conceptual categories, is constructed. A special place in the concept of the Danish scientist is occupied by the doctrine of the classification and gradation of parts of speech, endowed with different, sometimes intersecting features. The aspects related to the use of nouns and the formation of their plural are considered in most detail; names of numerals (quantitative and ordinal), verbs (taking into account their polysemantic nature), as well as prepositions in all their diversity. The attention paid by O. Jespersen to the external and internal form of words also constitutes an original aspect of his onomasiological concept of grammar. This moment is connected with the rejection by scientists of the alphabetical arrangement of lexical units in traditional dictionaries. No less interesting and profound ideas expressed by the Danish researcher regarding other branches of the science of language, for example, lexicology and semantics, are of undoubted interest for future research in various fields related to the problems of grammar, language theory and translation.

Keywords: grammar, dictionary, lexicology, word, language, external form, the English language, semantics

For citation: Samarin D.A. On the distribution of grammar and vocabulary in the linguistic conception of Otto Espersen. Modern Scientist. 2023. 1. P. 24 – 29.

*Чиркин И.С., преподаватель,
Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны РФ*

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КОНЦЕПТА «НАТО»

Аннотация: цель исследования состоит в том, чтобы определить, как концепт «НАТО» оказывает влияние на языковую картину мира представителя словацкой военной субкультуры и как сложившиеся особенности находят свое выражение в языковых средствах военного подъязыка словацких военнослужащих.

Научная новизна заключается в том, что впервые проведено исследование одной из сторон языковой картины мира представителей военной субкультуры Словакии на материале военной прессы и выступлений высшего военно-политического руководства армии Словацкой Республики в общем смысловом поле взаимоотношений «НАТО-Словакия».

Рассмотрен концепт «НАТО» с точки зрения проявления определенной системы аксиологических координат военно-политического блока НАТО как референтной группы в языковых средствах военной субкультуры Словацкой Республики и их последующего влияния на языковую картину мира словацких военнослужащих. **Результатом** проведенного исследования стало определение конкретных ценностных доминант НАТО как референтной группы на основе официальных военно-политических документов и степень их выраженности в словацком военном подъязыке, причем была отмечена неоднородность и неодинаковая частотность актуализации указанных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: языковая картина мира, референтная группа, концепт, военная субкультура, аксиологические доминанты, военный подъязык

Для цитирования: Чиркин И.С. Языковая картина мира военнослужащих Словацкой республики под влиянием концепта «НАТО» // Современный ученый. 2023. № 1. С. 30 – 36.

Введение

Объект настоящего исследования образует языковая картина мира представителей военной субкультуры Словацкой республики, **предмет** – отражение в языковой картине мира словацких военнослужащих концепта «НАТО» с помощью языковых средств военного подъязыка.

Актуальность исследования обусловлена стремительно меняющимися условиями военно-политической обстановки, способствующими возникновению качественных новых изменений языковой картины мира словацких военнослужащих, отражением в их подъязыке новых культурных и этносоциолингвистических особенностей. Их анализ и описание представляет интерес как для практики военного перевода, так и для разработки новых рекомендаций в рамках межкультурного взаимодействия различных этносов.

Вопросами языковой картины мира, этно- и социолингвистики занимались как отечественные ученые – М.В. Пименова, Г.В. Колшанский, Ю.Д. Апресян, А. Вежицкая, так и зарубежные – Й.Л. Вайсгербер, Гумбольдт, Э. Сепир и Б. Уорф. Тему военного подъязыка и вопросы актуализации в нем аксиологических доминант посредством знаков языка и культуры как неотъемлемого элемента языковой картины мира в своих работах рассматривали Б.Л. Бойко и А.С. Романов. Работы этих ученых составили теоретическую основу исследования.

Тем не менее, вопросы концептуальных исследований языковой картины мира словацкого этноса практически не охвачены существующими исследованиями в рамках этносоциолингвистики.

Задачи исследования

1) дать общую характеристику понятия языковой картины мира и обосновать важность его изучения в современных условиях;

2) выделить основные аксиологические и культурные доминанты, транслируемые НАТО как референтной группой, на материале текстов официальных документов;

3) установить степень актуализации ключевых ценностных ориентиров НАТО в языковой картине мира словацкой военной субкультуры на материале военной прессы и выступлений высшего военно-политического руководства страны.

Материалом исследования послужили находящиеся в открытом доступе тексты военной прессы и выступления представителей высшего военно-политического руководства Словакии.

В работе использовались **методы:**

1) целевой выборки – для направленного отбора и анализа речевого материала выступлений представителей военно-политического руководства Словацкой республики и текстов военной прессы;

2) контент-анализа – в целях понимания выбора военнослужащими коммуникативных стратегий и речевых средств в данных речевых ситуациях;

3) статистического анализа – для установления частоты употребления в речи военнослужащих лексических единиц и конструкций, представляющих примеры языковой актуализации особенностей концепта «НАТО» в языковой картине мира.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при повышении качества письменного и устного перевода, совершенствовании подготовки военных переводчиков с учетом современных лингвострановедческих, этносоциолингвистических особенностей военной субкультуры Словакии, а также в ходе изучения дисциплин «Теория перевода», «Стилистика», «Практический курс военного перевода».

Основная часть

Современная военно-политическая обстановка последнего десятилетия характеризуется высокой степенью напряженности, развязыванием большого количества локальных военных конфликтов, целью которых является отстаивание собственных интересов крупными игроками многополярного мира, достижение превосходства одних стран над другими в различных сферах деятельности.

Такие процессы, как правило, вовлекают прямо или косвенно отнюдь не отдельные страны, а целые блоки государств, нарушая между ними отлаженные системы сотрудничества. Ухудшается межкультурное взаимодействие этносов, что, как следствие, приводит к взаимному экономическому спаду, нарушению культурного, социального и политического обмена.

Словацкая Республика, являясь с одной стороны ярким и молодым представителем западнославянского этноса, близка по культуре и духу Российской Федерации, разделяет с ней общее историческое прошлое Советского Союза и Варшавского договора, с другой стороны относится к государствам-членам военно-политического блока НАТО, представляющим потенциальную угрозу суверенным интересам России. Таким образом, Словакия образно находится между «молотом и наковальней» в вопросах взаимодействия НАТО и России, что, способствует значительному ухудшению внешнеполитических отношений с Российской Федерацией во всех областях.

В поисках эффективных стратегий, которые помогут преодолеть возникшие барьеры межкультурной коммуникации, нам следует обратиться к одному из фундаментальных понятий лингвистики, к «языковой картине мира». Важность выбора именно этого понятия достаточно очевидна – взаимодействие между людьми, обществами, государствами невозможно без языка, который не только реализуется в коммуникативной функции,

но и влияет на мировосприятие, т.е. картину мира каждого индивида прежде всего через язык.

Каждый этнос демонстрирует избирательность в воссоздании мира посредством языка [5, с. 21], что вызвано различными условиями жизни данного этноса на всех этапах развития, социально-политическими и историческими событиями. Таким образом, ЯКМ в простом понимании представляет собой «субъективный образ объективного мира», сформированный под влиянием языка [5, с. 21].

Н.Н. Гончарова отмечает, что языковая картина представляет собой «разновидность особым образом организованной концептуальной системы» и считает концепт единицей языковой картины мира [3, с. 398]. Понимание как основных, так и второстепенных концептов ведет непосредственно к пониманию особенностей языковой картины мира.

Ввиду того, что Словацкая Республика относится к государствам-членам НАТО, а политика строительства вооруженных сил прямо подчиняется стандартам НАТО, можно отнести данный военно-политический блок к основным и определяющим ЯКМ словацкой военной субкультуры концептам.

В ходе лингвистического анализа текстов военной прессы нами было установлено, что концепт «НАТО» открыто противопоставляется концепту «Россия». Наблюдается использование большого количества эмоционально и стилистически окрашенной лексики. Например, в отношении концепта «Россия» автор отмечает следующие: «*negatívny vplyv na bezpečnosť nielen Slovenska*» (негативное влияние России на безопасность не только Словакии), «*ruská ozbrojená agresia*» (российская вооруженная агрессия), «*vynútiť zmenu zahraničnopolitickej orientácie*» (принудить к смене международно-политической ориентации), «*prekresliť medzinárodne uznané hranice*» (переписать международно-признанные границы), «*zhoršovanie situácie*» (ухудшение ситуации) [9, р. 12].

В свою очередь, концепту «НАТО» приписываются следующие положительные характеристики: «*odsúdenie konania Ruska*» (осуждение действий России), «*potvrdenie silnej jednoty členov NATO*» (подтверждение сильного единства членов НАТО), «*dôležitosť silnej jobrannej aliancie*» (важность сильного оборонного союза) [7, р. 8].

Следует отметить, что число таких лексических единиц, которые формируют либо положительный образ НАТО, либо отрицательное отношение к России, значительно колеблется. Как правило, в статьях военной прессы либо доминирует положительный образ НАТО, либо негативный и отрицательный стереотип в отношении России, что может указывать на целенаправленную деятельность

по формированию четкого противопоставления образов двух концептов в системе аксиологических координат языковой картины мира военнослужащих, т.е. выполнению функции информационно-психологического воздействия, изначально задавая негативный тон, формируя и подкрепляя негативное стереотипное мышление в отношении России.

Положительный «Я-образ» концепта НАТО может соотноситься с понятием *референтной группы*, которое было введено в научную терминологию в 30-е годы XX века Г. Хайменом. Согласно военно-психологическому справочнику Ю.П. Зинченко и И.Д. Куприяновой, под понятием «референтная группа» понимается «социальная группа, с которой индивидум идентифицирует себя, принимая образ жизни и ценностные ориентации членов группы в качестве эталона и подражая им» [URL: www.vocabulary.ru/slovari/voenno-psichologicheskii-slovar-spravochnik.html]. Таким образом, представляется возможным охарактеризовать восприятие концепта «НАТО» представителями военной субкультуры Словацкой республики как референтной группы, и как следствие, стремлением ее членов к овладению основными культурными и аксиологическими доминантами данного военно-политического блока и их последующей актуализацией в военном подязыке различных жанров.

В этой связи представляется обоснованным, в первую очередь, определить основные аксиологические доминанты НАТО как референтной группы, актуализирующиеся в знаках языка и культуры.

Формулировка идеи и миссии, целей и задач в официальных источниках НАТО, например, официальный сайт, дает понимание о следующих ценностных ориентирах данной организации: «*NATO's essential and enduring purpose is to safeguard the freedom and security of all its members by political and military means. Collective defence is at the heart of the Alliance and creates a spirit of solidarity and cohesion among its members*» [URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68144.htm] Таким образом, однозначно прослеживается миссия организации, которая заключается в том, чтобы «защитить свободу и безопасность всех своих членов политическими и военными средствами» (*to safeguard the freedom and security of all its members by political and military means*). Кроме того, аксиологическое ядро НАТО как анализируемого концепта заключается в следующем – «в основе деятельности Североатлантического союза лежит коллективная оборона, которая создает дух солидарности и сплоченности между его членами» (*Collective defense is at the heart of the Alliance and*

creates a spirit of solidarity and cohesion among its members).

Помимо названных ценностных ориентиров, в которых отражается миссия военно-политического блока и основа его деятельности, прослеживаются следующие основные аксиологические доминанты:

- «*NATO strives to secure a lasting peace in Europe*» (НАТО стремится обеспечить прочный мир в Европе);

- «*based on common values of individual liberty, democracy, human rights and the rule of law*» (основанный на общих ценностях свободы личности, демократии, прав человека и верховенства закона);

- «*crisis prevention and management, and partnerships*» (предотвращение и урегулирование кризисов, создание партнерств);

- «*the highest levels of trust and confidence*» (высочайший уровень доверия и уверенности);

- «*sense of shared security among members*» (чувство общей безопасности среди членов НАТО) [URL:

https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68144.htm]

В дополнение к вышеизложенному автор приводит выдержки из «Code of conduct» (кодекс норм поведения военнослужащего). Указанный документ привносит в аксиологическое ядро референтной группы НАТО такие доминанты как:

- «*INTEGRITY*» (организационное единство и целостность);

- «*LOYALTY*» (преданность организации и ее принципам);

- «*ACCOUNTABILITY*» (подотчетность и ответственность в своих действиях);

- «*IMPARTIALITY*» (беспристрастность, объективность суждений, приверженность общим принципам организации);

- «*PROFESSIONALISM*» (высокий уровень профессионализма и компетенций) [URL: www.nato.int/structur/recruit/info-doc/code-of-conduct.pdf]

Отражая практическую значимость статьи, автор структурирует перечисленные выше культурно-ценностные доминанты НАТО на смысловые блоки или аксиологические гнезда для упрощения последующего анализа языковых средств словацкого языка на предмет наличия в нем указанных ценностных ориентиров, а именно:

1) ценности защиты свободы и безопасности членов НАТО;

2) ценности сплоченности, коллективизма и сотрудничества, а также взаимопомощи между странами-участницами;

3) ценности установления мира, урегулирования и предотвращения кризисов;

4) ценности демократии, достоинства человека и верховенства закона;

5) ценности, отражающие высокий уровень профессионализма и компетенций, ответственного отношения к совместной деятельности, принципам и идеалам НАТО.

В ходе анализа текстов военной прессы словацкого языка, в частности, официального журнала Министерства обороны Словацкой республики *OBRANA* («Оборона») прослеживается неоднородность актуализации указанных нами аксиологических гнезд в языковых средствах, которыми пользуются представители военной субкультуры.

Наибольшей частотностью характеризуется группа ценностей, связанных с духом коллективизма, сотрудничества, взаимопомощи между странами-участницами блока НАТО.

«*Kolektívna obrana je základným účelom existencie NATO...*» – «Основной целью существования НАТО является осуществление коллективной обороны» [9, p. 12]. Данный пример недвусмысленно транслирует основную цель и миссию НАТО, которые находят свое отражение в словацком военном подязыке.

Другой пример – «*Spoločne s ostatnými členmi NATO majú lepšie možnosti ochrany a obrany*» – «совместно с другими членами НАТО мы обеспечиваем лучшие возможности защиты и обороны». Данный пример, помимо прочего, свидетельствует и о том, что Словакия сможет компенсировать недостаток своей обороноспособности за счет военных возможностей других стран НАТО. [9, p. 13].

«*V prípade útoku na jedného, bude tento považovaný za útok na všetkých*» – «нападение на одну страну рассматривается как нападение на всех членов НАТО» [7, p. 17]. В более широком контексте мы видим актуализацию не только основных культурно-ценностных доминант НАТО как референтной группы, но и экспликацию в языке основных юридических положений статьи №5 Североатлантического договора.

В ходе анализа отмечаем, что частотность выражения ценности коллективизма и сотрудничества в языке военной субкультуры по сравнению с другими культурными доминантами гораздо выше. Ниже приведем еще несколько примеров:

- «*Každý môže počítať s pomocou silných krajín*» - «каждый может рассчитывать на помощь сильных стран»;

- «*Potvrzuje to silnú jednotu členov NATO*» - «это подтверждает сплоченность и единство членов НАТО»;

- «*Posilnenie kolektívnej obrany a odstrašenie*» – «усиление коллективной обороны и военное сдерживание»;

- «*Pri našej kolektívnej obrane*» – «в случае применения средств нашей коллективной обороны»

- «*Potvrdenie politiky otvorených dverí*» – «реализация политики открытых дверей» [8, p. 35].

Статьи военной прессы, посвященные тематике «НАТО», изобилуют такими лексемами как «*spoločný*» (совместный), «*jednotný*» (единый), «*kolektívny*» (коллективный), «*jednota*» (единство), «*otvorený*» (открытый).

В качестве следующей аксиологической группы по степени актуализации в языковых средствах представителей военной субкультуры мы рассматриваем культурно-ценностные доминанты, связанные с исключительной ролью НАТО в деле урегулирования, предотвращения мировых кризисов, установлению мира.

«*NATO bude prispievať k riešeniu krízových situácií vo svete tak, aby neprerástili do hrozieb, ktoré by ohrozovali obyvateľstvo v členských krajinách NATO*» – «НАТО и дальше будет вносить вклад в разрешение кризисных ситуаций в мире таким образом, чтобы они не превратились в угрозы, создающие опасность для населения стран-участниц». Данная аксиологическая доминанта воспринимается с позиции реализации комплекса исключительно превентивных действий для разрешения кризисных ситуаций на начальной стадии, но не с целью задействования всех возможных ресурсов для развязывания военных конфликтов или полномасштабных боевых действий.

«*NATO by sa malo v budúcnosti stať vedúcou organizáciou v oblasti riešenia problémov bezpečnosti*» – «НАТО в будущем должно стать ведущей организацией в области разрешения проблем, связанных с безопасностью». Данный пример во всей полноте отражает роль НАТО как референтной группы, которой уже в настоящее время страны-участницы уделяют ведущую роль при решении всего спектра военно-политических вопросов.

«*NATO bude naďalej rozvíjať svoju schopnosť predchádzať a reagovať na útoky*» - «НАТО будет и дальше развивать свои возможности по предупреждению и своевременному реагированию на военную агрессию». В данном примере аналогично подчеркивается характер деятельности НАТО – «предупреждать» и «своевременно реагировать». Главная ценность заключается именно в предупреждении возникающих кризисов и угроз, а не в мощи, способной силой подавить возникшие проблемы.

Высокой степенью актуализации в языке отличается и следующая группа ценностей, которая отражает высокий уровень профессионализма и компетенций, ответственные отношения к об-

щей деятельности, принципам и идеалам НАТО.

«*Schopnosť brániť každý kus územia členov NATO*» «НАТО имеет все возможности для защиты каждого отрезка земли стран-участниц». Данный пример демонстрирует глубокую уверенность в том, что НАТО обладает всеми необходимыми силами и средствами для защиты абсолютно каждой страны, которая потенциально может столкнуться с военной агрессией, что тесно переплетается в группой ценностей, касающихся сотрудничества и взаимодействия [9, p. 11].

Дальнейшие примеры в равной степени отражают наличие в ЯКМ военной субкультуры ценностей, связанных с профессионализмом, высоким уровнем подготовки, приверженности общим идеалам НАТО:

- «*Budú využívané všetky sily a prostriedky členov NATO*» - «будут задействованы все силы и средства стран-участниц НАТО»;

- «*Slovensko bude spolupracovať s tými krajinami, ktoré budú mať záujem o uplatňovanie hodnôt, zásad, štandardov a noriem NATO*» – «Словакия будет взаимодействовать с теми странами, которые заинтересованы в реализации ценностей, принципов, стандартов и норм НАТО». Последний пример демонстрирует элемент социальной идентичности, т.е. Словакия вступает в рамках военно-политического сотрудничества во взаимодействие **только с теми странами**, которые полностью или частично придерживаются принципов, ценностей и стандартов НАТО [9, p. 11].

Анализируя последние две группы культурно-аксиологических доминант НАТО как референтной группы, а именно: 1) ценности защиты свободы и безопасности членов НАТО; 2) ценности защиты демократии, достоинства человека и верховенства закона, приходим к выводу о меньшей степени их актуализации в рамках ЯКМ собственно военнослужащих.

Первая группа ценностей тесно переплетается с аксиологическим контекстом сотрудничества, коллективизма, ценности совместной деятельности, о которой шла речь выше. Однако встречаются и следующие примеры:

- «*Cieľom Slovenska je obrana svojích záujmov a svojej suverenity*»- «целью Словакии является защита своих интересов и своего суверенитета». В данном случае мы можем наблюдать, что Словакия, придерживаясь принципов и ценностей НАТО, не забывает о собственных военно-политических интересах в контексте собственной безопасности и неприкосновенности государственных границ [9, p. 3].

В этой связи, представляется интересным привести высказывание государственного секретаря

Министерства обороны Словацкой Республики Мариана Майера [9, p. 3]: “*Odpoveď Západy, kam patríme aj my, sa síce vníma predovšetkým cez formáty akými sú EU a NATO, no som presvedčený, že aj regionálna bezpečnostná spolupráca vie byť prínosným komponentom celoeurópskej bezpečnosti, stability a prosperity.*” – «Ответ Запада, частью которого являемся и мы, хотя и воспринимается преимущественно через такие форматы как ЕС и НАТО, но все же я убежден, что региональное военное сотрудничество может быть важным компонентом общеевропейской безопасности, стабильности и процветания». В своей речи Мариан Майер придерживается общих ценностей НАТО как референтной группы, воспринимая их как аксиологический базис всей военно-политической деятельности в регионе, однако, он однозначно обозначает **собственные интересы Словакии** в рамках расширения регионального военно-политического сотрудничества.

Помимо этого, следующий отрывок речи Мариана Майера привносит некоторые дополнительные аксиологические смыслы: “*Slovensko je pripravené využiť najbližší rok na posilnenie súdržnosti krajín nášho regiónu a verím, že obranná spolupráca bude hrať v tomto procese významnú úlohu. Rezort obrany je pripravený byť lídrom v presadzovaní spolupráce, z ktorej budú mať prospech všetky krajiny.*” – «Целью Словакии на ближайший год является усиление единства стран нашего региона. Мы верим, что сотрудничество в военной области будет играть значительную роль в этом процессе. Министерство обороны готово взять на себя лидирующую роль в продвижении политики сотрудничества, что пойдет на пользу всем странам «Вышеградской четверки» [9, p. 3].

Автор полагает, что данный отрывок отражает одну из ключевых характеристик ЯКМ военной субкультуры Словацкой республики, – Словакия не только принимает ценности НАТО как референтной группы, но и экстраполирует их на свою военно-политическую деятельность, преследуя цель создания и укрепления военных союзов регионального значения, т.е. реализации собственных военно-политических интересов, что может свидетельствовать о некой квази-самостоятельности, не противоречащей принципам референтной группы, и глубоком укоренении ценностей НАТО.

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать следующие **выводы**:

1. Концепт «НАТО» в языковой картине мира словацких военнослужащих в контексте современной военно-политической обстановки прямо противопоставляется концепту «Россия», оба концепта находят свое выражение в ЯКМ посред-

ством языковых средств, характеризующихся ярко выраженной положительной или негативной окраской соответственно.

2. Концепт «НАТО» в ЯКМ словацкой военной субкультуры выполняет роль референтной группы, транслирующей базовые ценностные ориентиры, которые находят свое дальнейшее выражение как в знаках языка, так и в непосредственной военно-политической деятельности страны, не только влияя на формат взаимоотношений «НАТО-Словакия», «Россия-Словакия», «НАТО-Россия», но и определяя собственную военно-

политическую деятельность на региональном уровне в рамках организации «Вышеградская четвёрка».

3. Наибольшей степенью актуализации в ЯКМ посредством языке отличаются ценности коллективизма и взаимопомощи, исключительной роли НАТО как организации, главной целью которой является урегулирование международных кризисов и конфликтов, ценность профессионализма и соблюдения всеми странами-участницами правил и стандартов НАТО.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа: пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
3. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 396 – 405.
4. Пименова М.В. Языковая картина мира: учеб. пособие. 4-е изд., доп. М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.
5. Романов А.С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография. М.: Воен.ун-т, 2017. 230 с.
6. Степанов Е.А. Языковая картина мира военной сферы (лингвокультурологический и терминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 23 с.
7. Dôveru Ukrajiny nesmieme sklamať – Obrana. Mesačník Ministerstva obrany SR. 2022 Jul. № 7.
8. Rozhovor s prezidentkou a hlavnou veliteľkou Ozbroyených síl SR Zuzanou Čaputovou – Obrana. Mesačník Ministerstva obrany SR. 2022 September. № 9.
9. Summit NATO v Madride / Obrana. Mesačník Ministerstva obrany SR. 2022 August. № 8.
10. NATO Code of conduct. URL: www.nato.int/structur/recruit/info-doc/code-of-conduct.pdf
11. What is NATO? URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68144.htm
12. Военно-психологический словарь-справочник. URL: www.vocabulary.ru/slovari/voenno-psichologicheskii-slovar-spravochnik.html

References

1. Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M.: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1995. 767 s.
2. Vajsgerber L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha: per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 2004. 232 s.
3. Goncharova N.N. Jazykovaja kartina mira kak ob#ekt lingvisticheskogo opisanija. Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 2. Tula: Izd-vo TulGU, 2012. S. 396 – 405.
4. Pimenova M.V. Jazykovaja kartina mira: ucheb. posobie. 4-e izd., dop. M.: FLINTA, 2014. 108 s.
5. Romanov A.S. Jetnicheskie stereotipy armejskoj subkul'turnoj sredy SShA v znakah jazyka i kul'tury: monografija. M.: Voen.un-t, 2017. 230 s.
6. Stepanov E.A. Jazykovaja kartina mira voennoj sfery (lingvokul'turologicheskij i terminologicheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018. 23 s.
7. Dôveru Ukrajiny nesmieme sklamať – Obrana. Mesačník Ministerstva obrany SR. 2022 Jul. № 7.
8. Rozhovor s prezidentkou a hlavnou veliteľkou Ozbroyených síl SR Zuzanou Čaputovou – Obrana. Mesačník Ministerstva obrany SR. 2022 September. № 9.
9. Summit NATO v Madride / Obrana. Mesačník Ministerstva obrany SR. 2022 August. № 8.
10. NATO Code of conduct. URL: www.nato.int/structur/recruit/info-doc/code-of-conduct.pdf
11. What is NATO? URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_68144.htm
12. Voенno-psihologicheskij slovar'-spravochnik. URL: www.vocabulary.ru/slovari/voenno-psichologicheskii-slovar-spravochnik.html

*Chirkin I.S., Lecturer,
Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense Of the Russian Federation*

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF THE SLOVAK REPUBLIC'S MILITARY PERSONNEL UNDER THE INFLUENCE OF THE CONCEPT OF "NATO"

Abstract: the purpose of the study is to determine how the concept of "NATO" influences the linguistic picture of the world of a representative of the Slovak military subculture and how the established features are expressed in the linguistic means of the military sublanguage of Slovak servicemen.

The scientific novelty lies in the fact that for the first time a study of one of the sides of the linguistic picture of the world of representatives of the military subculture of Slovakia was conducted on the material of the military press and speeches of the top military and political leadership of the army of the Slovak Republic in the general semantic field of the NATO-Slovakia relationship.

The concept of "NATO" is considered from the point of view of the manifestation of a certain system of axiological coordinates of the NATO military-political bloc as a reference group in the linguistic means of the military subculture of the Slovak Republic and their subsequent influence on the linguistic picture of the world of Slovak servicemen. The result of the study was the definition of specific value dominants of NATO as a reference group based on official military-political documents and the degree of their expression in the Slovak military sublanguage, and the heterogeneity and unequal frequency of actualization of these value orientations was noted.

Keywords: linguistic picture of the world; reference group; concept; military subculture; axiological dominants, military sublanguage

For citation: Chirkin I.S. The linguistic picture of the world of the Slovak Republic's military personnel under the influence of the concept of "NATO". Modern Scientist. 2023. 1. P. 30 – 36.

*Акимова А.С., кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ ЯКУТСКО-РУССКОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПО ЮВЕЛИРНОМУ ДЕЛУ

Аннотация: в современном мире в связи с изменением традиционного уклада жизни якутов, ценные лексико-семантические пласты якутского языка устарели или утратили свою функциональную активность. Многие исконно якутские слова и понятия постепенно предаются забвению. Все это ведет к отрыву молодежи от истоков народной культуры и нравственных ценностей, веками воплощаемых в родном языке. Поэтому вопросы возрождения культуры и родного языка приобретают исключительную актуальность.

В данной статье мы вкратце рассмотрим основные этапы работы по составлению «Якутско-русского терминологического словаря по ювелирному делу». Словарь представляет собой первый опыт систематизации слов и выражений, получивших широкое распространение в данной отрасли прикладного искусства. В процессе работы были применены пять основных способов передачи терминов: подбор эквивалентов, синонимия, транслитерация, аффиксальное терминообразование, описательный способ перевода.

В настоящее время, в словник терминологического словаря вошли более 500 слов-терминов и терминологических словосочетаний. Словник охватывает наиболее распространенные, а также новые термины, отражающие основные понятия ювелирного дела.

Правильный перевод терминов является довольно сложной проблемой, несмотря на то, что термины обладают значительно большей семантической определенностью и самостоятельностью, чем слова обиходной лексики.

Ключевые слова: якутский язык, термин, терминологический словарь, ювелирное дело, перевод, эквивалент, транслитерация, аффикс

Для цитирования: Акимова А.С. К вопросу о составлении якутско-русского терминологического словаря по ювелирному делу // Современный ученый. 2023. № 1. С. 37 – 40.

В настоящее время на первый план выдвигаются вопросы расширения сферы функционирования якутского языка. Первоочередной задачей является составление одноязычных, двуязычных отраслевых терминологических словарей отвечающих требованиям времени.

В современном мире в связи с изменением традиционного уклада жизни якутов, многие исконно якутские слова и понятия были преданы забвению. Ценные пласты лексики, обозначающие различные предметы быта и материальную культуру наших предков утратили свою функциональную активность. Все это ведет к отрыву молодежи от истоков национальной культуры и духовных ценностей, что в свою очередь приводит к постепенной утрате родного языка. Поэтому вопросы возрождения культуры и родного языка приобретают исключительную актуальность. Как пишет д.ф.н. Е.И. Оконешников «...так называемые архаизированные слова не исчезают безвозвратно, еще и потому, что они потенциально существуют в тайниках материальной и духовной культуры народа и в благоприятных для них условиях могут в любое время возродиться вновь» [2, с. 78].

В связи с этим в 2021 году научные сотрудники ИГиПМНС СО РАН начали научно-исследовательскую работу по теме: «Терминогра-

фическое возрождение этно-культурной терминологической лексики языка саха». Коллективный проект планируется закончить в конце 2023 года. По итогам проекта будут подготовлены терминологические словари по охоте, рыболовству, ювелирному и кузнечному делу.

Коллективный научный проект состоит из двух частей.

I часть – практическая: составление двуязычных инвентаризационных и интерпретационных терминологических словарей по охоте, рыболовству, кузнечному и ювелирному делу.

II часть – теоретическая: исследование терминографического перевода и актуальных проблем терминоведения.

В данной статье мы опишем основные этапы работы по составлению «Якутско-русского терминологического словаря по ювелирному делу».

Работа по составлению терминологического словаря по ювелирному делу состоит из пяти этапов.

Первым этапом работы является, изучение специальной научной литературы, сбор материала по теме. Отбор слов-терминов из литературы, относящейся к ювелирному делу. Основными источниками при составлении словника послужили обобщающие монографии и статьи, посвященные

якутскому народному искусству и ювелирному делу, а так же толковые и терминологические словари якутского языка.

В настоящее время, в словник терминологического словаря вошли более 500 слов-терминов и терминологических словосочетаний. Словник охватывает наиболее распространенные, а также новые термины, отражающие основные понятия ювелирного дела.

Второй этап – подбор аналогов к терминам. Данный словарь является первым опытом систематизации слов-терминов функционирующих в данной отрасли прикладного искусства. В процессе работы были применены пять основных способов передачи терминов: подбор эквивалентов, синонимия, транслитерация, аффиксальное терминоподобразование, описательный способ перевода. Ниже приводим примеры терминов образованные выше названными способами.

Подбор якутских соответствий (эквивалентов): *игольница* ‘иннэлик’; *браслет* ‘бөбөх’; *гривна* ‘кылдыы’; *серьги* ‘ытарба’; *изделие* ‘оноһук’; *кольцо* ‘биһилэх’; *напильник* ‘игии’; *натазник* ‘кыабака’; *оберег* ‘харысхал’; *окалина* ‘сирэһин’; *олово* ‘хорбоддун’; *оправа* ‘ии’; *пинцет* ‘искэх’; *подвески* ‘чылыгырыар’; *прозрачность* ‘дээнкирэ’; *шкатулка* ‘холбука’; *слой* ‘арана’; *смола* ‘лабархай’; *тиски* ‘кытаҕас’ и т.д.

Синонимический способ передачи: *бисер* ‘оҕуруо; хоруонка’; *вставка* ‘кыбытыы; олордун’; *спираль* ‘эриллэбэс; эрийки’; *сумочка* ‘саппыйа; хаппар’; *узор* ‘оһуор; ойуу’; *украшение* ‘симэх; киэргэл’; *форма* ‘быһыы; халыып’ и т.д. К некоторым словам-терминам предложены сразу два варианта синонимов, это может быть прямое соответствие (эквивалент) или транслитерация на выбор, типа: *бронза* ‘чан; боруонса’; *гладкость* ‘килэҕир; кылааккай’; *заготовка* ‘бэлэмнээһин; соҕотуопка’; *заклепка* ‘суохай; сөкүлүөпкэ’; *золочение* ‘көмүстээһин; солотуулааһын’; *крест* ‘сүрэх; кириэс’; *мундштук* ‘чубуук; мустуук’; *скоба* ‘туттарыы; ускуоба’; *смола* ‘лабархай; сымала’ и т.д.

Фонетизированная передача заимствованных терминов т.е. транслитерация: *слюда* ‘сүлүүдэ’; *станок* ‘ыстаныак’; *цель* ‘сыап’; *эмаль* ‘эмээл’; *алмаз* ‘алмаас’; *брошка* ‘боруоска’; *деталь* ‘дэтээл’; *жемчуг* ‘чөмчүүк’; *карат* ‘караат’; *комплект* ‘кэмпилээк’; *кулон* ‘кулуон’; *лак* ‘лаах’; *ложка* ‘һуоска’; *луна* ‘луупа’; *мастер* ‘маастар’; *модель* ‘мадьыал’; *проба* ‘боруоба’; *пряжка* ‘бирээскэ’; *самородок* ‘соморуокка’ и т.д.

Термины образованные при помощи аффиксов: *бронзирование* ‘чаннааһын’; *вальцовка* ‘сыыйтарыы’; *золотодобытчик* ‘көмүсчүт’;

золочение ‘көмүстээһин’; *лужение* ‘дуйдааһын’; *ограничик* ‘кырыылааччы’; *осмотр* ‘көрүү’; *оценщик* ‘сыанаһыт’; *тонировка* ‘өһнөөһүн’; *эмалировщик* ‘эмээллээччи’ и т.д.

Описательный способ был использован, когда нельзя подобрать к слову-термину подходящий эквивалент, или использовать транслитерацию. Например, *брелок* ‘сарбынньах киэргэл’; *воротничок* ‘моой симэбэ’; *высадка* ‘быһыы таһаарыы’; *глиптика* ‘күндү тааһы быһыы’; *гравировка* ‘быһан ойуу’; *запонки* ‘сиэх туттарар’; *камнерез* ‘таас быһар’; *колье* ‘моой киэргэлэ’; *насечка* ‘быһыы ойуу’; *обезжиривание* ‘сыатын бытыты’; *перстень* ‘таастаах биһилэх’; *печатка* ‘сирэйдэх биһилэх’; *резьба* ‘быһан ойуулааһын’; *самоцвет* ‘кэрэ өһнөөх күндү таас’ и т.д.

Также описательный способ был использован при передаче исконно якутских понятий на русский язык. Например, *ойуун эмэгэтэ* ‘идол шамана (эмблема шамана из медной пластины с изображением человека, прикрепляемая на груди)’; *бууктаах сон симэбэ* ‘украшение женского пальто (обшитого по краям мехом)’; *туорум тимэх* ‘брошь-застежка (четырёхугольная серебряная пластинка)’; *оһорор* ‘детские сережки (для заживления ранок проколотых ушей)’; *мытаары* ‘лоток (приспособление для промывки рассыпного золота)’ и т.д.

Третий этап – начальная проверка словника, подобранных аналогов (эквивалентов) к терминам, исправление грамматических и стилистических ошибок.

Четвертый этап – передача материала экспертам для проверки чернового варианта словаря, обсуждение недочетов работы в отделе. Выявление и устранения недостатков работы.

Пятый этап – окончательная проверка терминологического словаря, представление рукописи на ученом совете института.

Словари специальной лексики по способу атрибуции подразделяются на два основных типа: инвентаризационная терминография и интерпретационная терминография. Составляемый нами словарь относится к инвентаризационному типу словарей. «Инвентаризация терминов – это сбор и описание всех слов-терминов, принадлежащих выбранной области знания или ее тематическому фрагменту. Подобное упорядочение является первоочередным и соответствует первому этапу терминологических исследований, где осуществляется описание необходимого минимума слов терминов по избранной отрасли знаний [3, с. 132].

Терминография довольно новое направление в якутском языкознании. Как пишет, С.В. Гринев-Гриневич «...предметом терминографии следует считать разработку методологии и конкретных

приемов составления специальных словарей, а наиболее важными задачами – разработку принципов классификации и типологии терминологических словарей, определение научно обоснованных принципов отбора специальной лексики для отдельных типов терминологических словарей, а также установление единых принципов наиболее эффективного описания (толкования, перевода, атрибуции и т.д.) и представление терминологической лексики в специальных словарях» [1, с. 6-7].

Составление терминологических словарей это сложный процесс, требующий кропотливой работы по подбору подходящих средств передачи тех или иных научных понятий. Дать термину верный и полноценный перевод является не простой задачей, несмотря на то, что термин по своей природе имеет большую семантическую определенность и самостоятельность, чем обиходные слова.

Устаревшие слова, утратившие свою былую активность в умелых руках могут вновь возродиться и быть использованы в качестве слов-терминов для обозначения новых реалий.

В дальнейшем, нужно тщательно изучить и активно использовать на практике терминовтвора лексико-семантические и лексико-грамматические способы терминообразования. Природу семантических и структурных переводов калек. Способы терминологизации субстантивированных производных прилагательных, уникальных образований и причастий. Использовать внешние и внутренние языковые ресурсы.

На сегодня перед нами стоит задача составления серии одноязычных, двуязычных терминологических словарей по этно-культурной лексике якутского языка.

Литература

1. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: Книжный дом Либроком, 2009. С. 6 – 7.
2. Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха (на материале общей и отраслевой лексикографии). Якутск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 78.
3. Оконешников Е.И. Языка саха: проблемы лексикографии и терминографии (сб.науч.ст.) / сост.: к. филол. н. А.С. Акимова, лаб. Р.Н. Протодьяконова; отв. ред.: д. филол. н. Н.И. Данилова, к. филол. н. Ф.Н. Дьячковский, к. филол. н. А.М. Николаева; Ин-т гуманит.исслед. и проблем малочисл. Народов Севера СО РАН. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2015. С. 132.

References

1. Grinev-Grinevich S.V. Vvedenie v terminografiju: Kak prosto i legko sostavit' slovar': ucheb-noe posobie. 3-e izd., dop. M.: Knizhnyj dom Librokom, 2009. S. 6 – 7.
2. Okoneshnikov E.I. Lingvisticheskie aspekty terminologii jazyka saha (na materiale obshhej i otraslevoj leksikografii). Jakutsk: Izd-vo SO RAN, 2004. S. 78.
3. Okoneshnikov E.I. Jazyka saha: problemy leksikografii i terminografii (sb.nauch.st.). sost.: k. filol .n. A.S. Akimova, lab. R.N. Protod'jakonova; отв. red.: d. filol. n. N.I. Danilova, k. filol. n. F.N. D'jachkovskij, k. filol. n. A.M. Nikolaeva; In-t gumanit.issled. i problem malochisl. Narodov Severa SO RAN. Jakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2015. S. 132.

*Akimova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Research Officer,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences*

TO THE QUESTION OF THE COMPILATION OF THE YAKUT-RUSSIAN TERMINOLOGICAL DICTIONARY ON JEWELERY

Abstract: in the modern world, due to the change in the traditional way of life of the Yakuts, the valuable lexical-semantic layers of the Yakut language are outdated or have lost their functional activity. Many native Yakut words and concepts are gradually being forgotten. All this leads to the separation of young people from the origins of folk culture and moral values, embodied in their native language for centuries. Therefore, the issues of the revival of culture and the native language are of exceptional relevance.

In this article, we will briefly consider the main stages of the work on compiling the "Yakut-Russian terminological dictionary for jewelry". The dictionary is the first attempt to systematize words and expressions that have become widespread in this branch of applied art. In the process of work, five main ways of transferring terms were applied: selection of equivalents, synonymy, transliteration, affixal term formation, descriptive method of translation.

At present, more than 500 words-terms and terminological phrases are included in the glossary of the terminological dictionary. The glossary covers the most common as well as new terms that reflect the basic concepts of jewelry.

The correct translation of terms is a rather difficult problem, despite the fact that the terms have a much greater semantic certainty and independence than the words of everyday vocabulary.

Keywords: Yakut language, term, terminological dictionary, jewelry, translation, equivalent, transliteration, affix

For citation: Akimova A.S. To the question of the compilation of the Yakut-Russian terminological dictionary on jewelry. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 37 – 40.

*Дреева Дж.М., доктор филологических наук, профессор,
Болатов Т.А., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ АВТОРА ПЕСЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация: цель статьи, посвященной проблеме изучения интертекстуальных элементов как способе отражения особенностей индивидуально-авторского стиля в песенном дискурсе, заключается в выявлении интертекстуального потенциала англоязычных песенных текстов. Для достижения цели, заявленной в рамках предпринятого исследования, поставлены и решаются следующие задачи: обзор существующих точек зрения лингвистов по проблемам идиостиля, анализ основных положений теории интертекстуальности, выявление и семантико-стилистический анализ интертекстуальных заимствований в тексте рассматриваемого произведения. В качестве материала для анализа используется текст песни «Song of Joy» австралийской рок-группы Nick Cave and the Bad Seeds, представляющей собой пример интеллектуального полисемантического песенного дискурса. Как свидетельствуют результаты исследования, интертекстуальные включения играют ключевую роль в оказании суггестивного воздействия на эмоциональное состояние слушателя. Обнаруженная в ходе исследования тенденция к использованию интертекстом, обогащающих семантический и, тем самым, экспрессивно-эмотивный потенциал песенного текста, позволяет рассматривать их в качестве характерной черты индивидуального стиля автора песенного сообщения. Результаты настоящего исследования могут найти применение в чтении лекций и проведении практических занятий по лингвопоэтике и стилистике английского языка.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстема, идиостиль, экспрессивно-эмотивный потенциал, суггестивность, песенный дискурс

Для цитирования: Дреева Дж.М., Болатов Т.А. Интертекстуальность как характерная черта идиостиля автора песенного текста // Современный ученый. 2023. № 1. С. 41 – 45.

Во второй половине XX века одновременно с началом активной разработки теории языковой личности обострился и интерес к проблеме индивидуального авторского стиля, как средства актуализации языковой личности писателя. Идиостиль отражает особенности восприятия окружающего мира языковой личностью и является одним из ключевых вопросов, входящих в предмет изучения стилистики.

Среди работ, посвященных изучению проблемы идиостиля, наибольшее внимание привлекают работы советских лингвистов В.В. Виноградова и Ю.Н. Караулова, а сам термин «идиостиль» в широкий научный обиход был введен В.П. Григорьевым. По мысли ученого, при изучении художественных систем индивидуальные предпочтения и отталкивания автора следует связать в пучки оппозитивных тенденций [3, с. 5].

Таким образом, согласно В.П. Григорьеву, исследование «отдельных идиостилей посредством анализа отдельных составляющих поэтических систем <...> позволяет решить «сверхзадачу» по описанию эволюции художественной системы в целом» [5, с. 142].

К изучению идиостиля, как к изучению любого сложного и многоуровневого явления, на сегодняшний день в академической среде существует целый ряд в значительной степени отличающихся

друг от друга подходов, а именно: системно-структурный, когнитивный, семантико-стилистический, коммуникативно-деятельностный и лингвопоэтический. В рамках каждого из подходов предлагаются и свои дефиниции, отражающие предпочтения исследователей в вопросах разработки тех или иных аспектов индивидуально-авторского стиля.

Отметим, что во многих работах по обозначенной тематике принимается разграничение между внутренними (интралингвистическими) и внешними (экстралингвистическими) компонентами идиостиля. Так, анализируя данный феномен в связи с проблемой авторства, В.В. Виноградов подчеркивал наличие объективных и субъективных факторов, оказывающих непосредственное влияние на языковое выражение личности [2, с. 8]. По Ю.Н. Караулову, интралингвистическая составляющая идиостиля представлена его вербально-семантическим уровнем, а когнитивный и прагматический уровни образуют его экстралингвистическую составляющую [9, с. 89].

В современной лингвистике понятие идиостиля зачастую связывается с идеями авторского выбора, его предпочтений и мотивации в использовании определенных вербально-семантических единиц. Исследователи обращают внимание на тот факт, что индивидуальный авторский стиль под-

чинен сознательному, мотивированному отбору языковых элементов и референций, синтаксических или грамматических структур, изобразительно-выразительных средств, тематики, сюжетов, фигур речи и т.д. Так, К.А. Долинин определяет его как «результат отбора на уровне словесного выражения, т.е. на заключительном этапе творчества» [4, с. 189].

Такого же взгляда на идиостиль придерживается и В.А. Пищальникова, называя его «результатом применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [13, с. 20].

Другое важнейшее свойство индивидуально-авторского стиля заключается в его способности транслировать интенцию, мировоззрение и отношение автора к объективной действительности.

В рамках подобного подхода идиостиль рассматривается как «детерминированная особенностями сознания творческой личности совокупность способов моделирования индивидуально-авторской картины мира <...> посредством отбора определенных языковых средств с целью выражения авторской интенции» [6, с. 32].

Но, помимо способа манифестации авторского отношения к окружающему миру, любой художественный текст является формой отражения отношения к другим текстам, иными словами, текст как производное идиостиля обладает интертекстуальной природой. Под интертекстуальностью понимается «текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [14, с. 113].

Сам термин «интертекстуальность» был введен в конце шестидесятых годов прошлого века Ю. Кристевой, которая определяла его как «текстуальную интеракцию, происходящую внутри некоторого текста» [11, с. 46]. Именно данное свойство любого текста выступает главным фактором, способствующим расширению его информативности и экспрессивного потенциала.

Следует сказать о том, что «диалог текстов» может по-разному реализовываться в художественном произведении. Ж. Женетт в работе «Палимпсесты: литература второй степени» (1982) выделяет:

- интертекстуальность, к которой он относит цитаты, плагиат или аллюзии;
- паратекстуальность, понимаемую как взаимоотношения между текстом с его частями (заголовком, главами, примечаниями и т.д.);

- метатекстуальность, которая представляет собой связь двух или более текстов в виде комментирующей ссылки на предшествующий текст;

- гипертекстуальность (пародии, имитаций или адаптации);

- архитектурность – соотношение между текстами на уровне жанров [7, с. 213].

Не вызывает сомнения, что интертекстуальные включения в тексте, являясь объектом мотивированного отбора автором, могут рассматриваться как одна из составляющих идиостиля [1, с. 183].

Как считает К.Ю. Игнатов, интертекстуальные словосочетания, в частности, могут выступать единицей исследования идиостиля, характеризуясь типом референта, степенью аллюзивности, лексико-фразеологическими категориями и выполняемой в тексте функцией [8, с. 6].

Настоящая статья посвящена проблеме изучения интертекстуальных элементов как способе отражения особенностей индивидуально-авторского стиля в песенном дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении интертекстуального потенциала англоязычных песенных текстов, в качестве материала для исследования привлекается текст песни «Song of Joy» австралийской рок-группы Nick Cave and the Bad Seeds (1996).

Наиболее важными целями песенного дискурса являются, с нашей точки зрения, оказание эмоционального воздействия на слушателя и донесение до него авторской интенции. Эти цели достигаются, в том числе с помощью выбора автором интертекстуальных элементов.

Композиция «Song of Joy» является частью альбома «Murder Ballads» (Баллады об убийствах), вышедшего в свет в 1996 году. Как следует из названия, сборник включает в себя как традиционные, так и авторские песни, общий мотив которых – истории тяжких преступлений и убийств. Баллада об убийстве представляет собой традиционный поджанр баллады, возникший в раннем Средневековье [15].

Рассматриваемый текст можно отнести к жанру баллады, поскольку центральным элементом в нем является нарратив, который ведется в первом лице от имени мужчины, чья супруга по имени Джой (*joy* англ. *радость*) и трое детей были жестоко убиты. Историю об этом происшествии он в подробностях рассказывает слушателю, в конце своего повествования обращаясь к нему с просьбой впустить его в дом переночевать. Однако к этому моменту слушатель начинает понимать, что рассказчик и есть убийца.

Как свидетельствует анализ, наиболее распространенным типом референта в данном произведе-

дении выступает литературная реминисценция. При этом основным источником интертекстуальных включений в текст песни «Song of Joy» послужила эпическая поэма Д. Мильтона «Потерянный рай», в которой находит развитие сюжет книги Бытия о сотворении мира, грехопадении и возникновении ада. Поэма, написанная белым стихом, была издана в 1667 году и считается одним из величайших произведений английской литературы.

Безусловно, выбор автором «Потерянного рая» в качестве источника референций неслучаен и нацелен на эмоциональное воздействие на слушателя через создание мрачной угнетающей атмосферы. Так, в тексте присутствует прямая цитата строк 249-250, где Милтон противопоставляет библейские образы цветущих райских лугов и огненной геенны.

Farewell happy fields

Where joy forever dwells

Hail horrors hail [16]

Прощай, блаженный край!

Привет тебе, зловещий мир! Привет,

Геенна запредельная! [12] (Здесь и далее цитаты приведены в переводе А. Штейнберга, 1976).

Помимо контраста между остро диссонирующими библейскими образами, приведенный пассаж содержит аллюзию на имя одной из жертв (убитой супруги рассказчика) и, соответственно, заглавие самой песни (*Where joy forever dwells* досл. где всегда живет радость).

Так, создавая, посредством включения в свой текст интертекстуального элемента, своеобразную игру слов, основанную на многозначности лексемы *joy*, и, тем самым, обманывая ожидания слушателя, автор увеличивает семантический и, как следствие, экспрессивно-эмотивный потенциал произведения.

Экспрессивно-суггестивные потенции инородных включений иллюстрирует и следующий фрагмент из анализируемого текста:

Quotes John Milton on the walls in the victim's blood

The police are investigating at tremendous cost

In my house he wrote "his red right hand"

That, I'm told is from Paradise Lost [17]

Кровью жертвы на стенах он написал цитату из Джона Мильтона,

Полиция бросила все усилия на поиски преступника.

В моем доме он написал: «Его багряная десница»,

Мне сказали, это цитата из «Потерянного рая». (Цитата дана в прозаическом переводе, принадлежащем авторам статьи. – Дж.Д., Т.Б.).

Как видим, излагая свою версию событий, лирический герой снова цитирует «Потерянный рай» (*his red right hand*). Он утверждает, что убийца оставил в доме своих жертв кровавую надпись с указанной фразой. При этом слова лирического героя: «*I'm told is from Paradise Lost*» исключают его личное знакомство с поэмой. Но тот факт, что рассказчик многократно ссылается на Мильтона, явно говорит об обратном. Именно непоследовательность героя выступает главной причиной, по которой у слушателя возникают сомнения в его честности.

Фраза «*I'm told is from Paradise Lost*», в которую включен интертекстуальный элемент, а именно – дословное название источника референции (название поэмы Мильтона), представляет собой центральное звено повествования, содержащее его суггестивное ядро.

Особый интерес представляет и само цитируемое в тексте словосочетание «*red right hand*» (строки 173-174), которое иллюстрирует пример «двойной интертекстуальности» (двойной, последовательной отсылки на следующие друг за другом источники референции) и представляет собой аллгорию к теологической концепции божьей кары или отмщения:

"Should intermitted vengeance arm again

His red right hand to plague us?" [16]

Возмездье длань багровую опять,

Вооружит, чтоб пуце нас терзать [12].

Словосочетание *rubente dextra* (лат. красная правая рука) претерпевает двойное заимствование: изначально оно упоминается у древнеримского поэта Горация в оде «К кораблю Вергилия» в виде аллегорического символа гнева Юпитера [10, с. 45]. Затем данную фигуру речи заимствует Милтон, употребляя ее в своем произведении также в качестве аллгории, что способствовало популяризации данного выражения в англоязычном дискурсе. Как явствует из приведенного фрагмента, этот яркий образ используется и автором анализируемого произведения уже в виде прецедентной интертекстемы, что в значительной мере усиливает экспрессивно-эмотивный потенциал песни.

Таким образом, на основании анализа эмпирического материала можно заключить, что интертекстуальные элементы, играя важную роль в построении сюжетной линии и архитектоники песни, вносят дополнительные смыслы во вновь создаваемое произведение. Увеличивая семантический потенциал песенного текста, они способствуют созданию определенной атмосферы и, как следствие, оказанию суггестивного воздействия на эмоциональное состояние слушателя.

Итак, обобщая вышеизложенные наблюдения, можно констатировать следующее.

Песенный дискурс представляет собой особым образом организованную художественную систему. Цель данного типа дискурса заключается в оказании эмоционально-суггестивного воздействия на слушателя через донесение до него авторской интенции. Эти цели достигаются, в том числе с помощью выбора автором интертекстуальных элементов.

Интертекстуальные включения, или интертекстемы, являясь результатом мотивированного авторского выбора, могут рассматриваться в качестве одного из элементов индивидуального стиля автора песенного сообщения.

Помимо смыслообразующих потенций, интертекстуальные включения обладают ярко выраженным экспрессивно-эмотивным потенциалом. Внешение в песенное произведение интертекстом способствует суггестивному воздействию на слуша-

теля, которое, как свидетельствует проведенное исследование, может усиливаться за счет метафор, аллегорических символов, антитез.

В ходе анализа установлено, что семантический объем интертекстом, а следовательно, их суггестивность увеличивается посредством двойного заимствования, т.е. посредством вторичного использования одного и того же источника референции, которое связано с явлением прецедентности.

Доказано, что «полифония» (по М.М. Бахтину) песенного дискурса может создаваться, в том числе, и благодаря заимствованиям, интертекстуальная природа которых дополняется аллюзивными отсылками в виде таких приемов, как игра слов, полисемия, эффект обманутого ожидания, что в целом направлено на расширение экспрессивно-эмоциональный потенциала песенного текста.

Литература

1. Болотнова Н.С. Новые подходы к изучению идиостиля в современной лингвистике // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Екатеринбург, 2005. С. 182 – 193
2. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 615 с.
3. Григорьев В.П. и др. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 304 с.
4. Долинин К.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
5. Дреева Дж.М. Особенности синтаксической организации свободных ритмов в немецкоязычной поэзии XIX-XX вв. (К вопросу об эволюции художественных систем) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. Вып. 1. С. 141 – 151.
6. Дреева Дж.М., Семенова Т.В. Языковая репрезентация индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе: монография; Сев-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова: ИП Цопанова А.Ю., 2019. 170 с.
7. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. М.: Наука, 1982. 490 с.
8. Игнатов К.Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль: на англоязычном материале: автореферат дис. ... канд. фил. н. / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2007. 24 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. 480 с.
11. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу: пер. с фр. Э. А. Орловойю. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
12. Мильтон Д. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец / вступ. ст. А. Аникста; ил. Г. Доре. Москва: Художественная литература, 1976. 573 с.
13. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1992. 73 с.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
15. Hogg K. The History of Murder Ballads and the Women Who Flipped the Script [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://sheshreds.com/the-history-of-murder-ballads/> (дата обращения: 05.11.2022)
16. Milton J. Paradise Lost. L.; N.Y.: Penguin books, 1996. 313 p.
17. Nick Cave & The Bad Seeds. Song of Joy [Электронный ресурс]. 1996. URL: <https://genius.com/Nick-cave-and-the-bad-seeds-song-of-joy-lyrics> (дата обращения: 31.10.2022)

References

1. Bolotnova N.S. Novye podhody k izucheniju idiostilja v sovremennoj lingvistike. Novaja Rossija: novye javlenija v jazyke i nauke o jazyke. Ekaterinburg, 2005. S. 182 – 193
2. Vinogradov V.V. Problema avtorstva i teorija stilej. M.: Goslitizdat, 1961. 615 s.
3. Grigor'ev V.P. i dr. Ocherki istorii jazyka russkoj poezii HH veka. Pojeticheskij jazyk i idiostil': Obshhie voprosy. Zvukovaja organizacija teksta. M.: Nauka, 1990. 304 s.
4. Dolinin K.A. Interpretacija teksta. M.: Prosveshhenie, 1985. 288 s.
5. Dreeva Dzh.M. Osobennosti sintaksicheskoy organizacii svobodnyh ritmov v nemeckojazychnoj poezii XIX-XX vv. (K voprosu ob jevoljucii hudozhestvennyh sistem). Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9, Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2010. Vyp. 1. S. 141 – 151.
6. Dreeva Dzh.M., Semenova T.V. Jazykovaja reprezentacija individual'no-avtorskoj kartiny mira v pojeticheskome diskurse: monografija; Sev-Oset. gos. un-t im. K.L. Hetagurova. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU im. K.L. Hetagurova; IP Copanova A.Ju., 2019. 170 s.
7. Zhenett Zh. Palimpsesty: Literatura vo vtoroj stepeni. M.: Nauka, 1982. 490 s.
8. Ignatov K.Ju. Ot teksta romana k kinotekstu: jazykovye transformacii i avtorskij stil': na anglojazychnom materiale: avtoreferat dis. ... kand. fil. n. MGU im. M.V. Lomonosova. M., 2007. 24 s.
9. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Izd-vo LKI, 2010. 264 s.
10. Kvint Goracij Flakk. Ody. Jepody. Satiry. Poslanija. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1970. 480 s.
11. Kristeva Ju. Semiotika: issledovanija po semanalizu: per. s fr. Je. A. Orlovojju. M.: Akademicheskij Proekt, 2013. 285 s.
12. Mil'ton D. Poterjannyj raj. Stihotvorenija. Samson-borec. vstup. st. A. Aniksta; il. G. Dore. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 1976. 573 s.
13. Pishhal'nikova V.A. Problema idiostilja. Psiholingvisticheskij aspekt. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 1992. 73 s.
14. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka. pod red. M.N. Kozhinoj. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2011. 696 s.
15. Hogg K. The History of Murder Ballads and the Women Who Flipped the Script [Jelektronnyj resurs]. 2020. URL: <https://sheshreds.com/the-history-of-murder-ballads/> (data obrashhenija: 05.11.2022)
16. Milton J. Paradise Lost. L.; N.Y.: Penguin books, 1996. 313 p.
17. Nick Cave & The Bad Seeds. Song of Joy [Jelektronnyj resurs]. 1996. URL: <https://genius.com/Nick-cave-and-the-bad-seeds-song-of-joy-lyrics> (data obrashhenija: 31.10.2022)

*Dreeva Dzh.M., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Bolotov T.A., Postgraduate,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*

INTERTEXTUALITY AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF THE IDIOSTYLE OF THE AUTHOR OF THE SONG TEXT

Abstract: the purpose of the article devoted to the problem of studying intertextual elements as a way of reflecting the peculiarities of author's individual style in song discourse is to identify the intertextual potential of English-language song texts. To achieve the goal stated in the framework of the undertaken research, the following tasks are set and solved: a review of the existing points of view of linguists on the problems of idiostyle, an analysis of the main provisions of the theory of intertextuality, identification and semantic-stylistic analysis of intertextual borrowings in the text under consideration. The lyrics of the song "Song of Joy" by the Australian rock band Nick Cave and the Bad Seeds are used as material for analysis. The song is an example of an intellectual polysemantic song discourse. According to the results of the study, intertextual inclusions play a key role in providing a suggestive effect on the emotional state of the listener. The tendency found in the course of the study to use intertextual elements that enrich the semantic and, thereby, expressive-emotive potential of the song text allows us to consider them as a characteristic feature of the individual style of the author. The results of the research can be used in lectures and practical classes on stylistics and linguopoetics.

Keywords: intertextuality, intertext, idiostyle, expressive-emotive potential, suggestiveness, song discourse

For citation: Dreeva Dzh.M., Bolatov T.A. Intertextuality as a characteristic feature of the idiostyle of the author of the song text. Modern Scientist. 2023. 1. P. 41 – 45.

*Никулина Н.А., кандидат филологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет*

«ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ» КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Аннотация: в статье представлен анализ актуальных репрезентаций концептуального образа «человек на войне» в сознании молодых людей, проживающих на территории РФ, под влиянием не только событий текущей действительности и СМИ, но и мировой литературы. Актуальность темы исследования определяется научным вниманием к явлениям, формирующим менталитет россиян, а также к роли книги и чтения художественных текстов в процессе формирования современного человека. В работе использованы результаты ассоциативного эксперимента и мониторинга читательских предпочтений студентов Тюменского индустриального университета, представлены наблюдения, определяющие связь между чтением художественной литературы и отношением к событиям текущей жизни. В работе осуществляется анализ концептов «человек» и «война», обобщается опыт их изучения в современной лингвистике, а затем исследуется концептуальное сближение понятий в перспективе бытования когнитивной формулы «человек на войне». Важным этапом исследования является обоснование когнитивного феномена «человек на войне» в контексте художественных произведений, которые в большой степени востребованы отечественным читателем и, соответственно, участвуют в формировании русской концептосферы в качестве активных стимулов, формирующих значения концептов, концептуальных метафор и формул. В число таких книг вошли как произведения русской литературы (Л. Толстой «Севастопольские рассказы», В.М. Гаршин «Четыре дня», «лейтенантская проза» XX века), так и произведения зарубежных авторов (Гомер «Илиада», А. Дюма «Три мушкетёра», А. Барбюс «Огонь», романы представителей «потерянного поколения» и т.д.). По мнению автора публикации, понимание логики развития концептов, механизмов, определяющих колебания значений в общественном сознании, способствует эффективной коммуникации (пропаганда, выбор литературных стратегий и т.п.).

Ключевые слова: человек на войне, концепт человека, концепт войны, мировая литература, ассоциативный эксперимент, книги о войне

Для цитирования: Никулина Н.А. «Человек на войне» как когнитивный феномен в контексте литературных репрезентаций // Современный ученый. 2023. № 1. С. 46 – 52.

Образ «человек на войне» является элементом языковой картины мира, которая в сознании каждого россиянина формируется под влиянием различных факторов, в том числе и в процессе знакомства с отечественной и зарубежной литературой. Каждый подобный образ узнаваем теми, кто говорит и думает по-русски, может транслироваться в их речи, играть значительную роль в формировании индивидуальных когниций, а при соответствующих обстоятельствах актуализироваться до фрейма, способного репрезентовать новые и старые смыслы в потоке привычных действий и событий жизни. В русле этих рассуждений доказательно звучит высказывание Ю.М. Лотмана: «Модель нормальности в оценке людей и событий формируется годами и веками» [13]. Соответственно, изучение таких моделей и механизмов, определяющих их возникновение или трансформацию, определяет актуальность нашего исследования.

Категорией, которая позволяет описать образ «человек на войне» последовательно и в большей степени формализовано, является «концепт», который активно используют в когнитивистике и

лингвокультурологии для исследования различных аспектов восприятия и понимания текстов. Не останавливаясь на перечислении дефиниций концепта, которые в разнообразных вариантах представлены в трудах таких известных учёных, как З. Д. Попова [17], И.А. Стернин [17], В.И. Карасик [7], Ю.С. Степанов [19] и др., сформулируем рабочее понятие категории. Концепт есть знак и код культуры, явленный в понятии и закреплённый в сознании человека, который формируется на основании опыта познания и опыта жизни. К ключевым концептам русской концептосферы традиционно относятся «воля», «свобода», «степь», «лень» и многие другие. Разумеется, и такие понятия, как «человек» и «война» – концепты, которые моделируют наше восприятие действительности, трансформируются под влиянием новых событий и текстов, влияют на наше поведение и мышление. По мнению когнитивистов, концепты не только характеризуют языковую картину мира народа, но и способны формировать новую реальность, быть инструментами познания. Соответственно, актуальность темы исследования определяется вниманием к образу человека на войне, представленного

метафорическим комплексом концептов «человек» и «война», который не только активно транслируется в СМИ, в литературе, не только является предметом общей и личной рефлексии людей, живущих в России, но и влияет на формирование грядущих историй.

Концепт «человек». Языковой образ человека не сводим к той концептуальной информации, которую можно извлечь из словарной статьи типовых толковых словарей русского языка, он постоянно трансформируется и дополняется субъективными, мифологическими и даже научными представлениями, зависит от разнообразных процессов, происходящих в мире, актуализирующих значения этого концепта в разных контекстах.

Человек – это тело, нуждающееся в пище, одежде и тепле, предмет изучения науки и одновременно центр двух вселенных – внешней, природной, и внутренней, духовной [16].

Человек – властелин мира, хозяин, распорядитель всего живого и неживого, включая самого себя. Об этой же черте языкового менталитета можно сказать иначе: всё, что осваивается и присваивается человеческой мыслью, становится принадлежностью, частью, собственностью человека (в реальном или виртуальном мире) [1, 5, 20].

Человек – судья и пророк, оценивающий всё и вся, всевидящий и всезнающий, наделённый разумом и сверхразумом, чувствами и сверхчувствами, чудо создания, гений, «венец природы», сознающий этот свой дар всеведения [1, 5, 20].

Человек и мир – одно и то же: человек тождествен миру, всему, что входит или может войти в сферу его жизнедеятельности и сознания, что в той или иной степени зависит от него или от чего зависит он сам. Верно и обратное: мир тождествен человеку [20].

Человек – воплощение добра и зла, силы и слабости, простоты и сложности, величия и ничтожества, Бог и дьявол, царь и раб, бессмертная субстанция духа и в то же время тленная земная плоть, он ангелоподобен и звероподобен одновременно, мелок и велик, способен слиться с массой себе подобных и неповторим [16, 22].

Каждая из данных характеристик (их перечень можно значительно увеличить) создана на основе обобщения образной семантики слов, устойчивых и крылатых выражений и свободных высказываний о человеке. Каждая из обозначенных характеристик может оказаться доминантной и вступить в противоречие с предлагаемым контекстом.

Человек на войне – это человек в контексте, способном сузить число этих характеристик, но не стереть. В формуле «человек на войне» концепт «война» выполняет контекстуальную функцию. Связка концептов не воспринимается как исход-

ная, как естественная (например, «человек на земле» или «жизнь человека»), но хорошо знакома всем носителям русского языка. Соответственно, угол внимания в формуле «человек на войне» объективно смещается на человека, где война – сопутствующая величина, вторичная, но способная вывести различные константы жизни и их значения из периферии на болезненную ось восприятия. И как бы мы ни кодировали наше высказывание, его центром будет человек.

Концепт «война». Значимость концепта «война» в языковой картине мира человека, живущего в России, очевидна, поскольку борьба за выживание, за укрепление границ и новые территории – это остов истории не только России, но и многих других стран. Вместе с тем российский опыт осмысления (в том числе и литературный) военных историй и сюжетов имеет свою специфику, отличается от европейского, азиатского и т.д. [2, 3, 4, 6, 8, 10, 11, 15, 18, 21].

Активный слой концепта традиционно определяют на основе словарных статей (ядро концепта). Но актуальность словарных статей для анализа индивидуальных речевых практик снижается в периоды войн и военных операций, в случае новаторских трансляций концепта в культурных текстах (литература, кинематограф, СМИ). Появление новых словосмыслов, связанных с личным опытом, в случае работы с этим концептом можно предсказать на основании того, что мотивная составляющая событий объективно ограничена тем, что повторение трагедий и уроков истории – ещё одна модель нашего восприятия жизни, у которой есть разумные основания.

Ассоциативный эксперимент. Принципиальная особенность исследования любого концепта (или системы концептов) заключается в том, что невозможно провести анализ абсолютно всех языковых средств, ни один из всех существующих методов и приёмов не может зафиксировать все без исключения значения концепта. Но при этом существует возможность выйти к пониманию основных тенденций, влияющих на наше восприятие жизни. Ассоциативный эксперимент – это срез когнитивных реакций конкретной аудитории в конкретный период времени, обусловленных системой ценностей и читательских предпочтений этой аудитории. Ассоциативный эксперимент проводился в студенческой аудитории со следующими показателями: смешанный гендерный состав, 50 человек, возраст – 18-20 лет, социальный статус – бакалавры (студенты) технических специальностей Тюменского индустриального университета. Комментарии относительно специфики группы очевидны: призывной возраст, мотивация на получение инженерных профессий, склонность моде-

лизовать будущее, где карьера и профессия занимают одно из главных мест. Кроме того, в силу возраста на первый план могут выйти такие ценности, как дружба, любовь, семья и т.д. Читательские предпочтения студенческой аудитории в спектре произведений о войне представлены произведениями, которые, во-первых, могли быть предложены в рамках школьной программы по литературе (Л. Толстой, отечественная военная

проза XX века); во-вторых, вошли в актуальное поле читательских предпочтений благодаря экранизациям; в-третьих, стали книгами, которые нужно прочесть, под влиянием Интернет-ресурсов, где транслируется мировой опыт рецепции военной темы представлен.

Результаты ассоциативного эксперимента можно представить следующей таблицей:

Таблица 1

ЧЕЛОВЕК	ВОЙНА
жизнь (14)	смерть (22)
разум, сознание (13)	страх, ужас (18)
друг, сосед, знакомый (13)	солдат, враг (18)
общение, общество (12)	оружие, орудие, стрельба, пуля, бомба, танк, автомат (16)
развитие, эволюция (11)	разрушение, разруха (10)
личность, индивидуальность, характер (11)	армия, мобилизация, страна (10)
любовь, любимый человек (10)	отвага, мужество, патриотизм (10)
существо (10)	паника, предательство (6)
добро, красота (10)	зло, кровь (6)
работа, обучение, деятельность, труд, бизнес (10)	деньги, политика (4)
дом, семья (8)	слёзы, печаль, потеря (4)
планета, земля, мир, вселенная (6)	ядерное оружие (3)
тело, голова, анатомия (5)	убийство (3)
еда, пища (4)	голод, бедность, нищета (3)
вода, воздух (3)	огонь (2)
доброта, помощь, понимание (3)	помощь, защита, освобождение (2)
здоровье (3)	боль, опасность (2)
ребёнок, дети, потомство (3)	насилие, власть (2)
мечта, будущее (2)	граница, карта (2)

Итогом моделирования полевой организации концептов «человек» и «война» в рамках сопоставительного исследования послужило словесное представление смыслового содержания концептов в виде их полевых структур. Антиномии значений сформировались как на уровне семантики транслируемых значений, так и на уровне частотности: жизнь (14) – смерть (22), разум, сознание (13) – страх, ужас (18), друг, сосед, знакомый (13) – солдат, враг (18) и т.д. Столь феноменальное совпадение антиномий по рейтингу может объясняться, прежде всего, тем, что в языковом сознании русского человека концепты «человек» и «война» противостоят друг другу.

На периферии значений концепта «человек» были даны следующие ответы: сознание, красота, мама, быт, выбор, цель, свобода, сердце, голубой цвет в антиномии чёрному цвету (война), грех, мораль, книга, сила, студент, преподаватель.

На периферии значений концепта «война» были даны следующие ответы: битва, самолёт, книга, лагерь, штрафбат, дивизия, политика, грех, агрессия.

Анализ полученных реакций в ходе свободного ассоциативного эксперимента и субъективной де-

финиции показывает, что, во-первых, исследуемые концепты принципиально расходятся по содержанию и объёму ядерных зон и различаются когнитивными признаками периферии по принципу антиномии. Вместе с тем, частичное совпадение реакций в периферийной зоне (грех, книга, помощь) позволяет говорить о продуктивной плоскости сближения концептов.

Корреляция войны с политикой, игрой, с одной стороны, и с защитой, освобождением и патриотизмом, с другой стороны, – важный аргумент, отсылающий не только к демотивирующим аргументам, но и к дискурсу героического поведения, который плодотворно транслируется в текстах. Кроме того, мы можем говорить о том, что вытеснение концепта «война» из СМИ, своеобразный запрет на него – это попытка нивелировать шлейф ассоциаций, сопутствующих войне. По сути, речь идёт о продуктивной стратегии манипуляции мнением через язык, которая имеет место во все времена и характеризует связь между государством (системой) и человеком. В настоящее время такая стратегия реализуется в ситуации рефлексии и информационной войны, поэтому требует цензур-

ной поддержки, но от этого не теряет своей эффективности.

Понимание логики развития концептов, смещения, колебания значений в общественном сознании способствует эффективной коммуникации, а в русле литературного развития можно прогнозировать читательский успех определённых художественных текстов. Одновременно мы можем диагностировать, какую роль в формировании когнитивного феномена «человек на войне» отводится литературе.

У разных поколений читателей литературный контекст восприятия когнитивной формулы, определяющий бытование человека в условиях войны, представлен книгами из разных эпох и литератур. Наверное, было бы уместно в разговоре о русской концептосфере говорить исключительно о литературном наследии России, но факторами формирования концептов порой становятся и переводные произведения, которые в определённых случаях могут восприниматься как «свои». Переводная книга как элемент концептосферы народа – тема для специального исследования, но переводчики зачастую способны преодолевать зазоры между языковыми картинами мира в процессе переводческой деятельности. Охарактеризуем самый актуальный список литературных шедевров, оказавший и оказывающий влияние на людей в ситуации оценки и выбора, когда активизируется связь концептов «человек» и «война».

«Человек на войне» в мировой литературе.

Если выстроить художественные тексты не по степени их влияния на носителей русского языка, а по хронологии, опираясь на время их закрепления в памяти народов России, то следует начать с сочинений времён античности. При этом следует учесть, что зрелые граждане нашей страны были детьми во времена, когда античные шедевры активно транслировались как в популярных сериях книг, так и в советской мультипликации.

Античность – это эпоха войн, а собирательный образ героя – это воин, для которого война – привычное и даже необходимое условие существования. Действие самого старого произведения в истории европейской литературы, «Илиады» Гомера, разворачивается во время войны. Эпическая поэма разделена на главы-песни, и автор буквально поёт о битве греков с троянцами; сражения у Гомера – это лязг оружия и сонм боевых кличей, брызги крови, стоны умирающих воинов, и довольно реалистичные сцены смерти с обилием анатомических подробностей. Естественность и необходимость войны в жизни человека нашла отражение в таком культурном тропе, как «аристия», момент наивысшего могущества героя, когда он показывает в битве все свои лучшие стороны, а без битвы

его сущность могла бы столь ярко не воплотиться в факт жизни. Пафос героического и спустя два тысячелетия истории человечества берет своё начало в античных тропах и образцах, но реализуется в СМИ без учёта первоисточников, хотя этот ресурс не исчерпан и может быть полезен в формате воспитания необходимой стране мотивации идти на битву, чтобы реализоваться как герой.

Средние века в восприятии рядового отечественного читателя – это «тёмные времена», отмеченные широким распространением во все сферы идеи служения Богу. Из текстов, которые знал наш отечественный читатель, на первое место можно вывести шедевр французского народного эпоса. «Песнь о Роланде» издавалась и переводилась, сопоставлялась с нашим «Словом о полку Игореве...», а центральный герой эпоса Роланд, неистовый и преданный долгу служения королю и Богу, входит в число относительно знакомых героев. Примечательно, что уже в нашем столетии интерес к европейскому средневековью резко возрастает, т.е. подобные произведения оставляют когнитивный след в памяти жителей современной России, которым уже за 30, но нет 50-ти лет. В контексте средневекового эпоса формула «человек на войне» естественна, а война – это необходимость, поскольку мир требует очищения и освобождения. В ходе ассоциативного эксперимента на периферии значений концепта «война» мелькнуло слово «битва», отсылающее к этому контексту, а мотивы защиты и освобождения, значимые для маркирования современных ситуаций, косвенно поддерживаются текстами этой эпохи. Кроме того, идеологический выход РПЦ – это важный и сильный аргумент в создание нужной мотивационной среды, подобный тому, что звучал во времена Роланда.

«Три мушкетёра» А. Дюма – культовая книга у советских мальчишек прошлого столетия. Разумеется, приключенческая, притягивающая сюжетом и интригой, но косвенным образом повлиявшая на формирование нашего отечественного представления о человеке на войне. В частности, кодекс чести мушкетёра останется в памяти многих нынешних защитников Отечества, а основанием к нему станут представления о верной дружбе собратьев по оружию. Дружба – скрепа, необходимая человеку на войне и без войны, но на войне без неё особенно сложно.

Пропустим романтиков XIX века с их страстнымприятием битв и войн как предельных эпизодов жизни человека, способных сблизить миры, мысленно пролистаем страницы книг, посвящённые войне 1812 года, где среди первых наша – роман-эпопея Льва Толстого «Война и мир». Обозначим концептуальные моменты его опыта, по-

вливающие на всю мировую литературу, в т.ч. в изображении человека на войне. Отношение самого Толстого к войне было противоречивым. Будучи патриотом, он знал о высоких проявлениях патриотического чувства русского народа и имел возможность наглядно убедиться в этих чувствах. В то же время человек мужественный по природе, ещё с детства стремившийся к тому, чтобы испытать себя в трудных и рискованных жизненных положениях, Толстой, естественно, чувствовал потребность проверить себя и силу своей душевной стойкости в опасном деле войны. Однако отношение Толстого к войне приходило в столкновение с его морально-философскими взглядами, которые заставлял его становиться на путь христианского отрицания войн вообще, на путь поисков отвлечённой моральной правды, ставившей его в тупик, когда он пытался разобраться в том, как отличить на войне добро от зла, героизм от злодейства. Раскрывая перед нами внутренний мир героев, Толстой стремится описать не шаблонного героя, а живого человека, будто отвечая на вопрос: А что думал бы я на его месте? Подобная установка (проверить себя на предельный случай) будет важна в книгах представителей «лейтенантской прозы» (Константин Воробьёв «Убиты под Москвой», «Это мы, господа»; Виктор Курочкин «На войне как на войне»; Вячеслав Кондратьев «Отпуск по ранению»; Борис Васильев «А зори здесь тихие», «В списках не значился»; Василь Быков «Сотников»; Юрий Бондарев «Батальоны просят огня»), в произведениях которых война станет пространством предельных нравственных испытаний. Антивоенный пафос этих произведений не вызывает сомнений, но вместе с тем героям этих книг война нужна как единственная возможность познать цену собственной жизни, силу своего характера, натуры.

Самый известный рассказ В.М. Гаршина о войне «Четыре дня», напечатанный в №10 «Отечественных записок» за 1877 год, мог бы считаться книжным источником интеллигентских протестов против всякой войны. У позиции Гаршина хрестоматийная основа, а психологизм укрупняет человека, превращает абстрактного человека в реального и позволяет читателю прожить жизнь конкретного человека. Но следует отметить, что в последние десятилетия интерес отечественных читателей к русской литературе заметно снизился, поэтому и о существовании этого рассказа сегодня знают только узкие специалисты в истории литературы. Чуть больше повезло А. Платонову с его повестью «Возвращение», которая была вольно экранизирована в прошлом культовым отечественным режиссёром.

Примечательно, что молодые люди нового столетия всё чаще открывают страницы зарубежных книг. Это происходит по разным причинам, обоснованию которых можно посвятить специальное исследование, но на фоне этого интереса в масштабах когнитивной формулы «человек на войне» актуализировались антивоенные установки. Самые первые тексты, которые находятся на поверхности военной темы: А. Барбюс «Огонь», Э. М. Ремарк «На западном фронте без перемен», Э. Хемингуэй «Прощай, оружие!», Р. Олдингтон «Смерть героя». В последние месяцы отсылки к этим книгам периодически мелькают в социальных Сетях в качестве демонстрации антивоенной позиции авторов страниц, мотивируют к чтению.

Нарочито осторожное отношение официальных российских каналов к военной тематике является естественным продолжением темы о концептуальной формуле «человек на войне», поскольку прагматические задачи государства не могут быть решены с помощью литературы. Причиной тому – сама литература, которая «часто не предсказуема» в своих влияниях на читателя, хотя её герой является «продуктом идеологии своего времени» (Ю. М. Лотман). Известный российский исследователь Ю.М. Лотман ещё 20 лет назад писал об исчезновении «человека письменной культуры» [13, 14], на смену которой придёт другой – (мы уже хорошо знакомы с ним) «человек культуры Интернет», но, ориентируясь на долгосрочные цели созидания, мы всё-таки продолжаем цитировать книги, говорить о них и читать.

Основные выводы нашего исследования можно сформулировать следующим образом:

- Понимание логики развития концептов, механизмов, определяющих колебания значений в общественном сознании, способствует эффективной коммуникации (пропаганда, выбор литературных стратегий и т.п.).

- У разных поколений читателей литературный контекст восприятия когнитивной формулы «человек на войне», определяющий бытование человека в условиях войны, представлен книгами из разных эпох и литератур.

- Современная роль чтения художественной литературы в процессе формирования русской концептосферы заметно ниже той, что была в «догаджетовый» период развития человечества (на смену «человек книжной культуры» пришёл «человек культуры Интернет»).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта, 2018. 248 с.
3. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафология: монография. СПб.: Научное издание технологий, 2020. 464 с.
4. Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 180 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 228 с.
6. Голубенко Е.А. Полевая организация концептов «война» и «мир» в современной языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 197 – 212.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Кожевникова М.А. Концепт «война»: его метафорические репрезентации в информационном пространстве и доминанты в общественном сознании // Военно-филологический журнал. 2022. № 3. С. 21 – 36.
9. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002. 448 с.
10. Колесниченко Л.В., Красицкая Н.С. Структура и методы исследования концептов: концепт «война» в индивидуальном сознании языковой личности // Научный потенциал. 2020. № 3 (30). С. 85 – 89.
11. Крячко В.Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... кандидата филолог. наук. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. 24 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. М., 1990. С. 387 – 416.
13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера. М., 1996. 404 с.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб, 2000. 703с.
15. Некрасова М.Ю. Обзор современных отечественных лингвистических и когнитивных исследований концепта «война» // Язык и личность в поликультурном пространстве: Сборник статей / под ред. Л.В. Адониной, О. С. Фисенко. Москва: Изд-во «Перо», 2016. С. 50 – 54.
16. Одинцова М.П. Обитатели «духовной вселенной» в русской языковой картине мира // Филол. ежегодник. 2002. № 4. С. 17 – 23.
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
18. Разумов И.А. Человек на войне в рассказах Г.Ф. Лавкрафта: безумие героя, самоубийство цивилизации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 357 – 362.
19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 41 – 44.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвистический аспекты. М., 1996. 288 с.
21. Хоруженко В.А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике: дис. ... канд. филолог. наук. М., 2010. 162 с.
22. Языковой образ-концепт «человек» в русской языковой картине мира: Ипостаси, параметры, семантические и семантикосинтаксические категории, модели и субмодели, коммуникативнопрагматические реализации: монография / под ред. О.В. Коротун, Н.Д. Федяевой. Омск: Вариант-Омск, 2011. 122 с.

References

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M., 1999. 896 s.
2. Budaev Je.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskoj komunikacii: monografija. M.: Flinta, 2018. 248 s.
3. Budaev Je.V. Sopostavitel'naja politicheskaja metafologija: monografija. SPb.: Naukoemkie tehnologii, 2020. 464 s.
4. Venediktova L.N. Koncept «vojna» v jazykovej kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2004. 180 s.
5. Vol'f E.M. Funkcional'naja semantika ocenki. M., 1985. 228 s.
6. Golubenko E.A. Polevaja organizacija konceptov «vojna» i «mir» v sovremennoj jazykovej kartine mira. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2019. T. 10. № 1. S. 197 – 212.
7. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
8. Kozhevnikova M.A. Koncept «vojna»: ego metaforicheskie reprezentacii v informacionnom prostranstve i dominanty v obshhestvennom soznanii. Voенно-филологический журнал. 2022. № 3. S. 21 – 36.
9. Kolesov V.V. Filosofija russkogo slova. SPb., 2002. 448 s.

10. Kolesnichenko L.V., Krasickaja N.S. Struktura i metody issledovanija konceptov: koncept «vojna» v individual'nom soznanii jazykovoj lichnosti. Nauchnyj potencial. 2020. № 3 (30). S. 85 – 89.
11. Krjachko V.B. Konceptosfera «vojna» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kandidata filolog. nauk. Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd, 2007. 24 s.
12. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforj, kotorymi my zhivem. Teorija metaforj: Sb. M., 1990. S. 387 – 416.
13. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhijh mirov. Chelovek – Tekst – Semiosfera. M., 1996. 404 s.
14. Lotman Ju.M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhijh mirov. SPb, 2000. 703s.
15. Nekrasova M.Ju. Obzor sovremennyh otechestvennyh lingvisticheskijh i kognitivnyh issledovanij koncepta «vojna». Jazyk i lichnost' v polikul'turnom prostranstve: Sbornik statej. pod red. L.V. Adoninoj, O. S. Fisenko. Moskva: Izd-vo «Pero», 2016. S. 50 – 54.
16. Odincova M.P. Obitateli «duhovnoj vselennoj» v russkoj jazykovoj kartine mira. Filol. ezhegodnik. 2002. № 4. S. 17 – 23.
17. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2010. 314 s.
18. Razumov I.A. Chelovek na vojne v rasskazah G.F. Lavkrafta: bezumie geroja, samoubijstvo civilizacii. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. № 2. S. 357 – 362.
19. Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. S. 41 – 44.
20. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvisticheskij aspekty. M., 1996. 288 s.
21. Horuzhenko V.A. Koncepty «Vojna» i «Vrag» v sovremennoj russkojazyčnoj publicistike: dis. ... kand. filolog. nauk. M., 2010. 162 s.
22. Jazykovoj obraz-koncept «chelovek» v russkoj jazykovoj kartine mira: Ipostasi, parametry, semanticheskie i semantikosintaksicheskie kategorii, modeli i submodeli, kommunikativnopragma-ticheskie realizacii: monografija. pod red. O.V. Korotun, N.D. Fedjaevoj. Omsk: Variant-Omsk, 2011. 122 s.

*Nikulina N.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Industrial University of Tyumen*

"MAN AT WAR" AS A COGNITIVE PHENOMENON IN THE CONTEXT OF LITERARY REPRESENTATIONS

Abstract: the article presents the analysis of actual representations of conceptual image "man at war" in the minds of young people living in Russia, influenced not only by the events of current reality and mass media, but also by world literature. Relevance of the research topic is determined by scientific attention to the phenomena that shape the mentality of the Russians, as well as the role of books and reading of fiction texts in the formation of the modern man. The paper uses the results of associative experiment and monitoring of reading preferences of students of Industrial University of Tyumen, presents observations determining the relationship between reading fiction and attitudes towards the events of current life. The paper analyses the concepts "man" and "war", summarizes the experience of their study in modern linguistics, and then investigates conceptual convergence of the concepts in the perspective of the cognitive formula "man at war". An important stage of the study is the substantiation of the cognitive phenomenon "man at war" in the context of works of fiction, which to a large extent are in demand of domestic readers, and accordingly, participate in the formation of the Russian conceptosphere as active stimuli, which form the values of concepts, conceptual metaphors and formulas. Such books include both works of Russian literature (L. Tolstoy "Sevastopol Stories", V.M. Garshin "Four Days", "lieutenants' prose" of the twentieth century) and works of foreign authors (Homer "The Iliad", A. Dumas "The Three Musketeers", A. Barbusse "Fire", novels of the "lost generation", etc.). According to the author of the publication, understanding the logic of the development of concepts and the mechanisms that determine the fluctuations of meanings in the public consciousness contributes to effective communication (propaganda, choice of literary strategies, etc.).

Keywords: man at war, concept of man, concept of war, world literature, associative experiment, books on war

For citation: Nikulina N.A. "Man at war" as a cognitive phenomenon in the context of literary representations. Modern Scientist. 2023. 1. P. 46 – 52.

*Черемных Ю.А., аспирант,
Пермский государственный научно-исследовательский университет*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «СОБАКА» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Аннотация: культурные ценности в их паремиологической форме представляют собой весомую составляющую национального мировоззрения, для выявления особенностей как концептуальной, так и языковой картин мира представляется необходимым продолжать когнитивную интерпретацию зооморфизмов лингвистическими методами. Внутреннюю форму и предикативную основу паремии, как правило, составляет конкретное понятие (концепт) и действия, которые инициируются им или же направлены на него. В русской культуре понятием такого рода нередко выступает определённое животное, чья функция – быть образным примером той или иной жизненной ситуации в назидательных или развлекательных целях. В статье проведён обзорный анализ особенностей реализации и восприятия концепта «собака» в паремиологической нише русского языка. Это объясняется многотысячелетней и прочной связью между данным животным и людьми, случившейся благодаря успешной доместикации псовых. Благодаря успешной метафоризации рассматриваемый зооним часто используется в фольклоре в качестве зеркала поведенческих и иных характеристик отдельных людей и взаимоотношений в обществе в целом. Паремии с компонентом-зоонимом «собака» многообразны, демонстрируют положительные и отрицательные свойства характера этого животного, зачастую содержат назидание, однако не обходят вниманием и присущие собаке верность, готовность выносить лишения, ориентированность на выживание только в человеческом обществе.

Ключевые слова: паремия, собака, концепт, метафора, пословица, загадка, примета

Для цитирования: Черемных Ю.А. Семантический и лингвокультурологические аспекты понятия «собака» в русской паремиологии // Современный ученый. 2023. № 1. С. 53 – 58.

Единицы фразеологии с зоонимным компонентом, интерпретирующие концепт «собака», давно и прочно укоренились в русском языке. Исследователи-паремиологи, изучая краткие и образные словосочетания из фольклора, афоризмы народного происхождения, пословицы и поговорки, совместно с лексикографами фиксируют этнокультурные стереотипы и базовые ментальные представления носителей языка о том или ином конкретном понятии, попутно создавая паремиографические тезаурусы. В основе образования паремий лежит механизм категоризации, обозначающий креативное речемышление человека на основе сравнения объектов действительности, поиска их сходства и метонимии [6, с. 110].

Паремии влияют на коммуникативные процессы и функции, демонстрируя абстрактные модели жизненных ситуаций; содержат морально-этические императивы; прогнозы и предсказания; поясняют особенности картины мира той или иной общности, а также служат развлечению аудитории.

При помощи того или иного анималистического концепта в паремиологии происходит обозначение определённой личности: её качеств и привычек, ценностей и поступков путём сравнения с одним из знаковых для народа животных. Известно, к примеру, что слово «крыса», употреблённое применительно к человеку, однозначно трактуется всеми как воровские наклонности или подтвер-

ждённые поступки такого рода, причём данный человек не гнушается красть в собственном коллективе. Животные, которые привычно упоминаются носителями языка с отсылкой к паремиологическим метафорам, имеют значительный семантический бэкграунд, который не даёт им уйти из обиходной речи и художественной литературы.

Коль скоро культурные ценности в их паремиологической форме представляют собой весомую составляющую национального мировоззрения, для выявления особенностей как концептуальной, так и языковой картин мира представляется необходимым продолжать когнитивную интерпретацию зооморфизмов лингвистическими методами. В неё входят, в том числе описание границ семантических полей ключевых анималистических концептов паремиологических единиц.

Важно отметить, что паремиология не нацелена исключительно на диахронический метод исследования языковой картины мира; в равной степени область её научного интереса распространяется и на синхроническую ипостась языка, благодаря чему паремиографы продолжают пополнять сведения о вновь появляющихся фразеологических единицах, фиксировать их, сопровождая каждую новую соответствующей лингвокультурологической расшифровкой. Само по себе название этого направления филологии берёт своё начало из двух древнегреческих слов: *παροιμία* *paroiμία* – притча, пословица и *λόγος* *logos* – слово, учение [20]. Раз-

граничение между пословицами и пословичными изречениями пытался провести ещё В.И. Даль, знаковый исследователь русской паремиологии. Вошедшие в его словарь лексические единицы он именовал как «...пословицы, пословичные изречения, поговорки, присловья, скоро(чисто)говорки, прибаутки, загадки, поверья, приметы, суеверья и много речений, коим не сумею дать общей клички» [8, с. 30]. В.И. Даль видел, что водораздел между пословицей, пословичным изречением и поговоркой достаточно условен; он приводит пример небольшой трансформации поговорки, которая становится в определённой ситуации пословицей: «...“Он сваливает с больной головы на здоровую”, “Он чужими руками жар загребает” – поговорки, поскольку та и другая указывают на эгоиста, который заботится о себе, не щадя других. Но скажите: “Сваливать с больной головы на здоровую не накладно”; “Одного сукна епанча не рознится”; “Чужими руками жар загребать легко” – и все это уже пословицы, заключающие в себе полную притчу» [7, с. 11].

Пытаясь разграничить эти фразеологические единицы, он писал: «Но, назвав пословицу, поговорку, присловье и пр., я таки пришел в тот тупик, из которого не вылезть, не объяснив, что именно я под этими названиями разумею или как понимает их народ. Пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но “одна речь не пословица”: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [16, с. 14].

Поговорка, по В.И. Далю, – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: он пьян, а скажет: “У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половине не пройдет, он мыслете пишет” и пр.» [16, с. 15].

Русские паремии утверждают ценность традиционного опыта: «Старинная пословица не мимо молвится, старая пословица век не сломится» [17, с. 421]. Хотя также он отмечал, что сборник

народных пословиц «...не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народною глупостию, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе; что худо, того бегай; что добро, тому следуй; но не прячь, не скрывай ни добра, ни худа, а покажи, что есть.» [16, с. 13-14].

В свою очередь современные исследователи ищут более конкретизированное определение каждой паремиологической единицы. Например, А.В. Артёмова, пишет, что «пословицы отражают не фрагмент действительности, а переосмысленное понятие о явлениях реального мира. Все их значения связаны с человеком, его восприятием мира и отношением к действительности» [1].

Более дифференцированные определения паремий последовательно возникали по мере продолжения теоретических изысканий в области современной паремиологии и из-за необходимости их лексикографической фиксации. Каждая единица такого рода обладает дифференцирующими признаками, позволяющими точно разграничивать их между собой. Так, автор «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жуков [4, с. 9] объясняет своё видение разницы между классами включаемых в словарь лексических единиц, используя как семантический, так и синтаксические критерии. Он отграничил фразеологизмы, отнеся их к единицам с открытой, незамкнутой структурой, ядром которой являются дополняемые понятия, например: «глаза на лоб лезут (у кого-то)», «медведь на ухо наступил» (кому-то) от пословиц и поговорок. У последних предполагается замкнутая структура, они завершены в аспекте смысла и интонации, обладают синтаксической членимостью и признаками предложения – категории предикативности и модальности [4, с. 9].

Отличие от других фразеологических единиц, почти все паремии сохраняют то прямое значение, которое было придано им изначально на основе конкретного жизненного явления. Овладевая новым языком, необходимо не только понять его грамматику, занять достаточный словарный запас, выучить идиомы, но и уметь расшифровывать встречающиеся в нём пословицы, поговорки, приметы, загадки, вникнув в народный этос и присущее носителям языка мировоззрение. Кроме того, многие паремии настолько органично вошли в речь, что их можно употреблять в усечённом виде или лишь намекать на суть пословицы, поговорки и т.д., однако свободно владеющему языком в такой ситуации будет легко понять её контекст.

Внутреннюю форму и предикативную основу

паремии, как правило, составляет конкретное понятие (концепт) и действия, которые инициируются им или же направлены на него. В русской культуре понятием такого рода нередко выступает определённое животное, чья функция – быть образным примером той или иной жизненной ситуации в назидательных или развлекательных целях. Частотность, с которой оно (понятие) встречается, зависит от вовлечённости конкретного представителя фауны в повседневное человеческое бытие. В разных паремиях один и тот же вид животного способен обладать как положительными, так и отрицательными качествами, что определяется историческими традициями его взаимоотношений с человеком. Так, концепт «собака» весьма распространён в русской паремииологии по причине многотысячелетней и прочной связи между данным животным и людьми, случившейся благодаря успешной domestикации псовых. В толковых словарях лексема «собака» определяется как «домашнее животное, которое родственное волку, из семейства псовых, используемое человеком в упряжке, на охоте, для охраны (на Севере)» [10, с. 168]; как «домашнее животное, принадлежащее семейству псовых» [5, с. 739].

Паремии закрепляют знание человека о мире, передавая его из поколения в поколение. Переоценить значение устного фольклора во времена недостаточного уровня грамотности простых людей и отсутствия доступа к печатному слову невозможно. В пословицах и поговорках о собаках описываются не только их образ жизни, но и конкретные ситуации; проводится регулярное сравнение собаки с человеком.

Например, паремия «Как собака на сене лежит, и сам ни ест, и другим не даёт» подразумевает жадность или ревность через отсылку к таким же качествам собаки, проявляющимся во время конкуренции за еду, даже если давно пришло чувство сытости.

Интересны фразеологические единицы, описывающие сложный процесс отношений между людьми и их мнимыми друзьями, а также притворно лояльное поведение: «Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает», «Не та собака кусает, что лает, а та, что молчит и хвостом виляет», «Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой». Народная мудрость, заложенная в них, актуальна и по сию пору: следует не доверять тем, кто кажется спокойным и безопасным, если у них есть мотив навредить.

В паремиях с анималистическим компонентом зачастую отражена система иерархии, присущая животному миру и полезная для усвоения для выстраивания отношений в социуме. Так, наказания «своя собака лайся, а чужая не впрядывай» или

«не мешайся деревенская собака промеж городских» подразумевают, что не следует вмешиваться в чужой конфликт или пытаться навязать своё мнение тем, кто в нём не заинтересован или выше по положению и опыту.

Собаки могут выступать и как символ чего-либо, становясь иносказательным, а иногда и императивным примером привычного или желаемого человеческого поведения, например, стремления к свободе и беззаботности: «Вольно собаке на небо лаять». Взаимосвязь финансового благополучия и ровных отношений с другими отражена в выражении: «Брось псу кусок, так он и не лает». Отсутствие зависимости между ощущением своего «я» и почтенным возрастом описывается так: «Старый пёс – не волк и не батька, а все тот же пёс». Необдуманная беспечность и сборы в последнюю минуту это «На охоту ехать – собак кормить». От неадекватного выбора напарников и друзей, в том числе среди врагов предостерегают «Волка на собак в помощь не зови», «С собакой ляжешь, с блохами встанешь».

Пословицы, поговорки, присловья и проч. весьма разнообразны по содержанию и увеличивают объём концепта «собака» благодаря детализированному описанию самого животного, его образа жизни и характера, взаимодействия с миром путём ассоциирования с происходящим в человеческом социуме. К примеру, образная аналогия с поведением собаки в своём жилище используется для обозначения липовой храбрости человека, имеющего невидимые крепкие тылы, поддержку: «На своём дворе всякая собака лает». Насмешливость, ироничность присущи ряду поговорок, указывающих на паталогического бездельника, которому приписывается какое-то абсурдное занятие: «Кнуты вьёт, да собак бьёт»; «Пошёл собак бить, собак гонять, шляться»; «Пошёл черных кобелей набело перемывать»; «Пошёл собак продавать». Крылатое выражение «Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на слона», сообщает читателю (слушателю) о персонаже, который храбр для виду, желает показать свой склочнический характер и самоутвердиться на фоне кого-то значимого, кто не станет обращать внимание на вызывающее поведение «моськи», так как это для него не по статусу.

Афоризмы с анималистическим компонентом могут быть как назидательными, так и описательными, развёрнуто описывая поведение питомцев и их привязанность к людям; речь идёт, в том числе и о кошках, петухах, лошадях и т.д. Говоря же о собаке, следует упомянуть следующие из них: «Собака так предана, что даже не веришь в то, что человек заслуживает такой любви» (И. Ильф); «Собаки разговаривают, но только с теми, кто

умеет слушать» (Орхан Памук); «Собака – единственное существо, воочию видевшее своего Бога» (Джек Лондон); «Я давно подозревал, что собаки гораздо умнее человека; я даже был уверен, что она может говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политик: всё замечает, все шаги человека» (Н.В. Гоголь); «За деньги можно купить любую собаку – но не вливание её хвоста» (Г. У. Шоу).

В загадках, как правило, присутствуют аллегорические и сравнительные описания; их задача – в умении соединить действительное с невозможным [9, с. 80]. Понятие «собака» в качестве ответа или в виде отсылки к ней в тексте загадки демонстрируется при помощи метафорического компонента, а разгадка должна быть получена при задействовании абстрактного мышления, позволяющего смоделировать ядро смысла метафоры и перенести его на иные ситуации.

К примеру, в загадке «Заворчал живой замок, лег у двери поперёк» проводится отсылка к неодушевлённому предмету, который парадоксальным образом получил возможность действовать по своему разумению. Однако реципиент вычленяет ключевые единицы смысла ситуации: устройство, предназначенное для предотвращения краж, проявило себя как одушевлённое, продуцирует звук недовольства (ворчит) и каким-то образом расположилось у двери, перекрывая вход в помещение. Сопоставление с собакой, как наиболее подходящей разгадкой данной метафоры, происходит по следующим критериям: функция охраны (замок); демонстрация недовольства голосом (собака зачастую сдавленно рычит, прежде чем начать лаять); вплотную и поперёк у двери собака ложится, если твёрдо намерена не впускать в жилище посторонних.

Загадки-метафоры, даже если ответом на загадку сама собака не является, могут косвенно упоминать о навыках этого животного, его привычках и привязанностях: «Дудка-дуда, на дудке дыра; дуда затрещит, собака бежит» (ответ: ружьё); «В дом чужого не пушу, без хозяина грушу» (ответ: собака); «Гладишь – ласкается, дразнишь – кусается» (ответ: собака); «С хозяином дружит, дом сторожит, живет под крыльечком и хвост колечком» (ответ: собака). Легко заметить, что афоризмы максимально соотношены с реальностью, тогда как загадка есть зашифрованное послание, аллегория, художественный вызов воображению адресата этого посыла. К примеру: «Не говорит, не поёт, а кто к хозяину идёт – она знать даёт» (ответ: собака); «Кривая собака в печку глядит» (ответ: кот); «Чёрненька собачка, свернувшись, лежит: ни лает, ни кусает, в дом не пускает» (ответ: замок); «Четверо стелют, двое светят, а один лежит,

никого не пустит» (ответ: собака); «Маленька собачка (маленький, пузатенький) весь дом бережёт» (ответ: замок) [18]. Любопытно, что концепт «собака» в русском фольклоре коррелирует с понятием «замок», выделяя охранные качества домашнего питомца как неотъемлемо ему присущие.

Приметы и поверья – ещё один пласт фольклорных паремиологических единиц. В. К. Харченко пишет: «Народная примета – это проверенное многократными наблюдениями или традиционно принятое и передаваемое из поколения в поколение предсказание событий, выраженное в краткой, отточенной форме» [11]. Как полагает С.В. Туганова, термины «суеверие» и «примета» идут бок о бок друг с другом, сохраняя в себе ментальный рациональный и иррациональный опыт использующей их общности [14, с. 7]. Суеверная примета обусловлена укоренившимся в народе предположением о связи между некоторыми явлениями природы и дальнейшим развитием событий в повседневном быте. Туганова подразделяет приметы на: «наблюдения», «знамения», «правила», «запреты» [14, с. 7, 8]. М.И. Шахнович подразделяет поверья на «верные» и «суеверные», а Е.Г. Павлова дифференцирует «естественные» и «суеверные» народные верования [12, 13]. И. А. Чергинец определяет суеверия «...как транслируемые культурной традицией вербализованные иррациональные компоненты обыденного сознания, в соответствии с которыми человек моделирует свое поведение» [15, с. 84-85].

Аналогично иным видам паремий приметы, поверья (суеверия) демонстрируют разнообразие представлений о собаке, транслируя через него знаки смерти и неудач. Примеров тому множество: «Собака роет яму перед окном – к покойнику»; «Воет, опустив морду к земле, – к покойнику»; «Если воет перед окнами, особенно больного – непременно к смерти его»; «Не ест крошки после больного – быстрая смерть» и др. [21]. «Если собака разобьёт окно изнутри дома, то неприятностей ждать в самом доме», «Воет и держит морду прямо – к голоду» и др. [21]. Иногда (гораздо реже) собака всё же выступает в роли позитивного предзнаменования: «В чью сторону собака тянется, тому она обещает прибыль»; «Собаки играют – к свадьбе»; «Трётся около идущих по улице – к подаркам» и др. Неудивительно, что домашние уличные сторожи стали в народе и своеобразным «метеорологом»: «естественные» поверья, связанные с её поведением, основаны на высокой восприимчивости животных к различным явлениям природы: «Мало ест и много спит – к дождю», «Валяется – к ненастью»; «Если собака начнет кататься по земле, как лошадь, то это предвещает непогоду»; «Траву жуёт – к дождю» и др. [там же].

Можно предположить, что корни наиболее негативных примет и поверий из упомянутых объясняются вековыми православными традициями русского общества. Так, после появления собаки в церкви требовалось заново освятить всё здание, в противном случае оно считалось осквернённым. На кошку же такие ограничения не накладывались.

Благодаря своему сильному коннотативному потенциалу, зооним «собака» способен подчёркивать то или иное действие или обстоятельство, придавая ему значимость, выраженность, напр., «устал как собака» (очень сильно); «как собак нерезаных» (много); «не твоё собачье дело!» (жёсткое требование не вмешиваться); «вешать всех

собак» (обвинить во всём одного человека).

Собака представлена в русской паремиологии в разных ипостасях – обладающей как положительными, так и отрицательными качествами. К первым люди относят преданность, верность, ум, доброту, ко вторым – конфликтогенность, ревность, готовность неожиданно укусить, неумение вовремя замолчать и т.д. Поскольку паремиологические единицы постоянно формируются на протяжении хода истории любого общества, можно предположить появление новых поговорок и пословиц, афоризмов, загадок, примет, интернет-мемов, которые обогатят, в том числе и семантическое содержание понятия «собака».

Литература

1. Артёмова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта женщина в семантике ФЕ (материале английской и русской фразеологии): дис. ...канд. филол. наук. Пятигорск 2000. 177 с.
2. Даль В.И. О пословицах, предрассудках, суевериях русского народа. СПб. М., 1880. С. 4.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3 М., 1980. С. 357.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 6. изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 534 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 938 с.
6. Потапова Н.А., Шукина Д.А. Русские паремии и механизмы человеческого мышления (выражение обобщённого значения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. № 4. С. 109 – 119.
7. Савенкова Л.Б. Мы в зеркале пословиц. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006 (Ростов н/Д: Книга). 125 с.
8. Селивёрстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость: монография. 3-е издание, стереотипное. Москва: Изд-во «ФЛИНТА», 2017. 294 с.
9. Сибиряков И.В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании: монография. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2006. 128 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева; АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1985. 431 с.
11. Харченко В.К. Язык народной приметы // Рус. яз. в школе. 1992. № 1. С. 78 – 82.
12. Шахнович М.И. Приметы верные и суеверные: Атеист. очерки нар. знания и быт. Суеверия. Л.: Лен-издат, 1984. 190 с. С. 5.
13. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 294 – 299.
14. Туганова С.В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис. ... канд. филолог. наук. Казань, 2006. 183 с.
15. Чергинец И.А. Лингвокультурный статус суеверий и предрассудков в русской лингвокультуре. Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал. 2008. № 4. С. 83 – 87.
16. URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom1_1989.pdf Даль том 1 (дата обращения: 01.11.2022)
17. URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom2_1989.pdf Даль том 2 (дата обращения: 01.11.2022)
18. URL: <https://multi-mama.ru/zagadka-pro-sobaku-dlya-detej> (дата обращения: 14.10.2022)
19. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/permyakov1.pdf> (дата обращения: 20.10.2022)
20. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Паремиология> (дата обращения: 13.10.2022)
21. URL: <https://stihi.ru/2011/06/28/4591> (дата обращения: 17.10.2022)

References

1. Artjomova A.V. Jemotivno-ocenocnaja ob#ektivacija koncepta zhenshhina v semantike FE (materiale anglijskoj i ruskoj frazeologii): dis.kand. filol. nauk. Pjatigorsk 2000. 177 s.
2. Dal' V.I. O poslovicah, predrassudkah, sueverijah russkogo naroda. SPb. M., 1880. S. 4.
3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: V 4 t. T. 3 M., 1980. S. 357.
4. Zhukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. 6. izd., stereotip. M.: Rus. jaz., 1998. 534 s.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij. Rossijskaja akad. nauk, In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moskva: A TEMP, 2006. 938 s.
6. Potapova N.A., Shhukina D.A. Russkie paremii i mehanizmy chelovecheskogo myshlenija (vyrazhenie obobshhjonno go znachenija) Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2020. № 4. S. 109 – 119.
7. Savenkova L.B. My v zerkale poslovic. Rostov-na-Donu: Feniks, 2006 (Rostov n/D: Kniga). 125 s.
8. Selivjorstova E.I. Prostranstvo ruskoj poslovicy: postojanstvo i izmenchivost': monografija. 3-e izdanie, stereotipnoe. Moskva: Izd-vo «FLINTA», 2017. 294 s.
9. Sibirjakov I.V. Metafora: gnoseologicheskij status, mehanizmy realizacii i rol' v poznanii: monografija. Cheljabinsk: Cheljabinskaja gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2006. 128 s.
10. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. gl. red. A.P. Evgen'eva; AN SSSR, In-t rus. jaz. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. jaz., 1985. 431 s.
11. Harchenko V.K. Jazyk narodnoj primety. Rus. jaz. v shkole. 1992. № 1. S. 78 – 82.
12. Shahnovich M.I. Primety vernye i suevernye: Ateist. ocherki nar. znaniya i byt. Sueverija. L.: Lenizdat, 1984. 190 s. S. 5.
13. Pavlova E.G. Opyt klassifikacii narodnyh primet. Paremiologicheskie issledovaniya. M., 1984. C. 294 – 299.
14. Tuganova S.V. Sintagmatika i paradigmatica russkih i anglijskih suevernyh primet antropologicheskij napravlenosti: dis. ... kand. filolog. nauk. Kazan', 2006. 183 s.
15. Cherginec I.A. Lingvokul'turnyj status sueverij i predrassudkov v ruskoj lingvokul'ture. Nauchnaja mysl' Kavkaza: nauchnyj i obshhestvenno-teoreticheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 83 – 87.
16. URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom1_1989.pdf Dal' tom 1 (data obrashhenija: 01.11.2022)
17. URL: https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom2_1989.pdf Dal' tom 2 (data obrashhenija: 01.11.2022)
18. URL: <https://multi-mama.ru/zagadka-pro-sobaku-dlya-detej> (data obrashhenija: 14.10.2022)
19. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/permyakov1.pdf> (data obrashhenija: 20.10.2022)
20. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Paremiologija> (data obrashhenija: 13.10.2022)
21. URL: <https://stihi.ru/2011/06/28/4591> (data obrashhenija: 17.10.2022)

*Cheremnykh Yu.A., Postgraduate,
Perm State Research University*

SEMANTIC AND LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS OF THE CONCEPT “DOG” IN RUSSIAN PAREMIOLOGY

Abstract: cultural values in their paremiological form represent a significant component of the national worldview, in order to identify the features of both conceptual and linguistic worldviews, it seems necessary to continue the cognitive interpretation of zoomorphisms by linguistic methods. The internal form and predicative basis of a paremia, as a rule, is a specific concept and actions that are initiated by it or directed at it. In Russian culture, this kind of concept is often a certain animal, whose function is to be a figurative example of a particular life situation for edifying or entertaining purposes. The article provides an overview of the concept "dog" features of the implementation and perception in the paremiological niche of the Russian language. This is due to the many thousands of years and strong connection between this animal and humans, which happened due to the successful domestication of canids. Thanks to its easy metaphorization this zoonym is often used in folklore as people's behavioral and other characteristics mirror and relationships in society. Paroemias with the zoonym "dog" are diverse and demonstrate some positive and negative properties of the nature of this animal, often contain edification, but don't ignore the loyalty inherent in the dog, the willingness to endure hardships, and it's focus on survival only in human society.

Keywords: paremia, dog, concept, metaphor, proverb, riddle, omen

For citation: Cheremnykh Yu.A. Semantic and linguoculturological aspects of the concept “dog” in Russian paremiology. Modern Scientist. 2023. 1. P. 53 – 58.

*Губаева Н.Г., кандидат педагогических наук, доцент,
Рубаева В.П., кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ)*

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация: одной из ключевых задач в сфере обучения иностранным языкам выступает издание лингвострановедческого словаря как средства формирования межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся. В статье под лингвострановедческой компетенцией автором понимается структурированная система знаний, позволяющая во всей полноте представить культурные страноведческие явления, связанные с установленными лексическими или грамматическими знаками, сопоставить их с соответствующими явлениями родной культуры, и, тем самым, сформировать диалог культур, выступая в качестве связующего звена. В данную систему знаний входят также семантические понятия, социальные функции, самобытность, традиции, реалии страны изучаемого языка и т.д. Как известно, одним из основных механизмов сбора, лексикографической обработки и сохранения лингвострановедческой информации, выступает словарь. Авторами описываются основные механизмы и структурные компоненты лингвострановедческого словаря, благодаря которому человек знакомится с культурой другого народа в процессе изучения иностранного языка. Лингвострановедческий аспект в освоении иностранного языка должен основываться на выявление и описание корпуса лексических и фразеологических единиц, культурно маркированные реалии, восприятия языка как общественного явления. Лингвострановедческая лексика в словаре, бесспорно, расширяет знания о национальных особенностях культуры народов страны изучаемого языка, помогает осмыслить специфику языка, содержание и смысл текста.

Ключевые слова: иностранный язык, лингвострановедческая компетенция, лингвокультурология, словарь

Для цитирования: Губаева Н.Г., Рубаева В.П. Лингвострановедческий словарь как средство повышения межкультурной коммуникативной компетенции // Современный ученый. 2023. № 1. С. 59 – 64.

Построение процесса обучения иностранному языку на основе лингвострановедческого подхода продиктовано объективной необходимостью использования коммуникативной методики ознакомления обучающихся с интеркультурным компонентом языка. Это и обуславливает эффективность коммуникативного общения, которая заключается в том, что процесс обучения иностранному языку является функционально-организационной моделью процесса общения представителей различных культур. При этом обучение коммуникации выступает не методическим принципом, а, в первую очередь, методологическим принципом, определяющим как методические принципы обучения, так и общенаучные методы познания.

Как показал анализ достаточно большого количества исследований, посвященных лингвострановедческим проблемам в обучении иностранному языку, и в частности составлению лингвострановедческих словарей (Е.А. Дьяконова, Т.В. Заяц, Г.Е. Калихайдарова) [5, 6], в условиях современного информационного общества появилась объективная необходимость в составлении комплексного словаря лингвострановедческой терминологии, ориентированного на личность пользователя, на лексикографическую картину страны изучаемо-

го языка; учитывающего ее языковое сознание; обогащающего память необходимой лексикографической информацией для адекватной межкультурной коммуникации; направленного на формирование у нее ясного представления о национально-языковом многообразии и т.д.

При работе над статьей мы проанализировали достаточно большой объем научных публикаций, среди которых исследования ученых, которые внесли существенный вклад в разработку фундаментальных основ лингвострановедения и лингвокультурологии: Е.М. Верещагина, Н.В. Каблуковой, В.Г. Костомарова, Л.Л. Крючковой и др. [4, 8]. Лингвострановедение занимается изучением того или иного народа на основе его языка. Г.Д. Томахин определяет цель лингвострановедения следующим образом: «Основной целью лингвострановедения является обеспечение неносителей языка фоновыми знаниями, которые по форме и содержанию приближались бы к фоновым знаниям носителя культуры и языка» [13, с. 19а-28а]. «Лингвострановедческий подход к преподаванию языка позволяет истолковать языковую специфику в неразрывной связи с жизнью (О.А. Ужова), бытом и культурой народа. Чтобы создать «языковую картину», достаточно полно отражающую жизнь народа, нужно столь же полно и глубоко изучить

язык на фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. При этом основной лингвострановедческой задачей является не исследование культуры вообще, а именно поиск и отбор адекватного культуроведческого материала» [15, с. 412-418].

Анализ работ перечисленных ученых позволяет утверждать, что образовательная организация должна предоставлять обучающимся знания о грамматическом строе языка, абстрагированном характере грамматических значений, способов словопроизводства, а также о значимых особенностях, методах и приемах расширения лексического запаса, знания о современной специфике современного перевода. В нынешней ситуации на помощь приходят системы автоматизированного перевода (И.В. Литовкин) [9], или САТ-программы (Computerassisted translation или computer-aided translation) [2], представляющие собой комплекс технологий и инструментов для перевода лингвострановедческих текстов (П.С. Паклин), ведения терминологического глоссариев, локализации программного обеспечения, а также проверки качества перевода различных текстов [10].

Подлинно существующие произведения материальной и духовной культуры создаются с помощью языка. В конце XX века данная идея легла в основу создания новой науки – лингвокультурологии. В ходе своего развития и становления в данной науке оформилось несколько направлений, изучающих язык и культуру с различных точек зрения. Авторы лингвокультурологических текстов рассчитывают на их восприятие носителями своей культуры. Если же читателем оказывается носитель иных культуры и языка, то понимание таких текстов возможно только при определенном уровне национально-культурной компетенции. Связь текста с культурным контекстом обнаруживается, так или иначе, уже на его поверхностном уровне. Задача читателя заключается в том, чтобы за отдельными словами или фразами на поверхности текста увидеть его глубинное содержание, так как истинной проблемой часто является не отсутствие конкретных знаний, а невозможность в ряде случаев осознать отсутствие знаний, осознать неполное понимание текста.

«В условиях специально организованного обучения иностранному языку, каковыми являются условия курса выравнивания, лингвострановедческая компетентность преподавателя будет проявляться в организации общения с иноязычными аутентичными источниками во время занятий и за пределами занятий. Обучая иностранному языку (Х.А. Акаева), нельзя ограничиваться лингвокультурными границами своей страны или исключительно страны изучаемого языка, что предлагает в

частности коммуникативно-прагматический подход в западноевропейской методике, и как это реализуется в ряде зарубежных учебных пособиях» [1, с. 55-56]. Помимо этого, при обучении иностранному языку обучающиеся должны познакомиться с культурой и бытом страны изучаемого языка; спецификой речевого этикета, с особенностями жизни и творческой деятельности писателей, художников, композиторов и других известных деятелей культуры, искусства, литературы и т.д.

В данной статье авторы попытались обратиться к лингвострановедческой компетенции, которая, в свою очередь, представлена созданием лингвострановедческих словарей. Поэтому актуальным представляется обращение к составлению лингвострановедческих словарей и описанию различных методик размещения лингвистической и культурной информации в них. При использовании лингвострановедческого аспекта в преподавании иностранного языка есть большой шанс повысить уровень мотивации обучающихся, заинтересовать не только грамматикой языка, но и культурой изучаемой страны, что создаст благоприятную основу для развития межкультурной коммуникации и дальнейшего изучения предмета. Если у личности присутствует мотивация, даже самая маленькая, и есть интерес, то успех гарантирован.

Особый интерес для составителя лингвострановедческого словаря представляют тексты средств массовой информации, четко отражающие лингвистические аспекты межкультурной коммуникации, социально-историческую действительность эпохи и выступающие важнейшим средством социального воздействия. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции посредством апелляции к знаниям национально-культурного характера способствует беспрепятственному общению с носителями иностранного языка и иностранной культуры.

Если принять во внимание принцип, согласно которому медиаресурс стремится занять единую позицию в разной коммуникативной среде, то высока вероятность предположения, что к текстам на одну и ту же тему, порожденным по одному и тому же поводу на разных языках следует подходить как к вторичным коммуникативным продуктам, то есть как к переводам некоторого оригинального, первичного текста. Между тем такое предположение некорректно, о чем свидетельствует последовательное сопоставление текстов, порожденных на разных, например на немецком и русском языках и опубликованных на канале «Euronews».

Сопоставление текстов одного и того же типа, информирующих об одном и том же событии для носителей разных языковых культур позволяет

ответить на вопрос о сущности процессов, в результате которых порождаются тексты. Целесообразность такого сопоставления можно обосновать тем (Т.Г. Бортникова, В.Ю.Краева), что общеизвестный постулат о культурно-специфичной организации того или иного типа текста нуждается в детальной конкретизации выверенными приемами, адекватными особенностям изучаемого материала и условиям бытования последнего [3, 7]. Кроме того, подобное сопоставление позволяет выявить соотношение универсального и специфичного, общего и частного, случайного и закономерного в формальной и содержательной организации текста определенного типа, что до сих пор остается актуальной задачей, несмотря на довольно длительную историю теории текста и многочисленные наблюдения над соотношением оригинального и переводного текстов.

Данный аспект весьма важно осознавать как научную задачу, поскольку каждый текст рождается и бытует в культуре, как один из множества потенциально возможных вариантов некоторого инварианта типа текста, исторически сложившегося в конкретной языковой культуре, за которым конвенционально закрепляются определенные представления относительно тематической, содержательной, формальной, функциональной организации соответствующего типа текста. Однако до сих пор, и это необходимо подчеркнуть еще раз, отсутствует такое точное знание, поэтому и возникают многочисленные и разнородные сложности.

Чтобы выявить, чем отличается семантическая и синтаксическая организация текста одного типа в разных языковых культурах, необходимо показать это на конкретных примерах. В противном случае имеют место предельно общие характеристики, которые в целом трудно поставить под сомнение. Однако, они не могут помочь при порождении текста, в частности, кому, когда, о чем, в какой последовательности, насколько детально и конкретно следует говорить, какими примерами можно иллюстрировать свои соображения, что в культуре приветствуется, что осуждается, что допускается и при каких условиях.

Следует особо подчеркнуть, что при анализе не все явления, заслуживающие детального обсуждения в обозначенном контексте, подробно описываются, что обусловлено объемами статьи, а также стремлением максимально прозрачно показать объяснительную силу предлагаемого подхода и используемых приемов. В фокусе обсуждения находятся по понятным причинам средства и способы обозначения одной и той же ситуации, и участников соответствующих ситуаций, а также последовательность сведений об одном и том же

объекте, субъекте, отношении и т.д., представленных в тексте тем или иным способом. Это обусловлено тем, что сведения о ситуации могут отображаться разными структурами и разными способами, реализующими разные коммуникативные функции. Перечисленные средства и способы особо значимы потому, что минимальной коммуникативной единицей и минимальным способом бытования текста является предложение.

Таким образом, обобщая наблюдения за межкультурной адаптацией текстов об одном и том же событии, признаками адаптации следует признать особенности употребления разнородных механизмов вербализации сведений о мире, различия в структурировании информационного потока, различия в выборе средств и способов обозначения ситуаций и ее участников, точка зрения, с которой обозначается соответствующий фрагмент мира, способ осмысления отношений между компонентами обозначаемого фрагмента внеязыкового мира. Это отражает особенности использования языка при решении носителями языка и культуры определенной когнитивной и коммуникативной задачи в некоторых коммуникативных условиях с ориентацией на специфику коллективного адресата.

Но для формулирования теоретически значимых обобщений необходимо располагать точными, научно обоснованными, данными, полученными при последовательном и тщательном сопоставлении текстов определенного типа. Затем можно прийти к обобщениям, которые формулируются после анализа одного типа текста, а потом следует сопоставлять соответствующие обобщения друг с другом, выявляя значимые корреляции между отдельными параметрами и характеристиками текстов. И только после выявления значимых корреляций между характером решаемой задачи и принципами членения информационного потока, т.е. выбором средств и способов обозначения разнородных элементов внеязыковой действительности, можно быть уверенным в том, что общие закономерности верифицированы.

Овладение языком того или иного народа неосуществимо без изучения его культуры, поэтому лингвострановедческий подход должен занимать одно из центральных мест в методологии изучения иностранного языка. «Культурологический компонент лингвострановедения (И.А. Рубанникова) включает знание важнейших национальных и исторических реалий, сведения о крупнейших деятелях литературы и искусства, науки и техники, национальное видение мира, знакомство с бытом, психологией и ментальностью людей, с духовной и материальной культурой» [11].

«В настоящее время создаются словари английского языка для детей (К.Д. Трекина), начиная с самого раннего возраста. Справочники включают широкий набор профессиональных и пользовательских словарей, главным образом, иллюстрированных и иллюстративных справочников. При их создании большое внимание уделяется привлекательному дизайну, красочному иллюстративному материалу, разрабатывается доступный детям метаязык словарных статей. Безусловно, в мегаструктуру включаются интересные мультимедийные и новые цифровые характеристики» [14].

Как утверждают отечественные исследователи в области языковедения Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, для разрешения вопроса относительно перевода безэквивалентной лексики, наиболее эффективным является составление словаря, основанного на интеграции энциклопедического и филологического словарей, где разъяснение научных фактов, этнокультурных тонкостей осуществляется на обиходном, обыденном языке. Лингвострановедческий словарь занимает промежуточную позицию среди энциклопедического и лингвистического словарями, что позволяет разработчикам описывать некоторые термины как с лингвистической, так и энциклопедической точки зрения [4].

Как пишут в своих исследованиях некоторые ученые (Е.А. Дьяконова, В.Ю. Краева, И.В. Литовкин и др.) страноведческие словари и энцикло-

педии, отображающие существенную информацию об исторических, географических, социальных фактах и явлениях страны изучаемого языка, но не содержащие указания на их применение, не могут формировать у пользователей успешной межкультурной компетенции [5, 7, 9]. Помимо этого, лингвострановедческий словарь должен отличаться от толковых и энциклопедических словарей выраженной концептуальностью подачи лексических единиц, позволяющих осмыслить соответствующий феномен в культурном контексте. «Адекватное взаимопонимание и эффективное взаимодействие между собеседниками обуславливаются языковой или лингвистической компетенцией (А.А. Смерчинская), то есть способностью личности осуществлять общение, отражающее внутреннее понимание адресантом уместности применения языковых ресурсов в конкретной речевой ситуации, исходя из некоторого знания относительно деятельности и личности адресата» [12].

Исходя из вышесказанного, в данной статье мы описали также основные механизмы и структурные компоненты лингвострановедческого словаря, а также методики его создания. Это словарь нового типа, который знакомит коммуниканта с культурой другого народа в процессе изучения иностранного языка: его лексикой, фразеологией, афористикой и т.д.

Литература

1. Акаева Х.А. Лингвострановедческая компетентность преподавателя в условиях непрерывного профессионального образования // *Lingua-universum*. 2021. № 1. С. 55 – 56.
2. Алагузова К.А., Турлова Е.В. Оценка качества перевода CAT-программ Omegat, Wordfast Anywhere и Deja Vu X3 // В сборнике: *Мировые языки в экономике будущего: Сборник научных трудов*. Оренбург, 2021. С. 184 – 187.
3. Бортникова Т.Г. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции у студентов-бакалавров в рамках дисциплины «Иностранный язык» // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23. № 175. С. 14 – 21.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиен-темы: монография*. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 532 с.
5. Дьяконова Е.А. К проблеме создания психолингвистического лингвострановедческого словаря // В сборнике: *РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа: Сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию БГНИУ*. Белгород, 2021. С. 91 – 95.
6. Калихайдарова Г.Е., Заяц Т.В. Лингвострановедческий словарь как способ отражения языковой картины мира // В сборнике: *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы шестой международной научно-практической конференции*. 2011. С. 140 – 143.
7. Краева В.Ю. Региональный фразеологический лингвострановедческий словарь (проект) // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 4 (71). С. 471 – 474.
8. Крючкова Л.Л., Каблукова Н.В. *Лингвострановедение: учебное пособие*. Благовещенск, 2018. 146 с.
9. Литовкин И.В. Мультимедийные электронные словари как средство активизации творческого потенциала учащихся на уроках английского языка // В сборнике: *Лексикография и коммуникация – 2017: Сборник материалов III Международной научной конференции*. 2017. С. 60 – 62.

10. Паклин П.С. Использование CAT-программ (memsource) в современной деятельности переводчика // В сборнике: Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2021. С. 83 – 86.
11. Рубанникова И.А. Роль лингвострановедческого материала в повышении мотивации изучения иностранного языка // Общество. 2021. № 3 (22). С. 40 – 43.
12. Смерчинская А.А. Коммуникативная компетенция в контексте исследования языковой личности // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 209 – 217.
13. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19а – 28а.
14. Трекина К.Д. Лингворегионоведческий словарь и его применение на уроках русского языка как иностранного // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 2466 – 2471.
15. Ужова О.А. Лингвострановедение и словарь // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 1 (46-47). С. 412 – 418.

References

1. Akaeva H.A. Lingvostranovedcheskaja kompetentnost' prepodavatelja v uslovijah nepreryvnogo professional'nogo obrazovanija. Lingua-universum. 2021. № 1. S. 55 – 56.
2. Alaguzova K.A., Turlova E.V. Ocenka kachestva perevoda CAT-programm Omegat, Wordfast Anywhere i Deja Vu X3. V sbornike: Mirovye jazyki v jekonomike budushhego: Sbornik nauchnyh trudov. Orenburg, 2021. S. 184 – 187.
3. Bortnikova T.G. Formirovanie mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii u studentov-bakalavrov v ramkah discipliny «Inostrannyj jazyk». Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2018. T. 23. № 175. S. 14 – 21.
4. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskih koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapien-temy: monografija. Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2014. 532 s.
5. D'jakonova E.A. K probleme sozdanija psiholingvisticheskogo lingvostranovedcheskogo slovarja. V sbornike: RKI: Lingvometodicheskaja obrazovatel'naja platforma: Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 145-letiju BGNIU. Belgorod, 2021. S. 91 – 95.
6. Kalihajdarova G.E., Zajac T.V. Lingvostranovedcheskij slovar' kak sposob otrazhenija jazykovoj kartiny mira. V sbornike: Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: Materialy shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2011. S. 140 – 143.
7. Kraeva V.Ju. Regional'nyj frazeologicheskij lingvostranovedcheskij slovar' (proekt). Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2018. № 4 (71). S. 471 – 474.
8. Krjuchkova L.L., Kablukova N.V. Lingvostranovedenie: uchebnoe posobie. Blagoveshensk, 2018. 146 s.
9. Litovkin I.V. Mul'timedijnye jelektronnye slovari kak sredstvo aktivizacii tvorcheskogo potenciala uchashhihsja na urokah anglijskogo jazyka. V sbornike: Leksikografija i kommunikacija – 2017: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2017. S. 60 – 62.
10. Paklin P.S. Ispol'zovanie CAT-programm (memsource) v sovremennoj dejatel'nosti perevodchika. V sbornike: Problemy filologii i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov: Sbornik nauchnyh statej. Sankt-Peterburg, 2021. S. 83 – 86.
11. Rubannikova I.A. Rol' lingvostranovedcheskogo materiala v povyshenii motivacii izuchenija inostrannogo jazyka. Obshhestvo. 2021. № 3 (22). S. 40 – 43.
12. Smerchinskaja A.A. Kommunikativnaja kompetencija v kontekste issledovanija jazykovoj lichnosti. Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 4. S. 209 – 217.
13. Tomahin G.D. Realii v kul'ture i jazyke. Realija-predmet i realija-slovo. Inostrannye jazyki v shkole. 2007. № 8. S. 19а – 28а.
14. Trekina K.D. Lingvoregionovedcheskij slovar' i ego primenenie na urokah russkogo jazyka kak inostrannogo. Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 23. S. 2466 – 2471.
15. Uzhova O.A. Lingvostranovedenie i slovar'. Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2009. T. 11. № 1 (46-47). S. 412 – 418.

*Gubaeva N.G., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Rubaeva V.P., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (GTU)*

LINGUISTIC DICTIONARY AS A MEANS OF INCREASING INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

Abstract: one of the key tasks in the field of teaching foreign languages is the publication of a linguistic and regional dictionary as a means of forming the intercultural communicative competence of students. In the article, the linguistic and regional competence is understood by the author as a structured system of knowledge that makes it possible to fully present the cultural regional phenomena associated with the established lexical or grammatical signs, compare them with the corresponding phenomena of the native culture, and, thereby, form a dialogue of cultures, acting as a link. This knowledge system also includes semantic concepts, social functions, identity, traditions, realities of the country of the language being studied, etc. As it is known, one of the main mechanisms for the collection, lexicographic processing and preservation of linguistic and cultural information is a dictionary. The authors describe the main mechanisms and structural components of the linguistic and cultural dictionary, thanks to which a person gets acquainted with the culture of another people in the process of learning a foreign language. The linguistic and cultural aspect in mastering a foreign language should be based on the identification and description of the corpus of lexical and phraseological units, culturally marked realities, and the perception of the language as a social phenomenon. Linguistic and regional vocabulary in the dictionary, no doubt, expands knowledge about the national characteristics of the culture of the peoples of the country of the language being studied, helps to comprehend the specifics of the language, the content and meaning of the text.

Keywords: foreign language, linguistic and cultural competence, cultural linguistics, dictionary

For citation: Gubaeva N.G., Rubaeva V.P. Linguistic dictionary as a means of increasing intercultural communicative competence. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 59 – 64.

*Демонова Ю.М., кандидат филологических наук,
Таганрогский институт им.и А.П. Чехова, филиал
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*

ТОНОВЫЕ И КОНФИГУРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУЧАНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Аннотация: американский национальный орфоэпический стандарт является основным конкурентом британского. Если система фонем и аллофонов американского орфоэпического стандарта является достаточно хорошо изученной, то просодическая система зачастую выпадает из поля зрения исследователей. Вследствие этого у изучающих английский язык как иностранный возникают определенные трудности при дешифровке семантических значений интонационных контуров, звучащих в американской речи. Особое внимание в нашей работе мы уделяем использованию тонового просодического признака в американской интонационной системе, так как высотно-тональные характеристики интонационных контуров являются самыми воспринимаемыми и очевидными для слушателя. Все больше и больше звучащих текстов (даже обучающего характера) начитываются американскими дикторами, а использование тонового просодического признака в американской и британской традициях различается. Проблема заключается в том, что одинаково используемый американцами и британцами тон понимается ими по-разному, так как имеет для носителей двух схожих вариантов английского языка различную смысловую нагрузку. Поэтому исследование тонового просодического признака в американской интонационной системе поможет снять трудности при понимании звучащей речи. Статья представляет собой экспериментально-фонетическое исследование мелодических характеристик американской речи в рамках тоновых, конфигуративных и семантических просодических характеристик ядра и шкалы.

Ключевые слова: американский орфоэпический стандарт, высотно-тональный уровень, ядро, шкала, ядерный тон

Для цитирования: Демонова Ю.М. Тоновые и конфигуративные особенности звучания американской монологической речи // Современный ученый. 2023. № 1. С. 65 – 69.

Сколько бы ни утверждали исследователи фонетики, что интонационная структура языка является одной из самых инертных систем, практически не подлежит диалектным изменениям и, в какой-то мере, является универсальным связующим звеном между существующими национальными и региональными вариантами языка, тем не менее, это не совсем так. Конечно, проводя сопоставительный анализ просодии звучащей речи британского и американского произносительных стандартов английского языка, мы можем говорить, скорее, о тактических, нежели стратегических расхождениях; более того, эта разница будет касаться, в основном, семантической и экспрессивно-стилистической интерпретации интонационных контуров, чем различий в системе тонов. Тем не менее, эта разница есть, и она, порой, носит очевидный характер.

Говоря о системном сравнительном анализе просодических систем британского и американского стандартов английского языка, мы не можем не отметить ряд противоречий, с которыми зачастую сталкиваются исследователи. Во-первых, следует обратить внимание на разницу в подходах к изучению: в британской традиции мы интерпретируем систему тональных контуров, в американской – систему относительных интонационных

уровней и тоновых контрастов. Во-вторых, существуют противоречия в системе терминологии, когда исследователю сложно интерпретировать одно и то же явление просто из-за разных его названий. В-третьих, графические отображения движений тона очень сильно различаются в указанных вариантах языка.

Результатом такого рода расхождений может стать невозможность интерпретации данных просодического оформления фразы в американском варианте английского языка в рамках британской традиционной терминологии без дополнительных исследований различных подходов исследователей-фонетистов.

В нашей работе мы предприняли попытку описать основные тоновые признаки монологической американской английской речи, используя традиционную унифицированную терминологию, применяемую для интерпретации звучащей речи при проведении электроакустического анализа.

Мы поставили целью экспериментальным путем изучить особенности использования тонового просодического признака в американской монологической речи. Экспериментально-фонетическое исследование направлено на анализ мелодических характеристик американской речи в рамках тоновых конфигуративных и семантических характе-

ристик ядра и шкалы. Мы используем такие понятия, как диапазон, который рассматривается в рамках следующих параметров:

- узкий;
- суженный;
- средний;
- расширенный;
- широкий,

и высотно-тональный уровень, который имеет следующие градации:

- экстранизкий;
- низкий;
- средний;
- высокий;
- экстравысокий.

Целью нашего исследования является анализ использования тоновых и конфигуративных характеристик американской просодической системы. Для реализации данной цели в качестве базового текста нами был выбран отрывок из романа Джерома Дэвида Сэлинджера «The Catcher in the Rye» (Salinger, 2001), представляющий собой монологическую речь без диалогов.

Текст читает Рэй Хаген (Ray Hagen), известный актер, певец, писатель и журналист. Родившись в Нью-Йорке в 1936 году и много лет работая в Вашингтоне, диктор является носителем стандартного американского варианта произношения английского языка – GA. На его счету более чем 450 профессионально записанных аудиокниг.

В ходе прослушивания текста нами была использована компьютерная программа PRAAT ver.5.2.21., позволившая с точностью определить тоновое и конфигуративное положение волны в речевом диапазоне.

В процессе исследования особенностей тонового просодического признака нами было прослушано 150 предложений, состоящих из 320 синтагм. Данные цифры позволяют сделать вывод о том, что зачастую предложения произносились не менее чем в 2 интонационные группы, что отвечает задачам нашего исследования, так как одной из них был анализ использования низкого узкого нисходящего тона (Early-Drop) в нетерминальных (нефинальных) синтагмах.

Тоновые и конфигуративные характеристики ядра.

Безусловно, в каждой анализируемой нами синтагме присутствует ее ядро. Все ядерные завершения (терминальные и нетерминальные) мы рассматриваем с точки зрения:

1. контура (конфигурации);
2. тоновых характеристик (в случае кинетических (искривленных) тонов – высотно-тонового уровня начала и конца звучания, т.е. диапазона);
3. семантики.

Методом сплошной выборки мы получили следующие данные о конфигуративном признаке ядерных завершений:

- нисходящих – 89%;
- ровных – 7%.
- восходящих – 4%;

Восходящие контуры.

Следует заметить, что, как было сказано ранее, нисходяще-восходящий тон (Fall-Rise) в американском варианте английского языка в монологической речи зачастую используется с той же семантикой, как и низкий восходящий тон (Low-Rise). Поэтому нисходяще-восходящий тон мы относим к восходящему контуру. Как видно из полученных экспериментальных данных, восходящие и ровные контуры из всей массы используемых тонов составляют минимальный процент.

В процессе нашего исследования восходящие контуры встречались как в финальных, так и в нефинальных синтагмах. Например:

1) *And I didn't know anybody there that was splendid and clear-thinking and all.*

В расшифровке электро-акустических тонограмм мы использовали ровную шкалу везде, где она не является объектом исследования, в мы общепринятой американской традиции.

2) *She had a big nose and her nails were all bitten down and bleedy - looking and she had on those damn falsies that point all over the place...*

Модальность использованных восходящих контуров не отличается разнообразием. В основном семантика сводится к продолжению мысли. Мы можем предположить, что в терминальных интонационных группах восходящий контур может выражать какую-то смысловую текстовую импликацию и относится больше к интерпретации подтекста, чем к собственно фонетическому оформлению текста.

Как финальные, так и нефинальные восходящие контуры начинались в экстранизком и заканчивались в низком высотно-тональном уровне, т.е. звучали в суженном диапазоне. Следовательно, данный контур может быть описан в терминологии О'Конора [2] как низкий восходящий тон (Low-Rise), имеющий ту же семантику, но отличающийся от британского варианта частотностью употребления.

We'd gone in to New York that morning for this fencng meet with McBurney School.

Нисходящие терминальные контуры.

Нисходящие ядерные завершения составляют 94% от общего числа всех прослушанных нами терминальных завершений. Мы посчитали необходимым исключить из данного этапа анализа терминальные нисходящие контуры с началом падения в среднем высотно-тональном уровне диа-

пазона и концом падения в экстранизком (3% от общего числа ядерных завершений). По нашим наблюдениям, данные ядерные тоны имели ярко выраженную эмоциональную

Все остальные терминальные нисходящие завершения (91%) начинались не выше низкого и заканчивались на низком/экстранизком высотном уровне. Данные ядерные тоны, несмотря на некоторые различия в просодическом оформлении, объединены одной семантикой – завершение мысли. Так как характеристики контура, высотного тонального положения в диапазоне и семантики данных ядерных завершений совпадают с характеристиками тона Low-Fall (по О'Конору) [2], в дальнейшем мы будем ссылаться на эту терминологию.

Все низкие нисходящие тоны (Low-Fall) имели суженный либо узкий диапазон звучания, причем тоны с узким диапазоном имели начало и конец звучания как в низком, так и в экстранизком высотном уровне. Например:

1) Низкий нисходящий ядерный тон с началом звучания в низком и окончанием звучания в экстранизком высотном уровне диапазона (суженный диапазон звучания) – 78%:

(I like to be somewhere at least where you can see a few girls around once in a while), even if they're only scratching their arms or blowing their noses or even just giggling or something.

2) Низкий нисходящий ядерный тон с началом и концом звучания в низком высотном уровне (узкий диапазон звучания) – 19%:

There were never many girls at all at the football games.

3) Низкий нисходящий ядерный тон с началом и концом звучания в экстранизком высотном уровне (узкий диапазон звучания) – 3%:

It cost him near four thousand bucks.

Несмотря на разницу в тоновом оформлении данных аллотов, все они принадлежат тону Low-Fall, т.к. эти различия не влияют на семантику.

Нисходящие нетерминальные контуры.

Нисходящие ядерные нетерминальные завершения по результатам нашего исследования составили 96% от общего числа нефинальных завершений синтагм. В данном анализируемом материале так же присутствовали контуры с началом падения в среднем высотном уровне диапазона и концом падения в экстранизком (12% от общего числа терминальных ядерных завершений), которые, как уже было сказано, будут рассмотрены позднее.

Все остальные нисходящие нефинальные ядерные завершения (84%) начинались не выше низ-

кого и заканчивались на низком/экстранизком высотном уровне.

Совпадение характеристик контура, высотного тонального положения в диапазоне и семантики данных ядерных завершений с характеристиками тона Early-Drop (по Пайку) дает нам право в дальнейшем использовать эту терминологию [3].

Все низкие нефинальные нисходящие тоны (Early-Drop) имели суженный либо узкий диапазон звучания, причем тоны с узким диапазоном имели начало и конец звучания как в низком, так и в экстранизком высотном уровне. Например:

1) Низкий нефинальный нисходящий ядерный тон с началом звучания в низком и окончанием звучания в экстранизком высотном уровне диапазона (суженный диапазон звучания) – 89%:

If you really want to hear about it, (the first thing you'll probably want to know is where I was born, and what my lousy childhood was like)...

2) Низкий нисходящий ядерный тон с началом и концом звучания в низком высотном уровне (узкий диапазон звучания) – 7%:

They gave me frequent warning to start applying myself-- especially around midterms, when my parents came up for a conference with old Thurmer-- but I didn't do it.

3) Низкий нисходящий ядерный тон с началом и концом звучания в экстранизком высотном уровне (узкий диапазон звучания) – 4%:

He had the grippe, (and I figured I probably wouldn't see him again till Christmas vacation started).

Как стало ясно из эксперимента, ядерные завершения Low-Fall и Early-Drop не отличаются друг от друга ни с точки зрения высотного тонального положения в диапазоне, ни с точки зрения диапазона звучания. Оба описываемых нами тона произносились как в низком, так и в экстранизком высотных уровнях. Выбор диктором высотного тонального уровня звучания в обоих случаях зависел от качества шкалы в данной интонационной группе, либо от количества ударных слогов. Оба тона имели как узкий, так и суженный диапазон звучания. Поэтому мы можем сделать вывод, что различия в семантике тонов Low-Fall и Early-Drop зависят не от высотных характеристик, а от положения синтагмы в предложении. Мы считаем, что ядерный тон Early-Drop обладает семантикой незавершения мысли, в отличие от ядерного тона Low-Rise, который обладает семантикой продолжения мысли, с нашей точки зрения, более выраженной.

Для графической презентации интонации, содержащей ядерный тон Early-Drop в тексте, нам

представляется более удобным способ, предложенный Менкеном [1], когда интонация рисуется непрерывными линиями с соответствующими изгибами сверху текста.

Мы считаем, что поскольку ядерные тоны Low-Fall и Early-Drop имеют отличную семантику, они должны иметь различное графическое отображение на учебных тонограммах. Мы предлагаем обозначать тон Early-Drop дугой, не доходящей до экстремального уровня, что будет отвечать вкладываемой в него семантике.

Ядерные завершения среднего диапазона звучания.

Ядерные завершения среднего диапазона звучания составляют 15% от общего числа прослушанных синтагм. В терминальных ядерных завершениях данный вид встретился в 3% случаев, в нетерминальных – в 12%. В обоих случаях ядерные завершения широкого диапазона начинались в среднем высотном-тональном уровне и заканчивались в низком либо в экстремальном высотном-тональном уровне диапазона, т.е. имели суженный либо средний диапазон звучания.

1) Средний широкий нисходящий ядерный тон с началом звучания в среднем и концом звучания в низком высотном-тональных уровнях (суженный диапазон звучания) – 18%:

You could see the whole field from there, and you could see the two teams bashing each other all over the place.

2) Средний широкий нисходящий ядерный тон с началом звучания в среднем и концом звучания в экстремальном высотном-тональных уровнях (средний диапазон звучания) – 82%:

He just got a Jaguar.

В анализируемом нами тексте использованные диктором тоны можно противопоставить по принципу эмоциональности/неэмоциональности. В нашем исследовании качество этой эмоциональности не представляет для нас значимости. Нас интересует только само наличие этой окраски. Все рассмотренные нами ядерные завершения среднего диапазона звучания по сравнению с описанными нами тонами имели яркую эмоциональную окраску. Единственный нисходящий контур, который имеет подходящую модальность, это High-Fall, описанный О'Конором [2]. В терминах русских фонетистов данный тон называется средним широким нисходящим и имеет разнообразную семантику, в том числе и семантику, входящую в тон High-Fall. Поэтому в тексте и на учебных тонограммах данный тон мы предлагаем обозначать как High-Fall для контрастного выделения.

Тоновые и конфигуративные характеристики шкалы.

В общей сложности шкала была представлена следующими конфигурациями: нисходящая – 52%, ровная – 42%, другие – 6%. Из перечисленных конфигураций эмоционально немаркированной являются ровная и нисходящая шкалы. Как было сказано ранее, для американских дикторов более характерной является ровная шкала. Нисходящую шкалу (Falling Head) они воспринимают как эмоционально нагруженную, тогда как британцы считают ровную шкалу монотонной и отдают предпочтение нисходящей.

Как и в случае ядерных завершений, мы рассматриваем вид использованных конфигураций с точки зрения финальности/нефинальности синтагмы, в которой они звучали. На данном этапе эксперимента нам важна не только терминальность/нетерминальность как таковая, но и место нахождения синтагмы в предложении (начало, середина, конец). В начале предложения ровная шкала встретилась в анализируемом тексте в 28% случаев, нисходящая шкала – в 65%, другие – в 7% случаев. В середине предложения ровная шкала составила 57%, нисходящая – 41% и другие – 2%. В конце предложения ровная шкала отмечена в 54% случаев, нисходящая – в 39%, другие – в 7% случаев.

Как видно, самым частотным местом появления нисходящей шкалы было начало предложения (так называемая инициальная синтагма). Причем обязательным образом нисходящей шкалой оформлялось начало абзаца.

Where I want to start telling is the day I left Pencey Prep.

Эти данные объясняются тем фактом, что для американских дикторов данный вид шкалы является более эмоциональным, чем ровный и служит для контрастного выделения начала нового отрезка информации.

Когда нисходящая шкала употреблялась в середине или конце предложения, она чаще всего сочеталась с ядерным завершением, несущим эмоциональную окраску текста, что так же подтверждает мысль о выраженной эмоциональной нагрузке, содержащейся в шкале.

Anyway, it was the Saturday of the football game with Saxon Hall.

Все нисходящие шкалы в анализируемом нами тексте начинались в среднем высотном-тональном уровне, конец шкалы зависел от выбора ядра.

Ровная шкала (42% от общего количества шкал) чаще встречалась в середине и конце предложения. Она носила семантику неэмоциональности и служила для грамматического оформления текста, сочетаясь с ядрами тонов Low-Fall и Early-Drop. Все ровные шкалы начинались в низком вы-

сотно-тональном уровне, а окончание так же зависело от выбора ядра.

...because practically the whole school except me was there, and scrawny and faggy on the Saxon Hall side, because the visiting team hardly ever brought many people with them.

Другие виды шкал, скользящая нисходящая (sliding scale) и восходящая (rising head), представляли минимальный процент от общего числа всех синтагм (6%). По нашему мнению, они использовались для эмоционального оформления фраз, сочетаясь со средним широким нисходящим ядерным тоном. Начало звучания не превышало среднего высотного-тонального уровня, а по диапазону эти виды шкал были идентичны данному ядерному завершению.

1) Скользящая нисходящая шкала с началом звучания в среднем и концом звучания в экстра-низком высотного-тональных уровнях.

(Since 1888 we have been molding boys) into splendid, clear-thinking young men.

2) Восходящая шкала с началом звучания в экстра-низком и концом звучания в среднем высотного-тональных уровнях.

(They don't do any damn more molding at Pencey) than they do at any other school.

Итак, для американского варианта просодической системы характерна как нисходящая, так и ровная шкалы, а их дистрибуция в предложении зависит от эмоциональной нагрузки синтагмы или интенции говорящего к контрастному выделению. Для американских дикторов нисходящая шкала является более эмоционально нагруженной, чем для британцев.

Литература

1. Mencken H. L. The American Language. New York: Alfred A. Knopf., 1957. 808 p.
2. O'Connor J.D, Arnold G.F. Intonation of Colloquial English., 2ed. London: 1973. 300 p.
3. Pike K. L. The Intonation of American English. University of Michigan Press: 1945. 220 p.

References

1. Mencken H. L. The American Language. New York: Alfred A. Knopf., 1957. 808 p.
2. O'Connor J.D, Arnold G.F. Intonation of Colloquial English., 2ed. London: 1973. 300 p.
3. Pike K. L. The Intonation of American English. University of Michigan Press: 1945. 220 p.

*Demonova Yu.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State University of Economics (RINH)*

TONAL AND CONFIGURATIVE FEATURES OF THE SOUND OF AMERICAN MONOLOGUE SPEECH

Abstract: the american national orthoepic standard is the main competitor of the British one. If the system of phonemes and allophones of the American orthoepic standard is sufficiently well studied, the prosodic system often falls out of the field of view of researchers. As a result, students of English as a foreign language have certain difficulties in deciphering the semantic meanings of intonation contours that sound in American speech. In our work, we pay special attention to the use of the tone prosodic feature in the American intonation system, since the pitch-tonal characteristics of intonation contours are the most perceptible and obvious to the listener. More and more sounding texts (even of an educational nature) are being read by American speakers, and the use of the tone prosodic feature in the American and British traditions differs. The problem lies in the fact that the tone used by Americans and British alike is understood differently by them, since it has a different semantic load for speakers of two similar versions of English. Therefore, the study of the tone prosodic feature in the American intonation system will help to remove difficulties in understanding the sounding speech. The article is an experimental phonetic study of the melodic characteristics of American speech within the framework of tonal, configurative and semantic prosodic characteristics of the nucleus and scale.

Keywords: American orthoepic standard, pitch-tone level, nucleus, scale, nuclear tone

For citation: Demonova Yu.M. Tonal and configurative features of the sound of American monologue speech. Modern Scientist. 2023. 1. P. 65 – 69.

*Ермолаева Л.Д., старший преподаватель,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

НЕКОТОРЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация: в статье обоснована актуальность развития навыков межкультурной письменной коммуникации у студентов на занятиях по английскому языку; рассмотрены субъективные и объективные причины необходимости формирования навыков письма будущих специалистов; дана оценка основных ошибок и проблем, с которыми сталкиваются студенты при написании работ; представлены основные положения, которыми обучающийся должен руководствоваться при работе на письменным текстом; рассмотрены критерии, которые студент должен учитывать при выборе стратегии работы над письменным текстом, и факторы, влияющие на содержательную сторону его работы; представлены и продемонстрированы на примерах основные элементы наиболее распространенной структуры академического письма, целью которой является разрешение какой-то проблемы (*problem-solution text*); обозначены критерии, на которые студент должен опираться при выборе стиля письма; обоснована необходимость выбора более формальной альтернативы глагола, существительного или какой-то другой части речи для сохранения стиля академического письма; выявлены наиболее частотные приемы для логического перехода от одной мысли (идеи) к другой (“*Flow*”) в виде соответствующих связующих слов и фраз, пунктуации, а также соответствующего использования местоимений *this/these* с существительными.

Ключевые слова: различные организационные структуры, стратегия работы над письменным текстом, связующие слова и фразы, навыки межкультурной письменной коммуникации, развитие умений академического письма

Для цитирования: Ермолаева Л.Д. Некоторые стратегии обучения академическому письму с учетом зарубежного опыта // Современный ученый. 2023. № 1. С. 70 – 72.

Одной из языковых компетенций, указанных в отечественных образовательных стандартах, является знание второго иностранного языка на таком уровне, которое позволило бы работать с зарубежной научно-технической литературой для извлечения актуальной информации и приобретения новых профессиональных знаний по своей специальности. А это подразумевает необходимость уделять больше внимания развитию умений письменной коммуникации, а именно развитию умений академического письма, средствами которого анализируется, перерабатывается и преобразуется полученная информация [1]. Обращаясь к зарубежному университетскому опыту, стоит отметить, что в программы некоторых университетов включены курсы по обучению академическому письму, что говорит о том, какое значение в них придается развитию навыков письменной коммуникации. Это объясняется тем, что в зарубежных университетах контроль знаний и умений студентов в основном осуществляется в форме письменных работ: эссе, статей и т.д.

В Российских университетах все больше осознается необходимость включения в программу обучения такого курса как обучение академическому письму. Это вызвано тем, что бакалавры и магистранты все больше интегрируют в международную, профессиональную, научную деятельность, что выражается в написании науч-

ных статей и тезисов, как для международных, так и внутриуниверситетских конференций, представлении дипломных, курсовых и проектных работ в тех вузах, где ряд предметов преподается на иностранном языке. Обучение навыкам письменной коммуникации необходимо также тем обучающимся, которые готовятся продолжить обучение по магистерской программе или пройти стажировку в зарубежных университетах [2].

В связи с тем, что требования, предъявляемые к научным работам в зарубежных университетах несколько отличаются от наших, в курс по обучению академическому письму необходимо включить задания и теорию, которые позволили бы обучающимся усвоить правила, подходы и требования, используемые при написании письменных работ за рубежом. Прежде чем приступить к написанию работы обучающийся должен рассмотреть и определить для себя следующие моменты: а) на какую аудиторию рассчитана его работа, б) ее цель, в) ее структура, г) ее стиль, д) языковые средства, используемые для плавного перехода от одной мысли к другой, ж) форма презентации работы (*audience – purpose – organization – style – flow – presentation*) [3].

Чтобы успешно выполнить письменное задание, вы должны понять, что ожидает от вас аудитория, какими знаниями она обладает, так как это в значительной степени повлияет на содержание

вашей работы. В качестве задания можно дать обучающимся 2 текста и попросить их ответить на следующие вопросы:

- 1) Для кого написаны эти тексты?
- 2) Какие аспекты текста помогли вам определить аудиторию?
- 3) В каком виде публикации можно найти эти тексты?

Ответить на эти вопросы поможет вам количество используемой в тексте технической терминологии и справочной информации.

Цель и стратегия обычно тесно связаны. Если аудитория знает меньше чем тот, кто пишет работу, то цель последнего часто образовательная. Если аудитория знает больше, то студент в своей работе должен продемонстрировать хорошее знание предмета (темы), свой опыт и проявить свой интеллект. Например, при написании заключительного абзаца работы неправильной стратегией будет повторение того, что написано в основной части. Лучшей стратегией будет показать, к появлению каких новых идей или проблем привели результаты, полученные студентом во время работы над исследованием.

Письменная информация должна быть представлена читателю в определенном структурированном формате для лучшего восприятия ее содержания. Академическое письмо может использовать различные организационные структуры. Наиболее распространенной структурой, используемой при написании работы, в которой решается какая-то проблема, является следующая:

1. Description of a situation (описание ситуации)
2. Identification of a problem (определение проблемы)
3. Description of a solution (описание способов решения проблемы)
4. Evaluation of the solution (оценка решения)

В качестве задания можно дать студентам текст и попросить их отметить четыре части в соответствии с выше указанными пунктами структуры, а затем ответить на следующие вопросы:

1. Насколько серьезной является поставленная проблема?
2. Как автор оценивает ее решение?
3. Что вы думаете об этом решении?
4. Какая самая важная проблема, над которой работают в вашей области исследования?

Стиль конкретной письменной работы должен соответствовать как передаваемому сообщению, так и учитывать тип аудитории, для которой оно предназначено. Одной наиболее отличительной особенностью академического стиля письма это выбор более официального (формального) варианта при использовании нужного вам глагола,

существительного или какой-то другой части речи. Так при наличии трех синонимичных глаголов: фразового глагола, глагола с предлогом и одиночного глагола лучше использовать одиночный глагол там, где это возможно (to make up - to constitute, to get rid of – to eliminate).

Также как и с глаголами для существительных и других частей речи следует выбирать более официальные формы, если они имеются или являются более точной альтернативой. В качестве задания можно дать упражнение по замене выделенных в предложениях слов более официальным вариантом. Например, в предложении “Consumer interest in electronic payment is *getting bigger*” выделенное слово можно заменить более подходящим для академического письма “increasing”.

Для сохранения официального академического стиля письма обучающимся нужно дать составленные рекомендации, которые относятся скорее не к лексике, а к грамматическому стилю, например: избегать употребление сокращенных форм; избегать обращаться к читателю на «вы», изменив структуру предложения; с осторожностью использовать прямые вопросы; ставить наречия внутри глагола и т.д. Все эти рекомендации закрепляются рядом упражнений, из которых завершающими могут быть задания по замене менее официальных предложений на более официальные или написание небольшой письменной работы по решению какой-то проблемы с учетом данных рекомендаций [3].

Другим важным моментом для успешной передачи письменного сообщения является логический переход от одного утверждения (идеи) к другому, так называемый “flow”. Для этого необходимо познакомить обучающихся с наиболее распространенными связующими словами и фразами, расположив их в таблице в соответствии с их функциями и грамматическими вариантами использования.

Однако, не малую роль в качестве соединителей в предложении играет пунктуация в виде точки с запятой (semicolon), двоеточия (colon), тире (dash) и запятой (comma). Точка с запятой может использоваться для соединения двух полностью независимых предложений в одно или представления довольно длинных элементов предложения в виде перечня. В последнем упомянутом случае можно использовать и двоеточие. Тире используется не только для введения информации в виде перечня, но для того чтобы вставить дополнительную информацию. В качестве упражнения можно дать текст и попросить отредактировать его, вставив точку с запятой или запятую там, где это необходимо или соединительные слова или фразы

для плавного перехода от одного абзаца к следующему.

Другим средством сохранить плавный (понятный) переход от одной мысли в тексте к другой является использование местоимений *this/these* с существительным, которое ссылается на мысль предыдущего предложения, в противном случае читатель не понял бы, что подразумевает это местоимение. Например, "In September each year, the population of Arbor increases by about 20,000 as students arrive for the new academic year. This increase changes the character of the town in a number of ways". Существительное "increase" подводит итог тому, что было сказано в предыдущем предложении. В тренировочном упражнении студентам

можно дать задание выбрать из предложенных и вставить по смыслу итоговое слово.

Исходя из выше сказанного, прежде чем представить свою письменную работу ее необходимо отредактировать во избежание ошибок с учетом правил и рекомендаций, представленных выше. Опыт показывает, что наиболее распространенными ошибками являются такие как: омофоны, орфографические и грамматические ошибки (согласование подлежащего и сказуемого, правильное использование времени), которые могут не идентифицироваться при компьютерной проверке, поэтому необходимо прибегнуть к другим справочным материалам.

Литература

1. Петрова Е.Ю. Обучение академическому письму: проблемы и решения // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 1. С. 114 – 123.
2. Боголепова С.В. Обучение академическому письму на английском языке: подходы и продукты // Высшее образование в России. 2016. № 1. С. 87 – 94.
3. John M. Swales, Christine B. Feak *Academic Writing for Graduate Students Essential Tasks and Skills* / Published by the United States of America by the University Michigan Press. 2002. С. 7 – 43.

References

1. Petrova E.Ju. Obuchenie akademicheskomu pis'mu: problemy i reshenija. Nauchnye vedomosti. Serija: Gumanitarnye nauki. 2018. T. 37. № 1. S. 114 – 123.
2. Bogolepova S.V. Obuchenie akademicheskomu pis'mu na anglijskom jazyke: podhody i produkty. Vyshee obrazovanie v Rossii. 2016. № 1. S. 87 – 94.
3. John M. Swales, Christine B. Feak *Academic Writing for Graduate Students Essential Tasks and Skills*. Published by the United States of America by the University Michigan Press. 2002. S. 7 – 43.

*Ermolaeva L.D., Senior Lecturer,
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs*

SOME STRATEGIES FOR TEACHING ACADEMIC WRITING TAKING INTO ACCOUNT FOREIGN EXPERIENCE

Abstract: the article substantiates the relevance of the development of intercultural written communication skills among students in English classes; the subjective and objective reasons for the need for the formation of writing skills of future specialists are considered; the assessment of the main errors and problems faced by students when writing papers is given; the main provisions that a student should be guided by when working on a written text are presented; the criteria that a student should take into account when choosing a strategy for working on a written text and the factors affecting the content side of his work are considered; the main elements of the most widespread structure of academic writing, the purpose of which is to solve a problem (problem-solution text), are presented and demonstrated by examples; the criteria that the student should rely on when choosing a writing style are outlined; the necessity of choosing a more formal alternative to a verb, noun or some other part of speech to preserve the style of academic writing is substantiated; the most frequent techniques for logical transition from one thought (idea) to another ("flow") in the form of appropriate connecting words and phrases, punctuation, as well as the appropriate use of pronouns *this/these* with nouns are revealed.

Keywords: various organizational structures, strategy of working on a written text, connecting words and phrases, skills of intercultural written communication, development of academic writing skills

For citation: Ermolaeva L.D. Some strategies for teaching academic writing taking into account foreign experience. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 70 – 72.

*Мустафин А.А., кандидат философских наук, научный сотрудник,
Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук*

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация: в настоящее время мы можем наблюдать тенденцию к росту интереса к вопросам, связанным с развитием семиотики. Это направление научного познания привлекло серьезное внимание философов, лингвистов и представителей ряда других научных дисциплин еще в XIX столетии. С этого времени изучение знаково-символических систем, что является предметом исследования семиотики, заняло ведущее положение среди применяемых представителями самых разных научных направлений методов. Особенное значение в последнее время приобрел практический аспект этой дисциплины. Все аспекты жизнедеятельности как отдельного человека, та и в целом всего социума носят сугубо прагматический характер. Значимость средств знаково-символической системы в человеческой жизни, подход к языку как к совокупности знаков и символов, тесная связь между научным познанием и объектами семиотики, материальное выражение абстрактных понятий, соотношение между реальным смыслом вещей и явлений и их интерпретацией, роль символики в происходящих в обществе преобразованиях, и наконец, поиск ответов на вопрос, что такое истина, – все это является одними из важнейших проблем общетеоретического характера. В связи с вышесказанным, автором настоящей статьи, предпринята попытка научного анализа и критического осмысления логико-семиотических оснований языковой картины мира.

Ключевые слова: семиотическая система, семантические процессы, логико-семиотические основания, языковая картина мира

Для цитирования: Мустафин А.А. Лингвoseмиотические основания языковой картины мира // Современный ученый. 2023. № 1. С. 73 – 78.

Введение

На протяжении последних полутора веков семиотика выступает не только в качестве нового научного направления среди многочисленных научных дисциплин, но также в роли универсального знания, подобного философскому знанию, поскольку объекты семиотики мы находим и в окружающей нас реальности, и в человеческом сознании, и в культурной сфере. Семиотика рассматривает все сущее через систему знаков, которые всегда выражают нечто, требующее выражения.

Недостаточно отметить универсальный характер предмета семиотики и даже рассмотреть ключевые характеристики различных знаковых систем. Требуется также выявить закономерность появления и трансформации данных систем, истоки и природу символизма, преобразование его сущности, продемонстрировать значимость этого знания, возможности семиотики в деле отображения научного миропонимания, прогнозирования изменений в закономерностях бытия человечества с опорой на имеющиеся знания о человеческой природе, особенностях его мышления и образа действий, мотивации и целях, что и является основной задачей семиотики.

Методы исследования

В исследовании применяются общенаучные методы наблюдения и описания (с такими их специальными приемами, как сопоставление, интерпретация и классификация) в сочетании с методом

сравнительного анализа языкового материала и комплексным лингвистическим анализом текста с элементами лингвостилистического и лингвoseмиотического разбора.

Результаты (основная часть)

Через средства знаковых систем могут быть интерпретированы бесчисленное множество явлений, феноменов и процессов нашего бытия: от генетического кода до разговорного языка, от видов культуры до устройства технических механизмов, от эстетики до средств массовой информации, сигнальных систем в среде животного мира и прочее и прочее.

Рассуждая о сущности того или иного объекта, явления, человек видит каждый из них в виде символа или знака, наделенного определенным смыслом. Подобный подход к восприятию объектов лежит в основе формирования методов семиотики, которые относятся к сфере творчества, придавая творческому акту эффективность [9, с. 54].

Семиотические возможности того или иного языка обусловлены совокупностью факторов, которые мы предлагаем рассмотреть ниже [3, с. 89]:

1. В первую очередь, они непосредственно связаны с сущностью носителей знаков. Для того, чтобы воспринимать тот или иной знак, необходимо понимать, каковы границы его носителя и какова его устойчивость в пространстве.

2. Семантическая определенность конкретного знака также в значительной степени обусловлена сущностью объекта внеязыковой деятельности –

является ли это ментальной конструкцией либо физическим объектом. Уровень семантической неопределенности конкретного сообщения также находится в непосредственной зависимости от природы объекта внеязыковой деятельности в языке.

3. Одно из ключевых различий между языками культуры заключается в том, какой конкретно аспект интерпретации знаков играет ведущую роль в общении. Например, в языках живописцев и музыкантов отсутствуют знаки с дискретными общепризнанными значениями. При этом для этих языковых систем характерна значительная роль грамматического кода.

В музыке этот код соответствует законам гармонии и теоретическим основам музыкального произведения. В живописи при оценке композиции мы, например, руководствуемся визуальным грамматическим кодом. Коммуникативные возможности знаковой системы, лишенной грамматической основы, становятся крайне ограниченными. Такие системы не позволяют генерировать новые сообщения, составляя бесконечные варианты комбинаций из граничного набора основных знаков [7, с. 74].

Можно констатировать наличие различных вариантов картины окружающей действительности. Разница между ними особенно явственна, когда мы сравниваем между собой системы, имеющие различную репрезентативную основу.

Наиболее ярко эта разница выражается при переводе вербальных сообщений на сообщения с помощью невербальных знаковых систем, что также называют межсемиотическим переводом. Например, на тему произведений Шекспира мы можем встретить балеты, увертюры и оперы. При этом следует понимать, что не существует такого языка культуры, который способен выразить истинную суть окружающего мира, его исчерпывающую картину [11, с. 112].

К языковой картине следует относиться лишь как к некоему конструкту, сущность и параметры которого обусловлены множеством факторов. Это может быть как получатель сообщения, так и его автор, репрезентативные возможности конкретного языка или логика интерпретации или возникновения послания.

В настоящее время языковая картина мира рассматривается с двух позиций. Одно направление предполагает воссоздание единого миропонимания, заложенного в конкретной языковой системе, вне зависимости от характера этой картины мира, является ли она универсальной для данной языковой системы, либо носит сугубо специфические черты [6, с. 164].

В рамках другого подхода рассматриваются концепты, присущие конкретному языку, для которых являются характерными два параметра: они позволяют понять данную культуру, быть своеобразным ключом для этого, при этом перевод соответствующих слов на другие языки крайне затруднен.

Данный подход имеет перед собой цель воссоздать картину мира, характерную для русского языка. Мы находим его воплощение в исследованиях Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Урысон, Е.С. Яковлевой, Е.В. Рахилиной, А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева, И.Б. Левонтиной, А.А. Зализняка и др.

Языковая картина мира может быть рассмотрена с различных точек зрения [1, с. 50]:

1. Можно изучать и раскрывать компоненты концептуализации окружающей действительности, которая «зашифрована» в знаках языковой системы, учитывая при этом как национальные особенности, так и специфику мировосприятия, элементы которого мы встречаем у большинства народов мира;

2. В первую очередь могут быть описаны главные концепты, которые присущи именно этому языковому сообществу.

В современных условиях, характеризующихся стремительными глобализационными процессами, с присущими им повсеместной информатизацией и цифровизацией, когда мы наблюдаем не только информационное, но в отдельных регионах и фактическое стирание межгосударственных границ, особое значение приобретает осознание и анализ огромного разнообразия языкового миропонимания.

Исследование вопросов, связанных с языковыми картинами мира, особенно своевременны с позиции реализации концепции межкультурного диалога. Буквально в каждом слове находит свое отражение опыт, накопленный человечеством на протяжении тысячелетий, маленькая частичка языковой картины мира глазами той или иной культуры.

Рассматривая вопрос о культуре речи, нам следует также принимать во внимание тот факт, что это понятие не ограничивается лишь знанием и следованием языковым нормам различных народов. Ее также следует понимать, как умение адекватно выбирать языковые инструменты для выражения собственных идей и соображений, равно как и уметь правильно расшифровывать сказанное партнером по диалогу [12, с. 128].

Знание языковой картины мира, понимание ее глубинной природы является одним из важнейших условий адекватного понимания и интерпретации сказанного другим человеком, что имеет огромной

значения как для успешной межкультурной и межличностной коммуникации, так и для качественного перевода.

Трудно переоценить роль этих знаний как для исследователей в области лингвистики, так и для историков, культурологов, социологов, философов, этнографов и представителей других научных дисциплин. Они позволяют значительно глубже продвинуться в изучении человеческой природы, мотивов его действий, его стремлений и надежд.

Не следует в языковой картине мира искать его полного отражения, это лишь один из бесчисленных вариантов его интерпретации. Этот факт единодушно признан современными учеными, которые убеждены в опосредованном характере отображения мира в языке, а отнюдь не в зеркальном. Можно констатировать, что количество языков в мире соответствует количеству языковых картин мира.

Под грамматикой мы понимаем внутреннюю форму мысли. При всех неизбежных недостатках и оговорках, касающихся неспособности языка точно отразить окружающую действительность, ничто иное лучше него не способно это сделать.

В основе языковой системы, по мнению Уорфа, лежит не только механизм отражения и воспроизведения продукта мыслительной деятельности. Лингвистическая система является в большей степени формообразующим фундаментом мысли, алгоритмом и инструкцией, согласно которым субъект осуществляет свою мыслительную деятельность [5, с. 24].

Ф. Бэкон в свое время предложил некий прообраз такой концепции. Близкие идеи мы находим в теоретических разработках Выготского и Потемни. Данная концепция предполагает, что в грамматике содержится мировоззренческая картина, которая соответствует языковой, и которая влияет на мыслительную деятельность индивида, его поведенческую стратегию.

Это миропонимание частично выражает себя через знаки языковой системы, но частично оно остается невыраженным. Примером такой невыраженности через знаки могут быть английские существительные, где род никоим образом не обозначен через соответствующие буквы, тем не менее мы точно знаем, что, что корабль – это она, а смерть, например – мужского рода.

С эвристических позиций концептуальное положение о лингвистической относительности приводит впечатление обоснованного.

Не вызывает сомнения тезис о ключевой роли языка в отражении окружающей действительности или формировании картины мира. Справедливым есть и то, что далеко не всю семантику слова можно выразить через средства синтаксиса и морфоло-

гии. При этом утверждение о том, что он определяет мировоззренческие основы в философском понимании этого термина, имеет пространство для дискуссий.

За любым термином кроется нечто, будь то идея или знание. Здесь же мы имеем дело с экзистенциальными материями, проявлением научного типа мышления, здравым смыслом и т.д.

Современная научная мысль рассматривает имплицитную форму знания, которое формируется через имплицитное же научение, как полноценный элемент миропонимания, законы философии, личностные качества творца. При этом «явное» знание является предметом внимания науки. Оно представляет собой не только некий научный фундамент, носящий интерсубъективный характер, но знания, которые являются продуктом деятельности из имеющихся предпосылок. [2, с. 14]

В целом знание есть интеграция скрытой и явной составляющих. Какой-либо элемент концептуального знания воздействует на пространство имплицитного, поэтому мы можем полностью обоснованно утверждать о взаимном влиянии этих типов знания, о наличии между ними прямой связи и обратной.

Следует отметить непрекращающиеся попытки постичь сущность имплицитной формы знания. В данном контексте любопытным представляется противостояние Г.К. Честертон с одной из модных тогда попыток рассматривать душевные переживания принца Датского с позиций психоанализа. Г.К. Честертон сокрушался по поводу попыток доказать конфликт между подсознательным и сознательным в душе Гамлета, отмечая при этом, что «ученый...» приписывает главному герою бессмертной пьесы наличие неких комплексов, «дабы не наделять его совестью».

Рассматривая скрытое в Гамлете, Честертон говорит о таких его моральных установках, которые чужды сознанию современного ему человека. В первую очередь, в основе человеческих поступков должна лежать справедливость, как бы нам иногда этого не хотелось. Далее, во имя справедливости может возникнуть необходимость покарать виновного, даже обладающего силой и могуществом, и наконец, кара может принять насильственную форму, вплоть до убийства. В результате все перечисленное в своей совокупности как для Шекспира, так и для его героя является просто справедливостью, тогда как в глазах современников Честертон это простое понятие разчленилось на такие составляющие, как идеализм, насилие и варварство [8, с. 373].

Искусство перевода предполагает масштабное погружение в десятки справочников и энциклопедических словарей, оно требует поистине музы-

кального таланта и изощренного ума, а также сформированных на высочайшем уровне экстралингвистических компетенций. Задача переводчика состоит в том, чтобы скрытый аспект нашего знания вывести в сознание читателя, передать средствами другой языковой системы неделимый сплав неявного и явного знания, который несет в себе оригинальный текст или речь.

Помимо этого, в контексте рассматриваемой нами тематики следует отметить, что раскрывая содержание термина «языковая картина мира», понимания его как комплекса представлений и знаний об окружающей реальности, позволяет приравнять его к понятию «менталитет».

По одной из многочисленных интерпретаций сущности понятия менталитет, это некая идеальная единая картина мира в границах характерной для конкретного народа системы ценностей, которую не в силах изменить ни политические, ни экономические факторы, и которая может существовать в сознании конкретной общности людей многие столетия, если не тысячелетия. Близость этих понятий, о чем было упомянуто выше, объясняет, почему их изучение происходит в рамках одного направления макролингвистики.

Мы не можем рассматривать менталитет как характеристику какой-либо личности, социальной группы или целого народа, что отличает это понятие от языковой картины мира. С позиции рассматриваемой нами проблематики менталитет представляет собой когнитивный фундамент народа, который формируется из совокупности картин мира всех его субъектов, и существенные элементы которых являются общими для всех этих субъектов, составляя устойчивое основание сложившейся совокупности представлений, которые стали неотъемлемой частью национального сознания [10, с. 148].

Другими словами, менталитет целесообразно рассматривать как безусловно важную, но все-таки часть языкового миропонимания, его этнокультурный аспект.

Рассматривая менталитет именно в данном контексте, мы можем говорить о нем, как о когнитивной реальности, выражаемой через познавательную и мыслительную активность конкретной этнокультурной общности, через вербальные и невербальные формы поведения его членов.

В рамках этой статьи авторы убеждены в том, что ни языковая картина мира, ни менталитет не могут существовать как изолированные понятия, без привязки к конкретному народу или другой культурной или национальной общности людей.

Несмотря на смысловые различия этих двух понятий, их разделение, они, тем не менее, имеют тесную связь между собой, взаимно влияют и обогащают друг друга, поскольку очевидно наличие значительных областей, где они накладываются или пересекаются. При этом мы не считаем целесообразным строго разграничивать менталитет и национальную картину мира, поскольку у них общая содержательная структура, и оба эти понятия отражают особенности мировосприятия, характерные для большей части народа или нации.

При рассмотрении менталитета и картины мира, исследователи опираются на факт существования элементов разного уровня, относящимся к категории универсальных для культуры индивида и его мышления.

Проводимое нами исследование посвящено рассмотрению подхода к языку как к фактору социокультурного характера, который определяет исторические рамки наших изысканий. Мы не исключаем, что благодаря анализу философских аспектов процесса становления и совершенствования языковых категорий нам удастся выявить закономерности расширения пределов познания. Необходимо, по нашему мнению, четко понимать, что содержательная составляющая конкретной языковой системы находится под влиянием социокультурных и экономических условий определенного исторического периода [4, с. 38].

Выводы

Методологическая функция философии при исследовании языка обусловлена тем, что она, по словам Гегеля, представляет собой эпоху, отраженную в сознании. Объединяя в себе результаты других, более частных научных дисциплин и направлений теоретической мысли, она подводит некую итоговую черту в процессе миропонимания на конкретной стадии исторического развития человечества, а также определяет магистральное направление грядущих научных исследований.

В дальнейшем, продолжая движение по намеченному направлению, результаты исследований становятся понятиями или концептуальными положениями с помощью философского метаязыка.

Новые смыслы интерпретируются в рамках тех или иных научных дисциплин. В результате, философское миропонимание, находящее свое выражение через языковую картину мира, становится фундаментом практической деятельности человека, являясь важнейшим фактором развития человеческой цивилизации.

Литература

1. Абдулкаримова П.А. Фразеологическая картина мира как фрагмент национальной языковой картины мира // Заметки ученого. 2022. № 3-2. С. 48 – 52.
2. Бабейко Е.Н. Соотношение понятий национальная языковая картина мира и диалектная картина мира, региональная картина мира и диалектная картина мира // Поливановские чтения. 2020. № 14. С. 12 – 17.
3. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания языковой картины мира: типы когнитивных структур // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1(48). С. 80 – 105.
4. Болдырев Н.Н. Взаимодействие мыслительных и языковых структур как фактор динамики языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3(42). С. 35 – 41.
5. Гофман Т.В. Языковая картина мира как способ самопрезентации народа ("верность" в русской языковой картине мира). Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2021. С. 22 – 27.
6. Масленникова Л.Н. К вопросу о структуре языковой репрезентации события как фрагмента языковой картины мира // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12. С. 160 – 165.
7. Остроушко П.В. Картина мира, языковая картина мира индивида // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. Москва: Изд-во "Перо", 2022. С. 71 – 75.
8. Ситосанова О.В. Понятия "картина мира" и "языковая картина мира" // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2020. – Т. 1. – № 17. – С. 371 – 374.
9. Супрунова Е.В. Языковая картина мира как отражение культурной и духовной индивидуальности языкового сообщества // Путь науки. 2021. № 12 (94). С. 53 – 54.
10. Тураев А.Б. Пословичная картина мира как часть языковой картины мира. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2022. С. 146 – 151.
11. Хушматов Н.Р. Влияние коллективного языкового сознания на формирование особых национальных концепций в языковой картине мира // Вестник Педагогического университета. 2021. № 6 (95). С. 110 – 113.
12. Чернова А.В., Ананишнев В.М. Картина мира, языковая картина мира. Москва: Изд-во "Перо", 2021. С. 123 – 131.

References

1. Abdulkarimova P.A. Frazeologicheskaja kartina mira kak fragment nacional'noj jazykovej kartiny mira. Zаметki uchenogo. 2022. № 3-2. S. 48 – 52.
2. Babejko E.N. Sootnoshenie ponjatij nacional'naja jazykovaja kartina mira i dialektnaja kartina mira, regional'naja kartina mira i dialektnaja kartina mira. Polivanovskie chtenija. 2020. № 14. S. 12 – 17.
3. Beljaevskaja E.G. Konceptual'nye osnovanija jazykovej kartiny mira: tipy kognitivnyh struktur. Kognitivnye issledovanija jazyka. 2022. № 1(48). S. 80 – 105.
4. Boldyrev N.N. Vzaimodejstvie myslitel'nyh i jazykovyh struktur kak faktor dinamiki jazykovej kartiny mira. Kognitivnye issledovanija jazyka. 2020. № 3(42). S. 35 – 41.
5. Gofman T.V. Jazykovaja kartina mira kak sposob samoprezentacii naroda ("vernost'" v russkoj jazykovej kartine mira). Birobidzhan: Priamurskij gosudarstvennyj universitet im. Sholom-Alejhema, 2021. S. 22 – 27.
6. Maslennikova L.N. K voprosu o strukture jazykovej reprezentacii sobytija kak fragmenta jazykovej kartiny mira. Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. 2019. № 12. S. 160 – 165.
7. Ostroushko P.V. Kartina mira, jazykovaja kartina mira individa. Sbornik rabot prepodavatelej, aspirantov i studentov. Moskva: Izd-vo "Pero", 2022. S. 71 – 75.
8. Sitosanova O.V. Ponjatija "kartina mira" i "jazykovaja kartina mira". Sbornik nauchnyh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. – 2020. – T. 1. – № 17. – S. 371 – 374.
9. Suprunova E.V. Jazykovaja kartina mira kak otrazhenie kul'turnoj i duhovnoj individual'nosti jazykovogo soobshhestva. Put' nauki. 2021. № 12 (94). S. 53 – 54.
10. Turaev A.B. Poslovichnaja kartina mira kak chast' jazykovej kartiny mira. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A.A. Kuleshova, 2022. S. 146 – 151.
11. Hushmatov N.R. Vlijanie kollektivnogo jazykovogo soznanija na formirovanie osobyh nacional'nyh koncepcij v jazykovej kartine mira. Vestnik Pedagogičeskogo universiteta. 2021. № 6 (95). S. 110 – 113.
12. Chernova A.V., Ananishnev V.M. Kartina mira, jazykovaja kartina mira. Moskva: Izd-vo "Pero", 2021. S. 123 – 131.

*Mustafin A.A., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Research Officer,
Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

LINGUOSEMIOTIC FOUNDATIONS OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Abstract: at present, we can observe a trend towards an increase in interest in issues related to the development of semiotics. This direction of scientific knowledge attracted serious attention of philosophers, linguists and representatives of a number of other scientific disciplines as early as the 19th century. Since that time, the study of sign-symbolic systems, which is the subject of research in semiotics, has taken a leading position among the methods used by representatives of various scientific areas. The practical aspect of this discipline has acquired particular importance in recent times. All aspects of life as an individual, and as a whole of society as a whole, are purely pragmatic. The significance of the means of a sign-symbolic system in human life, the approach to language as a set of signs and symbols, the close connection between scientific knowledge and objects of semiotics, the material expression of abstract concepts, the relationship between the real meaning of things and phenomena and their interpretation, the role of symbolism in what is happening in transformations in society, and finally, the search for answers to the question of what is truth - all this is one of the most important problems of a general theoretical nature. In connection with the foregoing, the author of this article made an attempt to scientific analysis and critical understanding of the logical and semiotic foundations of the language picture of the world.

Keywords: semiotic system, semantic processes, logical and semiotic foundations, language picture of the world

For citation: Mustafin A.A. Linguosemiotic foundations of the linguistic picture of the world. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 73 – 78.

*Ульбашева З.М., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

ПАРЕМИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКОНЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОКОНЦЕПТА «ТИШИРЫУ»/«MUJER» («ЖЕНЩИНА») В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Аннотация: данное исследование посвящено выявлению и описанию универсальных и специфических гендерных представлений в паремиях карачаево-балкарского и испанского языков. Современная гуманитарная наука рассматривает язык не только как средство коммуникации, но и как средство накопления, хранения и передачи коллективного опыта многих поколений. Как известно, на основе хранения языком культуры и передачи ее из поколения в поколение сформировалась в 90-е гг. XX века самостоятельное направление – лингвокультурология. Развитие лингвокультурологии и когнитивной лингвистики обусловили активное исследование концептов на самом разнообразном материале: поэзия, проза, тексты СМИ, паремии и др. Наибольший интерес представляют паремические единицы языка, поскольку в них содержится ценная информация о прошлом этноса. Паремии хранят в себе весь жизненный, социально-исторический опыт народа. В статье рассматриваются паремии, репрезентирующие концепт «тиширыу»/«mujer» (женщина), являющийся одним из ключевых концептов в исследуемых языках. Несмотря на универсальность концепта «тиширыу»/«mujer» (женщина), его языковая реализация на материале паремий отражает этноспецифические особенности, характеризующие менталитет карачаевцев, балкарцев и испанцев.

Ключевые слова: паремия, этноконцепт «тиширыу», этноконцепт «mujer», карачаево-балкарский язык, испанский язык

Для цитирования: Ульбашева З.М. Паремия как средство реализации этноконцепта (на примере этноконцепта «тиширыу»/«mujer» («женщина») в карачаево-балкарском и испанском языках) // Современный ученый. 2023. № 1. С. 79 – 82.

Введение

Исследование языка как культурного феномена предполагает выявление лингвоментальных особенностей этносов, которые представлены в паремиях. Паремии относятся к числу общемировоззренческих текстов, характеризуют культуру народа, способны ограниченным количеством средств отражать особенности национального мировосприятия носителя языка [6, с. 15].

В лингвистической науке даются разные определения паремическим единицам, также спорным остается вопрос включенности паремий во фразеологию. Под паремическими единицами нами понимаются пословицы и поговорки, так как согласно многим исследователям (А.Н. Баранов [3], Д.О. Добровольский [3], И.М. Балова [2], С.К. Башиева [1], З.Х. Бижева [4], А.И. Геляева [5], М.Ч. Кремшокалова [2] и др.), границы между пословицами и поговорками не проводятся вообще, либо проводятся, но в большинстве случаев не удается четко их разграничить.

Паремии, как устойчивые выражения, функционируют во всех языках. В них отражаются традиции, обычаи и верования народов, поэтому исследование этноконцепта не может быть полным без анализа паремиологической реализации данного этноконцепта.

При исследовании паремии как средства реализации этноконцепта, важно выявить содержательную структуру концепта, т.е. его концептуальные признаки, которые образуют ядро и интерпретационное поле данного концепта.

Материалом для исследования этноконцепта «тиширыу»/ «mujer» послужили пословицы и поговорки из словарей «Къарачай-Малкъар фольклор» (1996 г.) [8], «Къарачай-Малкъар нарт сёзле» (2005 г.) [9], «Къарачай-малкъар нарт сёзле» М.Ч. Джуртубаева (2002 г.) [10], «Gran diccionario de refranes de la lengua española» (1943 г.) [11], «Diccionario de dichos y frases hechas» (2002 г.) [12], «Los mejores refranes españoles» (2010 г.) [13].

Результаты исследований и обсуждение

Ядро этноконцепта «тиширыу»/ «mujer» составляют представления о женщине как о «социальном человеке» (семейное положение, социальный статус, социально значимая деятельность), «внешнем человеке» (физиологические характеристики, внешность), «внутреннем человеке» (психологические характеристики, моральные качества, интеллектуальные способности). Данные представления раскрываются в ближней и дальней перифериях интерпретационного поля концепта.

Универсальные представления о женщине, характерные для обоих языков

Ближнюю периферию в обоих языках составляют следующие концептуальные признаки: 1) концептуальный признак «мать»: **Атадан ёксюз – бир ёксюз, анадан ёксюз – эки ёксюз (кар.-балк.)** – «Без отца – сирота, без матери – дважды сирота». **De mujer que es madre, nadie mal hable (исп.)** – «О женщине, которая является матерью, никто плохо не говорит». **Cuando de las mujeres hables, acuerdate de tu madre (исп.)** – «Когда говоришь о женщинах, вспомни о своей матери». **La mujer que pare, si no cria, es poco madre (исп.)** – «Женщина, родившая, но не воспитавшая, только наполовину мать». В данных паремиях отражается трепетное отношение к женщине-матери; 2) концептуальный признак «жена»: **Къатыны иги – жашдан жаш болур, къатыны аман – къартдан къарт болур (кар.-балк.)** – «С хорошей женой муж молодеет, с плохой быстро старится». **Иги къатынлы киши азыкьсыз къалмаз** – «Мужчина с хорошей женой голодным не останется». **Атлыны ашхысы ат тизгенинден билинир, къатынны ашхысы юй тизгенинден билинир** – «Хорошего седока узнаешь по убранству коня, хорошую жену по убранству дома». **Suyes hijos quieres, cuya mujer tienes (исп.)** – «Какая жена, такие и дети». К выбору жены представители исследуемых культур относятся серьезно, поскольку, она будущая мать детей; 3) концептуальный признак «дом»: **Тиширыусуз юй – отсуз от жагъа (кар.-балк.)** – «Дом без женщины, как костёр без огня». **Тиширыусуз юй иесиз мал кибикди** – «Дом без женщины словно скотина без хозяина». **Юй этген да тиширыу, кюл этген да тиширыу** – «Будет ли дом очагом или пепелищем – зависит от женщины». **La mujer, en su hogar; el marido en su trabajar (исп.)** – «Женщина для домашнего очага, муж для работы». **A la mujer casta la casa le basta (исп.)** – «Женщину домашний очаг красит». В паремиях данной группы отмечается важность женщины в ведении домашнего хозяйства, также в них можно проследить распределение обязанностей в семье между мужчиной и женщиной; 4) концептуальный признак «красота»: **Mujer bella, o loca o necia (исп.)** – «Красивая женщина – сумасшедшая или глупая». **Mujer hermosa, engreida y vanidosa (исп.)** – «Красивая женщина – избалованная и тщеславная». **Mujer hermosa, mujer peligrosa (исп.)** – «Красивая женщина – опасная женщина. Данный концептуальный признак входит в ближнюю периферию этноконцепта «mujer» в испанском языке. В паремиях испанского языка красота часто противопоставляется внутренним качествам, прежде всего уму и доброте. В карачаево-

балкарском языке данный концептуальный признак входит в дальнюю периферию и отражается в паремиях: **Ариулукъ гыржынга къатыкъ болмаз** – «Красота не будет к хлебу «къатыкъ» (къатыкъ – молочные продукты, заготовленные на зиму: сыр, масло и др. [7, с.400]) **Ариуну ичи ауруу** – «У красивой внутри болезнь» (имеется в виду плохой характер). В карачаево-балкарских паремиях не релевантно описание внешних характеристик женщины, больше внимания уделяется именно моральным качествам (воспитанию, трудолюбию): **Къатынны ариулугъун махтама, жигерлигин махта** – «Не хвали жену за красоту, хвали за трудолюбие». **Эринчекни эр алмаз – алса да кёл салмаз** – «Ленивую замуж не возьмут, а если возьмут – пожалеют». **Къыз – юйде, къылыгы – элде** – «Девушка – дома, ее характер – в селе». **Ариу къанат къызгъа керек, ариу къылыкъ къызгъа керек** – «Гусю нужны красивые крылья, а девушке – красивый характер».

Этноспецифические особенности реализации концепта

В испанском языке в ближнюю периферию этноконцепта «mujer» входят такие концептуальные признаки, как «ненадежность», «непостоянство», «лживость», «хитрость», «женские слезы». Паремии, реализующие данные концептуальные признаки имеют пейоративное значение: **Mujer y firmeza, mal congenian** – «Женщина и надежность плохо ладят». **De la mujer, del tiempo y de la mar, poco hay que fiar** – «Женщине, времени и морю не нужно доверять». **La mujer y la mentira, nacieron el mismo dia** – «Женщина и ложь родились в один день». Как известно, во времена Святой инквизиции испанскому менталитету были характерны антисемитские черты. Так, в паремиях женщина часто сравнивается с евреем: **Judio o mujer que jura, malicia segura** – «Еврей или женщина, которые клянутся, задумали хитрость». Также отмечается наличие в женщине неправильных с религиозной точки зрения начал: **Donde hay mujer, hay diablo tambien** – «Где женщина, там и дьявол». **La mujer angel es algun rato, y diablo, el resto del año** – «Женщина ангел на минуту, и дьявол на годы». **La mujer, cuando esta sola, no piensa en buenas cosas** – «Когда женщина одна, ни о чем хорошем она не думает». В паремиях часто встречается несерьезное отношение к женским слезам: **Llanto de mujer, engaño es** – «Женская слеза обманчива». **En subor de caballo, juramento del hombre y llanto de mujer, no hay que creer** – «Пот лошади, обещание мужчины и слеза женщины – это то, чему нельзя верить». **De mujer que mucho llora o mucho rie, no te fies** – «Не доверяй женщине, которая много плачет или много смеется». Отрицательная оценка женских слез

связана с характерной для испанского менталитета эмоциональностью, с возможностью женщин легко проявлять недовольство. Отсутствие данного концептуального признака в карачаево-балкарском этноконцепте «тиширыу» объясняется особенностями кавказского воспитания, согласно которому женщины должны быть сдержанными.

В ближнюю периферию этноконцепта «тиширыу» в карачаево-балкарском языке входит концептуальный признак «келин» (сноха), который специфичен для паремий данного языка: **Къызым санга айтама келиним сен эшит** – «Дочка, говорю тебе, сноха, услышь ты». **Юйде жумуш этилмесе келин терс болур** – «Если в доме дело не спорится, то виновата сноха». **Келинни ахшысы – кирсиз бла тилсиз** – «Хорошая сноха чистоплотна и молчалива». **Иги келин соруп этер, аман келин уруп этер** – «Хорошая сноха спросит и так сделает, плохая сделает без спроса». **Ахшы келин – жютю кёзлю, аман келин – жютю сёзлю** – «У хорошей снохи острое зрение, у плохой острый язык».

В дальней периферии интерпретационного поля этноконцепта «тиширыу»/ «mujeг» представлены специфичные для описываемых лингвокультур концептуальные признаки. Так в карачаево-балкарском языке это концептуальные признаки: 1) «дочь»: **Жарлыны къызы, айбат болса да, эрге бармаз, байны къызы, баймакъ болса да, юйде къалмаз** – «Дочь бедняка, даже если симпатичная, не выйдет замуж, а дочь богатого, даже если хромая, выйдет замуж». **Къызы болгъан – эрге, ёлюсю болгъан – жерге** – «Дочь – замуж, умершего – в землю». **Аман къызы анасы келечи болур** – «У плохой дочери мать – сваха». В паремиях данной группы релевантны паремии о том, что дочь перенимает мировоззрение матери: **Анасы терекге минсе, къызы бутакъгъа минер** – «Если мать залезет на дерево, дочь залезет на

ветку» т.е. дочь повторяет поведение матери. **Анасы аманны къызын алма** – «Не бери (замуж) дочь плохой матери»;

В испанском языке дальнюю периферию исследуемого концепта составляют следующие концептуальные признаки: 1) концептуальный признак «вино»: **El vino y la mujer, el juicio hacen perder** – «Вино и женщина запутают даже судьбу». **El vino y las mujeres a los hombres mas sabios embrutecen** – «Вино и женщины сводят с ума даже самых мудрых мужчин». Женщина способностью очаровать сравнивается в данных паремиях с вином; 2) концептуальный признак «страсть»: **Donde las mujeres, allí los placere** – «Где женщины, там и удовольствия». **La mujer es dulce venen** – «Женщина – сладкий яд». **Hombres y mujeres, mil pesares, mil plaseres** – «Мужчины и женщины – тысячи печалей, тысячи удовольствий»; 3) концептуальный признак «верность»: **La mujer buena, leal y con decoro, es un tesero** – «Хорошая верная достойная женщина – сокровище»; 4) концептуальный признак «мачеха»: **Mala madre me diera Dios y no buena madrastra no** – «Боже, дай плохую мать, но ни хорошую мачеху».

Заключение

Таким образом, описание концептуальных признаков ближней и дальней периферий интерпретационного поля этноконцепта «тиширыу»/ «mujeг», позволило выявить с одной стороны, универсальность данного концепта, присущую всем ментальным картинам мира, с другой – национальную специфику карачаево-балкарской и испанской языковой картины мира. В этом плане паремиологический фонд языка представляет собой лингвокультурологическую ценность для реальной оценки и понимания природы существования разных народов. Такие исследования позволяют раскрыть национальный образ и, соответственно, систему ценностей, этические нормы и психологию этноса.

Литература

1. Аликаев Р.С., Башиева С.К. Вербальные стратегии концептуализации гендерного поведения во фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 656 – 660.
2. Балова И.М., Кремшокалова М.Ч. Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказской культур // Философские науки. Спецвыпуск. М.: Гуманитарий, 2011. № 1. С. 108 – 125.
3. Баранов А.Н. Добровольский Д.О. Пословицы как ряд фразеологизмов (новый подход к старой категории) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2010. С. 736.
4. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000. 122 с.
5. Геляева А.И., Кумахова Дж.Б. Место оценки в пословичной картине мира. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2010. 135 с.
6. Габоева З.М. Концептуализация трудовой деятельности человека в разных лингвокультурах (на материале карачаево-балкарского, русского и испанского языков). Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2015. 120 с.
7. Габоева З.М. Концепт «Mujeг» (Женщина) в испанской пословичной картине мира // Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. У.Б. Алиева «Язык, культура, этикет в современном полиэтничном пространстве». Нальчик: КБГУ, 2012. С. 216 – 220.

8. Къарачай-Малкъар орус сѣзлюк. М.: Русский язык, 1989. 830 б.
9. Къарачай-Малкъар фольклор. Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 1996. 592 б.
10. Къарачай-малкъар нарт сѣзле. М.Ч. Джуртубаева 2002.
11. Къарачай-Малкъар нарт сѣзле. Нальчик: «Эльбрус», 2005. 185б.
12. Los mejores refranes españoles. Compilación de F. Caudet. Madrid, 2010.
13. Sbarbi y Osuna J. M. Gran diccionario de refranes de la lengua española. Buenos Aires, 1943. 572 p.
14. Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. Madrid: Espasa, 2004. 572 p.

References

1. Alikeev R.S., Bashieva S.K. Verbal'nye strategii konceptualizacii gendernogo povedenija vo frazeologii. Kognitivnye issledovanija jazyka. 2013. № 14. S. 656 – 660.
2. Balova I.M., Kremshokalova M.Ch. Paremii kak forma sinteza smyslovyh mirov russkoj i kavkazskoj kul'tur. Filosofskie nauki. Specvypusk. M.: Gumanitarij, 2011. № 1. S. 108 – 125.
3. Baranov A.N. Dobrovol'skij D.O. Poslovicey kak razrjad frazeologizmov (novyj podhod k staroj kategorii). Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. M.: MGU, 2010. S. 736.
4. Bizheva Z.H. Adygsckaja jazykovaja kartina mira. Nal'chik, 2000. 122 s.
5. Geljaeva A.I., Kumahova Dzh.B. Mesto ocenki v poslovichnoj kartine mira. Nal'chik: Poli-grafserviz i T, 2010. 135 s.
6. Gaboeva Z.M. Konceptualizacija trudovoj dejatel'nosti cheloveka v raznyh lingvokul'turah (na materiale karachaevo-balkarskogo, russkogo i ispanskogo jazykov). Nal'chik: Izdatel'stvo M.i V. Kotljarovyh, 2015. 120 s.
7. Gaboeva Z.M. Koncept «Mujer» (Zhenshhina) v ispanskoj poslovichnoj kartine mira. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija prof. U.B. Alieva «Jazyk, kul'tura, jetiket v sovremennom polijetnicheskom prostranstve». Nal'chik: KBGU, 2012. S. 216 – 220.
8. K#arachaj-Malk#ar orus sjozljuk. M.: Russkij jazyk, 1989. 830 b.
9. K#arachaj-Malk#ar fol'klor. Nal'chik: «JeL"-FA», 1996. 592 b.
10. K#arachaj-malk#ar nart sjozle. M.Ch. Dzhurtubaeva 2002.
11. K#arachaj-Malk#ar nart sjozle. Nal'chik: «Jel'brus», 2005. 185b.
12. Los mejores refranes españoles. Compilación de F. Caudet. Madrid, 2010.
13. Sbarbi y Osuna J. M. Gran diccionario de refranes de la lengua española. Buenos Aires, 1943. 572 p.
14. Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. Madrid: Espasa, 2004. 572 p.

Ulbasheva Z.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

PAREMIA AS A MEANS OF IMPLEMENTING AN ETHNOCONCEPT (ON THE EXAMPLE OF THE ETHNOCONCEPT “TISHIRYU”/“MUJER” (“WOMAN”) IN KARACHAY-BALKAR AND SPANISH)

Abstract: this study is devoted to the identification and description of universal and specific gender representations in the paremias of the Karachay-Balkar and Spanish languages. Modern humanities considers language not only as a means of communication, but also as a means of accumulating, storing and transmitting the collective experience of many generations. As it is known, on the basis of the preservation of culture by language and its transmission from generation to generation, an independent direction – linguoculturology – was formed in the 90s of the XX century. The development of linguoculturology and cognitive linguistics has led to an active study of concepts on a wide variety of materials: poetry, prose, media texts, paremias, etc. The most interesting are the paremic units of the language, since they contain valuable information about the past of the ethnos. Paremias contain the entire life, socio-historical experience of the people. The article discusses the paremias representing the concept of “tishiryu”/“mujer” (woman), which is one of the key concepts in the languages studied. Despite the universality of the concept “tishiryu”/“mujer” (woman), its linguistic implementation on the material of paremias reflects the ethnospecific features that characterize the mentality of Karachais, Balkars and Spaniards.

Keywords: paremia, ethnoconcept “tishiryu”, ethnoconcept “mujer”, the Karachay-Balkar language, Spanish

For citation: Ulbasheva Z.M. Paremia as a means of implementing an ethnoconcept (on the example of the ethnoconcept “tishiryu”/ “mujer” (“woman”) in Karachay-Balkar and Spanish). Modern Scientist. 2023. 1. P. 79 – 82.

*Зайцева Н.Н., преподаватель,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: официально-деловой стиль современного русского литературного языка функционирует в административно-правовой деятельности, в сфере официально-деловых отношений. Он отличается своей стабильностью, замкнутостью, стандартизованностью. Этот стиль удовлетворяет потребности общества в документировании разных актов государственной, политической, экономической жизни, а также деловых отношений. Требование однозначности официально-деловой речи предопределяет использование в ней терминологии, специализированных средств языка и особых языковых формул. Цель работы – систематизировать закономерности использования лексических средств в деловой коммуникации.

В статье представлены и описаны пласты лексических единиц, функционирующих в рамках официально-делового стиля. В работе отражены основные характеристики лексических средств, используемых в письменной деловой документации.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, деловая коммуникация, термин, номенклатурное наименование, лексика, клише, штамп, канцеляризм

Для цитирования: Зайцева Н.Н. Лексические средства деловой коммуникации // Современный ученый. 2023. № 1. С. 83 – 87.

Основным признаком, по которому судят о стилистической принадлежности текста, является лексика. Лексика – это совокупность слов языка, его словарный запас. Лексикой официально-делового стиля можно представить в следующем виде:

1. **Термины.** Под термином понимают слово или словосочетание, которое точно и однозначно обозначает понятие определённой области знания или сферы деятельности. Важными чертами использования термина в языке документа должны быть ясность и единство формулировок. Если в тексте документа есть термин, то обязательно должно присутствовать его строгое научное толкование, дефиниция.

Как показывает практика, в текстах документа находят применение термины из разных отраслей. Во-первых, это термины из области делопроизводства (*гриф, реквизиты, формуляр и др.*). Во-вторых, юридическая терминология (в том числе фразеологические сочетания) из сферы законодательства, судопроизводства, криминалистики и др. (*алиби, кодекс, сделка, вменить в вину, презумпция невиновности, конфискация и пр.*). Стоит отметить, что в языке официально-делового стиля в части использования терминологии возможно применение лексики, которая входит в пассивный словарь, а именно: это может быть разговорная лексика, которая закрепилась в качестве юридического термина (*попрошайничество, оговор и др.*), а также устаревшие лексемы (*противоправное деяние; сокрытие информации и др.*).

Лексикографическое описание юридической терминологии – предмет пристального внимания учёных-лингвистов, которые занимаются система-

тизацией имеющегося материала и оформлением словарных статей. В качестве авторитетного издания, которое посвящено юридическим терминам, можно отметить Большой юридический словарь В. Н. Додонова. В словаре представлено более 6000 слов и выражений, применяемых в законотворчестве и юриспруденции.

2. **Номенклатурные наименования.** Это наименования изделий, продуктов, устройств, товаров, их марок, сортов и т.д.; наименования организаций, их подразделений, должностей и др.

Следует отличать номенклатурное наименование от термина. Номенклатурное наименование обозначает конкретное понятие, в то время как термин может содержать отвлечённые и обобщённые категории. Так, в «Правилах дорожного движения РФ» содержится термин «механическое транспортное средство», под которым понимают транспортное средство, которое приводит в движение двигатель. Однако при оформлении регистрационных документов на автомобиль или при заключении договора купли-продажи используют официальное название марки автомобиля, которое и будет являться его номенклатурным наименованием, например: «Renault Sandero», ВАЗ 2101 и т.д.

3. **Лексика, общая для всех книжных стилей,** – это слова, которые широко представлены во всех книжных стилях, но не являются ни терминами, ни номенклатурными наименованиями и не закреплены за какой-нибудь сферой (научной или деловой): *процесс, функционировать, вышеуказанный* и т. п. Однако употребление книжной лексики, особенно иноязычного происхождения, должно быть дозированным, чтобы не снижать

информативность текстов из-за их наукообразности и трудновоспринимаемости.

4. **Нейтральная лексика**, которую часто называют «хранительницей единства литературного языка». Это слова, не имеющие конкретных стилистических характеристик, они находят своё применение во всех без исключения функциональных стилях: *улица, город, погода* и т. д. Учитывая особенности официально-делового стиля, важно избегать неоднозначного понимания семантики слова и использовать данные лексемы тогда, когда нужно дать простую идентификационную характеристику предмету или явлению, а также воссоздать специфику событий.

Поскольку в официально-деловом стиле наблюдается расслоение, наличие нескольких подстилей, уместно, на наш взгляд, отметить такую особенность языка законов, как наличие лексического повтора, выполняющего в тексте документа особое средство связи, например: *«Полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, иным государственным органам (далее также – государственные органы), органам местного самоуправления, иным муниципальным органам (далее также – муниципальные органы), общественным объединениям, а также организациям независимо от форм собственности (далее – организации), должностным лицам этих органов и организаций (далее – должностные лица) в защите их прав»* [9].

Говоря о лексическом компоненте, уместном в официально-деловом стиле, непременно нужно обратиться к словесным единицам, которые не следует применять в письменной деловой документации.

Первой группой слов в данном контексте будет выступать **просторечие**, под которым понимают слово, грамматическую форму или оборот устной речи, употребляемые в целях сниженной, грубоватой характеристики предмета речи (*круто, приколы, башковитый* и др.). Подобная лексика наделена высокой эмоционально-оценочной нагрузкой, что не свойственно такому книжному стилю, как официально-деловой. По мнению М.В. Панова, данные лексемы как бы предупреждают носителя языка, что «лицо, с которым Вы в строго официальных отношениях, не называйте голубчиком» [3].

Тем не менее, если речь идёт о дословной цитате, встречающейся в тексте документа, например в протоколе допроса, подобные слова допустимы, поскольку для языка закона важно такое качество, как точность, даже если приходится жертвовать культурой письменной речи.

За рамками литературного языка пребывают **территориальные диалекты**. Под диалектизмами понимают слова, используемые в местных говорах, для определения понятий, явлений: *бурак* (свёкла), *лавы* (мостик через реку), *большак* (главная дорога). Поскольку диалектизмы входят в состав лексики ограниченного употребления, постепенно отмирающей, соответственно, при использовании данных слов необходимы комментарии. При этом И.Б. Голуб считает, что «...в официально-деловом стиле диалектизмы не находят применения» [3].

По понятным причинам не уместны в официально-деловом стиле такие разновидности национального языка, как **социальные диалекты**, или **жаргоны**, под которыми понимают лексические средства (слова и фразеологизмы), используемые определённым кругом носителей языка, которые объединены общностью интересов, занятий, положением в обществе и т. п. Существует большое количество видов жаргона, основными из которых выступают молодёжный жаргон, или сленг (*препод, схлопотать пару, шпоры* и др.); профессиональный жаргон (в устной речи юристов – *приговор, осужденный, ходатайствовать*); воровской жаргон (*разборки, халява, стукач*).

Стоит отметить, что именно профессиональный жаргон нередко проникает в текст документа отнюдь не в качестве цитаты. Профессионализмы – это слова и выражения, которые представляют собой «заменители» литературных слов и устойчивых сочетаний: *солдат-срочник, курсанты-дневники, больничный, недострой* и др. Культура официально-деловой речи отвергает для использования данные слова, а профессиональный жаргон должен находиться только в рамках устного неформального общения между коллегами.

Не соответствует литературной норме еще одна разновидность лексики пассивного словаря – **устаревшие слова**. Однако часто составители документов прибегают к использованию архаизмов, чтобы придать тексту черты «высокого стиля»: *«Сотрудник полиции должен защищаться государством, ибо дискредитация сотрудника органов внутренних дел как представителя власти не может не отражаться на авторитете этих органов в целом», «Росгвардия должна снять нагрузку с сотрудников МВД, дабы полицейские далее занимались своими непосредственными обязанностями»*. Подобное словоупотребление делает речь излишне напыщенной, что также неприемлемо для современного официально-делового стиля.

Приведём примеры устаревших выражений, используемых в деловой речи, и их современные заменители: *настоящий акт составлен* (акт со-

ставлен); *при сём направляем* (направляем); *настоящим сообщаем* (сообщаем), *сего года* (этого года или текущего года); *на предмет* (для), *вышеупомянутый* (названный, вышеуказанный) и пр.

Безусловно, неприемлемо в тексте официально-делового стиля наличие окказионализмов. Они обладают мощной экспрессией и выразительностью. Их адрес – художественная литература, которая не ограничивает мастеров слова в изобретении новых лексических единиц.

Особую роль в официально-деловом стиле играют устойчивые сочетания слов, среди которых можно выделить:

1. **Штампы** – это слова и выражения, которые активно используются в речи, в результате чего утрачивают первоначальную образность и характеризуются потускневшим лексическим значением, например: *бурные и продолжительные аплодисменты, претворить в жизнь и т. п.*

Стоит отметить, что штампы необычайно широко представлены в таких разновидностях литературного языка, как газетно-публицистический и художественный стили (*блюстители порядка, город на Неве, волнующий образ, гневный протест и др.*).

2. **Канцеляризмы** – это разновидность штампов, слова и выражения канцелярских бумаг (циркуляров, протоколов, докладов, рапортов и донесений), употребление которых строго закреплено за официально-деловым стилем, а в других стилях они не уместны и становятся штампами (*выйти из строя; иметь место; мы, нижеподписавшиеся и др.*).

3. **Клише** – это готовые обороты стереотипного плана, которые используют в качестве речевого стандарта в определённых условиях и контекстах. Клише являются конструктивными единицами и, несмотря на активное употребление, сохраняют своё лексическое значение (*по семейным обстоятельствам; встреча на высшем уровне; дача заведомо ложных показаний и др.*).

Несмотря на то, что у стандартных выражений много противников, стоит отметить их положительные стороны: во-первых, снятие трудностей в процессе коммуникации; во-вторых, процесс воспроизведения становится более автоматизированным; в-третьих, сокращение потраченного времени и говорящим (пишущим), и слушающим (читающим).

Рассматривая лексический состав делового стиля, нельзя обойти стороной языковые этикетные формулы, используемые в языке служебной и деловой переписки.

Любое деловое письмо, согласно правилам, должно иметь обращение, приветствие, представление и заключительные формулы.

Соответственно, в деловом письме возможно не любое обращение. По правилам, обращение «господин» должно употребляться с фамилией человека, его должностью или званием, например: *господин Сидоров, господин академик, господин Президент* и т. п.

В данном контексте стоит упомянуть, что с большой буквы пишутся только названия высших должностей (*Президент Российской Федерации, Председатель Правительства Российской Федерации*), а со строчной, – например, *губернатор, директор* и др.

Если человек, к которому адресована просьба, имеет учёную степень, то её указывает перед фамилией: *профессор Иванов*. Кроме того, официально-деловой стиль допускает для использования общепринятые сокращения: профессор – *проф.*, кандидат юридических наук – *к. ю. н., исполняющий обязанности* – *и. о.*

Что касается воинских званий, то этикет предусматривает указание на них только во внутренней переписке (*заместителю начальника Белгородского юридического института полковнику П.П. Петрову*), если письмо из гражданской организации, то достаточно упомянуть лишь должность (*заместителю начальника Белгородского юридического института П.П. Петрову*).

Слово «гражданин», выступая в качестве обращения для обозначения физического лица, возможно лишь в документах, принадлежащих правоохранительным и судебным органам. В других ситуациях подобное обращение недопустимо.

Обращение «товарищ» в силу понятных причин также утратило былую частотность и сохранилось в устной профессиональной коммуникации в сочетании с воинскими званиями (*товарищ полковник, товарищ генерал*) и при обращении к друг другу лиц, являющихся членами КПРФ.

В соответствии с русской традицией естественной формой русского общения к взрослому человеку является обращение по фамилии, имени и отчеству или же по фамилии с двумя инициалами. Однако сейчас нередко в письменной деловой коммуникации можно встретить обращение к человеку, состоящее только из имени и фамилии. Подобная практика – особенность, свойственная западной культуре. В русском деловом общении это может восприниматься и воспринимается многими носителями языка как оскорбление, принижающее статус адресата. Тем не менее международная практика общения и средства массовой коммуникации, например новости на радио и телевидении, считают такую форму обращения оп-

тимальной: *«Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев проверил, как работают сводные отряды полиции и пообщался с личным составом».*

В деловом письме обращение, как правило, располагается во вступительной части в центре строки, после него следует восклицательный знак.

Например:

Уважаемый господин Президент!

Уважаемый господин Иванов!

Уважаемая госпожа Петрова!

Уважаемая Мария Андреевна!

Наталья Владимировна!

Обращение к коллективу обычно оформляется следующим образом:

Уважаемые сотрудники Государственной инспекции дорожного движения!

Уважаемые коллеги!

Если человек, к которому вы обращаетесь, вам неизвестен, то используется следующие формулы обращения:

Здравствуйте!

Добрый день!

Уважаемый коллега!

Нужно отметить такую деталь, что сейчас нередко после обращения вместо восклицательного знака ставят запятую. Конечно, это не является ошибкой, но тогда начинать текст основной части письма нужно с маленькой буквы.

В тексте делового письма нередко используются личные местоимения *Вы, Ваш*, которые по правилам должны писаться с заглавной буквы, если обращение только к одному лицу: *«Приглашаем Вас принять участие...».*

Если письмо составлено представителем какой-либо организации, то в нём нужно избегать местоимения первого лица единственного числа. Неверно: *«Я являюсь сотрудником кафедры иностранных языков и приглашаю Вас принять участие в круглом столе...».* Правильно: *«Кафедра иностранных языков приглашает...».*

Приветствуется в тексте делового письма использовать благодарности за оперативную работу, сотрудничество, то есть комплимент, но не личного характера.

Отказ, несогласие или претензия должны быть сформулированы чётко, но негрубо. При этом необходимо мотивировать своё решение отрицательной оценки или нелестного отзыва, используя такие речевые формулы, как *к сожалению, с сожалением, мы вынуждены отказать Вам и т.п.*

Концовка делового письма должна содержать следующую речевую формулу – *«С уважением Иван Иванович Иванов».* Но если слово «уважаемый» уже было использовано в начале делового письма, то его нужно заменить на другое, напри-

мер: *с благодарностью, с признательностью, с пожеланием успехов и др.* Также нужно отметить, что запятая перед именем адресанта в данном выражении не ставится: *«С уважением, Андрей Андреевич Андреев».* Расшифровка инициалов отправителя письма необходима, так как возможен прецедент с несклоняемыми фамилиями, когда определить пол лица невозможно. Неверно: *С уважением Нина Юрьевна Штрекер.* Верно: *С уважением Нина Юрьевна Штрекер.* Также играть роль заключительной фразы письма могут следующие фразы: *Выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество! Спасибо за понимание и т.д.*

Однако существуют так называемые табуированные слова и фразы, которые не рекомендуется применять в текстах деловых писем:

1) это наречия типа «срочно», «незамедлительно», «как можно скорее» и др., которые побуждают адресата к спешке и могут вызвать негативную реакцию с его стороны, что в конечном итоге может привести к коммуникативному самоубийству, ситуации, когда последующее общение уже будет заранее неэффективным. Предпочтительнее использовать следующие фразы: *«Просим ответить до ... числа», «Мы были бы благодарны, если Вы могли бы сообщить о своём решении в ближайшее время» и т.п.;*

2) фразы типа *«внимательно изучите следующую информацию».* Императивные конструкции и так нежелательны в текстах деловой переписки, а здесь ещё содержится намёк на невнимательность адресата, что также может выглядеть как оскорбление;

3) фразы, которые уже содержат информацию, что всё должно решиться положительно в вашу пользу: *«прошу решить этот вопрос положительно», «надеюсь, что вы примите положительное решение»* и др.

Даже если письмо содержит отказ или категорическое требование, не стоит начинать изложение информации с негативной оценки.

Культура официально-делового стиля применительно к письменной коммуникации выработала свои языковые нормы, которые характеризуют ограниченные возможности использования конкретных языковых единиц документа. Языковые формулы дают возможность моделировать тексты документов, их структуру, снимая сложности в процессе создания деловых бумаг.

Главными требованиями, которые предъявляются к официально-деловому стилю, являются максимальная точность выражения мысли, чистота и ясность. Отступление от норм при создании текстов документов в области законодательства, правоприменения и других социально-юридических отношений чревато самыми неприятными последствиями не только для конкретного лица, но и для общества в целом.

Литература

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. 448 с.
2. Додонов В.Н. Большой юридический словарь. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 790 с.
3. Панов М.В. О литературном языке // Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 88 – 103.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 ФЗ (Ред. от 21.12.2021) «О полиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 14.10.2022)

References

1. Golub I.B. Stilistika russkogo jazyka. 4-e izd. M.: Ajris-press, 2003. 448 s.
2. Dodonov V.N. Bol'shoj juridicheskij slovar'. M.: Izd. dom «INFRA-M», 1997. 790 s.
3. Panov M.V. O literaturnom jazyke. Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku. pod red. E.A. Zemskoj, S.M. Kuz'minoj. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. T. 1. S. 88 – 103.
4. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3 FZ (Red. ot 21.12.2021) «O policii» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (data obrashhenija: 14.10.2022)

Zajtseva N.N., Lecturer,

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov

LEXICAL MEANS OF BUSINESS COMMUNICATION

Abstract: the official business style of the modern Russian literary language functions in administrative and legal activities, in the field of official business relations. It is distinguished by its stability, isolation, standardization. This style satisfies the needs of society in documenting various acts of state, political, economic life, as well as business relations. The requirement of unambiguity of official business speech determines the use of terminology, specialized language tools and special language formulas in it. The purpose of the work is to systematize the patterns of the use of lexical means in business communication.

The article presents and describes the layers of lexical units functioning within the framework of the official business style. The paper reflects the main characteristics of lexical means used in written business documentation.

Keywords: official business style, business communication, term, nomenclature, vocabulary, cliché, stamp, clerical office

For citation: Zajtseva N.N. Lexical means of business communication. Modern Scientist. 2023. 1. P. 83 – 87.

*Ван Пин,
Санкт-Петербургский государственный университет*

АВТОРСКИЕ ПРАВА В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА В КИТАЕ

Аннотация: в связи со стремительным развитием таких технологий, как Интернет, цифровая и мобильная связь; новые медиа, представленные сетевыми медиа, цифровыми медиа и мобильными коммуникационными средствами, начали проникать во все аспекты жизни людей, принося значительные изменения и глубокое влияние на современное общество. Популярность новых медиа неизбежно приводит к противостоянию между традиционными и новыми медиа, а также к частым нарушениям авторских прав.

Вступившие в 2021 году поправки в Закон КНР «Об авторском праве» олицетворяют открытый и научный законодательный дух, отвечающий потребностям цифровой эпохи, направленный на защиту правообладателей и создателей, также позволяют сделать вывод о положительных изменениях в подходе к авторскому праву в Китае. Когда поправки вносились в 2011 году, цель заключалась в том, чтобы привести закон в соответствие с цифровой экономикой, с прицелом на будущее. Сегодня, обновление закона включает в себя определение авторского произведения, организацию коллективного управления авторским правом, добросовестное использование и защиту авторских прав среди других аспектов. Эти реформы в области авторского права стали своеобразным ответом китайского правительства на современную цифровую эпоху и увеличение числа судебных исков за нарушение авторских прав в Китае, в том числе за цифровое пиратство.

Таким образом, правительство Китая проводит значительную работу по совершенствованию законодательства в этой сфере, однако многие проблемы, обусловленные историческими и культурными особенностями, еще предстоит преодолеть.

Ключевые слова: сетевые СМИ, новые медиа, авторские права, Китай, законодательство

Для цитирования: Ван Пин Авторские права в эпоху новых медиа в Китае // Современный ученый. 2023. № 1. С. 88 – 92.

Эпоха новых медиа считается эрой авторского права. Авторские права, представляют собой совокупность различных по своей правовой природе абсолютных субъективных прав на произведение науки, литературы и искусства [1]. Авторские права как синоним интеллектуальных прав на произведение, глубоко укоренился в юридических, философских и экономических традициях Запада. Среди китайских политиков и деятелей в сфере медиа растет понимание того, что авторские права могут поощрять рост творческой и культурной промышленности и стимулировать рыночную реформу сектора СМИ. Однако, на практике, интеграция авторских прав в китайские юридические, экономические и социальные нормы часто представляется проблематичной. Хотя действующее законодательство Китая об авторском праве на настоящий момент, аналогично законам об авторском праве стран западной юрисдикции, отношение к творчеству и допустимости плагиата значительно отличается, что во многом связано с уникальной историей страны, а также переходным состоянием средств массовой информации и правовых систем.

Авторское право на новые медиа в современном понимании – это, по сути, авторское право на новые сетевые медиа. При этом, так называемая цифровая публикация означает, что во всем изда-

тельном процессе, от редактирования, производства до распространения, вся информация хранится на оптических, магнитных и других носителях в цифровой форме двоичного кода. Контент распространяется через сеть или традиционные методы распространения (например, продажа CD-дисков или других материальных носителей), а читатели используют компьютеры или другое техническое оборудование воспроизведение определенного типа контента, авторы же пользуются правом на сохранение, воспроизведение и распространение произведений в сети [2].

В процессе модернизации Китай прошел уникальную эволюционную траекторию систем авторского права и средств массовой информации. Уникальность является результатом не только влияния китайских традиций и западных моделей, но и конфликтов интересов различных социальных групп в Китае, в частности, напряженное состояние между государственным контролем, корпоративной повесткой дня и общественными интересами. Эта непростая ситуация приводит к возникновению двух конфликтующих подходов в развитии авторского права и СМИ Китая, одна из которых строится на конфуцианской и коммунистических системах. В своей работе об исторических и культурных аспектах авторского права в Китае Уильям Алфорд указывает, что авторское

право не было юридическим, культурным и экономическим корнем литературного и художественного творчества в имперском Китае [3]. Напротив, культурные системы и знания основывались на копировании утвержденного художественного и интеллектуального канона, что позволяло обеспечить усвоение конфуцианских учений по всей стране. Творческие произведения, будь то оригинальные произведения или реплики, считались частью общего наследия, а не частной собственностью, своего рода коллективными произведениями, а не индивидуальным творчеством. Позднее этот подход укрепился в общественном сознании и развивалась вместе с марксизмом, в некоторой части также переняв советскую модель СМИ и коммуникаций.

Второй сосуществующий подход во многом схож с западной практикой авторского права, где произведения авторов находятся под защитой от несанкционированного использования путем создания установленных законом прав собственности, состоящих из экономических прав, которые позволяют авторам получать гонорары за свои интеллектуальные усилия, и неимущественных прав, которые защищают их авторство [4]. Таким образом, авторское право обеспечивает экономические стимулы для творчества авторов, создает правовую основу для регулирования отношений и интересов сторон в медиаиндустрии.

Первый современный закон об авторском праве был обнародован во времена династии Цин (с 1644 по 1911 год), а затем был усовершенствован в после создания КНР, который соответствовал большинству международных правил в отношении авторского права. После вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 году, в закон об авторском праве были внесены существенные поправки, чтобы привести его в соответствие с более строгими международными стандартами. Это подход формировался под давлением как международного сообщества, так и китайской индустрии в сфере культуры и медиа, требующих надежной защиты и обеспечения соблюдения авторских прав.

Таким образом, два конфликтующих подхода к авторскому праву по сегодняшний день сосуществуют, конкурируют, сходятся и совместно развиваются. В то время как плагиат статей других новостных агентств является обычной практикой в Китае, некоторые компании в медиа-индустрии страны, которая становится все более конкурентной, стали более активно заявлять о том, что они называют несанкционированным использованием оригинального контента.

Совместная эволюция двух противоположных парадигм является определяющей чертой понима-

ния авторского права и средств массовой информации в Китае, сформированной взаимодействием между государственным контролем, корпоративной повесткой дня и общественными интересами. При этом взаимодействие этих подходов и состояние авторского права сильно различалась в разные исторические периоды. В революционную эпоху произошел радикальный сдвиг между ними; смешанный подход был широко распространен в эпоху открытости и реформ, максимально удовлетворяя интересы быстрорастущих китайских медиа-корпораций; в то время как в первые десятилетия эпохи Интернета война за авторские права между новыми и старыми медиасистемами была ожесточенной, наряду с цифровым прорывом. Все эти исторические тенденции помогают понять будущее авторского права, СМИ и модернизации в Китае. В частности, на будущее влияют три важных фактора: реформа цифрового авторского права, стратегия «Интернет плюс» и движение за открытые знания. «Интернет Плюс» – одна из национальных стратегий Китая в области цифровых инноваций и цифровой экономики. Задача «Интернет Плюс» состоит в том, чтобы «поощрять стремление сотен тысяч людей к инновациям, тем самым создавая новый двигатель экономического развития» [5] посредством глубокой интеграции Интернета и традиционных отраслей, включая медиа и творческие отрасли.

Характеристики новых средств массовой информации, такие как быстрое распространение и простота копирования, усложнили охрану авторских прав. Хотя в Китае постоянно вводятся различные меры по совершенствованию системы, действующее законодательство по-прежнему несет в себе множество недостатков появившихся под влиянием новых технологий. Объективно говоря, хотя в КНР создана правовая основа для защиты авторских прав в среде новых средств массовой информации с учетом аспектов гражданского, административного и уголовного законодательства, положения закона в этой области еще не совершенны, что в первую очередь выражается в нечеткости основополагающих понятий и принципов.

Так, законодательно провозглашена концепция общественного интереса, которая включает два аспекта: распространение науки и культуры и экономический интерес в условиях рынка [6], но закон не конкретизирует положения об общественном интересе. Неоднозначность контекста, в котором используется это понятие, заставляет многие новые медиа ходить по краю закона, нарушая авторские права прикрываясь общественным интересом. Кроме того, в действующем законе не конкретизируется, как понимать две основные кон-

цепции прав на воспроизведение и прав на распространение в среде новых медиа, что создает проблемы для обозначения границ действия авторских прав в сети. Хотя, в законодательство об авторском праве были внесены некоторые корректировки, этого недостаточно для решения проблем, которые возникли в связи с распространением новых технологий.

Таким образом, поскольку индустрия цифрового контента является интегрированной и инклюзивной отраслью, необходимо координировать или объединять существующие рамки разрозненных государственных функций. Китайскому правительству это может показаться сложной задачей, поскольку развитие индустрии цифрового контента в значительной степени зависит от сил, действующих внутри самой отрасли. Не только нецелесообразно, но и невозможно полагаться исключительно на правительство в контроле над киберпространством и его социальными посредниками – должна работать отраслевая самодисциплина. Режим двойного управления, сочетающий государственное регулирование с саморегулированием отрасли, будет иметь положительный эффект на индустрию цифрового контента.

Надежная защита авторских прав помогает увеличить экономические стимулы и вознаграждения за культурное творчество и создание знаний и культивирует культуру, которая ценит и уважает творческий труд. Это, несомненно, способствует процветанию китайских цифровых медиа и творческих индустрий в контексте «Интернет Плюс». Кроме того, китайские интернет-гиганты, такие как Baidu, Alibaba и Tencent, быстро расширяют свой бизнес в сфере производства контента и авторского права. В отличие от того, что раньше они защищали свои коммерческие интересы, связанные с нарушением авторских прав, их руководители теперь призывают к усиленной защите цифровых авторских прав в различных публичных мероприятиях, таких как национальный конгресс и международные интернет-форумы. Однако те, кто считает надежную защиту авторских прав основной предпосылкой устойчивой экономики цифровых медиа, склонны пренебрегать и обесценивать роль нерыночных факторов в стимулировании расширения знаний и создании культурных и экономических ценностей за пределами сфер, опосредованных предприятиями. Кроме того, коммерческие интересы медиа-предприятий не всегда согласовывались с ограничительной защитой авторских прав в Китае. В цифровую эпоху также есть возможности для прорывных инноваций, особенно основанных на свободной культуре, открытых лицензиях и массовом онлайн-сотрудничестве.

Таким образом, как и во всем мире, в Китае продолжается реформа цифрового авторского права, целью которой является создание функциональной, рациональной и работающей системы авторского права в эпоху цифровых технологий. Международные и китайские индустрии в сфере культуры реформируют устоявшуюся систему защиты и обеспечения соблюдения авторских прав в цифровой среде, чтобы их бизнес-модели можно было применять к новым технологиям и рынкам. Такое лоббирование ограничительной цифровой защиты авторских прав становится все значительнее и привело к ряду практических изменений в правилах авторского права. Например, в 2015 году Китай запретил несанкционированную потоковую передачу музыки в Интернете и несанкционированную перепечатку онлайн-новостей [7]; Китай также издал политику регулирования поставщиков услуг облачного хранения для борьбы с несанкционированным обменом файлами [8].

Однако слишком оптимистичным представляется предположение, что создание эффективной системы защиты авторских прав в Китае является лишь вопросом времени; или до тех пор, пока китайское правительство ценит защиту авторских прав и обеспечение их соблюдения благодаря развитию отечественной индустрии культуры, пиратство и нарушение прав резко сократятся. История показала сложность неоднозначность взаимодействия двух подходов к авторскому праву и различных контекстуальных переменных, которые формируют их в Китае.

Обеспечение экономического роста в рыночно-капиталистической системе требует гораздо более высокого уровня индивидуальной свободы в отношении производства и потребления, чем при плановой экономике. Реформа СМИ в Китае не привела к созданию системы, полностью основанной либо на свободе рынка, либо на верховенстве закона. Медиаэкономика Китая остается переходной, и существуют важные различия между тем, как культурные и творческие предприятия работают на этом рынке, и стратегиями их коллег на западных рынках. Однако, новое законодательство об авторском праве КНР в настоящее время в целом аналогично законам об авторском праве в большинстве других стран. Несмотря на то, что правоприменение остается проблематичным, а индустрии «цифрового» контента разрабатывают инновационные бизнес-модели, которые не зависят от способности предотвращать несанкционированное распространение. Китайские политики, творческие работники и представители бизнеса также все больше осознают важность признания и защиты прав интеллектуальной собственности. Хотя международное давление, несомненно, сыг-

рало важную роль в создании китайского закона об авторском праве, влияние со стороны внутренних заинтересованных сторон помогает внедрить закон в местную практику и бизнес-модели. Авторские права, которые ценятся местными заинтересованными сторонами, и стремление правитель-

ства поощрять рост конкурентоспособной на международном уровне индустрии, занимающейся экспортом контента, сыграют решающую роль в росте культуры защиты авторских прав в Китае в течение следующего десятилетия.

Литература

1. Гринь Е.С., Калятин В.О. и др. Право интеллектуальной собственности: учебник / Под общей ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 2. 367 с.
2. Хэ Цзыюэ, Исследование формы цифровой публикации // Издательство Уханьского университета. 2015. № 10. С. 21 – 35.
3. Алфорд У.П. Украсть книгу – элегантно преступление. Право интеллектуальной собственности в китайской цивилизации. Стэнфорд: издательство Стэнфордского университета, 1995. 236 с.
4. Тоуз Р. (2002 г.), Авторское право в индустрии культуры // Журнал экономики культуры. 2003. Т. 27. № 2. С. 146 – 149.
5. Чанг Гордон Г. Стратегия Китая «Интернет плюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/gordonchang/2015/04/19/chinas-internet-plus-strategy-a-net-minus/?sh=6d8012004e05> (дата обращения: 01.12.2022)
6. Пэн Гуйбин. Анализ существующих проблем и путей совершенствования новой системы авторского права на медиа // Издательство Китая. 2015. № 5. С. 39 – 42.
7. Китай обещает защитить авторские права для онлайн-СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/12/04/business/china-vows-copyright-protection-online-news> (дата обращения: 01.12.2022)
8. Китайский орган по защите авторских прав борется с пиратством в облачных хранилищах [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-10/20/c_134732670.htm (дата обращения: 01.12.2022)

References

1. Grin' E.S., Kaljatin V.O. i dr. Pravo intelektual'noj sobstvennosti: uchebnik. Pod obshej red. L.A. Novose- lovoj. M.: Statut, 2017. T. 2. 367 s.
2. He Czyjuje, Issledovanie formy cifrovoj publikacii. Izdatel'stvo Uhan'skogo universiteta. 2015. № 10. S. 21 – 35.
3. Alford U.P. Ukrast' knigu – jelegantnoe prestuplenie. Pravo intelektual'noj sobstvennosti v kitajskoj civili- zacii. Stjenford: izdatel'stvo Stjenfordskogo universiteta, 1995. 236 s.
4. Touz R. (2002 g.), Avtorskoe pravo v industrii kul'tury. Zhurnal jekonomiki kul'tury. 2003. T. 27. № 2. S. 146 – 149.
5. Chang Gordon G. Strategija Kitaja «Internet pljus». [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.forbes.com/sites/gordonchang/2015/04/19/chinas-internet-plus-strategy-a-net-minus/?sh=6d8012004e05> (data obrashhenija: 01.12.2022)
6. Pjen Gujbin. Analiz sushhestvujushhijh problem i putej sovershenstvovanija novoj sistemy avtor-skogo prava na media // Izdatel'stvo Kitaja. 2015. № 5. S. 39 – 42.
7. Kitaj obeshhaet zashhitit' avtorskie prava dlja onlajn-SMI [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/12/04/business/china-vows-copyright-protection-online-news> (data obrashhenija: 01.12.2022)
8. Kitajskij organ po zashhite avtorskih prav boretsja s piratstvom v oblachnyh hranilishhah [Jelektronnyj resurs]. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-10/20/c_134732670.htm (data ob-rashhenija: 01.12.2022)

*Wang Ping,
Saint Petersburg State University*

COPYRIGHT IN THE AGE OF NEW MEDIA IN CHINA

Abstract: in connection with the rapid development of technologies such as the Internet, digital and mobile communications; new media, represented by network media, digital media and mobile communication tools, have begun to permeate all aspects of people's lives, bringing significant changes and a profound impact on modern society. The popularity of new media inevitably leads to a confrontation between traditional and new media, as well as frequent copyright infringements.

The amendments to the Copyright Law of the People's Republic of China, which came into force in 2021, embody an open and scientific legislative spirit that meets the needs of the digital age, aimed at protecting copyright holders and creators, and also allows us to conclude that there are positive changes in the approach to copyright in China. When the amendments were made in 2011, the goal was to bring the law in line with the digital economy, with an eye to the future. Today, updating the law includes the definition of a work of authorship, the organization of collective management of copyright, fair use and copyright protection among other aspects. These copyright reforms have been the Chinese government's response to the modern digital age and the increase in lawsuits for copyright infringement in China, including digital piracy.

Thus, the Chinese government is doing significant work to improve legislation in this area, but many problems due to historical and cultural features have yet to be overcome.

Keywords: online media, new media, copyright, China, law

For citation: Wang Ping Copyright in the age of new media in China. Modern Scientist. 2023. 1. P. 88 – 92.

*Мэй Чан Мьей Зо, аспирант,
Санкт-Петербургский горный университет*

ОТРАЖЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ТЕРМИНОВ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация: статья посвящена исследованию семантических компонентов общеупотребительных терминов энергетики и их отражения в научных текстах. Термины для исследования были отобраны из научных статей на основе данных терминологических и толковых словарей. Целью исследования является формирование терминосистемы энергетической области в современном русском языке на основе постоянных и потенциальных сем терминов. В результате компонентного анализа терминов в научных текстах делается вывод о том, что в зависимости от темы, цели и задач исследования семема одного термина обычно имеет следующие архисемы: параметр, объект, предмет, условие, процесс, свойство, способ, средство, устройство, ресурс, результат, причина. Значение настоящего исследования определяется тем, что оно способствует более глубокому пониманию терминосистемы как части научной картины мира. Полученные результаты могут быть использованы при обучении русскому языку как родному и русскому языку как иностранному в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: сема, архисема, дифференциальная сема, термин, энергетика, русский язык, научные тексты

Для цитирования: Мэй Чан Мьей Зо Отражение дифференциальных семантических признаков терминов электроэнергетики в научных текстах // Современный ученый. 2023. № 1. С. 93 – 98.

В рамках современной лингвистики активно распространяются тенденции к проведению междисциплинарных исследований. Исследователи вносят существенный вклад в развитие языка науки, рассматривая в своих работах семантические поля и лексико-семантические варианты лексических единиц языка для специальных целей – терминов.

Существует ряд работ, посвящённых функционированию и использованию научных терминов (Демченко П.Н. [7, 8], Таланина А.А. [16], Щукина Д.А. [20, 21]). Изучение связи и отношения между предметом (рефератом, денотатом), значением (мышлением, понятием, смыслом, сигнификатом) и знаком (словом, именем, текстом) являются главным фундаментальным вопросом не только в терминологии, но и в семантике в целом [11, с. 7].

Данная работа посвящена исследованию фрагментов терминосистемы энергетической отрасли. Энергетика является основой жизнедеятельности государства, в ней находят отражение последние достижения современной науки и техники. Рассмотрение терминов, функционирующих именно в рамках энергетики, позволит структурировать терминосистему одной из самых обширных областей знаний. Кроме того, ряд терминов энергетики зачастую обнаруживается в статьях по смежным специальностям, как например в статьях «Увеличение содержания крупных фракций в добываемой массе угля комбайном с использованием парных срезом» [4] по геотехнологии и инженерной технологии, «Влияние термической обработки на микроструктуру стальных змеевиков нагреватель-

ной трубчатой печи» [3] по металлургии и обогащению, «Модели устойчивого функционирования и развития электроэнергетической отрасли» [6] в отрасли экономики.

Цель данной работы – выявление дифференциальных семантических признаков терминов энергетики в научных текстах при помощи терминологических и толковых словарей современного русского языка. Для достижения цели были использованы методы семантического и контекстуального анализа. Объект исследования – термины энергетики современного русского языка. Предмет – семантические признаки в структуре содержания термина.

Сема (от греч. σῆμα – знак) – минимальная предельная единица плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности [10, с. 437-438]. Сема – компонент значения, отражающий отличительный признак денотата (предмета, явления, процесса) или употребления слова и способный дифференцировать значения слов [13, с. 5].

Разновидностями семы являются **гиперсема** (родовая сема, архисема), отражающая общие признаки лексических единиц и **гипосема** (видовая сема или дифференциальная сема), обозначающая дифференциальные признаки предмета, действия. Семой дифференциальной является смысловой компонент, отличающий значение одного слова от другого [9, с. 318].

Дифференциальные семы отражают отдельные признаки предмета, конкретизируют архисему и

относят предмет номинации к какому-либо виду [15, с. 12]. Лингвисты по-разному выделяют семантические компоненты. В.Г. Гак выделяет следующие семантические актанты: субъект (отправитель); объект; адресат; субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина); пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная и конечная точка движения); временной конкретизатор; субстанция, которой принадлежит или в которой находится объект [5].

Ю.Д. Апресян определил 25 семантических функций: субъект, контрагент, глава, объект; содержание, адресат, получатель, посредник, источник, локатив, начальная точка, конечная точка, маршрут, средство, инструмент, способ, условие, причина, мотивировка, результат, цель, аспект, количество, срок, время [1, с. 90].

Обычно семы выделяются в словарных дефинициях толковых словарей. При этом в разных словарях могут быть указаны разные семы даже в рамках одного языка [18, с. 105]. Например, термин *генератор* в толковом словаре Ушакова определяется как: 1) механизм, производящий энергию; 2) печь особого устройства для производства генераторного газа [17, с. 550], а в толковом словаре Ожегова: *генератор* – общее название устройств, машин, производящих какой-н. продукт, вырабатывающих энергию или преобразующих один вид энергии в параметр, объект, предмет, условие, процесс, свойство, способ, средство, устройство, ресурс, результат, причина [13, с. 128].

Однако, в энергетике термины *трансформатор*, *генератор* и *выпрямитель* имеют общий семантический признак «устройство» или «инструмент» для выполнения разных функций, связанных с производством или использованием электроэнергии. По выполняемым функциям эти термины имеют следующие дифференциальные семантические признаки: *генератор* – источник электрической энергии; *трансформатор* и *выпрямитель* – средство преобразования электроэнергии

трансформатор преобразует переменное направление по величине, а *выпрямитель* – электрический ток в ток постоянный).

Термины так же могут иметь больше одного семантического признака, как и общеупотребительные слова. Термин «фаза» включает в себя следующие семантические признаки: объект, предмет, инструмент, источник, средство. Точное определение семантических признаков определяется научным контекстом. Например, во фрагменте «...Получены численные зависимости толщины ледопородного ограждения от времени в фазах активного и пассивного замораживания для двух слоев породного массива с различными теплофизическими свойствами. ...» [14, с. 319] термин «фаза» имеет семантическую связь с тремя словосочетаниями: «численные зависимости толщины ледопородного ограждения» (А), «активное и пассивное замораживание» (Б), «замораживание для двух слоев породного массива с различными теплофизическими свойствами» (В). Семантическим признаком термина «фаза» в отношении к А является условием; к Б – параметром; к В – средством.

В случае, когда одно предложение включает в себя ряд терминов энергетике, семантические признаки этих терминов тесно взаимосвязаны по принципу: *условие – средство (способ) – результат – причина*. Например, во фрагменте «... **Электротехнический комплекс**, в состав которого входит **ветроэнергетическая установка**, а также подключены параллельно **аккумуляторная батарея** и **дизель-генераторная установка**, способен обеспечить **надежное электроснабжение потребителей в соответствии с показателями качества электроэнергии**. ...» из статьи «Разработка алгоритма выбора режимов работы комплекса электроснабжения с ветродизельной электростанцией» [19, с. 115] термины, выделенные полужирным шрифтом, связаны друг с другом по следующим семантическим признакам (рис. 1, 2).

Рис. 1. Связь между терминами в контексте по семам

Рис. 2. Взаимосвязь между терминами в контексте

Кроме того, на материале нескольких статей выявлен характер зависимости между темой статьи и рассмотренными в ней терминами. Так например название «*Эксплуатация однофазного автономного инвертора в составе ветроэнерге-*

тического комплекса малой мощности» [2], предполагает использование в работе следующих терминов, входящие в определенные группы по семантическим компонентам семемы (см. табл. 1):

Таблица 1

Семантические компоненты значения терминов

Семантические компоненты значения	Термины
цель	<i>Энергоснабжение</i>
условие	<i>ветроэнергетика, ветроэнергетический комплекс малой мощности, индуктивный, возобновляемые источники энергетики</i>
устройство/ инструмент	<i>инвертор, однофазный автономный инвертор, выпрямитель, аккумулятор, преобразователь электроэнергии, конденсатор, генератор</i>
свойство	<i>напряжение, мощность электроустановки, мощность конденсатора, постоянный электрический ток</i>

При анализе статьи, кроме терминов, имеющих очевидную связь с названием, найдены другие термины энергетики: *мощность балластного сопротивления, ротор, вращение ветроколеса, регулятор заряда (выпрямитель), выходная нагрузка, входной ток, ток зарядки, короткое замыкание, перенапряжение, активно-индуктивная нагрузка,*

ёмкость конденсатора, входное напряжение, выходное напряжение, энергоэффективность и др.

Таким образом, при описании семантического состава терминов важно уделять особое внимание не только выделению сем, встроенных в структурное значение слова, но и определению их статуса: постоянная или вероятностная (потенциальная)

сема. Потенциальные семы обычно извлекаются из контекста.

Семантические компоненты дефиниции терминологических и толковых словарей иногда отличаются от выполняемых семантических функций в тексте. Например, термин *инвертор* с гиперсемой «устройство» в контексте «...В случае использования малообслуживаемых ВЭУ малой мощности особое внимание следует уделять выбору автономного инвертора напряжения, основными характеристиками которого являются: номинальная выходная мощность, выходное и входное напряжение, номинальный входной ток, вид выходного сигнала (меандр или синус) ...» [2, с. 568] выполняет семантические функции: *средство* (для ВЭУ малой мощности) и *источник* (номинальной выходной мощности, выходного и входного напряжения, номинального входного тока и др).

В результате анализа научных статей, в которых были использованы термины энергетики были обнаружены следующие дифференциальные семантические признаки в структуре содержания термина: параметр, объект, предмет, условие, процесс, свойство, способ, средство, устройство, ресурс, результат, причина.

Семантические признаки тесно связаны друг с другом внутри контекста, разработанной темы. Например, для достижения поставленной цели научных работ нужно исследовать объект и предмет; для разрешения поставленной проблемы нужно найти условия и причины, рассмотреть параметры, способы, средства, ресурсы, устройства и результаты их использования.

В статье «Надёжность и качество электроэнергетической продукции» [12], исходя из названия, очевидно, что основными объектами исследования являются термины-словосочетания «*электроэнергетическая продукция*» и «*электроэнергетическая система*» и термин «*электроэнергетика*», а предметом «*надёжность*» или «*надёжность электроснабжения*». Однако, термин «*надёжность*» имеет семантический компонент

«*параметр*» в контексте: «...*электроэнергетической системе необходимо обоснованно принимать оперативные решения задач надёжности с учетом ее глобальности и развития ее логистических звеньев и соединяющих их материальных связей (электрических сетей, трубопроводов и т.д.) ...*» для цели «*электроэнергетической системы*». В данном случае необходимо учитывать роль параметров «*электрические сети*» и «*трубопроводы*».

Во фрагменте «... *увеличение загрузки турбогенераторов тепловых электростанций до их оптимальной мощности и получаемая при этом экономия топлива, а также соответствующее снижение себестоимости единицы электрической энергии надежно перекрывают возникающие при этом возможные дополнительные потери электрической энергии в сетях. ...*» [12, с. 73], использованы термины, имеющие семантические компоненты **1) «устройство»:** турбогенератор; **2) «параметр»:** тепловые электростанции, загрузки турбогенераторов; **3) «условие»/ «способ»:** увеличение загрузки турбогенератора; **4) «ресурс»:** топлива, электрическая энергия; **б) «результат»:** (себестоимости перекрывают) потери электрической энергии.

Таким образом, семный анализ терминов в научных текстах показывает, что в зависимости от темы, цели и задач исследования семема одного термина обычно имеет следующие архисемы: параметр, объект, предмет, условие, процесс, свойство, способ, средство, устройство, ресурс, результат, причина. В научных текстах родовая сема тесно связана с дифференциальной семой. В зависимости от контекста потенциальные семы варьируются, при этом родовая сема не теряет свою значимость. Результаты представленного анализа имеют не только теоретическое, но и практическое значение, в частности, на основе методики анализа семантических компонентов терминов может быть разработана система диагностики уровня научной компетенции.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Бельский А.А., Добуш В.С., Шайбан Фуад Хайкал Эксплуатация однофазного автономного инвертора в составе ветроэнергетического комплекса малой мощности // Записки Горного института. 2019. Т. 239. С. 564 – 569. DOI:10.31897/PMI.2019.5.564
3. Бажин В.Ю., Башар Исса. Влияние термической обработки на микроструктуру стальных змеевиков нагревательной трубчатой печи // Записки Горного института. 2021. Т. 249. С. 393 – 400. DOI:10.31897/PMI.2021.3.8
4. Габов В.В., Нгуен Ван Суан, Задков Д.А., Чан Дык Тхо. Увеличение содержания крупных фракций в добываемой массе угля комбайном с использованием парных срезов // Записки Горного института. 2022. Т. 257. С. 764 – 770. DOI:10.31897/PMI.2022.66

5. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация "глубинных" и "поверхностных" структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 77 – 85.
6. Гибадуллин А.А. Модели устойчивого функционирования и развития электроэнергетической отрасли // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 59 – 66. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10308
7. Демченко П.Н., Мальцев И.В. Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 171 – 189. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189
8. Демченко П.Н., Каптилова Е.Н. Научно-популярные СМИ: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Трансформация медиасреды в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред.: Д.В. Неренц. Москва: РГГУ, 2019. С. 200 – 205.
9. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
10. Новиков Л.А. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 2000. С. 437 – 438.
11. Новиков Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1982. 272 с.
12. Можаяева С.В. Надёжность и качество электроэнергетической продукции. Записки Горного института. 2014. Т. 208. С. 154 – 159.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз. 4-е изд., испр. и доп. Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
14. Семин М.А., Богомяков А.В., Левин Л.Ю. Теоретический анализ динамики ледопородного ограждения при переходе на пассивный режим замораживания // Записки Горного института. 2020. Т. 243. С. 319 – 328. DOI: 10.31897/PMI.2020.3.319
15. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 150 с.
16. Таланина А.А. Представление термина как коммуникативное микрособытие в жанре учебной лекции // Филология: научные исследования. 2020. № 9. С. 47 – 57.
17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.
18. Чубур Т.А. Контрастивная лексикология и лексикография в практике обучения иностранному языку // Русский язык за рубежом. 2010. № 3 (220). С. 63 – 71.
19. Шклярский Я.Э., Батуева Д.Е. Разработка алгоритма выбора режимов работы ком-плекса электроснабжения с ветродизельной электростанцией // Записки Горного института. 2022. Т. 253. С. 115 – 126. DOI:10.31897/PMI.2022.7
20. Щукина Д.А., Грибова А.А. Научно-популярный текст в Интернет-пространстве // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы: Материалы докладов и сообщений XXII международной научно-методической конференции. 2017. С. 213 – 217.
21. Щукина Д.А. Эстетизация учебного текста в Интернете // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. (2-6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия) / отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. С. 123.

References

1. Apresjan Ju.D. Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka. M.: Nauka, 1974. 367 s.
2. Bel'skij A.A., Dobush V.S., Shajban Fuad Hajkal Jekspluatacija odnofaznogo avtonomnogo invertora v sostave vetrojenergetičeskogo kompleksa maloj moshhnosti. Zapiski Gornogo instituta. 2019. T. 239. S. 564 – 569. DOI:10.31897/PMI.2019.5.564
3. Bazhin V.Ju., Bashar Issa. Vlijanie termičeskoj obrabotki na mikrostrukturu stal'nyh zmeevikov nagrevatel'noj trubchatoj pechi. Zapiski Gornogo instituta. 2021. T. 249. S. 393 – 400. DOI:10.31897/PMI.2021.3.8
4. Gabov V.V., Nguen Van Suan, Zadkov D.A., Chan Dyk Tho. Uvelichenie sodержanijakрупnyh frakcij v dobyvaemoj masse uglja kombajnom s ispol'zovaniem parnyh srezov. Zapiski Gornogo instituta. 2022. T. 257. S. 764 – 770. DOI:10.31897/PMI.2022.66
5. Gak V.G. K probleme sintaksicheskoj semantiki (semanticheskaia interpretacija "glubinyh" i "poverhnostnyh" struktur). Invariantnye sintaksicheskie znachenija i struktura predložhenija. M.: Nauka, 1969. С. 77 – 85.

6. Gibadullin A.A. Modeli ustojchivogo funkcionirovanija i razvitija jelektrojenergeticheskoj otrasli. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3 (425). S. 59 – 66. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10308
7. Demchenko P.N., Mal'cev I.V. Mediatizacija kak faktor povyshenija interesa k sovremennym nauchno-populjarnym SMI (na primere zhurnalov «Nauka i zhizn'» i «Populjarnaja mehanika»). Nauchnyj dialog. 2021. № 3. S. 171 – 189. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189
8. Demchenko P.N., Kaptilova E.N. Nauchno-populjarnye SMI: aktual'nye problemy i vozmozhnye puti ih reshenija. Transformacija mediasredy v XXI veke: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otv. red.: D.V. Nerenc. Moskva: RGGU, 2019. S. 200 – 205.
9. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izd., ispr. i dop. Nazran': OOO «Piligrim», 2010. 486 s.
10. Novikov L.A. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: SJe, 2000. S. 437 – 438.
11. Novikov L.A. Semantika russkogo jazyka: ucheb. posobie. M.: Vyssh. shkola, 1982. 272 s.
12. Mozhaeva S.V. Nadjozhnost' i kachestvo jelektrojenergeticheskoj produkcii. Zapiski Gornogo instituta. 2014. T. 208. S. 154 – 159.
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheij. Rossijskaja AN, In-t rus. jaz. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva: OOO «A TEMP», 2006. 944 s.
14. Semin M.A., Bogomjagkov A.V., Levin L.Ju. Teoreticheskij analiz dinamiki ledoporodnogo ograzhdenija pri perehode na passivnyj rezhim zamorazhivanija. Zapiski Gornogo instituta. 2020. T. 243. S. 319 – 328. DOI: 10.31897/PMI.2020.3.319
15. Sternin I.A., Salomatina M.S. Semanticheskij analiz slova v kontekste. Voronezh: «Istoki», 2011. 150 s.
16. Talanina A.A. Predstavlenie termina kak kommunikativnoe mikrosobytie v zhanre uchebnoj lekcii. Filologija: nauchnye issledovanija. 2020. № 9. S. 47 – 57.
17. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M.: Sov. jencikl.: OGIZ, 1935-1940.
18. Chubur T.A. Kontrastivnaja leksikologija i leksikografija v praktike obuchenija inostrannomu jazyku. Russkij jazyk za rubezhom. 2010. № 3 (220). S. 63 – 71.
19. Shkljarskij Ja.Je., Batueva D.E. Razrabotka algoritma vybora rezhimov raboty kompleksa jelektrosnabzhenija s vetrodizel'noj jelektrostanciej. Zapiski Gornogo instituta. 2022. T. 253. S. 115 – 126. DOI:10.31897/PMI.2022.7
20. Shhukina D.A., Gribova A.A. Nauchno-populjarnyj tekst v Internet-prostranstve. Sovremennye tendencii v izuchenii i prepodavanii russkogo jazyka i literatury: Materialy dokladov i soobshhenij XXII mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. 2017. S. 213 – 217.
21. Shhukina D.A. Jestetizacija uchebnogo teksta v Internete. Medialingvistika. Vyp. 6. Jazyk v koordinatah massmedia: mater. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (2-6 ijulja 2017 g., Sankt-Peterburg, Rossija). otv. red. A.A. Malyshev. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikacij», 2017. S. 123.

*May Chan Myae Zaw, Postgraduate,
Saint-Petersburg Mining University*

REFLECTION OF DIFFERENTIAL SEMANTIC FEATURES OF ELECTRIC POWER TERMS IN SCIENTIFIC TEXTS

Abstract: the article is devoted to the study of semantic components of commonly used energy terms and their reflection in scientific texts. The terms for the study were selected according to scientific articles based on data from terminological and explanatory dictionaries. The purpose of this study is to form the term system of the energy field in modern Russian on the basis of permanent and potential sense of terms. As a result of the component analysis of terms in scientific texts, it is concluded that, depending on the topic, purpose and objectives of the study, the sense of a term usually has the following archisemes: parameter, object, subject, condition, process, property, method, means, device, resource, result, cause. The significance of this research is determined by the fact that it contributes to a deeper understanding of the terminological system as part of the scientific picture of the world. The results of this study can be used in teaching and learning Russian as a native language or as a foreign language in higher education.

Keywords: sema, archiseme, differential sema, term, energy, Russian language, scientific texts

For citation: May Chan Myae Zaw Reflection of differential semantic features of electric power terms in scientific texts. Modern Scientist. 2023. 1. P. 93 – 98.

*Демкина Я.Ю., аспирант,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина)*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И ДЖО БАЙДЕНА НА ОСНОВЕ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Аннотация: в статье анализируется на аксиологическом уровне методологии применение критического дискурс-анализ для изучения политических выступлений кандидатов в президенты США, Дональда Трампа и Джозефа Байдена, на предвыборных дебатах. В данном направлении исследования рассматриваются ценностные характеристики субъекта изучения по отношению к лингвистическим средствам политического дискурса на примере предвыборных дебатов лидеров Республиканской и Демократической партий США; изучаются лингвистические средства политиков в борьбе за власть на текстуальном уровне. В результате применения критического дискурс-анализа политических коммуникаций предвыборной кампании США бывшего президента, Дональда Джона Трампа, и вновь избранного президента, Джозефа Байдена, делается вывод в данной статье, что данные политические лидеры активно применяли три типа стратегий: стратегию на понижение, которая реализуется посредством использования следующих тактик: анализ-«минус», тактика обвинения, тактика обличения, тактика поиска компрометирующих оппонента фактов, тактика дискредитации; стратегию на повышение, включающую коммуникативные тактики: тактику анализ«плюс», тактику презентации, тактику самооправдания, тактику предупреждения, тактику отвода критики, тактику восхваления собственных заслуг; стратегию театральности, формирующуюся тактикой обещания, побуждения, тактикой создания эмоционального настроения.

Ключевые слова: политический дискурс, критический дискурс-анализ, аксиологический уровень методологии, коммуникативные тактики, стратегия, стилистические приемы, лингвистические средства

Для цитирования: Демкина Я.Ю. Аксиологический уровень исследования предвыборных речей Дональда Трампа и Джо Байдена на основе критического дискурс-анализа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 99 – 103.

Введение

Политический дискурс, имплицитно представленный и речевыми коммуникациями, и эмоциями политиков, реципиентов, играет важную роль в борьбе за власть в современном мире из-за остро политизированной атмосферы, сложившейся между лидерами партий с несходными политическими платформами и главами различных государств и т.д. «Борьба за власть» является целевым, направленным на конкретную тематику детерминантом, что делает ее основным критерием для дифференциации политической коммуникации [6, с. 305].

Некоторые лингвисты отмечают такую грамматическую особенность политического дискурса, как: номинализация фактов, при этом политическому дискурсу важно содержание текста, а не форма [7, с. 50]. Принимая во внимание национально-культурные параметры, политический дискурс подразделяется на русский, американский, британский и т. д. [2, с. 137]. Политический дискурс имеет социальную значимость, передаваемую через внутреннюю форму языка и раскрывающую содержание деятельности различных политиков.

Политическая коммуникация понятна реципиентам за счет когнитивных схем деспециализации

политических терминов и острой направленности на массового адресата.

В научном мире XXI века политический дискурс подвергает комплексному изучению в различных аспектах. К новым направлениям изучения данного языкового явления можно отнести критический дискурс-анализ, который позволяет установить разноплановые характеристики политических коммуникаций.

Политический дискурс включает такие компоненты, как экспрессивность, информативность, а также фатику. Именно от жанровой принадлежности речевого произведения, а также от того, какая функция доминирует в дискурсном подходе к политическим событиям, зависит выбор преобладающей составляющей.

Ведущая роль в перечне прагматических факторов неопределённости рассматриваемого дискурса принадлежит прескрептивно-побудительной и воздействующей функции языка политического дискурса. Их задача состоит в том, чтобы не столько преподнести необходимые сведения, используя сложный терминологический аппарат, сколько нацелить адресата на активное действие. Представляется возможным предположить, что неопределённость такого рода дискурса применя-

ется с целью манипуляции, реализуемой с целью утаивания нежелательной информации, а также для представления некоторых очевидных отрицательных фактов с более позитивной точки зрения и для создания анонимности, как одного из приёмов снятия ответственности.

На современном этапе критический дискурс-анализ употребляется в исследованиях в рамках разных гуманитарных наук, соответственно, понимается учеными с различных позиций. перво-степенная цель современного анализа политического дискурса заключается в комплексном изыскании сложных приемов манипулирования речевыми средствами политической коммуникации на всех уровнях языка для получения конкретных результатов в борьбе за власть [3, с. 117].

Цель исследования – установить дискурсивные особенности предвыборных выступлений кандидатов в президенты США, Дональда Джона Трампа и Джозефа Робинетта Байдена; выяснить стратегии и тактики, используемые ими для достижения их политических целей.

Организация исследования

В работе применяется дискурсивно-исторический подход, разработанный Р. Водак [1], критический дискурс-анализа на текстуальном и контекстуальном уровнях для исследования политических коммуникаций предвыборной кампании США бывшего президента, Дональда Джона Трампа, и вновь избранного президента, Джозефа Робинетта Байдена с целью показать, как лидеры Республиканской и Демократической партий используют язык и семиотические модели [4, с. 159] для политических целей.

Данный подход критического дискурс-анализа предвыборных речей Дональда Джона Трампа и Джозефа Робинетта Байдена позволил установить дискурсивные особенности выступлений этих политиков.

С точки зрения дискурсивных особенностей выступления Дональда Трампа и Джо Байдена характеризуются большим количеством различных стратегий, которые реализуются соответствующими тактиками.

Рассмотрим пример из выступления Дж. Байдена.

*The President has **no plan**. He hasn't laid out anything* [8].

У него нет плана. Он ничего не разработал [8].

В данном примере для выражения речевой агрессии Джозеф Байден использовал отрицательные формы, которые выражают тот факт, что Дональд Трамп не имел никакого плана. В процессе применения критического дискурс-анализа для исследования предвыборных выступлений было выяснено, что оба лидера прибегали к синтаксиче-

ским стилистическим приемам, употребляли интересное сочетание времен. Для номинации текущего положения дел лидер Демократической партии США применил Present Simple (настоящее простое время), помимо этого, Джо Байден использовал Present Perfect (совершенная форма настоящего времени), который в данном контексте употребляется для выражения действия, которое началось либо в момент начала коммуникации, либо незадолго до ее начала, и имеет значение для осуществления данной конкретной коммуникации, либо же выступает в качестве составной части коммуникации. Внимание Джозефа Байдена в данном случае сосредоточено на действиях бывшего президента, который не имел плана по исправлению сложившейся ситуации в стране и не имеет до настоящего времени по мнению вновь избранного президента. Джо Байден даже не пытался смотреть на сопутствующие обстоятельства и как-то оправдать действия Д. Трампа. Джо Байден прибегает к стратегии на повышение, представленную коммуникативной тактикой предупреждения.

При обращении к данному примеру *The President has no plan. He hasn't laid out anything* было выявлено, что, хотя действие уже завершено, оно все еще рассматривается как часть настоящего, поскольку влияет на развитие настоящих событий. В этом аспекте данная временная форма может использоваться для того, чтобы ввести в новую тему разговора. В этом смысле Present Perfect (совершенная форма настоящего времени) используется для номинации нового действия и не употребляется тогда, когда есть лексические маркеры, которые указывают на прошлое.

В результате анализа было выявлено, что использование временной группы Perfect является продуктивным приёмом реализации стратегии речевой агрессии, стратегию на понижение через тактику дискредитации. Для доказательного подтверждения применения этого приема рассмотрим пример:

He has never offered a plan [8].

Он никогда не предлагал какой-нибудь план [8].

В данном фрагменте речи Байдена Present Perfect (совершенная форма настоящего времени) используется для выражения действия, а точнее бездействия Д. Трампа, которое расценивается как часть настоящей ситуации – бездействие бывшего 45-ого президента в прошлом, и имеет существенные и важные последствия в настоящем. В этом контексте Present Perfect (совершенная форма настоящего времени) употребляется для номинации события, которое определено в сознании коммуникантов, как негативное. Present Perfect (совершенная форма настоящего времени) употреб-

ляется Дж. Байденом, чтобы использовать тактику обвинения, тактику обличения, тактику поиска компромата на оппонента.

В результате проведенных исследований было выяснено, что бывший президент США зачастую в своих публичных речах оперирует числовыми данными с целью реализации манипулятивной функции. Такой подход в организации выступления избран для того, чтобы аудитория слушателей убедилась в неоспоримости преимуществ политики государственного деятеля:

That ended when we in fact passed the affordable care act. There are 100 million people who have pre-existing conditions and they will be taken away as well, those pre-existing conditions, insurance companies are going to love this [8].

Это закончилось, когда мы фактически приняли закон о доступном медицинском обслуживании. Есть 100 миллионов людей, которые имеют уже существующие условия, и они будут отняты, а также, те уже существующие условия, страховые компании будут любить это [8].

Приведенный пример Дональд Трамп раскрывает его стратегию на повышение через использование тактики анализ – «плюс», тактики презентации, тактики самооправдания.

С целью обозначения особого акцента на масштабность и важность проведенной Трампом страховой реформы, бывший президент страны воспользовался приёмом восходящего тона в том месте речи, когда указывал количество граждан, получивших преимущества в результате преобразования названной государственной сферы. Одновременно с этим он усомнился в способности своего продолжателя вести эффективную деятельность в данном направлении, что подчеркнул использованием приёма риторической паузы. Она также позволила бывшему президенту подчеркнуть ключевые моменты будущего, которое окажется связанным с лидером Демократической партии:

It is just not appropriate to do this before this election. If he wins the election and the senate is republican, then he goes forward. If not, we should wait until February [8].

Это просто неуместно делать до этих выборов. Если он победит на выборах, а сенат будет республиканцем, то он пойдет вперед. Если нет, то мы должны подождать до февраля [8].

В свое выступление Дональд Трамп также небезосновательно (с целью привлечения внимания слушающей аудитории) упомянул о своих политических успехах и заслугах перед американским обществом и государством:

We have to senate. We have the white house. And we have a phenomenal nominee [10].

Мы должны пройти в сенат. У нас есть Белый дом. И у нас феноменальный кандидат [10].

Процитированное высказывание было произнесено бывшим лидером страны ровным тоном, демонстрируя стратегию на повышение. Д. Трамп тяготеет к использованию простых предложений, а также применяет стилистических прием синтаксического повтора, включаемый в воспроизводимую речь с целью акцентирования внимания слушателей на ключевых моментах, в частности благодаря повтору глагольной формы *have* бывший президент подчеркивает важность осуществления контроля над важнейшими государственными институтами.

Тактика прямого нападения также становится ведущей в публичных речах Д. Трампа:

And he wants to close down the... He will shut it down again. He will destroy this country [9].

он хочет, чтобы закрыть ... Он снова его закроет. Он уничтожит эту страну [9].

Процитированная реплика адресована его политическому оппоненту. Здесь Трамп прибегает к высказыванию прямых обвинений лидеру Демократической партии, при этом используя резко восходящий тон и надрывны интонации речи. Это может быть рассмотрено как случай реализации манипулятивного приема, применяемого для того, чтобы оказать воздействие на аудиторию слушателей. Тон, передающий волнение, мог бы стать доказательством искренней заинтересованности бывшего президента США в дальнейшей благополучной судьбе государства.

Обратимся и к еще одному примеру, который показывает использование аналогичного приема, где плюсом ко всему прочему демонстрируется использование тактик обвинения и обличения, а также тактика анализ-«минус»:

With what? Vice pres. Biden: the fact is that everything he is saying so far tonight is simply a lie. I'm not here to call out his lies, everybody knows he is a liar. I want to make sure -- I want to make sure [9].

С чем? Вице-президент Байден: Дело в том, что все, что он говорит до сих пор сегодня, это просто ложь. Я здесь не для того, чтобы называть его ложью, все знают, что он лжец. Я хочу убедиться, я хочу убедиться [9].

Процитированная реплика Д. Трампа содержит прямое обвинение политического оппонента, реализуемое лексемой *a liar*. Начало дискуссии бывший президент открывает приемом риторического вопроса, произнесенным им резко-восходящим тоном и демонстрирующим неподдельное возмущение адресанта. Открытая интонация, с которой бывший политический лидер произнес собственное имя, призвана настроить аудиторию на дальнейшее восприятие информации. Кроме того, в

приведенной реплике вновь обнаруживается прием синтаксического повтора (существительного *lie* и его морфологических вариантов: *lies, liar*). Резко отрицательная коннотация указанных лексем рассматривается в качестве эксплицитного проявления речевой агрессии. Эмоции же, проявляемые оратором в процессе произнесения названных лексем, передаются слушателям посредством использования просодического акцентирования данного лексического повтора.

Таким образом, данное исследование показало, что политические лидеры США использовали в своих предвыборных выступлениях лингвориторические средства, реализуемые на всех уровнях языка, что позволило им оказывать манипулятивное влияние на электорат [4, с. 173].

В процессе проведенного анализа было выявлено, что 45-й президент США, Д. Трамп, и вновь избранный президент, Дж. Байден, применили следующие синтаксические стилистические приемы: синтаксические, последовательные, анафорические, эпифорические повторы, параллельные конструкции, анафору и синтаксический параллелизм, риторический вопрос, градацию, антитезу; а также лексические средства выразительности, а именно: метафору, эпифору в сочетании с синтаксическим параллелизмом, эмоциональный контраст, лексические повторы, эпитеты.

В данной статье было установлено на основе критического дискурс-анализа политических коммуникаций предвыборной кампании США бывшего президента, Дональда Джона Трампа, и вновь избранного президента, Джозефа Робинетта Байдена, что данные политические лидеры активно применяли три типа стратегий, а именно: стратегию на понижение, которая реализуется посредством тактики анализ-«минус», тактики обвинения, тактики обличения, тактики поиска и представления компрометирующих сведений об оппоненте, тактики дискредитации; стратегию на повышение, включающую коммуникативные тактики анализа – «плюс», тактику презентации, самооправдания, предупреждения, отвода критики, восхваления собственных заслуг; стратегию театральности, формирующуюся тактикой обещания, тактикой побуждения, тактикой создания эмоционального настроения.

Проведенный анализ позволяет заключить, что особенности политического дискурса широко распространены в организации выступлений американских политических деятелей, играют большую роль в политическом ораторском мастерстве, в борьбе за власть в предвыборных кампаниях разных стран.

Литература

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика: пер. с англ. и нем. В.И. Карасика и Н.Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Академия, 2006. 137 с.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта : Наука, 2012. 254 с.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
5. The Oxford Dictionary Online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
6. Rajandran K. Metaphors for Malaysia's Economic Transformation Programme // *Kajian Malaysia*. 2015. Vol. 31. № 2. P. 19 – 35.
7. The Inaugural Address // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefingsstatements/the-inaugural-address>
8. Donald Trump vs Joe Biden. URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview/?text=РечьТрампаанглийскомпротивбайдена&path=wizard&parent-reqid=1616947806275964-461816030234703251900126-production-app-host-vla-web-yp-67&wiz_type=vital&filmId=16951107691324330973 (дата обращения: 2.12.2022)
9. Full Presidential Debate. President Donald Trump and Joe Biden/WSJ. URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://katehon.com/ru/video/debaty-tramp-bayden-polnaya-versiya-naangliyskom> (дата обращения: 2.12.2022)
10. U.S. Department of State. URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov> (дата обращения: 3.12.2022)

References

1. Vodak R. Jazyk. Diskurs. Politika: per. s angl. i nem. V.I. Karasika i N.N. Troshinoï. Volgo-grad: Peremena, 1997. 138 s.
2. Gal'perin I.R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Akademija, 2006. 137 s.
3. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika: uchebnoe posobie. 4-e izd. M.: Flinta : Nauka, 2012. 254 s.
4. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004. 326 s.
5. The Oxford Dictionary Online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
6. Rajandran K. Metaphors for Malaysia's Economic Transformation Programme. *Kajian Malaysia*. 2015. Vol. 31. № 2. P. 19 – 35.
7. The Inaugural Address. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefingsstatements/the-inaugural-address>
8. Donald Trump vs Joe Biden. URL: [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://yandex.ru/video/preview/?text=Rech'trampanaanglijskomprotivbajdena&path=wizard&parent-reqid=1616947806275964-461816030234703251900126-production-app-host-vla-web-yp-67&wiz_type=vital&filmId=16951107691324330973 (data obrashhenija: 2.12.2022)
9. Full Presidential Debate. President Donald Trump and Joe Biden/WSJ. URL: [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://katehon.com/ru/video/debaty-tramp-bayden-polnaya-versiya-naanglijskom> (data obrashhenija: 2.12.2022)
10. U.S. Department of State. URL: [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.state.gov> (data obrashhenija: 3.12.2022)

*Demkina Ya.Yu., Postgraduate,
Saint-Petersburg State Electrotechnical University LETI named after V.I. Ulyanov (Lenin)*

AXIOLOGICAL LEVEL OF THE STUDY OF THE PRE-ELECTION SPEECHES OF DONALD TRUMP AND JOE BIDEN ON THE BASIS OF CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS

Abstract: the article analyzes at the axiological level of methodology the use of critical discourse analysis to study the political speeches of US presidential candidates, Donald Trump and Joseph Biden, in the pre-election debates. In this direction of research, the value characteristics of the subject of study in relation to the linguistic means of political discourse are considered on the example of the pre-election debates of the leaders of the Republican and Democratic parties of the USA; the linguistic means of politicians in the struggle for power at the textual level are studied. As a result of applying a critical discourse analysis of the political communications of the US election campaign of the former president, Donald John Trump, and the newly elected president, Joseph Biden, the conclusion is made in this article, that these political leaders actively used three types of strategies: a downgrade strategy, implemented through the following tactics: analysis-minus tactics, accusation tactics, denunciation tactics, tactics of searching for compromising evidence on an opponent, discrediting tactics; an upward strategy, represented by communicative tactics: analysis-plus tactics, presentation tactics, self-justification tactics, warning tactics, tactics of deflecting criticism, tactics of praising one's own merits; the strategy of theatricality, formed by the tactics of promises, motivation, tactics of creating an emotional mood.

Keywords: political discourse, critical discourse analysis, axiological level of methodology, communication tactics, strategy, stylistic devices, linguistic means

For citation: Demkina Ya.Yu. Axiological level of the study of the pre-election speeches of Donald Trump and Joe Biden on the basis of critical discourse analysis. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 99 – 103.

*Ещенко И.О., кандидат филологических наук,
Бойчук И.В., кандидат филологических наук, доцент,
Лукьянова Е.В., кандидат филологических наук,
Белгородский государственный научный исследовательский университет*

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: в статье рассматриваются разноуровневые средства выражения модальности в полипредикативном предложении с паратакисом и гипотакисом в современном английском языке. Особое внимание уделяется языковому анализу паралингвистической модальности в полипредикативном предложении. Методы исследования включают структурный и функциональный подход в русле общей филологии. Исследование проводится на материале цикла северных рассказов Джека Лондона. В ходе исследования определен круг наиболее употребительных средств реализации паралингвистической модальности в полипредикативном предложении с паратакисом и гипотакисом в современном английском языке.

Ключевые слова: паралингвистическая модальность, эпистемический глагол, функциональный подход, модальная перспектива, полипредикативное предложение

Для цитирования: Ещенко И.О., Бойчук И.В., Лукьянова Е.В. Паралингвистическая модальность в полипредикативном предложении в современном английском языке // Современный ученый. 2023. № 1. С. 104 – 107.

Процесс развития лингвистической науки на современном этапе ставит все новые задачи перед исследователями, которые стремятся найти ответы на важные вопросы, связанные с ролью модальности при создании текста на иностранном языке и его адекватном переводе на русский язык, что ведет к усовершенствованию практики межкультурного общения. Отмечается все возрастающая роль сопоставительных исследований в ходе достижения главной цели – описании окружающего мира средствами разных языков, и, самое главное, сохранении при этом аутентичного языкового мышления.

Данная статья ставит своей целью анализ паралингвистического аспекта выражения модальности в полипредикативных предложениях с паратакисом и гипотакисом. Материалом исследования послужил цикл северных рассказов Джека Лондона, в которых автор описывает суровую природу Клондайка и восхищается несокрушимой силой человеческого духа. Будучи выдающимся писателем, воспевающим сильный характер настоящего человека, и мастером короткого рассказа, Джек Лондон создает настолько выразительные картины северной природы и яркие описания характеров своих персонажей, что кажется, в них нет ненужных мелочей, а на страницах будто выстраивается кадр за кадром действие фильма, за которым с неослабевающим интересом следит читатель. Особенность стиля Джека Лондона в том, что он не называет вещи плохими или хорошими и ничего не критикует прямо, но любой жест, шаг или движение его героев дополняют об-

раз и оказывают влияние на восприятие повествования читателем.

Анализируя тексты с помощью функционально-семантического подхода к изучению модальности, который подразумевает ее разделение на алетическую, эпистемическую и деонтическую, мы можем характеризовать действие с точки зрения необходимости, желательности или возможности его совершения. В рамках этого же подхода существует модальность объективная и субъективная. Достаточно много лингвистических исследований посвящено такой разновидности модальности, как эпистемическая модальность, которая «сообщает о степени достоверности/недостоверности суждения, уверенности/неуверенности в информации [4]». Средства выражения эпистемической модальности принадлежат разным языковым уровням: морфологическому, лексическому, синтаксическому. На уровне синтаксиса реальная модальность выражается изъяснительным наклонением смысловых глаголов, которые лежат в основе построения высказываний при описании. Ирреальная модальность находит свое выражение с помощью сослагательного наклонения и модальных глаголов в значении предположения. Однако в полипредикативных предложениях наблюдается более сложная картина сочетания модальных планов, поскольку они очень часто дополняются модальными средствами других языковых уровней, например, глаголами и наречиями с модальной семантикой. Более того, так как «эпистемическая модальность может также выражаться паралингвистически» [5], различные языковые средства, участвующие в ее формировании, требуют по-

дробного изучения. Довольно часто автор повествования помещает различные оттенки смысла в описание жестов и движений, и тогда покачивание головы из стороны в сторону создает модальность отрицания, а кивок – модальность утверждения, пожатие плечами помогает выразить проблемную достоверность и создает модальность ирреальности, так же как и размышления героев повествования.

В данной статье мы ставим своей целью проанализировать особенности языковых средств выражения паралингвистической модальности в полипредикативных предложениях в английском языке, а также ее роль в достижении коммуникативной цели высказывания. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *At this stage, Forrest slid out of bed in his pajamas, slipped his feet into the slippers, and strode through the French windows to the bath, already drawn by Oh My [1].*

Первый пример – это сочинительное предложение, в котором на синтаксическом уровне модальность реальности выражена индикативами смысловых глаголов в прошедшем простом времени. Лексический уровень представлен очень точным авторским попаданием, когда вместо нейтральных глаголов движения *got up, put on and went* (встал, надел и пошел) писатель использует глаголы с более емким содержанием *slid, slipped, and strode* (выскользнул из постели, проскользнул в... и направился), и они создают картину плавного и бесшумного перемещения героя повествования.

Движения человека имеют особое значение, его походка может много сказать не только о его характере, но и о событиях, влияющих на его настроение в каждый момент его жизни, подтверждение этому мы находим и в следующем примере:

(2) *Her short skirt did not block the free movement of her limbs, and she discovered with pleasurable surprise that the quick tripping step of the city pavement had departed from her, and that she was swinging off in the long easy stride ... [2].*

В примере №2 каждая из шести предикативных единиц содержит индикативы глаголов в прошедшем простом и длительном временах, образующие модальность реальности. Однако, помимо этого, употребление эпистемического глагола в составе предложного оборота *discovered with pleasurable surprise* (с приятным удивлением обнаружила) включает в повествование положительные эмоции, а описание перемены в походке девушки, которая покинула город и с радостью оказалась в первозданном лесу, помогает читателю ярче представить ее образ, добавляет позитивных красок и, несомненно, вызывает симпатию.

В следующем предложении (пример №3) описание рутинной работы раскрашено очень точными и емкими глаголами, добавляющими к основной картине реальной модальности недостающие оттенки смысла:

(3) *They staggered beneath the unwonted effort, and legs became drunken with weariness and titubated in divers directions till the sunlight darkened and bearer and burden fell by the way [2].*

В данном четырехчастном полипредикативном предложении (пример №3) именно паралингвистические средства выражения модальности рисуют читателю образ уставшего путника с тяжелым грузом: *staggered, legs became drunken with weariness and titubated ... (пошатывался, ноги заплетались от усталости и покачивались...)*. Употребление красочных эпитетов мгновенно рисует нужный для течения истории образ.

Еще один пример (№4) показывает, как повествовательный дискурс с базовой реальной модальностью, выраженной изъяснительным наклонением глаголов и описывающий обычную прогулку девушки по мокрой траве, с помощью лишь одного глагола с предложным оборотом вдруг приобретает привлекательность и яркость:

(4) *The earth was fat with excessive moisture and soft to her feet, while the dank vegetation slapped against her knees and cast off flashing sprays of liquid diamonds [2].*

В данном предложении (№4) на основе модальности реальности, образованной индикативами глаголов в прошедшем простом времени (*was, slapped*), употребление предложного оборота (*cast off flashing sprays...*) позволяет автору показать глазами героини повествования отражение свежего утра и восхищение капельками росы, сверкающими как бриллианты.

Рассмотрим еще один пример сочетания модальных средств разных уровней:

(5) *Yet she quickly grasped the significance of it: the old patriarchal status of her father's time had passed away, and civilization, in a scorching blast, had swept down upon this people in a day [2].*

В примере №5 эпистемический глагол *grasped* (ухватила) показывает быстрый ум девушки, а индикативы глаголов в прошедшем совершенном времени *had passed away, had swept down* (исчезло, обрушилась), создавая модальность реальности, помогают передать горечь осознания внезапных мощных изменений, произошедших в жизни ее народа.

Картину упорного труда и непреклонной целеустремленности рисуют глаголы в следующих предложениях (6,7):

(6) *And it went on, up the pitch of the steep, growing fainter and smaller, till it squirmed and twisted like a column of ants and vanished over the crest of the pass [2].*

(7) *The light was swept out of the day, and a deep gloom prevailed; but Frona knew that somewhere up there, clinging and climbing and immortally striving, the long line of ants still twisted towards the sky [2].*

В примере 6 наряду с нейтральными глаголами движения *went up, growing smaller* (поднимался, уменьшался) употребление автором более емких глаголов *squirmed, twisted* (извивался, закручивался) создает очень яркий образ медленного и трудного восхождения в гору, во время которого люди на большом расстоянии выглядят как бесконечная вереница муравьев на тропе. В примере 7 в главной части гипотактического комплекса именно эпистемический глагол *knew* (знала, понимала) дает нам понять, что Фрона не видела, а представляла движение людей, совершавших восхождение. Сочетание с несколькими однородными обстоятельством образа действия, выраженными герундием от глаголов *cling, climb, and strive* (цепляться, взбираться, стремиться), еще точнее дополняет описание ситуации бесконечного и неимоверно сложного подъема в гору. Использование эпистемического глагола *knew* (понимала) помещает пример 7 в модальное поле предположения и создает неоднородную модальную перспективу.

Еще несколько примеров иллюстрируют важность эпистемических глаголов и наличия паралингвистических модальных средств в составе неоднородной модальной перспективы:

(8) *Her husband secretly averred that did God Himself deign to meet her face to face, she would smite together her chubby hands and cry out, "How romantic!" [2]*

(9) *In his mind's eye he had figured most of it out, knew just how many steps required to carry him to the door, was certain he would have to say good-bye to Frona, but did not know whether or not he was supposed to shake hands all around [2].*

Анализируемые предложения (8 и 9) демонстрируют формирование модальности ирреальности при употреблении сослагательного наклонения и эквивалентов модальных глаголов *would have to, was supposed to* (придется, должен). Паралингвистическая модальность добавляет к предложению нужные оттенки смысла с помощью ряда эпистемических глаголов в главной части паратактических комплексов: *averred, figured, was certain, did not know* (втайне уверял, сообразил, был уверен, не знал). Глаголы движения *smite her hands* и *shake hands* (захлопать в ладоши и пожать руки) завер-

шают описание мыслей героев повествования и помогают автору правильно расставить акценты.

(10) *At first she found fault with the more than slight cheek-hollows under the cheek-bones, but when she measured his well-knit, slenderly muscular figure, with its deep chest and heavy shoulders, she discovered that she preferred the hollows; at least they did not imply lack of nutrition.*

Следующее пятичастное предложение (пример №10) представляет собой сочетание паратактических и гипотактических комплексов с последовательным подчинением, в которых модальность реальности представлена смысловыми глаголами в прошедшем времени, входящими в состав предложных оборотов *found fault with, measured his figure* (придиралась, оценила его фигуру). Дополнительную эмоциональную окраску предложению придают эпистемические глаголы *discovered, preferred, didn't imply* (обнаружила, предпочитала, не означали), и читателю сразу становится понятно, что оценка внешности незнакомца помогла девушке перестать тревожиться в непростой ситуации, когда ей нужно было найти ночлег в поселке, где у нее не было знакомых людей.

(11) *He forced the white man's axe into the hands of the aborigines, and in every village and between the villages rose the cords of four-foot firewood for his boilers.*

В примере №11 сочинительная связь соединяет всего две части короткого предложения. При этом, содержащаяся в нем каузативная конструкция *forced the white man's axe into* (силой вложил топор белого человека в руки аборигенов) очень лаконично и в то же время с ужасающей откровенностью повествует о непростом периоде в жизни коренных жителей севера, когда они были вынуждены подчиниться нашествию прогресса в лице золотоискателей, пришедших на их землю.

Проведенный анализ примеров показывает, что паралингвистические средства реализации модальности в произведениях Д.Лондона включают целый ряд языковых средств. Среди них можно выделить такие эпистемические глаголы, как *discover* (обнаруживать), *grasp* (осознать), *know* (знать), *aver* (утверждать), *deign* (соизволить), *imply* (подразумевать), *prefer* (предпочитать); предложные обороты, например, *figure out* (определять), *to be certain* (быть уверенным), *find fault with* (придираться), а также каузативные конструкции *force into* (заставить силой). Все эти средства выражения модальности помогают передать разнообразные отношения между героями и создают необходимую для повествования атмосферу. Эти дополнительные оттенки смысла в полипредикативных предложениях осложняют базовую модальность предложения, выраженную та-

кими средствами модальности, как глаголы движения в изъявительном наклонении, неличные формы глагола, а также модальные глаголы и их эквиваленты. Анализ всех особенностей полипре-

дикативных предложений с точки зрения применения различных модальных средств представляет несомненный интерес и для дальнейших исследований.

Литература

1. Джек Лондон Маленькая хозяйка большого дома Режим доступа: https://www.freeclassicebooks.com/jack_london.htm (дата обращения: 22.10.2022)
2. Джек Лондон, Дочь снегов. Режим доступа: https://www.freeclassicebooks.com/jack_london.htm (дата обращения: 24.10.2022)
3. Ещенко И.О., Бойчук И.В. Средства выражения эпистемической модальности в полипредикативном предложении Оригинальные исследования (ОРИС). 2018. Т. 12. Вып. 5. С. 429 – 433. Режим доступа: https://ores.su/media/filer_public/64/8d/648d8673-0338-4e6c-8193-51f39cc322ea/429-433.pdf (дата обращения: 20.10.2022)
4. Швец В.М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи. Режим доступа: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dr2007/pdf/shvets_dr2007.pdf (дата обращения: 22.10.2022)

References

1. Dzhhek London Malen'kaja hozjajka bol'shogo doma Rezhim dostupa: https://www.freeclassicebooks.com/jack_london.htm (data obrashhenija: 22.10.2022)
2. Dzhhek London, Doch' snegov. Rezhim dostupa: https://www.freeclassicebooks.com/jack_london.htm (data obrashhenija: 24.10.2022)
3. Eshhenko I.O., Bojchuk I.V. Sredstva vyrazhenija jepistemicheskoj modal'nosti v polipredikativnom predlozhenii Original'nye issledovanija (ORIS). 2018. T. 12. Vyp. 5. S. 429 – 433. Rezhim dostupa: https://ores.su/media/filer_public/64/8d/648d8673-0338-4e6c-8193-51f39cc322ea/429-433.pdf (data obrashhenija: 20.10.2022)
4. Shvec V.M. Sub#ektivnaja (jepistemicheskaja) modal'nost' i ee vyrazhenie v detskoj rechi. Rezhim dostupa: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dr2007/pdf/shvets_dr2007.pdf (data obrashhenija: 22.10.2022)

*Eshchenko I.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Boychuk I.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lukyanova E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Belgorod State National Research University*

PARALINGUISTIC MODALITY IN A COMPOUND-COMPLEX SENTENCE IN MODERN ENGLISH

Abstract: the article deals with multi-level means of expressing modality in a compound-complex sentence with parataxis and hypotaxis in the modern English language. Particular attention is given to the linguistic analysis of paralinguistic modality in the compound-complex sentences. The research methods include structural and functional approach in the field of general philology. The study is conducted on the material of the cycle of northern stories by Jack London. In the course of the study, the range of the most commonly used means of implementing paralinguistic modality in a compound-complex sentence with parataxis and hypotaxis in the modern English language was determined.

Keywords: paralinguistic modality, epistemic verb, functional approach, modal perspective, compound-complex sentence

For citation: Eshchenko I.O., Boychuk I.V., Lukyanova E.V. Paralinguistic modality in a compound-complex sentence in modern English. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 104 – 107.

*Заварзина В.А., аспирант,
Воронежский государственный университет*

О ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РАЗВИТИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОБСТВЕННО НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Аннотация: настоящая статья посвящена актуальной проблеме исследования современной терминологии российского образования, которая весьма активно пополняет основную базу педагогической терминологии, расширяет ее границы и вовлекает в сферу профессиональной образовательной коммуникации большой пласт терминов иноязычного происхождения и общеупотребительной лексики русского языка. К важнейшим процессам в развитии терминологии образования в собственно новейший период также относятся перераспределение между лексическими подсистемами активного и пассивного запаса и лексико-семантическая деривация. Отмечается большая роль привлеченных терминов в терминообразовании и формировании системных отношений в исследуемой терминосистеме. Процессу лексико-семантической деривации в терминологии образования подвергаются прежде всего абстрактные лексемы, которые служат для обозначения процессов, отношений и связей объектов образовательной сферы. Делается вывод о том, что исследование тенденций развития терминологии образования в русском языке собственно новейшего периода имеет большое значение для понимания основных направлений эволюции формирующихся и динамических терминосистем русского языка.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, образование, динамические процессы, собственно новейший период

Для цитирования: Заварзина В.А. О динамических процессах в развитии терминологии образования в русском языке собственно новейшего периода // Современный ученый. 2023. № 1. С. 108 – 114.

Динамические процессы в терминологиях актуализируются в условиях смены культурно-исторических парадигм, когда происходят активные общественно-политические, экономические и культурные изменения, приводящие к неологическим процессам в терминологическом составе. Это касается прежде всего тех сфер человеческой деятельности, где «ведется постоянный поиск новых и оригинальных решений общечеловеческих проблем, неизбежно сопровождаемый бурным потоком соответствующих терминологических инноваций» [27]. Отмеченные явления наблюдаются в терминологии образования русского языка собственно новейшего периода (термин, введенный проф. О.В. Загорской) [6] и происходят под влиянием как экстралингвистических (напр., углубление знаний и представлений о мире, динамичное развитие новых образовательных технологий, появление новых направлений образовательной деятельности человека и пр.), так и внутрилингвистических (напр., процессы иноязычных заимствований, семантического развития и пр.) факторов. Сфера современного русского образования, обладая собственным корпусом терминов (ср.: «...терминосистема, являющаяся динамической структурой, способной к совершенствованию и развитию, на каждом этапе своего формирования представляет собой лингвистически зафиксированную совокупность понятий» [9]), продолжает совершенствоваться: она активно пополняется новыми понятиями, и потому возникает необходи-

мость привлекать новые языковые средства для их номинации.

В связи с этим решение проблемы выявления динамических процессов в терминологии современного русского образования имеет чрезвычайно важное значение для понимания существенных закономерностей и механизмов формирования и функционирования любых формирующихся или развивающихся терминосистем в целом и отраслевых терминосистем в частности.

Как известно, в области терминологической лексики языковые процессы носят более отчетливый характер и легче поддаются изучению и в собственно новейший период могут быть представлены следующими направлениями: 1) расширение состава терминологии образования; 2) перераспределение между терминологическими подсистемами, 3) лексико-семантическая деривация.

1. Расширение состава терминологии образования является одним из ведущих процессов в развитии исследуемой подсистемы современного русского языка и происходит за счет процессов заимствования и словообразования. По утверждению М. Поповой, заимствование является «третьим внеязыковым процессом терминообразования и выступает одним из самых продуктивных способов пополнения терминологических систем новыми единицами [24, с. 302-303]. С.В. Гринев-Гриневиц рассматривает заимствование в качестве семантического способа образования терминов [4, с. 124], поскольку

заимствованный термин, как правило, претерпевает семантическую модификацию в принимающем языке и становятся базой для новых номинативных процессов, обусловленных коммуникативной необходимостью и развитием терминосистемы [20]. Активное заимствование терминов образования, как правило, из аналогичной терминологии английского языка, обусловлено как внеязыковыми (ср.: наличие языковых контактов, необходимость в номинации нового понятия, авторитетность языка-источника и др.), так и языковыми (ср.: отсутствие в родном языке эквивалентного слова/ понятия, наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, «создание для нового понятийного блока соответствующей лексико-семантической группы или пополнение уже существующих, но недостаточно полных номинативных групп» [9; 7], стремление к краткости и коммуникативной четкости, потребность в детализации и разграничении близких понятий, деривационные возможности заимствованного слова и др.) причинами [4; 5]. Под влиянием отмеченных факторов, русская терминология образования в собственно новейший период пополняется иноязычными однословными терминами (терминами-словами) (ср.: *брейнсторминг*, *коучинг*, *глоттехнология*, *чат-бот* и др.), многокомпонентными терминами (терминосоветаниями) (ср.: перевернутый класс от англ. *flipped classroom*, *одинарная петля обучения* от англ. *single loop learning*, *компетентностно-ориентированное обучение* от англ. *competency-based learning*, *паспорт компетенций* от англ. *skills passport* и др.) или терминологическими словосочетаниями (ср.: *глобализация образования* и др.). Использование заимствованного термина позволяет избежать внутриотраслевой синонимии и полисемии, нередко обуславливающих затруднения международного научного сотрудничества. Большой приток заимствований из разных языков объясняется сближением народов и языков, и эти слова, как правило, без ассимиляции становятся универсальными. Так, например, термины единицы, оканчивающиеся на -инг < -ing, заимствуются русским языком в кириллическом варианте написания, минуя стадию «вкрапления» [17]. Процесс заимствования термина может сопровождаться в принимающем языке изменением его семантики. Так, например, термин «кредит», имеющий в европейской и американской системе образования значение «зачёт, выставляемый учащемуся за один прослушанный курс в среднем или высшем учебном заведении», в русской образовательной

практике используется для обозначения «единицы измерения трудоёмкости учебной работы и других мероприятий образовательной программы или учебного плана» [22]; ср.: *кредит* = *зачетная единица трудоёмкости* = *ЗЕТ*, что свидетельствует о стремлении отечественной образовательной системы сохранение к сохранению национальных особенностей даже при заимствовании словесных знаков.

Как показало исследование, заимствоваться из английского языка может целый фрагмент терминологии [напр., заимствованный фрагмент терминологии *инклюзивного образования* с системой терминов *расширение доступа к образованию* (от англ. *widening participation*), *мэйнстриминг* (от англ. *mainstreaming*), *инклюзия* (от англ. *inclusion*); ср. также фрагмент терминологии *дистанционного обучения* и др.].

Кроме того, заимствоваться могут также префиксоиды типа нано-, вип-, кибер – (напр., *нанообучение*, *наноурок*, *вип-консультация*, *вип-обучение*, *кибершкола*, *киберканикулы* и др.), принимающие активное участие при образовании терминов сферы образования.

Заимствование может быть прямым (непосредственно из английского языка) и непрямым (опосредованным, через посредство английского языка), которое происходит чаще всего путем транслитерации (ср.: *скрэмлиг*, *стемминг*, *стриминг*, *тьюторинг*, *плейсмент-тест* и др.) и калькирования (ср.: *теория обучения* от англ. *learning theory*, *подход к обучению* от англ. *approach to learning / learning approach*, *педагогическая технология* от англ. *educational technology*, *метод обучения* от англ. *teaching method*, *закрытое обучение* от англ. *closed learning*, *образование «второго шанса»* от англ. *second-chance education*, *кросс-культурные учебные программы* от англ. *cross-cultural training programs*) [19]; ср. также: *перевернутый класс*, *панельная дискуссия*, *дорожная карта*, *учебный кредит*, *модуль образовательной программы* и др.). Так, напр., через английский язык пришли в русскую терминологию образования термины греческого и латинского происхождения (напр., *мониторинг* от англ. *monitoring*, от лат. *monitor* «тот, кто напоминает, предупреждает» в составе многокомпонентного термина «*педагогический мониторинг*»).

Для собственно новейшего периода развития терминологии образования характерны процессы внутреннего заимствования термина из терминологии другой отрасли знания или сферы неспециальной лексики во вторичном, чаще всего метафорическом, значении. Терминосистема современного российского образования отличается гетерогенностью состава составляющих ее

единиц и включает в свой состав термины информационно-компьютерной сферы (ср.: *электронный дневник, электронная доска, сетевые образовательные программы, дистанционное обучение* и др.), экономические и финансовые термины (ср.: *образовательный менеджмент, рынок высшего образования, экономика знаний, экономика образования* и др.), научно-технические термины (ср.: *инновация, инновационный, институт высоких технологий, образовательный кластер* и др.) и сферы сервисного обслуживания (ср.: *образовательная услуга, клиент, поставщик / провайдер образовательных услуг* и др.). С процессами вовлечения в сферу образования новых подотраслей связано в некоторых случаях образование конгломератов терминов разных отраслей профессиональной деятельности человека. Так, например, привлеченные в терминологию образования термины компьютерной сферы образуют микрополе вторичного терминологического поля дистанционного образования, поскольку обозначают комплекс явлений и понятий, тесно связанных с исследуемой подсистемой: а) характеристики компьютерных технологий, используемых в сфере образования (ср.: *автоматизированная система, информационный ресурс, электронная конференция* и др.); б) обозначения процессов в сфере образования, совершаемых с помощью информационных ресурсов (ср.: *обработка данных, переработка информации* и др.); в) разновидности информационных систем, включенные в современный образовательный процесс (ср.: *Интернет, интерфейс, информационная среда, веб-страница, чат* и др.). Проблема привлеченных терминов в рассматриваемых вторичных терминосистемах осложняется тем, что сами «терминосистемы-доноры в своем становлении испытали влияние других терминосистем» [14, с. 13].

Расширение состава терминологии образования в собственно новейший период происходит за счет словообразовательных процессов, свойственных системе русского языка. Особенно востребованными в современный период развития русского языка оказываются суффиксальные модели с суффиксами: -ость (напр.: *селективность (вуза), вариативность (образовательных программ), инновационность, эквивиальность* и др.), -ация/-изация/-изация (напр.: *академизация, универсализация, коммерциализация, профилизация, муниципализация, кластеризация* и др.) и -ни- (напр.: *профилирование, финансирование, лицензирование (образовательной деятельности), реформирование, рейтингование* и др.).

Следует подчеркнуть, что в связи с интен-

сивным развитием разных наук в современном обществе возрастает роль терминологической аббревиации, что обусловлено компактностью и удобством компрессивов при произношении и написании. Ср.: аббревиатурные обозначения образовательных учреждений (*РЦОИ, МБОУ, НОУ, МКШ, ФИПИ* и др.), документов и их составляющих (*ФГОС, КИМ, ПК* и др.), видов и форм отчетности (*ВПР, ЕГЭ, ОГЭ, ГИА* и др.), средств обеспечения образовательного процесса (*ЭОС, ГДЗ* и др.).

Создание синтаксических многокомпонентных (составных) терминов также традиционно является весьма продуктивным способом терминообразования в современной терминологии образования (ср.: *альтернативное образование, концепция непрерывного образования, академические университеты инновационного типа* и др.), обуславливающим весьма значительное расширение ее состава.

2. Перераспределение между терминологическими подсистемами языкового запаса находит отражение в разнонаправленных процессах детерминологизации и специализации (терминологизации) общеупотребительных словесных знаков, а также в актуализации и пассивизации терминологических единиц. Терминологизация (специализация, сужение) значения словесного знака рассматривается как «специфический для терминологии способ терминообразования» [2, с. 43]. Зарождению нового значения «с неизбежностью сопутствует более или менее суженное или расширенное использование прежнего языкового материала» [26, с. 223]. В результате названных семантических процессов может происходить как быстрое включение слова в терминосистему и закрепленность в ней, так и разрушение слова как термина и выход его за пределы терминосистемы в общеупотребительный литературный язык.

При терминологизации общеупотребительного слова все основные дифференциальные признаки сохраняются, при этом добавляются другие, становящиеся основными, релевантными для образованного термина: «слово стирает широту предметной отнесенности» [11] (ср.: *модуль, стандарт, компетенция* и др.). В рамках атрибутивных словосочетаний специализация слова осуществляется чаще всего за счет зависимого компонента – имени прилагательного (ср.: *средство воспитательное, диагностика педагогическая, стандарт образовательный, парадигма педагогическая, пространство образовательное* и др.), который несет основную смысловую нагрузку и уточняет понятие, выполняя классифицирующую функцию. В исследуемой терминосистеме функционируют

большие терминологические гнезда, в которых «сужение значения основного слова осуществляется множеством определений, одновременно служащих для образования видовых терминов» [25, с. 83] (ср.: *тесты достижений, тесты способностей, тесты скорости, тесты уровня, интеллектуальные тесты, невербальные тесты; подход компетентностный, подход интегративный, подход антропологический* и др.).

В результате детерминологизации происходит утрата термином конститутивных свойств в связи с его выходом за пределы терминологической системы и превращение в общеупотребительное слово с соответствующим расширением сферы реализации (ср.: *валеология, аттестация, аккредитация, технология обучения, мозговой штурм* и др.). Отмеченный процесс, на наш взгляд, обусловлен стремительным развитием науки и техники, повышением образовательного уровня носителей русского языка и высокой степенью информированности общества, а также «демократизацией общества, модой на интеллектуализацию высказывания и признанием профессиональной единицы эффективным инфопомическим средством общелитературного языка» [16].

При актуализации слова, недавно считавшиеся архаизмами, возвратились в образовательную практику (ср.: *бакалавриат, магистратура, Министерство просвещения* и др.), и наоборот, термины и понятия, выражавшие идеи советской педагогики, утратили свое доминирующее значение и стали архаизмами (ср.: *класно-урочная система, коэффициент педагогического коллектива, коммунистическое воспитание* и др.).

3. Лексико-семантическая деривация проявляется прежде всего «в разрушении категориально-лексической семы, образовании новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы, установлении новых системных отношений» [15, с. 15]. Метафора «присутствует на всех этапах формирования терминов и терминологий» [1], и любой «научный термин, как и общеупотребительное слово, может переосмысливаться, то есть утрачивать первоначальное значение и приобретать новые...» [8]. Метафорическое значение – «первый этап формирования значения некоторых научных понятий, когда язык исследователя и язык научного сообщества еще не совпадают» [23, с. 82]. Ср.: «Перенос значений играет большую роль в образовании терминологических значений, чем общеупотребительных значений» [2, с. 8].

Модели образования терминов типа «слово

общеупотребительной лексики → термин» основаны преимущественно на сопоставлении понятий из различных, несопоставляемых обычно сфер, которые происходят по следующим направлениям метафоризации: 1) перенос, основанный на сходстве функций, а также характера, способа, результата действия (ср.: *дорожная карта, перевернутый класс, учебный кредит, параллельная школа* и др.), 2) перенос, основанный на сходстве принципа внутреннего устройства, количества составляющих элементов (ср.: *университет-донор, образовательная лестница* и др.), 3) перенос, основанный на сходстве внешнего вида, размеров и величины предметов (ср.: *дерево целей, ядро педагогического образования, образовательная платформа* и др.), 4) перенос, основанный на сходстве значимости признаков или общего впечатления от предметов (ср.: *треугольник знаний, открытое образование* и др.), причем, в основу семантического переноса при создании термина могут быть положены не только основные, но второстепенные признаки общеупотребительного понятия, а также синтагматические особенности (при образовании многокомпонентного термина). Как видно, в многокомпонентных терминах, построенных по модели Adj+N, метафоризации подвергается, как правило, имя существительное, которое отличается от общеупотребительного слова прежде всего «категоричностью и непосредственностью сравнения» [25, с. 44].

Процессу лексико-семантической деривации в терминологии образования подвергаются, как правило, абстрактные лексемы, которые служат для обозначения процессов, отношений и связей объектов исследуемого характера. Семантическое образование термина предполагает сопоставление специального и общеизвестного понятия и обозначение специального понятия словом, называющим общеизвестное понятие (ср.: слово «*модуль*», имевшее значение «отделяемая, относительно самостоятельная часть какой-либо системы, организации» [21], приобретает узкоспециальное значение «средство обучения, которое содержит важную информацию, связанную с одной из профессиональных функций и задач, и предназначено для овладения необходимой компетентностью или умением в данной области», зафиксированное в терминологических словарях педагогики и образования [22], и функционирует в составе многокомпонентных терминов типа «*учебный модуль*», «*модуль учебного плана*», «*модуль образовательной программы*»; ср. также: *модульное обучение, модульная технология обучения* и др.). Названный

процесс может происходить на основе сходства понятий одной (ср.: *общение педагогическое* и др.) или разных (ср.: *диверсификация образования = диверсификация (с пометой «бизнес.»)*, *аккредитация образовательного учреждения = аккредитация (с указанием «в праве»)* и др.) терминосистем. Подобная активность лексико-семантической деривации в терминологии образования обуславливается не только традиционным характером данного семантического процесса для специальной лексики в предшествующие периоды развития русского языка, но и ярко выраженным динамизмом исследуемой подсистемы под влиянием экстралингвистических и лингвистических факторов.

ких факторов.

Таким образом, исследование динамических процессов, происходящих в терминологии образования в русском языке собственно новейшего периода, свидетельствует о повышенной активности исследуемой подсистемы, которая находит отражение на уровне изменений количественного и качественного характера. Подобные исследования, на наш взгляд, имеют определенную значимость для выявления специфики неологических процессов в отечественных терминосистемах и осознания их значимости в аспекте понимания основных направлений развития русского языка в целом.

Литература

1. Алексеева Л.М. Термин-метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь, 1998. 249 с.
2. Белявская Е. Г. Семантика слова. М., Высш. шк., 1987. 126 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 302 с.
4. Заварзина Г.А., Смольянова А.С. Структурно-семантические особенности новых иноязычных заимствований и их производных в лексико-семантической подсистеме «Красота и здоровье» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. Т. 283. № 2. С. 224 – 227.
5. Загоровская О.В. Этапы развития русского языка в новейший период его истории (рубеж XX-XXI веков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 16 – 22.
6. Загоровская О.В., Еремеева О.А. Новые методические термины в современном русском образовательном дискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 139 – 144.
7. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London, 2014. 180 с.
8. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М., 2003. 304 с.
9. Карпухина Н.М. Лексико-семантические процессы в русской терминологии товарно-денежного обращения: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2007. 45 с.
10. Кожин А.Н. Лексико-семантические средства составных наименований (на материале военной лексики русского языка): автореф. дис...доктора филол. наук. М., 1967. 28 с.
11. Левина М.А. Роль привлеченных терминов в формировании вторичных терминосистем права в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 11 – 15.
12. Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988. С. 5–19.
13. Лубожева Л.Н. Причины миграции профессиональной лексики в словарный состав общеупотребительного языка // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск, 2007. С. 57 – 60.
14. Маринова Е.В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 399 – 403.
15. Непрерывное образование взрослых. Терминологический словарь / под общ. ред. О.В. Павловой. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНОВ, 2015. 436 с.
16. Николова Д.Г. Заимствование как способ терминологической номинации в сфере информационных технологий // Русистика: вчера, сегодня, завтра: сборник докладов юбилейной международной научной конференции. София, 2017. С. 171 – 182.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2015. 1375 с.
18. Олешков М.Ю., Уваров В.М. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины: краткий терминологический словарь. М., 2006. 189 с.
19. Петров В.В. Семантика научных терминов: монография. Новосибирск, 1982. 129 с.

20. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996. 125 с.
21. Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 223 – 247.
22. Шиманская И.Э. Терминологические инновации в области современной архитектуры (на материале англоязычной научной периодики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 24 с.

References

1. Alekseeva L.M. Termin-metafora: semanticheskoe obosnovanie metaforizacii. Perm', 1998. 249 s.
2. Beljavskaja E. G. Semantika slova. M., Vyssh. shk., 1987. 126 s.
3. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. M.: Akademiya, 2008. 302 s.
4. Zavarzina G.A., Smol'janova A.S. Strukturno-semanticheskie osobennosti novyh inozazychnyh zaimstvovanij i ih proizvodnyh v leksiko-semanticheskoi podsysteme «Krasota i zdorov'e». Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. T. 283. № 2. S. 224 – 227.
5. Zagorovskaja O.V. Jetapy razvitiya russkogo jazyka v novejšij period ego istorii (rubezh XX-XXI vekov). Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. № 4 (39). S. 16 – 22.
6. Zagorovskaja O.V., Ereneeveva O.A. Novye metodicheskie terminy v sovremennom ruskom obrazovatel'nom diskurse. Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 3. S. 139 – 144.
7. Zalevskaia A.A. Interfejsnaja teorija znachenija slova: psiholingvističeskij podhod. London, 2014. 180 s.
8. Ivina L.V. Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere anglojazyčnoj terminologii venchurnogo finansirovanija). M., 2003. 304 s.
9. Karpuhina N.M. Leksiko-semanticheskie processy v ruskoj terminologii tovarno-denezhnogo obrashhenija: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. M., 2007. 45 s.
10. Kozhin A.N. Leksiko-semanticheskie sredstva sostavnyh naimenovanij (na materiale voennoj leksiki russkogo jazyka): avtoref. dis...doktora filol. nauk. M., 1967. 28 s.
11. Levina M.A. Rol' privilečennykh terminov v formirovanii vtorichnykh terminosistem prava v ruskom jazyke. Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2019. T. 12. Vyp. 1. С. 11 – 15.
12. Lopushanskaja S.P. Izmenenie semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizhenija v processe moduljacii. Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshhenii). Volgograd, 1988. S. 5–19.
13. Lubozheva L.N. Prichiny migracii professional'noj leksiki v slovarnyj sostav obshhepotrebitel'nogo jazyka. Jazyki professional'noj kommunikacii. Cheljabinsk, 2007. S. 57 – 60.
14. Marinova E.V. Adaptacija inozazyčnoj leksiki na sovremennom jetape: novye javlenija i tendencii. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N.I. Lobachevskogo. 2011. № 6 (2). S. 399 – 403.
15. Nepreryvnoe obrazovanie vzroslykh. Terminologičeskij slovar'. pod obshh. red. O.V. Pavlovoj. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: INOV, 2015. 436 s.
16. Nikolova D.G. Zaimstvovanie kak sposob terminologičeskoi nominacii v sfere informacionnykh tehnologij. Rusistika: vchera, segodnja, zavtra: sbornik dokladov jubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sofija, 2017. S. 171 – 182.
17. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 100000 slov, terminov i vyrazhenij. pod obshh. red. L.I. Skvorcova. 28-e izd., pererab. M., 2015. 1375 s.
18. Oleshkov M.Ju., Uvarov V.M. Sovremennyj obrazovatel'nyj process: osnovnye ponjatija i terminy: kratkij terminologičeskij slovar'. M., 2006. 189 s.
19. Petrov V.V. Semantika nauchnykh terminov: monografija. Novosibirsk, 1982. 129 s.
20. Prohorova V.N. Russkaja terminologija (leksiko-semanticheskoe obrazovanie). M., 1996. 125 s.
21. Сепир Je. Язык. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 223 – 247.
22. Shimanskaja I.Je. Terminologičeskie innovacii v oblasti sovremennoj arhitektury (na materiale anglojazyčnoj nauchnoj periodiki): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1990. 24 s.

*Zavarzina V.A., Postgraduate,
Voronezh State University*

ABOUT DYNAMIC PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF THE TERMINOLOGY OF EDUCATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE ACTUAL MODERN PERIOD

Abstract: this article is devoted to the study of modern terminology of Russian education, which constantly replenishes the main base of pedagogical terminology, expands its boundaries and involves a large layer of terms of foreign origin and commonly used vocabulary of the Russian language in the sphere of professional educational communication. The most important processes in the development of the terminology of education in the modern period proper also include the redistribution between the lexical subsystems of active and passive stock and lexical-semantic derivation. The big role of the involved terms in term formation and formation of systemic relations in the studied terminological system is noted. The process of lexical-semantic derivation in the terminology of education is primarily subject to abstract lexemes, which serve to designate processes, relationships and connections of educational objects. It is concluded that the study of trends in the development of the terminology of education in the Russian language of the modern period itself is of great importance for understanding the main directions of evolution of the emerging and dynamic term systems of the Russian language.

Keywords: term, terminology, terminological system, education, dynamic processes, the actual modern period

For citation: Zavarzina V.A. About dynamic processes in the development of the terminology of education in the Russian language of the actual modern period. Modern Scientist. 2023. 1. P. 108 – 114.

*Истомина С.М., преподаватель,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ОКЕАН» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.К. КУПЕРА «КРАСНЫЙ КОРСАР» И К.М. СТАНЮКОВИЧА «ВОКРУГ СВЕТА НА “КОРШУНЕ”»)

Аннотация: в статье рассмотрена реализация концепта «океан» в романе «Красный корсар» Ж.Ф. Купера и в повести «Вокруг света на “Коршуне”» К.М. Станюковича. Отмечается значимое место данного концепта в текстах обоих произведений, описывающих большие морские путешествия. Основными признаками океана, значимыми для обеих лингвокультур, являются его безбрежность, могущество, красота. Оба автора связывают концепт «океан» с действиями моряков и их личными качествами, подчёркивают, что в пространстве океана возможно существование только положительных человеческих черт, поскольку речь идёт о постоянной борьбе за жизнь, о противостоянии человека и стихии. При этом человек должен сродниться с океаном и принимать его таким, какой он есть, быть наблюдательным, чутким ко всем его проявлениям, что позволяет ему выжить в условиях длительного и сложного взаимодействия с океаном. Океан, несмотря на значительные опасности, которым в нём подвергается человек, не пугает героев произведений, а вызывает у них восторг и трепет. Значительное сходство смыслов, выражаемых концептом «океан» в русской и американской лингвокультурах, позволяет предположить, что данный концепт является универсальным.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурологический подход, концепт «океан», К.М. Станюкович, Д.Ф. Купер

Для цитирования: Истомина С.М. Лингвокультурологический потенциал концепта «океан» (на материале произведений Ф.К. Купера «Красный корсар» и К.М. Станюковича «Вокруг света на “коршуне”») // Современный ученый. 2023. № 1. С. 115 – 118.

Современная наука утверждает тезис об отражении в языке культуры народа, о тесном слиянии языка и культуры в лингвокультурологическое единство. Особенно высоким является лингвокультурологический потенциал произведений художественной литературы, в которых признанные мастера слова представляют язык, окрашенный и национальными культурными отличиями, и особенностями идиостиля каждого автора. Русский писатель Константин Михайлович Станюкович (1843-1903) и американский автор Джеймс Фенимор Купер (1789-1851) посвятили своё творчество описанию морской стихии, взаимодействия человека и океана, поведения человека в условиях морской стихии. Два мариниста жили и творили в разных странах, их герои выходили в океан на разных судах, и лингвокультурологический подход позволит оценить сходство и отличия в восприятии авторами концепта «океан».

В филологической литературе чаще всего анализируется образ океана [2, 6 и др.]. Концепт «океан» становится предметом исследования в лингвокультурологическом аспекте не очень часто. Е.Е. Чугунова-Полсон отмечает, что данный концепт в литературе свидетельствует о первоначальном признании непререкаемой силы океана и внимании к исследованию его темной стороны [9, с. 236]. В.И. Карасик и Е.А. Юрина считают, что океан является одним из репрезентантов концепта

«бесконечность» в сознании носителей русской лингвокультуры [1, с. 230]. Рассмотрение концепта «океан» на примере произведений К.М. Станюковича и Д.Ф. Купера, посвящённых океану, морским путешествиям, позволит сопоставить данный концепт в русской и американской лингвокультурах и выявить его лингвокультурологический потенциал.

Целью данного исследования стал анализ реализации концепта «океан» в произведениях «Красный Корсар» Ф.К. Купера и «Вокруг света на “Коршуне”» К.М. Станюковича.

Концепт является одной из важнейших единиц лингвокультурологии. Совокупность концептов (концептосфера) формирует картину мира носителей языка, и каждый из элементов этой картины мира репрезентирует какую-то единицу культурного сознания, менталитета, миропонимания людей. С точки зрения лингвокультурологии концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8, с. 43]. Концепт культуры является единицей ментальности и воплощает «интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [3, с. 52].

Несомненно, для произведений морской тематики, посвящённых описанию больших морских

путешествий и анализу поведения человека в контексте морской стихии, концепт «океан» является одним из важнейших, выполняющих текстообразующие функции, формирующих пространство художественного текста.

Главное свойство океана, которое бесспорно для героев обоих художественных произведений, – его безграничность, необъятность. В романе Д.Ф. Купера неоднократно упоминается «*бескрайний простор океана*» [5, с. 97], «*беспредельная гладь океана*» [5, с. 166]. Юный герой повести К.М. Станюковича Володя Ашанин, впервые увидев океанский простор, «*впился в него восторженными глазами, пораженный его величием, его красотой, его беспредельностью*» [7, с. 112]. Именно безбрежность и бездонная глубина определяют основное отношение к океану, закреплённое в культуре и отражённое в обоих рассматриваемых произведениях. Очень точно это отношение сформулировано в романе Д.Ф. Купера: «*Величие и мощь океанской пучины невольно возбуждают суеверный трепет перед неведомым, который в большей или меньшей степени гнездится в душе каждого...*» [5, с. 180]. Трепет отнюдь не означает страха, поскольку он соединён с восторгом. В повести К.М. Станюковича о рокоте океана говорится, что он «*будет навевать и грустные и хорошие думы, будет наводить и трепет и возбуждать восторг, но всегда раздаваться в ушах несмолкаемой музыкой*» [7, с. 111]. С бескрайностью океана связано представление о его константности. Океан относится к разряду водных природных объектов, которые «неизменны, стабильны в течение многих сменяющих друг друга поколений людей» [4, с. 87].

Моряков не пугают океанские бури. Они привыкают, что «*корвет, словно щепку, бросало на расвирепевшем седом океане, палуба убежала из-под ног, и грозные валы перекачивались через бак*» [7, с. 8], что постоянно необходимо бороться с океаном, доказывать свою силу, своё право на жизнь в окружении волн. Так проявляется одна из важнейших культурных констант, значимых для всех народов, имеющих выход к океану, – «необходимость освоения мирового океана» [10, с. 173]. Моряки привыкают к океанским штормам и замечают, что в океане «*благородная качка, правильная и даже приятная*» [7, с. 80]

Океан покоряет героев произведений своей красотой. Несмотря на то, что океанский пейзаж нельзя назвать разнообразным, авторы обоих произведений описывают величественную красоту океана в самых восторженных тонах. Неотъемлемой составляющей океанского пейзажа являются корабли, тесно сливающиеся с океаном, становящиеся во время путешествий его частью. описа-

ние этого единства находим и в повести К.М. Станюковича: «*Но занялась заря, вышло, словно из ярко пурпурных одежд, ослепительное солнце... и корвет на океанском просторе*» [7, с. 111], и в романе Д.Ф. Купера: «*С океана подул свежий ветер, насыщенный соленой влагой. Он налетел на развернутые трепещущие паруса, и судно словно поклонилось желанному гостю*» [5, с. 163].

Красота, безбрежность и непокорность океана в восприятии моряков тесно связаны. В повести К.М. Станюковича читаем, как Володя Ашанин «*весь душевно приподнятый, восторженный и умиленный, отдался благоговейному созерцанию величия и красоты беспредельного океана*» [7, с. 112]. По мнению авторов, океан нельзя не любить, но делать это надо, принимая его со всеми его особенностями: огромными волнами, бесконечной рябью, долгим временем путешествий и т.д. И герои обоих произведений способны это делать, в первую очередь, чётко оценив предстоящее плавание: «*Переход предстоял длинный. По крайней мере дней пятьдесят моряки не увидят ничего, кроме океана да неба*» [7, с. 124].

В восприятии обоих писателей океан оказывается связан с качествами тех людей, которые отправляются в морское путешествие. Через оба произведения проходит мысль о том, что в океане могут находиться только благородные, добрые, чистые сердцем люди. Опытный моряк, адмирал, в повести «Вокруг света на “Коршуне”» говорит, что «*в океане надо иметь смелую душу и чистую совесть... Тогда и смерть не страшна...*» [7, с. 11]. Герой романа «Красный корсар» разъясняет, почему эти качества так необходимы. Ведь в океане нельзя быть обособленным от других, здесь каждый отвечает за всех, обеспечивает безопасность свою и других и успех плавания: «*Нам кажется, что человек, затерянный среди океанской пустыни, яснее понимает, насколько его счастье зависит от других*» [5, с. 167].

Взаимодействие человека и океана – важнейший культурный аспект концепта «океан». Человек у обоих авторов не является сторонним созерцателем, он пытается покорить океан, но в то же время понимает, что сделать это можно, только беспредельно его уважая, понимая свою ничтожность перед океаном: «*Голубой океан расстилается со всех сторон – беспредельный, необъятный, необыкновенно красивый. А “Коришун” с высоты кажется маленькой точкой на голубом фоне*» [7, с. 122]. Необходимо изучать океан и чутко прислушиваться к тем знакам, которые он подаёт мореплавателям; тогда морские путешествия принесут радость и будут успешными. Герои Д.Ф. Купера и К.М. Станюковича это умеют; к примеру, в романе «Красный корсар» опытный моряк, пона-

блюдав за погодой, замечает: «*Смотрите, волны вздымаются как-то совсем необычно! Тучи затянули небо, а ведь океан излучает столько света, что грамотный человек мог бы читать!*» [5, с. 185]. Эти слова показывают и умение моряка «читать» океан, и его глубокие знания об нем.

Ещё одна особенность восприятия концепта «океан» в обеих лингвокультурах состоит в апелляции людей, общающихся с ним, к Богу. Герои Д.Ф. Купера и К.М. Станюковича не могут не верить в то, что такое огромное, безбрежное, сильное и сложное явление, как океан, не создано Богом и не находится под его наблюдением и присмотром. Одна из героинь романа «Красный корсар» говорит племяннице, отправляющейся в путешествие: «...*Теперь, дорогая племянница, уверяю тебя могучему океану и промыслу того, кто еще могущественнее, – его творцу*» [5, с. 132]. Персонаж повести К.М. Станюковича «*видел, что “итормяга”, как он выражался, “форменный”, но понимал, что “Коршун” доброе хорошее судно,*

а капитан – хороший моряк, а там все в руках господ бога» [7, с. 79].

Итак, в рассмотренных произведениях русского и американского писателей лингвокультурные смыслы, выражаемые концептом «океан», в значительной степени совпадают, что позволяет судить о важности данного концепта для любой культуры, возможно, даже о его универсальном характере. Океан воспринимается героями романа «Красный корсар» Ж.Ф. Купера и повести «Вокруг света на “Коршуне”» К.М. Станюковича как огромное, безбрежное пространство, постоянно грозящее человеку смертельными опасностями, заставляющее его бороться за выживание, но, тем не менее, вызывающее трепет и восторг, удивляющее своей красотой. Океан и человек, совершающий морское путешествие и доверившийся водной стихии, тесно связаны. Океан, согласно культурным представлениям, не терпит негативного человеческого поведения, требует от моряков честности, благородства, доброты, бесконечной взаимной поддержки.

Литература

1. Карасик В.И., Юрина Е.А. Осмысление бесконечности в русском языковом сознании // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: Сб. мат. X Междунар. научн. конф.; отв. ред. Е.Н. Малюга. М.: РУДН, 2022. С. 230 – 231.
2. Ковалева Т.Н. Семиотика образа океана (моря) в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга» // Университетские чтения – 2020: Мат. науч.-метод. чтений ПГУ. Пенза: ПГУ, 2020. С. 82 – 87.
3. Крылова М.Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ: монография. Саратов: Вузовское образование, 2014. 189 с.
4. Крылова М.Н. Символика воды в тексте Е.Д. Айпина (на материале романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари») // Притяжение Севера: язык, литература, социум: Мат. I Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2018. С. 85 – 91.
5. Купер Д.Ф. Красный корсар: роман: пер. с англ. Н. Рыковой, С. Майзельс. М.: Правда, 1988. 384 с.
6. Павляк О.Н. Образ океана в художественной структуре оды М.В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 8. С. 106 – 110.
7. Станюкович К.М. Вокруг света на «Коршуне». Сцены из морской жизни. Минск: Юнацтва, 1987. 412 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001. 989 с.
9. Чугунова-Полсон Е.Е. Концепты моря и океана как ключевые символы в творчестве Александра Блока и Алджернона Чарльза Суинберна: к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 228 – 238.
10. Щербакова Е.Е., Муркаев Е.С. Проблема освоения мирового океана и космоса в культуре современного человечества // Экономика, право, образование: региональный аспект: Сб. научн. тр. XII межвуз. науч.-практ. конф.; под ред. Е.С. Усовой. М.: Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, 2018. С. 173 – 175.

References

1. Karasik V.I., Jurina E.A. Osmyslenie beskonechnosti v russkom jazykovom soznanii. Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo jazyka delovogo i professional'nogo obshhenija: Sb. mat. X Mezhdunar. nauchn. konf.; otv. red. E.N. Maljuga. M.: RUDN, 2022. S. 230 – 231.
2. Kovaleva T.N. Semiotika obraza okeana (morja) v rasskaze I.A. Bunina «Sny Changa». Universitetskie chtenija – 2020: Mat. nauch.-metod. chtenij PGU. Pjatigorsk: PGU, 2020. S. 82 – 87.
3. Krylova M.N. Semantika sovremennoogo russkogo sravnenija. Lingvokul'turologicheskij analiz: monografija. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2014. 189 c.
4. Krylova M.N. Simvolika vody v tekste E.D. Ajpina (na materiale romana «Hanty, ili Zvezda Utrennej Zari»). Pritjazhenie Severa: jazyk, literatura, socium: Mat. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Petrozavodsk: Petrozav. gos. un-t, 2018. S. 85 – 91.
5. Kuper D.F. Krasnyj korsar: roman: per. s angl. N. Rykovej, S. Majzel's. M.: Pravda, 1988. 384 s.
6. Pavljak O.N. Obraz okeana v hudozhestvennoj strukture ody M.V. Lomonosova «Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve». Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kan-ta. 2010. № 8. S. 106 – 110.
7. Stanjukovich K.M. Vokrug sveta na «Korshune». Sceny iz morskoi zhizni. Minsk: Junactva, 1987. 412 s.
8. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. M.: Akadem. proekt, 2001. 989 s.
9. Chugunova-Polson E.E. Koncepty morja i okeana kak ključevye simvoly v tvorčestve Aleksandra Bloka i Aldzhernona Charl'za Suinberna: k postanovke problem. Novyj filologicheskij vestnik. 2018. № 4 (47). S. 228 – 238.
10. Shherbakova E.E., Murkaev E.S. Problema osvoenija mirovogo okeana i kosmosa v kul'ture sovremennoogo čelovečestva. Jekonomika, pravo, obrazovanie: regional'nyj aspekt: Sb. nauchn. tr. XII mezhvuz. nauch.-prakt. konf.; pod red. E.S. Usovoj. M.: Mosk. un-t im. S.Ju. Vitte, 2018. S. 173 – 175.

*Istomina S.M., Lecturer,
Lomonosov Northern (Arctic) Federal University*

LINGUOCULTUROLOGICAL POTENTIAL OF THE "OCEAN" CONCEPT (BY THE MATERIAL OF THE WORKS OF J.F. COOPER "RED ROVER" AND K.M. STANYUKOVICH "AROUND THE WORLD ON THE "KORSHUN")

Abstract: the article considers the implementation of the concept "ocean" in the novel "Red Rover" by J.F. Cooper and in the story "Around the World on the "Korshun"" by K.M. Stanyukovich. The significant place of this concept in the texts of both works, which describe great sea voyages, is noted. The main features of the ocean, significant for both linguistic cultures, are its vastness, power, beauty. Both authors connect the concept of "ocean" with the actions of sailors and their personal qualities, emphasize that only positive human traits can exist in the space of the ocean, since we are talking about a constant struggle for life, about the confrontation between man and the nature. At the same time, a person must become related to the ocean and accept it as it is, be observant, sensitive to all its manifestations, which allows him to survive in the conditions of a long and complex interaction with the ocean. The ocean, despite the significant dangers to which a person is exposed in it, does not frighten the heroes of the works, but causes them delight and awe. The significant similarity of the meanings expressed by the concept of "ocean" in Russian and American linguistic cultures suggests that this concept is universal.

Keywords: language, culture, linguoculturological approach, concept "ocean", K.M. Stanyukovich, J.F. Cooper

For citation: Istomina S.M. Linguoculturological potential of the "ocean" concept (by the material of the works of J.F. Cooper "Red Rover" and K.M. Stanyukovich "Around the World on the "Korshun"). Modern Scientist. 2023. 1. P. 115 – 118.

Лю Юэ, аспирант,
Селиверстова Е.И., профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЗГЛЯД НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: пословицы являются не только единицами рекомендательного характера, указывающими на определенный тип поведения и одобряемого или порицаемого поступка, но и содержат разнообразные сведения, касающиеся отдельных явлений действительности, бытовой и духовной жизни человека. Будучи единицами народного происхождения, паремии во многом касаются хозяйственной деятельности людей, в том числе – земледельческого труда, в котором используется широкий спектр специальных инструментов и приспособлений. В центре нашего внимания в данной статье русские и китайские паремии с компонентами – наименованиями сельскохозяйственных инструментов (*соха, борона, цеп, мотыга* и др.), в которых зафиксированы стереотипные представления носителей языков и культур относительно их использования. В ходе анализа 161 русских и 135 китайских паремий, отобранных из базовых словарей, выявляются различные причинно-следственные закономерности – связь труда и материальной обеспеченности, зависимость хорошего результата от наличия и качества инструмента, наличие у труженика на хлебников и т.д. Это отражает в целом отношение к труду как основному виду деятельности человека и к конкретным средствам и способам его осуществления. Анализ лингвокультурного потенциала русских паремий на фоне китайских позволяет выявить в культурной памяти, хранимой русскими и китайскими пословицами, как общее, универсальное, так и специфичное, этномаркированное.

Ключевые слова: пословица, стереотипное представление, инструменты, земледельческий труд, русский и китайский языки

Для цитирования: Лю Юэ, Селиверстова Е.И. Взгляд на сельскохозяйственный инструментарий сквозь призму русских и китайских паремий (лингвокультурологический аспект) // Современный ученый. 2023. № 1. С. 119 – 125.

Говорящее на одном языке сообщество принадлежит определенной культуре, включающей в себя национальные традиции и обычаи, историю, литературу, ментальность и т.д. Установление связей между языком и культурой привело к возникновению в языкознании лингвокультурологического направления, представители которого сходятся во взгляде на язык как средство отражения культуры и направляющий инструмент в ее изучении [25, с. 192]. Ученые, подходящие к языку с лингвокультурологических позиций – В.В. Воробьев [3], Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков [7], О.А. Корнилов [11], С.Г. Тер-Минасова [21], Паремииология [14] и др., – видят в нем средство передачи этномаркированной культурной информации, отражения особенностей материальной и духовной жизни совокупного носителя языка.

Отмечая существование культурного образа мира в коллективном сознании, В.И. Карасик пишет, что язык охватывает как общечеловеческие черты, обусловленные объективным реальным миром, так и особенные: «в культурном образе мира будут сохраняться и применяться в языке специфические для культуры значения, культурно-ценностные доминанты, концепты, образующие определенные виды культуры» [10, с. 169].

Проявления общего, универсального, во взгляде на окружающий мир и, напротив, кванты национально-специфического содержания наблюдаются исследователями при изучении массивов разных языковых единиц. Результаты восприятия действительности обыденным сознанием и формирования отношения к предметам и явлениям предстают в виде системы эталонов и лингвокультурных установок в устойчивых единицах языка [1, 10 и др.] Несомненную ценность представляет в этом отношении паремика – уникальная семантико-семиотическая система, содержащая стереотипные представления, формулировки жизненно важных установок.

Паремииологические единицы (ПЕ), в яркой разнообразной форме запечатлевшие опыт народа, его морально-этические, духовные и художественно-эстетические идеалы, особенно востребованы при изучении этномаркированных особенностей мировосприятия носителей определенных языков и культур [20, с. 9]. Такие исследования проводятся с привлечением материала разных пар языков – русского и шведского [2], русского и чешского [17], русского и русинского [13], русского и китайского [22, 23, 24, 28 и др.].

Важность ПЕ как культуросносных единиц определяется во многом их языковыми особенностями – образностью, оценочностью, формой лаконичного выражения законченной мысли. В контексте данного исследования особенно важна способность ПЕ к выражению стереотипных представлений. К *стереотипным представлениям* относятся связи и зависимости между явлениями предметного и духовного мира народа, идеи и оценки, оформленные в культуре языковыми средствами и разделяемые членами этнокультурного сообщества [25, с. 21]. Они являются элементами социального и культурного наследия, обеспечивают «устойчивость и преемственность коллективной памяти» [27, с. 352].

Представление в языке некоего феномена, стоящего за конкретной языковой единицей, в совокупности всех его валентных связей, отмечено «национально-культурной маркированностью при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей» [12, с. 232]. С помощью ПЕ могут вербализоваться определенные ценностные ориентиры этноса. В.В. Воробьев, рассматривая язык как «совокупность единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания», признает перспективность изучения взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в его функционировании «с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (систему норм и общечеловеческих ценностей)» [3, с. 36-37].

Несмотря на активность разработки данного научного направления, лингвокультурологический потенциал русских ПЕ на фоне иноязычных остается по-прежнему актуальным: обращение к паремиям с компонентами-наименованиями важных для человеческой жизни атрибутов позволяет не только увидеть роль предметов бытовой культуры в жизни отдельных этносов, но и глубже проникнуть в тонкости аксиологической оценки деятельности индивида.

Объектом изучения в данной статье являются ПЕ с компонентом-наименованием инструмента для осуществления сельскохозяйственной деятельности как «жизнеобеспечивающей», наиболее важной в бытовой жизни и истории русского и китайского народов. Не случайно Т.А. Жданова отмечает наличие целой «галереи инструментальных образов» в коллективном сознании носителей культуры [6, с. 63]. Предметом нашего изучения является лингвокультурный потенциал ПЕ, их способность к выражению стереотипных представлений, отражающих особенности мировидения носителей двух языков и культур. Это позволит выявить как универсальное, так и специфичное в «культурной памяти», хранимой русскими и китайскими ПЕ. В работе используются компо-

нитный анализ, метод словарных дефиниций и количественных подсчетов, лингвокультурологический анализ, сопоставительный подход. Источниками материала послужили «Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Большой словарь русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко, «Большой словарь китайских пословиц» Вэнь Дуаньчжэн, «Пословицы китайского языка» Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян.

Обращение к русским и китайским ПЕ в данной работе объясняется следующими причинами. Во-первых, инструменты играют в жизни человека огромную роль и формируют в коллективном сознании людей особую концептуальную сферу [6, с. 63]. Во-вторых, деятельность, связанная с обработкой земли (севом, уходом, уборкой и т.д.), направленная на получение урожая, необходимого для прокорма крестьянской семьи, осуществлялась с применением разнообразных инструментов и приспособлений, что не могло не отразиться в народных изречениях. В-третьих, ПЕ аккумулируют наблюдения не только за непосредственным использованием инструментов – их образы участвуют в выражении идей, обобщающих мысли о труде и отношении к человеку-труженику [4, 5, 16], о существующих в природе и окружающей жизни взаимозависимостях [15]. Наконец, взгляд на русскую паремияку на фоне китайской – это призма, позволяющая увидеть сходства и различия в выражаемых установках, проявления национально-специфического в ментальности русских и китайцев.

Определяя *инструмент* как «орудие для производства каких-н. работ» [26, с. 97], а *приспособление* – как «предмет, всякое устройство, при помощи которого производится какая-л. работа» [26, с. 97], «Русский семантический словарь» приводит в общем перечне такие наименования орудий земледельческого труда, как *борона, вилы, грабли, коса, лопата, мотовило, мотыга, плуг (плужок), серп, соха (сошка), цеп, жернов, орало* («устар. плуг, соха. (стар.). «сельскохозяйственное орудие для пахоты») [26, с. 104-105, 108]. Опираясь на критерий наличия в составе ПЕ этих компонентов, мы отобрали для анализа 161 русскую и 135 китайских единиц. Отметим, что в китайском языке такие приспособления, как *грабли* и *борона* графически омонимичны и различаются лишь произношением. А компонентам *орало, плуг* и *соха* соответствуют в китайском языке слова 木犁 и 犁, т.е. данные понятия не разделяются.

Обратимся к идеям и стереотипным представлениям, которые отразились в русских и китайских пословицах.

1. В ПЕ отражается тесная **связь между фактом использования орудия сельскохозяйствен-**

ного труда, т.е. трудом, и наличием еды, пропитания: *За лопату держись – сохранишь жизнь; Держись за соху: она – кормилица; Соха и борона – основные орудия обработки земли: Соха да борона сами не богаты, а весь мир кормят.* Хлеб как название основного продукта питания – и в переносном смысле как пропитания в целом – присутствует в ПЕ с компонентами-названиями других орудий труда: *Цеп в руках, так и хлеб в зубах; а цеп из рук, так и хлеб из зуб; Не ленись с плужком, будешь с пирожкой.*

Интересна показанная в ПЕ связь между использованием различных орудий труда – с одной стороны, инструментов для полевых работ по уборке хлеба (*серп и вила/вилы*), а с другой – тех приборов, что нужны за столом во время еды: *В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилок – применение первых гарантирует возможность использования вторых.* В обобщенном виде та же идея выражена и в ПЕ *Кто ленив за (с) сохой, тому весь год плохой* – с имплицитным намеком на возможную трактовку сочетания компонентов *год плохой* как ‘бесхлебный, голодный’. На возможность безбедного существования указывается и в ПЕ *Как вилы да коса, так и денег киса; киса – ‘мошна, мешок’.*

Жизнь человека налаживается и даже допускает веселье, если человек работает. В ПЕ *Подержись за мотовило, подержись за молотило, а дудка (веселье) сама придет* названы два инструмента: *молотило* от глагола *молотить*: ‘короткое колено цепа, цеп’ [Д.2, с. 342]. *Мотовило* – от глагола *мотать* – ‘инструмент для размотки пряжи в клубки’ [Д.2, с. 350]. В ПЕ сочетаются два важных вида деятельности, типичной для мужчины и женщины.

В китайском языке зависимость пропитания – и в целом материального благополучия – от труда земледельца представлена в ПЕ *犁锄不离手, 吃穿样样有 (Плуг и мотыга не покидают ваших рук, тогда у вас есть еда и есть что носить; 镰刀吊起, 米翁无粒米 (Как только коса будет повешена, в рисовом контейнере больше не будет риса).* Очень яркий образ создается в ПЕ *镰刀挂壁, 肚子如豆荚 (Как только коса повешена на стену, живот от голода втянется, как пустой стручок).*

2. **Работа** с использованием сохи – а это самый частотный компонент ПЕ (69 русских и 58 китайских) – **обеспечивает средства к существованию не только самому труженику, но и его семье:** *Один с сошкой, а семеро с ложкой; Держись плуга плотней, так будет прибыльней.* При этом работник на семью нередко приходится один: *Один в бороне, а все в стороне.* Ложка как «инструмент» иждивенца, т.е. не работающего, – атрибут и ло-

дыря: *Работник с сошкой, а лодырь с ложкой.* О лентях говорится и в иных ПЕ: *Он бы и рад косить, да некому косу носить; Не вилами кидать, а языком болтать.*

3. Не подвергается сомнению **важность наличия у работника нужных орудий труда:** *Без кося сена не накосишь* (ср.: *Не бравись за топор, избы не срубишь*). В ПЕ *Без сохи и бороны и царь хлеба не найдет* компоненты *соха* и *борона* приобретают – по метонимическому принципу – значение ‘труд с применением этих орудий’. Интересен акцент на зависимости любого едока – независимо от статуса – от трудовой деятельности на земле. В ПЕ подчеркивается важность отдельных орудий труда – в частности, плуга и сохи. Труд пахаря и лошади как тяглого средства могли, по пословице, обеспечить безбедное существование: *Если пахать плугом, земля станет лугом; У матушки сошки золотые рожки; Полюби соху, будешь с хлебом.*

В китайском языке представление о результативности применения орудий сельскохозяйственного труда реализуется в ПЕ *锄头响, 庄稼长 (Когда мотыга звенит, посева будут хорошо расти); 锄头锄得勤, 棉花如白银 (Коль скоро мотыга мотыжит землю со всей старательностью, хлопчатник (будет) как серебро); 要得树长大, 三年不离锄头把 (Чтобы дерево выросло, три года не отрывайся от мотыги);* мотыга символизирует прилежание, кропотливый труд.

4. Пословицы указывают на **необходимость правильного ухода за землей с применением орудий, соблюдения неких правил,** способствующих хорошему результату: *Тот землю ухаживает, кто за серпом соху водит* (т.е. раньше пашет); ср. современное значение глагола *ухаживать* – ‘заботиться, печься’.

Для косьбы и косарей очень важна сухая погода, поэтому народное правило гласит, что нельзя терять время: *С косой в руках погоды не ждать; Остра коса, коли трава чиста.* Косить предпочтительнее ранним утром, по росе: *Коси, коса, пока роса: роса долой, коса домой,* и, собираясь косить, следует учитывать погоду и состояние травы: *Косу остря, на траву смотрят.*

Зависимость результата от условий проведения посевных работ отмечена и в китайских ПЕ: *犁地没隔墙, 麦根扎得广 (При вспашке землю сохой вспахивают глубже, чтобы семена пшеницы могли лучше укорениться и расти); 春得一犁雨, 秋收万担粮 (Если весной во время пахоты пойдет дождь, урожай в 10 000 тонн зерна по осени обеспечен).* Дождь весной – это благо для посевов.

5. В ПЕ вербализуется идея **важности самого работника и его усилий, а не только наличия у**

него инструментов: *Не коса косит, а косок* (ср. аналогичные ПЕ *Не молот кует, а кузнец*). ПЕ указывает и на плохие результаты труда нерадивого работника: *С плохими косцами плох и укос*.

Эта идея разделяется и китайцами: *丢下犁耙拿扫帚, 里里外外一把手* (*Если вы бросите плуг и борону и возьмете метлу, то и с этой работой справитесь безупречно*) – положительная оценка добросовестного отношения к труду.

6. Наличие или отсутствие у человека орудий труда может свидетельствовать о его материальном состоянии: о бедности говорится в ПЕ *Нивка не моя, а серп чужой*. Ср. кит. 田无一铧, 地无一垄 (букв. *В поле ни одного сошника, нет ни кусочка земли для посевов*; ‘нет ни одного орудия и самой возможности труда; о крайней бедности’). Беспольна замена одного инструмента другим, неподходящим: *拿着铁锹当锅使* (*Имея лопату, использовать ее как кастрюлю* – ‘об очень бедном положении кого-л.’).

7. Наличие сельскохозяйственных приспособлений – еще не гарант умелого с ними обращения. Ср. не соответствующее сезону и месту работы использование инструментов в ироничных ПЕ *Зимой с бороной, а летом в извозе; С бороной по воде поехал, а цепом рыбу удит*. Следует твердо знать о предназначении каждого из инструментов: *Пукля не пуля, коса не тесак*.

Китайская ПЕ говорит и о правильной последовательности применения орудий: *光耕不耙, 枉费犁铧* (*Воспользоваться только плугом, не прибегнув далее к бороне* (для выравнивания почвы) – *сделать напрасную работу*).

8. Паремии подчеркивают предназначенность инструментов и орудий именно для работы, без которой они бесполезны и утрачивают свои качества: *Плуг от работы блестит; Плуг без работы ржавеет* (ср. *От безделья и лопата ржавеет*). Ср. в китайском языке: *锈坏了镰刀不割麦* (букв. *Если серп долго лежит, он заржавеет и станет непригоден для срезания пшеницы*). Перен. ‘О медлительном человеке, упускающем возможность довести дело до конца. Затянутое дело не дает результата’).

9. В ПЕ *Серп не богатит, а горбатит* вербализована популярная пословичная идея о **возможных нежелательных последствиях тяжелого труда** (ср.: *С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь*). Китайцы не исключают и пользы от физического труда на земле: *锄头能壮筋骨, 汗水能治百病* (букв. *Размахивание мотыгой при работе может укрепить мышцы и кости, так что трудовой пот способен излечить от различных болезней*). Перен. ‘Пока вы работаете на ферме и потее-

те, это тренировка; труд может укрепить здоровье’).

Таким образом, в паремиях отражаются трудовые навыки народа, характер использования в сельскохозяйственных работах широкого спектра инструментов и приспособлений.

Компоненты – номинации сельскохозяйственных орудий используются в русских и китайских ПЕ с разной частотой – чаще иных в русских ПЕ используются *соха, коса* и *борона*, а в китайских ПЕ – *犁* (плуг), *镰刀* (коса) и *锄头* (мотыга). Наблюдаются некоторые различия и в самом перечне используемых компонентов – названий инструментов: в китайских ПЕ отсутствуют *вилы, цеп*.

Атрибуты сельскохозяйственных работ используются для выражения весьма разнообразных идей. Общими установками для представителей русской и китайской лингвокультур являются указания на важную роль инструментов и орудий земледельческого труда как обеспечивающих средства к существованию работнику и его семье. Русские и китайцы сходятся во взглядах на важность наличия у тружеников инструментов, их качества и надлежащего применения, необходимость соблюдения некоторых правил использования орудий при работе на земле. Сходство отмечено и в выявленных зависимостях между фактом труда и материальным благополучием в целом, между умением работника, трудолюбием и прилагаемыми им усилиями и результатами труда.

Специфика национального мировидения проявляется в том, что в русских паремиях высмеивается использование инструментов, не соответствующее их назначению и времени их надлежащего применения, использование орудий труда связывается с возможными недугами, в то время как китайцы видят в труде оздоровительный эффект.

В китайских ПЕ с компонентами – названиями сельскохозяйственного инструментария, помимо наблюдений, касающихся орудий труда и их применения, часто характеризуются иные связи и отношения между людьми, модели их поведения. Проводимая между ними параллель является результатом ассоциативного мышления и аналитической деятельности.

Итак, показанные нами связи и зависимости, касающиеся инструментов, используемых с сельскохозяйственным труде, входят в совокупность стереотипных представлений, характеризующих культурную память носителей языка и во многом совпадают, несмотря на принадлежность носителей русского и китайского языков к разным культурам.

Литература

1. Алёшин А.С. Система образов – эталонов устойчивых сравнений шведского языка, характеризующих человека // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4. С. 175 – 180.
2. Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языка) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 1. С. 7 – 21.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2006. 330 с.
4. Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград., 2003. 172 с.
5. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / Сост. и отв. ред. О.А. Платов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 880 с.
6. Жданова Т.А. Лингвистические средства репрезентации концепта «инструмент» // Современные лингвистические и методик-дидактические исследования. 2012. № 1. С. 63 – 70.
7. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. 291 с.
8. Зиновьева Е. И., Цао Цзяци Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки НовГУ. 2020. № 2 (27). С. 14 – 18.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: 2019. 396 с.
11. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
12. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
13. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119 – 128.
14. Паремииология без границ: монография / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
15. Савенкова Л.Б. Русская паремииология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.
16. Синячкин В.П. О ценности «труд» в русском языковом сознании // Вестник ЮУрГГПУ. 2013. № 1. С. 282 – 289.
17. Селиверстова Е.И. Ветер не только в голове: метеоним в русской и чешской картинах мира // Svět v obrazech a ve frazeologii. II. Praha: Univerzita Karlova; Pedagogická fakulta, 2021. С. 121 – 135.
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под пед. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
19. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1993. 656 с.
20. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
21. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
22. Хо Сяоцзюн Орнитологический код культуры в русских паремиях, отражающие брачные отношения: Лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка) // Известия ВГПУ. 2021. № 6. С. 133 – 141.
23. Цю Сюеин. Концепт дело в русской паремике: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2020. 172 с.
24. Шан Вэньцин Семантика чрезмерности в русских пословицах на фоне паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект). дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2022. 208 с.
25. Шаваева М.О. Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия: автореф. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 20 с.
26. Шведова Н.Ю. Русский семантический слова, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. 2002.
27. Швец Э.И. Стереотипные представления во фразеологии (на материале французского языка) // Преподаватель XXI век. 2016. № 2-2. С. 349 – 358.
28. Юань Лиин. Русские пословицы о воспитанности / невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): автореф. ... канд. филол. канд. наук. СПб, 2016. 26 с.

29. 丁昕. 丁昕集. 当代中国俄语名家学术文库. 黑龙江大学出版社, 2017 年 350 页 (Дин Синь. Серия «Избранные труды современных китайских русистов». Хэйлунцзян: Изд-во Хэйлунцзянского университета, 2017. 350 с.
30. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989 年 1252 页. (Вэнь Дуаньчжэн, Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 1989. 1252 с.).
31. 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1990 年 1651 页. (Лу Шусян, Дин Шэншу. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1990. 1651 с.
32. 郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008 年 779 页. (Чжэнь, Хунфэн; Цзян, Жуйлян. Пословицы китайского языка. Пекин: Книжный дом Сяньчжуань, 2008. 779 с.

References

1. Aljoshin A.S. Sistema obrazov – jetalonov ustojchivyh sravnenij shvedskogo jazyka, harakterizujushhih cheloveka. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. № 4. S. 175 – 180.
2. Aljoshin A.S., Zinov'eva E.I. Ustojchivye vyrazhenija komparativnoj struktury: lingvokognitivnyj aspekt (na materiale russkogo i shvedskogo jazyka). Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2020. № 1. S. 7 – 21.
3. Vorob'jov V.V. Lingvokul'turologija: Monografija. M.: RUDN, 2006. 330 s.
4. Gonnova T. V. Sociokul'turnye harakteristiki koncepta «trud» v russkom jazykovom soznanii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd., 2003. 172 s.
5. Ermolov A.S. Narodnaja sel'skohozjajstvennaja mudrost' v poslovicah, pogovorkah i primetah. Sost. i otv. red. O.A. Platov. M.: Institut ruskoj civilizacii, 2013. 880 s.
6. Zhdanova T.A. Lingvisticheskie sredstva reprezentacii koncepta «instrument». Sovremennye lingvisticheskie i metodik-didakticheskie issledovanija. 2012. № 1. S. 63 – 70.
7. Zinov'eva E.I., Jurkov E.E. Lingvokul'turologija: teorija i praktika. SPB.: ООО «Izdatel'skij dom «MIRS», 2009. 291 s.
8. Zinov'eva E. I., Cao Czjaci Lingvokul'turograficheskoe opisanie russkih poslovic s komponentom-nazvanijem nasekomoj (na fone kitajskogo jazyka). Uchenye zapiski NovGU. 2020. № 2 (27). S. 14 – 18.
9. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
10. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimicheskij kod kul'tury. M.: 2019. 396 s.
11. Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: CheRo, 2003. 349 s.
12. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002. 284 s.
13. Lomakina O.V., Mokienko V.M. Poznavatel'nyj potencial rusinskih paremij na fone russkogo i ukrainskogo jazykov. Rusin. 2016. № 3 (45). S. 119 – 128.
14. Paremiologija bez granic: monografija. pod red. M.A. Bredisa, O.V. Lomakinov. M.: RUDN, 2020. 244 s.
15. Savenkova L.B. Russkaja paremiologija: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. 240 s.
16. Sinjachkin V.P. O cennosti «trud» v russkom jazykovom soznanii. Vestnik JuUrGGPU. 2013. № 1. S. 282 – 289.
17. Seliverstova E.I. Veter ne tol'ko v golove: meteonim v russkoj i cheshskoj kartinah mira. Svět v obrazech a ve frazeologii. II. Praha: Univerzita Karlova; Pedagogická fakulta, 2021. S. 121 – 135.
18. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. RAN, In-t lingvisticheskijh issledovanij; Pod ped. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz., Poligrafresursy, 1999. 702 s.
19. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii: per. s angl. Obshh. red. i vstup. st. Ju.S. Stepanova. M.: Progress-Univers, 1993. 656 s.
20. Telija V.N. Russkaja frazeologija: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt. M.: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1996. 288 s.
21. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. M.: Slovo. Slovo, 2000. 624 s.
22. Ho Sjaoczjun Ornitologicheskij kod kul'tury v russkih paremijah, otrazhajushhie brachnye otnoshenija: Lingvokul'turologicheskij aspekt (na fone kitajskogo jazyka). Izvestija VGPU. 2021. № 6. S. 133 – 141.
23. Cju Sjeuein. Koncept delo v russkoj paremike: lingvokul'turologicheskij aspekt (na fone kitajskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. SPB, 2020. 172 s.
24. Shan Vjen'cin Semantika chrezmernosti v russkih poslovicah na fone paremij kitajskogo jazyka (lingvokul'turologicheskij aspekt). dis. ... kand. filol. nauk. SPB, 2022. 208 s.

25. Shavaeva M.O. Jetnokul'tura kak mnogofunkcional'naja sistema vzaimodejstvija: avtoref. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2004. 20 s.
26. Shvedova N.Ju. Russkij semanticheskij slova, Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN. Pod obshh. red. N.Ju. Shvedovoj. 2002.
27. Shvec Je.I. Stereotipnye predstavlenija vo frazeologii (na materiale francuzskogo jazyka). Prepodavatel' HHI vek. 2016. № 2-2. S. 349 – 358.
28. Juan' Liin. Russkie poslovice o vospitannosti. nevospitannosti na fone analogichnyh paremij kitajskogo jazyka (lingvokul'turologicheskij aspekt): avtoref. ... kand. filol. kand. nauk. SPb, 2016. 26 s.
29. 丁昕. 丁昕集. 当代中国俄语名家学术文库. 黑龙江大学出版社, 2017 年 350 页 (Din Sin'. Serija «Izbrannye trudy sovremennyh kitajskih rusistov»). Hjejlunzjan: Izd-vo Hjejlunczjanskogo universiteta, 2017. 350 s.
30. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989 年 1252 页. (Vjen' Duan'chzhjen, Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic. Shanhaj: Shanhajskoe slovarnoe izd-vo, 1989. 1252 s.).
31. 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1990 年 1651 页. (Lu Shusjan, Din Shjenshu. Slovar' sovremennogo kitajskogo jazyka. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 1990. 1651 s.
32. 郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008 年 779 页. (Chzhjen', Hunfjen; Czjan, Zhujljan. Poslovicy kitajskogo jazyka. Pekin: Knizhnyj dom Sjan'chzhuan', 2008. 779 s.

*Liu Yue, Postgraduate,
Seliverstova E.I., Professor,
Saint Petersburg State University*

A LOOK AT AGRICULTURAL TOOLS THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN AND CHINESE PAREMIAS (LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT)

Abstract: proverbs are not only units of a recommendatory nature, indicating a certain type of behavior that can be approved or condemned. They contain a variety of information regarding certain phenomena of reality, everyday and spiritual life of a person. Being units of popular origin, paremias largely relate to various activities of people, including agricultural labor, which uses a wide range of special tools and devices. The main attention in this article is drawn to Russian and Chinese paremias with components – the names of agricultural instruments (harrow, flail, hoe, etc.), which record stereotypical ideas of native speakers of languages and cultures regarding their usage. During the analysis of 161 Russians and 135 Chinese paremias selected from basic dictionaries, we have identified various causal patterns – for example, the relationship between work and material condition, the dependence of a good result on the presence and quality of the instrument, the presence of hoverers in the worker's family, etc. This reflects in general the attitude towards work as the main activity of a person and to specific means and methods of its implementation. The analysis of the linguocultural potential of Russian paremias against the background of Chinese makes it possible to identify in the cultural memory stored by Russian and Chinese proverbs, both general, universal phenomena and ideas, and specific, nationally marked.

Keywords: proverb, stereotypical ideas, instruments, agricultural labor, the Russian and Chinese languages

For citation: Liu Yue, Seliverstova E.I. A look at agricultural tools through the prism of Russian and Chinese paremias (linguoculturological aspect). Modern Scientist. 2023. 1. P. 119 – 125.

*Балута А.А., доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный областной университет*

БХАГАВАДГИТА КАК ДРЕВНЕЙШИЙ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПАМЯТНИК ИНДИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: в данной статье раскрывается содержание и философский смысл Бхагавадгиты – одного из самых изученных и наиболее переведенных текстов в истории мировой литературы. Это произведение представляет многочисленные учения, многие из которых кажутся противоречивыми, и использовалась как база для различных иных философских и религиозных направлений, возникших уже после ее появления. В статье освещаются основные положения Бхагавадгиты, а далее следует оценка того, как многие толкования текста отражают уникальное индуистское мировоззрение, которое допускает, а в некоторых случаях требует одновременного соблюдения нескольких правил. Этот текст написан с большой долей религиозной терпимости, и позволяет придерживаться различных практик и позиций.

Ключевые слова: Бхагавадгита, санскрит, литература Древней Индии, Арджуна, Кришна

Для цитирования: Балута А.А. Бхагавадгита как древнейший философско-культурный памятник индийского языка и литературы // Современный ученый. 2023. № 1. С. 126 – 130.

Бхагавадгита – один из самых изученных и наиболее переведенных текстов в истории мировой литературы. Появившись в постведической Индии, она оставила свой след как стандартная, почти универсальная работа индуистской традиции. Она также интересовала переводчиков и ускользала от них за пределами Индии на протяжении более двух столетий. Некоторые очарованы её вкладом в развитие лингвистики; другие заинтересованы в том, чтобы разобраться во многих философских и религиозных подтекстах этого произведения. Отчасти привлекательность Гиты заключается в ее многовалентном качестве: она явно продвигает многочисленные учения, многие из которых кажутся противоречивыми, и использовалась как база для различных других философских и религиозных направлений, возникших уже после ее появления.

Это произведение было истолковано во всевозможных интерпретационных модальностях, большинство из которых можно считать более или менее аутентичными и законными. Наша задача – осветить существующее положение дел, а далее последует оценка того, как многие толкования текста на самом деле отражают уникальное индуистское мировоззрение, которое допускает, а в некоторых случаях и требует одновременного соблюдения нескольких правил. "Бхагавадгита" повествует о великом кризисе, кризисе, который разрешился благодаря взаимодействию между Арджуной, воином-панчавой, колеблющимся перед битвой, и Кришной, его возничим и учителем [7, р. 248]. Гита включена в шестую книгу Махабхараты и документирует одно небольшое событие в гигантской эпической истории. Основной сюжет произведения связан со спором между двоюродными братьями за власть в королевстве Курук-

штра на севере центральной Индии. Пандавы во время игры в кости уступили власть своим двоюродным братьям, ста сыновьям слепого короля Дхритарасатра. По заранее достигнутому соглашению последняя группа должна была вернуть власть пяти братьям Пандава, но отказалась исполнить договор [4, р. 217]. Пандавы вынуждены были начать войну, чтобы вернуть свою законную территорию. Однако эти две пары двоюродных братьев и сестер воспитывались вместе и у них были одни и те же учителя. Перспектива войны между двумя лагерями особенно ужасна, потому что так много хороших друзей и близких родственников должны быть убиты. Таким образом, Арджуна оказывается в кризисном положении; он должен принять решение убить своих родственников и друзей или позволить убить себя. Текст начинается со слов слепого короля. Дхритарасатра просит своего министра Самджая рассказать ему, что происходит на поле Куру, поле битвы. Самджая продолжает перечислять главных воинов на поле боя, а затем обращает свое внимание на Арджуну и его колесничего Кришну. Арджуна просит Кришну поставить колесницу в центр поля и затем видит выстроившихся перед ним своих учителей, дядей, братьев, сыновей, внуков и друзей. Зрелище ошеломляет его; ясно, что все будут убиты. Думая, что если все будет уничтожено, то победа будет бесполезной, он бросает свой лук, отказываясь сражаться, его разум переполнен горем. В последующих главах Кришна ведет Арджуну в философское путешествие, ставя под сомнение привязанность Арджуны как к себе, так и к другим. Диалог развивается до тех пор, пока Арджуна не получает от Кришны видение целостности, которое освобождает его от его прежней эгоцентричности. Этот опыт побуждает Арджуну искать

новые ответы у Кришны, ответы, которые объясняют, как жить с пониманием, в котором действие становится целенаправленным и освобождающим.

Так Кришна добивается превращения Арджуны из человека, полного сомнений, в человека, полного знаний и отваги. Во второй главе он начинает с объяснения Йоги Знания, рассказывая Арджуне о прозрениях, которые можно получить [3, р. 21]. Он напоминает ему, что, хотя соприкосновение с объектами чувств производит удовольствие и боль – и то, и другое недолговечно (II:14). Он говорит о том, что находится за пределами всяких изменений: оружие не режет его; огонь не сжигает его; вода не смачивает его; ветры не высушивают его (II:23). Он говорит Арджуне, что его долг как воина – сражаться. Если он выигрывает, он получает землю, если он проигрывает, он получает небеса (II:37). Кришна призывает Арджуну подготовиться к битве, относиться к удовольствию и боли, приобретению и потере, победе и поражению как к одному и тому же. Только когда Арджуна откажется от интереса к плодам своих действий, он сможет обрести истинный покой [3, р. 21].

Однако этих мудрых слов недостаточно, чтобы побудить Арджуну к действию. Так будет происходить снова и снова на протяжении еще нескольких глав. Арджуна говорит Кришне, что этого учения недостаточно, что его разум все еще в замешательстве, что ему нужно найти лучший путь. Хотя причин, приведенных Кришной, безусловно, достаточно, чтобы Арджуна вступил в битву, они остаются пустыми теориями; Арджуна не способен действовать. Итак, Кришна упорствует. В третьей главе "Йога действия" Арджуне предлагается совершать действия, которые необходимо совершать, всегда оставаясь свободным от привязанностей (III:19). Кришна утверждает, что только благодаря действию Джанака, царь-философ, достиг совершенства, и говорит Арджуне, что он должен действовать, заботясь о сохранении мира (III:20). Он повторяет, что при совершении действия совершаются только введенный в заблуждение человек думает: "Я – исполнитель" (III:27). Но человек может стать свободным от привязанностей. Когда Арджуна спрашивает, почему человек побуждает себя творить зло, Кришна отвечает, что желание и гнев, порожденные страстью, скрывают истинное знание и разжигают чувства. Только усмирив чувства и контролируя ум, можно преодолеть желание [3, р. 23].

В рассуждении о Йоге Отречения от Действия в Знании в четвертой главе Кришна дает еще одно учение. Он объясняет, что нужно видеть действие в бездействии и бездействие в действии; только тогда можно освободиться от навязчивого желания. Это достигается отказом от плодов действия,

что приводит к постоянному удовлетворению и независимости. О таком человеке говорят, что он ничего не делает, даже если он занят действием (IV:20). Жертвоприношение упоминается как образец правильного действия; говорят, что жертвоприношение знания приводит к завершению всех действий (IV:33). В пятой главе "Йога отречения" Кришна далее разъясняет необходимость отказа от привязанностей, говоря, что мудрецы видят в корове, слоне, собаке, отверженном и даже ученом и мудром брахмане одно и то же (V:18). Он описывает мудреца, стремящегося к освобождению, как того, чьи чувства, разум и интеллект находятся под контролем, кто преодолел желание, страх и гнев; такой человек навсегда освобожден (V:28).

Средства достижения этого описаны в еще одном учении, в Йога медитации [1, с. 16]. Чтобы достичь йоги, Кришна советует "Отказаться от тех желаний, истоки которых лежат в чьем-либо намерении, от всех без исключения, и полностью обуздать множество чувств умом; мало-помалу он должен успокоиться, твердо овладев разумом. Его ум был сосредоточен на себе, он не должен ни о чем думать" (VI:24-25). Кришна уверяет Арджуну, что даже небольшое количество практики принесет пользу.

Как и прежде, ни одно из этих учений не разрешает кризис Арджуны. Следовательно, Кришна продолжает. В следующих четырех главах Кришна рассказывает Арджуне о высшем "я", достижимом через самого Кришну. В Йоге Знания и Различия Кришна проводит различие между *низшей пракрити*, которая представляет собой мир чувств и ума, и *высшей пракрити*, из которой возникает вся жизнь. Говорят, что оба они берут свое начало в Кришне, который является "семенем всех существ". Он заявляет, что даже те, кто приносит жертвы меньшим богам, на самом деле приносят жертвы Кришне, но их плоды не имеют большого значения [4, р. 244]. "К богам идут поклоняющиеся богу; поклоняющиеся Мне непременно идут ко мне" (VII:23). В "Йоге нетленного Брахмана" Кришна объясняет понятие «пуруша» как опору вещей, видение, которое должно быть достигнуто, "внутри которого находятся все существа, которым пронизана вся эта вселенная" (VIII:22). Зная это, все плоды действия отвергаются и достигается покой. В девятой главе "Йоги Царского знания и Царской тайны" Кришна говорит о пракрити, которую он излучает. Те, кто видит высшую пракрити через жертвоприношение и преданность, делают свои подношения Кришне: он свидетель, последнее прибежище; происхождение, разрушение и основание; бессмертие; существование и небытие; наслаждающийся всеми жертвоприношениями. В главе 10 "Йога проявления" Кришна

объясняет природу своего сострадания: появляясь в образах стольких богов, мудрецов, деревьев, лошадей, оружия, демонов, мантр, воинов, рек, побед, ведических гимнов и многого другого, он доказал, что является воплощением всего, достойного поклонения, всего того, что вдохновляет на восхождение к истинному "я". В конце он заявляет: "Я постоянно поддерживаю всю эту вселенную одной частицей Себя" (X:42).

Наконец, после стольких приготовлений и стольких бесед Арджуна просит Кришну в главе 11 явить форму, которая описывается как Господь и Высшее Я. Он просит прямого опыта, демонстрации (даршана): "Если Ты считаешь возможным для меня увидеть это, о Господь, Князь Йоги, тогда дай мне увидеть Тебя Самого, способного на Нетление" (XI:4). В ответ Кришна открывает Арджуне видение, о котором он просил. "Если бы на небе одновременно взошла тысяча солнц, такое великолепие было бы великолепием этого Великого Существа" (XI:12). Видение не имеет ни начала, ни конца; все миры пронизаны им. Боги стоят в изумлении, воспевая хвалу. В Множество ртов Кришны, усеянных ужасными клыками, "пылающими, как огни вселенского разрушения", брошены всеми игроками на поле битвы: сыновьями Дхритараштры. Открыв, что принесет время, Кришна велит Арджуне встать и победить своих врагов. "Мною они уже повержены; будь простым орудием" (XI:33). Ошеломленный силами Кришны Арджуна восхваляет его как первого из богов, *изначального пурушу*, знающего и того, что должно быть познано. Выразив почтение, он спрашивает, как Кришна возвращается в свою человеческую форму, и диалог снова возобновляется [3, р. 25].

Теперь Арджуна непосредственно испытал то, что так щедро восхвалял и описывал Кришна. Истинное "я" больше не является теоретической абстракцией, оно явлено в воплощенной форме. С 12 главы по 18 Арджуна больше не умоляет Кришну о получении определенных ответов, что он должен или не должен делать. Вместо того, чтобы сосредоточиться на своих собственных эгоистичных заботах, Арджуна просит дальнейших объяснений о природе преданности, благодаря которой ему было дано это видение. Он просит Кришну подробнее рассказать о разнице между пурушей, знающим поле, и пракрити, полем перемен. Он узнает, как йоги видят высшее "я" глазами мудрости. Кришна разъясняет различие между освобождающими и обязательными условиями, а затем, в заключительной главе, объясняет Йогу Свободы через Отречение. Содержание текста отражает проблемы, которые Кришна последовательно поднимал со второй главы: жертвоприношение пло-

дов действия, культивирование невозмутимости, важность невмешательства.

Ключевой стих последней главы, указывающий на то, что задача Кришны как учителя выполнена, звучит следующим образом: "Так Я разъяснил тебе знание, которое более сокровенно, чем тайна. Поразмыслив над этим полностью, поступай так, как ты желаешь" (XVIII:63). До этого момента, даже получив видение тотальности, Арджуна считал Кришну своим учителем и полностью полагался на него в вопросах руководства и наставлений. Повеление Кришны "Делай, как ты хочешь!" сигнализирует о том, что знание Арджуны теперь полностью воплощено, что он достиг момента, когда он может с полной совестью действовать без колебаний. Его решения становятся его собственными. Заключительное заявление Арджуны, примечательное своей первой решимостью в отличие от его отсутствия самообладания в первой главе, звучит так: "Заблуждение утрачено, а мудрость обретена мной, Неизменный, по Твоей милости. Я стою с рассеянными сомнениями. Я исполню Твое повеление" (XVIII:73). Арджуна, в конце Гиты, свободен действовать.

В этом кратком обзоре Бхагавадгиты представлено многообразие учений. Арджуна рассказал о своих страданиях в главе 1 и в течение следующих девяти глав получал правдоподобные советы от Кришны. Если рассматривать каждую главу отдельно, может показаться, что любой из девяти йог, предписанных Кришной в этих главах, будет достаточно для Арджуны, чтобы решить его проблемы. Однако все эти йоги, как и все остальное, в конечном счете сводятся на нет видением Истинного "Я", представленным в главе 11. В заключительных главах эти учения, а фактически и сам мир, воскресают в служении просвещенному способу отстраненного действия [3, р. 26].

Развитие Гиты можно резюмировать в четырех частях: кризис Арджуны в главе 1, его наставления от Кришны в главах со 2 по 10, откровение в главе 11, а затем продолжение наставлений в главах с 12 по 18. Можно было бы предположить, что опыт просветления, описанный в главе 11, станет для Арджуны эсхатологическим событием, что его видение Кришны как Господа полностью изменит его отношения с миром, тем самым положив конец любой необходимости в дальнейшем обучении. Но это просто не тот случай: за этим видением следует дальнейшее подтверждение того, чему учил Кришна, последовательность глав, которые постепенно раскрывают процесс «реабилитации» человека, увидевшего пустоту за пределами своих собственных старых структур смысла и еще не знающего, как действовать в интерпретации нового. Более того, если мы посмотрим на расширенную

историю Арджуны, как она разворачивается в великом эпосе, на самостоятельность, которой Арджуна достигает в главе 18, можно увидеть, что все это не помогает ему, когда он пытается попасть на небеса; уроки Гиты должны повторяться снова и снова, поскольку возникают новые обстоятельства, новые миры.

В этом заключается один из особых смыслов Бхагавадгиты: религиозное видение, как и сама индуистская концепция жизни, представляет собой вечно повторяющийся опыт [7, р. 154]. Наставление, полученное Арджуной до его просветляющего видения, остается важным и после этого опыта, а также считается полезным для всех, кто прислушивается к нему. Это проиллюстрировано в последнем стихе текста, в котором Самджая поэтически провозглашает: “Везде, где есть Кришна, Владыка Йоги, где бы ни был Сын Притхи, лучник (Арджуна), там, несомненно, будет великолепие, победа, богатство и праведность; это моя мысль” (XVIII:78).

Теологический подход, представленный в Гите, отличается от общепринятых представлений о мокшане как требующем отречения от мира и самадхи как трансового уничтожения всех вещей и мыслей. В "Гите" представлен взгляд на религиозную практику, расходящийся с классической традицией, изложенной в "Дхармасастре", взгляд, который некоторые ученые приписывают более открытой концепции освобождения, характерной для более поздних разделов "Махабхараты". Это уже не один путь, путь, ведущий от ученичества к ведению домашнего хозяйства, к отречению и блаженству, который позволяет человеку вести полноценную религиозную жизнь. В модели, представленной в Бхагавадгите, каждый аспект

жизни на самом деле является путем к спасению. Кришна рассказывает Арджуне о бесчисленных способах достижения душевного покоя, разрешения его дилеммы, и ясно, что ответы даны не только для Арджуны, но и являются парадигмой для людей практически любого уровня жизни. Гита становится текстом, подходящим для всех людей всех каст или без каст; ее послание выходит за рамки классического индуизма.

Интересно отметить, что точно так же, как Кришна представил Арджуне множество точек зрения, так и многие ученые, как традиционные, так и современные, придерживались разных точек зрения на Бхагавадгиту. Роберт Н. Минор, чья собственная позиция заключается в том, что “Гита провозглашает в качестве своего высшего послания господство Кришны, и наивысшим откликом человека на это господство является преданность, бхакти”, отмечает несколько различных вариантов использования текста [6, р. 28]. Для Самкары (788-820 гг. н.э.) послание – это “конец света и сопутствующая ему деятельность”. Мадхусудана и Венкатанатха, не отвергая точку зрения Самкары, делают больший акцент на преданности, как и Джнанешвара.

Бхагавадгита предлагает множество возможных путей. Множество перспектив представлено читателю непредвзято; многие позиции, предложенные Кришной, не обязательно конкурируют друг с другом, а скорее дополняют друг друга. Если человеку нужно действовать, он использует Кармайогу; если ему нужно медитировать, он использует Дхьяна-йогу. Этот текст написан с большой долей религиозной терпимости, и позволяет придерживаться различных практик и позиций.

Литература

1. Бхагавадгита. Санскритский текст. Перевод Б.Л. Смирнова. М.: Сиринь, 2000. 352 с.
2. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь/Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. 3-е изд. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. 944 с.
3. The Bhagavad Gita or The Song Divine (With Sanskrit Text and English translation). Introduction by Jayadayal Goyandka. Gorakhpur, India: Gita Press. First twenty editions, 1943-1971. Twenty-first edition, 1975. 799 p.
4. Bhaktivedanta Swami Prabhupada, A. C. Bhagavad Gita As It Is, Complete Edition with original Sanskrit text, Roman transliteration, English equivalents, translation and elaborate purports. New York: Collier Books, 1972. 416 p.
5. Kale M.R. A Higer Sanskrit Grammar. Deli, M/S Gopal Narain & Co, 1961. 710 p.
6. Minor, Robert N. Bhagavad Gita: An Exegetical Commentary. New Delhi: Heritage Publisher, 1982. 381 p.
7. Thompson, George. The Bhagavad Gita: A New Translation. New York: North Point Press, 2008. 562 p.

References

1. Bhagavadgita. Sanskritskij tekst. Pervod B.L. Smirnova. M.: Sirin#, 2000. 352 s.
2. Kochergina V.A. Sanskritsko-russkij slovar'/Pod red. V.I. Kal'janova. S prilozheniem «Gram-maticeskogo ocherka sanskrita» A.A. Zaliznjaka. 3-e izd. M.: Akademicheskij Proekt: Al'ma Mater, 2005. 944 s.
3. The Bhagavad Gita or The Song Divine (With Sanskrit Text and English translation). Introduction by Jayadayal Goyandka. Gorakhpur, India: Gita Press. First twenty editions, 1943-1971. Twenty-first edition, 1975. 799 p.

4. Bhaktivedanta Swami Prabhupada, A. C. Bhagavad Gita As It Is, Complete Edition with original Sanskrit text, Roman transliteration, English equivalents, translation and elaborate purports. New York: Collier Books, 1972. 416 p.
5. Kale M.R. A Higer Sanskrit Grammar. Deli, M/S Gopal Narain & Co, 1961. 710 p.
6. Minor, Robert N. Bhagavad Gita: An Exegetical Commentary. New Delhi: Heritage Publisher, 1982. 381 p.
7. Thompson, George. The Bhagavad Gita: A New Translation. New York: North Point Press, 2008. 562 p.

*Baluta A.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Moscow Region State University*

BHAGAVAD GITA AS THE OLDEST PHILOSOPHICAL AND CULTURAL MONUMENT OF THE INDIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Abstract: this article reveals the content and philosophical meaning of the Bhagavad Gita - one of the most studied and most translated texts in the history of world literature. This work presents numerous teachings, many of which seem contradictory, and was used as a basis for various other philosophical and religious trends that arose after its appearance. The article highlights the main provisions of the Bhagavad Gita, and then follows an assessment of how many interpretations of the text reflect a unique Hindu worldview that allows, and in some cases requires the simultaneous observance of several rules. This text is written with a high degree of religious tolerance, and allows you to adhere to various practices and positions.

Keywords: Bhagavad Gita, Sanskrit, literature of Ancient India, Arjuna, Krishna

For citation: Baluta A.A. Bhagavad Gita as the oldest philosophical and cultural monument of the Indian language and literature. Modern Scientist. 2023. 1. P. 126 – 130.

*Варданян Л.В., кандидат филологических наук,
Аграшева О.Е.,*

Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ВЫРАЖЕНИЯ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА SAFETY В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Публикация подготовлена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УлГПУ им. И.Н. Ульянова и МГПУ им. М.Е. Евсевьева) по теме «Особенности вербализации концепта Безопасность в английском языке средствами разных уровней (лексического, синтаксического, текстового)»

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема вербализации культурно-значимых концептов. Целью работы выступает исследование перехода с лексического на синтаксический уровень анализа языковых средств вербализации концепта Safety, позволяющее проследить последовательное движение от лексемы к анализу ее реализации в словосочетании и далее в предложении. Данная цель была достигнута путем решения следующих задач: обобщить и систематизировать значения лексических единиц, раскрывающих содержание концепта Safety; охарактеризовать особенности его вербализации на синтаксическом уровне в словосочетаниях и предложениях; привести доказательства изменения смысловых оттенков значений лексем, произошедшего под влиянием контекста на исследуемом уровне. Гипотеза исследования: при переходе от рассмотрения отдельных лексем, в значениях которых раскрывается содержательное наполнение концепта, к предложению, передающему с их помощью смысл, заложенный при их практической имплементации в определенный контекст, может происходить достаточно выраженное изменение (конкретизация, противопоставление) оттенков смысла, заложенного в исходных значениях. Для достижения результата применялись такие методы, как сплошная выборка, интерпретация, описание, семантический и контекстуальный анализ. Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов при исследовании синтаксического уровня выражения языковых средств вербализации различных концептов, а также в процессе преподавания в вузе языковых дисциплин предметного модуля.

Ключевые слова: концепт, концепт Safety, вербализация концепта, содержательное наполнение концепта, лексема, синтаксический уровень, безопасность

Для цитирования: Варданян Л.В., Аграшева О.Е. Исследование синтаксического уровня выражения средств вербализации концепта Safety в английском языке // Современный ученый. 2023. № 1. С. 131 – 135.

Введение

В современных исследованиях, выполненных в русле лингвоконцептологии, наблюдается тенденция обращения к значимым в общечеловеческом плане концептам, в содержании которых раскрывается как совокупность разрозненных представлений об определенном фрагменте действительности, так и их ценностно-смысловое восприятие. Нестабильность современного мира в основном порождена проблемами в различных областях (от глобальных, затрагивающих экономику, политику, финансы, мировой кризис, до личностных, включающих потерю работы, болезнь, стресс и др.). Возникающая при этом неопределенность порождает опасение за будущее, неуверенность в завтрашнем дне, невозможность спрогнозировать возникновение проблем и подготовиться к их решению. В этих условиях безопасность не просто становится потребностью, испытываемой людьми, но переходит для них в категорию ценности.

Концепт Safety прочно закрепился в англий-

ской языковой картине мира благодаря разноплановой и вневременной актуальности своего содержательного наполнения. Для его вербализации используются лексические единицы, в значениях которых актуализируется комплексное понимание безопасности в совокупности ее отдельных элементов, включающих как источники угрозы ее нарушения, меры по ее обеспечению, так и результаты осмысления их эффективности [1].

В некоторых исследованиях в качестве материала для анализа рассматриваются синтаксические единицы (при выявлении содержания и структуры определенной концептосферы [3], изучении средств вербализации эмоциональности в художественном тексте [2] и др.). В данной работе, обращаясь к синтаксическому уровню выражения средств вербализации концепта Safety, проанализируем лексические единицы, в значениях которых раскрывается его содержательное наполнение, не изолированно, а во взаимодействии с другими единицами на уровне предложения, что позволит

выявить оттенки смысла, проявляющиеся под влиянием контекста их употребления.

Материалы и методы

Источником для анализа выступили словосочетания и предложения, содержащие лексические единицы, вербализующие концепт Safety в английском языке. Поиск примеров проводился в текстах открытых для свободного доступа статей, опубликованных в британском издании Independent [5]. В исследовании применялись следующие методы: сплошная выборка (при подборе материала для анализа), интерпретация и описание (непосредственно при проведении анализа примеров), семантический и контекстуальный анализ (при выявлении изменения смысла значений лексических единиц, использованных при вербализации концепта Safety в зависимости от контекста, выраженного на уровне предложения).

Синтаксический уровень выражения средств вербализации концепта Safety

Проблема характеристики концепта и трансформации его содержания как отражения изменений, происходящих в социуме, остается актуальной в лингвистике [4]. Рассмотрение вербализации культурно-значимых концептов средствами определенного языка способствует приближению к пониманию уклада жизни, специфики национального характера, предпосылок формирования системы ценностей, особенностей поведения, закономерностей развития общества, уникальности восприятия и осмысления явлений окружающей действительности носителями данного языка.

В английском языке содержательное наполнение концепта Safety раскрывается в значениях лексических единиц *safety* (безопасность, сохранность, надежность) и *security* (безопасность, защита, охрана). Анализ словарных источников [6, 7] позволил обобщить и систематизировать приведенные в них значения и вывести следующий перечень:

– *safety from attack, harm, or damage* (безопасность от нападения, вреда или повреждения);

– *a place or situation in which you are safe or protected from danger or harm* (место или ситуация, в которых вы находитесь в безопасности или защищены от опасности или вреда);

– *the activities involved in protecting a country, building or person against attack, danger, etc.* (деятельность, связанная с защитой страны, здания или человека от нападения, опасности и т.д.);

– *the state of being safe and protected from danger or harm* (состояние безопасности и защищенности от опасности или вреда);

– *a feeling of confidence and safety, or a situation in which you can feel confident and safe* (чувство

уверенности и безопасности или ситуация, в которой вы можете чувствовать себя уверенно и безопасно);

– *a safe way of behaving or using something* (безопасный способ поведения или использования чего-либо).

Приведенные значения наглядно демонстрируют, что понимание безопасности в английском языке многогранно и вбирает в себя такие составляющие, как: место, ситуацию, состояние, чувство, способ поведения, а также меры, принимаемые для обеспечения безопасности. Наряду с этим, в некоторых значениях присутствует компонент опасности (нападение/вред/повреждение), а также защиты от нее. Это позволяет утверждать, что содержание концепта Safety может раскрываться в английском языке лексическими единицами, выражающими представления об опасности и защите, значения которых соотносятся со значениями слов *safety* и *security*.

Рассмотрим особенности репрезентации концепта Safety на синтаксическом уровне, проследив реализацию вербализующих его лексем в словосочетаниях и предложениях на ряде примеров.

The Government has announced it is making amendments to the proposed internet safety laws in order to boost child online safety (Правительство объявило, что вносит поправки в предлагаемые законы о безопасности в Интернете, чтобы повысить онлайн безопасность ребенка).

В данном примере в содержании концепта Safety раскрывается отражение современных реалий, связанных с распространением технического прогресса и доступностью гаджетов. Для вербализации концепта используется лексема *safety*: 1) в выражении *safety laws* (законы о безопасности), которое при сочетании со словом *internet* (Интернет) приводит к конкретизации значения лексемы до определенной области распространения законов; 2) в выражении *online safety* (онлайн безопасность), которое: а) при сочетании со словом *child* (ребенок) конкретизирует объект безопасности; б) при употреблении глагола *to boost* (повышать) указывает на недостаточность текущего уровня безопасности. Таким образом, рассмотрение реализации лексемы *safety* на уровне предложения позволяет выявить конкретизацию области применения безопасности, объект ее действия, а также ее уровень (который в рассмотренном контексте оказался недостаточным).

Рассмотрим следующий пример: *British Government departments have been ordered to stop installing surveillance cameras made by Chinese firms on "sensitive sites" due to security concerns* (Британским правительственным ведомствам было приказано прекратить установку китайских ка-

мер наблюдения на «конфиденциальных объектах» по соображениям безопасности).

В данном примере для вербализации концепта Safety используется словосочетание *security concerns* (соображения безопасности). Однако содержательное наполнение концепта выражается также словосочетанием *to stop installing cameras* (прекратить установку камер). Обычно подобные устройства устанавливаются как раз в целях безопасности, но поскольку речь идет о конфиденциальных объектах, значение слова *surveillance* с «наблюдения» может измениться на «слежку» и для британской стороны подобное оборудование может представлять угрозу их безопасности. При этом китайская сторона работает в своих национальных интересах и собирает важную для себя информацию в соответствии с законодательством.

Анализ наглядно показал, что при переходе с лексического к синтаксическому уровню анализа лексических единиц, вербализующих концепт Safety, происходит трансформация смысла, передаваемого с помощью их значений, в сторону выражения угрозы или обозначения источника опасности.

Аналогичный семантический сдвиг наблюдается в следующем примере: *In the Caribbean and southeast Asia, it (the Prosperity Fund) is helping to implement pre-disaster insurance to lessen the impact on lives – and livelihoods – when disaster strikes* (В Карибском бассейне и Юго-Восточной Азии он (Фонд благосостояния) помогает **внедрить страхование на случай стихийных бедствий**, чтобы уменьшить их негативное воздействие на человеческие жизни **при наступлении страхового случая**).

В данном примере при рассмотрении средств вербализации концепта Safety на синтаксическом уровне мы видим, что лексема *insurance* (страхование) используется в рамках словосочетания *to implement pre-disaster insurance* (внедрить страхование на случай стихийных бедствий). Причина необходимости в практической реализации этой инициативы Фонда имеет непосредственное отношение к наличию источника опасности. Подтверждение этому мы находим как в словосочетании *when disaster strikes* (когда случается катастрофа / наступает страховой случай), так и в смысловом оттенке опасности, заложенном в самом значении лексемы *insurance*. Таким образом, реализация конкретного способа обеспечения безопасности получает свое фактическое воплощение только в случае наступления опасной ситуации.

Разберем подробнее еще один пример: *Ministers have also changed the law in recent weeks to give new protections to companies such as Pfizer, giving them immunity from being sued by patients in the*

event of any complications (В последние недели министры также **изменили закон**, чтобы **обеспечить новую защиту** таким компаниям, как Pfizer, **предоставив им иммунитет от исков пациентов в случае каких-либо осложнений**).

В приведенном примере лексема *protection* (защита), вербализующая концепт Safety, представлена в словосочетании *to give new protections* (обеспечить новую защиту). Объектом, на который распространяется защита, выступает ряд компаний, включая Pfizer, которые, в случае ее обеспечения, окажутся в безопасности. Использование лексемы *immunity* (иммунитет) в словосочетании *immunity from being sued by patients* (иммунитет от исков пациентов) раскрывает наличие источника опасности для компаний. Обратим внимание на словосочетание *changed the law* (изменили закон), объективное значение которого напрямую не связано с безопасностью, однако в контексте сложившейся ситуации является гарантом ее обеспечения на законодательном уровне.

Если же рассмотреть понимание безопасности не с позиции компании, а с позиции пациента, то концепт должен раскрываться посредством таких лексем, как *health* (здоровье) и *welfare* (благополучие). Однако, исходя из предлагаемого контекста, мы видим нечто противоположное. Так, присутствие лексемы *complications* (осложнения), используемой в словосочетании *in the event of any complications* (в случае каких-либо осложнений), указывает на возможность ухудшения здоровья при наличии источника опасности. Более того, само словосочетание *immunity from being sued by patients* предстает в новом свете, обозначая ограничение возможности пациентов совершать действия по обеспечению собственной безопасности и приобретение свойств фактора риска возникновения неблагоприятия. Следовательно, гарантия безопасности для компании одновременно представляет собой фактор риска нарушения безопасности для пациентов.

Таким образом, при движении от лексемы к анализу ее реализации в словосочетании и далее в предложении возникает возможность выявления изменения смысловых оттенков ее значения, произошедшего под влиянием контекста. Проведенный в работе анализ позволил установить, что при переходе с лексического на синтаксический уровень восприятия и понимания текста за счет общей контекстуальной картины происходит конкретизация, а иногда порождается трансформация смысла, передаваемого с помощью значений лексических единиц, вербализующих концепт Safety.

В ходе анализа обнаружено, что на синтаксическом уровне при употреблении лексических единиц, вербализующих концепт Safety, возникает

относительность, неопределенность или даже искажение смысла, передаваемого с помощью их значений, которые становятся действительными лишь при определенных условиях.

Получены доказательства, подтверждающие, что на синтаксическом уровне выражения представлений о безопасности средствами английского языка возникают метаморфозы контекста, которые приводят к тому, что значения лексических единиц, вербализующих концепт Safety, приобретают другой смысл (вплоть до противоположного по сравнению с безопасностью, обозначающего в со-

ответствующем контексте угрозу, источник опасности, фактор риска и т.д.).

Исследование синтаксического уровня выражения средств вербализации концепта Safety в британской прессе способствует выявлению понимания безопасности, сложившегося в британском обществе, и отношения к ней, формируемого посредством медиа-контента. Это, в свою очередь, расширяет современное знание о восприятии, осмыслении, интерпретации безопасности носителями английского языка.

Литература

1. Варданян Л.В. Исследование межконцептуальных связей в диаде безопасность – опасность в англоязычных медиатекстах // Глобальный научный потенциал. 2021. № 12 (129). С. 252 – 255.
2. Водясова Л.П. Инфинитивные предложения как средство вербализации эмоциональности в художественном тексте // Гуманитарные науки и образование. 2020. Том 11. № 4 (44). С. 131 – 135.
3. Каштанова И.И., Никишина О.А. Особенности реализации концептосферы “environmental protection” в англоязычном публицистическом дискурсе // Гуманитарные науки и образование. 2019. Том 10. № 1 (37). С. 149 – 154.
4. Урусова Н.В. О структуре концепта «Амбициозный» в русском и английском языках // Современный ученый. 2022. № 6. С. 137 – 141.
5. Independent [Electronic resource]. Available: <https://www.independent.co.uk/>
6. Macmillan English Dictionary online [Electronic resource]. Available: <http://www.macmillandictionary.com>
7. Oxford learner’s dictionaries [Electronic resource]. Available: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

References

1. Vardanján L.V. Issledovanie mezhkonceptual'nyh svjazej v diade bezopasnost' – opasnost' v anglojazychnyh mediatekstah. Global'nyj nauchnyj potencial. 2021. № 12 (129). S. 252 – 255.
2. Vodjasova L.P. Infinitivnye predlozhenija kak sredstvo verbalizacii jemocional'nosti v hudozhestvennom tekste. Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2020. Tom 11. № 4 (44). S. 131 – 135.
3. Kashtanova I.I., Nikishina O.A. Osobennosti realizacii konceptosfery “environmental protection” v anglojazychnom publicisticheskom diskurse. Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2019. Tom 10. № 1 (37). S. 149 – 154.
4. Urusova N.V. O strukture koncepta «Ambicioznyj» v russkom i anglijskom jazykah. Sovremennyj uchenyj. 2022. № 6. S. 137 – 141.
5. Independent [Electronic resource]. Available: <https://www.independent.co.uk/>
6. Macmillan English Dictionary online [Electronic resource]. Available: <http://www.macmillandictionary.com>
7. Oxford learner’s dictionaries [Electronic resource]. Available: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

*Vardanyan L.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Agrasheva O.E.,
Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseveyev*

**STUDY OF THE SYNTACTIC LEVEL OF EXPRESSING THE MEANS
OF VERBALIZING THE SAFETY CONCEPT IN THE ENGLISH LANGUAGE**

Abstract: the article deals with the actual problem of verbalizing the culturally significant concepts. The aim of the work is to study the transition from the lexical to the syntactic level of analysis of the linguistic means of the Safety concept verbalization, which allows us to trace the sequential movement from the lexeme to the analysis of its implementation in the phrase and further in the sentence. This aim was achieved by solving the following tasks: to generalize and systematize the meanings of lexical units that reveal the content of the Safety concept; to characterize the features of its verbalization at the syntactic level in phrases and sentences; to provide evidence of change in the semantic shades of the meanings of lexemes that occurred under the influence of the context at the level under study. Research hypothesis: when moving from the consideration of individual lexemes, in the meanings of which the content of the concept is revealed, to a sentence that conveys with their help the sense laid down during their practical implementation into a certain context, a sufficiently pronounced change (concretization, opposition) of the shades of the sense laid down in the original meanings can occur. To achieve the result, such methods as continuous sampling, interpretation, description, semantic and contextual analysis were used. The practical significance of the work lies in the possibility of applying its results in the study of the syntactic level of expression of linguistic means of verbalizing various concepts, as well as in the process of teaching language disciplines of the subject module at the university.

Keywords: concept, safety concept, concept verbalization, content of the concept, lexeme, syntactic level, safety

For citation: Vardanyan L.V., Agrasheva O.E. Study of the syntactic level of expressing the means of verbalizing the safety concept in the English language. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 131 – 135.

*Вороничев О.Е., доктор филологических наук, доцент,
Моспанова Н.Ю., кандидат филологических наук, доцент,
Крамарева И.Е., старший преподаватель,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского*

О КЛЮЧЕВЫХ СЛОВАХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: статья написана в русле лингвистического анализа художественного текста – метода исследования, который Н.М. Шанский, разработавший это направление в русистике, называл первой ступенькой к филологическому анализу. В статье используется метод лингвистического комментирования, анализируется роль ключевых слов в литературно-художественных произведениях жанровых форм крупного, среднего и малого объёма. Как показывают наблюдения, ключевые слова могут выступать в качестве лексических доминант в произведениях различного формата, но наибольшую значимость обретают в малых жанровых формах. Ключевые слова нередко имеют статус лексического концепта или контекстуальную значимость, степень которой может достигать концептуального уровня. Они способны не только выполнять свою основную когнитивную функцию – служить ключом к раскрытию авторского замысла, но и кардинально преобразовать экспрессивно-семантическую окраску окружающих ЛЕ и всего текста.

Ключевые слова: ключевое слово, текст, художественный, лингвистический анализ, лексема, лексическое значение

Для цитирования: Вороничев О.Е., Моспанова Н.Ю., Крамарева И.Е. О ключевых словах в художественном тексте // Современный ученый. 2023. № 1. С. 136 – 143.

Лингвистический анализ художественного текста, по определению основоположника этого направления в русистике – Н.М. Шанского, «...включает в первую очередь определение лингвистической сущности:

1) устаревших слов и оборотов, т.е. лексических и фразеологических архаизмов и историзмов (особенно внимательно должны быть проанализированы среди этих явлений архаизмы семантические);

2) непонятных фактов поэтической символики;

3) устаревших и окказиональных перифраз;

4) незнакомых современному носителю русского литературного языка диалектизм, профессионализм, арготизмов и терминов;

5) индивидуально-авторских новообразований в сфере семантики, словообразования и сочетаемости;

6) ключевых слов разбираемого текста как художественного целого с тем или иным конкретным содержанием;

7) устаревших или ненормативных фактов в области фонетики, морфологии и синтаксиса» [17, с. 9-10].

В данной статье, как явствует из её названия, в фокусе внимания 6-й из выделенных Н.М. Шанским 7 пунктов содержательной стороны лингвистического анализа художественного текста – **ключевые слова**, их способность служить ключом к раскрытию авторского замысла, кардинально преобразовать семантику и

экспрессивную окраску окружающих ЛЕ и всего текста.

Представленные в статье наблюдения, безусловно, не претендуют на полную объективность. Ещё Л.В. Щерба в «Опытах лингвистического толкования стихотворений» подчеркивал, что все такого рода «семантические наблюдения могут быть только субъективными» [19, с. 28]. Объективным остаётся лишь подвергаемый анализу художественный текст и используемые в нём языковые средства.

Статья посвящена одному из актуальных аспектов *лингвистического анализа художественного текста*. Этот метод исследования, который Н.М. Шанский называл первой ступенькой к филологическому анализу, нацелен «на изучение языковых средств разных уровней в системе художественного текста с функционально-эстетической точки зрения, с точки зрения их соответствия замыслу и индивидуальной манере письма автора. Данный метод предполагает рассмотрение текста как искусной организации языковых средств, отражающих определенное идейно-тематическое и образное содержание, вызывающее у читателей эстетический эффект» [11, с. 40].

Это научное направление, предпосылки появления которого есть в трудах Л.В. Щербы [1957], В.В. Виноградова [1976], Г.О. Винокура [1991], Б.А. Ларина [1973], Н.Ю. Шведовой [1953] и др., нашло отражение в первую очередь в работах самого Н.М. Шанского [1953, 1954, 1984,

2001, 2002 и др.] как его основоположника, а также в исследованиях В.А. Лукина [1999], Н.А. Николиной [2003], Б.Г. Бобылева [2003], Л.Г. Бабенко [2004], Н.С. Болотновой [2007] и др. Вместе с тем в статье есть экскурсы в лингвостилистику и лингвокультурологию, т.е. она включает также элементы собственно филологического анализа художественного текста.

В работах Н.М. Шанского даны образцы глубокого, вдумчивого, внимательного к каждой детали, рассматриваемой «под лингвистическим микроскопом», **лингвистического комментирования** – основного приема исследования, который используется и в данной статье.

Роль ключевых слов в художественной речи очень метко и поэтично охарактеризовал А. Блок: «Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение» [2, с. 147].

Определение ключевых слов в художественном тексте во многом зависит не только от таких субъективных факторов, как замысел или идиостиль автора, но и от жанра и объема произведения как факторов объективных. Например, в малоформатных жанрах анекдота или афоризма определение ключевых слов вряд ли вызовет серьёзные затруднения. Ср.: *Штирлиц сунул вилку в розетку, но ему вежливо объяснили, что из розетки принято есть ложечкой* или *Закон сохранения материи вызывает сомнения при общении с закройщиками* (Э. Кроткий). Очевидно, что в первом из названных малоформатных жанров ключевыми являются слова *вилка* и *розетка*, во втором – *материя*. И в каждом из этих каламбурных текстов экспрессивный эффект основан на неожиданном столкновении разных ЛСВ (значений) данных многозначных слов по типу «комический шок» (согласно семантической классификации каламбуров В.З. Санникова).

Совсем иное дело – поиск ключевых слов, например, в романе «Война и мир» Толстого или «Мастер и Маргарита» Булгакова. Такие слова, бесспорно, есть и в этих произведениях (например, стоит обратить внимание на само название романа Толстого: в 1-й редакции слово *мир* было написано через *i* – и «десятеричное» (хотя есть версия, что это была просто опечатка, ошибка корректора). Так тогда по правилам орфографии писалось слово *мир* в омонимическом значении «совокупность всех форм материи» (= вселенная) и других вторичных значениях этой лексемы, среди которых и ЛСВ «светская жизнь» или, как тогда выражались, «свет» (действительно, батальные сцены в романе перемежаются со сценами светской жизни), т.е. название в такой

орфографии было основано на псевдоантонимии. В последующих редакциях Толстой оставил *мир* в современной орфографии, поскольку прямое столкновение антонимов *мир/война* также соответствовало его замыслу, тем более что омофоны *мир/мир* (с И восьмеричным и И десятеричным) независимо от написания на слух воспринимались совершенно одинаково. Однако постижение всего сложного многовекторного замысла романа-эпопеи со множеством персонажей и сюжетных линий только через ключевое слово заглавия, конечно, невозможно. В каждой главе, эпизоде и даже абзаце романа надо искать свои ключевые слова. Точно так же невозможно постижение всей глубины замысла романа Булгакова «Мастер и Маргарита», имеющего, как известно, 3 основных сюжетных линии – сатирическую, любовную и религиозно-философскую, например, только с учетом имплицитного взаимодействия параномазов *мессия* (Иешуа) и *мессир* (Воланд), поскольку этот параноматический эффект в какой-то мере проливает свет на часть авторского замысла, но, чтобы его осознать в деталях и во всей полноте, нужно искать другие «звёздочки» (ключевые слова), инкрустированные в это художественное полотно.

В жанре повести и тем более рассказа роль, яркость слов, которые можно считать ключевыми, существенно возрастает – пропорционально уменьшению объёма текста, хотя ещё и не так явно заметна, как в малоформатных жанрах. Кроме того, в подлинно художественном тексте нет ни одного неинформативного слова, и даже собственные имена, которые, по определению, в отличие от нарицательных ничего не обозначают, а лишь называют предмет, в художественной речи могут быть ключевыми и, следовательно, иметь несравнимо большую значимость, чем нарицательные. Здесь можно вспомнить и «говорящие» фамилии, однако они обычно бывают информативными, но не ключевыми. Ключевые призваны быть маркерами авторского замысла, служить ключом к постижению главных и сопутствующих идей. Можно по-разному относиться к книге А.Б. Пеньковского «Нина: культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» [12], где с опорой на произведения русских классиков – «Бал» Баратынского, «Маскарад» Лермонтова, «Евгений Онегин» Пушкина и др. – проводится мысль о том, что имя «Нина» в первой половине XIX в. было не только собственным, но и нарицательным, так как им в художественном тексте было принято обозначать некую роковую женщину, которая обрекает мужчин на сердечные

муки, но при этом и сама обречена на страдания. Можно соглашаться с Пеньковским или полемизировать с ним – например, была ли у Евгения Онегина в «затекстовом» прошлом, до встречи с Татьяной, именно такая «нина», но исследователь всецело прав в том, что при анализе классического художественного произведения нельзя оставлять без внимания собственные имена персонажей.

Так, замысел повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет», которую, безусловно, надо воспринимать и оценивать в контексте православных традиций и духовной культуры, раскрывается, на наш взгляд, с наибольшей полнотой, если обратить пристальное внимание на имя главной героини – **Вера**. Тогда становится прозрачной идея Куприна построить текст, по сути, на имплицитном противопоставлении собственного имени *Вера* нарицательному *вера*. Желтков, вызывающий наше искреннее восхищение и сопереживание своей платонической и безответной любовью, ставшей смыслом его земного существования, уходит из жизни, не видя для себя другого исхода, ради сохранения покоя и доброго имени любимой женщины – княгини **Веры** Шеиной. Весь трагизм героя (и в то же время величие замысла автора), возможно, в том, что в душе Желткова происходит своего рода подмена понятий, поскольку на место Бога он ставит любимую женщину, обожествляет её, т.е. заменяет женщиной **Верой** истинную **веру** и тем самым фактически дважды нарушает православные каноны: совершает грех самоубийства и, вопреки заповеди «Не сотвори себе кумира (и всякого изображения того, что на небе вверху, и на земле внизу, и в воде ниже земли; не поклоняйся и не служи им)» обращает слова молитвы *Да святится имя твое!* не к Всевышнему, а к ней, земной смертной женщине. Высокой ценой, расплатой за эту ошибку становится его жизнь и добровольный отказ от бессмертия души, отягощенной грехом самоубийства. Имплицитная омонимическая оппозиция ключевых слов (собственного *Вера* и нарицательного *вера*) в повести Куприна действительно может быть ключом к раскрытию если не всего авторского замысла, то, по крайней мере, весьма существенной его части, и повесть может восприниматься как предостережение от того, к чему может привести такая, казалось бы, красивая, романтическая, но всё же подмена истинной веры.

Имя Вера, думается, символично и значимо также в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова – в части «Княжна Мэри». Портрет, характер этой героини не вполне четко

выписаны, что, видимо, неслучайно (мы только понимаем, что это всё ещё любящая Печорина замужняя женщина, с которой у него когда-то были отношения и к которой он ещё не совсем охладел) – словно бы для того, чтобы показать некую символичность образа. В кульминации текста Печорин, загнав коня в погоне за Верой, стремлении к ней, «упал на мокрую траву и как ребенок заплакал», так как понял, что окончательно, безнадежно потерял не только Веру – любимую женщину, но и веру в саму возможность счастья, в то, что его жизнь когда-нибудь наполнится смыслом, а значит, и веру в Бога. Также далеко не случайно, на наш взгляд, называют своих героинь Верами И.А. Гончаров и Н.Г. Чернышевский в романах «Обрыв» и «Что делать?»

В лирических малоформатных жанрах ключевые слова определяются с большей степенью вероятности. Так, при анализе стихотворения Р. Рождественского «Кладбище под Парижем» особое внимание обращает на себя лексическая доминанта *белый*, её лексический повтор в различных грамматических формах (*белая церковка, белая гвардия, белая стая, белое воинство, на белом коне* и др.), однокоренное наречие *добела*. Весь текст – с первых же слов – как будто пронизан семантикой белого цвета. Этому способствуют и контекстуальные синонимы *берёзовый отсвет покоя; облака, будто белые кони, свечи оплывшие*, и аллитерация [б], который замечен не только в словах с корнем *-бел-*, но и в ЛЕ *буквы, была, благородия, забытые, победившую, бывшие, кладбище, доблесть, штабс-капитаны, берёзовый Сент-Женевьев-де-Буа*, и особо акцентирован в конце: *облака, будто белые...*

С белым цветом в русской языковой картине мира концептуально связаны три основные темы: святости, невинности и смерти (цвет савана). Эти три ассоциативно взаимосвязанные темы объединяет сема *обряд* или *таинство* – конфессиональный термин, обозначающий обряд приобщения верующего к божественной благодати и являющийся компонентом оборотов *таинство крещения, таинство бракосочетания, таинство соборования*.

В анализируемом тексте Р. Рождественского мы видим в наиболее тесном взаимодействии закрепленные за белым цветом семантические аспекты святости и смерти. Поскольку в сознании поэта гражданская война могла вызывать ассоциации с евангельским грехом братоубийства, то и её жертвы – полёгшие на фронтах или умершие на чужбине и покоящиеся ныне на русском кладбище под Парижем – могли

восприниматься как мученики, не предавшие идеалов Белого движения и до конца хранившие веру в его святость. Тогда и ассоциативно связанная с цветом савана лексема *добела* и авторская метафора *Берёзовый отсвет покоя* в конце текста неотделимы у поэта от цвета одежд святых и крыльев ангелов (ср.: *Белая стая*).

Благодаря актуализации этих двух тематических аспектов ментальной семантики белого цвета с помощью ключевого слова *белый* становится прозрачной главная идея – пробудить сострадание и милосердие к братьям по крови – русским, лежащим в чужой земле, что в свою очередь приводит к мысли о необходимости христианского примирения и всепрощения.

Ключевое слово может использоваться не только в узуальном, но и в индивидуально-авторском значении и, становясь синергетическим центром литературного произведения, способно преобразовать семантику окружающих и контекстуально взаимодействующих ЛЕ. Такие семантические метаморфозы заметны прежде всего в малоформатном художественном тексте лирического жанра. Это можно проследить на примере стихотворения А.К. Толстого «*Меня, во мраке и в пыли...*» (1851-1852).

Стихотворение написано в жанре философской лирики и наполнено характерным для творчества А.К. Толстого искренним и высоким лиризмом. Т.А. Кошемчук, отмечая в этом тексте параллели с «Пророком» Пушкина, констатирует, что у Толстого «любви крылья – они возносят «в отчизну пламени и слова» (а Серафим нисходит!)». Здесь, в этом тексте, все контрастно: низ (пыль и мрак) и верх (пламя и слово), недостойность и милость, малость и величие. Ключевое слово, преодолевающее полярность, – любовь, она возносит и преобразует. И преобразование это легкое и радостное – вместо грозной кровавой операции «Пророка» [7, с. 204].

Как бы развивая метафору А. Блока, в которой ключевые слова сравниваются со звёздами, следует заметить, что такие «слова-звёзды» в литературно-художественном произведении могут быть разными по степени яркости. Так, нет сомнений, что «звезда первой величины» в этом тексте – слово *любовь* и в целом он воспринимается как гимн наивысшей и непорочной – «божественно-космической» – любви. Это слово, получая в каждой строфе новые семантические приращения, обретает в финале высокий божественно-космический смысл и в то же время обогащает дополнительными индивидуально-авторскими оттенками значения семантику других ЛЕ в тексте, т.е. становится первопричиной, импульсом своего рода цепной

реакции, результатом которой становится изменение значений других ЛЕ в тексте Толстого.

В толковом словаре находим следующие узуальные значения лексемы *любовь*: «ЛЮБОВЬ, любви, *тв.* любовью, *ж.* 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. *Чары, ожидание, муки любви. Признание в любви. Объясниться в любви.* <...> 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. *Л. к родине, к родителям, к детям.* <...> 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н. *Л. к правде, к истине. Л. к балету, к чтению, к театру, спорту. Л. к животным.* 4. им. п. Предмет любви (тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, расположение). *Он (она) – его (ее) первая (или последняя) л. Он ее очередная л.* 5. Пристрастие, вкус к чему-н. *Л. к спиртному, к сладкому, к нарядам, к комфорту.* 6. Интимные отношения, интимная связь (прост.). *Заниматься любовью.* <...>».

Однако при внимательном прочтении стихотворения «*Меня, во мраке и в пыли...*» нетрудно понять, что в этом и тематически перекликающихся стихотворениях А.К. Толстого ключевое слово *любовь* (эта высокочастотная лексема встречается в лирике поэта 81 раз) употребляется в авторском значении, библейском и вместе с тем философском (космическом): «*Божественное начало, первооснова и внутренняя энергия мироздания, всего сущего во Вселенной*». Такая интерпретация была ближе для современников поэта, чем для нас, живущих в XXI веке и «унизились» высокий смысл этого понятия до зафиксированного в словаре значения, реализуемого в сочетании «заниматься любовью». Для сравнения: в словаре Даля, где *любовь* определяется как «состоянье любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделье; охота, расположение к чему»), ближайšie к толкованию примеры дают некоторое представление о том, что жившие в XIX столетии понимали *любовь* несколько иначе, чем наши современники: «*Божья любовь безгранична. Союз истины и любви рождает премудрость. Покоряй сердца любовью, а не страхом. Божья любовь не человеческой чета. Любовь человеческая себя любит, а Божеская друга. Нет выше той любви, как за друга душу свою полагать. Где любовь, там и Бог*».

В 6-й строфе стихотворения – *И вещим сердцем понял я, // Что все рожденное от Слова, // Лучи любви кругом лия, К нему вернуться жаждет снова* – ЛЕ *Слова*, написанная с заглавной буквы, выступает как контекстуальный синоним слова *любовь*, т.е. как является вторым по степени

значимости ключевым словом в тексте. Толстой вполне естественно отождествлял в сознании понятия *Бог*, *Любовь* и *Слово*, как всякий православный, хорошо знающий «хрестоматийные» библейские изречения: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог» [Евангелие от Иоанна, гл. 1:1] и «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» [1-е послание Иоанна, гл. 4: 16]. В первом стихе Евангелия от Иоанна фактически утверждается объективное существование идеальной внепространственной и вневременной субстанции – Божественного Слова (Логоса), которая является первоисточником «всех миров» во Вселенной. *Слово* – одно из имен Бога, а другим Его именем, уже согласно Первому посланию Иоанна, признается слово *Любовь*. Такое понимание не противоречит космологии – философскому мировоззрению, «в основе которого располагается знание о Космосе и представление о человеке как "гражданине Мира" (кинники, стоики, Кант, Мамардашвили), а также о микрокосмосе, подобном Макрокосмосу» [Новейший философский словарь 2003]. Это философское учение возникло в России в конце XIX – начале XX вв., т.е. А.К. Толстой о нем ничего знать не мог, но объективными предпосылками для появления его и соответствующей ему картины мира были взгляды Пифагора, Платона, Гераклита, Н. Коперника, Дж. Бруно, каббала, теософия, концепция Канта-Лапласа об образовании солнечной системы и др. «Космическое мышление» было свойственно и А.К. Толстому. В русском космизме принято различать пять направлений:

1. Естественнонаучный космизм (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, А.А. Богданов и др.).
2. Религиозно-философский космизм (А.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, Н.Ф. Федоров и др.).
3. Художественно-поэтический космизм (В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Морозов и др.).
4. Эзотерический космизм (Н.К. и Е.Н. Рерихи и др.).
5. Ноосферный космизм (А.Н. Дмитриев, А.Г. Шипов, А.Е. Акимов, Н.Н. Моисеев, А.П. Казначеев, А.Д. Урсул, А.Д. Московченко и др.).

Анализируя "Меня, во мраке и в пыли..." и другие произведения, идейно-философская тематика которых отражает художественное мировосприятие А.К. Толстого, можно полагать, что оно наиболее близко к эзотерическому космизму – к Агни Йоге (Живой Этике) Н.К. и Е.Н. Рерихов. Именно в этом учении утверждается

(как один из постулатов), что началом и движущей силой всех субстанций, объектов Вселенной является созидательная сила огня, огненная энергия разума. Эзотерическая концепция мироздания восходит, по-видимому, к учению Гераклита об огне как первооснове материи. Соотносится с данной концепцией и перифрастическое наименование Толстым Космоса *отчизна пламени и слова* в 4-й строке, обозначающее космическую высоту и глубину мысли (= Божественного Слова) как огненной первоосновы и внутренней энергии мироздания, созидательная сила которой пронизывает и наполняет смыслом существования все миры. В этом стихотворении огненная энергия – **любовь**.

Все строки в этом тексте так или иначе поддерживают этот сложившийся в сознании Толстого идеальный образ – Вселенной, основанной на любви и пронизанной её созидательной огненной энергией.

Так, строфа *И просветлел мой темный взор, // И стал мне виден мир незримый, // И слышит ухо с этих пор, // Что для других неуловимо* и три последующие строфы представляют собой восторженное и яркое описание того, что увидел мысленным взором человек, познавший истинную (божественно-космическую) любовь, человек, для которого вдруг стала зримой и понятной излучаемая ею созидательная сила, внутренняя энергия, гармония, которые есть во всех живых и неживых, казалось бы, привычных объектах окружающего мира.

В 6-й строфе и 7-й Толстой в своем образном философском осмыслении мироздания открывает для себя и читателя высший, наиболее рациональный и гуманный механизм существования Вселенной, который можно было бы назвать «законом сохранения энергии любви во времени и пространстве»: она, излучаемая Богом и одновременно являющаяся одной из Его ипостасей, проникает в каждое Его творение и наполняет его существование смыслом и гармонией. А по истечении срока бытия, который свыше предначертан каждому из этих макро- и микрокосмов, неизменно возвращается к первоисточнику, и божественно-космическая связь как бы замыкается. Затем любовь снова проникает в каждый из возникших во Вселенной живых или неживых объектов, и таким образом её созидательный круговорот длится бесконечно.

Последняя строфа *И всюду звук, и всюду свет, // И всем мирам одно начало, // И ничего в природе нет, // Что бы любовью не дышало* воспринимается как апофеоз осмысления Толстым *любви*. Поэт употребляет эту лексему в 4-й строке и замещает контекстуальным синонимом *одно*

начало во 2-й строке. В финале текста это слово не только окончательно наполняется сформулированной нами выше авторской божественно-космической семантикой, но и обогащает новыми семантическими оттенками окружающие слова. Так, к узуальным значениям существительных *звук* и *свет* дополняется авторской семой «гармония»: гармония всех звуков и всех оттенков светового спектра. Тогда и *все миры* – уже не только органично составляющие Вселенную части Макрокосмоса: галактики, созвездия, планеты и т.п., но и всё, сотворенное Богом и несущее печать этой божественной благодати (= любви): люди и их души как микрокосмы, животные, растения, географические объекты и т.д. В последних двух строках узуальное значение глагола *дышало* также дополняется метафорической контекстуальной семантикой ‘пронизано гармонией любви; существует благодаря любви как внутренней энергии’.

Экспрессивно-семантическая энергия лексемы *любовь* становится мощным импульсом к преобразению значений всех знаменательных частей речи в этом тексте. Без учета этой тенденции анализ авторской семантики каждого из них не может быть объективным. Например, только с учетом контекстуальной связи с ключевым словом *любовь* можно понять, что уже в первых строках стихотворения – *Меня, во мраке и в пыли // Досель влачившего оковы...* – имеет место совмещение узуальной семантики существительного *мрак* с индивидуально-авторской ‘невежество, неспособность видеть истинный свет (= свет любви)’. У существительного *пыль* появляется дополнительный метафорический семантический оттенок ‘мирская суета; мелочи жизни, не сопоставимые по степени значимости со светом любви и препятствующие его познанию’. У причастия *влачившего* в семантическом взаимодействии с *оковы* в стихотворении актуализируются два значения производящего глагола *влачить*: устаревшее прямое (то же, что *волочить* – ‘тащить, тянуть за собою кого-л. или что-л., не отрывая от поверхности чего-л.’) совмещено с приоритетным фразеологически

связанным, которое реализуется в составе книжного устойчивого выражения *влачить жалкое существование* – ‘жить бедно, без удовольствия, вести жизнь, полную неудач’ [Ушаков 1935, I: 310]. Однако в стихотворении Толстого контекстуальная семантика этого фразеологизма также подвергается существенному преобразению: *влачить жалкое существование* – ‘жить без истинной любви, будучи не способным видеть её всепроникающий животворный свет и осознавать её высшее созидательное назначение’. В этом контексте у существительного *оковы* также возникает авторское метафорическое значение: ‘угнетающее душу земное бременное, не озаренное светом божественно-космической любви существование’.

Мы видим, как в контексте стихотворения А.К. Толстого «Меня, во мраке и в пыли...» кардинально преобразуется, обогащается, становится более глубокой и своеобразной семантика слова *любовь*, имеющего в русском языке статус лексического концепта. Это ключевое слово как будто заряжает своей божественно-космической экспрессивной энергией окружающие ЛЕ, значения которых благодаря концентрически расходящимся в тексте от синергетического центра – лексемы *любовь* – и вызывающим своего рода цепную семантическую реакцию мощным экспрессивным импульсам обретают индивидуально-авторские оттенки и приращения смыслов.

Таким образом, роль ключевых слов в художественном тексте трудно переоценить. Выступая в качестве лексических доминант в произведениях малых жанровых форм или во фрагментах текстов большего формата, ключевые слова, нередко имеющие статус лексического концепта или обретающие контекстуальную значимость, степень которой может достигать концептуального уровня, способны не только выполнять свою основную когнитивную функцию – служить ключом к раскрытию авторского замысла, но и кардинально преобразуя узуальную семантику и экспрессивную окраску окружающих ЛЕ и всего малоформатного текста.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для студентов филологических специальностей вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 462 с.
2. Блок А. “Из записных книжек и дневников. Майские идеи” // Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1971. Том 6. 397 с.
3. Бобылев Б.Г. Теоретические основы филологического анализа художественного текста: монография. Орел: ОрелГТУ, 2003. 206 с.
4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., доп. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.; М.: Флинта, 2009. 520 с.

5. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 511 с.
6. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991. 448 с.
7. Кошемчук Т.А. К вопросу о диалогичности стихотворения А.К. Толстого «Меня, во мраке и в пыли...» // Культура и текст. 1998. № 4. С. 204 –207.
8. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1973. 288 с.
9. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвист. теории и элементы анализа: учебник. М.: Ось-89, 1999. 189 с.
10. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». М.: Академия, 2003. 180 с.
11. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
12. Пеньковский А.Б. Нина: культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. 519с.
13. Шанский Н.М. К изучению в школе языка романа Л.Н. Толстого "Война и мир" // Л.Н. Толстой: к 125-летию со дня рождения: материал в помощь учителю / под общ. ред. В.В. Голубкова. Москва: Учпедгиз, 1953. С. 58 – 94.
14. Шанский Н.М. О языке и слоге рассказов А.П. Чехова. РЯШ, 1954. № 4. С. 9–15.
15. Шанский Н.М. «Прощай, немытая Россия...» М. Ю. Лермонтова // РЯШ. 2001. № 1. С. 43 – 46.
16. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1984. 270 с.
17. Шанский Н.М. Лингвистический анализ стихотворного текста: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 2002. 224 с.
18. Шведова Н.Ю. О принципах языковой исторической стилизации в повести Н.В. Гоголя "Тарас Бульба" // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Том 3. С. 45 – 67.
19. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26 – 44.

References

1. Babenko L.G. Filologičeskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza: učebnik dlja studentov filologičeskix special'nostej vuzov. M.: Akademičeskij proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2004. 462 s.
2. Blok A. "Iz zapisnyh knizhek i dnevnikov. Majske idej". Blok A.A. Sobranie sočinenij: v 6 t. Moskva: Pravda, 1971. Tom 6. 397 s.
3. Bobilev B.G. Teoretičeskie osnovy filologičeskogo analiza hudozhestvennogo teksta: monografija. Orel: OrelGTU, 2003. 206 s.
4. Bolotnova N.S. Filologičeskij analiz teksta: učeb. posobie. 3-e izd., dop. M.: Flinta: Nauka, 2007. 520 s.; M.: Flinta, 2009. 520 s.
5. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Pojetika russkoj literatury. M.: Nauka, 1976. 511 s.
6. Vinokur G.O. O jazyke hudozhestvennoj literatury. M.: Vyssh. shk., 1991. 448 s.
7. Koshemchuk T.A. K voprosu o dialogičnosti stihotvorenija A.K. Tolstogo «Menja, vo mrake i v pyli...». Kul'tura i tekst. 1998. № 4. S. 204 –207.
8. Larin B.A. Jestetika slova i jazyk pisatelja. L.: Hudozhestvennaja literatura, 1973. 288 s.
9. Lukin V.A. Hudozhestvennyj tekst: osnovy lingvist. teorii i jelementy analiza: učebnik. M.: Os'-89, 1999. 189 s.
10. Nikolina N.A. Filologičeskij analiz teksta: učebnoe posobie dlja studentov vysshix učebnyh zavedenij, obučajushhhsja po special'nosti «Russkij jazyk i literatura». M.: Akademija, 2003. 180 s.
11. Zherebilo T.V. Slovar' lingvističeskix terminov. 5-e izd., ispr. i dop. Nazran': ООО «Piligrim», 2010. 486 s.
12. Pen'kovskij A.B. Nina: kul'turnyj mif zolotogo veka russkoj literatury v lingvističeskom osveshhenii. M.: Indrik, 1999. 519s.
13. Shanskij N.M. K izucheniju v shkole jazyka romana L.N. Tolstogo "Vojna i mir". L.N. Tolstoj: k 125-letiju so dnja rozhdenija: material v pomoshh' učitelju. pod obshh. red. V.V. Golubkova. Moskva: Uchpedgiz, 1953. S. 58 – 94.
14. Shanskij N.M. O jazyke i sloge rasskazov A.P. Chehova. RJaSh, 1954. № 4. S. 9–15.
15. Shanskij N.M. «Proshhaj, nemytaja Rossija...» M. Ju. Lermontova. RJaSh. 2001. № 1. S. 43 – 46.
16. Shanskij N.M. Lingvističeskij analiz hudozhestvennogo teksta. L.: Prosveshhenie, 1984. 270 s.

17. Shanskij N.M. Lingvisticheskiy analiz stihotvornogo teksta: Kn. dlja uchitelja. M.: Prosveshhenie, 2002. 224 s.
18. Shvedova N.Ju. O principah jazykovej istoricheskoj stilizacii v povesti N.V. Gogolja "Taras Bul'ba". Materialy i issledovanija po istorii russkogo literaturnogo jazyka. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. Tom 3. S. 45 – 67.
19. Shherba L.V. Opyty lingvisticheskogo tolkovanija stihotvorenij. I. «Vospominanie» Pushkina. Shherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M.: Uchpedgiz, 1957. S. 26 – 44.

*Voronichev O.E., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Mospanova N.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kramareva I.E., Senior Lecturer,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky*

ABOUT KEYWORDS IN A LITERARY TEXT

Abstract: the article is written in line with the linguistic analysis of a literary text – a research method that N.M. Shansky, who developed this direction in Russian studies, called the first step to philological analysis. The article uses the method of linguistic commenting, analyzes the role of keywords in literary and artistic works of genre forms of large, medium and small volume. As observations show, keywords can act as lexical dominants in works of various formats, but they acquire the greatest importance in small genre forms. Keywords often have the status of a lexical concept or contextual significance, the degree of which can reach a conceptual level. They are able not only to perform their main cognitive function – to serve as a key to the disclosure of the author's idea, but also to radically transform the expressive and semantic coloring of the surrounding words and the entire text.

Keywords: keyword, text, artistic, linguistic analysis, lexeme, lexical meaning

For citation: Voronichev O.E. Mospanova N.Yu., Kramareva I.E. About keywords in a literary text. Modern Scientist. 2023. 1. P. 136 – 143.

*Гринева О.А., кандидат философских наук, доцент,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева*

ЭТИКА ОБЩЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: вопросы межкультурной коммуникации приобретают особую актуальность на фоне стремительных изменений в социально-экономических условиях мирового уровня. В статье отражены основания для переосмысления сложившихся этических традиций в междисциплинарных областях: лингвистике, экономике, философии, педагогике, менеджменте и культурологии. Кроме того, тактика ведения переговоров является неотъемлемой частью как международного бизнеса, политических конгрессов, образовательного пространства, так и межличностного общения. Представлены принципы делового этикета общения в западноевропейских и восточных странах, сходства и различия, правила и нормы вежливости, национальные этнические особенности приветствия, поведения, принятия и дарения подарков, стиля одежды и места проведения переговоров. В процессе овладения профессиональными навыками коммуникации преимущественно подходит коммуникативно-деятельностный метод. Показана необходимость тщательного изучения социолингвистических, психолонгвистических и культурных особенностей зарубежных стран для достижения успешного и плодотворного сотрудничества. Выявлены причины инокультурных недоразумений, а также приведены возможные решения возникающих проблем в коммуникационной деятельности между представителями разных стран. Обоснована необходимость адаптации к тонкостям культуры других стран во избежание ложных представлений друг о друге и полного устранения существующих неточностей.

Ключевые слова: глобализация, этикет, правила, переговоры, поведение, культура, вежливость, благодарность

Для цитирования: Гринева О.А. Этика общения в зарубежных странах // Современный ученый. 2023. № 1. С. 144 – 148.

Каждая страна уникальна в своем становлении, культуре, этносе, быту, географическом расположении, климате, с разным уровнем урбанизации и особенностями общения и правилами коммуникации. Очевиден факт, что глобализация проникла практически во все страны мира и способствовала объединению и укреплению международных связей, интегрировала производство на международном рынке, сблизила народы и сгладила культурные различия для более упрощенного и легкого взаимодействия между представителями различных национальностей. Несомненно, каждая страна сохраняет унаследованные веками ценности и культурные достижения своей страны, а также защищает исключительные нормы и права для регулирования общественных отношений. При сотрудничестве или путешествии в зарубежную страну важно помнить, что существуют индивидуальные морально-нравственные и поведенческие установки, которые необходимо учитывать иностранцам, соблюдая местный этикет [7].

Актуальностью данной статьи является актуализация информации и знаний об особенностях и соблюдении этикета в восточных и западноевропейских странах как в профессиональной деятельности, так и в общественной. К тому же, способности человека выстраивать общение, в том числе в деловой сфере, влияют на отношения с партнерами и имидж корпорации в целом [4].

Основными элементами понятия «этика», по мнению американского доктора социологических наук Дж. Ягер, являются: пунктуальность, конфиденциальность, доброжелательность, внимание к окружающим, внешний вид / опрятность, грамотность [8]. Данные принципы являются основными составляющими этикета и подразумевают собственное соблюдение коммуникативной базовой основы для регулирования взаимоотношений собеседников.

В разных культурах этикет отличается, но грамотность, вежливость и умение выслушать собеседника ценятся в любой стране. Общими манерами общения для всех наций считается средний темп речи, нужное интонирование без долгих пауз, но и без чрезмерной эмоциональности. В таком случае собеседнику, в частности иностранцу, будет легче понимать и воспринимать разговор. Желательно избегать долгого всматривания собеседнику в лицо, достаточно короткого взгляда в глаза и легкой улыбки. Что касается жестов, общепринято держать спину прямой без скрещивания рук.

Из самых очевидных запретов – это избегание грубых выражений и неодобрительных высказываний, осуждений; не стоит держать руки в карманах, разворачиваться часто спиной, вставлять комментарии, цитировать невпопад, спонтанно вмешиваться в беседу или начинать спор, высказывая, субъективное недовольство.

В целом, этические нормы и правила – это способы воздействия на общественные отношения, регулятор поведения людей, направленные на согласование коллективных действий [3]. Большинство из этических кодексов применяются в профессиональной деятельности и обусловлены интересами определенных профессий и профессиональной культурой для повышения качества исполнения трудовой функции.

Деловая культура регулирует создаваемые людьми материальные и духовные ценности, активизирует типы и формы организации труда, делопроизводства, контролирует акты поведения людей, должностные полномочия, охватывает отношение людей к трудовой деятельности и умение вести дела и переговоры. Деловой этикет – это часть международного бизнеса, который мотивирует людей извлекать выгоду и прибыль при осуществлении общего дела и эффективно взаимодействовать в области рыночных отношений [2].

Подробнее проанализируем механизмы взаимодействия существующих норм и правил коммуникации и поведения в восточных и западноевропейских странах.

На протяжении многих лет существует значительная разница и недопонимание между Западной и Восточной культурами как в деловой, так и общественной жизни. Россия, при этом, занимает нейтральное положение и допускает конгломерат культур при установлении международных отношений на политическом, экономическом и социальном уровнях.

Западная национальная традиция предусматривает достижение цели руководствуясь меркантильными доводами и аргументами путем навязывания своих идей. Характерной чертой западной культуры является индивидуализм, превозносятся лидерские качества, развиты сетевые структуры бизнеса, свобода выбора и независимость от чужого мнения.

Восточная национальная традиция предусматривает коллективизм, обобщенность, подчинение руководителю, согласованность действий, скромность, чувство справедливости и равенства, терпение и ответственность за весь коллектив.

Важное значение имеют религиозные догмы. Запад ориентирован на протестантизм. Характерными чертами протестантизма выступают непосредственность, дух предпринимательства и роскоши, прагматизм, достижение цели любыми средствами.

В отличие от Запада Восточное направление – конфуцианство предусматривает кротость, почтение к старшим, миролюбивость, единство материи и духа, аскетизм. Схожие черты с Востоком имеет и российское христианство, в основе которого за-

ложены такие качества как благочестие, вера, народный дух, справедливость, сострадание, солидарность с живыми существами, «внутреннее подчинение сверхчеловеческому началу» [6].

Для того чтобы иметь успех и представлять интересы своей страны на деловых переговорах с представителями восточных стран (Китай, Япония, Индия, Корея, Тайланд, Сингапур и Малайзия) необходимо тщательно подготовиться и настроиться на соблюдение определенных формальностей переговоров [9].

В Китае жители с недоверием относятся к иностранцам, весьма сдержаны и мало проявляют эмоции. Приветствуя друг друга, не принято широко улыбаться, похлопывать по плечу или целоваться, достаточно крепкого рукопожатия. Первыми должны здороваться старшие по возрасту и обращаться к коллегам по фамилии, добавляя слово «господин / госпожа» либо титул. По имени китайцы обращаются лишь в кругу семьи. Важно отметить, что открывать перед женщиной дверь, подавать руку или помогать отодвинуть стул расценивается как флирт. Китайцы очень консервативны, поэтому деловые встречи проходят в офисах и иных официальных заведениях, но, ни в коем случае в ресторанах. Кроме того, китайцы очень внимательны к мелочам, поэтому при заключении договора необходимо тщательно уточнять с переводчиком все нюансы во избежание неприятных недоразумений и даже встретиться несколько раз. Они не терпят беспокойства, опозданий, расценивая это как неуважение, к делам относятся сдержанно и равнодушно. В одежде используют базовые, сдержанные цвета без ярких украшений, открытых частей тела. Приветствуется обмен подарками от старшего по должности к младшим сотрудникам.

Япония известна тонкой и деликатной склонностью к мелочам. Приветствовать жителей восходящего солнца необходимо сложив ладони на груди или возле лица с поклоном. По местному этикету положено обмениваться визитными карточками на трех языках (японском, английском и родном (русском)) и обращаться по имени и фамилии, употребляя после последней суффикс - сан. В зависимости от статуса, должности и возраста человека к нему относятся по-разному. Переговоры ведутся коллективно и обращаться необходимо сразу ко всем присутствующим. Следует избегать чрезмерной жестикюляции и мимики, достаточно выказывать согласие или одобрение кивком головы. Пунктуальность ценится превыше всего, а возникающие паузы и молчание во время общения свидетельствуют об обдумывании насущных вопросов или предложений. К встрече бизнес партнерам нужно подготовить тщательный отчет о де-

тельности компании, чтобы войти в доверие к японской делегации и доказать значимость своего труда. В отличие от китайских партнеров, японцы могут пригласить на деловую встречу в ресторан, и даже показать достопримечательности города, но соблюдение традиционного строгого дресс-кода является неотъемлемым условием благополучного построения дальнейших отношений. Как и в Китае, японцы приветствуют обмен подарками, особенно связанными с национальными традициями и культурой, которые подаются искренне с поклоном и обязательно двумя руками.

Индийский деловой этикет пронизан древними стереотипами, собственной историей страны и религиозными обрядами. Прежде чем познакомиться с индийскими деловыми партнерами, необходимо начать общие дела через посредников и больше узнать о деятельности компании. Терпение – главный помощник при построении деловых связей, так как дружелюбный индийский народ предпочитает разговаривать о личных деталях: семье, увлечениях, здоровье, образовании. Перед личной встречей с иностранными коллегами необходимо отправить пару письменных уведомлений, в которых следует выразить увлеченность общим делом и мотивированно изложить преимущества совместного ведения бизнеса. При встрече приветствуются рукопожатия именно правой рукой, улыбка и кивок головы. Важно быть осведомленным к какой касте относятся выбранные вами партнеры и соблюдать тонкости при общении. Обращаться следует с помощью слова «господин / госпожа» по фамилии. Одежда может быть свободной, но наличие пиджака и длинного платья или брючного костюма все же неизбежно. Индийцы не терпят спешки, переговоры могут длиться часами и начинаться не вовремя. Умение убеждать и настаивать без грубости ценится индусами. В Индии также приветствуется обмен сувенирами, но оберточная бумага не должна быть черных и белых тонов. К тому же сразу разворачивать и смотреть сувенир считается дурным тоном.

Сингапур и Малайзия являются передовыми экономическими центрами мира и состоят из жителей разных этнических групп: индийцев, малайцев, китайцев. Правила этикета соответствуют той стране, из которой бизнес партнер родом. С молодыми людьми можно поздороваться рукопожатием, людям старшего возраста нужно поклониться. При обращении следует использовать приставку – бин (перед именем мужчины), – бинти (перед именем женщины). Преимущественно население этнических малайцев – мусульмане, поэтому для деловой встречи необходимо выбирать сдержанную, закрытую одежду. При обмене визитными карточками признаком уважения считается пода-

вать и брать обеими руками и внимательно изучить надпись. До начала деловых переговоров надлежит проявить коммуникабельные качества и расспросить малайцев о личных успехах, семье. При принятии решений малайские партнеры обратят внимание на манеры и тон человека, доверяя своей интуиции, а не на показательную деятельность или статус фирмы. Вещественный подарок может расцениваться как взятка, поэтому в благодарность можно пригласить коллег в ресторан и угостить ужином.

Деловой этикет в Южной Корее имеет сходства с соседними азиатскими странами, и многие западноевропейские бизнесмены активно проявляют интерес к производству данной страны. Однако, существуют некоторые отличительные особенности в культуре. Во-первых, при встрече с корейскими партнерами необходимо слегка поклониться, обязательно глядя в глаза, при этом первым здоровается младший по возрасту и положению. При общении с пожилыми людьми важно совершить низкий поклон с кратким рукопожатием и немного поговорить. Во-вторых, при обращении следует использовать слова «мистер / мисс» и начать разговор с мировых новостей экономики и культуры. В связи с напряженными отношениями между Южной и Северной Кореей, а также с Китаем и Японией, нужно избегать тем относительно данных стран. Как и в соседних странах приветствуются разговоры о семье и хобби. В выборе одежды ценятся деловые костюмы с галстуком, у женщин исключительно юбки или платья ниже колен. Для выбора официальных переговоров выбираются рестораны или офисы с качественной кухней. В – третьих, корейцы честные и дисциплинированные люди, поэтому намерения и предложения касательно общей работы нужно формулировать четко, открыто, без давления и принуждения.

В Тайланде, с развитыми сферами сельского хозяйства, туризма и промышленности, преобладает монархическая система правления, поэтому особенности местного менталитета также отличаются от соседних азиатских стран. При приветствии человека тайцы складывают руки и кивают головой, чем выше руки, тем более уважаем собеседник. Первыми здороваются младшие по возрасту, а обращаться друг к другу следует со слов «господин / госпожа» и далее имя человека. Деловая встреча схожа с индийской – тщательное описание каждого вопроса и тем для обсуждения является неотъемлемым условием перед встречей с партнерами. Переговоры могут проходить как в конференц-залах, так и в ресторанах. Спокойное неторопливое обсуждение вопросов благоприятно скажется на репутации иностранцев. В одежде

принята классическая одежда, но обувь должна быть изящной и непременно чистой.

Вопреки восточным странам западноевропейские особенности этикета и поведения бизнес партнеров имеют свои ограничения и свободы [9].

Европейские партнеры предпочитают обсуждать поставленные вопросы и задачи прямо, четко, без промедления и отвлечения на личные темы. В организации встреч преобладает свободный стиль от офиса, ресторана до бизнес зала на яхте или роскошного прибрежного кафе. При встрече допускается улыбка, рукопожатие, комплименты. Предпочтения в одежде сфокусированы на классических вариантах костюмов, но пара украшений не влияет на ход беседы. Любое высказывание или предложение должно подкрепляться фактами и доказательствами, чтобы видеть объективную картину международного сотрудничества, прозрачность доходов, равенство партнеров [1]. Девиз европейских бизнесменов: сначала думать, потом говорить.

Есть исключительные моменты, например, итальянцы и испанцы. От природы эмоциональные, темпераментные, даже эпатажные люди, для которых характерны встречи за деловым обедом и импульсивное отстаивание собственного мнения. Они терпимо относятся к незначительным опозданиям, ценят вежливость, гостеприимство. Испанцы ценят письменную документацию, заранее сформулированные темы общения, предварительные звонки.

Французы отдают предпочтение безукоризненному внешнему виду партнеров. А чехи высоко ценят иерархичность в компаниях.

В арабских странах соблюдается четкое предписание Корана и заключать сделки с подписанием договоров можно только в определенные месяцы, дни и с перерывами на молитву.

В целом, европейские деловые партнеры более демократичны в установлении международных

контактов и соблюдают регламент проведения деловых переговоров, в том числе через посредников [10].

Существенной проблемой для неподготовленных иностранцев в осуществлении совместного решения возникающих препятствий может выступать разное восприятие ситуаций. В таком случае уместно учитывать процессы адаптации к инокультурной среде. Во-первых, важно учитывать историю развития и становления данной страны. Во-вторых, географическая и экономическая реальность также вносит свои коррективы в перспективы развития международных связей. В – третьих, идеологические и политические причины возникновения недоверия существенным образом влияют на ведение переговоров, а массовое сознание дает противоположное видение объективной реальности [5]. Следовательно, для положительного исхода деловых переговоров необходимо учитывать наличие у сторон ложных представлений друг о друге, стереотипов, недоверия владения информационной базой, а также предпринять попытки изменения имеющихся ложных образов и полного устранения существующих неточностей.

Таким образом, отправляясь в зарубежную страну в качестве туриста или в профессиональных целях, важно соблюдать общепринятые правила этикета и этнические особенности конкретной страны. Стоит заранее подготовиться к проведению деловых переговоров и продумывать спонтанно возникающие недоразумения, отмечать свои ошибки, вовремя извиняться. Для более эффективной адаптации к культурным тонкостям разных стран важно изучить манеры и правила поведения с иностранными гражданами, чтобы чувствовать себя уверенно и респектабельно представить свою страну, а также личные и профессиональные интересы.

Литература

1. Гутарева Н.Ю., Виноградов Н.В. Некоторые особенности делового этикета в поведении зарубежных партнеров // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 1228 – 1291.
2. Михельсон С.В. Влияние культурных и национальных факторов на деловую культуру и коммуникацию // Молодой ученый. 2016. № 15 (119). С. 570 – 573.
3. Нестерова Д.С. Понятие и сущность профессиональной этики // Молодой ученый. 2020. № 31 (321). С. 101 – 103.
4. Оленица А.А., Зеленский А.Г. Этика делового общения // Молодой ученый. 2021. № 6 (348). С. 304 – 307.
5. Рубин Дж., Колб Д. Психологический подход к процессам международных переговоров // Психологический журнал. 1990. Том 11. № 9 (2). С. 63 – 73.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм. 2012. 656 с.
7. Ширманова А.Г. Национальные особенности общения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Том 11. С. 546 – 550.

8. Ягер Дж. Деловой этикет: как выжить и преуспеть в мире бизнеса. М.: АОЗТ «Джон Уайли энд санз». 1994. 284 с.
9. Shmeleva Zh.N. Acculturation as a communication aspect / Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 2022. С. 348 – 351.
10. Shmeleva Zh.N. Personal example of a higher educational institution faculty member as a method of the university student upbringing / Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся по иностранному языку в неязыковом вузе: региональная практика. Красноярск, 2022. С. 260 – 264.

References

1. Gutareva N.Ju., Vinogradov N.V. Nekotorye osobennosti delovogo jetiketa v povedenii zarubezhnyh partnerov. Molodoj uchenyj. 2015. № 9 (89). S. 1228 – 1291.
2. Mihel'son S.V. Vlijanie kul'turnyh i nacional'nyh faktorov na delovuju kul'turu i kommunikaciju. Molodoj uchenyj. 2016. № 15 (119). S. 570 – 573.
3. Nesterova D.S. Ponjatie i sushhnost' professional'noj jetiki. Molodoj uchenyj. 2020. № 31 (321). S. 101 – 103.
4. Olenica A.A., Zelenskij A.G. Jetika delovogo obshhenija. Molodoj uchenyj. 2021. № 6 (348). S. 304 – 307.
5. Rubin Dzh., Kolb D. Psihologicheskij podhod k processam mezhdunarodnyh peregovorov. Psihologicheskij zhurnal. 1990. Tom 11. № 9 (2). S. 63 – 73.
6. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut ruskoj civilizacii, Algoritm. 2012. 656 s.
7. Shirmanova A.G. Nacional'nye osobennosti obshhenija. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. Tom 11. S. 546 – 550.
8. Jager Dzh. Delovoj jetiket: kak vyzhit' i preuspet' v mire biznesa. M.: AOZT «Dzhon Uajli jend sanz». 1994. 284 s.
9. Shmeleva Zh.N. Acculturation as a communication aspect. Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitija. Krasnojarsk, 2022. S. 348 – 351.
10. Shmeleva Zh.N. Personal example of a higher educational institution faculty member as a method of the university student upbringing. Sovremennye tendencii razvitija sistemy podgotovki obuchajushhihsja po inostranomu jazyku v nejazykovom vuze: regional'naja praktika. Krasnojarsk, 2022. S. 260 – 264.

*Grineva O.A., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Krasnojarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*

ETHICS OF COMMUNICATION IN FOREIGN COUNTRIES

Abstract: the issues of intercultural communication are becoming particularly relevant against the background of rapid changes in the socio-economic conditions of the world level. The article reflects the grounds for rethinking the established ethical traditions in interdisciplinary fields: linguistics, economics, philosophy, pedagogy, management and cultural studies. In addition, negotiation tactics are an integral part of both international business, political congresses, educational space, and interpersonal communication. The principles of business etiquette of communication in Western European and Eastern countries, similarities and differences, rules and norms of politeness, national ethnic features of greeting, behavior, acceptance and gift-giving, clothing style and venue of negotiations are presented. In the process of mastering professional communication skills, the communicative-activity method is mainly suitable. The necessity of a thorough study of sociolinguistic, psycholinguistic and cultural characteristics of foreign countries in order to achieve successful and fruitful cooperation is shown. The causes of foreign cultural misunderstandings are revealed, as well as possible solutions to emerging problems in communication activities between representatives of different countries. The necessity of adaptation to the subtleties of the culture of other countries is justified in order to avoid false ideas about each other and completely eliminate existing inaccuracies.

Keywords: globalization, etiquette, rules, negotiations, behavior, culture, politeness, gratitude

For citation: Grineva O.A. Ethics of communication in foreign countries. Modern Scientist. 2023. 1. P. 144 – 148.

Искандарова Г.Р., доктор филологических наук, доцент,
Уфимский юридический институт МВД России

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «СЛОВА» В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: цель исследования – установить в результате изучения ряда научных работ по теоретическим вопросам языкознания основные характеристики «слова». В задачи исследования входило определить статус «слова» в системе языка, описать «слово» с позиций структурализма, выявить взаимосвязь «слова» с языковыми категориями. Для решения данных задач применялись метод сплошной выборки, описательный и сравнительный методы исследования.

Слово как двухсторонний языковой знак представляет собой номинативное единство языкового выражения и внеязыковой сущности. Оно содержит в себе информацию об определенном фрагменте мира и отражении этого фрагмента в нашем сознании, об отношениях языкового знака с другими знаками, об условиях использования этого знака.

Слово является основной единицей лексикологии, в рамках которой традиционно рассматривается лишь его семантический план. Однако слово следует понимать шире, как основную единицу языка, представляющую собой многомерную конструкцию, различные аспекты которой связаны с различными отраслями языкознания.

Попытки дать определение «слову» приводят лингвистов к уровневому подходу в языке, на основе которого выделяют фонетически-фонологическое, графическое, морфологическое, синтаксическое, семантическое, прагматическое слово.

Проведенное исследование находит применение при разработке курса по основам лингвистической семантики, вносит определенный вклад в развитие современного языкознания, лексикологии, когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: язык, слово, языковой знак, языковая единица, фонология, морфология, семантика, синтаксис, прагматика

Для цитирования: Искандарова Г.Р. К определению «слова» в языке (на материале немецкого языка) // Современный ученый. 2023. № 1. С. 149 – 152.

Пользователи языка знают, что такое «слово», однако, лингвисты продолжают попытки дать научное объяснение «слову» и ищут его особенности, выделяя «слово» среди других языковых единиц.

Вслед за Фердинандом де Соссюром структуралисты выделили два уровня языка – звуковой и содержательный. Андре Мартине давал следующее разъяснение: Выражение *Ich habe Kopfwahl* или его часть, имеющая смысл (*Kopf, weh*), называется языковым знаком; любой языковой знак имеет сигнификат (понятийное содержание, значение, ценность) и сигнификант (материальную сторону) [6, с. 23]. Позднее такое представление было дополнено языковыми уровнями.

Сегодня собственно все грамматические модели исходят из уровней, выступающих посредниками между звуковой и содержательной сторонами языкового образа. В грамматике видят совокупность правил, которые обосновывают единство отражения действительности и звуковой формы в языковом выражении [5, с. 35]. Однако между формой и содержанием не существует изоморфизма, о чем свидетельствует явление многозначности в языке. Так, в слове *Dame* выражено, по меньшей мере, три разных концепта: ‘взрослое

лицо женского пола’, ‘игральная карта’, ‘фигура в шахматной игре’. С другой стороны, для понятия ‘взрослое лицо женского пола’ имеется четыре звуковых оболочки: *Frau, Weib, Dame, Fräulein*. Вообще, полисемия, омонимия и синонимия выступают основными типами «нарушения» однозначных отношений между звуковой формой и значением слова [3, с. 215].

В грамматических многоуровневых моделях, как правило, выделяют пять относительно самостоятельных уровней со своими правилами. Отнесение формата к содержанию осуществляется через промежуточные морфологический и синтаксический уровни и определяется условиями употребления, при которых следует отделять синтаксические условия от прагматических.

Прагматический уровень оказывает влияние на все остальные уровни. Синтаксический компонент регулирует связь сложных знаков, а грамматический компонент – соответствие ситуации. Рассмотрим сказанное на примерах. В утверждении *Das Auto ging auf der Autobahn spazieren* наблюдается нарушение на семантическом уровне, так как глагол *spazierengehen* не может употребляться в отношении неодушевленных объектов. Нарушением на прагматическом уровне считается исполь-

зование в официальной обстановке высказывания *Im Saal saßen 700 Nasen, die eine mitreißende, unkonventionelle teils unbequeme und unterhaltsame Rede hörten*, хотя в приватной коммуникации оно вполне уместно.

Произносимое слово – это не что иное, как взаимосвязанная цепочка языковых звуков. Пиа Бергман предполагает, что звуковое знание (шире – языковое знание) состоит не только из абстрактных сегментов или признаков, а из конкретных и детализованных единиц [4, с. 10]. Так, человеческая память способна хранить все формы нерегулярных сильных глаголов (*singen, sang, gesungen*), обеспечивая связь между фонетической реализованной субстанцией и фонологической абстрактной функцией.

Произносимые слова могут разлагаться на сегменты (звуки, слоги). При этом некоторые звуки (фонемы) выполняют смыслоразличительную функцию. Например, слова *Hut, Gut, Mut* отличаются друг от друга звуками [h], [g], [m] и приобретают разные значения. С другой стороны, в одном звуковом образе манифестируется несколько смыслов: *Bank* как ‘скамья’, так и ‘кредитный институт’.

Пользователи языка распознают слова на основе сохраненных в памяти звуковых образов. Это проявляется в том, что слова выделяются просодическими средствами и постановкой ударения. Йорг Мэйбауэр рассматривает фонологическое слово по отношению к устному языку и выделяет между двумя словами пограничные сигналы – словарный акцент и речевые паузы [7, с. 17].

Поскольку наряду с говорением к языковым компетенциям относят чтение и письмо, то принято выделять графические слова, даже в языках и диалектах, не имеющих своей письменности. В определении письменного (или графематического) слова большое значение имеет паузирование. Графические слова в тексте отделяются пробелом. Однако иногда возникают сомнения, когда нужно оставлять этот пробел, особенно, если речь идет о слитном или раздельном написании слов в немецком языке, что ведет к нарушению орфографических правил. Кроме исторического развития, на нормированное написание влияют следующие принципы: слово образует графическую единицу и поэтому пишется слитно (принцип словарной единицы), связанные при помощи словообразования морфемы и корни пишутся слитно, например, *Tisch+ler=Tischler* (словообразовательный принцип).

Морфемы являются самыми маленькими смысловыми языковыми единицами, «кирпичиками» слова. Принято выделять базовые (корневые) морфемы, словообразовательные средства (пре-

фиксы, циркумфиксы, суффиксы), флексии и соединительные элементы (или фуги).

Морфологическое слово состоит, по меньшей мере, из одной лексической морфемы. Слова образуются посредством соединения морфем, соответственно они могут распадаться на морфемы. В основе линейной фонетико-орфографической структуры слова лежит иерархическая бинарная модель, например: *Jugendfreiwilligendienstgesetz, Jugendfreiwilligendienste + Gesetz, (Jugend + Freiwilligendienst-e) (ge-+setz), (Freiwillige-n+dienst-e), freiwillig + en, freewill + -ig, frei + will*.

С морфологической точки зрения, в немецком языке слова делятся на корневые (состоят из одной морфемы) и производные (комбинации морфем), а также слова, изменяющие или не изменяющие свою форму в предложении. Флективное слово образует лексическую парадигму с исходной основной словоформой и ее вариантами (*heiß – heißer, heißesten, heiße, heißes*). Только в тексте исходная лексема получает определенные грамматические признаки (рода, падежа, времени) и реализует свои синтаксические словоформы. Так, личные местоимения *sie* и *er*, хранящиеся в слове как лексемы, в предложении *Diese Maus ist keine Sie, sondern ein Er* становятся синтаксическими субстантивами.

Структуру предложения образуют, как правило, не отдельные слова, а словосочетания (фразы). Фразы являются проекциями соответствующих ядерных элементов. Слова, выступающие в роли ядерных компонентов, считаются синтаксическими, например, *das Haus* в словосочетании *das Haus am See*. Кроме того, имеются слова, которые не могут быть ядром лексической фразы; к ним относятся артикли, вспомогательные глаголы и союзы. В то же время артикль можно отнести к синтаксическому слову, так как он выражает грамматические признаки номинальной фразы (функциональные категории), но не несет в себе дескриптивного содержания.

Семантическое слово – это самостоятельный носитель значения, пользователи языка связывают с ним определенное содержание. Так, лексема *Tisch* обозначает ‘конкретный предмет’, *Liebe* ‘чувство’, *blau* ‘свойство цвета’, *oder* ‘логическую связь’, *tauchen* ‘деятельность’.

Слова могут объединяться в сложные лексемы и принимать значения, которые не являются суммой отдельных значений, так как произошел процесс идиоматизации, или потери семантико-морфологической прозрачности слова, например, у слова *Bleistift*.

Одним из спорных вопросов в языкознании является вопрос о том, существует ли частеречное значение. Можно согласиться с точкой зрения,

согласно которой нецелесообразно его выделять, потому что нет прямого соотношения грамматических и семантических классов слов. Так, не все существительные служат для наименования вещей. Например, существительное *Essen* в предложении *Das Essen dauert lange* вербализует процесс. Не все слова, называющие свойства, являются прилагательными (*Schönheit erfreut*).

На наш взгляд, имеет смысл выделить следующие основные лексико-семантические классы. Во-первых, речь идет о словах, обладающих относительно закрытым значением вне контекста (*Eva* – имя собственное, *Apfel* – видовое обозначение). Во-вторых, это слова реляционного типа, требующие дополнения для раскрытия своего значения (*jemand spart etwas*, *Misstrauen hat man gegenüber jemandem oder etwas*). В-третьих, следует отметить дейктические слова, они ситуативно связаны и не поддаются описательному толкованию вне контекста (*dort, jetzt, du*).

Следующий класс включает в себя слова, не имеющие лексического значения, участвующие в формообразовании и несущие в себе грамматический компонент. Примером служат внутри глагольной парадигмы вспомогательные глаголы *haben, sein, werden*, в рамках субстантивной парадигмы – артикли *der, die, das*. Это так называемые синтаксические, синсемантические слова. Сюда же можно отнести единицы, выступающие частью лексической фразы, или фразеологизма (идиоматического выражения), и не имеющие изолированной семантики внутри этой фразы.

С точки зрения пользователей языка, семантические слова могут приносить в коммуникативное действие разное содержание. Они могут обозначать предметы или процессы и / или выражать эмоции, оценки, намерения. Об этом еще в 40-ые годы XX в. писал известный психолог Карл Бюлер, выделяя три функции языка: экспрессивную (самовыражение говорящего), апеллятивную (обращение к слушающему, привлечение внимания участника коммуникации) и репрезентативную (передача сведений о внешнем по отношению к коммуникации мире) [2, с. 82].

Экспрессивная функция языка выражается в том, что слова способны сигнализировать об эмоциональном состоянии говорящего. Эмоции представляют собой психические состояния людей: в невербальном плане это мимика и жесты, физические проявления (например, покраснение), в вербальном плане – языковые выражения. С точки зрения психологии, неожиданное событие вызывает у человека переработку информации, ведет к положительной или отрицательной оценке, далее к всплеску эмоций, возбуждению (спокойствию) или желанию (нежеланию), что проявляется физически (слезы, побледнение) и / или словесно (например, *Nanu!* как удивление).

С позиции лингвистики, можно выделить следующие типы слов с эмотивной функцией: слова для выражения чувств, описания эмоций и аффектов, неэкспрессивные по своей сути (*Liebe, Trauer, Hass, Eifersucht*), и аффективные слова и выражения – бранные, ласкательные и др. (*gemein!; Lügner!; Oh, Maus!; Das tut mir aber leid!; Ich hasse dich!*). В этой связи в русском языке выделяют коннотативы-эмотивы (*мамуля, дедуля, бабуля, голубчик / голубушка, лапушка*), коннотативы-эвалюативы (*добряк, паинька, разгильдяй, фанфарон*), коннотативы-компаративы (*медведь, осел* – о человеке) [1, с. 1158]. Слова-аффективы, в основном, многозначны. Для разрешения их полисемии требуется привлечение контекста. Например: *Ach (?)/Ach, du Armer!* (сожаление, сочувствие) / *Ach, wenn es doch wieder so wäre!* (тоска).

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на ряд критериев и тестовых процедур, разработанных в языкознании, можно дать лишь примерное определение «слову». В зависимости от того, какой языковой уровень выбран для описания, будет получен ответ на вопрос, что представляет собой минимальная единица лексикона или основная единица словаря. В любом случае прототипическими характеристиками «слова» выступают его изолированность на письме и в речи, самостоятельное значение, морфемная структура, способность выступать ядерным компонентом фразы и выполнять основные функции языка.

Литература

1. Васильев Л.М. Актуальные теоретические проблемы современной лингвистической семантики // Вестник Башкирского университета. 2009. Том 14. № 3-1. С. 1155 – 1160.
2. Искандарова Г.Р., Мурясов Р.З. Функционализм в науке о языке и в словообразовании // Вестник Башкирского университета. 2013. Том 18. № 1. С. 82 – 85.
3. Мадрахимов И.С. Слово в языковой системе (Слово с точки зрения лексикологии) // Ислам в России: история, культура, экономика: Материалы XI Международной тюркологической конференции (Елабуга, 13 мая 2022 года). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. С. 214 – 217.
4. Bergmann P. Morphologisch komplexe Wörter: Prosodische Struktur und phonetische Beschreibung. Berlin: Language Science Press, 2018. 423 p.

5. Heidolph K.E., Flämig W., Motsch W. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981. 1028 p.
6. Martinet A. Grundzüge der Allgemeinen Sprachwissenschaft. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1968. 201 p.
7. Meibauer J. Lexikon und Morphologie. In: Einführung in die germanistische Linguistik. Hrsg. von Jörg Meibauer, Ulrike Demske, Jochen Geilfuß, Wolfgang, Jürgen Pafel, Karl Heinz Ramers, Monika Rothweiler und Markus Steinbach. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2002. P. 15 – 69.

References

1. Vasil'ev L.M. Aktual'nye teoreticheskie problemy sovremennoj lingvisticheskoj semantiki. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. Tom 14. № 3-1. S. 1155 – 1160.
2. Iskandarova G.R., Murjasov R.Z. Funkcionalizm v nauke o jazyke i v slovoobrazovanii. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2013. Tom 18. № 1. S. 82 – 85.
3. Madrahimov I.S. Slovo v jazykovej sisteme (Slovo s točki zrenija leksikologii). Islam v Rossii: istorija, kul'tura, jekonomika: Materialy XI Mezhdunarodnoj tjurkologičeskoj konferencii (Elabuga, 13 maja 2022 goda). Kazan': Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2022. S. 214 – 217.
4. Bergmann P. Morphologisch komplexe Wörter: Prosodische Struktur und phonetische Beschreibung. Berlin: Language Science Press, 2018. 423 p.
5. Heidolph K.E., Flämig W., Motsch W. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981. 1028 p.
6. Martinet A. Grundzüge der Allgemeinen Sprachwissenschaft. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1968. 201 p.
7. Meibauer J. Lexikon und Morphologie. In: Einführung in die germanistische Linguistik. Hrsg. von Jörg Meibauer, Ulrike Demske, Jochen Geilfuß, Wolfgang, Jürgen Pafel, Karl Heinz Ramers, Monika Rothweiler und Markus Steinbach. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2002. P. 15 – 69.

*Iskandarova G.R., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

TO THE DEFINITION OF «WORD» IN THE LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Abstract: the purpose of the study is to establish, as a result of studying a number of scientific papers on theoretical issues of linguistics, the main characteristics of the «word». The objectives of the study were to determine the status of the «word» in the language system, to describe the «word» from the standpoint of structuralism, to identify the relationship of the «word» with language categories. To solve these problems, the continuous sampling method, descriptive and comparative research methods were used.

The word as a two-sided linguistic sign represents the nominative unity of linguistic expression and non-linguistic essence. It contains information about a certain fragment of the world and the reflection of this fragment in our consciousness, about the relationship of a language sign with other signs, about the conditions of use of this sign.

The word is the basic unit of lexicology, within which only its semantic plan is traditionally considered. However, the word should be understood more broadly as the basic unit of the language, which is a multidimensional construction, various aspects of which are associated with various branches of linguistics.

Attempts to define a «word» lead linguists to a level approach in the language, on the basis of which phonetic-phonological, graphic, morphological, syntactic, semantic, pragmatic words are distinguished.

The conducted research finds application in the development of a course on the basics of linguistic semantics, makes a certain contribution to the development of modern linguistics, lexicology, cognitive linguistics.

Keywords: language, word, language sign, language unit, phonology, morphology, semantics, syntax, pragmatics

For citation: Iskandarova G.R. To the definition of «word» in the language (based on the material of the German language). Modern Scientist. 2023. 1. P. 149 – 152.

*Арибжанова Д.З., преподаватель,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

ПЬЕР АБЕЛЯР И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В "ИСТОРИИ МОИХ БЕДСТВИЙ"

Аннотация: на протяжении многих десятилетий исследование особенностей личности, принадлежащей тому или иному периоду, находилось вне интересов профессиональных ученых, и лишь в XX веке приобрели особенно актуальное звучание тезисы о необходимости изучать отдельную личность, а не только социум. Общественный запрос на субъективное понимание исторического процесса породил интерес к повседневной жизни человека, а через нее – и к ментальности, особенностям личности того или иного временного периода. Термин "интернет-коммуникация" применяется на обозначение коммуникативного взаимодействия в глобальной сети Интернет. «Компьютерная коммуникация» является гиперонимом относительно понятия "интернет-коммуникация". Именно интернет-Лингвистика является наиболее удачным термином на обозначение лингвистической отрасли, которая изучает все коммуникативные процессы, которые происходят в сети. Интернет-лингвистика фокусируется на исследовании интернет-синтаксиса, морфологии, семантики, дискурса, прагматики, социо - и психолингвистики. Основными характеристиками интернет-коммуникации является дистантность, анонимность, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, синхронность/асинхронность коммуникации, вариативность количества коммуникантов. Эти признаки являются базовыми в исследовании коммуникативного взаимодействия в Интернете. Сетевая коммуникация – более широкое понятие, поскольку охватывает коммуникативное взаимодействие не только в интернете, но и в других локальных, корпоративных и частных сетях.

Ключевые слова: идентичность, структура, развитие, призма, язык, личность

Для цитирования: Арибжанова Д.З. Пьер Абеляр и национальная идентичность через призму языковой личности автора в "Истории моих бедствий" // Современный ученый. 2023. № 1. С. 153 – 157.

Основной чертой современного общества является то, что информация и знания считаются стратегически важным ресурсом для общества, который по значимости можно сравнить с ресурсами природными, людскими и финансовыми. Рассуждая о стратегическом статусе информации, мы имеем в виду не только текстовую форму представления информации, но и невербальные средства – изображения и звуки (аудио, видео). Именно эту информацию создают, хранят, перерабатывают и передают информационные технологии, стремительное развитие которых открывает большие возможности для пользователей. Процесс информатизации современного общества направлен на обеспечение доступа к информации для всех его членов. Информационное общество постепенно заменяется смарт-обществом (smart society), что связано со смарт-революцией, то есть развитием таких цифровых технологий, как смартфоны, планшеты и смарт-ТВ.

Можно сделать вывод, что термины "электронная коммуникация", «компьютерная коммуникация», «сетевая коммуникация", "интернет-коммуникация" и "виртуальная коммуникация" находятся в гиперо-гипонимических отношениях: электронная коммуникация является самым широким понятием, в то время как

виртуальная комму-никация – самым узким. В нашем исследовании внимание сосредоточено прежде всего на виртуальной коммуникации, ведь именно виртуальное пространство является местом коммуникативного взаимодействия и саморепрезентации речевой личности.

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что природа Интернета, а именно динамическое интерактивное среда коммуникации, анонимность и другие характеристики, создают необходимые условия для реализации творческого потенциала личности, что отражается в языке виртуального пространства.

В этой связи особенный интерес представляют научные изыскания, связанные с языковой личностью автора. Существующее на сегодняшний день многообразие определений языковой личности можно обобщить до трех основных:

– языковая личность как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью;

– языковая личность как носитель языка, который может быть охарактеризован исходя из анализа созданных им текстов;

– языковая личность как совокупность языковых способностей индивида, которые выявляются на основе сопоставления системного представления о языке с функциональным анализом текста [3].

Отдельно следует остановиться на специфике языковой личности автора в документально-литературных жанрах, где анализу подвергается непосредственно его индивидуальная письменная речь, например, в дневниках, мемуарах, интервью и т.п. В подобных текстах языковая личность автора получает новые возможности для самопрезентации, когда путем целенаправленного, осознанного выбора языковых средств создается определенный образ для воздействия на читателя.

Стремительному развитию подвергаются так называемые 3D-миры, которые могут быть примером «бытия» в виртуальном пространстве. 3D-мир – это особый киберпространство, заселенный тысячами виртуальных жителей, которые строят объекты, общаются и взаимодействуют друг с другом. В виртуальном 3D-мире пользователь создает свой трехмерный аватар. Возможности виртуального мира безграничны: в 3D-мире вы можете себе позволить больше, чем в реальной жизни, что и привлекает большинство пользователей. Наибольшую популярность среди 3D-миров получили SecondLife, World of Warcraft, ActiveWorlds, The Sims 3, Moove. Однако виртуальные 3D-миры – это не только развлечения, их используют крупные международные компании для проведения конференций и тимбилдинга. Кроме того, виртуальные 3D-миры и киберпространства являются платформой для создания многочисленных виртуальных сообществ, то есть киберсообществ.

В реальном мире лексема "виртуальный" является синонимом к слову интернет, то есть тот, что представлен во всемирной сети. Однако некоторые исследователи сетевого пространства и его культуры говорят о существовании именно реальной виртуальности. Так, М. Кастельс в труде «Становление общества сетевых структур» анализирует проблему культуры реальной виртуальности. Для новой коммуникационной системы приоритетным является не стимулирование виртуальной реальности, а построение реальной виртуальности. Реальность начала быть виртуальной с тех пор, как был изобретен алфавит, что позволило людям декодировать опыт и знания с помощью символов. Глобальная сеть фундаментально влияет на характер коммуникации, которая формирует нашу

культуру. С изменением средств коммуникации, в частности речь идет о компьютерных технологиях, существенно трансформируется культура. Именно поэтому М. Кастельс утверждает о возникновении новой культуры – культуры реальной виртуальности (the culture of real virtuality). Реальная виртуальность, то есть Интернет, является неким когнитивным производением, где реальность полностью погружена в вымышленный мир, созданный человеком. В реальной виртуальности человек накапливает и передает свои знания о мире, создает среду по собственной модели.

Прежде всего, необходимо упомянуть о термине «эгодокумент», непосредственно связанном с реконструкцией личности автора на материале автобиографических текстов. Обобщенно эгодокументом можно назвать текст, в котором центральной является эгоконструкция, то есть такой способ изображения своей жизни индивидуумом, при котором представляется возможным с той или иной степенью достоверности достичь понимания его личности: менталитета, восприятия действительности, пережитых эмоций, приобретенного жизненного опыта [2].

Основными критериями, которые определяют принадлежность того или иного текста к эгодокументам, можно назвать следующие:

– способ изображения, при котором главенствующим становится авторское восприятие себя, своего места в мире (близость/тождественность автора и героя);

– добровольность написания текста;

– словесный способ выражения авторского «я», содержащий прямые высказывания личного характера [2].

Как видим, в эгодокументах значительно упрощается задача по разделению языковой личности автора как реального лица и языковой личности автора как образа в тексте.

Языковая личность так же многоаспектна, как и реальная: в тексте прямо или косвенно отображается социальная роль автора, его нравственные убеждения, этикетно-бытовая характеристика, оценка современных ему общественных процессов. В том числе речевые характеристики раскрывают и национальную идентификацию автора, под которой мы понимаем принадлежность к группе людей, объединенных общим языком, образом жизни, системой обычаев, значимыми историческими событиями и т.п. Кроме того, интересы этой группы подчеркнута противопоставляются интересам других подобных групп.

В этом разрезе любопытным представляется важный эгодокумент XII века – «История моих бедствий» Пьера Абеляра, которую можно отнести к жанру письменной исповеди. По объективным причинам произведения подобного плана, дошедшие до наших дней, принадлежат перу клириков – не только самой образованной, но и наиболее индивидуалистической общественной группы.

Несмотря на наличие большого количества основательных лингвистических трудов, посвященных интернет-коммуникации, открытым остается вопрос терминологии. Подробный анализ научной литературы по проблемам коммуникации в сети Интернет в частности, показал необходимость разграничения понятий «компьютерная коммуникация», «электронная коммуникация», «сетевая коммуникация», «интернет-коммуникация» и «виртуальная коммуникация». Электронная коммуникация – это коммуникативное взаимодействие с помощью электронного канала передачи данных. Термин «электронная коммуникация» чаще всего используется для подчеркивания влияния технологий на коммуникативный процесс. Термин «компьютерная коммуникация», по мнению лингвистов, является синонимом термина «электронная коммуникация», поскольку используется для обозначения общения с помощью компьютера. Компьютерная коммуникация – это речевая взаимодействие между собеседниками, которые посылают друг другу сообщения с помощью компьютеров, объединенных в сеть. В таком случае компьютер выступает как компонент связи, который влияет на социолингвистические ситуации общения и моделирует течение коммуникации.

В Западной лингвистике распространенным является термин "компьютерно опосредованная коммуникация" (computer-mediated communication).

Компьютерно опосредованная коммуникация – это общение, которое возникает в результате интеракции коммуникантов через компьютерную сеть. То есть этот термин является синонимичным к термину компьютерная коммуникация. Однако компьютерно опосредованная коммуникация является достаточно узким понятием, которое не охватывает технологий мобильной связи. Поскольку развитие мобильных технологий значительно повлияло на коммуникативное взаимодействие, то в обращение были введены термины «электронно опосредованная коммуникация» (electronically mediated communication) и «цифрово опосредованная коммуникация» (digitally mediated communication).

Эти термины охватывают коммуникативное взаимодействие с помощью всех известных цифровых средств (мобильные телефоны, планшеты, телевизоры).

Психологический феномен XII века напрямую связан с общественно-политическими изменениями, переходом от традиционного деревенского уклада к новому, городскому, в котором человек обретал совершенно новые возможности для самореализации. Человек отныне гораздо сильнее, чем прежде, нуждался в самопознании и самопрезентации, поскольку предложенные обществом однозначные варианты идентификации и актуализации перестали его удовлетворять [1].

Культурная значимость XII вв. заключается также в закреплении превосходства письменной традиции над устной. Если в античном мире, как и в современном, умение читать и писать было широко распространено и являлось значимым элементом образования и общественной жизни, то в Средневековье грамотность была скорее исключением, признаком высокой культуры в среде, которая была преимущественно неграмотна вовсе. Таким образом, грамотность стала одним из факторов социальной мобильности: низшие классы не учились ни писать, ни читать, их жизнь определялась теми, кто обладал этими знаниями – здесь как никогда будет уместен термин «элитарная языковая личность».

Несомненно, одной из таких элитарных языковых личностей был и Пьер Абеляр, которого массовое сознание однозначно идентифицирует как француза. Так, в «Истории моих бедствий» он неоднократно использует слово «родина», и даже дает вполне конкретные координаты: «Я происхожу из местечка, расположенного в преддверии Бретани, как я думаю, милях в восьми к востоку от Нанта, и носящего название Пале. Одаренный от природы моей родины или по свойствам нашего рода восприимчивостью, я отличался способностями к научным занятиям» [1]. Несмотря на комплиментарность последнего высказывания, Абеляр ни разу на протяжении всего текста не называет себя ни французом, ни бретонцем.

Дважды в «Истории» встречаются франки /французы. В первом случае это косвенная передача слов легата Конана, епископа Пренесте (о его собственной национальности не упоминается): «Даже сами мои враги начали отрицать, что со мной так поступили по их совету, а легат при всех признался, что он решительно осуждает злобу франков, проявленную в этом деле» [1]. Во втором случае сам Абеляр рассказывает о причинах своего переезда в бретонский монастырь: «Таким образом,

ненависть французов удалила меня на запад подобно тому, как ненависть римлян изгнала Иеронима на восток» [1]. Несмотря на кажущуюся нейтральность словоупотребления, оба слова эмоционально окрашены с учетом контекста и несут негативную коннотацию. Если «злых франков» можно отнести к впечатлению приезжего легата, то в случае с «ненавистью французов» Абельяр уже совершенно осознанно создает ассоциативный ряд, связанный с источником несправедливых гонений, обесцениванием, клеветой и т.д. Можно предположить, что самого себя он к франкам/французам не относит, подчеркнуто отмежевывается от этих чуждых ему людей.

Показателен также эпизод со скандалом в аббатстве Сен-Дени: «Этим ответом я сильно их раздражил, и они начали кричать, что теперь-то они меня явно разоблачили, что я всегда был врагом нашего монастыря, а в данном случае тяжко оскорбил и все королевство, отрицая, что их [монахов] покровителем является Ареопагит, что я отнял у королевства честь, которой оно особенно гордится. Я ответил, что ведь не я отрицал это и меня мало интересует, был ли святой Дионисий Ареопагитом или кем-то другим; важно лишь то, что он удостоился от бога венца святого. Однако они тотчас же побежали к аббату и передали ему слова, которые они приписывали мне [...]. Создав монастырскую братию, он обратился ко мне с жестокими угрозами и заявил, что он немедленно отправит меня к королю, дабы тот наказал меня за то, что я лишил его государство и его самого венца славы. До передачи королю аббат приказал строго стеречь меня» [1]. Как видим, притяжательное местоимение «наш» Абельяр использует исключительно по отношению к монастырю, и вся ситуация в целом свидетельствует об его патриотической индифферентности, тогда как остальные монахи обладают вполне сформированным, пусть и ложным с его точки зрения, представлением о национальном престиже.

Логично было бы предположить, что в этом случае Абельяр считал себя бретонцем. Так, Режи Перну в своей монографии неоднократно подчеркивает его происхождение, и даже напрямую связывает с ним некоторые черты характера: «Бретонец не вправе уклониться от данных обещаний, а ведь Абельяр – бретонец» [2]. Косвенным подтверждением этому можно считать авторское противопоставление понятий «родина» – «Франция» («...я подорвал свое здоровье и вынужден был возвратиться на родину. В течение нескольких лет я был как бы удален из Франции, зато меня еще ревностней ожидали все

увлекавшиеся изучением диалектики» [1]; «Пока происходили все эти события, моя возлюбленная мать Люция вызвала меня к себе на родину. [...] По исполнении этого обряда я возвратился во Францию, чтобы основательнее изучить богословие» [1]).

Однако на самом деле в «Истории моих бедствий» жители Бретани получают крайне нелестную оценку: «Область та действительно была варварской, языка ее жителей я не знал, постыдная и необузданная жизнь монахов в упомянутом монастыре была почти всем хорошо известна, а живущий в этой области народ был диким и неукротимым» [1]. Более того, Абельяр недвусмысленно отрицает всякую возможность самоидентификации с этими людьми: «И так как жители той области были вообще беззаконниками и непокорными варварами, то не было там людей, к которым я мог бы обратиться за помощью; а нравы всех жителей той области были мне совсем чужды» [1].

Подобное отмежевание может свидетельствовать о том, что критерии национальной идентичности Абельяра строились на принципах, которые с точки зрения современного человека больше говорят о религиозной, нежели национальной общности. В «Истории» значительное место занимает пространная речь Элоизы, посвященная критике брачных отношений; по всей видимости, Абельяр включил в свое повествование отрывки из ее письма. Среди прочих рассуждений о предназначении философов и их места в обществе встречается следующее: «Ведь у любого народа – безразлично языческого, иудейского или христианского – всегда имелись выдающиеся люди, превосходящие остальных по своей вере или высокой нравственности и отличавшиеся от других людей строгостью жизни или воздержанностью» [1]. Это отождествление религиозной и национальной идентичности можно было бы считать исключительно цитатой из письма Элоизы. Однако в «Диалоге между Философом, Иудеем и Христианином», написанном Абельяром вскоре после «Истории моих бедствий», можно видеть аналогичную позицию. Даже если он не сформулировал эту точку зрения прежде, ее воспроизведение свидетельствует о том, что Абельяр разделял этот принцип.

Таким образом, в тексте «Истории моих бедствий» присутствуют слова-маркеры, свидетельствующие о том, что автор четко идентифицировал социальные группы по национальному признаку. Понятие «родина» данном в контексте сводится к месту рождения, феодальному владению, но не включается в более широкие, такие как «королевство» или «страна».

Это отчасти объясняет отсутствие авторской самоидентификации в пределах обозначенных национальных групп. Вторым важным фактором является наличие параллельных принципов идентификации, по геополитическим и по

религиозным признакам. Последний является определяющим для автора, который в этой парадигме определяет себя как представителя христианского народа, и более того – представителя элитной прослойки, философа.

Литература

1. Абельяр Петр. История моих бедствий: пер. с лат. В. А. Соколова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 256 с.
2. Богданова Е.В. Проблема реконструкции языковой личности автора в художественных произведениях дневникового жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 89 – 96.
3. Бондарь И.А. Эготекст в творчестве Гюнтера Грасса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. С. 10.
4. Перну Р. Элоиза и Абельяр: пер. с фр. Ю.М. Розенберг. М.: Молодая гвардия, 2005. 242 с.

References

1. Abeljar Petr. Istorija moih bedstvij: per. s lat. V. A. Sokolova. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. 256 s.
2. Bogdanova E.V. Problema rekonstrukcii jazykovej lichnosti avtora v hudozhestvennyh proizvedenijah dnevnikovogo zhanra. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2009. № 4. S. 89 – 96.
3. Bondar' I.A. Jegotekst v tvorcestve Gjuntera Grassa. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2015. S. 10.
4. Pernu R. Jeloiza i Abeljar: per. s fr. Ju.M. Rozenberg. M.: Molodaja gvardija, 2005. 242 s.

*Aribzhanova D.Z., Lecturer,
Lomonosov Moscow State University*

PIERRE ABELARD AND NATIONAL IDENTITY THROUGH THE PRISM OF THE AUTHOR'S LINGUISTIC PERSONALITY IN “THE HISTORY OF MY DISASTERS”

Abstract: for many decades, the study of personality characteristics belonging to a particular period was outside the interests of professional scientists, and only in the twentieth century the theses about the need to study an individual, and not just society, acquired a particularly relevant sound. The public demand for a subjective understanding of the historical process has generated interest in the daily life of a person, and through it – to the mentality, personality characteristics of a particular time period. The term "Internet communication" is used to denote communicative interaction on the global Internet. "Computer communication" is a hyperonym for the concept of "Internet communication". It is Internet Linguistics that is the most successful term for the designation of the linguistic branch that studies all the communicative processes that occur on the web. Internet linguistics focuses on the study of Internet syntax, morphology, semantics, discourse, pragmatics, socio- and psycholinguistics. The main characteristics of Internet communication are distance, anonymity, multimedia, hypertextuality, interactivity, synchronicity/asynchrony of communication, variability of the number of communicants. These signs are basic in the study of communicative interaction on the Internet. Network communication is a broader concept, since it covers communicative interaction not only on the Internet, but also in other local, corporate and private networks.

Keywords: identity, structure, development, prism, language, personality

For citation: Aribzhanova D.Z. Pierre Abelard and national identity through the prism of the author's linguistic personality in “The History of My Disasters”. Modern Scientist. 2023. 1. P. 153 – 157.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Файзуллин Э.А.,
Вятский государственный гуманитарный университет,
Файзуллина А.А.,
Кировский педагогический колледж*

СОДЕРЖАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ И ИНВАЛИДНОСТЬ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос социальной адаптации детей с ОВЗ и инвалидов. Отмечена роль государства в этом процессе. Отдельно раскрывается положение о том, что дети с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в перспективе могут стать социально адаптированной трудовой группой в обществе, при условии работы в формате организации воспитательного процесса и социальной адаптации. Отмечается, что современная концепция воспитания таких детей базируется на персонализированном подходе. Подчеркивается тенденция организации социальной адаптации детей на всех уровнях их взаимодействия с обществом (семья, учреждения, другие дети, социум в целом). На территории Российской Федерации отмечена реализация государственных программ по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью посредством специализированных реабилитационных центров, организации работы с родителями, формирования концепции работы особых коррекционных учреждений. Выделяются конкретные направления воспитательной работы с обучающимися с ОВЗ и инвалидностью. В ходе исследования была выполнена цель настоящей работы, а именно проведён анализ особенностей содержания/организации воспитательной работы для детей с ОВЗ и инвалидностью на современном этапе.

Ключевые слова: дети, ограниченные возможности здоровья, воспитательная работа, социализация, реабилитационные центры, нормативное регулирование

Для цитирования: Файзуллин Э.А., Файзуллина А.А. Содержание и организация воспитательной работы с обучающимися, имеющими ограниченные возможности здоровья и инвалидность // Современный ученый. 2023. № 1. С. 158 – 164.

Дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью становятся пристальным объектом внимания в РФ с целью социализации индивидуумов для реализации их возможностей в перспективе и становления личности в целом. Воспитание таких детей сейчас проводится с учетом стратегии развития воспитания в Российской Федерации, разработанной до 2025 г. и направленной на становление личностных качеств. Нацеленность воспитательной работы с подрастающим поколением, имеющим ОВЗ, на становление приоритетам здорового социума привела к развитию специализированных организаций, в частности реабилитационных центров. При этом ключевое внимание уделяется именно воспитательной деятельности – ключевому виду педагогической деятельности. Официальные задачи воспитания включают: формирование социально-адаптивных личностных качеств, гармонизацию отношений между людьми, организация правильного микроклимата и воспитательного влияния окружающей среды. Учреждения социальной защиты, функционирующие для реабилитации несовершеннолетних с ОВЗ и инвалидов, включают центры для детей, подростков, юношей и девушек

молодого возраста (18-30 лет). Нарушения могут включать как умственные, так и физические ОВЗ. При этом независимо от типа отклонений/патологий необходимо обеспечить уход, бытовое обслуживание, медицинскую/социальную поддержку, реабилитацию, обучающие и воспитательные программы. В Российской Федерации эффективно развивается система социально-педагогической опоры детей с инвалидностью с организацией службы психолого-педагогического, медицинского и социального сопровождения. Федеральный закон РФ «О социальной защите инвалидов» включает понятие «ребенок-инвалид» и его характеристику, устанавливается группа инвалидности [4]. Современные тенденции к росту инвалидности детей связаны с усовершенствованием диагностики, расстройства питания, белково-витаминного дефицита, экологической обстановки, нарушения здорового образа жизни, отставание уровня доходности от повышения стоимости жизни.

Цель настоящей работы – анализ особенностей содержания/организации воспитательной работы для детей с ОВЗ и инвалидностью на современном этапе.

Организация в РФ реабилитационных центров для инвалидов молодого возраста (до 30 лет) направлено на попадание в данные условия обучения по рекомендации (путевке) органов соцзащиты или отдела по организации общественного содействия и социальному обслуживанию семьи и детей с потребностью заявления родителя, прочей отвечающей личности либо самого инвалида (возрастом ≥ 18 лет). Данные реабилитационные центры оптимально формировать по отделениям вроде медицинских учреждений: стационарное, дневного пребывания, социализации инвалидов юного возраста, диагностики, разработки программы реабилитации, психолого-педагогической помощи, медико-социальной и социально-трудовой реабилитации, консультативное, образовательной деятельности. При этом требуется подразделение на воспитателей и учителей. Первые занимаются исключительно воспитательными направлениями развития детей/подростков (рис. 1).

Рис. 1. Конкретные направления воспитательной деятельности.

Составлено на основе материалов статьи Махмудовой Н.М.

«Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы» [8].

Во времена СССР и после его развала при работе с детьми-инвалидами доминировала государственная система специальных школ и интернатов. Система постепенно изживает себя потому, что в ней не было индивидуализированных подходов к воспитанию ребенка. По-прежнему структурные подразделения таких учреждений функционируют, но стремительно меняется концепция, чтобы избежать социальной «маркировки» ребенка как неполноценного, его искусственной изоляции, жесткости поучения, безвариативности воспитания, исключения семьи ребенка из воспитательного процесса. Рассматриваются возможности совместного обучения детей-инвалидов и полноценных детей, так как это может иметь полезные последствия для тех и других. Общение инвалидов с обычными детьми приводит к увеличению количества/разнообразия сенсорных стимулов для развития, чтобы избежать психической депривации (недостаточности удовлетворения основных психических потребностей, в частности общения, ви-

Выделяют также конкретные направления воспитательной работы с обучающимися с ОВЗ и инвалидностью. Так, становление бытового самообслуживания включает формирование бытовых и финансовых (использование денежных средств) навыков; организация здорового образа жизни (ЗОЖ): проведение оздоровительных мероприятий (прогулка, гимнастика), соревнования. Ряд методов могут применяться для различных направлений воспитательного процесса: арт-терапия, чтение вслух. В целом формат занятий подразделяется на индивидуальный и групповой. Расширение кругозора может включать экскурсии и творческие вечера. Естественно, помимо воспитательной работы проводится общеобразовательная деятельность в зависимости от возраста детей по специализированным программам дошкольного (6-8 лет), начального (от 7 лет) и дополнительного (14-30 лет) образования для детей с ОВЗ.

зуализации, невербальной информации), риск формирования которой велик в условиях интерната. Выделяют также «социальную депривацию», обусловленную низким уровнем жизни и подразумевающую недостаточность условий, материальных и духовных ресурсов для выживания детей. Семья ребенка-инвалида – необходимый и значимый фактор его успешной реабилитации, поэтому материальные проблемы и проблемы воспитания в неполной семье, в частности из-за ухода отцов в 50% из семьи с ребенком с ОВЗ существенно ухудшают прогнозы. Однако уровень разводов в семьях, попавших в программы помощи специалистов существенно ниже.

Эффективная организация воспитательного процесса невозможна в больших группах детей, поэтому оптимальное количество: ≤ 10 и ≤ 5 человек при несложных и сложных дефектах соответственно у детей с ОВЗ/инвалидностью. Обязательно требуется проведение индивидуальных занятий с педагогом-психологом, логопедом, дефектоло-

гом. Необходимо участие в воспитательном процессе социального педагога (тьютора, куратора), функции которого включают: техническую помощь обучающимся, помощь доступа в здания/помещения, помощь в организации образовательной деятельности, индивидуальных/групповых занятий. Дополнительное образование направлено на развитие навыков, кругозора, формирования интереса к обучению, а у обучающихся от 13 лет – еще и на становления профессиональной деятельности (шитье, фотодизайн, парикмахерское искусство, в частности). В центрах организуются кабинеты социально-трудовой реабилитационной направленности и профориентированности [10, с. 98].

Работа с детьми-инвалидами осуществляется социальным педагогом, деятельность которого

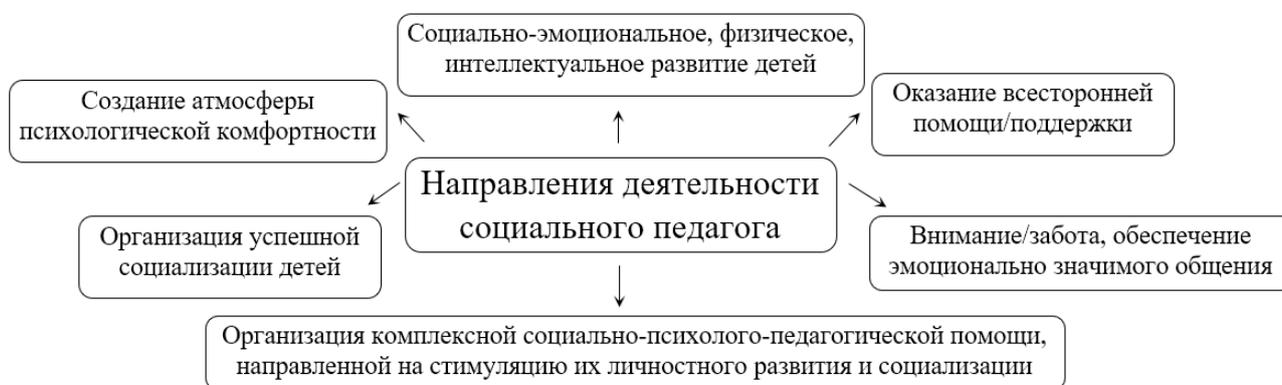

Рис. 2. Функции социального педагога при организации воспитательной деятельности для детей-инвалидов. составлено на основе материалов статьи Махмудовой Н.М. «Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы»

Рис. 3. Функции социального работника, выполняющего обязанности по реабилитации детей-инвалидов и взаимодействию с их семьями. составлено на основе материалов статьи Махмудовой Н.М. «Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы»

Уровень адаптированности инвалида детства базируется на создании максимума возможностей социализации и формирования внутренней уверенности. Детям-инвалидам необходим комбинированный реабилитационный подход, включаю-

направлена на решение сложных проблем (рис. 2.). Функции социального работника, участвующего в реабилитации не только ребенка-инвалида, но его семьи/родственников еще шире (рис. 3). Ключевая функция социальной реабилитации заключается в разрушении негативной установки неполноценности ребенка-инвалида непосредственно у него, его родственников и общества в целом, работодателей в частности, которых необходимо поощрять на государственном уровне за трудоустройства гражданина с ОВЗ [12, с. 75]. Согласно нормативному документу федерального уровня учреждения образования, социальной защиты, информации, физической культуры/спорта обеспечивают непрерывность воспитания, образования, адаптации детей с инвалидностью [11, с. 116].

ций медицинские, психологические, педагогические, социальные мероприятия. Необходимо формирование сетевого уровня реабилитационных центров детей/подростков с ОВЗ, учреждений дошкольной коррекции и учебно-воспитательных

для детей с ОВЗ с учетом нормативных документов и накопленного опыта. В целом учреждения образования, социальной защиты, здравоохранения обеспечивают дошкольное, внешкольное,

школьное воспитание детей-инвалидов в соответствии с индивидуальной программой их реабилитации. Выбор условия зависит от уровня выраженности ОВЗ (рис. 4).

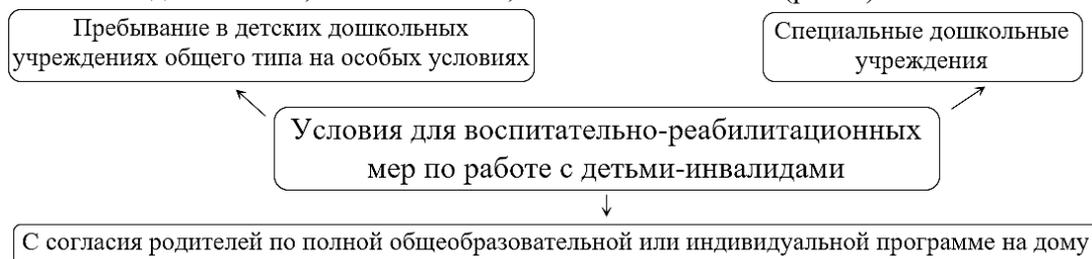

Рис. 4. Организация воспитательно-реабилитационных мер по работе с детьми-инвалидами. Составлено на основе материалов статьи Махмудовой Н.М. «Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы»

В Федеральное законодательство включена необходимость бесплатного образования инвалидов и профессиональной подготовки независимо от условий, примененных к конкретному ребенку с ОВЗ. При работе социального педагога учитываются также статьи работы с детьми-инвалидами, в частности статьи «Медицинская помощь инвалидам»; «Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к информации», «Обеспечение инвалидов жилой площадью», «Материальное обеспечение инвалидов», «Социально-бытовое обслуживание инвалидов», «Санаторно-курортное лечение инвалидов», «Транспортное обслуживание инвалидов». Эффективность реабилитации ребенка-инвалида зависит от отношения общественных институтов и членов общества о равных правах

ребенка наряду с обычными детьми. В результате помощь детям на современном этапе перестала быть узкоспециализированной деятельностью, а позиционируется как широкий спектр услуг: (1) Нормализация отношения к ребенку в семье с исключением его заброшенности, жестокого отношения, (2) помощь детям с угрожающими биологическими (малый вес при рождении) и окружающими (низкий доход, отсутствие поддержки родственников) факторами, (3) не допущение возникновения вторичных дефектов у детей-инвалидов. В целом сформирована «зонтичная» система реабилитации ребенка-инвалида (табл. 1). Важной является организация специальных курсов для учителей и родителей ребенка-инвалида.

Таблица 1

Классификация услуг детям-инвалидам на современном этапе

Наименование	Описание
Непосредственные	Медицинские, трудотерапия, логопедия, обучающие программы.
Для родителей	Организация групп самопомощи, развивающие курсы, консультирование
Семьям	Работа с братьями, сестрами, бабушками, дедушками с организацией небольшого отдыха для родителей, помощь по дому и финансовая.
Региональные (районные)	Сотрудничество с дошкольными учреждениями со включением детей в обычные детские сады, защита прав ребенка и его родственников, доведение до общественности проблем и нужд детей-инвалидов.

Примечание: составлено на основе материалов статьи Махмудовой Н.М. «Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы»

Социальная политика в отношении детей с ОВЗ направлена на гуманизацию общества, усовершенствование организации, содержания и методик воспитания обучающихся с целью формирования социально-активной и социально-адаптивной личности. Такое понятие, как инклюзивное образование сейчас в приоритете государственной политики имеет многоуровневый характер. Еще с момента резолюции 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г.) началась трансформация отношения к детям-инвалидам. В конвенции ука-

зано, что инвалидность – эволюционирующее понятие и результат взаимодействия между людьми с ОВЗ и социума с наличием/отсутствием средовых барьеров, а, следовательно, с наличием/отсутствием помех эффективного вливания людей с ОВЗ в жизнь общества наравне с другими [1], а в 2012 г. В РФ официально вступил в силу Федеральный закон № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» [3]. Законодательство направлено на формирование необходимые условия для полноценной жизни инвалида, а

также развивать систему инклюзивного образования (равного доступа к образованию), понятие которого также введено на государственном уровне [2]. В основе данного образования лежит учет индивидуальных особенностей ребенка, которого надо довести до состояния возможностей выбора профессионального образования в зависимости от его способностей [4]. При этом оптимальными тенденциями является рост профессионально ориентированных подростков и молодых людей с ОВЗ и стремление работодателей создавать условия для обучения/работы для людей с ОВЗ.

Опыт воспитательного воздействия и образовательного развития детей с тяжелыми речевыми, скелетно-мышечными, интеллектуальными нарушениями (в частности, с синдромом Дауна, отклонением/задержкой психического развития), аутистическими нарушениями показал, что участие воспитателей, логопеда, психолога позволяет провести мониторинг усвоения адаптированной ос-

новной образовательной программы. При этом необходимо учитывать, что план работы с ребенком должен включать беседу с родителями, изучения/дальнейшее ведение медицинской карты ребенка; обследование физического/психического развития. Необходимо подключение к воспитательному процессу музыкального руководителя, учителя по физической культуре [9, с. 28].

Заключение

Прослеживается тенденция валеологической направленности воспитания детей с ОВЗ и инвалидностью. Развитие инклюзивного образования позволяет улучшить микроклимат ребенка в семье, помощь которой также вызывает тенденцию снижения уровня разводов и формированию чувства защищенности родителей. Организация воспитательной работы направлено на широкий спектр коррекционного и адаптационного воздействия на ребенка.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов. Режим доступа: СПС Гарант <https://base.garant.ru/2565085/>
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 ФЗ. Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» от 03.05.2012 № 46 ФЗ. Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129200/
4. Федеральный закон РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ. Режим доступа: СПС КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/
6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 декабря 2014 года №1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» Режим доступа: СПС Гарант: <https://base.garant.ru/70862366/>
7. Кирютина Н.В. Особенности организации воспитательной деятельности в реабилитационном центре (на примере Смоленского областного государственного бюджетного учреждения «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Вишенки») // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. С. 765 – 769. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/64385> (дата обращения: 18.10.2022)
8. Махмудова Н.М., Явбатырова Б.Г. Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013817> (дата обращения: 17.10.2022)
9. Романенкова Д.Ф. Реализация мероприятий по обеспечению доступности среднего профессионального образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями в Российской Федерации // Инновационное развитие профессионального образования. 2016. № 3 (11). С. 25 – 30.
10. Шадчин И.В. Особенности воспитательной работы с обучающимися-инвалидами и обучающимися, имеющими ограниченными возможностями здоровья в ПОО // Инновационное развитие профессионального образования. 2017. № 3 (15). С. 95 – 100.
11. Шпак Н.В. Особенности организации воспитательной работы в Центре дистанционного образования детей-инвалидов // Молодой ученый. 2022. № 10 (405). С. 115 – 118.
12. Ярославцева И.В. Психическая депривация в детском и подростковом возрасте: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2014. 190 с.

References

1. Konvencija o pravah invalidov. Rezhim dostupa: SPS Garant <https://base.garant.ru/2565085/>
2. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 № 273 FZ. Rezhim dostupa: SPS Konsul'tantPljus: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Federal'nyj zakon «O ratifikacii Konvencii o pravah invalidov» ot 03.05.2012 № 46 FZ. Rezhim dostupa: SPS Konsul'tantPljus: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129200/
4. Federal'nyj zakon RF «O social'noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii» ot 24.11.1995 № 181-FZ. Rezhim dostupa: SPS Konsul'tantPljus: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 № 996-r «Ob utverzhenii Strategii razvitija vospitanija v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». Rezhim dostupa: SPS Konsul'tant-Pljus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/
6. Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii ot 19 dekabrja 2014 goda №1598 «Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshhego obrazovanija obuchajushhimsja s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja» Rezhim dostupa: SPS Garant: <https://base.garant.ru/70862366/>
7. Kirjutina N.V. Osobennosti organizacii vospitatel'noj dejatel'nosti v reabilitacionnom centre (na primere Smolenskogo oblastnogo gosudarstvennogo bjudzhetnogo uchrezhdenija «Reabilitacionnyj centr dlja detej i podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostjami «Vishenki»). *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*. 2016. № 2. S. 765 – 769. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/64385> (data obrashhenija: 18.10.2022)
8. Mahmudova N.M., Javbatyrova B.G. Deti-invalidy kak ob#ekt social'no-pedagogicheskoj raboty. Materialy VII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013817> (data obrashhenija: 17.10.2022)
9. Romanenkova D.F. Realizacija meroprijatij po obespečeniju dostupnosti srednego professional'nogo obrazovanija dlja invalidov i lic s ogranichennymi vozmozhnostjami v Rossijskoj Federacii. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*. 2016. № 3 (11). S. 25 – 30.
10. Shadchin I.V. Osobennosti vospitatel'noj raboty s obuchajushhimisja-invalidami i obuchajushhimisja, imejushhimi ogranichenne vozmozhnosti zdorov'ja v POO. *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*. 2017. № 3 (15). S. 95 – 100.
11. Shpak N.V. Osobennosti organizacii vospitatel'noj raboty v Centre distancionnogo obrazovanija detej-invalidov. *Molodoj uchenyj*. 2022. № 10 (405). S. 115 – 118.
12. Jaroslavceva I.V. Psihicheskaja deprivacija v detskom i podrostkovom vozraste: ucheb. posobie. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 190 s.

*Faizullin E.A.,
Vyatka State University for the Humanities,
Fayzullina A.A.,
Kirov Pedagogical College*

CONTENT AND ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK WITH STUDENTS WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES AND DISABILITIES

Abstract: the article deals with the issue of social adaptation of children with disabilities and the disabled. The role of the state in this process is noted. Separately, the provision is disclosed that children with disabilities and disabilities in the future can become a socially adapted labor group in society, provided they work in the format of organizing the educational process and social adaptation. It is noted that the modern concept of raising such children is based on a personalized approach. The tendency of organizing the social adaptation of children at all levels of their interaction with society (family, institutions, other children, society as a whole) is emphasized. On the territory of the Russian Federation, the implementation of state programs to work with children with disabilities and disabilities through specialized rehabilitation centers, the organization of work with parents, the formation of the concept of the work of special correctional institutions was noted. Specific directions of educational work with students with disabilities and disabilities are highlighted. In the course of the study, the purpose of this work was fulfilled, namely, the analysis of the features of the content / organization of educational work for children with disabilities and disabilities at the present stage was carried out.

Keywords: children, limited health opportunities, disabled people, educational work, socialization, rehabilitation centers, regulatory regulation

For citation: Faizullin E.A., Fayzullina A.A. Content and organization of educational work with students with limited health opportunities and disabilities. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 158 – 164.

*Касумова Л.А., старший преподаватель,
Чеченский государственный педагогический университет*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Аннотация: новые перемены в обществе обуславливают необходимость перемен и в современном образовании. К системе образования в соответствии с концепцией по модернизации российского образования выдвигаются новые социальные требования. В реальном времени кардинально меняется цель обучения. Если раньше обучение ставило целью получить определенную сумму знаний, умений и навыков, то сейчас это не становится самоцелью. Ведь с каждым годом объем информации почти в каждой отрасли науки удваивается, а то и утраивается и дальнейший рост за предсказаниями ученых пойдет в геометрической прогрессии. То есть, человек не в состоянии иметь полный объем знаний по тому или иному предмету. Поэтому на первое место выступает не получение суммы знаний, а развитие личности. Учение должно стать одной из ведущих личностных потребностей и определяться внутренними мотивами учеников, поэтому современная начальная школа должна организовать процесс обучения в соответствии с этой задачей. Предполагается, что обучающийся станет субъектом учебной деятельности, что в свою очередь невозможно без формирования у него самостоятельности. Статья посвящена анализу психолого-педагогических особенностей формирования самостоятельности у учащихся начальных классов. Рассмотрено определение понятия «самостоятельность» в психолого-педагогической литературе, определены ключевые условия и факторы формирования учебной самостоятельности у учащихся начальных классов.

Ключевые слова: школьное образование, дети младшего школьного возраста, самостоятельность, условия формирования, факторы формирования учебной самостоятельности

Для цитирования: Касумова Л.А. Психолого-педагогические условия формирования самостоятельности у учащихся начальных классов // Современный ученый. 2023. № 1. С. 165 – 170.

Одной из главных задач современного школьного образования является необходимость становления учащегося личностью, способной к самообучению, саморазвитию и самообразованию. Современному обществу необходимы активные самостоятельные люди, которые могут принимать самостоятельные решения, быть независимыми от чужого мнения, имеющие желание продолжать получать новую информацию. В связи с этим в педагогике обсуждается проблема организации условий формирования самостоятельности при обучении учащихся начальной, средней и старшей школы.

Вопросы совершенствования организационных форм и методов самостоятельной работы нашли свое отражение в работах Я.А. Коменского, И. Песталоцци, А. Ващенко и др. В последние годы вопросы совершенствования организационных форм и методов обучения рассматривались в трудах А.М. Алексюка, В.А. Онищука, А.Я. Савченко, И.М. Чередова, Ю.И. Рисованного, Выхрущ В.А. тому подобное. Практической стороной организации самостоятельной работы учащихся в учебном процессе занимались известные педагоги Б.П. Есипов, А.А. Нильсон, Р.М. Микельсон, П.И. Пидкасистый, И.И. Левина, Н. Промоторова, В.А. Тюнин, А.Г. Мороз, Р.Б. Срода и другие.

Толкование сущности самостоятельной работы, ее цели зависят от общей концепции учебного

процесса. Сложность изучения проблемы обусловлена отсутствием в дидактике единства мнения относительно того, что представляет собой самостоятельная работа – метод обучения, прием учения или форму организации учебной деятельности. Если усмотреть сущность обучения в передаче системы знаний и способов деятельности, то самостоятельную работу можно считать средством закрепления и тренировки, выработки умений и навыков.

Модернизация образовательной парадигмы обусловлена необходимостью пересмотра подхода к организации учебного процесса. Сегодня основной подход – системно-деятельностный. Он ориентирован на достижение целей и его основной результат – всестороннее развитие личности школьника. Школьник должен занять позицию субъекта деятельности, который сможет самостоятельно ставить цели, выбирать способы, организовывать, регулировать, осуществлять контроль над их выполнением и искать средства реализации. Именно в начальной школе формируются основы учебной деятельности, мотивы обучения, способность саморазвиваться, поэтому формирование самостоятельности является основной задачей уже в младшем школьном возрасте [3].

Ученики уже с младших классов должны быть способны к тому, чтобы совершенствовать степень готовности к использованию своих знаний, навы-

ков и умений в той профессиональной области, которую они сами себе выберут в дальнейшем.

Во ФГОС [1], в требованиях к результатам освоения основной образовательной программы начального общего образования написано, что метапредметными результатами, являются получение таких умений как:

– умение определять понятия, создавать обобщения, устанавливать аналогии, классифицировать, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи, строить логические рассуждения, умозаключение (индуктивное, дедуктивное и по аналогии) и делать выводы;

– умение создавать, применять и преобразовывать знаки и символы, модели и схемы для решения учебных и познавательных задач; использование различных способов поиска, сбора, обработки анализа, организации, передачи и интерпретации информации [4, с. 12].

Все это можно отнести к самостоятельной деятельности. Данные умения являются одними из самых необходимых умений, важных для активизации познавательной деятельности учащихся. Современный мир диктует свои правила и что бы в нем успешно существовать, нужно обладать необходимыми компетенциями, в которые также

входит и умение самостоятельной работе с различной информацией.

На сегодняшний день требования общества к специалистам изменились, требуется высококвалифицированный работник, способный самостоятельно принимать решения. Поэтому образование, полученное в начальной школе, является фундаментом для всех последующих этапов обучения. И в первую очередь это касается того, как школа научит младших школьников быть самостоятельными: знать источники, уметь находить ответы на вопросы, выбирать из огромного потока информации необходимое, грамотно оформлять и представлять отобранный материал.

Перед теоретиками и практиками стоит задача совершенствования технологии образовательного процесса, определения условий улучшения качества образования, среди которых обозначают формирование и развитие самостоятельности обучения. Широкий круг проблем, которые определили методисты, стали программой для исследований, которые углубили понимание сущности самостоятельной работы и уточнили возможности ее эффективного применения в школе. В дидактике существует несколько точек зрения на то, что следует понимать под самостоятельной работой (табл. 1).

Таблица 1

Определение понятия «самостоятельность» в психолого-педагогической литературе

Автор	Определение понятия «самостоятельность»
Е. Я. Голант	Способ осуществления деятельности, которым учащиеся пользуются для нахождения ответа на технические и организационные задачи, поставленные им педагогом.
Н. Д. Левитов	Психологическое состояние личности
Е.Г. Михайловский	Многоплановое качество личности, которое разными путями проявляется во всех жизненных ситуациях.
И. Молнар	Интегральное выражение многих интеллектуальных и эмоциональных свойств личности, воли и направленности.
Б. Первомайский	Это способность выполнять действия любой степени сложности единолично, без помощи иных лиц. Также это умение вовремя остановить или изменить направленность нежелательных действий.
С. Л. Рубинштейн	Результат большой внутренней работы человека и его способности ставить себе не только отдельные задачи или цели, но и определять направление своей деятельности.

Анализ научных источников позволил выяснить, что в психолого-педагогической литературе нет единого подхода к пониманию и трактовке сущности самостоятельности обучающихся. Ряд исследователей трактуют самостоятельность как совокупность факторов, которые направляют и поддерживают, иными словами, определяют поведение человека. Другие рассматривают самостоятельность как совокупность действий, еще одна группа специалистов определяют самостоятельность как импульс, который вызывает активность организма и определяет его направленность. Так

же, на основе анализа научной литературы, можно прийти к выводу, что самостоятельность необходимо рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: психологическом, как личное качество и деятельном, как характеристика деятельности обучающегося.

Учебная самостоятельность, с точки зрения психологии, – это способность самому ставить свои цели и самому их достигать, способность ребенка разрешать возникающие перед ним трудности и пр.

Педагоги понимают учебную самостоятельность ребенка как систему знаний, умений и навыков, которые он может успешно применять в процессе своей жизнедеятельности.

Проанализировав различные подходы к определению самостоятельной работы, можем сформулировать свое видение данного феномена. Самостоятельную работу можно считать частью образовательного процесса, отмечается определенной обязательностью исполнения, контролем со стороны учителя (планирование задач, подбор литературы для изучения, контроль за выполнением работы и т.п.).

Раскрыв сущность понятия «самостоятельность» с точки зрения психологии и педагогики, рассмотрим специфику ее формирования. Как показывает анализ специальной литературы и знакомство с практикой обучения младших школьников, базисом и необходимым условием для формирования учебной самостоятельности является правильная организация среды, в которой развивается ребенок; исключительно важна здесь атмосфера доверия, дружелюбия, выдержанности со стороны педагога и т.д.

Как было уже отмечено, наиболее сенситивным возрастным периодом для реализации процесса формирования учебной самостоятельности, является младший школьный возраст. Необходимо укрепить в сознании ученика неотъемлемый комплекс самостоятельности. Для этого важно организовать учебный процесс в школе таким образом, чтобы самостоятельная работа стала определяющим условием формирования самостоятельности учащихся как субъекта учебной деятельности [9].

Учебная самостоятельность младшего школьника направлена на овладение новыми знаниями, развитие активного, самостоятельного, творческого мышления, расширение кругозора, формирование наблюдательности, совершенствование памяти и внимания, умений и навыков наблюдения, обобщения, умозаключения и др. [5, с. 55].

Стоит отметить, что в ряде исследований таких отечественных педагогов и психологов, как А.В. Запорожец, Л.В. Занков, П.Я. Гальперин [7], В.В. Давыдов [2], А.А. Люблинская, Н.А. Менчинская, Д.Б. Эльконин [8], Н.Ф. Талызина [7] и др. установлена неисчерпаемость условий формирования у младших школьников учебной самостоятельности.

В настоящее время исследователями проводится разработка психологической концепции самостоятельной работы учащихся, о ее структуре, о закономерностях и психолого-педагогических условиях ее организации.

Некоторые исследователи считают самостоятельную работу формой организации учебного процесса, другие – методом обучения. Существуют и другие подходы, когда самостоятельную работу понимается как средство достижения конкретной цели, способ получения знаний из различных источников.

Одним из ключевых условий формирования учебной самостоятельности выступают специальные знания, умения и навыки, которые определяют уровень готовности учащихся к осуществлению самостоятельной деятельности.

При этом на формирование учебной самостоятельности младшего школьника могут влиять разнообразные факторы (рис. 1).

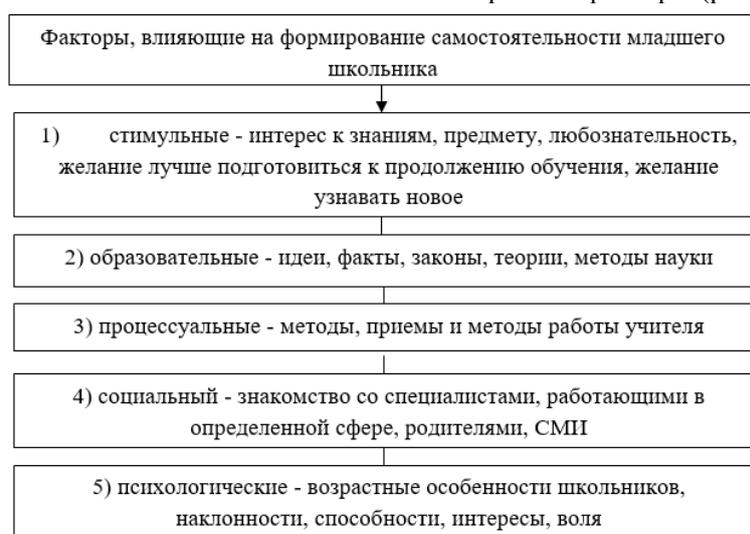

Рис. 1. Факторы, влияющие на формирование самостоятельности младшего школьника

Среди доминирующих особенностей формирования учебной самостоятельности младших школьников особое значение отводится их способности ориентироваться в незнакомой учебной ситуации, а также активность, проявление инициативы, творческого подхода к выполнению различного рода заданий.

На развитие самостоятельности ученика влияет также и организация всего учебно-воспитательного процесса: приучения детей с первых дней к определенному порядку на рабочем месте, к одинаковому режиму, к заблаговременной подготовке к следующему уроку, система в выполнении и проверке домашних заданий, организация эффективной предметно-развивающей среды, зонирование учебного кабинета. Успешное решение проблемы становления самостоятельности зависит от гармоничного взаимосвязанного формирования ведущих качеств личности младшего школьника, поскольку реальное развитие личности осуществляется как развитие целостной системы, которая имеет общественную детерминацию. Проявляясь в разных качествах и свойствах, личность всегда сохраняет себя как единое целое.

Согласно психологической точке зрения, учебная самостоятельность формируется вместе с тем, как личность переходит к более усложненному уровню деятельности – от репродуктивной к продуктивной.

Важное место в решении данной проблемы отводится осуществлению индивидуально ориентированного подхода к младшим школьникам. Индивидуально ориентированный подход в обучении рассматривается учеными в различных аспектах:

- как средство повышения эффективности учебного процесса;
- как способ формирования и развития познавательной активности и самостоятельности;
- как составная часть организации форм обучения; как способ развития речевых умений и навыков;
- как средство формирования индивидуального стиля деятельности.

Методично спланированная самостоятельная работа может помочь ученикам достичь определенных возможностей:

- получать знания из более новых источников, работа с различными источниками информации позволит расширить кругозор и усовершенствовать мировосприятие младшего школьника;

- приобрести навыки самостоятельного планирования и организации своего учебного процесса;

- углубить и расширить знания по различным дисциплинам, что будет способствовать улучшению умственного потенциала учащегося;

- сформировать и развить познавательный интерес, овладеть приемами познания окружающей среды;

- снизить негативное влияние отдельных психологических и физиологических индивидуальных особенностей учащихся и максимально использовать положительные стороны личности благодаря самостоятельному выбору времени и способов работы над учебным материалом и тому подобное;

- в процессе самостоятельной работы формируется и развивается умение творческой поисковой деятельности, является одной из главных свойств современного человека.

Как показывает опыт передовых учителей, а также данные научных исследований, широкое применение самостоятельных работ в учебном процессе дает возможность успешно решить все дидактические задачи, которые могут быть поставлены перед учителями. В настоящее время исследователями проводится разработка психологической концепции самостоятельной работы учащихся, о ее структуре, о закономерностях и психолого-педагогических условиях ее организации.

Таким образом, самостоятельность младшего школьника можно определить как личностное образование, обеспечивающее определенный характер и уровень поведения и деятельности, сформированный на основе различных психических процессов – мышления, воли, чувств, а также отношения ребенка к окружающей действительности и к самому себе. Самостоятельность в обучении – важнейшая предпосылка активного освоения учащимися знаний, умений и навыков.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования науки РФ. М.: Просвещение, 2021. 41 с.
2. Давыдов В.В. Формирование учебной деятельности. М.: Педагогика, 2000. 216 с.

3. Исаева Л.А. Психолого-педагогические условия формирования самостоятельности младшего школьника во внеурочной деятельности // МНКО. 2020. № 2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-samostoyatel'nosti-mladshego-shkol'nika-vo-vneurochnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.11.2022)
4. Лазарев В.С. ФГОС общего образования: блеск деклараций и перспективы реализации // Педагогика. 2015. № 4. С. 10 – 19.
5. Пазухина С.В., Шайденкова Т.Н. Психолого-педагогические теории и технологии начального образования. Тула: Изд-во ТГПУ им.Л.Н.Толстого, 2014. 190 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: «Питер», 2000. 712 с.
7. Управление познавательной деятельностью обучающихся / Под ред. П.Я. Гальперина и Н.Ф.Талызиной. Изд-во МГУ, 1972. 262 с.
8. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды: проблемы возрастной и педагогической психологии // Междунар. пед. академ. журнал. 2014. № 5. С. 160 – 165.
9. Bozhovich L.I. 1968. «Personality and its formation in childhood». Moscow: Education. Vol. 464. № 3. P. 45 – 63.

References

1. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshhego obrazovaniya. M-vo obrazovaniya nauki RF. M.: Prosveshhenie, 2021. 41 s.
2. Davydov V.V. Formirovanie uchebnoj dejatel'nosti. M.: Pedagogika, 2000. 216 s.
3. Isaeva L.A. Psihologo-pedagogicheskie uslovija formirovaniya samostojatel'nosti mladshego shkol'nika vo vneurochnoj dejatel'nosti. MNKO. 2020. № 2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-samostoyatel'nosti-mladshego-shkol'nika-vo-vneurochnoy-deyatelnosti> (data obrashhenija: 25.11.2022)
4. Lazarev V.S. FGOS obshhego obrazovaniya: blesk deklaracij i perspektivy realizacii. Pedagogika. 2015. № 4. S. 10 – 19.
5. Pazuhina S.V., Shajdenkova T.N. Psihologo-pedagogicheskie teorii i tehnologii nachal'nogo obrazovaniya. Tula: Izd-vo TGPU im.L.N.Tolstogo, 2014. 190 s.
6. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SPb: «Piter», 2000. 712 s.
7. Upravlenie poznavatel'noj dejatel'nost'ju obuchajushhihsja. Pod red. P.Ja. Gal'perina i N.F.Talyzinoj. Izd-vo MGU, 1972. 262 s.
8. Jel'konin D.B. Izbrannye psihologicheskie trudy: problemy vozrastnoj i pedagogicheskoj psihologii. Mezhdunar. ped. akad. zhurnal. 2014. № 5. S. 160 – 165.
9. Bozhovich L.I. 1968. «Personality and its formation in childhood». Moscow: Education. Vol. 464. № 3. P. 45 – 63.

*Kasumova L.A., Senior Lecturer,
Chechen State Pedagogical University*

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF INDEPENDENCE IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Abstract: new changes in society necessitate changes in modern education. New social requirements are being put forward to the education system in accordance with the concept of modernization of Russian education. In real time, the purpose of training changes dramatically. If earlier training was aimed at obtaining a certain amount of knowledge, skills and abilities, now it does not become an end in itself. After all, every year the volume of information in almost every branch of science doubles, or even triples, and further growth will follow the predictions of scientists exponentially. That is, a person is not able to have a full amount of knowledge on a particular subject. Therefore, the first place is not the acquisition of the sum of knowledge, but the development of personality. Teaching should become one of the leading personal needs and be determined by the inner motives of students, therefore, a modern primary school should organize the learning process in accordance with this task. It is assumed that the student will become a subject of educational activity, which in turn is impossible without the formation of his independence. The article is devoted to the analysis of psychological and pedagogical features of the formation of independence in primary school students. The definition of the concept of "independence" in the psychological and pedagogical literature is considered, the key conditions and factors of the formation of educational independence in primary school students are determined.

Keywords: school education, children of primary school age, independence, conditions of formation, factors of formation of educational independence

For citation: Kasumova L.A. Psychological and pedagogical conditions for the formation of independence in primary school students. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 165 – 170.

*Фролова Т.П., кандидат педагогических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: целью статьи является рассмотрение функциональных психолингвистических характеристик коммуникативной ситуации и их учет при обучении иностранному языку в вузе. Теоретическое обоснование данных особенностей представлены в работах таких современных исследователей, как И.Н. Горелова, И.А. Зимней, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича, Л.В. Сахарного и др. Практическое применение психолингвистических характеристик коммуникативной ситуации осуществляется в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в вузе с целью отработки коммуникативных навыков говорения. На основании описанных в статье особенностей происходит моделирование структуры речевой деятельности на занятиях по иностранному языку. Автор статьи ставит задачу описать такой подход к обучению иностранному языку, который базируется на принципиальном положении теории речевой деятельности, а именно о ведущем месте долингвистического этапа в процессе речепорождения. Введение новой для студента тематики общения предлагается начинать с формирования логико-семантической структуры темы. В работе высказывается предположение, что наглядное моделирование важнейших характеристик и операций речевой деятельности при обучении говорению закладывает основы для всей системы дальнейшего профессионально-ориентированного обучения посредством иностранного языка в вузе.

Ключевые слова: психолингвистические характеристики, ситуативный подход, речевая ситуация, система учебных ситуаций

Для цитирования: Фролова Т.П. Психолингвистические особенности профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в вузе: теоретический аспект // Современный ученый. 2023. № 1. С. 171 – 174.

Обучение различным видам коммуникативной деятельности с помощью иностранного языка представляет собой современный и важный принцип изучения языка в неязыковом вузе. Поскольку общение всегда ситуативно, то главной целью преподавания иностранного языка является обучение студента применять иноязычные речевые средства для решения различных (неречевых) задач в некоторых типовых ситуациях общения. Выбрав принцип ситуативности в качестве основы системы преподавания языка в политехническом вузе, мы выдвигаем в качестве основной цели обучения формирование у студента умений использовать язык в тех типах ситуаций, с которыми он может встретиться в своей будущей профессиональной и коммуникативной деятельности. Следовательно, исходным моментом должно стать определение самих типов ситуаций профессиональной деятельности. Далее необходимо определить психолингвистическую структуру каждого типа ситуаций, то есть цель ситуации и систему речемыслительных действий и операций, образующих эту структуру. В этом случае задачей обучения становится формирование у студентов умений выполнять определенные речевые действия, способствующие достижению цели типовой ситуации

деятельности. Прежде всего обратимся к анализу ситуаций говорения.

Ситуативный подход особенно эффективен при обучении говорению. Значение этого аспекта обучения заключается в том, что говорение, являясь первичным видом речевой деятельности, служит психолингвистической базой формирования всех компонентов языковой способности человека. В свою очередь, как показывают основополагающие психолингвистические исследования этой проблемы, формирование навыков говорения (порождение высказывания) имеет ситуативную (функциональную) природу [1, 2, 3, 6, 8, 10].

Рассматривая обучение простейшим формам общения на иностранном языке в качестве психолингвистической основы более сложных речемыслительных навыков, мы считаем основной целью этого аспекта обучения – формирование у студента функционального (прагматического) подхода к языку как к средству решения различных неречевых задач. Естественно, что такое отношение к языку может быть сформировано только практическим путем, через систему конкретных учебных ситуаций, демонстрирующих функциональную сущность речевой деятельности.

В самом общем смысле под ситуацией понимается сочетание условий и событий, которые разви-

ваются во времени и пространстве, имеют некие последствия и в результате создают определённую обстановку. С учётом включения в ситуацию человека её можно трактовать как «актуальное окружение живого существа, определяющее в данный момент поведение этого существа» [11, с. 52]. Ситуацию, которая побуждает человека к речевой реакции, называют речевой. Характерными признаками речевой ситуации являются как речевые, так и неречевые условия, «необходимые и достаточные для осуществления речевых действий» [7, с. 155-156]. Кроме того, эти условия определяют цели и мотивы речевого общения и влияют на формирование речевого сообщения как носителя информации [9].

Следовательно, первоначальная задача обучения иностранному языку – продемонстрировать всей системой учебных ситуаций важнейшие и принципиальные характеристики речевой деятельности. Самое существенное при этом – сформировать у студента представление о том, что каждое речевое высказывание порождается с определенной целью, в том числе и с целью решения профессиональных задач.

В модели порождения, принятой в отечественной психолингвистике, цель речевого действия (функция высказывания) выступает в качестве базы (исходного этапа) формирования внутренней программы высказывания и представляет собой самый глубокий слой семантической структуры [2, 5]. Отсюда мы полагаем, что задача развития коммуникативных навыков говорения принципиально не выполнима, если предлагаемые студентам упражнения не учитывают базовую характеристику речевого высказывания – его функцию. Подобные упражнения – к ним можно отнести различные виды пересказа текстов, ответы на вопросы по тексту, рассказы-описания некоторых ситуаций, не имеющие неречевой задачи, моделируют лишь некоторые внешнеязыковые характеристики высказывания. Они не способствуют формированию у студентов самых существенных для порождения высказывания речемыслительных навыков, а именно навыков построения внутренней программы речевого действия. По мнению И.А. Зимней, «действие, сформированное в соответствии со всеми заданными операциональными показателями, будет все же нежизнеспособным, если не удастся включить его в систему активных потребностей человека» [4, с. 318].

Речевая ситуация позволяет индивиду прогнозировать возможные речевые действия другого коммуниканта и самому избирать соответствующий вариант речевого поведения, т.к., во-первых, речевая ситуация влияет на отбор языковых

средств при формировании речевого высказывания и, во-вторых, само высказывание как единица сообщения адекватно воспринимается в данной речевой ситуации. И если отдельные слова, и грамматические конструкции обычно многозначны, то речевые высказывания всегда однозначны, именно благодаря тесной связи с речевой ситуацией, которая благотворно влияет на порождение и восприятие речи.

Рассматривая речевую ситуацию, необходимо иметь в виду и такой её элемент, как фоновые знания, носителями которых являются коммуниканты, включаемые в структуру речевой ситуации. К фоновым знаниям можно отнести предварительные знания предмета коммуникации, сведения о коммуникантах, представление о цели и мотиве конкретного речевого общения. Всё это дополняет информацию, содержащуюся в единицах речи. В более широком смысле фоновые знания – это совокупность исторических, культурологических, материально-бытовых и т.п. сведений, имеющихся у коммуникантов и помогающих говорящему сформулировать речевое сообщение так, чтобы оно соответствовало его цели и эффективно воздействовало на реципиента, которому фоновые знания облегчают восприятие сообщения. В нашем конкретном случае к фоновым знаниям относятся знания, относящиеся к профилю подготовки будущих специалистов. Воздействие фоновых знаний на такие взаимосвязанные и взаимообусловленные явления, как порождение и восприятие речевых сообщений в условиях данной речевой ситуации, повышает степень надежности процесса речевого общения.

Для формирования сложных речемыслительных навыков наиболее эффективна система речевых учебных ситуаций, имеющих форму ролевой игры с четко сформулированной целью высказывания. Для этого преподаватель предварительно задает следующие функциональные характеристики ситуации речевой деятельности, которые студент обязательно учитывает при программировании своих речевых действий.

1. Социальная роль говорящего. Роли могут быть самыми разнообразными, однако на первых порах учитывается социальный опыт студентов (например, роли сына/дочери, школьника, студента, преподавателя, инженера и т.п.)

2. Ориентация речи на адресата. Задаются социальные характеристики адресата речи, например, «рассказать для одноклассников, для группы школьников, для родителей, для иностранных студентов и т.п.»

3. Ориентация речи на воздействие. Она вытекает из учета адресата речи. Например, объяс-

нить, убедить, доказать, рассказать, сравнить и т. п.

4. Ориентация речи на условия (форму) общения. Это параметр ситуации также связан с учетом адресата речи. Например, лекция, беседа, разговор по телефону, пресс-конференция, видеофильм и другие ситуационные речевые формы (высказывания разного жанра).

Перечисленные функциональные характеристики ситуации психолингвистически реальны, то есть теоретически обоснованы современными исследованиями и практически осуществимы.

В качестве первичной формы отработки коммуникативных навыков говорения используется простейшая ситуация: рассказ для одноклассника («работа в паре»). Именно на таком первичном этапе общения все перечисленные компоненты коммуникативной ситуации являются для студента наличными, «опредмеченными» в конкретном партнере по общению.

На последующем этапе обучения психолингвистическая структура ситуации общения усложняется, так как ее компоненты задаются преподавателем в виде правил ролевой игры, например, рассказать студенту из другого вуза об особенностях обучения в политехническом институте или познакомить выпускников средней школы со своим университетом и т.п. Понятно, что в дальнейшем социальная структура ролевой игры усложняется и может быть довольно отвлеченной от повседневных для студента ситуаций. (Например, как показывает практика студенты с успехом осуществляют речевые действия в роли преподавателя, работодателя, известных личностей: политических деятелей, ученых, киноактеров и т. п.). Как правило, предлагаемые социальные роли вытекают из самой тематики речи.

С целью дальнейшего развития и усложнения психолингвистической структуры речевых действий студентов вводятся дополнительные переменные. В частности, на этом этапе возможна постановка специальных задач, демонстрирующих функциональную сущность грамматических явлений. Такой характер имеет, например, задание прослушать при парной работе рассказ одноклассника о своем рабочем или выходном дне, а затем изложить его для всей группы (отработка окончания глагола в третьем лице единственного числа).

В аналогичном случае может быть поставлена задача рассказать о том, что произошло со студентом до его прихода в университет (при этом формируется навык употребления перфектных форм).

Результатом подобного тренинга в учебных коммуникативных ситуациях является формирование у студентов практического представления о функциональной сущности речевой деятельности. Поэтому на продвинутом этапе обучения студентам можно задавать лишь один из параметров социальной ситуации, например, роль, на основании которой учащиеся определяют остальные функциональные компоненты ситуации речевой деятельности. Например, роль лектора предполагает учет характера аудитории, соответственно определяется цель и выбирается форма высказывания. На этом этапе обучения студенты сами успешно формулируют цели и задачи своих речевых действий. Однако успешное моделирование структуры речевой деятельности на занятиях помимо представления функциональной структуры ситуации требует выполнения еще двух условий.

1. Знание предметного содержания темы, то есть наличие четкой семантической программы высказывания, которая формируется на основе его функций [5].

2. Владение операциями выражения этой семантической программы, то есть конкретными лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами иностранного языка.

Психолингвистическая структура коммуникативно-речевых ситуаций значительно более сложна, нежели структура ситуации говорения, поскольку она включает целую систему операций понимания (анализа содержания), осмысления (синтеза информации), воспроизведения, а также операции включения полученной информации в систему собственных профессиональных знаний. В свою очередь, характер этих операций усложняется еще и потому, что в структуре ситуации могут сталкиваться несколько целевых векторов, а их совпадение практически исключено, замысел автора, потребности собеседников и функционально-целевой подход исполнителей. Осознание, анализ этих тенденций и адекватная реализация их в профессиональной деятельности является самостоятельным и наиболее трудным предметом курса обучения.

Литература

1. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. Издательство ДЕТСТВО-ПРЕСС, Сфера, М., 2007 г. 472 с.
2. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974. 116 с.
3. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
4. Зимняя И.А. Речевая деятельность: язык и речь. М., 1981. 188 с.

5. Краевская Н.М. Семантический аспект внутренней программы речевого высказывания: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 145 с.
6. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке // Язык и порождение речи. М., 1991. 238 с.
7. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
8. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. В кн.: Синтаксис текста. М.: Наука. 1979. С. 18-36.
9. Лысенко С.В. Ситуативная модель порождения речи: генезис и особенности. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 266-269.
10. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976. 350 с.
11. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. 407 с.

References

1. Gvozdev A.N. Voprosy izuchenija detskoj rechi. Izdatel'stvo DETSTVO-PRESS, Sfera, M., 2007 g. 472 c.
2. Gorelov I.N. Problema funkcional'nogo bazisa rechi v ontogeneze. Cheljabinsk, 1974. 116 s.
3. Zimnjaja I.A. Psihologicheskie aspekty obuchenija govoreniju na inostrannom jazyke. M.: Prosveshhenie, 1985. 160 s.
4. Zimnjaja I.A. Rechevaja dejatel'nost': jazyk i rech'. M., 1981. 188 s.
5. Kraevskaja N.M. Semanticheskij aspekt vnutrennej programmy rechevogo vyskazyvanija: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1981. 145 s.
6. Kubryakova E.S., Shahnarovich A.M., Saharnyj L.V. Chelovecheskij faktor v jazyke. Jazyk i porozhdenie rechi. M., 1991. 238 s.
7. Leont'ev A.A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M.: Prosveshhenie, 1969. 214 s.
8. Leont'ev A.A. Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psiholingvistiki i teorii kommunikacii. V kn.: Sintaksis teksta. M.: Nauka. 1979. S. 18-36.
9. Lysenko S.V. Situativnaja model' porozhdenija rechi: genезis i osobennosti. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Tom 13. Vypusk 5. S. 266-269.
10. Slobin D., Grin Dzh. Psiholingvistika. M.: Progress, 1976. 350 s.
11. Hekkauzen H. Motivacija i dejatel'nost'. M.: Pedagogika, 1986. T. 1. 407 s.

*Frolova T.P., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Perm National Research Polytechnic University*

PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC FEATURES OF PROFESSIONALLY ORIENTED TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES AT THE UNIVERSITY: THEORETICAL ASPECT

Abstract: the purpose of the article is to consider the functional psycholinguistic characteristics of the communicative situation and their consideration when teaching a foreign language at a university. The theoretical substantiation of these features is presented in the works of such modern researchers as I.N. Gorelov, I.A. Zimnyaya, E.S. Kubryakova, A.A. Leontiev, A.M. Shakhnarovich, L.V. Sakharny, etc. The practical application of psycholinguistic characteristics of a communicative situation is carried out in the process of professionally-oriented teaching of foreign languages at a university in order to develop communicative speaking skills. Based on the features described in the article, the structure of speech activity in foreign language classes is modeled. The author of the article sets the task to describe such an approach to teaching a foreign language, which is based on the fundamental position of the theory of speech activity, namely, the leading place of the pre-linguistic stage in the process of speech generation. The introduction of a new topic of communication for the student is proposed to begin with the formation of the logical and semantic structure of the topic. The paper suggests that visual modeling of the most important characteristics and operations of speech activity in teaching speaking lays the foundations for the entire system of further professionally-oriented learning through a foreign language at a university.

Keywords: psychological and linguistic characteristics, situational approach, speech situation, system of educational situations

For citation: Frolova T.P. Psychological and linguistic features of professionally oriented teaching of foreign languages at the university: theoretical aspect. Modern Scientist. 2023. 1. P. 171 – 174.

*Попова Е.Ф., кандидат педагогических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарный педагогический институт,
Кемеровский государственный университет,
Головцова А.В., логопед,
Новокузнецкий филиал Кузбасского клинического
кардиологического диспансера им. акад. Л.С. Барбараша*

ПРИТЧИ КАК СРЕДСТВО ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЕЧИ У ЛИЦ С СЕМАНТИЧЕСКОЙ АФАЗИЕЙ

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности использования притч в качестве средства восстановления речи у лиц с семантической афазией после острого нарушения мозгового кровообращения. При данной форме афазии центральным звеном в структуре дефекта является нарушение понимания сложных логико-грамматических конструкций, а также переносного значения слов. Мы предположили, что притчи, как разновидность метафорической аналогии, могут стать одним из средств логопедического воздействия в восстановлении понимания смысла сюжета при семантической афазии.

Исходя из симптомов заболевания, были выделены группы постинсультных пациентов, испытывающих трудности в понимании сложных логико-грамматических конструкций, а также переносного значения слов, оценена выраженность реабилитационного и адаптационного потенциала у каждого пациента с семантической афазией. В ходе эксперимента были не только подобраны притчи для восстановления понимания речи у пациентов с семантической афазией легкой и умеренной степени выраженности, но и разработана последовательность работы с данным речевым материалом.

Экспериментальное исследование, проведенное на основе теоретического и практического изучения проблемы, подтвердило целесообразность и значимость использования притч в работе с больными с семантической афазией в условиях реабилитационного стационара.

Ключевые слова: инсульт, острое нарушение мозгового кровообращения, восстановительное обучение, реабилитация, семантическая афазия, притчи

Для цитирования: Попова Е.Ф., Головцова А.В. Притчи как средство восстановления речи у лиц с семантической афазией // Современный ученый. 2023. № 1. С. 175 – 179.

Под термином афазия, в современной науке понимают системное нарушение речи, которое возникает ввиду органического поражения головного мозга, охватывающее различные уровни организации речи, влияющее на ее связи с другими психическими процессами и приводящее к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушая, в первую очередь, коммуникативную функцию речи. Данное нарушение возникает при локальных поражениях коры доминантного полушария головного мозга (у правшей – левого, и, соответственно, у левшей - правого) [4, 5].

Семантическая афазия возникает при поражении зоны ТРО – теменно-затылочные отделы коры левого полушария (39, 40, задняя часть 37 и передняя часть 19 поля). Следовательно, центральным механизмом нарушения понимания речи будет нарушение симультанного пространственного восприятия, а основным проявлением будет нарушение понимания логико-грамматических конструкций. В клинической картине обычно не обнаруживается глубокого нарушения экспрессивной речи. В разговорной речи больные используют простые конструкции предложений, понимают простую бытовую речь. У них отсутствует нарушение письма и чтения [2, 3].

Ранее считалось, что при этой форме афазии нарушается интеллектуальная сфера, но не речевая. Однако А.Р. Лурия доказал, что у таких людей нарушения не относятся к интеллектуальным операциям, а затрагивают лишь понимание конкретных грамматических конструкций. В данном случае наблюдаются затруднения в осмыслении грамматических конструкций, которые в той или иной степени передают одновременный симультанный анализ и синтез явлений [4].

Практика восстановительного воздействия указывает на то, что больные с разными очагами поражения испытывают разные трудности при работе с литературным текстом. Различия обнаруживаются при первичном восприятии текста, понимании прочитанного, запоминании текста, в возможности его пересказа и составления плана.

Необходимо учитывать, что при поражении зоны ТРО возникает нарушение в понимании сложных лексико-грамматических конструкций, проявляющееся в клинике мозговых поражений при семантической афазии. Для лиц с данной афазией характерна сохранность понимания отдельных слов, отдельных фраз простой

конструкции. У них не выявляются ошибки в соотношении отвлеченных понятий. Речевые дефекты связаны с трудностями, а иногда и полной невозможностью понимания значений сложных грамматических конструкций, что приводит к невозможности понимания целого текста или отдельных его частей [1].

При пересказе и составлении плана текста выявляются трудности в тех формах интеллектуальной деятельности, которые требуют сохранности понимания значения фраз со сложной структурой и выражения содержания текста в устной речи. Все это протекает на фоне устойчивости внимания и цели, возможности анализа материала и сохранности контроля за своими действиями. Обычно деятельность больных высоко мотивирована.

При различных нарушениях речи у лиц после острого нарушения мозгового кровообращения часто возникают расстройства эмоционально-личностной сферы. Возникают такие состояния, как: апатия, тревога, депрессия, которые увеличивают время восстановления ввиду снижения уровня мотивации. В восстановительной работе применение притч возможно не только как средство восстановительного обучения, но и средства психотерапии.

Исследователи выделяют две категории притч:

1. Религиозные: требуют толкования культуры и истории.

2. Светские: описывают жизненные ситуации.

Субъект канонической (евангельской) притчи – рассказ о действительности, которая предстает в абстрагированном виде, без хронологических и территориальных примет. Субъект авторской притчи – рассказ о вымышленной автором действительности, в котором действуют конкретные персонажи. И авторская, и каноническая притча выступают как гипернарратив, т.е. повествование, которое может быть истолковано принципиально шире.

Притчу можно сравнить с айсбергом, незначительный пласт которого находится на поверхности:

1. Функциональный пласт – самый верхний. Знакомство с притчей.

2. Физиологический пласт. Анализ жестов и мимики при прочтении притчи.

3. Психологический пласт. Влияние притчи на высшие психические функции человека (память, внимание, мышление, воображение, речь).

4. Личностный пласт. Эмоции и размышления после прочтения притчи.

Притчи часто употребляются в рамках позитивной психотерапии, основная цель которой

– привести пациента к положительному отношению к заболеванию.

На базе Новокузнецкого филиала Государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Кузбасский клинический кардиологический диспансер им. акад. Л.С. Барбараша» было проведено экспериментальное исследование.

Целью исследования было на основе теоретического и практического изучения вопроса создать пособие по восстановлению речи с притчами для лиц с разной степенью выраженности семантической афазии после острого нарушения мозгового кровообращения.

В начале эксперимента была произведена выборка пациентов.

Исследование носило комплексный характер (было исследовано сразу несколько психологических и физических особенностей людей с афазией). Нами был подобран соответствующий комплект диагностических методик, который состоял из методик для оценки функционального состояния больных после инсульта и установления степени адаптации пациентов, методик диагностики психических состояний и свойств личности (наличие нарушений эмоциональной сферы, повседневной активности), а также методики оценки степени выраженности речевых нарушений.

Для проведения исследования были проанализированы истории болезни постинсультных пациентов с афазией. В результате была сформирована группа пациентов для проведения настоящего исследования, которая соответствовала целям и задачам исследования по изучению особенностей применения притчи в восстановлении речи у лиц с семантической афазией. Следует отметить, что в выборочную совокупность не вошли пациенты с тяжелой степенью выраженности афазии. Для проведения исследования не привлекались лица старше 75 лет, с когнитивными нарушениями, и больные, требующие постороннего ухода.

Выборка данного исследования составила 10 пациентов стационарного отделения медицинской реабилитации, перенесшие инсульт и, как следствие, имеющие речевые нарушения.

Поднятая проблема требует проведения сравнительного анализа адаптационных возможностей постинсультных больных ввиду того, что форма афазии имеет непосредственное влияние на адаптацию к быту и как следствие выздоровление. Немаловажным является сопутствующие характеристики, а именно: наличие или отсутствие тревожных и депрессивных состояний, так как положительный

настрой и высокий уровень мотивации всегда благоприятно сказывается на восстановлении.

В обеих группах представлены лица со средним, средне специальным и высшим образованием. Следовательно, по социальной характеристике существенных отличий в группах обнаружено не было.

Исходя из того, что данное исследование имело междисциплинарный характер, то оно затрагивало не только логопедическое, но медицинское и психологическое поле. Прежде всего, был составлен план исследования и определены задачи для конкретных этапов изучения адаптивности и выраженности отклонений в эмоциональной сфере у больных с нарушениями восприятия и воспроизведения речи. Принимая во внимание цель и задачи исследования, а также для подтверждения выдвинутой гипотезы, была создана следующая схема изучения.

На первом этапе был проведен анализ литературных источников и веб-ресурсов касательно исследуемой проблемы. Были проанализированы основные подходы в отечественной и зарубежной литературе для того, чтобы выявить общие тенденции теоретических направлений, в рамках которых будет строиться дальнейшее исследование.

На втором этапе происходил непосредственный анализ состояния речи больного при помощи клинико-психологического диагностического комплекса.

Третий этап исследования – «аналитический». На данном этапе проводился корреляционный анализ зависимости восстановления нарушений понимания сложных грамматических конструкций от выбранных притч.

При помощи методики «Индекс Бартел», который в своей основе содержит оценку 10 функций, необходимые к выполнению в повседневной жизни, была исследована степень независимости пациентов от внешней помощи. В экспериментальную и контрольную группу вошли пациенты, имеющие по данной шкале 75-85 баллов. Следует отметить, что максимальная оценка по данной шкале составляет 100 баллов – этому показателю соответствует полная независимость от окружающих. Среднее значение по индексу Бартел в данной группе испытуемых составляет 80, данное количество баллов свидетельствует о умеренной зависимости от окружающих, но следует подчеркнуть, что некоторые значения находятся в непосредственной близости к следующей ступени индекса Бартела, а именно к легкой степени зависимости.

Дисперсионный анализ показал среднее отклонение от среднего значения – 5. Как

следствие, можно говорить о том, что подавляющее большинство испытуемых имеют легкую степень зависимости от окружающих.

Для оценки степени инвалидизации в исследовании была использована шкала Рэнкина. Пациенты в большинстве своем были отнесены к 2 степени, так как они вполне способны самостоятельно обходиться в вопросах самообеспечения, хотя зачастую не могут вернуться к своей прежней трудовой (профессиональной) деятельности.

Для определения активности больного в восстановлении была применена шкала Ривермид. Оценочные градации варьируют от полной зависимости от посторонней помощи, когда самостоятельное выполнение деятельности повседневной жизни или невозможно, или небезопасно, или требует слишком высоких временных затрат, до независимости от окружения, хотя при этом могут быть использованы вспомогательные средства.

Средний показатель в группах равен 7. Отклонения частных значений от среднего показателя в двух группах равен 1 соответственно, что в целом не изменяют картину. Следует отметить, что 10% пациентов, по результатам методики, являются полностью адаптированными.

По шкале HADS (которая была проведена для оценки уровня тревожности и депрессии) было выявлено, что у всех пациентов в выборочной группе присутствует клинически выраженная тревога и субклинически выраженная депрессия.

Далее следовала диагностика пациентов по Шкале Л.И. Вассерман для оценки степени выраженности речевых нарушений у больных с локальными поражениями мозга. По данной шкале у пациентов в выборочной группы было от 20 до 39 баллов, что свидетельствует о наличии легкой и средней степени афазии. Средний балл по группе 28,2, что свидетельствует о средней степени афазии у большей части в группе.

Для проведения качественной оценки была использована методика нейропсихологической диагностики Т.Г. Визель. У пациентов выбранной группы на первый план выступало поражение области ТРО – теменно-височно-затылочные отделы коры головного мозга, что свидетельствовало о наличии семантической афазии.

Четвертый этап – практический. Разделение выборки на 2 группы. Работа по восстановлению речи.

После организации диагностического исследования, пациенты были разделены на 2 группы: в первой группе восстановление речи проходило по классическим методикам, во второй с помощью использования притч.

Работа с притчами осуществлялась по двум формам: классическим и авторским.

К классическим формам работы с притчами относится:

- обсуждение основной мысли и смысла притчи;
- составление вопросов по притче;
- выделение ключевых слов и т.д.

В эксперименте использовались следующие авторские методы Ш.А. Амонашвили:

1. Сжатие текста до выводов

Этап А: выписать из текста слова разных частей речи (существительные, прилагательные глаголы).

Этап Б: придумать самостоятельно из этих слов афоризм либо выразить основную мысль текста.

2. Работа с измененным текстом.

В тексте притчи некоторые слова были изменены. Сравнительный анализ текста (расхождения с оригиналом).

3. Прием одного целого.

На карточках №1 пишется вопрос по тексту от начала до конца, на карточках №2 записаны ответы. Необходимо составить схему по тексту из этих карточек.

4. Собери пазл.

Собрать пазл из картины с философским содержанием (Сальвадор Дали, современные художники, картины с оптическими иллюзиями). После необходимо последовательно объяснить, почему именно данная картина подходит к притче.

5. Дерево предсказаний.

По сюжету притчи необходимо составить дерево, где ствол – тема, ветви – предположения, листья – обоснование предположения.

В центре листа рисуется ромб. Сверху – тема, слева – фразы из текста, справа – возникающие чувства. Внизу- вывод в форме афоризма, морали.

7. Облако мыслей.

Перед работой с притчей прочитать название. Далее необходимо обдумать под название, какова будет основная идея притчи.

Шестой этап: контрольный.

После проведения эксперимента нами был проведен контрольный эксперимент, где была проведена сравнительная характеристика двух групп с помощью шкалы Л.И. Вассерман и шкалы HADS.

По результатам контрольного исследования было выявлено, что в обеих группах была выявлена положительная динамика восстановления.

По шкале HADS в экспериментальной группе признаков депрессии выявлено не было, уровень тревоги значительно снизился. По шкале Л.И. Вассерман средний балл в экспериментальной группе опустился до 22,3, а в контрольной до 25,8, трудности в понимании сложных грамматических конструкций у пациентов снизились.

Таким образом, в исследовании подтверждается целесообразность использования притч в восстановлении понимания логико-грамматических конструкций лиц с семантической афазией.

Современные исследователи отмечают важность использования притч в ситуациях эмоциональной поддержки. Понятая человеком с афазией притча будет не только решать задачи логопедической коррекции, но и может быть последующим девизом, который будет поддерживать в решении своих задач на протяжении нескольких лет. В контексте восстановительного обучения лиц с семантической афазией притча может служить тем сильным, но в то же время творческим инструментом, который не только опишет проблему, но и поможет посмотреть на ситуацию в другом свете, и, вероятно, укажет различные способы устранения трудностей.

Литература

1. Бэйн Э.С. Клиника и лечение афазий. М.: София, 1970. 214 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2019. 431 с.
3. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Московского Университета, 1962. 408 с.
4. Хомская Е.Д. Нейропсихология. СПб: Питер, 2005. 496 с.
5. Цветкова Л.С. Социально-психологический аспект реабилитации больных с афазией. М.: София, 1979. 274 с.

References

1. Bjejn Je.S. Klinika i lechenie afazij. M.: Sofija, 1970. 214 с.
2. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. Spb.: Piter, 2019. 431 с.
3. Lurija A.R. Vysshie korkovye funkicii cheloveka i ih narusheniya pri lokal'nyh porazhenijah mozga. M.: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 1962. 408 с.
4. Homskaja E.D. Nejropsihologija. SPb: Piter, 2005. 496 с.
5. Cvetkova L.S. Social'no-psihologicheskij aspekt reabilitacii bol'nyh s afaziej. M.: Sofija, 1979. 274 с.

*Popova E.F., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
Kemerovo State University,
Golovtsova A.V., Speech Therapist
Novokuznetsk branch of
Kuzbass Clinical Cardiological Dispensary named after acad. L.S. Barbarash*

PARABLES AS A MEANS OF RESTORING SPEECH IN PERSONS WITH SEMANTIC APHASIA

Abstract: this article reveals the features of using parables as a means of restoring speech in people with semantic aphasia after acute cerebrovascular accident. An experimental study conducted on the basis of a theoretical and practical study of the issue confirmed the feasibility and significance of using parables in working with patients with semantic aphasia in rehabilitation hospitals.

With this form of aphasia, the central link in the structure of the defect is a violation of the understanding of complex logical and grammatical structures, as well as the figurative meaning of words. We assumed that parables, the essence of which conveys a figurative meaning, will become one of the means of speech therapy work in restoring speech in case of semantic aphasia.

In the course of the study, we conducted an analysis of the literature on the topic of the study, an analysis of the medical records of patients. Based on the analysis of case histories, groups of post-stroke patients with impairments in the field of difficulties in understanding complex logical-grammatical structures, as well as the figurative meaning of words, were identified, and the severity of the rehabilitation and adaptive potential in patients with semantic aphasia was assessed. We then conducted an empirical study using parables. During the experiment, parables were selected and tested in restoring speech in patients with semantic aphasia of mild and moderate severity.

As a result of the study, new data were obtained on the possibilities of using parables in restoring speech in people with semantic aphasia.

Keywords: stroke, acute cerebrovascular accident, restorative education, rehabilitation, aphasia, parables

For citation: Popova E.F., Golovtsova A.V. Parables as a means of restoring speech in persons with semantic aphasia. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 175 – 179.

*Баркалов С.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Махов С.Ю., кандидат педагогических наук, доцент,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
Струганов С.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Крысин М.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Дальневосточный юридический институт МВД России,
Носов С.А.,
Воронежский институт МВД России*

ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируются проблемы функционирования системы личной безопасности сотрудников ДПС в процессе выполнения ими оперативно-служебных задач, преимущественно связанных с силовым пресечением противоправных действий и задержанием лиц, их совершивших. Определены причины возникновения проблем и даны рекомендации по их устранению. В частности, выявлена необходимость корректировки мотивационного компонента готовности к профессиональной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России, освоивших профессию сотрудника ГИБДД, для чего предложено строить физическую подготовку на основе принципа прикладности с вовлечением обучающихся в анализ положительных и отрицательных моментов работы по повышению их личной безопасности, особенно касающейся личных усилий каждого. При этом исследование физического компонента позволило установить, что готовность курсантов к обеспечению личной безопасности может эффективно формироваться на основе преимущественного включения в содержание физической подготовки упражнений, способствующих развитию силы и выносливости. А результаты анализа требований к специальной подготовленности (к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия) показали, что огневая и физическая подготовка курсантов факультета подготовки специалистов ГИБДД должна проходить в специально оборудованных тирах, спортзалах и на полигонах, где возможно моделирование ситуаций, связанных с задержанием правонарушителей, передвигающихся на транспортном средстве.

Ключевые слова: физическая подготовка, огневая подготовка, сотрудник полиции, дорожно-патрульная служба, личная безопасность, готовность к профессиональной деятельности

Для цитирования: Баркалов С.Н., Махов С.Ю., Струганов С.М., Крысин М.В., Носов С.А. Личная безопасность сотрудников дорожно-патрульной службы: проблемы и пути их решения // Современный ученый. 2023. № 1. С. 180 – 189.

Вопрос личной безопасности сотрудников дорожно-патрульной службы (далее – ДПС) Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) при выполнении ими оперативно-служебных задач, в том числе в ситуациях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также в условиях воздействия других негативных факторов службы, в настоящее время становится особенно актуальным, что обусловлено разрешением противоречий между возрастающими требованиями общества к личности и деятельности сотрудников полиции и востребованностью системного формирования их способности защитить себя в условиях взаимодействия с агрессивной средой [1].

Основой любой общественной и личной деятельности является человеческая жизнь, при

этом рост количества и качества угроз жизнедеятельности человека в современном обществе делает актуальными разработку теоретико-практических основ безопасности личности и воспитание у нее стремления к безопасному (здоровому) образу жизни.

Если учесть что личности угрожают не только опасности внешние (со стороны природы и общества: преступность, катастрофы, холод, голод, инфекционные заболевания и др.), но и внутренние (употребление наркотиков, алкоголя, табака, невнимательность, излишняя самоуверенность и другие факторы, вплоть до суицидальных проявлений), то решение задачи по вовлечению в здоровый образ жизни, особенно молодого поколения, не выглядит таким простым, как может показаться на первый взгляд. Проблема заключается, прежде всего, в том, что применяемым сегодня в образовательных организациях методам обучения и воспитания,

преимущественно направленным на запоминание информации и сдачу зачетов и экзаменов, не достает «привязки» к личным усилиям каждого обучающегося, а также формированию умения учиться самостоятельно.

Кроме того, по информации российских СМИ прослеживается демографическая проблема в стране (по сравнению с 2020 годом смертность в 2021 году увеличилась на 15,1%, а рождаемость снизилась на 2,3% и составила минимум с 2002 года), остается «сумасшедших» размеров травматизм (ежегодно порядка 150 тыс. травм на производстве, 15-17 тыс. россиян тонет, более 16 тыс. погибает и 180 тыс. получают ранения в дорожно-транспортных происшествиях), намечается повышение количества психосоматических заболеваний и связанных с ними самоубийств (число попыток суицида среди несовер-

шеннолетних с 2019 по 2021 год увеличилось почти на 13 %: с 3253 до 3675 случаев) [2].

Безусловно, обозначенные проблемы и негативные тенденции требуют незамедлительного принятия мер по привитию навыков безопасного поведения и здорового образа жизни как основы любой деятельности, в том числе и профессиональной.

Одним из путей решения поставленной задачи видится ранее предложенное специалистами использование понятия «самообучающейся системы защиты» – системы защиты, способной получать знания о возможных опасностях за время, достаточное для привлечения к отражению опасности адекватных способов защиты [3]. В наиболее общем виде структурная схема самообучающейся системы защиты представляется в виде взаимодействия с угрозами и между собой трех подсистем (рис. 1).

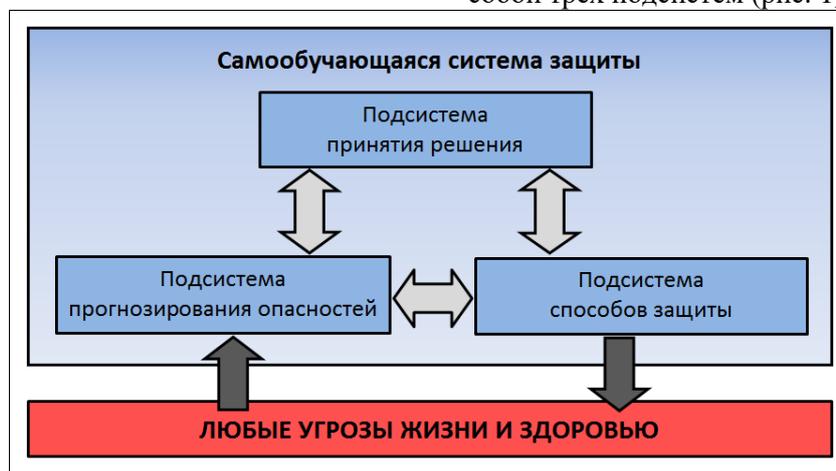

Рис. 1. Схема функционирования самообучающейся системы защиты

Основной движущей силой, поддерживающей индивидуальную систему самозащиты в рабочем состоянии на более или менее длительном этапе, является любовь к себе и к жизни как великому подарку природы, а чувство меры и «золотой середины», а также врожденные рефлекссы любознательности и самосохранения послужат базой для бесконечного совершенствования этой системы в целях собственного благополучия, на благо семьи, общества, государства и всего человечества [3].

Опасности с течением времени изменяются, появляются новые, что, естественно, требует непрерывного оптимизирования указанных подсистем, а поскольку самым мощным социальным и личностным двигателем любой человеческой деятельности является мотивация, то важно развивать мотивационный компонент, обеспечивающий выработку, поддержание интереса и потребности к ведению здорового и безопасного образа жизни. В этой связи само

понятие «самообучающейся системы защиты» необходимо использовать в образовательных организациях при преподавании учебных дисциплин (модулей, курсов). Это особенно актуально для вузов МВД России, осуществляющих подготовку кадров для органов внутренних дел Российской Федерации, деятельность которых зачастую связана с широким кругом угроз и опасностей для жизни и здоровья сотрудников. Поэтому процесс обучения в образовательных организациях МВД России, прежде всего в рамках дисциплины «Физическая подготовка», должен обеспечивать усиление мотивации курсантов к ведению здорового образа жизни и повышению их личной безопасности, особенно в части, касающейся личных усилий каждого.

Бесспорно, результаты учебной деятельности курсанта зависят от различных факторов, среди которых важное место принадлежит мотивации. При этом, говоря о мотивации занятий, следует

уточнить, что учебная деятельность всегда полимотивирована. Она включает в себя мотивы (что побуждает курсанта, ради чего он учится), цели (умение воплощать свои мотивы в конкретные результаты) и эмоции (какие переживания сопровождают процесс обучения) [4].

Обычно выделяют две группы учебных мотивов: внутренние и внешние. Внутренние мотивы заложены в самой учебной деятельности и связаны с содержанием и процессом обучения. В содержании обучения курсанта побуждает учиться стремление узнать новые факты, овладеть теоретическими знаниями, практическими умениями и навыками. Мотивы, связанные с процессом учения, побуждают проявлять интеллектуальную активность, преодолевать возникающие трудности, то есть когда курсанта увлекает сам процесс, а не его результат. Внешние мотивы лежат вне учебной деятельности: социальные мотивы, то есть долг, ответственность, желание самоопределиваться; узколичностные мотивы – стремление получить одобрение, хорошие оценки (мотивация благополучия), желание быть первым курсантом (престижная мотивация); отрицательные мотивы, в основе которых лежит стремление избежать неприятностей со стороны преподавателей, руководства курса, родителей, сокурсников (мотивация избегания неприятностей) [5, 6].

Неоднократно показано, что действенным воспитательным средством, способствующим развитию интереса к занятиям, является самооценка знаний и умений [7]. Воспитательное значение самооценки позволяет курсанту осознать свои достижения и недостатки, услышать и правильно понять суждение преподавателей и сокурсников. Все это развивает умение объективно оценить свои силы и возможности, отнестись к себе критически. При этом важным в определении уровня подготовленности должен быть качественный анализ учебного труда с учетом всех положительных и отрицательных моментов, с выявлением их причин, а не только их констатация. Именно такой анализ способствует формированию у обучающихся адекватной самооценки.

Резюмируя сказанное в части, касающейся мотивационного компонента, необходимо акцентировать внимание на том, что, во-первых, для активного включения курсанта в работу надо, чтобы задачи, которые ставит перед ним педагог, были не только поняты, но и внутренне им приняты, а во-вторых, для формирования положительной мотивации учебы важно, чтобы в

оценке работы обучающегося участвовал не только преподаватель, но и сам курсант.

В этой связи для получения обратной информации от курсанта к преподавателю, в том числе и о мотивах занятий физической подготовкой, нами было проведено анкетирование курсантов 4 курса факультета подготовки специалистов ГИБДД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. При этом использовалась анкета, разработанная В.И. Лисицыным в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

В результате анкетирования было выявлено, что различными видами спортивной деятельности на постоянной основе (в сборных командах, секциях и самостоятельно) занимаются 44,6% курсантов. Наиболее популярными видами спорта являются спортивные игры (футбол, волейбол, баскетбол, бадминтон, настольный теннис, регби), ими увлекаются 45,3% курсантов. Далее идут занятия силовыми упражнениями – 28,7%, единоборствами – 11,7%, легкоатлетическими упражнениями, в том числе на кардиотренажерах – 8,4%, другими видами спорта – 5,9% курсантов.

В одном из вопросов анкеты курсантам предлагалось определить мотивацию занятий физической подготовкой. Для этого они должны были расставить по местам с учетом степени важности для себя шесть мотивов занятий. Анализ ответов показал, что физической подготовкой занимаются для здоровья 23,8% курсантов (1 место), для сдачи зачета или экзамена – 23,7% (2 место), для улучшения телосложения – 16,1% (3 место), для самообороны – 14,9% (4 место), для профессиональной деятельности – 13,7% (5 место), для повышения собственного рейтинга – 7,8% курсантов (6 место).

В другом вопросе анкеты опрошиваемым давалась возможность самоопределиваться с уровнем своей физической подготовленности. В результате за владение боевыми приемами борьбы курсанты по пятибалльной шкале выставили себе 4,2 балла, уровень развития быстроты оценен ими в 4,4 балла, ловкости и силы – по 4,3 балла, а выносливости – 4,0 балла.

Таким образом, учитывая полимотивированность занятий физической подготовкой, для активного включения курсанта в работу преподавателю полезно знать эти мотивы, а поскольку активным средством, стимулирующим учебный труд обучающегося, является справедливая оценка его знаний, умений, навыков, то немаловажным фактором выступает объективность собственной оценки курсанта результатов своего труда. В этом контексте интерпретация полученных в ходе нашего

исследования данных позволяет сделать вывод, что приоритетным для курсантов, осваивавших профессию сотрудника ГИБДД, является мотив занятий для здоровья, и с точки зрения готовности к ведению здорового образа жизни это вполне оправдано. Вместе с тем с точки зрения формирования целостной готовности к обеспечению личной безопасности уровень мотивации, связанный с подготовкой курсантов к профессиональной деятельности и самообороне, на наш взгляд, представляется заниженным и требует соответствующей корректировки, также как требует корректировки самооценка курсантов уровня своей физической подготовленности. По показателям специальной (боевые приемы борьбы) и общефизической (сила, быстрота, ловкость, выносливость) подготовленности курсанты выставили себе из максимальных пяти от 4,0 до 4,4 баллов. Такая самооценка, как показывает практика, является в значительной степени завышенной и может привести к необъективному представлению курсантами своих возможностей в сфере готовности к обеспечению личной безопасности и, как следствие, к принятию ошибочных решений, в том числе имеющих негативные последствия для жизни и здоровья.

Поскольку служебная деятельность сотрудников ДПС в современных условиях характеризуется повышением сложности и интенсивности труда, высокой концентрацией внимания, быстротой принятия решений и большим объемом специальных знаний, умений и навыков, в том числе необходимых для задержания преступников, что может быть связано со смертельной опасностью [8], то все это требует пристального внимания к разработке специальных методик формирования готовности к профессиональной деятельности с учетом обеспечения личной безопасности сотрудников. В связи с этим следует остановиться на сущности и структурных составляющих понятия «готовность».

Например, в спорте готовность рассматривается во временном аспекте как кратковременное (предстартовое) и длительное состояние, позволяющее выполнять запланированную тренировочную программу. Также одним из различий готовности является степень ее проявления: обычная, повышенная, пониженная. Для обычной готовности характерно состояние, позволяющее выполнять привычную деятельность без возрастания требований к организму. Повышенная готовность характеризуется наличием элементов новизны и творчества, особого стимулирования, хорошего физического состояния организма и др. Пониженная готовность вызывает сильную и неконтролируемую

нервозность, эмоциональность, несобранность, невнимательность и т.д. [9]. При этом готовность у каждого будет «своя», отражающая характер познавательных процессов, эмоциональных компонентов деятельности, которые могут усиливать или ослаблять активность и проявление волевых качеств личности.

Как показали наши исследования и анализ теоретических источников, в структуру готовности к профессиональной деятельности входят мотивационная, теоретическая и практическая, психическая, в том числе умственная, волевая и эмоциональная составляющие. Отдельным звеном в этой структуре стоит физическая подготовленность, которая в зависимости от специфики (направленности) занимает собственное и самостоятельное место. Применительно к профессиональной деятельности она определяется как составная часть процесса формирования специалиста, его профессионально важных психофизических качеств и прикладных двигательных умений и навыков, необходимых в особых и нередко экстремальных условиях деятельности, на основе всесторонней физической подготовленности [10].

С этих позиций физическая подготовка должна строиться на основе принципа прикладности и в свете новых требований образования быть направленной не только на выполнение контрольных упражнений и установленных нормативов, но и учитывать индивидуально-дифференцированный подход как особую «...методологию организации условий обучения, предполагающей не «учет», а «включение» самого субъекта, его личностных функций или востребование его субъектного опыта...» в образовательном процессе [11, с. 42]. Это, с одной стороны, означает адаптацию учебного материала к особенностям обучающихся, а с другой – к специфике осваиваемой ими профессии (развитие прикладных качеств, умений и навыков, которые недостаточно сформированы, но необходимы в будущей профессиональной деятельности).

Рассматривая физический компонент готовности к обеспечению личной безопасности в профессиональной деятельности сотрудников ДПС, на первом этапе нас интересовала взаимосвязь между уровнями физической подготовленности ранее исследуемых курсантов 4 курса факультета подготовки специалистов ГИБДД (далее – курсанты) и проходивших повышение квалификации в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова сотрудников территориальных подразделений ДПС в возрасте до 30 лет со стажем службы в подразделении не менее 3 лет (далее – сотрудники). С этой целью использовались

контрольные испытания для оценки уровня развития физических качеств: силы, выносливости, быстроты и ловкости (табл. 1).

По результатам проведенных контрольных испытаний было установлено, что уровень показателя выраженности силы у мужчин-сотрудников выше на 9,8% по сравнению с мужчинами-курсантами и имеет достоверные различия ($t=3,1$;

$p<0,01$). У женщин-сотрудников показатель выраженности силы также выше на 13,1% по сравнению с женщинами-курсантами и имеет достоверные различия ($t=2,8$; $p<0,01$). Показатели уровня выраженности выносливости, быстроты и ловкости у курсантов и сотрудников имеют недостоверные различия.

Таблица 1

Показатели уровня физической подготовленности у курсантов и сотрудников

Контрольное испытание	Ед. измер.	Курсанты		Сотрудники		Достоверность различий (t – критерий Стьюдента, p – уровень значимости)	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Силовое комплексное упражнение* (сила)	кол-во циклов	6,05±0,74	4,65±0,61	6,71±0,64	5,35±0,79	t=3,1 p<0,01	t=2,8 p<0,01
Бег 1 км (выносливость)	мин., сек.	3,25±0,06	4,12±0,05	3,27±0,04	4,17±0,07	t=2,0 p>0,05	t=2,5 p>0,05
Челночный бег 10×10 м (быстрота и ловкость)	сек.	25,75±0,56	30,02±0,30	26,16±0,62	30,34±0,58	t=2,3 p>0,05	t=2,1 p>0,05

* Силовое комплексное упражнение включало в себя выполнение без пауз для отдыха (при паузе более 2 секунд выполнение упражнения прекращалось) 4-х упражнений, составляющих один цикл: сгибание и разгибание рук в упоре лежа; прыжки из упора лежа в упор присев и обратно; наклоны туловища вперед из положения лежа на спине (ноги не зафиксированы); выпрыгивание вверх из глубокого приседа. Мужчины выполняли по 10 повторений каждого упражнения в цикле, женщины – по 5 повторений. При определении итогового результата учитывалось количество засчитанных циклов

Для расчетов взаимосвязи между показателями физических качеств курсантов и сотрудников в ходе исследования использовался корреляционный анализ (табл. 2).

При исследовании средних значений физических качеств была выявлена тенденция к прямой зависимости между показателями шкал выносливости и быстроты и ловкости у женщин-курсантов ($r=0,21$; $p<0,01$) и мужчин-курсантов ($r=0,22$;

$p<0,01$), а также между показателями шкалы силы и выносливости у мужчин-сотрудников ($r=0,26$; $p<0,01$). К тому же наблюдается прямая зависимость средней силы у женщин-курсантов ($r=0,31$; $p<0,01$) и высокой силы у женщин-сотрудников ($r=0,70$; $p<0,01$) между шкалой силы и выносливости, а также обнаружена прямая зависимость средней силы между шкалой силы и быстроты и ловкости у женщин-сотрудников ($r=0,39$; $p<0,01$).

Таблица 2

Матрица интеркорреляций между показателями физических качеств

Контингент испытуемых	Физические качества	Коэффициент корреляции Пирсона (r)		
		Сила	Выносливость	Быстрота и ловкость
Курсанты (мужчины)	Сила	1	-0,14	-0,03
	Выносливость	-0,14	1	0,22
	Быстрота и ловкость	-0,03	0,22	1
Сотрудники (мужчины)	Сила	1	0,26	0,13
	Выносливость	0,26	1	-0,12
	Быстрота и ловкость	0,13	-0,12	1
Курсанты (женщины)	Сила	1	-0,31	-0,03
	Выносливость	-0,31	1	0,21
	Быстрота и ловкость	-0,03	0,21	1
Сотрудники (женщины)	Сила	1	0,70	0,39
	Выносливость	0,70	1	0,05
	Быстрота и ловкость	0,39	0,05	1

Анализ результатов исследования позволяет говорить о том, что формирование готовности сотрудников ДПС к обеспечению личной безопасности средствами и методами физической подготовки по уровню выраженности силы является эффективным. Кроме того, существует высокая вероятность повышения готовности курсантов, обучающихся по профилю ГИБДД в образовательных организациях МВД России, к обеспечению личной безопасности на основе преимущественного включения в содержание физической подготовки упражнений, способствующих развитию силы и выносливости.

На следующем этапе исследования в целях уточнения требований к специальной подготовленности курсантов был проведен анализ практики применения сотрудниками ДПС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач.

Согласно статистическим данным МВД России дорожно-патрульная служба является одним из подразделений, сотрудники которого наиболее часто применяют меры насильственного воздействия на правонарушителей. Так, в 2021 году сотрудники ГИБДД, абсолютное большинство которых являлось представителями ДПС, применяли физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, специальные средства и огнестрельное оружие в 219,8 случаях (в расчете на 1 тыс. личного состава), что составило четвертый результат по частоте применения среди всех органов, организаций, подразделений МВД России. При этом количество таких фактов увеличилось более чем на 20% по сравнению с 2020 годом, а также возросло почти на 15% количество случаев оказания сопротивления и нападения на сотрудников ДПС, в результате которых им были нанесены травмы и ранения [12]. По предварительной информации (официально итоги пока не подведены) такая же тенденция прослеживается в 2022 году.

Проведенный анкетный опрос сотрудников ДПС показал, что наиболее часто совершаемыми ими действиями, связанными с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, являются (рис. 2):

- болевые приемы (в большинстве случаев это загиб руки за спину, реже – рычаг руки и дожим кисти);
- сковывание наручниками (чаще всего двумя сотрудниками в положении стоя у автомобиля или в одиночку в положении лежа);
- защитные действия (как правило, от захватов и обхватов, ударов руками и ногами, иногда от летящих предметов или ударов ими);
- броски (во многих случаях задняя и передняя подножки, боковая подсечка, а также сваливание рывком или скручиванием);
- применение огнестрельного оружия для остановки транспортного средства (в 70 % случаев стрельба ведется в темное время суток с переднего пассажирского сиденья движущегося патрульного автомобиля на расстоянии до 10 м по колесам движущегося автомобиля);
- иные действия (атакующие удары руками и ногами, удушающие приемы, защитные действия от группового и (или) вооруженного нападения колюще-режущим или огнестрельным оружием, применение огнестрельного оружия по правонарушителю).

Кроме того, ранее нами было установлено, что более 90% опрошенных сотрудников ДПС сталкиваются с потребностью применения мер физического воздействия в отношении водителей, отказывающихся выйти из салона остановленного автомобиля. Ими также было указано на недостаточный уровень своей тактической подготовленности и выражено мнение о необходимости изучать на занятиях по физической подготовке не только технику боевых приемов борьбы, но и отработать тактические навыки их применения в моделируемых ситуациях оперативно-служебной деятельности, наиболее характерных для их подразделения. К тому же статистика показывает недостаточную эффективность стрельбы (процент попаданий в цель от общего количества произведенных выстрелов): в 2021 году средняя эффективность применения оружия сотрудниками ДПС составила около 60% (без учета предупредительных выстрелов) [13], что может свидетельствовать о недостаточном уровне их подготовленности к ведению огня с целью остановки транспортного средства путем его повреждения.

Рис. 2. Распределение по частоте совершаемых сотрудниками ДПС действий, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия

Анализ результатов исследования требований к специальной подготовленности сотрудников ДПС позволяет констатировать, что огневая подготовка в образовательных организациях МВД России, осуществляющих обучение по профилю образовательной программы – деятельность подразделений ГИБДД, должна проходить в специально оборудованных тирах и на стрельбищах, где возможно моделирование ситуаций, связанных с применением оружия для остановки транспортного средства: ведение огня по движущимся целям (удаляющемуся автомобилю); из движущегося автомобиля, в том числе при ограничении подвижности, вызванной бронежилетом; без прицеливания, на малых дистанциях, в сумерках, ночью и т.п. С этой целью необходимо использовать тренажеры, имитирующие движение автомобиля, и интерактивные тир, проецирующие на мишенном оборудовании реальную обстановку задержания правонарушителей, передвигающихся на транспортном средстве.

Относительно физической подготовки, необходимо в первую очередь ограничить технический арсенал боевых приемов борьбы, а основной акцент подготовки направить на изучение наиболее часто используемых приемов и тактику их применения в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности. При этом под тактикой здесь понимается выбор

сотрудником таких способов физического воздействия, которые обеспечивают наиболее эффективные действия, позволяющие достигнуть требуемого результата с учетом конкретных условий: места, времени, погоды, потенциальной степени опасности правонарушителя (телосложение, вооруженность, психическое состояние, характер сопротивления), возможности вовлечения третьих лиц и др. Поскольку тактика плотно взаимосвязана с техникой выполнения боевых приемов борьбы, то часто их рассматривают в совокупности (как единое целое) – тактико-технические действия. Причем специфика таких действий заключается в тесном увязывании с правомерностью их применения. Другими словами, одной из составляющих физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России, готовившихся к службе в подразделениях ГИБДД, должно являться обучение эффективным, в том числе правомерным, тактико-техническим действиям, направленным на принудительное извлечение водителя из салона остановленного автомобиля с учетом моделирования различных условий, которые могут возникнуть в такой ситуации (сотрудник один или взаимодействует с напарником, водительская дверь не заблокирована или заблокирована, окно водительской двери открыто или закрыто, двигатель работает или нет,

водитель пристегнут ремнем безопасности или не пристегнут и т.д.).

На наш взгляд, также следует больше внимания уделять умению курсантов вести рукопашные схватки в жестком ударном взаимодействии. Использование на учебных занятиях поединков по правилам, не создающим условий для полной психофизической мобилизации занимающихся, не позволяет сформировать у курсантов необходимую готовность к применению силовых мер пресечения. В этой связи целесообразно практиковать различные формы проведения спаррингов, отличительной чертой которых является ведение боя на средней и ближней дистанции, использование ударов руками, локтями, ногами и коленями на различных уровнях, возможность входить в захват и выполнять простую и эффективную бросковую технику, болевые и удушающие приемы. При этом схватка может ограничиваться применением только указанных преподавателем технических действий, а также должно применяться соответствующее защитное снаряжение и обеспечиваться квалифицированное (безопасное) руководство (судейство) со стороны преподавателя. Такая форма ведения поединка позволяет курсантам быстро переходить на ближнюю дистанцию с целью за-

хвата и в конечном итоге задержания правонарушителя.

Кроме того, личная безопасность напрямую зависит от психологической подготовленности, курсанты должны уметь произвольно управлять своими эмоциями в состоянии нервно-психического напряжения, для чего необходимо способствовать снижению у них чрезмерного давления инстинкта самосохранения. Именно проведение подобных спаррингов в конце занятия, после изучения и отработки определенного учебного материала, формирует не только тактико-технический арсенал и развивает профессионально важные физические качества, но и создает психологический фон, подводящий курсантов к высокой степени готовности выполнения своих профессиональных обязанностей в реальных ситуациях силового противостояния [14].

Повысить личную безопасность можно также, устранив неконтролируемый страх из психики путем личностно-ориентированного воспитания, предполагающего развитие и саморазвитие личностных качеств на основе общечеловеческих ценностей. Далеко не случайно у сотрудников полиции определяющими в службе являются чувства самоуважения и долга перед людьми, жизнь и достоинство которых они призваны защищать.

Литература

1. Баркалов С.Н. Применение функционального силового тренинга для формирования психофизической готовности сотрудников полиции к обеспечению личной безопасности // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 198 – 206.
2. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448249?ysclid=18y6uxngrp63466547>; <https://www.kommersant.ru/doc/5448249?ysclid=18y7793zmg643159190> (дата обращения: 10.11.2022)
3. Жердев В.М. Использование понятия самообучающейся системы защиты при обучении безопасному поведению // Совершенствование образовательного процесса по боевой и физической подготовке курсантов образовательных учреждений МВД России: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Орел: ОрЮИ МВД России, 2002. С. 54 – 55.
4. Кузнецов М.Б., Алдошина Е.А., Смирнов В.Н., Ретинская Ю.А. Некоторые аспекты мотивации курсантов МВД России к занятиям физической подготовкой // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 2. С. 37 – 43.
5. Загора О.Н. Интеграция учебной и практической деятельности как фактор повышения профессиональной компетентности студентов заочников в колледже: дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2000. 179 с.
6. Карандашев В.Н., Носова Н.В., Щепелина О.Н. Педагогическая психология: хрестоматия. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 412 с.
7. Алдошина Е.А., Алдошин А.В., Иванина Л.И. Технологии, критерии, показатели сформированности самопознания и самоуправления психофизическим состоянием студентов в образовательном пространстве физической подготовки // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 224 – 226.
8. Макеева В.С., Баркалов С.Н., Герасимов И.В. Физическая подготовка в обеспечении личной безопасности курсантов, обучающихся по профилю ГИБДД // Культура физическая и здоровье. 2015. № 3 (54). С. 48 – 50.
9. Михайлов О.В. Готовность к деятельности как акмеологический феномен: содержание и пути развития: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2007. 166 с.

10. Баркалов С.Н., Макеева В.С., Махов С.Ю., Струганов С.М., Бакин А.В. Теоретические аспекты дифференциации физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России, обучающихся по профилю ГИБДД // *Обзор педагогических исследований*. 2022. Т. 4. № 3. С. 79 – 87.
11. Возмилова И.В. Развитие творческого отношения курсантов вузов МВД к профессиональной деятельности в процессе изучения иностранного языка: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2003. 184 с.
12. Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. Москва: МВД России, 2022. 12 с.
13. Баркалов С.Н. Совершенствование физической подготовки сотрудников полиции к применению мер насильственного воздействия на основе моделирования типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности // *Наука-2020*. 2022. № 4 (58). С. 64 – 80.
14. Каменева Е.А., Герасимов И.В. Использование игрового метода для подготовки курсантов и слушателей к действиям при нападении правонарушителей // *Наука-2020*. 2019. № 4 (29). С. 90 – 93.

References

1. Barkalov S.N. Primenenie funkcional'nogo silovogo treninga dlja formirovanija psihofizicheskoj gotovnosti sotrudnikov policii k obespečeniju lichnoj bezopasnosti. *Avtonomija lichnosti*. 2022. № 1 (27). S. 198 – 206.
2. Kommersant# [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448249?ysclid=18y6uxngrp63466547>; <https://www.kommersant.ru/doc/5448249?ysclid=18y7793zmg643159190> (data obrashhenija: 10.11.2022)
3. Zherdev V.M. Ispol'zovanie ponjatija samoobuchajushhejsja sistemy zashhity pri obuchenii bezopasnomu povedeniju. *Sovershenstvovanie obrazovatel'nogo processa po boevoj i fizicheskoj podgotovke kursantov obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii: sbornik nauchnyh statej mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Orel: OrJuI MVD Rossii, 2002. S. 54 – 55.
4. Kuznecov M.B., Aldoshina E.A., Smirnov V.N., Retinskaja Ju.A. Nekotorye aspekty motivacii kursantov MVD Rossii k zanjatijam fizicheskoj podgotovkoj. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaja kul'tura. Sport*. 2021. № 2. S. 37 – 43.
5. Zagora O.N. Integracija uchebnoj i prakticheskoj dejatel'nosti kak faktor povyshenija professional'noj kompetentnosti studentov zaocnikov v kolledzhe: dis. ... kand. ped. nauk. Magnitogorsk, 2000. 179 s.
6. Karandashev V.N., Nosova N.V., Shhepelina O.N. *Pedagogicheskaja psihologija: hrestomatija*. Sankt-Peterburg: Piter, 2006. 412 s.
7. Aldoshina E.A., Aldoshin A.V., Ivanina L.I. Tehnologii, kriterii, pokazateli sformirovannosti samopoznaniya i samoupravleniya psihofizicheskim sostojaniem studentov v obrazovatel'nom prostranstve fizicheskoj podgotovki. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2015. № 6. S. 224 – 226.
8. Makeeva V.S., Barkalov S.N., Gerasimov I.V. Fizicheskaja podgotovka v obespečenii lichnoj bezopasnosti kursantov, obuchajushhihsja po profilju GIBDD. *Kul'tura fizicheskaja i zdorov'e*. 2015. № 3 (54). S. 48 – 50.
9. Mihajlov O.V. Gotovnost' k dejatel'nosti kak akmeologicheskij fenomen: sodержanie i puti razvitija: dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva, 2007. 166 s.
10. Barkalov S.N., Makeeva V.S., Mahov S.Ju., Struganov S.M., Bakin A.V. Teoreticheskie aspekty differenciacii fizicheskoj podgotovki kursantov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii, obuchajushhihsja po profilju GIBDD. *Obzor pedagogicheskikh issledovanij*. 2022. Т. 4. № 3. С. 79 – 87.
11. Возмилова И.В. Развитие творческого отношения курсантов вузов МВД к профессиональной деятельности в процессе изучения иностранного языка: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2003. 184 с.
12. Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. Москва: МВД России, 2022. 12 с.
13. Barkalov S.N. Sovershenstvovanie fizicheskoj podgotovki sotrudnikov policii k primeneniju mer nasil'stvennogo vozdejstvija na osnove modelirovanija tipovyh situacij operativno-sluzhebnoj dejatel'nosti. *Nauka-2020*. 2022. № 4 (58). S. 64 – 80.
14. Kameneva E.A., Gerasimov I.V. Ispol'zovanie igrovogo metoda dlja podgotovki kursantov i slushatelej k dejstvijam pri napadenii pravonarushitelej. *Nauka-2020*. 2019. № 4 (29). S. 90 – 93.

*Barkalov S.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Makhov S.Yu., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Struganov S.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krysin M.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia,
Nosov S.A.,
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

**PERSONAL SAFETY OF ROAD PATROL OFFICERS:
PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM**

Abstract: the article analyzes the problems of the functioning of the personal safety system of employees of the road patrol service in the process of performing operational and official tasks, mainly related to the forceful suppression of illegal actions and the detention of persons who committed them. The causes of the problems have been identified and recommendations for their elimination have been given. In particular, the need was revealed to adjust the motivational component of readiness for professional activities of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia who mastered the profession of a traffic police officer, for which it was proposed to build physical training on the basis of an applied principle, taking into account the involvement of cadets in the analysis of positive and negative aspects of work to increase their personal safety, especially regarding the personal efforts of everyone. At the same time, the study of the physical component made it possible to establish that the readiness of cadets to ensure personal safety can be effectively formed on the basis of the predominant inclusion in the content of physical training of exercises that contribute to the development of strength and endurance. And the results of the analysis of the requirements for special preparedness (for the use of physical force, special means and firearms) showed that the fire and physical training of cadets of the Faculty of training of traffic police specialists should take place at specially equipped shooting ranges, gyms and training grounds, where it is possible to simulate situations related to the detention of offenders traveled by vehicle.

Keywords: physical training, fire training, police officer, road patrol service, personal safety, readiness for professional activity

For citation: Barkalov S.N., Makhov S.Yu., Struganov S.M., Krysin M.V., Nosov S.A. Personal safety of road patrol officers: problems and ways to solve them. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 180 – 189.

*Зотова И.Н., концертмейстер, помощник проректора,
Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ ТЕАТРАЛЬНОГО ВУЗА

Аннотация: в статье рассматривается вопрос расширения сферы профессиональной деятельности концертмейстера за счет осуществления педагогической поддержки в работе со студентами театрального вуза. Актуальность проведенного исследования связана с необходимостью активного развития музыкально-певческих компетенций студентов театрального вуза, что обусловлено полижанровостью репертуара современного драматического театра, всё чаще обращающегося к постановкам мюзиклов, музыкальных сказок, музыкально-драматических спектаклей, музыкальных ревью и даже оперетт. В статье обозначены направления теоретических разработок в области подготовки студентов театрального вуза к работе с музыкальной составляющей драматического действия, а также подчеркнута роль педагогической деятельности концертмейстера в системе подготовки студентов театрального вуза к профессиональной работе на сцене. Показана необходимость включения в работу со студентами театрального вуза педагогической поддержки как одного из направлений профессиональной деятельности концертмейстера, способствующему более активному формированию музыкально-певческих компетенций (ПК-10) [5] у студентов театрального вуза, позволяющих им быть более востребованными на рынке труда в современном культурном пространстве. Статья может послужить отправным вектором для концертмейстеров, желающих расширить сферу своей профессиональной деятельности в театральном вузе, не ограничивая себя исполнительской работой, но погружая в сферу педагогической деятельности.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, концертмейстер, театральный вуз, музыкально-певческие компетенции, сценическое пение, индивидуальный подход

Для цитирования: Зотова И.Н. Педагогическая поддержка как фактор профессиональной деятельности концертмейстера в работе со студентами театрального вуза // Современный ученый. 2023. № 1. С. 190 – 193.

Современное театральное искусство развивается стремительно, используя все более разнообразные виды и формы сценических постановок. Несомненно, профессиональная подготовка студентов театрального вуза должна развиваться в русле потребностей театров. Сегодня, в процессе своего обучения, студенты театральных вузов овладевают большим числом компетенций, среди которых: общекультурные, обще-профессиональные, профессиональные и профессионально-специализированные (всего 39 компетенций) [5]. Поскольку в драматических театрах наряду с традиционными спектаклями, всё более значительную часть репертуара составляют спектакли с музыкальной составляющей (мюзиклы, музыкальные сказки, музыкально-драматические постановки, вокально-поэтические композиции, эстрадно-театральные представления, музыкальные ревью, оперетты и т.д.), современный артист должен свободно владеть музыкальными средствами выразительности. Это, в свою очередь, определяет актуальность освоения в полной мере профессиональных музыкально-певческих компетенций (ПК-10) [5], через повышения требовательности в овладении студентами театрального вуза дисциплин спе-

циального цикла (сценическое пение, музыкальный ансамбль, музыкальная грамота).

Методологические разработки в области освоения студентами театрального вуза музыкально-певческих компетенций ведутся на протяжении многих лет, но одновременно, не являются многочисленными. Можно отметить следующие направления данных разработок:

– драматургическая составляющая (как основная) в музыкально-певческой подготовке (К.С. Станиславский, В.А. Немирович-Данченко, Б.А. Покровский);

– школа-система Л.Г. Зотова «Вокальное воспитание артиста» на основе комплексного подхода: овладение музыкально-певческими компетенциями через освоение вокального репертуара [3];

– музыкально-певческое воспитание на основе традиционной академической школы с учётом театральной специфики (Е.В. Бельская, Н.И. Васильев);

– принципы объединения вокального и речевого воспитания, вокально-речевая подготовка (Н.В. Павлова);

– освоение современных актёрских вокальных техник – эстрадного пения, пения в мюзиклах (О.Л. Монд, И.А. Левина, Т.А. Юрасова);

– развитие музыкально-эстетического кругозора через освоение дисциплины «вокальное искусство» (Г.Е. Давыдова).

Профессиональная подготовка студентов театрального вуза к участию в спектаклях с музыкально-певческой составляющей реализуется через освоение дисциплины «сценическое пение» (оно же «сольное пение») [2]. В системе профессиональной подготовки студентов театрального вуза учебный процесс по этой дисциплине осуществляется на *индивидуальных* занятиях, что является важным условием овладения музыкально-певческими компетенциями. Кроме того, занятия по дисциплине «сценическое пение» педагог проводит совместно с концертмейстером.

Вопрос о деятельности концертмейстера в театральном вузе необходимо рассмотреть более пристально. С одной стороны, концертмейстер в работе со студентами театрального вуза, осуществляет традиционную (исполнительскую) деятельность – в совместных со студентами выступлениях на зачётах, экзаменах, концертах исполняет партию фортепиано. Большинство научно-методических трудов, в том числе, выдающихся педагогов по классу концертмейстерского мастерства Е.М. Шендеровича и В.Н. Чачавы рассматривают именно пианистическую составляющую в работе концертмейстера с солистами (виды аккомпанемента, способы преодоления пианистических трудностей в исполнении на фортепиано клавиров и т.д.) [7]. С другой стороны – в театральном вузе концертмейстер не является только аккомпаниатором, поскольку на дисциплине «сценическое пение» он полноценно включён в процесс профессиональной подготовки студентов – от момента разучивания произведений до их концертного исполнения, от первых занятий на дисциплине «сценическое пение», до итогового экзамена. Специфика работы концертмейстера по освоению студентами театрального вуза музыкально-певческих компетенций связана с объективными условиями: во-первых – отсутствием музыкального образования у большинства студентов театрального вуза (поскольку его наличие не является обязательным при поступлении), во-вторых – небольшим объёмом учебных часов, отведённых на освоение дисциплины «сценическое пение». Поэтому, без педагогического направления в деятельности концертмейстера невозможно полноценно осуществить освоение музыкально-певческих компетенций студентами театрального вуза по программе дисциплины «сценическое пение» [3, с. 203-206].

Одним из направлений педагогической деятельности, наиболее востребованных в театральном вузе, является педагогическая поддержка,

осуществляемая концертмейстером в рамках его работы со студентами театрального вуза. Педагогическая поддержка как фактор профессиональной деятельности концертмейстера непосредственно влияет на процесс освоения студентами театрального вуза музыкально-певческих компетенций (ПК-10) [5].

Педагогическая поддержка – это особый вид педагогической деятельности, направленный на сохранение, развитие и интеграцию того, что может дать профессиональное образование (в понятийный аппарат педагогической науки термин «педагогическая поддержка введён О.С. Газманом). Особенность данного вида педагогической деятельности заключается в том, что педагогическая поддержка помогает не столько советом, сколько практической корректировкой действий, направленных на личностное развитие и раскрытие внутреннего потенциала [6, с. 330-333]. Педагогическая поддержка – это направление деятельности, цель которого в оказании конкретной помощи студентам [4].

Педагогическая поддержка как фактор профессиональной деятельности концертмейстера в работе со студентами театрального вуза имеет своей целью оказание помощи в решении конкретных проблем в области освоения музыкально-певческих компетенций.

Выделим направления, по которым концертмейстер осуществляет педагогическую поддержку студентов театрального вуза:

– анализ уровня владения музыкально-певческими компетенциями (положительные и отрицательные тенденции);

– выявление причин отрицательных тенденций: объективных (физиологически слабые музыкально-певческие данные, такие как музыкальный слух, музыкальная память, музыкальность, отсутствия приятного тембра голоса и т.д.) и субъективных (недостаточная дисциплинированность в посещении занятий, не выполнение домашних заданий, игнорирование гигиенических требований к содержанию голосового аппарата, дискомфортная атмосфера на занятиях и т.д.);

– выявление положительных тенденций и одновременно актуализация возможностей преодоления отрицательных тенденций (выявление истинных причин недостаточных музыкально-певческих данных, составление графика самостоятельной работы, подробное разъяснение гигиенических требований, работа по коммуникативной адаптации в рамках совместной работы студента и концертмейстера и т.д.);

– планирование а) действий по преодолению негативных тенденций; б) реализации и развития положительных тенденций (разучивание нового

репертуара, планирование концертных выступлений, участие в мероприятиях с применением музыкально-певческих компетенций и т.д.).

Продуктивность педагогической поддержки как фактора профессиональной деятельности концертмейстера в работе со студентами театрального вуза обеспечивается благодаря двум составляющим:

– индивидуальной формой занятий дисциплины «сценическое пение», что создаёт комфортные условия для осуществления педагогической поддержки: установления личностного контакта между концертмейстером и студентом; постановка задач для каждого студента индивидуально; полностью индивидуальный подход к решению проблем, возникающих у каждого конкретного студента;

– процесс одновременного осуществления исполнительской деятельности, и в связи с этим возможность неабстрактного анализа возникающих проблем (выявление их при совместном исполнении произведений); в момент выступления на сцене полноценное неформальное разделение меры ответственности за проделанную ранее работу по освоению профессиональных компетенций.

Таким образом, педагогическая поддержка как фактор профессиональной деятельности концертмейстера позволяет вывести работу со студентами театрального вуза на новую ступень образования – гуманистическую, способствует выполнению главной образовательной задачи театрального вуза – формированию творческой индивидуальности, обладающей всеми морально-этическими, нравственными и профессиональными знаниями, необходимыми для работы на сцене. Кроме того, педагогическая поддержка как фактор профессиональной деятельности концертмейстера в работе со студентами театрального вуза позволяет расширить область применения умений и навыков концертмейстера. Фактор педагогической поддержки выводит работу концертмейстера за рамки аккомпаниаторства на уровень наставничества, что создаёт мотивирующие условия для формирования у концертмейстера авторского индивидуального стиля, предоставляет новые возможности «для профессионального самовыражения и ощущения удовлетворенности своим трудом» [1, с. 19].

Литература

1. Александрова Е.А. Научно-методическое сопровождение педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 14 – 21. DOI 10.20323/1813-145X-2020-6-117-14-21
2. Зотов Л.Г. Рабочая программа по учебной дисциплине «сольное пение» для специализации «Артист драматического театра и кино» / Леонид Зотов: искусство вокального воспитания артиста. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2020. С. 411 – 442.
3. Леонид Зотов: искусство вокального воспитания артиста: монография. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2020. 560 с.
4. Остапенко А.В. Особенности педагогической поддержки личностно-профессионального развития будущих юристов в условиях вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 151 – 156.
5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 сентября 2016 г. № 1146 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 52.05.01 Актерское искусство (уровень специалитета) [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://sarcons.ru/upload/iblock/9e4/9e445d592190097db698802bfe8a13b2.pdf> (дата обращения: 24.11.22)
6. Профессионально-педагогические понятия: Словарь; под ред. Г.М. Романцева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 456 с.
7. Шендерович Е.М. В концертмейстерском классе: Размышления педагога (Библиотека музыканта-педагога). М: Музыка, 1996. 224 с.

References

1. Aleksandrova E.A. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie pedagogov. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 6 (117). S. 14 – 21. DOI 10.20323/1813-145X-2020-6-117-14-21
2. Zotov L.G. Rabochaja programma po uchebnoj discipline «sol'noe penie» dlja specializacii «Artist dramaticheskogo teatra i kino». Leonid Zotov: iskusstvo vokal'nogo vospitanija artista. Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja konservatorija imeni L.V. Sobinova, 2020. S. 411 – 442.
3. Leonid Zotov: iskusstvo vokal'nogo vospitanija artista: monografija. Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja konservatorija imeni L.V. Sobinova, 2020. 560 s.
4. Ostapenko A.V. Osobennosti pedagogicheskoi podderzhki lichnostno-professional'nogo razvitija budushhih juristov v uslovijah vuza. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2018. № 2 (50). S. 151 – 156.

5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 сентября 2016 г. № 1146 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 52.05.01 Актерское искусство (уровень специалитета) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sarcons.ru/upload/iblock/9e4/9e445d592190097db698802bfe8a13b2.pdf> (дата обращения: 24.11.22)

6. Professional'no-pedagogicheskie ponjatija: Slovar'; pod red. G.M. Romanceva. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2005. 456 s.

7. Shenderovich E.M. V koncertmejsterskom klasse: Razmyshlenija pedagoga (Biblioteka muzykanta-pedagoga). M: Muzyka, 1996. 224 s.

*Zotova I.N., Concertmaster, Assistant to the Vice-Rector,
Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov*

PEDAGOGICAL SUPPORT AS A FACTOR OF THE CONCERTMASTER'S PROFESSIONAL ACTIVITY IN WORKING WITH STUDENTS OF THE THEATER UNIVERSITY

Abstract: the article deals with the issue of expanding the scope of professional activity of the concertmaster through the implementation of pedagogical support in working with students of a theater university. The relevance of the research is connected with the need for the active development of musical and singing competencies of students of the theater university, which is due to the multi-genre repertoire of the modern drama theater, which is increasingly turning to productions of musicals, musical fairy tales, musical and dramatic performances, musical revues and even operettas. The article outlines the directions of theoretical developments in the field of preparing theater university students to work with the musical component of dramatic action, and also emphasizes the role of the pedagogical activity of the concertmaster in the system of preparing theater university students for professional work on stage. It is shown that it is necessary to include pedagogical support in work with students of a theater university as one of the areas of professional activity of an accompanist, contributing to a more active formation of musical and singing competencies (SC-10) [5] among students of a theater university, allowing them to be more in demand on the labor market in the modern cultural space. The article can serve as a starting vector for concertmasters who want to expand the scope of their professional activities at a theater university, not limiting themselves to performing work, but immersing themselves in the field of pedagogical activity.

Keywords: pedagogical support, concertmaster, theater university, musical and singing competencies, stage singing, individual approach

For citation: Zotova I.N. Pedagogical support as a factor of the concertmaster's professional activity in working with students of the theater university. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 190 – 193.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Гатауллин З.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета*

ПОТЕРПЕВШИЙ СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: в данной статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования участия потерпевшего в уголовном преследовании. Несмотря на усилия законодателя по регулированию правового статуса потерпевшего в уголовном преследовании, неполное разрешение данной проблематики, с одной стороны требует дальнейшего продолжения правотворчества в этом направлении, с другой стороны возникла необходимость проведения более глубоких теоретических исследований, внесения конкретных рекомендаций, по изменению действующего уголовно-процессуального законодательства. Автор данной статьи, опираясь на теоретический материал, судебную и следственную практику, статистические данные, указывает на чрезвычайную актуальность озвученной темы исследования. Значительное количество не раскрытых преступлений свидетельствует о том, что потерпевшие от этих преступлений не могут рассчитывать на восстановление нарушенных преступлением своих прав. В процессе уголовного преследования восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего законодателем возложены на следователя и прокурора, которые обременены ведомственными интересами, тем самым потерпевший, являясь одним из участников обвинения, лишен самостоятельного статуса в уголовном преследовании. Автор данной статьи приводит разные точки зрения процессуалистов по данной проблематике, вступает с ними в полемику, на основе конкретных аргументов обосновывает свою позицию, вносит рекомендации по регулированию правового статуса потерпевшего в уголовном преследовании.

Ключевые слова: законодатель, уголовное преследование, потерпевший, преступление, следователь, прокурор, сторона обвинения

Для цитирования: Гатауллин З.Ш. Потерпевший субъект уголовного преследования // Современный ученый. 2023. № 1. С. 194 – 197.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство [9] относит потерпевшего стороне обвинения, наряду с иными участниками стороны обвинения, наделяет правами субъекта уголовного преследования, более того по делам частного обвинения может самостоятельно выдвинуть и поддержать в суде обвинение. Однако проблемы правового регулирования по созданию действенного механизма его реализации требуют тщательного изучения и глубокого научного осмысления.

Несмотря на усилия законодателя расширить полномочия потерпевшего путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательства [10], исследование проблем самостоятельной реализации права на уголовное преследование и защиту своих прав, нарушенных преступлением, не теряет свою актуальность.

В досудебном производстве защита прав и законных интересов потерпевшего возложена на следователя (дознателя), прокурора – государственного обвинителя в суде, сам потерпевший не может оказать существенное влияние на их действия (решения) в процессе уголовного преследования.

Состояние преступности в Российской Федерации [6] остается достаточно высокой. Так в 2021 г. из совершенных 2 004 404 преступлений, 2 3284

потерпевшим нанесена смерть, тяжкий вред здоровью нанесен 32 846 потерпевшим, материальный ущерб нанесенный потерпевшим в результате совершенных преступлений составляет 834 470 027 руб.

Для сравнения, в 2017 г. соответственно из выявленных 2 058 476 преступлений, в 29 324 случаях нанесена смерть потерпевшим, тяжкий вред здоровью нанесён в 50 882 случаях, материальный ущерб составил 408 491 411 руб. Приведенные количественные показатели выглядят устрашающими.

Анализ статистических данных [6] показывает из совершенных в 2021 г. 2 004 404 преступлений раскрыто 1 030 708 преступлений, что составляет 51,4%. Для сравнения, в 2017 г. раскрываемость составила 57%, в 2018 г. 55%, 2019 г. 52%, 2020 г. 50%.

Следовательно, значительная часть совершенных преступлений остаются не раскрытыми, лица совершившие преступления остаются на свободе, получают возможность продолжать совершать преступления, потерпевшие не могут рассчитывать на восстановление нарушенных прав, возмещения нанесенного преступлением ущерба.

Исследователи отмечают, следователи слабо используют предоставленные законом полномо-

чия по возмещению нанесенного преступлением вреда. Так в 2017 г. вред нанесенный преступлением возмещен всего на 33 млрд. руб., что составляет 13,8% от всего объема нанесенного материального ущерба [7, с. 3]. В 2020 г. на государственном уровне планировалось довести возмещение вреда нанесенного преступлением лишь до 40,2 % [8].

Следователи грешат не только в этом, так в досудебном производстве прокуроры в 2021 г. выявили 5 172 609 случаев нарушений закона, из них:

- 3 464 543 случаев при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении;
- 1 586 962 постановлений отменили об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 23 298 постановлений отменено о прекращении уголовного дела.

Помимо этого, 232 622 следователей (дознавателей) за допущенные нарушения закона привлечены к дисциплинарной ответственности [5].

Эти данные показывают не только о наличии серьезных проблем соблюдения законности в досудебном производстве, но и о существовании проблем обеспечения прав и интересов потерпевшего, что находится в центре внимания, как отечественных [3], так и зарубежных процессуалистов [1].

Так, В.В. Олейник предлагает обязать следователя (дознавателя) возбудить уголовное дело в каждом случае, когда в заявлении потерпевшего указываются признаки преступления, более того, в случае незаконного или необоснованного отказа, возбуждение уголовного дела возложить на надзирающего прокурора [4, с. 9].

Оба предложения уважаемого автора не могут быть приняты. В первом предложении содержится ограничение самостоятельности следователя [12, с. 328-336.], во втором, Федеральным законом от 05.06.2007 №87 [11] прокурор утратил полномочия возбуждения уголовного дела. Несмотря на существенное изменение статуса у прокурора сохранились возможности обеспечения законности в досудебном производстве. В случае игнорирования требований обеспечения законности прокурор может добиваться законности через вышестоящего прокурора у вышестоящего должностного лица следственного органа [2, с. 330-333].

Не в полной мере обеспечиваются интересы потерпевшего и в судебных инстанциях, так по делам публичного и частно-публичного обвинения уголовное преследование в суде возложено на

государственного обвинителя наделенного полномочиями отказа дальнейшего продолжения обвинения в случаях предусмотренных законом. Скажем, как должен действовать потерпевший, если его позиция не сходится действиями (решениями) государственного обвинителя, может ли настаивать на продолжении обвинения, вправе ли требовать восстановления справедливости, механизм определяющий алгоритм действий потерпевшего в подобных случаях не урегулирован.

Внесенное предложение в целях обеспечения права потерпевшего на судебную защиту путем запрета отказа от дальнейшего поддержания обвинения государственным обвинителем [4, с. 10], не может быть поддержано. Как будет выглядеть государственный обвинитель, если доказательства представленные суду стороной обвинения не находят подтверждения предъявленного обвинения, настаивать на продолжении судебного разбирательства?

В связи с этим по делам публичного и частно-публичного уголовного преследования, в случаях отказа государственного обвинителя от дальнейшего продолжения обвинения назрела необходимость наделения потерпевшего полномочиями отстаивания самостоятельного поддержания уголовного преследования в суде. Поскольку представленное законодателем потерпевшему право подачи гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства в подобной ситуации рассматриваемую проблему не разрешает.

Рассматриваемый вопрос среди процессуалистов является дискуссионным, одни считают карательная функция, добиваться неотвратимости наказания за совершенное преступление частно-публичного и публичного обвинения в суде принадлежит только государству в лице государственного обвинителя, другие выступают против монополизации уголовного преследования государственными органами, считают, субсидиарный статус потерпевшего лишает его реальной возможности принимать активное участие в нем.

На наш взгляд зависимое положение потерпевшего от следователя (дознавателя) и прокурора (государственного обвинителя) для которых ведомственный интерес в приоритете, не может быть признано удачным. Наделение потерпевшего в уголовном преследовании обвиняемого правом самозащиты, формулирования собственных правовых требований по вопросам обвинения и возмещения вреда будет правильным решением законодателя.

Литература

1. Ву Зуи Линь. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации и социалистической республике Вьетнам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 32 с.
2. Гатауллин З.Ш. Прокурор в досудебном уголовном преследовании по делам о преступлениях террористической направленности // Современный ученый. 2020. № 1. С. 330 – 333.
3. Крайнова О.А. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве в России: доктрина, законодательная техника и правоприменение: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 206 с.
4. Олейник В.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2020. 228 с.
5. Основные результаты прокурорской деятельности за 2021 г. Генеральная прокуратура РФ: <https://epp.genproc.gov.ru/>
6. Официальный сайт МВД России: <https://мвд.рф/>
7. Подустова О.Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2019. 34 с.
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». <https://www.consultant.ru>
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ. <https://www.consultant.ru>
10. Федеральный закон "О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" от 31.07.2020 N 243-ФЗ. <https://www.consultant.ru>
11. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». <https://www.consultant.ru>
12. Gataullin Z.Sh. The investigator as an independent subject of criminal prosecution in cases of terrorist crimes // Cuestomies politicas. 2020. T. 38. Вып. 67. С. 328 – 336.

References

1. Vu Zui Lin'. Processual'noe polozhenie poterpevshego v ugovnom processe Rossijskoj Federacii i socialis-ticheskoj respublike V'etnam: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019. 32 s.
2. Gataullin Z.Sh. Prokuror v dosudebnom ugovnom presledovanii po delam o prestuplenijah terroristicheskoj napravlenosti. Sovremennij uchenyj. 2020. № 1. S. 330 – 333.
3. Krajnova O.A. Uchastie poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve v Rossii: doktrina, zakonodatel'naja tehnika i pravoprimerenie: dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2018. 206 s.
4. Olejnik V.V. Uchastie poterpevshego v ugovnom presledovanii: dis. ... kand. jurid. nauk. Habarovsk, 2020. 228 s.
5. Osnovnye rezul'taty prokurorskoj dejatel'nosti za 2021 g. General'naja prokuratura RF: <https://epp.genproc.gov.ru/>
6. Oficial'nyj sajt MVD Rossii: <https://mvd.rf/>
7. Podustova O.L. Obespechenie v hode predvaritel'nogo sledstvija vozmeshhenija poterpevshego vreda, prichinennogo prestupleniem: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M, 2019. 34 s.
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 345 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Ros-sijskoj Federacii «Obespechenie obshhestvennogo porjadka i protivodejstvie prestupnosti». <https://www.consultant.ru>
9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 N 174-FZ. <https://www.consultant.ru>
10. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenija v stat'ju 6.1 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii" ot 31.07.2020 N 243-FZ. <https://www.consultant.ru>
11. Federal'nyj zakon ot 05.06.2007 N 87-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Ros-sijskoj Federacii i Federal'nyj zakon «O prokurature Rossijskoj Federacii». <https://www.consultant.ru>
12. Gataullin Z.Sh. The investigator as an independent subject of criminal prosecution in cases of terrorist crimes. Cuestomies politicas. 2020. T. 38. Vyp. 67. S. 328 – 336.

*Gataullin Z.Sh., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute (branch) Kazan (Volga region) Federal University*

THE VICTIM AS THE SUBJECT OF CRIMINAL PROSECUTION

Abstract: this article discusses the problematic aspects of the legal regulation of the victim's participation in criminal prosecution. Despite the efforts of the legislator to regulate the legal status of the victim in criminal prosecution, the existence of this issue, on the one hand, requires further continuation of law-making in this direction, on the other hand, there is a need to conduct in-depth theoretical research in order to make specific recommendations on amendments to the current criminal procedure legislation. The author of this article, relying on statistical data, namely comparing the number of crimes committed with unsolved crimes, indicates the extreme relevance of the voiced research topic. Unsolved crimes indicate that the victims of these crimes cannot count on the restoration of their rights violated by the crime. In the process of criminal prosecution, the restoration of the rights of the victim violated by the crime by the legislator is entrusted to the investigator and the prosecutor, who are burdened with departmental interests, thereby the victim, being one of the participants in the prosecution, is deprived of an independent status in criminal prosecution. The author of this article cites different points of view of processualists on this issue, enters into a polemic with them, justifies his position on the basis of concrete arguments, makes recommendations on regulating the legal status of the victim in criminal prosecution.

Keywords: legislator, criminal prosecution, victim, crime, investigator, prosecutor, prosecution party

For citation: Gataullin Z.Sh. The victim as the subject of criminal prosecution. Modern Scientist. 2023. 1. P. 194 – 197.

*Гитинова М.М., кандидат юридических наук, доцент,
Гусейнова П.М.,
Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского
государственного университета юстиции в г. Махачкале*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация: рынок ценных бумаг выполняет аккумулирующую функцию, выраженную в том, что происходит распределение денежных средств и последующее их инвестирование. И в этой связи, перед государством стоит архиважная задача – обеспечить финансовую безопасность всех участников рынка ценных бумаг и стандартизацию процедур, возникающих на таком рынке. В современных условиях хозяйствования это выражается в защите инвесторов и обеспечении бесперебойного и эффективного функционирования работы рынка ценных бумаг с минимизацией воздействия неблагоприятной рыночной конъюнктуры на экономику, а также в поддержке конкуренции с целью предотвращения недобросовестной практики, зачастую имеющей место в современных реалиях. С этой целью, в УК РФ введены составы преступлений, посягающих на установленный порядок функционирования рынка ценных бумаг и порядок их учета (ст.ст. 185, 185.1 – 185.6 УК РФ).

Ключевые слова: преступления на рынке ценных бумаг, объект преступления, ценные бумаги, эмиссия, проспект ценных бумаг, манипулирование рынком, объект уголовно-правовой охраны

Для цитирования: Гитинова М.М., Гусейнова П.М. К вопросу об объекте в преступлениях, совершаемых на рынке ценных бумаг // Современный ученый. 2023. № 1. С. 198 – 201.

Рынок ценных бумаг, или фондовый рынок, является частью финансового рынка государства, имеет свои определенные законы функционирования, выполняя весьма важную миссию для привлечения капитала и развития бизнеса. На фондовых рынках осуществляются операции с ценными бумагами через организованную различными биржами торговлю [3]. Понимание, что представляет собой ценная бумага приходит из Гражданского кодекса, где в ст. 142, дано определение: «ценными бумагами являются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги)». Там же перечислены разные виды ценных бумаг: акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек.

Для привлечения свободных денежных средств эмитенты, то есть организации, осуществляющие деятельность по выпуску ценных бумаг, денежных знаков или иных финансовых активов, действуют так, чтобы максимально привлекать дополнительный капитал. Такая деятельность (эмиссия) направлена на решение своих задач: выпускаются ценные бумаги и одновременно принимаются обязательства по обеспечению прав, закреплённых в выпущенных в обращение ценных бумагах. При этом, следует учесть, что содержанием сущности ценных бумаг являются то, они выступают заме-

нителем денег, закон предъявляет требования к обязательным реквизитам и форме их выпуска. И следующее условие, ценная бумага является неким подтверждением определенных обязательств для его предъявителя.

В качестве примера, возьмем банковскую гарантию, имеющая обязательные реквизиты и форму, определенные ГК РФ. Банковская гарантия служит подтверждением обязательственных прав того, кто ее получает. Получается, что банковская гарантия выступает в качестве денежного эквивалента. Закон различает два вида банковских гарантий (отзывной и безотзывной). Если отзывная банковская гарантия – то ее нельзя передавать от одного владельца к другому, а безотзывную – можно. Следовательно, только безотзывная банковская гарантия может выступать в качестве ценной бумаги [1, с. 13].

Выпуск ценных бумаг сопровождается определенными процедурами, названные в законе. При злоупотреблениях при эмиссии ценных бумаг, указанных в ст. 185 УК РФ в качестве непосредственного объекта преступления выступает установленный законом порядок эмиссии ценных бумаг. При этом *нарушаются также интересы инвесторов. Помимо прав и интересов инвесторов при злостном уклонении от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах в ст. 185.1 УК РФ в качестве непосредственного объекта преступления выступает порядок раскрытия или предоставления информации о ценных*

бумагах, обозначенный в соответствующих нормах права, регулирующих деятельность рынка ценных бумаг.

Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг, являются бланкетными нормами, что диктует необходимость обращаться к различным нормам права, регламентирующим сферу деятельности фондовых рынков. Так, при совершении преступления, предусмотренного статьей 185.2 «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги» необходимо понимание того, как функционирует учетная система, под которой понимается совокупность учетных институтов – организаций, осуществляющих депозитарную деятельность, и организаций, осуществляющих деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг. Как известно, данная система функционально предназначена для подтверждения прав на ценные бумаги, а также подтверждения прав, закрепленных ценными бумагами, в целях передачи этих прав и их осуществления.

Надо сказать, что все экономически – хозяйствующие субъекты заинтересованы в современных фондовых рынках, предоставляющие широкие возможности для инвестиций, в том числе и для индивидуальных инвесторов. Фондовые рынки играют важную роль, помогают открывать собственный бизнес или вкладывать деньги совместно с другими инвесторами в уже действующие предприятия. Основной вопрос заключается в том, сколько на этом можно заработать и сколько нужно денег, чтобы начать инвестировать [2, с. 19].

Правовое регулирование деятельности фондовых рынков осуществляется на основе Закона РФ от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О рынке ценных бумаг». Данный закон регулирует отношения, возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг независимо от типа эмитента, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. В целях защиты прав инвесторов принят Федеральный закон от 05.03.1999 №46-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». В соответствии с ним установлены правовые гарантии для инвесторов.

Сложность регулирования различных отношений на фондовых рынках обусловлена множеством субъектов, правовое положение которых регулируется различными нормами. Так, в качестве субъектов на рынке ценных бумаг выступают эмитенты, являющиеся экономическими субъектами, управомоченных на выпуск ценных бумаг. Данный процесс – «эмиссия», является частью деятельности рынка ценных бумаг, направленный на

формирование и дальнейшее привлечение капитала акционерных обществ.

Компании проводят эмиссию, чтобы привлечь дополнительный капитал. В некоторых случаях эмитент не правомочен самостоятельно размещать ценные бумаги – ему надо привлечь андеррайтера – специалиста, проводящего оценку рисков по договору страхования с целью расчета страховой премии. Ну, это уже детали.

При законном участии в деятельности фондовых рынков для субъектов экономической деятельности открываются большие возможности вкладывать свободные деньги в ценные бумаги и соответственно развивать свой бизнес, либо, инвестируя деньги в какую-то кампанию, получают большие деньги, увеличивая свои финансовые потоки. Но данная сфера отношений также подвержена преступному воздействию, что приводит к нарушению прав и интересов, уменьшению прибыли, и даже к банкротству отдельных лиц.

Современные рынки ценных бумаг функционируют на различных технологических платформах, где главенствующую роль играет информация о продажах, покупках акций, облигаций, их курсе и пр. Потому важно иметь достоверную и актуальную информацию, ибо возможны различные манипуляции, которыми пользуются некоторые игроки. Заведомо ложная информация, распространяемая недобросовестным субъектом фондового рынка или просто «доброжелателем» из конкурирующей фирмы, желающим заработать, может приводить к изменению котировок цен в ту или иную сторону. Таким образом, манипуляции на рынке ценных бумаг осуществляются за счет «фейковой» информации, а также различных действий, которые формируют такого рода информацию. По общим правилам на рынке нельзя манипулировать, ибо это приводит к утрате доверия к рынку, массовому нарушению прав и законных интересов правомерно действующих субъектов рынка.

Рынок ценных бумаг, как было нами отмечено ранее, является частью экономической системы государства, призванного обеспечивать приток инвестиций в отрасли народного хозяйства, что является весьма важным для экономического развития страны. При активизации инвестиционных потоков в производственный сектор происходит активизации и хозяйственной деятельности в непроизводственной сфере, что способствует становлению класса предпринимателей, мотивирует их на бизнес и риск, упрочивает их финансовое положение. И естественно, важно оценить целесообразность установления уголовной ответственности за деяния, совершаемые в сфере работы рынка ценных бумаг, выявить критерии оценивания по-

ведения участников таких отношений, которые при установлении их несоответствия объявляются преступными.

Так, система преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение работы фондовых рынков и нарушение порядка учета ценных бумаг, негативно воздействуют на отношения, связанные с выпуском (эмиссии) ценных бумаг, а также отношения, возникающие по поводу размещения и обращения ценных бумаг либо учета прав на ценные бумаги. В данной группе преступлений можно выделить также и такой объект как права владельцев ценных бумаг. При выпуске и обращении ценных бумаг должны быть соблюдены требования норм права, а в противном случае такие ценные бумаги уже не будут являться объектами гражданского права.

Как отмечают специалисты, в основе противодействия преступлениям на рынке ценных бумаг

лежит решение вопроса о том, насколько уголовное законодательство, содержащее уголовно-правовые предписания относительно нарушений на рынке ценных бумаг, отражает объективные социально-правовые реалии.

Сущность общественной опасности преступлений в сфере рынка ценных бумаг выражается в том, что они способны не только нарушать массово права и интересы экономических субъектов, хозяйствующих на рынках работ, услуг, но и в том негативном влиянии, способного нарушить упорядоченность системы общественных отношений, функционирующих по определенным правилам, отраженных в нормах права. При этом происходит одновременно деформация и такой деятельности, что весьма плачевно сказывается на экономической безопасности государства.

Литература

1. Алтунина Т.М. Объекты и субъекты рынка ценных бумаг: учеб. пособие / науч. ред. В.Н. Мамяченков; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 188 с.
2. Хачатрян А. Как зарабатывать на акциях: анализируем рынок, выбираем компании и формируем портфель. Москва: Альпина Паблшер, 2022. ISBN 978-5-9614-7453-4 // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/122529.html> (дата обращения: 30.09.2022)
3. Экономический словарь. <https://vocabulary.ru/slovari/finansovyi-slovar-proekta-finam-proekt-www-finam-ru-dictionary.html> (дата обращения: 12.10.2022)

References

1. Altunina T.M. Ob#ekty i sub#ekty rynka cennyh bumag: ucheb. Posobie. nauch. red. V.N. Mamjachenkov; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 188 s.
2. Nachatryan A. Kak zarabatyvat' na akcijah: analiziruem rynek, vybiraem kompanii i formiruem portfel'. Moskva: Al'pina Pablisher, 2022. ISBN 978-5-9614-7453-4. Cifrovoy obrazovatel'nyj resurs IPR SMART: [sajt]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/122529.html> (data obrashhenija: 30.09.2022)
3. Jekonomicheskij slovar'. <https://vocabulary.ru/slovari/finansovyi-slovar-proekta-finam-proekt-www-finam-ru-dictionary.html> (data obrashhenija: 12.10.2022)

*Gitinova M.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Guseynova P.M.,
North Caucasus Institute, Branch of the All-Russian
State University of Justice in Makhachkala*

**ON THE QUESTION OF THE OBJECT IN CRIMES COMMITTED
ON THE SECURITIES MARKET**

Abstract: the securities market performs an accumulative function, expressed in the fact that there is a distribution of funds and their subsequent investment. And in this regard, the state faces an extremely important task - to ensure the financial security of all participants in the securities market and the standardization of procedures arising in such a market. In modern economic conditions, this is expressed in protecting investors and ensuring the smooth and efficient functioning of the securities market, minimizing the impact of unfavorable market conditions on the economy, as well as supporting competition in order to prevent unfair practices that often take place in modern realities. To this end, the Criminal Code of the Russian Federation introduced elements of crimes that infringe on the established procedure for the functioning of the securities market and the procedure for their accounting (Articles 185, 185.1 – 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: crimes in the securities market, object of crime, securities, issue, securities prospectus, market manipulation, object of criminal legal protection

For citation: Gitinova M.M., Guseynova P.M. On the question of the object in crimes committed on the securities market. Modern Scientist. 2023. 1. P. 198 – 201.

*Зейналбдыева А.В., кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
Бобенко В.И., учитель,
Ярская средняя школа, Белгородская область*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается проблема роста нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних граждан, количества неблагополучных семей, в результате чего дети становятся жертвами преступлений, а также зачастую сами вовлекаются в совершение противоправных деяний. Первопричиной такого асоциального поведения можно назвать отсутствие надлежащей системы защиты прав ребенка, направленной на охрану его законных интересов. В качестве одной из мер по преодолению тенденции роста противоправных деяний среди несовершеннолетних за рубежом применяется институт ювенальной юстиции. Однако в России он получил неоднозначную оценку, и острую полемику в обществе вызвало противопоставление интересов ребенка интересам государственного института семьи, так как модели воспитания детей в нашем государстве и в странах Запада существенно отличаются друг от друга. В России основной задачей для родителей ставится формирование всесторонне развитой личности, поэтому ребенок является объектом педагогического воспитания. В свою очередь, на западе подход к определению личности ребенка изначально другой, там он выступает независимой личностью с собственными взглядами и интересами. Авторами предложена другая зарубежная практика относительно защиты прав несовершеннолетних, а именно семейные суды, которые существенно отличаются от концепции ювенальной юстиции. Именно они в большей степени соответствуют человеческой природе, а также нравственным принципам и менталитету российского общества.

Ключевые слова: права ребенка, ювенальная юстиция, институт семьи, семейные суды, девиантное поведение, менталитет

Для цитирования: Зейналбдыева А.В., Бобенко В.И. Проблемные вопросы защиты прав ребенка в Российской Федерации // Современный ученый. 2023. № 1. С. 202 – 207.

В настоящее время институт гражданского общества в России подвергается достаточно сложным изменениям, возникшим в результате глобальных социально-экономических преобразований и сопровождающимся сложными противоречивыми процессами, что, соответственно, оказывает непосредственное влияние на институт семьи, личность и семейные отношения в целом. Особое внимание в нынешних реалиях уделяется состоянию экономической, политической, культурной и социальной сфер, поэтому основной целью для государства является защита конституционных прав и свобод граждан. Исходя из этого положения, можно отметить тенденцию воспитания и укрепления основ духовно-нравственных ценностей в различных институтах гражданского общества, направленную на формирование у молодого поколения таких качеств, как патриотизм, гуманизм, толерантность.

Сегодня в России наблюдается изменение подхода к воспитанию ребенка, который основывается на демократических идеалах и пересмотре ценностных ориентаций гражданского общества, что требует от педагога психологической перестройки. На базе каждого образовательного учреждения должен быть создан коллектив единомышленников, обеспечивающий подрастающее поколение

благоприятной социально-культурной средой, в которой будет царить атмосфера доброжелательности, взаимопомощи и соучастия [5].

Для реализации на практике такого объединения необходимо существенное внимание уделить механизмам защиты прав ребенка, независимо от условий, способствующих их нарушению. Качественная оценка определенной ситуации должна проводиться с соблюдением правовых норм не только федерального уровня, но и норм права конкретного субъекта федерации с учетом конфессиональной принадлежности несовершеннолетнего. Только в этом случае появится возможность своевременно реагировать и принимать действенные профилактические меры, учитывая новые социальные вызовы.

При изучении прав педагогу необходимо сделать акцент на содействующих воспитанию ценностях, таких как нравственность, гражданственность и патриотизм. На наш взгляд, о защите прав ребенка в полной мере можно говорить только в том случае, когда для него создается благоприятная социально-культурная среда.

Обеспечение соблюдения прав ребенка в настоящее время является не только юридической, но и педагогической проблемой. На сегодняшний день в Российской Федерации при формировании ком-

петенций педагогических кадров особое внимание уделяется их юридической подготовке. Поэтому можно указать на то, что обучение основам прав и законных интересов несовершеннолетних становится междисциплинарной – юридико-педагогической проблемой.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации в настоящее время наблюдается рост нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних граждан, возрастает количество неблагополучных семей, в результате чего дети становятся жертвами преступлений, а также зачастую сами вовлекаются в совершение противоправных деяний. Первопричиной такого асоциального поведения можно назвать отсутствие надлежащей системы защиты прав ребенка, направленной на охрану его законных интересов. Действующее законодательство в данной сфере, точнее его практическое применение свидетельствует о том, что имеющиеся положения в полном объеме не решают проблемы безопасности жизни и здоровья подрастающего поколения, профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Поэтому считаем целесообразным в процессе обучения правовым знаниям затрагивать вопросы не только прав и законных интересов, но и делать акцент на обязанностях несовершеннолетних граждан. Данная методика особенно актуальна для детей из группы социального риска (дети из неблагополучных семей, сироты и др.). Исходя из этого, нужно сказать о том, что необходимо уделять внимание воспитанию и правовой подготовке детей из неблагополучных семей, которым в большей степени необходима государственная поддержка [5].

В связи с неучастием родителей таких семей в воспитательном процессе у несовершеннолетних появляется достаточное количество свободного времени, что способствует большему криминогенному влиянию на ребенка и приводит к утрате социального контроля. В настоящее время наблюдается тенденция к особому подходу воспитания несовершеннолетних граждан во многих государствах, так как они составляют важнейшую часть населения и определяют будущее страны, поэтому политика направлена на улучшение качества жизни, уровня образования и правовой культуры. Актуальной задачей современных междисциплинарных исследований становится изучение социальных факторов девиантного поведения молодого поколения. В качестве одной из мер по преодолению тенденции роста противоправных деяний среди несовершеннолетних может быть использован институт ювенальной юстиции. На сегодняшний день среди ученых правоведов и педагогов существуют дискуссии о целесообразно-

сти его введения на территории Российской Федерации.

Особое внимание при изучении данного вопроса стоит уделить европейскому зарубежному опыту по противодействию деликтности среди несовершеннолетних в аспекте глобальных и национальных особенностей, обобщение которого представляет для России значительный интерес, так как для профилактики и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних в период реформирования приветствуются инновационные и действенные формы и методы.

Сторонники введения специальной системы судов для несовершеннолетних указывают не только на положительный опыт зарубежных стран, но и существовавшую практику в дореволюционной России, которая на тот период времени считалась одной из лучших. Поэтому в основе современной модели ювенальной юстиции должен быть использован не только зарубежный подход, но и имеющийся исторический опыт нашего государства с применением новых педагогических методик в отношении детей с девиантным поведением.

Необходимо отметить, что ювенальная юстиция направлена не только на работу с несовершеннолетними правонарушителями, но и затрагивает решение вопросов взаимоотношений детей и родителей. Здесь она выполняет функцию арбитра и подразумевает защиту от неправомерного отношения законных представителей, но именно эта функция в наибольшей степени вызывает ряд дискуссий среди юристов и психологов. Однако ни один закон не содержит в себе положений относительно исчерпывающего перечня действий родителей, которые могут быть расценены как неправомерные.

В процессе внедрения рассматриваемого института на практике также необходимо разработать комплекс мер, которые задействует государственные, муниципальные учреждения и некоммерческие организации, защищающие права и законные интересы молодого поколения. Поэтому структура органов ювенальной юстиции должна включать в себя такие органы как ювенальная прокуратура, детская адвокатура, социальные учреждения и институт социальных работников, агентства уполномоченных по правам детей [3].

Особое внимание при изучении данной проблематики необходимо уделить возможным отрицательным последствиям применения ювенальной юстиции в Российской Федерации. Неоднозначную оценку данного института и острую полемику в обществе вызывает противопоставление интересов ребенка интересам государственного института семьи.

Так, существующая западная ювенальная юстиция представляет собой не только систему специализированных судов, но и является огромной бюрократической армией с безграничными полномочиями, использующей возможности внесудебного и чрезмерного вмешательства в институт семьи. В данном случае семьи с детьми попадают под так называемое «тотальное внешнее управление».

Применение ювенальной юстиции может оказать негативное влияние на демографическую безопасность государства, так как в стране все больше используется повсеместное лишение родительских прав. В свою очередь, данная мера воздействия отрицательно сказывается на детской психике, провоцируя алкоголизм, наркоманию, депрессию и суицид. Также лишение родительских прав за рубежом применяется и в отношении благополучных семей, а дети при изъятии передаются новым родителям, для которых несовершеннолетние становятся средством получения прибыли от государства [1].

В англосаксонской правовой системе царит особый подход к личности ребенка, поэтому основанием для начала расследования по делу о защите прав и свобод детей является заявление любого лица, в том числе и самого потерпевшего. Судебное заседание проходит в закрытом режиме без участия адвокатов со стороны родителей, и в течение нескольких дней принимается решение об изъятии детей из семьи. В США главным принципом защиты прав ребенка выступает такой постулат, что «родители постоянно должны доказывать государству, что они достойны воспитывать детей». В Канаде ребенок подал на родителей в суд за «плохие» подарки на Рождество, и его исковые требования были удовлетворены. В Великобритании в качестве наказания для несовершеннолетних родителями не может использоваться лишение карманных денег, законодательством данной страны предусматривается определенная сумма средств, которые должны быть в распоряжении ребенка. В Германии лишение родительских прав может быть применено в том случае, если ребенку угрожает опасность, в качестве которой рассматривается даже повышение голоса [1].

При рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних родителей, как правило, отводится роль обвиняемых (презумпция виновности родителей). Поэтому законным представителям в данной ситуации очень сложно доказать свою правоту, ведь существующий либеральный подход к правам ребенка указывает на их верховенство над правами других категорий граждан. Данное положение гласит о том, что любые попытки воспитания могут быть расценены как ущемление и нару-

шение детских прав. Например, в Германии запрет со стороны родителей на курение для пятнадцатилетнего ребенка был признан лишением возможности развиваться и самоопределяться [2].

Зарубежная ювенальная юстиция также предполагает и призывает общество к тому, чтобы исключить в отношении несовершеннолетних репрессивный подход, то есть применение такого вида наказания как лишение свободы, и перейти на реабилитационный.

Вслед за введением ювенальной юстиции могут начать появляться так называемые детские правозащитники, которые будут действовать по своему усмотрению, не подчиняясь ни администрации, ни вышестоящим органам образования. Главной задачей таких омбудсменов станет сбор негативной информации в отношении руководства и педагогического состава образовательного учреждения. Соответственно, правозащитник будет наделен неподконтрольной властью, а процесс обучения и его результаты отойдут на второй план. В данном случае возникнет опасность утраты важности учебной дисциплины и уровня уважения к педагогу [1].

Многие сторонники системы ювенальной юстиции предлагают основываться на западной правовой системе и выстраивать этот институт в соответствии с ней. Однако модели воспитания детей в России и в странах Запада существенно отличаются друг от друга. В нашей стране основной задачей для родителей ставится формирование всесторонне развитой личности, поэтому ребенок является объектом педагогического воспитания. В свою очередь, на западе подход к определению личности ребенка изначально другой, там он выступает независимой личностью с собственными взглядами и интересами. И здесь нужно указать на более правильный подход к вопросам проблематики воспитания ребенка, так как российский и западный менталитет слишком разные, поэтому сравнивать эти модели между собой бессмысленно.

Необходимо обратить внимание и на тот пробел, что в системе ювенальной юстиции полностью игнорируется использование потенциала семьи для исправления ребенка, поскольку аксиомой считается, что именно семья создает условия противоправного поведения несовершеннолетнего.

Система исправления детей строится таким образом, чтобы заменить родную семью на искусственно созданную модель семьи, например, пансионаты, семейные группы и т.п. Данный подход, на наш взгляд, несет в себе ключевую проблему для применения ювенальной юстиции, снижая тем самым ее потенциал, а также нанося вред психике ребенка.

В данном ключе считаем необходимым обратиться к другой зарубежной практике решения споров с участием несовершеннолетних, а именно семейным судам. Данному институту, по нашему мнению, не уделяется достаточно пристальное внимание в современных исследованиях, хотя во многих странах он получил широкое распространение. Указанная юстиция применяется преимущественно в гражданско-правовой сфере и рассматривает дела как имущественного, так и неимущественного характера между супругами, родителями и детьми. Эталоном для подражания принято считать семейные суды Японии, однако, действуют они и на территории Кореи, Австралии, Португалии, Кипра, Таиланда, Сальвадора и многих других стран [6].

Концепция современного семейного суда заключается в том, что его юрисдикция является комплексной и смешанной и рассматривает дела в уголовной, гражданской и семейной сферах. Одним из основополагающих принципов данного института является то, что ребенок нуждается в семье, и ему в ней должны создаваться благоприятные условия в согласовании с родителями, которые, в свою очередь, должны предоставлять право на самоопределение несовершеннолетнему, опираясь при этом на существующие нравственно-ценностные ориентации института семьи.

Данный подход, на наш взгляд, существенно отличается от концепции ювенальной юстиции, однако, он в большей степени соответствует человеческой природе, а также нравственным принципам и менталитету российского общества.

Исходя из вышеизложенного, мы хотим сказать, что на сегодняшний день в Российской Федерации необходимо создание новой системы защиты прав детей, которая объединит действия всех органов государственной власти, общественных организаций, основной целью которых станет профилактика, социальная адаптация и социальная реабилитация детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Также требуется совершенствование действующего законодательства в области нарушения прав и свобод ребенка, при этом особое внимание необходимо уделить вопросам, регламентирующим деятельность и работу органов и учреждений системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. В свою очередь, на практике нужно четко скоординировать механизм взаимодействия социальных служб с судебной инстанцией (например, органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних) [4].

Таким образом, можно указать на то, что западная модель защиты прав ребенка может привести к непоправимым изменениям института российской семьи. Поэтому для создания действенной системы обеспечения прав несовершеннолетних необходимо, в первую очередь, основываться на менталитете граждан нашего государства и в соответствии с ним разработать адаптированный законопроект, положения которого не будут вступать в противоречия с интересами родителей. В то же время они обеспечат надлежащую защиту прав и законных интересов подрастающего поколения.

Литература

1. Белохонова А.О. Ювенальная юстиция – угроза развитию здорового общества и национальной безопасности России // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей: в 2 ч. Ростов-на-Дону, 09 апреля 2015 года. Ростов-на-Дону: Ростов-на-Дону, 2015. С. 71 – 74.
2. Брагер Д.К., Сугита А.Н., Тронева Н.Н. Отдельные социально-правовые вопросы ювенальной юстиции / Модернизация современного общества: инновации, управление, совершенствование: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные закономерности и тенденции: в 3-х ч. Новосибирск: Армавир: Саратов, 29 июня 2015 года / Новосибирский государственный технический университет, кафедра «Производственный менеджмент и экономика энергетики», Армавирский институт социального образования (филиал) «Российский государственный социальный университет», ООО «Академия управления». Новосибирск: Армавир: Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Академия управления", 2015. С. 45 – 50.
3. Кулантаева И.А., Орлова Е.О. Проблемы обеспечения качества образования юриста ювенальной юстиции // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 41. С. 130 – 139.
4. Махмутгараева С.М. Ювенальная юстиция: "за" и "против" // Социальная политика и социология. 2012. № 9 (87). С. 265 – 275.

5. Осипова Т.В., Почивалова Ж.Г., Коляда О.В. Актуальность проблемы прав ребенка и его защиты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. Т. 10. № 4. С. 6 – 14.

6. Харсеева О.В. Семейные суды и ювенальная юстиция: теоретические основы функционирования и зарубежный опыт // Семья и детство на пересечении интересов общества и государства: научные дискуссии и обмен мнениями (к Международному дню защиты детей): Материалы круглых столов, Курск, 20 апреля – 30 2017 года / Сост. и отв. ред. А.М. Борисов, В.В. Керстюк. Курск: Курский государственный университет, 2017. С. 98 – 104.

References

1. Belohonova A.O. Juvenal'naja justicija – ugroza razvitiju zdorovogo obshhestva i nacional'noj bezopasnosti Rossii. Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitija Rossii v XXI veke: Materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii kursantov i slushatelej vuzov MVD Rossii, studentov gumanitarnyh vuzov, ad#junktov, aspirantov i soiskatelej: v 2 ch. Rostov-na-Donu, 09 ap-relja 2015 goda. Rostov-na-Donu: Rostov-na-Donu, 2015. S. 71 – 74.

2. Brager D.K., Sugita A.N., Tronevskaja N.N. Otdel'nye social'no-pravovye voprosy juvenal'noj justicii. Modernizacija sovremenno go obshhestva: innovacii, upravlenie, sovershenstvovanie: jekonomicheskie, social'nye, filosofskie, politicheskie, pravovye, obshhenauchnye zakonomernosti i tendencii: v 3-h ch. Novosibirsk: Armavir: Saratov, 29 ijunja 2015 goda. Novosibirskij gosudarstvennyj tehnikeskij universitet, kafedra «Proizvodstvennyj menedzhment i jekonomika jenergetiki», Armavirskij institut social'nogo obrazovanija (filial) «Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet», ООО «Akademija upravlenija». Novosibirsk: Armavir: Saratov: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Akademija upravlenija", 2015. S. 45 – 50.

3. Kulantaeva I.A., Orlova E.O. Problemy obespechenija kachestva obrazovanija jurista juvenal'noj justicii. Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. 2015. № 41. S. 130 – 139.

4. Mahmutgaraeva S.M. Juvenal'naja justicija: "za" i "protiv". Social'naja politika i sociologija. 2012. № 9 (87). S. 265 – 275.

5. Osipova T.V., Pochivalova Zh.G., Koljada O.V. Aktual'nost' problemy prav rebenka i ego zashhity. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvenno go universiteta. Serija: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. 2018. T. 10. № 4. S. 6 – 14.

6. Harseeva O.V. Semejnye sudy i juvenal'naja justicija: teoreticheskie osnovy funkcionirovanija i zarubezhnyj opyt. Sem'ja i detstvo na peresechenii interesov obshhestva i gosudarstva: nauchnye diskussii i obmen mnenijami (k Mezhdunarodnomu dnju zashhity detej): Materialy kruglyh stolov, Kursk, 20 aprelja – 30 2017 goda. Sost. i otv. red. A.M. Borisov, V.V. Kerstjuk. Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet, 2017. S. 98 – 104.

*Zeynalbdiyeva A.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin,
Bobenko V.I., Teacher,
Yarskaya Secondary School, Belgorod region*

PROBLEMATIC ISSUES OF CHILD RIGHTS PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: the article deals with the problem of increasing violations of the rights and legitimate interests of minors, the number of dysfunctional families, as a result of which children become victims of crimes, and often themselves are involved in committing illegal acts. The root cause of such antisocial behavior can be called the lack of an appropriate system of protection of the rights of the child, aimed at protecting his legitimate interests. The Institute of Juvenile Justice is used as one of the measures to overcome the trend of the growth of illegal acts among minors abroad. However, in Russia it received an ambiguous assessment, and the sharp controversy in society was caused by the opposition of the interests of the child to the interests of the state institution of the family, since the models of child rearing in our state and in Western countries differ significantly from each other. In Russia, the main task for parents is the formation of a comprehensively developed personality, so the child is the object of pedagogical education. In turn, in the West, the approach to determining the personality of a child is initially different, there he acts as an independent person with his own views and interests. The authors propose another foreign practice regarding the protection of the rights of minors, namely family courts, which differ significantly from the concept of juvenile justice. It is they who are more in line with human nature, as well as the moral principles and mentality of Russian society.

Keyword: child rights, juvenile justice, family institution, family courts, deviant behavior, mentality

For citation: Zeynalbdiyeva A.V., Bobenko V.I. Problematic issues of child rights protection in the Russian Federation. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 202 – 207.

*Занозина Ю.В.,
Бюро переводов АКЦЕНТ*

ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОСТУПНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НАСЕЛЕНИЕМ

Аннотация: в данной статье автором проводится комплексный анализ проблемы обеспечения доступности восприятия юридических текстов населением. В основе исследования лежит проблема вероятного распространения дезинформации при неправильной интерпретации законодательных актов и документов. В связи с этим автор формулирует нескольких подходов, которые впоследствии образуют совокупный механизм обеспечения доступности восприятия юридических текстов. Алгоритм строится на ряде наиболее значимых аналитических принципов, которые, наряду с мотивационной системой анализа становятся основой гармоничного практико-ориентированного будущего применения этого алгоритма. Научная новизна исследования заключается не просто в обосновании выбора подходов анализа, но и их объединении в комплексную гибкую и адаптивную систему (авторский механизм), перспектива дальнейшего развития которого связана с реальным применением, постоянной апробацией и доработкой представленного решения проблемы.

Ключевые слова: юридический текст, восприятие информации, юридическая информация, авторский алгоритм

Для цитирования: Занозина Ю.В. Подходы к обеспечению доступности восприятия юридических текстов населением // Современный ученый. 2023. № 1. С. 208 – 212.

Введение

На современном этапе за счет все большей распространенности и достаточно высокой целесообразности изучения темы правовой грамотности, интерес населения к изучению основ законодательства и поглощению соответствующих знаний неуклонно возрастает. Тем не менее, в качестве одной из наиболее значимых концептуальных проблем в обеспечении формирования правовой компетентности и грамотности широких масс населения, по нашему мнению, можно рассматривать сложности восприятия юридических (нормативно-правовых и иных официальных документов) текстов, что обуславливается невозможностью нормального течения данных процессов вследствие непонимания специфики изложения юридических текстов и ряда других совокупных трудностей. В этом контексте достаточно распространенными возможными случаями становятся неправильные и/или относительно неверные интерпретации законодательства, которые порой могут иметь всеобъемлющий и масштабный характер, приводящий к полному регрессу в области правовой грамотности населения [1]. В связи с этим, по нашему мнению, вопросы решения данной проблемы имеют достаточно высокую значимость как минимум в практике обучения правовой грамотности, правового консультирования, а также самостоятельного изучения основ восприятия юридических текстов населением в ходе самообразования.

Ко всему прочему, актуальность представленной темы исследования значительно возрастает за

счет активного распространения юридической информации, интерпретации законодательства и многих других особенностей складывающейся современной ситуации. Главным образом это происходит посредством активного использования сети Интернет в качестве инструмента – стоит заметить, что у последнего имеется как масса преимуществ, так и основополагающих недостатков. Так, в случае чтения юридической информации в Интернете и при одновременном отсутствии умения эффективного изучения и последующего восприятия юридического текста, это становится основой для поглощения дезинформации, основанной на неполных выдержках (частичных вырезках) из законодательства, либо неверной трактовкой (интерпретацией) изложенных законодательных основ. В результате формируется противоречие, когда с одной стороны население стремится расширить собственную правовую грамотность, но с другой, вследствие отсутствия первоначальных умений и навыков восприятия юридических текстов, сталкивается с дополнительными трудностями. В совокупности это может стать одной из первопричин снижения уровня правовой грамотности в долгосрочной перспективе.

Цель статьи – провести комплексный исследовательский анализ вопросов обеспечения доступности восприятия юридических текстов населением и на основе этого сформировать ряд авторских подходов, обеспечивающих эффективное восприятие юридической информации.

Методология исследования

В статье автор главным образом опирается на общенаучные методы исследования – анализ и синтез, сравнение, обобщение, дедуктивный и индуктивный методы, сопоставление, абстрагирование, наблюдение и ряд других, в том числе эмпирических. Наблюдение используется автором с точки зрения возможности интерпретации собственного опыта и формирования на его основе устоявшихся знаний о сущности сформированной ранее исследовательской проблемы.

Результаты и их обсуждение

Как отмечалось ранее, вопросы актуальности изучения юридических текстов восходят к их достаточно широкомасштабному распространению посредством сети Интернет. Это происходит за счет целой системы стимулирующих факторов:

1. Открытая публикация большей части законных, подзаконных, нормативно правовых и многих других актов, постановлений, документов. Стимулирует активное обсуждение и изучение соответствующих публикуемых в открытом доступе документов, побуждает к организации дискуссий по ряду вопросов (в том числе при предварительной публикации законов с целью их последующей доработки) и так далее [3].

2. Широкое распространение культуры непрерывного обучения и формирования основных компетенций и грамотности, к первоочередным из числа которых относится в том числе и правовая грамотность. За счет этого увеличивается число заинтересованных в развитии своих правовых знаний, умений, навыков и компетенций граждан.

3. Достаточно высокая степень влияния СМИ, а также современной Интернет-культуры на вопросы обеспечения человеком себя и окружающих качественной и достоверной информацией, в том числе распространение идеи целесообразности обращения к первоисточникам.

В совокупности, три данных фактора являются мотивационной основой к погружению населения в вопросы изучения законодательства и отдельных законодательных документов. Вместе с тем, обращаясь к сравнению результатов исследования индекса правовой грамотности населения можно подчеркнуть, что область правовых навыков с течением последних периодов снижается – если в 2018 году её значение (из выборки респондентов) составляло 68 п.п., то в 2020 – данный уровень снизился до 39 [5, 6]; общее же значение индекса, складывающегося из трех элементов правовой грамотности (знания, умения и установки в сфере защиты прав) также снизился с 54 п.п. до 47. Это обуславливает необходимость разработки практических способов и механизмов управления правовой грамотностью; в контексте решения ранее

представленной проблемы исследования, именно разработку подходов к обеспечению доступности восприятия юридических текстов можно рассматривать как один из элементов увеличения правовой грамотности в разрезе правовых знаний и умений.

Принимая во внимание мотивационный компонент, мы можем сформировать наиболее качественные способы обеспечения эффективного восприятия юридических текстов и информации за счет подбора соответствующих подходов к осуществлению данной деятельности. Так, при разработке авторских подходов, мы опирались на следующие принципы:

- комплексный учет потребности субъекта в изучении юридических текстов;
- вариативность подходов с возможностью определения со стороны субъекта наиболее удобного способа (варианта) обеспечения восприятия юридического текста;
- гибкость и адаптивность подходов, их эффективная сочетаемость и одновременная независимость;
- системность формирования авторского алгоритма с выделением основ изучения юридических текстов [4].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, нами формируются следующие наиболее эффективные и удобные подходы к обеспечению эффективности и высокого качества доступности восприятия юридических текстов:

1. Разбиение и смысловое сокращение юридического текста (самостоятельный анализ), что предполагает обращение к первоисточнику и разделение юридического текста на смысловые элементы. В таком случае лицо осуществляет разделение целого текста документа (и его элементов) на следующие составные части:

- понятные субъекту элементы, в достоверности восприятия которых он уверен в полной мере;
- неясные текстовые элементы, смысл которых теряется из-за громоздкости предложений. Такие элементы в последующем подлежат дополнительному разбиению на составные части, элементами которых становятся отдельные краткие предложения, исключаяющие «обязательные» юридические текстовые элементы (полное указание компетентного органа, сопровождение несколькими речевыми оборотами и многие другие) [2];
- сложные текстовые элементы, восприятие которых становится невозможным вследствие недостаточных знаний основ законодательства. При их изучении можно рекомендовать: обращение к дополнительным разъяснительным открытым источникам (при этом, наиболее предпочтительным

становится источник, авторами составителями которого являются практикующие юристы (от двух человек), и в котором открыта возможность комментирования – поскольку в таком случае любые упущения и неверные интерпретации закона будут отмечены со стороны читающих текст пользователей и других заинтересованных лиц; обращение за непосредственной консультацией к юристу – недостатком в таком случае является, вероятный, платный характер консультативных услуг, однако, в ряде случаев, они могут оказываться бесплатно, в частности, если вопросы касаются тех моментов, по которым гражданин вправе обратиться к государственным органам и структурам.

Так, после реализации процедур разбиения текста на смысловые элементы, анализирующий и упрощающий его субъект может производить его постепенную интерпретацию и «переписывание» за счет упрощения сложных или неясных формулировок, и их более сокращенное и лаконичное изложение. В большинстве случаев, как показывает авторская практика, после реализации только процедур сокращения излишне длинных и сопровождаемых множеством оборотов предложений, эффективность восприятия текстов увеличивается – это обеспечивает качественное их понимание. Таким образом, главные достоинства данного подхода заключаются в:

- самостоятельной реализации всех аналитических процедур, что с наличием должного количества практики становится основой формирования соответствующих навыков и компетенций;
- возможности упрощения текста с перспективой распространения данной информации;

- исключении работы с уже ясными формулировками (что оптимизирует временные затраты на реализацию соответствующих операций) [7].

Тем не менее, не исключаются возможности все еще неправильной интерпретации юридических текстов, поскольку подход строится исключительно на самостоятельном изучении юридического текста. В соответствие с этим, по нашему мнению, наиболее эффективно после реализации самостоятельного анализа (как минимум в случае только лишь начала формирования соответствующих умений) обращаться также к двум другим подходам:

2. Обращение к сайтам разъяснениям. Предполагает поиск достоверных открытых источников, в которых бы освещалась затронутая юридическая тематика. Ранее нами уже описывалось каким образом необходимо осуществлять выбор соответствующего ресурса – это обезопасит субъекта от возможности поглощения дезинформации.

3. Обращение за консультативной услугой к специалисту (юристу, адвокату, и др.). Предполагает качественное подтверждение полученной путем анализа информации через уточнение наиболее проблемных аспектов – в случае успешности, в дальнейшем лицо может не обращаться к специалистам, а осуществлять самостоятельный анализ.

Таким образом, объединяя все вышеизложенные авторские подходы к обеспечению доступности восприятия юридических текстов, необходимо сформулировать авторский комплексный механизм анализа и упрощения юридических текстов (рис. 1):

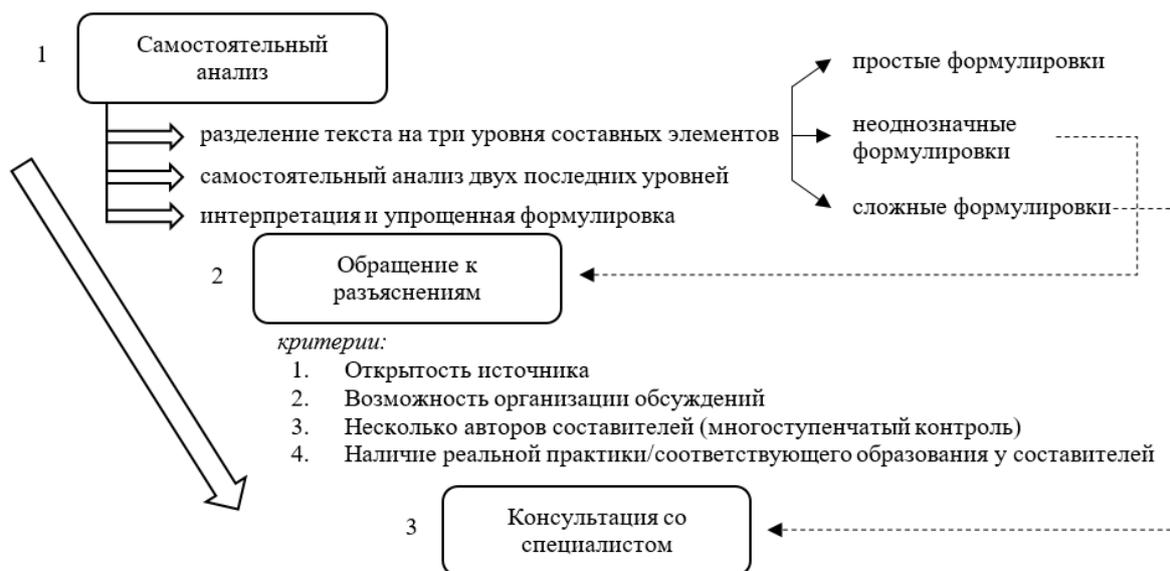

Рис. 1. Авторский алгоритм анализа и интерпретации сложного юридического текста.

Так, обращаясь к рис. 1 нужно подчеркнуть, что представленный алгоритм предполагает многоступенчатый анализ юридического текста с точ-

ки зрения разделения аналитической системы на несколько уровней интерпретации. Алгоритм объ-

единяет в себе ряд достаточно значимых особенностей процесса организации анализа:

1. Самостоятельный анализ, тесно коррелирующий с двумя другими подходами – обращение к разъяснениям и консультация со специалистом.

2. Системность анализа, выраженная в эффективном и достаточно гибком сочетании подходов.

3. Многоступенчатость проверок:

а. Самостоятельный анализ и интерпретация.

б. Обращение к открытым разъясняющим источникам и сравнение своей интерпретации по ряду неоднозначных моментов.

с. Обращение за консультацией к специалисту, что обеспечивает комплексное подтверждение наиболее сложных к анализу и пониманию моментов, требующих более глубоких знаний и практических умений, навыков и компетенций практикующего специалиста.

4. Возможность независимого использования любого из представленных подходов с перспективой их взаимозаменяемости.

5. Неоднократность использования с перспективой исключения обращения за консультацией вследствие формирования практических умений и навыков специалиста.

Ко всему прочему, алгоритм позволяет решить ранее изложенную проблему – обеспечить доступ-

ность восприятия юридических текстов без необходимости обращения к специалистам – это подчеркивают результаты его теоретического анализа.

Заключение

Таким образом, сегодня вопросы обеспечения доступности юридических текстов приобретают достаточно высокую значимость ввиду массового распространения законодательных актов, их активного цитирования и комментирования со стороны специалистов, СМИ, аналитиков и других, получения феномена погружения населения в изучение базовых грамотностей, к числу которых относится в том числе и правовая грамотность. В результате проведенного анализа авторами был сформирован комплексный алгоритм, включающий в себя авторские подходы к организации эффективного восприятия юридических текстов, строящийся на авторской практике индивидуального обучения и формирования правовых компетенций, а также строящийся на основе ряда наиболее значимых принципов. Так, научная новизна исследования заключается не просто в обосновании подходов анализа, но и их объединении в комплексную гибкую и адаптивную систему (авторский механизм), перспектива дальнейшего развития которого связана с реальным применением, постоянной апробацией и доработкой представленного решения проблемы.

Литература

1. Венидиктов С.В., Даниленко С.И. Развитие правовой культуры в контексте медиатизации образовательной среды // Вестник ВИ МВД России. 2012. № 4. С. 1 – 4.
2. Костенко М.А. Правовая лингвистика в законотворческом процессе // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 9. С. 1 – 5.
3. Лебедев А.О., Чаплинский А.В. Официальная электронная система правовых актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 4. С. 33 – 39.
4. Мануйлова Л.М., Максимов А.С. Формирование правовой грамотности подростков как педагогическая проблема // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. № 3. С. 96 – 102.
5. Правовая грамотность россиян. На пути к гражданскому обществу 2020. URL: <https://clck.ru/sK276> (дата обращения: 16.07.2022)
6. Правовая грамотность россиян: на пути к гражданскому обществу. URL: <https://clck.ru/sK279> (дата обращения: 16.07.2022).
7. Савельев Д.А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти российской федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 48 – 72.

References

1. Venidiktov S.V., Danilenko S.I. Razvitie pravovoj kul'tury v kontekste mediatizacii obrazovatel'noj sredy. Vestnik VI MVD Rossii. 2012. № 4. S. 1 – 4.
2. Kostenko M.A. Pravovaja lingvistika v zakonotvorchestvom processe. Izvestija JuFU. Tehniceskie nauki. 2005. № 9. S. 1 – 5.
3. Lebedev A.O., Chaplinskij A.V. Oficial'naja jelektronnaja sistema pravovyh aktov. Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2009. № 4. S. 33 – 39.
4. Manujlova L.M., Maksimov A.S. Formirovanie pravovoj gramotnosti podrostkov kak pedagogičeskaja problema. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija. 2021. № 3. S. 96 – 102.
5. Pravovaja gramotnost' rossijan. Na puti k grazhdanskomu obshhestvu 2020. URL: <https://clck.ru/sK276> (data obrashhenija: 16.07.2022)

6. Pravovaja gramotnost' rossijan: na puti k grazhdanskomu obshhestvu. URL: <https://clck.ru/sK279> (data obrashhenija: 16.07.2022).

7. Savel'ev D.A. Issledovanie slozhnosti predlozhenij, sostavljajushhih teksty pravovyh aktov organov vlasti rossijskoj federacii. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2020. № 1. S. 48 – 72.

*Zanozina Yu.V.,
ACCENT Translation Agency*

APPROACHES TO INCREASING THE COMPREHENSIBILITY OF LEGISLATIVE TEXTS FOR NON-LAWYERS

Abstract: in this article, the author analyses the problem related to low comprehensibility of legislative texts among non-lawyers. At the bottom of the study is the problem of spreading disinformation when little or no understanding of legislative acts and documents by ordinary people takes place. In order to face the problem, the author develops several approaches, which subsequently constitute a cumulative mechanism for ensuring the accessibility of legislative texts comprehension. The algorithm is based on a number of the most significant analytical principles, which, along with the motivational system of analysis, become the basis for its balanced practice-oriented application in the future. The scientific novelty of the research is not limited to definition of the analytical approaches to be used; the author integrates such approaches into a complex flexible and adaptive system (the author's mechanism), the further development of which is associated with real life application, constant testing and refinement of the solution being presented.

Keywords: legal text, legislative text, comprehension of text, legal information, author's algorithm

For citation: Zanozina Yu.V. Approaches to increasing the comprehensibility of legislative texts for non-lawyers. Modern Scientist. 2023. 1. P. 208 – 212.

*Рубанцова Т.А., доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий*

ЛАТЕНТНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Аннотация: проблема определения латентных правонарушений является для юриспруденции актуальной. До настоящего времени нет единой точки зрения на понятие «латентное правонарушение», и не определены в полной мере его признаки. Целью статьи является анализ категории «латентное правонарушение» и выявление признаков данного негативного явления. Для изучения проблем были исследованы научные работы по данной проблематике, сделаны выводы на основании методов анализа и синтеза. В результате исследования были выявлены наиболее важные проблемы по формированию представлений о латентной преступности. Латентные правонарушения – это часть правонарушений, которые не были зафиксированы правоохранительными органами. Как и все правонарушения для них характерна общественная опасность, поэтому их необходимо фиксировать и проводить профилактические мероприятия по их предупреждению. Наличие разнообразных подходов при анализе категории «латентная преступность» показывает дальнейшую необходимость теоретического анализа сложных социально – правовых явлений, связанных с латентной характеристикой правонарушений. Точно определить количество латентных правонарушений в настоящее время не представляется возможным. Можно отметить общественный вред, который наносится правопорядку в обществе и государстве в связи с отсутствием статистики, отражающей данный вид правонарушений. Возникают негативные тенденции, влияющие на уровень правосознания граждан, связанные с латентной преступностью. У граждан формируется недоверие к правоохранительным органам, возникает сомнение по поводу необходимости поддерживать правопорядок в обществе и государстве, что способствует возникновению деформации правосознания. Следовательно, данный вид правонарушений необходимо и далее исследовать.

Ключевые слова: латентные правонарушения, преступность, признаки и классификация латентной преступности

Для цитирования: Рубанцова Т.А. Латентные правонарушения: понятие и признаки // Современный ученый. 2023. № 1. С. 213 – 215.

В современной правовой науке широко используется такое понятие как «латентная преступность», однако обсуждение данной категории носит в научных исследованиях дискуссионный характер. Категория «латентный» означает невидимый, скрытый. Рассматриваемая категория достаточно активно применяется в самых разнообразных отраслях права для анализа для процессов, которые по различным причинам протекают незаметно. Легальное определение рассматривается как «преступность латентная – условное понятие, принятое для обозначения той части реальной преступности, которая по разным причинам не подверглась статистическому учету» [5]. Данной проблемой достаточно активно стали заниматься в XX веке, в современной юридической науке категория «латентность» используется для анализа правонарушений, которые до определенного времени скрыты от правоохранительных органов.

В научных работах нет единого подхода к анализу категории латентности правонарушений. Ряд исследователей предлагают в качестве основания классификации при определении латентности правонарушений их учет в правоохранительных органах. Данный подход связано с комплексным подходом к исследованию этого негативного явления

и носит информационный характер, его называют материальным [2, с. 69].

В. Ю. Арзамасов под латентными преступлениями понимает преступления, которые не учитываются правоохранительными органами. Следует отметить, что правонарушения были совершены, они стали известны правоохранительным органам, но ими не учтены [1, с. 238]. Исследователь классифицирует латентную преступность с точки зрения ее формирования. Он считает, что есть естественно скрытые латентные правонарушения и искусственно созданные [1, с. 239]. Естественная латентная преступность – это преступность, не выявленная правоохранительными органами, а искусственная латентная преступность – это не занесение ее в статистику по правонарушениям. Подход данного автора можно отнести к «материальному» направлению [1, с. 239]. Таким образом, автор на основе классификации берет механизм образования латентной преступности в обществе.

Исследователи отмечают, некоторые латентные правонарушения фиксируются в статистике правонарушений, однако некоторая часть не попадает в официальные отчеты, эта часть правонарушений и называется латентными [2, с. 70]. Такой подход обоснован тем, некоторые преступления могут и

не быть зафиксированными, это происходит по разным причинам, например, если правонарушение совершено, но не имеет особо тяжких последствий и потерпевший не обращается в правоохранительные органы с заявлением о правонарушении.

М.М. Черноусов и Г.С. Цветков предлагают свою классификацию латентной преступности. Они утверждают, что она должна классифицироваться по механизму образования по трем направлениям. Первые – незаявленные преступления, то есть потерпевшие не заявили о преступлении правоохранительные органы. Второе направление неучтенные правонарушения, то есть они были совершены, потерпевшие заявили о них, однако они не были зарегистрированы по разным основаниям [6, с. 34]. Третьи преступления, носящие латентный характер – не установлены, не учтены [3]. Данный подход в юридической литературе называют процессуальным, так как он отражает процесс фиксирования правонарушений.

При характеристике латентности правонарушений следует учитывать отличительные признаки выявленной и учтенной статистикой правонарушений. Латентные правонарушения могут быть не известны госорганам, другие могут быть не учтены ими в статистике о правонарушениях. С данной точкой зрения трудно согласиться, так как факт совершения преступления был зафиксирован, повлек за собой правовые последствия. Возможность виновника преступления уйти от ответственности не делает ничтожным его действия по правонарушению [4, с. 79]. Основным признаком данного вида правонарушений – это общественная опасность. Официально зарегистрированные преступления, в основном, состоят из преступной тяжких и средней тяжести, а преступность латентного типа характеризуется правонарушениями малой тяжести.

Можно выделить еще один подход к проблеме латентности правонарушений. Часто факт преступления подвергается статистическому учету только лишь в случае возбуждения дела уголовного направления. При этом непосредственно сроки, в течение которых дело возбуждается и формируется, определены в ст. 140 УПК РФ. В данном нормативно акте приводятся основания для воз-

буждения дела, а именно факт наличия информации о преступлении, которая была реально проверена в процессе предварительных действий. Подобного рода срок составляет 10 дней. Если уголовное дело не было возбуждено в обозначенный срок, то оно переходит в категорию латентных.

К признакам латентного правонарушения можно отнести также и скрытость правонарушений от правоохранительных органов. Для того, чтобы преступление не получило статус латентного, необходимо чтобы оно было зарегистрировано соответствующим образом, а также чтобы не истек срок давности, когда лицо подлежит привлечению для несения ответственности.

Стоит отметить, что у латентной преступности имеются негативные социальные последствия, подобного рода преступность способствует существенному искажению данных о реальном уровне правонарушений, что, в конечном счете, негативно влияет на меры, которые должны разрабатываться с целью предупреждения противоправного поведения.

Также, наличие такого рода преступности формирует негативный образ государственных органов, ответственных за правопорядок, правонарушения подобного рода способствует формированию недоверия к государству, а также деформаций правосознания.

Следовательно, латентные правонарушения – это определенная часть правонарушений, которые не были выявлены и зафиксированы в правоохранительных органах. Они характеризуются отсутствием единой точки зрения в научных дискуссиях на понятие «латентные правонарушения», размытостью критериев оценки этого негативного явления. Следовательно, до сих пор не раскрыты масштабы данного явления и характер их проявлений. Среди ученых не заканчиваются дискуссии относительно способов определения количественных показателей латентной преступности [4, с. 80]. Можно сделать вывод, что современное общество не обладает достаточными знаниями о латентных правонарушениях, следовательно, не имеет возможности преодолеть латентную преступность в полной мере.

Литература

1. Арзамасов В.Ю. Латентная преступность: понятие, неомогенная природа, превентивные меры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 237 – 250.
2. Гавриленко В.А. К вопросу об отдельных видах латентной преступности // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 13. С. 68 – 76.
3. Иванова О.Е. Латентность: понятие и критерии классификации // Современное право. 2015. № 5. С.119 – 123.
4. Торопин В.Ю. Труды Академии МВД России. 2011. № 2. (18) С. 73 – 78.

5. Указ Президента РФ от 24.05.1994 № 1016 «О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6121> (дата обращения 17.11.22)

6. Черноусов М.М. Исследование латентной преступности: теоретические и практические аспекты // Наука, образование и культура. 2018. № 3 (27). С. 30 – 39.

References

1. Arzamasov V.Ju. Latentnaja prestupnost': ponjatie, negomogennaja priroda, preventivnye mery. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2022. № 1 (48). S. 237 – 250.

2. Gavrilenko V.A. K voprosu ob otidel'nyh vidah latentnoj prestupnosti. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2020. T. 4. № 13. S. 68 – 76.

3. Ivanova O.E. Latentnost': ponjatie i kriterii klassifikacii. Sovremennoe pravo. 2015. № 5. S.119 – 123.

4. Toropin V.Yu. Trudy Akademii MVD Rossii. 2011. № 2. (18) S. 73 – 78.

5. Ukaz Prezidenta RF ot 24.05.1994 № 1016 «O неотложных мерах по реализации Federal'noj programmy Rossijskoj Federacii po usileniju bor'by s prestupnost'ju na 1994-1995 gody». Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6121> (data obrashhenija 17.11.22)

6. Chernousov M.M. Issledovanie latentnoj prestupnosti: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2018. № 3 (27). S. 30 – 39.

*Rubantsova T.A., Doctor of Philosophical Sciences (Ph.D.), Professor,
Siberian State University of Geosystems and Technologies*

LATENT OFFENSES: THE CONCEPT AND SIGNS

Abstract: the problem of determining latent offenses is relevant for jurisprudence. To date, there is no single point of view on the concept of "latent offense", and its signs are not fully defined. The purpose of the article is to analyze the category of "latent offense" and identify signs of this negative phenomenon. To study this problem, scientific works on this problem were investigated, conclusions were drawn based on methods of analysis and synthesis. As a result of the study, the most important problems in the formation of ideas about latent crime were identified. Latent offenses are a part of offenses that have not been recorded by law enforcement agencies. They are characterized by public danger, and also have a number of quantitative characteristics. The lack of unity in the definition of latent crime indicates that this problem is still being solved and scientific research in this direction is still ongoing. The extent of latent crime is not precisely defined. It can be noted that social harm distorts data on the real level of crime in the country, leads to a violation of citizens' sense of security of being and living on the territory, contributes to the formation of distrust of the state, as well as the blurring of social and moral guidelines. Therefore, this type of offense needs to be further investigated.

Keywords: latent offenses, criminality, signs and classification of latent crime

For citation: Rubantsova T.A. Latent offenses: the concept and signs. Modern Scientist. 2023. 1. P. 213 – 215.

*Гитинова М.М., кандидат юридических наук, доцент,
Лагдуев С.М.,
Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского
государственного университета юстиции в г. Махачкале*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Аннотация: коррупция – негативное социальное явление, которое разлагает общество, государство тем самым представляя угрозу для национальной безопасности государства. Современное уголовное законодательство не содержит определения коррупции, и ее официальная дефиниция дана в Федеральном законе от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О противодействии коррупции». Исходя из ее определения в уголовном праве, под коррупцией будет пониматься совокупность преступлений, в которых присутствует корысть в сочетании с необходимостью выполнить (отказаться) определенные действия, либо не входящие в круг твоих полномочий, либо входящие, но противоречащие интересам службы. В криминологии такая преступность получила название коррупционной.

Ключевые слова: коррупция, преступность коррупционного характера, криминологический анализ, тенденции, преступность

Для цитирования: Гитинова М.М., Лагдуев С.М. К вопросу о понятии коррупционная преступность // Современный ученый. 2023. № 1. С. 216 – 218.

В классическом понимании, выработанном криминологической наукой, преступность – исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных в соответствующей стране (регионе) за тот или иной период времени. Причины преступности социальные, поскольку есть такое направление в криминологии, которое объясняет причины преступного поведения людей в социуме его проблемами (социального, экономического, политического характера). Преступность оказывает вредное воздействие и деформирует институты общества и нарушает упорядоченность отношений [3, с. 19].

Преступные деяния коррупционного характера и их описание дает Уголовный кодекс РФ. Надо сказать, что тенденции данного вида преступности имеют весьма неблагоприятные прогнозы (ст. ст. 204, 290-292, 285, 286 УК РФ и др.). Статистика представляет весьма скудные данные о состоянии коррупционной преступности, все же можно вывести некое представление об удельном весе преступлений коррупционного характера в общем числе зарегистрированных преступлений. Так, ГИЦ МВД РФ в период 2019- 2022 гг. было зафиксировано следующее число преступлений коррупционного характера в их итоговом числе:

2019 г. – 30 991 (1,5%)

2020 г. – 30 813 (1,5%)

2021 г. – 35 051 (1,75%)

за январь – сентябрь 2022 г. – 29 817 (1,9%) [4].

Но официальная статистика не дает достоверной картины состояния коррупционной преступности. Данное явление носит латентный (скрытый) характер. Масштабы ее распространения не учи-

тываются и не находят отражения в официальной статистике. И к тому же, она не формируется с учетом таких квалифицирующих признаков как корыстный мотив или использование лицом своих должностных обязанностей при совершении того или иного деяния. Так, при контрабанде наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229.1 УК РФ) в качестве квалифицирующего признака рассматривается совершение действий (бездействия) должностным лицом с использованием своего служебного положения при перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации запрещенных предметов, обозначенных в диспозиции. Таким образом, составы преступлений, которых можно выделить коррупционный мотив как квалифицирующий признак, не попадают в официальную статистику как коррупционные по данным критериям.

Не обо всех фактах коррупции становится известно правоохранительным органам, поскольку в России уже давно говорят о системной коррупции, которая «пронизала» своим влиянием все сферы жизнедеятельности общества. Бытовая коррупция становится обыденным явлением, что постепенно приводит к принятию коррупции в общественном укладе. Таким образом, коррупция воспринимает-

ся как что-то неизбежное и терпимое, что постепенно вырабатывает коррупционное правосознание.

Следует сказать, что понятие коррупционного преступления – это предмет острых дискуссий ученых в сфере уголовного права и криминологии. Есть множество дефиниций коррупции, но наиболее предпочтительной считается следующее: «преступлению с коррупционной мотивацией относится любое умышленное преступление, которое совершается должностным лицом, представляющим государственный орган власти или орган местного самоуправления, которое используется данным субъектом в корыстных целях, по личной заинтересованности или для удовлетворения интересов третьих лиц» [2, с. 101].

Известный криминолог А.И. Долгова при исследовании коррупции как негативного явления, считает коррупционную преступность как множество преступлений коррупционного характера. Таких взглядов придерживаются известные специалисты в сфере криминологии.

Высокая латентность коррупционных преступлений создает проблемы ее выявления и борьбы с нею. Успех будет зависеть от множества факторов, но главным является создание прочной правовой основы для борьбы с коррупцией и ее проявлением. В этом смысле задача антикоррупционного законодательства не только определить понятие коррупции, установить уголовно-правовые запреты, но и правовыми методами обеспечить ее невозможность в общественных отношениях.

В задачи по борьбе с коррупцией также входит создание общественного контроля в целях предупреждения коррупционного поведения служащих во всех сферах жизнедеятельности общества. Выявление причинного комплекса, детерминирующих преступность коррупционного характера, должно проводиться в различных сферах при помощи исследований, в том числе с привлечением психологов, кримиологов, социологов, политологов и пр.

В задачи таких служб входит определение детерминантов коррупции и их возможная нейтрализация.

Необходимо разрабатывать для государственных и муниципальных служащих, других категорий населения, работающих в сферах, где не исключен коррупциогенный фактор, административные регламенты, не предоставляющие возможность использовать свое служебное положение вопреки интересам службы или иных лиц.

В комплексе с неизбежностью уголовного наказания в случае коррупционного поведения, увеличения выявления коррупционных проявлений с использованием различных систем, функционирующих с использованием предоставить новые возможности для воздействия на устранение мотивации коррупционного поведения, на общественное мнение с целью выработки нетерпимости к коррупционному поведению.

Таким образом, необходимо формировать правовую культуру, способную обеспечить свободное от коррупции общество, на создание которого уйдет достаточно много времени.

Известный теоретик права С.С. Алексеев, говоря о роли права, отмечал: «..высокое место права в жизни общества, осуществление его верховенства и соответствующее этому положение дел во всем «юридическом хозяйстве» страны (подготовка и статус юридических кадров, роль юридических служб во всех подразделениях государственной системы, положение адвокатуры, развитость научных учреждений по вопросам права и т.д.)» [1, с. 160].

Следовательно, связанной с правом проблемой является проблема правового воспитания граждан, которая является частью образовательной политики и культуры общества. И постепенно, государство приходит к пониманию того, что антикоррупционная пропаганда, которая представлена информационно-воспитательными, пропагандистскими мерами, направлены на формирование общественного мнения о недопустимости коррупционного поведения. СМИ принадлежит главенствующее место в антикоррупционной политике государства.

Литература

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. Т. 8: Учебники и учебные пособия. М., 2010. 493 с.
2. Гончаренко Г.С. Криминологическая сущность коррупционной преступности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 3 (135). С. 101 – 105.
3. Холмс Л. Коррупция: очень краткое введение: пер. И.М. Агеева, А.А. Бялко, М.И. Левин; под ред. М.И. Левина. Москва: Дело, 2021. 192 с. ISBN 978-5-85006-301-6 // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/119127.html> (дата обращения: 24.11.2022)
4. Состояние преступности МВД РФ в период 2019-2022 гг. <https://мвд.рф/reports/item/33388812/> (дата обращения: 11.11.2022)

References

1. Alekseev S.S. Sобрание sochinenij. T. 8: Uchebniki i uchebnye posobija. M., 2010. 493 s.
2. Goncharenko G.S. Kriminologicheskaja sushhnost' korrupcionnoj prestupnosti. Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. 2006. № 3 (135). S. 101 – 105.
3. Holms L. Korrupcija: ochen' kratkoe vvedenie: per. I.M. Ageeva, A.A. Bjalko, M.I. Levin; pod red. M.I. Levina. Moskva: Delo, 2021. 192 c. ISBN 978-5-85006-301-6. Cifrovoj obrazovatel'nyj resurs IPR SMART: [sajt]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/119127.html> (data obrashhenija: 24.11.2022)
4. Sostojanie prestupnosti MVD RF v period 2019-2022 gg. <https://mvd.rf/reports/item/33388812/> (data obrashhenija: 11.11.2022)

*Gitinova M.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lagduev S.M.,
North Caucasus Institute, branch of the All-Russian
State University of Justice in Makhachkala*

ON THE CONCEPT OF CORRUPTION CRIMES

Abstract: corruption is a negative social phenomenon that corrupts society, the state, thereby posing a threat to the national security of the state. Modern criminal legislation does not contain a definition of corruption, and its official definition is given in the Federal Law from 25.12.2008 № 273-FZ (ed. from 07.10.2022) "On Counteracting Corruption". Based on its definition in criminal law, corruption will be understood as a set of crimes in which there is self-interest combined with the need to perform (refuse) certain actions, either outside the scope of your authority, or included, but contrary to the interests of the service. In criminology, such crime is called corruption.

Keywords: corruption, corruption crime, criminological analysis, trends, crime

For citation: Gitinova M.M., Lagduev S.M. On the concept of corruption crimes. Modern Scientist. 2023. 1. P. 216 – 218.

*Гладыч Н.В., аспирант,
Уральский государственный юридический университет*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: несмотря на то, что термин «киберпреступность» получил широкое признание и распространение, потребовалось некоторое время, чтобы это понятие было признано в соответствии с фактическим определением, используемым словарями и юридическими источниками в области противодействия преступности, а также нашло свое предметное отражение в источниках права. Между тем, киберпреступность в настоящее время определяется, как любое уголовное преступление, которое связано с использованием электронных средств связи или информационных систем, включая любое электронное устройство, компьютер или Интернет. Целью настоящего исследования является необходимость продемонстрировать корректность международного законодательного отражения указанного понятия, а также те меры, которые предпринимают страны для борьбы с его проявлениями в рамках международного сотрудничества. Автор дает оценку требованиям ряда источников международного права, предусматривающих основы уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям, а также форматам, позволяющим устанавливать принципы такого противодействия. Причиной исследовательского уклона является то, что киберпреступность принимает различные формы, включая взлом, вредоносное ПО, программы-вымогатели, фишинг и другие формы. Многие виды киберпреступности являются продолжением существующей преступной деятельности, поскольку компьютеры и Интернет отделили их от географического местоположения преступника, обеспечивая анонимность и защиту от судебного преследования. В свою очередь, государства, обвиняющие другие страны в злонамеренном поведении в киберпространстве, редко ссылаются при этом на международное право. Отсутствие международно-правовой риторики может означать, что поведение может быть законным, даже если оно нежелательно. В контексте формирования данной проблемы на первый план выходит необходимость разработки и принятия различных международных источников, затрагивающих особенности взаимодействия в сфере борьбы с киберпреступлениями.

Ключевые слова: киберпространство, преступность, международное право, содружество независимых государств, соглашение, цифровизация

Для цитирования: Гладыч Н.В. Международно-правовые основы противодействия киберпреступности // Современный ученый. 2023. № 1. С. 219 – 224.

По мнению ряда исследователей, формат правового представления о сущности отношений и правильности их регулирования уже давно отработан [9, с. 8]. Исключительное внимание к мелочам становится причиной для внесения необходимых поправок, о чем наглядно свидетельствует тенденция международно-правовой корреляции, сопровождаемая принятием специальных международных актов. Наибольшее внимание к вопросу оценки состояния прав и свобод граждан с точки зрения их непосредственной защиты было уделено в международном праве в XX веке, когда формировался «золотой фонд» источников, позволивших закрепить ряд важнейших принципов и правил её реализации. В результате проделанной работы, был образован нормативный пласт, отражающий сущность прав личности, а также их фундаментальное влияние на обеспечение общей безопасности. Более того, контекст создания необходимого правового поля нашел свое выражение в ряде источников, которые были приняты международным сообществом практически безоговорочно.

К числу упомянутых источников следует абсолютно точно отнести такие, как: Всеобщая Декла-

рация прав человека (1948) [6], включившая в себя комплекс основополагающих прав и свобод; Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) [5], отражающий конфигурацию политических представлений личности о собственном выборе и правилах его реализации; Конвенцию о правах ребенка, более предметно отражающую необходимость обеспечения дополнительной защиты детства на планете [4], и множество других документов. Большая часть данных актов нашла свое отражение в основных законах государств-членов ООН. Однако, если оценивать их влияние на формат современных общественных отношений, становилось понятно, что вопросы и проблематика, которые затрагивали положения выработанных норм, с теоретической точки зрения оказались исчерпанными. В свою очередь, контекст применения норм международного права на практике, несмотря на «идеальность» их диспозиций и успешность в распространении (применении), оказался в руках правоприменителей. Как следствие, объективная сторона правового развития международных отношений постепенно начала переполняться актами, отражающими сегмен-

тарное представление об указанных нормативных положениях, а их принятие можно было расценивать как аспект развития международно-частных сфер.

Однако, в начале XXI века ситуация стала меняться; на передний план оценки международного взаимодействия вышел вопрос влияния глобальных компьютерных сетей на мировую безопасность. Парадигма отношений получила новый виток развития по причине того, мировая информационная «паутина» стала восприниматься ни как технологическое явление, а как некое пространство, сопровождаемое принципами и правилами, не совсем отражающими смысл тех законов и актов, которые действовали ранее. В определенном смысле развитие «киберпространства» стало первым шагом к тому, чтобы серьезно пересмотреть международное видение не только к свободам (возможностям) человека, но и к его правам [12, с. 287].

Так, автор диссертационного исследования «Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространстве» Л.В. Терентьева ставит вопрос влияния киберпространства на контекст дальнейшего развития традиционных отношений очень остро. В частности, ученым подчеркивается необходимость тщательного пересмотра тех фундаментальных правовых начал, которые стали основой для зарождения ныне существующих принципов регулирования в международном праве. По её мнению, уникальные свойства киберпространства стали причиной для социальной деформации, а также серьезным вызовом для науки международного права. К одной из проблем стоит отнести введение новых юрисдикций, а также отраслевых принципов, позволяющих исключить всевозможные негативные последствия влияния «киберпространства» на пространство реальное. В особенности это относится к противоправной деятельности, ставшей сопутствующим явлением в развитии цифровых технологий [14, с. 47].

Киберпреступность является негативной составляющей, сформированной непосредственным участием людей в пользовании цифровыми технологиями. В частности, практика правовой идентификации явлений, затрагиваемых в социальном регулировании, показывает, что понятие «киберпреступность» является производным, и по большей части выражает не сколько что-то естественно опасное для жизни и здоровья человека, сколько является результатом развития киберпространства, образованного им же самим для личного удобства [13, с. 134]. Человек, который в настоящем научился обходиться без средств цифрового общения, вряд ли когда-либо сможет стать жерт-

вой компьютерного преступления. Более того, парадоксальным феноменом борьбы с теми же компьютерными атаками становится их крайняя технологическая прогрессивность. В свою очередь, под её идентификацией следует понимать любое социальное действие или противодействие, совершенное с целью причинения вреда посредством использования не только компьютера, но и любого другого сетевого устройства, позволяющего проникать в сеть. Это общий принцип, который указывает на то, что любое действие, реализованное посредством компьютерной технологии, вне зависимости от суммы и размера причиненного вреда следует относить к киберпреступлениям.

Более того, в противостоянии ей именно на международном уровне, исследователи выделяют пять основных факторов, не позволяющих делать это максимально эффективно: молчание (сокрытие информации); экзистенциальные разногласия; проблемы интерпретации (разногласия в оценке); атрибуция; и подотчетность (контроль за исполнением) [11, с. 69]. Безусловно, что в контексте озвученных проблем, важнейшим аспектом их разрешения является разработка и принятие международных источников, позволяющих с позиции прежде всего общего согласия в их оценке, установить универсальные понятия, которые в свою очередь, смогут решить вопросы имеющихся разногласий, а также аккумулировать общие усилия на борьбу с негативным явлением. Примером устранения данных разногласий стало принятие в 2001 году специального акта – Конвенции о компьютерных преступлениях [1].

Правовая конфигурация приведенного источника, в первую очередь, позволила ввести в действие ряд принципов, которые ранее не затрагивались международным законодателем, как необходимое начало успешного взаимодействия между государствами в данном вопросе. Прежде всего, это аспект признания того, что компьютерные технологии могут приносить не только пользу их создателям и пользователям, но и вред. Более того, данной Конвенцией установлено, что компьютерные сети и электронная информация вполне могут использоваться в качестве орудий совершения уголовных преступлений, а также служить местом хранения доказательств реализации преступных умыслов. Данный принцип отражает общее положение стран по части повсеместного использования средств цифровой коммуникации, а значит подтверждает обоснованность принятия соответствующих нормативных положений, позволяющих взаимодействовать в данной сфере наиболее эффективно.

Как следствие, авторами Конвенции на первый план выведены признаки конкретных правонару-

шений (например, связанные с распространением детской порнографии (ст. 9), или повлекшие за собой нарушение авторских прав (ст. 10), подлог (ст. 7), и др.), либо в совершении действий, которые могут быть признаны таковыми в силу того, что они сопряжены с использованием цифровых технологий (перехват данных (ст. 3), воздействие на данные (ст. 4), воздействие на функционирование системы (ст. 5)). Кроме этого, в Конвенции впервые произведена уголовно-правовая идентификация терминов, которые в силу необходимости оценки и установления факта киберпреступного вмешательства, носят сопутствующее значение: компьютерная система, компьютерные данные, данные о потоках, и др.

В отдельное направление выделен аспект корпоративной, в том числе и предусматривающей уголовную, ответственности, которая должна быть установлена в отношении юридических лиц, принимающих на себя обязательства по защите и сохранению конфиденциальности сведений, предоставленных пользователями. Данный акт положил начало воссозданию общего представления о киберпреступности, а также ввел ряд понятий, которые помогли более объективно оценивать её негативное влияние в качестве транснационального явления. Вполне закономерным развитием событий в данном вопросе стало подписание в 2021 году нового (второго) протокола к Конвенции, позволяющего расширить зону действия нормативных инициатив, а также возможностей стран по части обмена необходимыми доказательствами, подтверждающими действительность совершения указанных преступлений [10].

Стоит отметить, что на настоящий момент её подписали 49 стран, среди которых Россия не значится. В 2005 году Президентом России было издано специальное Распоряжение «О подписании Конвенции о киберпреступности», которым наша страна должна была присоединиться к действию Конвенции, однако, спустя некоторое время аналогичным решением [8] указанное распоряжение было отменено. Как утверждает в официальной ноте, причиной такого решения стали несогласия российской стороны с некоторыми положениями Конвенции, прежде всего, затрагивающих вопросы национальной безопасности государства, а, конкретно, его суверенитета. В частности, в пункте «b» статьи 32 указанной Конвенции отражено, что, исходя из принципа возможности реализации трансграничного доступа к хранящимся компьютерным данным, любая из Сторон, которая приняла на себя обязательства по исполнению требований Конвенции, вправе получать компьютерную информацию независимо от её географического местоположения, что с одной стороны, указывает

на возможности международного взаимодействия, с другой – становится причиной несанкционированного доступа к сведениям, находящимся под особой защитой другой страны [3]. Учитывая, что международные отношения очень сложны, а грани правового соприкосновения достаточно зыбки, Россия принимать положения рассматриваемой Конвенции отказалась, однако, в распоряжении была сделана оговорка, которой устанавливалось, что такое взаимодействие возможно и без подписания указанного документа, а также в том случае, если упомянутое спорное положение будет пересмотрено.

Тем не менее, нельзя не отметить универсализм Конвенции, который вытекает из того, что её участниками могут быть страны не только Европейского континента. Между тем, Конвенция и до настоящего времени является единственным юридически обязывающим многосторонним документом, правоустанавливающим характер киберпреступности, степень влияния на её развитие со стороны акторов цифрового рынка, а также определяющим конкретные виды преступлений, совершенных посредством сети Интернет. Более того, указанный акт содержит в себе ряд моментов, связанных с процессуальной стороной возможности получения данных с цифровых носителей, обменом информацией, а также её перехват.

Отдельным аспектом установления правовых основ в борьбе с международной киберпреступностью стали так называемые региональные акты, – соглашения, которые заключались на фоне создания и действия (развития) различных экономических и политических союзных объединений. Примером подобного правоустановления с полной ответственностью можно признать Соглашение «О сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» [15, 16], подписанное в 2001 году странами-членами СНГ в Минске. В данном Соглашении отражены принципы, которые по своей сути являются схожими с теми, что были продекларированы к Европейской Конвенции. Однако, как указано в Соглашении, его основной целью является создание правовых основ, необходимых для сотрудничества именно правоохранительных и судебных органов государств-участников. Также как и в Конвенции, в Соглашении дается краткая характеристика преступлений, совершаемых посредством компьютеров и сети Интернет, при этом большинство составов установленных правонарушений по своей конструкции непосредственно связаны с такими явлениями, как: неправомерный доступ, создание и использование вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации ЭВМ. Что касается процессуального аспекта взаимодействия, то его фор-

мальной стороной является предусмотренный по сути в уголовно-процессуальном источнике любой страны порядок направления в другое государство соответствующего запроса с просьбой об оказании помощи в рамках уголовно-правового сотрудничества (ст. 453 Уголовно-процессуального кодекса РФ [7]). При этом порядок реализации установленной помощи не может устанавливать самовольное изъятие необходимой информации с иностранного источника, как это было предусмотрено той же Декларацией о борьбе с киберпреступностью. Если же сравнивать положения рассматриваемых актов более предметно, то Соглашение СНГ в сравнении с Будапештской Конвенцией представляется более лаконичным и современным, поскольку его требования значительно ближе адаптированы к особенностям национальных правовых систем государств указанного объединения.

Еще одним источником, концептуально определяющим возможность противостояния киберпреступности на уровне международного взаимодействия, является Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [2], принятое в 2010 году в рамках ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), действие которого выходит за рамки борьбы с киберпреступностью и в значительной мере направлено на обеспечение информационной безопасности. В формате исполнения требований его положений одной из главных целей соглашения является принятие мер по национальному контролю за информационными системами, и, конкретно, их контентом. В значительной степени данный нормативный акт является следствием переоценки взаимосвязи между влиянием информации на протекающие в мире процессы и её непо-

средственной цифровой аккумуляции. В то же время, в Соглашении уделено непосредственное внимание к киберпреступности. Именно по этой причине в Соглашении произведена дефиниция таких понятий, как: «информационная преступность», «информационный терроризм», «неправомерное использование информационных ресурсов».

Учитывая изложенное, можно отметить следующее. Международное право структурирует отношения между государствами и другими международными заинтересованными сторонами (в первую очередь международными организациями) посредством различных запретов, требований и разрешений. Из чего следует, что оно может устанавливать правила регулирования вопросов глобального управления над вопросами начиная от контроля над вооружениями до торговли и окружающей среды. Вместе с тем, роль международного права в киберпространстве возрастает по мере того, как государства уделяют повышенное внимание его управлению (технической архитектуре, обеспечивающей функционирование глобального Интернета). Об этом свидетельствуют постоянно формирующиеся правовые основы, затрагивающие порядок борьбы с киберпреступностью. Между тем, хорошо осознавая, что геополитическая ситуация в мире носит постоянно изменяющийся характер, большинство актов, определяющих основы борьбы с международной преступностью в киберпространстве, заключаются в форматах уже зарекомендовавших себя союзов и объединений, тем самым показывая, что креативность рассматриваемого вопроса целиком и полностью, на данный момент, зависит от отношений между конкретными странами.

Литература

1. Конвенция о компьютерных преступлениях от 2001 года [Электронный ресурс]. Доступ: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 24.11.2022)
2. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16.06.2009 [Электронный ресурс]. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 24.11.2022)
3. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Заключено в г. Минске 01.06.2001) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 13. Ст. 1460.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI. 1993.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976. № 17. Ст. 291.
6. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995. 5 апр.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

8. Распоряжение Президента РФ от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 13. Ст. 1295.

9. Дзялошинский И.М. Медиа как пространство угроз: 15 лет в тени доктрины информационной безопасности // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2016. № 1. С. 7 – 33.

10. Киберпреступность: Совет Европы укрепляет свой правовой арсенал // [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/cybercrime-council-of-europe-strengthens-its-legal-arsenal> (дата обращения: 24.11.2022)

11. Майстренко Г.А. Генезис противодействия киберпреступности на международном и национальном уровнях // Теории и проблемы политических исследований. 2022. № 3А. С. 66 – 72.

12. Пискунов Д.А. Регулирование отношений между государствами в киберпространстве // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. С. 283 – 312.

13. Старкова Л.М. Подходы к пониманию и нормативному определению категории «киберпреступность» и смежных понятий в практике региональных международных организаций // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 123 – 135.

14. Терентьева Л.В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространстве: дис. ... докт. юрид. наук. Специальность: 12.00.03 – гражданское право; семейное право; предпринимательское право; международное частное право. Москва, 2021. 328 с.

15. Трофимцева С.Ю. Организация противодействия киберпреступности: сравнительный анализ процессуальных рекомендаций будапештской конвенции и законодательства СНГ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 245 – 247.

16. Новичкова Е.Д. Международно-правовые инструменты борьбы с киберпреступностью // International Law Journal 2022. Т. 5. № 4. С. 133 – 138.

17. Распоряжение Президента РФ от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 47. Ст. 4929.

References

1. Konvencija o komp'juternyh prestuplenijah ot 2001 goda [Jelektronnyj resurs]. Dostup: <https://rm.coe.int/1680081580> (data obrashhenija: 24.11.2022)

2. Soglasenie mezhdru pravitel'stvami gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespechenija mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti ot 16.06.2009 [Jelektronnyj resurs]. Dostup: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (data obrashhenija: 24.11.2022)

3. Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov Sodruchestva Nezavisimyh Gosudarstv v bor'be s prestuplenijami v sfere komp'juternoj informacii (Zakljucheno v g. Minske 01.06.2001). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. № 13. St. 1460.

4. Konvencija o pravah rebenka (odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989). Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. vypusk XLVI. 1993.

5. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Prinjat 16.12.1966 Rezoljuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON). Vedomosti VS SSSR. 28 aprilja 1976. № 17. St. 291.

6. Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka (prinjata General'noj Assambleej OON 10.12.1948). Rossijskaja gazeta. № 67. 1995. 5 apr.

7. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 07.10.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.

8. Rasporjazhenie Prezidenta RF ot 22 marta 2008 g. № 144-rp «O priznanii utrativshim silu rasporjazhenija Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 nojabrja 2005 g. № 557-rp «O podpisanii Konvencii o kiberprestupnosti». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 13. St. 1295.

9. Dzialoshinskij I.M. Media kak prostranstvo ugroz: 15 let v teni doktriny informacionnoj bezopasnosti. Komunikacii. Media. Dizajn. 2016. № 1. S. 7 – 33.

10. Kiberprestupnost': Sovet Evropy ukrepljaet svoj pravovoj arsenal. [Jelektronnyj resurs]. Dostup: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/cybercrime-council-of-europe-strengthens-its-legal-arsenal> (data obrashhenija: 24.11.2022)

11. Majstrenko G.A. Genezis protivodejstvija kiberprestupnosti na mezhdunarodnom i nacional'nom urovnjah. Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2022. № 3А. S. 66 – 72.

12. Piskunov D.A. Regulirovanie otnoshenij mezhdru gosudarstvami v kiberprostranstve. Balans sil v kljuchevyh regionah mira: konceptualizacija i prikladnoj analiz. M.: Rossijskij universitet družby narodov (RUDN), 2021. S. 283 – 312.
13. Starkova L.M. Podhody k ponimaniju i normativnomu opredeleniju kategorii «kiberprestupnost'» i smezhnyh ponjatij v praktike regional'nyh mezhdunarodnyh organizacij. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2021. № 4. S. 123 – 135.
14. Terent'eva L.V. Sudebnaja jurisdikcija po transgranichnym chastnopravovym sporam v kiber-prostranstve: dis. ... dokt. jurid. nauk. Special'nost': 12.00.03 – grazhdanskoe pravo; semejnoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Moskva, 2021. 328 s.
15. Trofimceva S.Ju. Organizacija protivodejstvija kiberprestupnosti: sravnitel'nyj analiz processual'nyh rekomendacij budapeshtskoj konvencii i zakonodatel'stva SNG. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2020. № 11 (150). S. 245 – 247.
16. Novichkova E.D. Mezhdunarodno-pravovye instrumenty bor'by s kiberprestupnost'ju. International Law Journal 2022. T. 5. № 4. S. 133 – 138.
17. Rasporjazhenie Prezidenta RF ot 15 nojabrja 2005 g. № 557-рр «О подписании Конвенции о киберпреступности» (утратило силу). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 47. St. 4929.

*Gladych N.V., Postgraduate,
Ural State Law University*

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING CYBERCRIME

Abstract: despite the fact that the term "cybercrime" has received wide recognition and distribution, it took some time for this concept to be recognized in accordance with the actual definition used by dictionaries, legal sources and crime prevention sources, and also to find its substantive reflection in sources of law. Meanwhile, cybercrime is currently defined as any criminal offense that involves the use of electronic means of communication or information systems, including any electronic device, computer or the Internet. The purpose of this study is the need to demonstrate the correctness of the international legislative reflection of this concept, as well as the measures that countries are taking to combat cybercrime within the framework of international cooperation. The author assesses the requirements of a number of sources of international law, which provide the basis for criminal law counteraction to computer crimes, as well as formats that allow establishing their principles. The reason for the research bias is that cybercrime takes many forms, including hacking, malware, ransomware, phishing, and other forms. Many types of cybercrime are extensions of existing criminal activity because computers and the Internet have separated them from the geographic location of the perpetrator, providing anonymity and protection from prosecution. In turn, states that accuse other states of malicious behavior in cyberspace rarely invoke international law in doing so. The absence of international legal rhetoric may mean that behavior may be legal even if it is undesirable. In the context of the formation of this problem, the need to develop and adopt various international sources that affect the features of interaction in the field of combating cybercrime comes to the fore.

Keywords: cyberspace, crime, international law, commonwealth of independent states, agreement, digitalization

For citation: Gladych N.V. International legal framework for countering cybercrime. Modern Scientist. 2023. 1. P. 219 – 224.

*Агаев Г.А., доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Сафонов В.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Зорин А.Р.,
Российский государственный университет правосудия*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕВИНОВНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Аннотация: в статье предпринята попытка сравнительного анализа двух уголовно-правовых институтов: невинного причинения вреда и обстоятельств, исключающих преступность деяния. Анализ выстроен по классической схеме сопоставления объективных и субъективных признаков поведенческих актов человека. Авторами выявлены сходства и различия рассматриваемых уголовно-правовых институтов, что составляет определённую сложность для констатации в практической деятельности. В результате авторы приходят к выводу о том, что указанные институты отличаются совокупностью объективных и субъективных признаков, но в ряде случаев они «пересекаются», обнаруживая доктринальные, законодательные и правоприменительные проблемы правового регулирования смежной сферы. Практическая значимость исследования состоит в том, что в статье актуализируется необходимость уточнения алгоритма квалификационных действий при оценке содеянного причинителя тех или иных общественно-опасных последствий и разрешении вопроса о привлечении его к уголовной ответственности. В работе предлагаются варианты решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: деяние, крайняя необходимость, невинное причинение, обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступление, условия правомерности причинения вреда

Для цитирования Агаев Г.А., Сафонов В.Н., Зорин А.Р. Уголовно-правовая оценка невинного причинения вреда и обстоятельств, исключающих преступность деяния // Современный ученый. 2023. № 1. С. 225 – 231.

Преступность в России является одной из злободневных проблем, что подтверждается данными ежегодной статистики [7, 13].

Таблица 1

Год	2018	2019	2020	2021	Янв.-окт. 2022
Количество зарегистрированных преступлений	1991532	2024337	2044221	2004404	1677100

Кроме того, более половины лиц, совершивших преступление, к сожалению, уже имеют криминальный опыт [2, с. 260].

Указанное, безусловно, не может не приводить к определенному дисбалансу в состоянии законности и правопорядка, поскольку каждое преступное деяние причиняет вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Вместе с тем, в объективной реальности складываются также и ситуации, когда вред причиняется, однако отсутствует вина лица в их наступлении (невинное причинение вреда). Известно, что отсутствие вины указывает на отсутствие преступления. Поэтому в практической реализации крайне важным представляется корректное определение наличия и отсутствия вины, ограничения невинного причинения вреда от преступления, т.к. погрешности в

квалификации повлекут вынесение несправедливого приговора, человек в таком случае может понести наказание, которое несоразмерно характеру и обстоятельствам совершенных действий (бездействия) и его личности.

В ситуации «казуса», невинного причинения вреда, объектам уголовно-правовой охраны причиняется вред, но при этом в его наступлении вина лица отсутствует, т.к. не усматривается умысла или неосторожности, а также отсутствует объективная сторона [20, с. 161].

Отметим, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации [17] (далее – УК РФ) не содержит определения понятия «невинное причинение вреда», а лишь в ст. 28 закрепляет случаи, которые признаются таковыми [18, с. 211].

Выделение в УК РФ невинного причинения вреда опосредовано, прежде всего, общим

пониманием вины как психологического отношения индивида к совершенному деянию, установление наличия которого требуется для привлечения к уголовной ответственности.

Вина есть важный признак состава преступления, который необходимо устанавливать при квалификации любого преступления.

Виновная ответственность исходит из принципа, закрепленного в ст. 5 УК РФ, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния, приведшие к вредным последствиям, по которым установлена его вина, а за невиновный вред уголовная ответственность не допускается [19].

В научной литературе встречается ряд определений вины. С содержательной точки зрения одним из наиболее удачных, на наш взгляд, является определение, предложенное В.А. Якушиным в диссертационном исследовании: «Вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности» [21, с. 122]. Вина традиционно рассматривается как понятие, имеющее двуединую сущность: правовую и психологическую. Психологическая составляющая вины имеет свою структуру – интеллектуальный и волевой моменты и соответствующее им содержание. Вина, как известно, выступает в двух формах (умысел и неосторожность), каждая из которых имеет по два вида, представленные в ст. 25 и 26 УК РФ.

Вышеуказанное имеет прямое отношение и к невиновному причинению вреда, т.к. установление отсутствия у лица каких-либо внутренних прямых или косвенных побуждений к совершению преступления, невиновности лица, также как и отсутствие в его деянии признаков неосторожной формы вины, исключает уголовную ответственность, поскольку имел место «случай», стечение обстоятельств, повлекших причинение вреда.

Как справедливо утверждал А.А. Варушкин, «преступление и невиновное причинение вреда по своей природе различны» [4, с.34]. Данное различие усматривается в отсутствии в поведении лица общественной опасности деяния и виновно наступивших последствий, вины.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что нет субъективного основания уголовной ответственности при невиновном причинении вреда, так как в обстоятельствах отсутствия вины отсутствует преступное деяние. Отсутствие вины указывает и на отсутствие субъективной стороны, а соответственно и состава преступления, но при этом усматривается лишь объективная составляющая – это общественная вредность, проявляющаяся в причиненном вреде. По своей природе невиновное причинение вреда лишь на первый взгляд схоже с преступлением, но в силу того, что в нем отсутствуют объективные и субъективные признаки преступления, поведение лица, с точки зрения уголовного закона, не признается преступным и не влечет уголовной ответственности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос разграничения невиновного причинения вреда от исключаящих преступность деяния обстоятельств, правовому регулированию которых в уголовном законе также уделено отдельное внимание. В рассматриваемом аспекте также следует отметить существующее отличие между обстоятельствами, исключаящими ответственность и исключаящими общественную опасность, поскольку ввиду многообразия общественных отношений указанные категории могут не совпадать. В некоторых обстоятельствах, устраняющих преступность, может присутствовать признак общественной опасности. Примером тому может быть ситуация, когда опасные последствия причинены лицом, не относящимся по законным критериям к субъектам преступления (малолетний, невменяемый). Здесь с одной стороны отсутствует «полный» состав преступления, а с другой, – существуют вредные последствия, совершение которых преследуется уголовным законом.

Для того, чтобы более подробно разобраться в этом вопросе, первоначально следует обратиться к анализу характеристик, которые свойственны и невиновному причинению, и обстоятельствам, исключаящим преступность.

Глава 8 УК РФ содержит 6 обстоятельств, исключаящих преступность деяния (ст. ст. 37-42 УК РФ). Лишь отметим, что в отечественной уголовно-правовой доктрине рядом автором предлагается расширить перечень указанных обстоятельств, что только актуализирует затронутую нами проблему их отграничения от смежных институтов [11] [16].

Общим для указанных обстоятельств, а также для невиновного причинения вреда является факт наступлений общественно опасных последствий, однако действия, поведение лиц,

способствовавших их наступлению, не подлежат уголовной ответственности. Вместе с тем сами условия, которые положены в основу исключения уголовной ответственности, во всех указанных обстоятельствах различны, что по сути вытекает из содержания ст. ст. 28, 37 – 42 УК РФ, поскольку каждое из них обладает определенной спецификой, которую важно учитывать при квалификации содеянного.

Для невинного причинения вреда и обстоятельств, исключающих преступность деяния, в качестве общего характерного признака также следует назвать существование соответствующих пределов, границ, которые не могут быть пересечены для того, чтобы исключить уголовную ответственность. Например, при невинном причинении требуется установления не только факта существования экстремальной ситуации, но также и психофизиологического несоответствия субъекта этой ситуации, что, по сути, и препятствует предотвращению причинения вреда. А в случае превышения пределов необходимой обороны или крайней необходимости возникают основания для привлечения лица к ответственности [10, с.70].

Кроме того, во всех рассматриваемых обстоятельствах, исключающих преступность, и случаях невинного причинения, не исключается вменяемость лица, непосредственно к ним причастного.

Соответственно можно с уверенностью говорить о том, что у них существуют схожие признаки, которые в практических случаях следует учитывать, выделяя отличительные критерии.

Одним из отличий невинного причинения вреда в соотношении с рассматриваемыми обстоятельствами, как отмечает О.В. Гаврилова, является наличие общественно полезной или общественно нейтральной оценки деятельности лица [5, с. 52]. Иными словами, совершение отдельных действий, результатом которых может стать причинение вреда, законом не запрещается и даже поощряется, как, например, в ситуации задержания преступника.

Наиболее ярким отличием невинного причинения вреда и обстоятельств, исключающих преступность, следует назвать специфику развития предусмотренных ст. ст. 37-42 УК РФ состояний, в которых лицо находилось, причиняя вред. При этом важно отметить, состояний необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица (ст. ст. 37-39 УК РФ) без причинения вреда априори быть не может.

К причинению вреда влечет также совершение лицом деяния под влиянием какого-либо

принуждения, психического или физического (ст. 40 УК РФ). Вред, согласно положениям УК РФ, также может причиняться и вследствие обоснованного риска (ст. 41), и исполнения приказа, и распоряжения (ст. 42). При этом очень важно, чтобы каждое из обстоятельств, исключающих преступность, было правомерным.

Например, у лица, причиняющего вред исполнением приказа, должна быть полная уверенность в том, что осуществляемые им действия являются правомерными.

Необходимая оборона в ст. 37 УК РФ определяет в качестве таковой меры защиту прав, которая причиняет вред их нарушителю, но не обязывает обороняющегося его возмещать, ввиду признания ее допустимой, правомерной. Необходимая оборона – субъективное право каждого гражданина. Он может либо использовать, либо не использовать его.

Как верно подчеркнуто Е.В. Герасимовой, «действия обороняющегося лица всегда вторичны, производны от совершаемого преступного посягательства, поскольку именно это посягательство провоцирует человека к обороне» [6, с. 25].

В.А. Андросов подчеркивает, что «причиненные последствия нападающему должны рассматриваться как вынужденный результат защиты от возможного причинения вреда» [1, с.112].

Другими словами, в отличие от невинного причинения, исключение уголовной ответственности за причинение вреда вследствие деяния, исключающего преступность, опосредовано именно теми обстоятельствами, которые поставлены законодателем «во главу угла» соответствующих правовых норм. При этом в рассматриваемых обстоятельствах лицо может предвидеть и осознавать факт возможного причинения вреда. Причинение вреда здесь вызвано не только действиями субъекта, осуществляющего, например, необходимую оборону или задержание преступника, но и действием другого лица, в отношении которого они совершаются. Соответственно, установление всех этих обстоятельств исключает применение ст. 28 УК РФ.

В том случае, если вред был причинен лицом вследствие оказания на него какого-либо принуждения, которому он не мог воспрепятствовать и вынужден следовать указаниям ввиду грозящей ему опасности, исключается невинное причинение. Важно, чтобы в этом случае человек не мог руководить своими действиями. Здесь несколько схожими являются положения ч. 2 ст. 28 и ч. 1 ст. 40 УК РФ в части того, что лицо не могло предотвратить

причинение вреда. В первом случае налицо несоответствие психофизиологическим характеристикам лица сложившейся экстремальной ситуации или перегрузкам, во втором случае лицо не может руководить своими действиями в силу непреодолимого принуждения.

Нельзя обойти вниманием такие ситуации причинения вреда, в которых переплетаются объективные и субъективные признаки различных по своей природе обстоятельств и деяний, признаваемых одновременно противоправными и правомерными, что может затруднять оценку фактических обстоятельств содеянного. Так, в последние годы на фоне противоречивой и даже разнонаправленной судебной практики в научной литературе исследователями – криминалистами [3], медиками [8, с. 37-44] [12, с. 642-663], специалистами в различных сферах безопасности [9, с. 81-86] активно обсуждается вопрос ответственности за вредные последствия, причиняемые при оказании неотложной медицинской помощи (главным образом, не специалистами в области медицины, то есть общим субъектом). В большинстве своем это случаи неудачного оказания неотложной медицинской помощи родственниками или знакомыми потерпевшего, когда налицо – критическая ситуация, не терпящая отлагательства. Иногда такой помощи предшествует конфликт с потерпевшим, нередко лицо, оказывающее помощь, в момент её оказания находилось в состоянии опьянения и не рассчитало свои усилия. В качестве последствия оказания неотложной медицинской помощи – причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или смерти, что и становится предметом правовой оценки. Такие факты встречаются и в связи с дорожно-транспортными происшествиями.

В судебной практике оказание неотложной помощи (в особенности не медиком), повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшему, преимущественно квалифицируется как неосторожное причинение (по ст. ст. 118 или 109 УК РФ) [15]. Редкие оправдательные приговоры, как правило, отменяются. Для них характерны материально-правовые противоречия, т.к. в отсутствие квалификационной логики они основываются одновременно на нормах разных правовых институтов: невиновного причинения и обстоятельств, исключающих преступность деяния. Наиболее показательным в этом отношении являются судебные решения по уголовному делу, рассмотренному судом в 2019 г. в отношении К.К.О., обвинявшейся органами предварительного следствия в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК

РФ [14]. Органами следствия К.К.О. вменено причинение смерти по неосторожности своей матери при следующих обстоятельствах. Обвиняемая ухаживала за пожилой матерью, которая по причине болезни и возраста не могла обслуживать себя самостоятельно. Во время гигиенических процедур мать поскользнулась, ударилась головой о ванну и потеряла сознание. Обвиняемая перетащила женщину в комнату и предприняла попытку реанимационных действий в виде непрямого массажа сердца, но так и не пришла себя. Причиной смерти потерпевшей стали множественные переломы ребер, «...ушиб с повреждениями верхней доли правого легкого...» [14].

Оправдательный приговор суд первой инстанции основывал на положениях статей 28, 41 УК РФ.

Саратовский областной суд, рассмотрев материалы того же дела в апелляционном порядке, отменил приговор и уголовное дело возвратил в тот же суд повторного рассмотрения, сославшись на его незаконность, которая усматривалась в нарушении норм материального права (необоснованное применение положений ст. ст. 28 и 41 УК РФ). По мнению вышестоящего суда, К.К.О. допустила преступную неосторожность.

При повторном рассмотрении уголовного дела тем же судом К.К.О. была осуждена по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Характерна мотивировка суда: «... суд исходит из того, что К.К.О., в силу нахождения в состоянии алкогольного опьянения действуя небрежно, не предвидя возможности наступления общественно-опасных последствий в виде причинения потерпевшей вреда здоровью и последующего наступления смерти последней, хотя при должной внимательности и предусмотрительности в сложившейся обстановке, должна была и могла предвидеть эти общественно опасные последствия, не имея достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывая на предотвращение возможности наступления последствий в виде смерти (ФИО), не выясняя, имеется ли у неё пульс и дыхание, то есть необходимость совершения действий, повлекших причинение телесных повреждений, явившихся причиной смерти потерпевшей, оказывая ей первую медицинскую помощь, кулаками ... неоднократно надавила на переднюю поверхность грудной клетки (ФИО), ... в результате чего причинила последней множественные телесные повреждения, ... повлекшие наступление её смерти на месте происшествия» [14].

Характерно, что ни апелляционный суд, ни суд первой инстанции в последнем приговоре в отличие суда, постановившего первый приговор,

не оценивали действия К.К.О. с позиций ст.ст. 28, 39 или 41 УК РФ, что не соответствует ряду положений УК и УПК РФ. Что же касается оправдательного приговора (впоследствии отмененного), то суд руководствовался совокупностью положений, указанных 28 и 41 УК РФ, и являющимися, по существу, взаимоисключающими. В целом же в материалах данного дела конкурировали нормы трех институтов: виновного (в данном случае – неосторожного) причинения, обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст.41 УК РФ), и невиновного причинения (ст.28 УК РФ).

Соображения полноты рассматриваемого вопроса требуют учета позиции ряда авторов, которые считают, что действия лиц, оказывающих неотложную помощь и последствия, причиненные при ее оказании, должны рассматриваться с позиций крайней необходимости. Отказ правоприменителей от практики рассмотрения причинения вреда при оказании неотложной помощи неспециалистами из-за возможного причинения вреда лишен оснований. Научные источники свидетельствуют о том, что в значительном числе случаев оказания неотложной первой помощи вред здоровью пострадавшим или больным причиняется и медицинскими работниками, что, по мнению исследователей, предполагает рассмотрение действий неспециалистов в аналогичной ситуации с позиций ст.39 УК РФ [3, с.125-128].

Таким образом, квалификация действий лиц, оказывающих первую медицинскую помощь, как частный случай межинституциональной проблемы, связана со значительной вариативностью результата правовой оценки действий причинителя тех или иных последствий.

В качестве вывода полагаем возможным акцентировать внимание на следующем.

Относительно невиновного причинения вреда главным является установление характерных его признаков и отсутствие признаков обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Общеправовые и отраслевые принципы предполагают следующий алгоритм квалификационных действий. Давая оценку действиям причинителя тех или иных последствий, приоритетное значение в разрешении вопроса об уголовной ответственности отводится обстоятельствам, исключающим преступность деяния. При отсутствии таковых разрешается вопрос о невиновном причинении вреда. Как видно, между этими уголовно-правовыми категориями имеются большое сходство и различия, что констатировать на практике, к сожалению, подчас трудно.

Лишь при отсутствии оснований для квалификации действий лица как совершенных при общественно полезных обстоятельствах либо как невиновно совершенных, его действия оцениваются с позиций форм и видов вины.

Литература

1. Андросов В.А. Необходимая оборона: проблемы применения и способы их решения // Меридиан. 2019. № 11 (29). С. 112.
2. Антонов А. Г., Вахмистрова С.И., Зорина Е.А. К вопросу о реализации принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности // Современный ученый. 2021. № 5. С. 258 – 263.
3. Берчанский К.А. Крайняя необходимость при причинении вреда в ходе оказания первой помощи // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 116 – 133.
4. Варушкин А.А. Теоретические и практические аспекты квалификации невиновного причинения вреда // Актуальные проблемы юридической науки и практики. VII Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента СПб юридической академии проф. С.Ф. Зыбина. 2020. С. 34.
5. Гаврилова О.В. К вопросу об отличиях невиновного причинения вреда от обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. 2019. С. 52.
6. Герасимова Е.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость: учебно-практическое пособие. Саратов: Вузовское образование, 2018. С. 25.
7. Динамика преступности в России [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart
8. Долинская Л.М. Правовое регулирование оказания первой помощи в случаях причинения вреда жизни и здоровью при перевозках пассажиров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. С. 37 – 44.
9. Зябиров И.М., Зябиров А.И., Наумов Д.А. Юридическая ответственность за неумышленное причинение вреда жизни и здоровью при оказании первой помощи // Сурский вестник. 2020. № 3 (11). С. 81 – 86.
10. Круглова Е.В., Иванина Е.Н. Проблема разграничения преступной неосторожности и невиновного причинения вреда (казуса) // Академическая публицистика. 2019. № 1. С. 70.

11. Логвинов И.Г., Ткаченко В.С. Расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяния: за и против // Основные тенденции развития Российского законодательства. 2012. № 7. С. 128 – 131.
12. Михно Н.В., Евстафьева Ю.В., Ходакова О.В. Идентификация рисков причинения вреда здоровью при оказании медицинской помощи на основании анализа обращений пациентов // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2022. № 3. С. 642 – 663.
13. Официальный портал МВД России: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/2/>
14. Приговор Марковского городского суда Саратовской области от 27.03.2019 г. по уголовному делу №1-28/2019 // Официальный сайт Марковского городского суда Саратовской области. URL: <http://markovsky.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022 г.)
15. Приговор Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия от 26.08.2019 г. по уголовному делу №1-61/2019 // Официальный сайт Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия. URL: <http://ordzhonikidzevsky.hak.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2022 г.)
16. Сушков О.Э. О некоторых вопросах совершенствования системы обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 453 – 460.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. (с изм. и доп. от 30.08.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
18. Подройкина И.А. и др. Уголовное право. Общая часть: в 2 т. Т. 1: учебник для вузов / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 211.
19. Фисенко В.В. Особенности российского законодательства о невиновном причинении вреда // Студенческий форум. 2020. № 36-2 (129). С. 64.
20. Цкаева М.А. Понятие и признаки невиновного причинения вреда // Роль инноваций в трансформации современной науки. 2019. С. 161.
21. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998. С. 122.

References

1. Androsov V.A. Neobhodimaja oborona: problemy primeneniya i sposoby ih resheniya. Meridian. 2019. № 11 (29). S. 112.
2. Antonov A. G., Vahmistrova S.I., Zorina E.A. K voprosu o realizacii principa spravedlivosti pri osvobozhdenii ot ugovnoj otvetstvennosti. Sovremennyy uchenyj. 2021. № 5. S. 258 – 263.
3. Berchanskij K.A. Krajnjaja neobhodimost' pri prichinenii vreda v hode okazaniya pervoj pomoshhi. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17. № 5 (138). S. 116 – 133.
4. Varushkin A.A. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty kvalifikacii nevinovnogo prichinenija vreda. Aktual'nye problemy juridicheskoy nauki i praktiki. VII Ezhegodnye nauchnye chtenija, posvjashhjonnye pamjati Pochetnogo prezidenta SPb juridicheskoy akademii prof. S.F. Zybina. 2020. S. 34.
5. GavriloVA O.V. K voprosu ob otlichijah nevinovnogo prichinenija vreda ot obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija. Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnja, zavtra. 2019. S. 52.
6. Gerasimova E.V. Obstojatel'stva, iskljuchajushhie prestupnost' dejanija: neobhodimaja oborona, prichinenie vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego prestuplenie, krajnjaja neobhodimost': uchebno-prakticheskoe posobie. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2018. S. 25.
7. Dinamika prestupnosti v Rossii [Jelektronnyj resurs]. Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury RF. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart
8. Dolinskaja L.M. Pravovoe regulirovanie okazaniya pervoj pomoshhi v sluchajah prichinenija vreda zhizni i zdorov'ju pri perevozkah passazhirov. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. № 8. S. 37 – 44.
9. Zjabirov I.M., Zjabirov A.I., Naumov D.A. Juridicheskaja otvetstvennost' za neumyshlennoe prichinenie vreda zhizni i zdorov'ju pri okazanii pervoj pomoshhi. Surskij vestnik. 2020. № 3 (11). S. 81 – 86.
10. Kruglova E.V., Ivanina E.N. Problema razgranichenija prestupnoj neostorozhnosti i nevinovnogo prichinenija vreda (kazusa). Akademicheskaja publicistika. 2019. № 1. S. 70.
11. Logvinov I.G., Tkachenko V.S. Rasshirenie kruga obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija: za i protiv. Osnovnye tendencii razvitija Rossijskogo zakonodatel'stva. 2012. № 7. S. 128 – 131.
12. Mihno N.V., Evstaf'eva Ju.V., Hodakova O.V. Identifikacija riskov prichinenija vreda zdorov'ju pri okazanii medicinskoj pomoshhi na osnovanii analiza obrashhenij pacientov. Sovremennye problemy zdavoohraneniya i medicinskoj statistiki. 2022. № 3. S. 642 – 663.
13. Oficial'nyj portal MVD Rossii: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/2/>

14. Prigovor Marksovskogo gorodskogo suda Saratovskoj oblasti ot 27.03.2019 g. po ugovnomu delu №1-28/2019. Oficial'nyj sajt Marksovskogo gorodskogo suda Saratovskoj oblasti. URL: <http://markovsky.sar.sudrf.ru/> (data obrashhenija: 01.11.2022 g.)
15. Prigovor Ordzhonikidzevskogo rajonnogo suda Respubliki Hakasija ot 26.08.2019 g. po ugovnomu delu №1-61/2019. Oficial'nyj sajt Ordzhonikidzevskogo rajonnogo suda Respubliki Hakasija. URL: <http://ordzhonikidzevsky.hak.sudrf.ru/> (data obrashhenija: 01.11.2022 g.)
16. Sushkov O. Je. O nekotoryh voprosah sovershenstvovanija sistemy obstojatel'stv, isključajushchih prestupnost' dejanija. Voprosy rossijskoj justicii. 2020. № 6. S. 453 – 460.
17. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. (s izm. i dop. ot 30.08.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
18. Podrojkina I.A. i dr. Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast': v 2 t. T. 1: uchebnik dlja vuzov. Otv. red. I.A. Podrojkina, E.V. Seregina, S.I. Ulez'ko. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Jurajt, 2020. S. 211.
19. Fisenko V.V. Osobennosti rossijskogo zakonodatel'stva o nevinovnom prichinenii vreda. Studencheskij forum. 2020. № 36-2 (129). S. 64.
20. Ckaeva M.A. Ponjatje i priznaki nevinovnog prichinenija vreda. Rol' innovacij v transformacii sovremennoj nauki. 2019. S. 161.
21. Jakushin V.A. Subektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugovnom prave. Tol'jatti: TolPI, 1998. S. 122.

*Agaev G.A., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Safonov V.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Russian State University of Justice, North-West Branch,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Zorin A.R.,
Russian State University of Justice*

CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF INNOCENT INFLICTION OF HARM AND CIRCUMSTANCES PRECLUDING CRIMINALITY OF THE ACT

Abstract: a comparative analysis of two criminal law institutions: innocent harm and circumstances that exclude the crime of an act is made in the article. The analysis is built according to the classical scheme of comparing objective and subjective signs of human behavioral acts. The authors revealed the similarities and differences between the criminal law institutions under consideration, which is a certain difficulty for stating in practical activity. As a result, the authors conclude that these institutions differ in a combination of objective and subjective features, but in some cases they "intersect," revealing doctrinal, legislative and law enforcement problems of the legal regulation of the related sphere. The practical significance of the study is that the article updates the need to clarify the algorithm of qualification actions when assessing the causer of certain socially dangerous consequences and resolving the issue of bringing him to criminal responsibility. The work offers options for solving the identified problem.

Keywords: an act; extreme necessity, innocent infliction, circumstances precluding the criminality of the act, crime, conditions for the legality of causing harm

For citation: Agaev G.A., Safonov V.N., Zorin A.R. Criminal-legal assessment of innocent infliction of harm and circumstances precluding criminality of the act. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 225 – 231.

*Зорина Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
Антонов А.Г., доктор юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Вахмистрова С.И., кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России*

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО АНАЛОГИИ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: целью настоящего исследования является критическое осмысление современного состояния правового регулирования института освобождения от наказания в связи с изменением категории преступления. Основные задачи определены настоящей целью и включают анализ проблемы недостаточности правовой регламентации оснований освобождения от наказания и возникшей в связи с этим противоречивой правоприменительной практики. Анализ показывает, что одним из таких путей становится применение уголовного закона по аналогии, что имеет как свои позитивные, так и негативные стороны. Практическая значимость исследования состоит в том, что в статье актуализируется необходимость дальнейшей разработки соответствующих норм уголовного законодательства с достаточным уровнем логической и догматической определенности. На основании проведенного исследования делается вывод о несовпадении воли законодателя с правоприменительной практикой.

Ключевые слова: аналогия закона, освобождение от уголовной ответственности, категория преступления, дискреционные полномочия суда, освобождение от наказания, изменение категории преступления судом

Для цитирования: Зорина Е.А., Антонов А.Г., Вахмистрова С.И. К вопросу о применении норм об освобождении от уголовной ответственности по аналогии в связи с изменением категории преступления // Современный ученый. 2023. № 1. С. 232 – 237.

В 2011 году в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения, установившие новый правовой институт «изменение категории преступления судом» [6, с. 22]. Так, ч. 6 ст. 15 УК РФ предусматривает возможность изменения категории преступления на менее тяжкую, если имеют место смягчающие и отсутствуют отягчающие наказание обстоятельства и наказание назначается в диапазоне предыдущей (менее тяжкой) категории преступления. В такой ситуации, строго следуя букве закона, суд не имеет права освободить виновное лицо от уголовной ответственности, но может освободить от наказания. Тем самым нормы главы 11 УК РФ применены быть не могут, так как понижение категории преступления возможно только при уже назначенном наказании. Освободить от ответственности согласно УК РФ можно исключительно до такого назначения. Однако положение дел в судебной практике сложилось иное.

В научной литературе широко обсуждается противоречивость слишком широкого толкования судами случаев применения ч.6 ст.15 УК РФ.

Кстати, будет нелишним отметить, что с самого момента включения этой новеллы в уголовное законодательство обозначилась тенденция крити-

ческого отношения юридического сообщества к такому расширению дискреционных полномочий суда. Связано это было с тем, что законодатель, вводя для судов право изменять категорию преступления, не обеспечил четкого, строго регламентированного механизма применения ими данного права. К примеру, М.Ф. Мингалимова подчеркивает, что данное нововведение, при всей его гуманистической направленности заставляет сомневаться в степени корректности его применения [10, с. 51]. В. Малков прямо указывает, что рассматриваемые нами положения уже сами по себе направлены на «склонение» судей к выходу за пределы их полномочий. [9, с. 37]. Кроме того, ряд исследователей обращает внимание на отсутствие гармонизации данного положения с другими нормами действующего уголовного законодательства. М.А. Горбатова и Г.С. Русман отмечают, что применение вышеназванной нормы приносит значительные положительные, прежде всего, преимущества для преступника, в частности, связанные и с такими институтами как условное осуждение, вид рецидива, определение вида исправительного учреждения и др. Обеспокоенность этих авторов вызывает неопределённость, допущенная законодателем при формулировании ч. 6 ст. 15 УК

РФ. Так, при принятии решения в части применения указанной нормы суд должен взять в расчет степень общественной опасности и фактические обстоятельства преступления, однако законодательно не зафиксировано, что конкретно подразумевается под «фактическими обстоятельствами» [2, 4]. В свою очередь Ю.Е. Пудовочкин, отмечая неопределенность понятия «фактические обстоятельства», указывает на отсутствие возможности их разграничения от степени опасности (указанные категории являются двумя независимыми критериями для того, чтобы дать оценку преступному деянию), поскольку именно на базе фактических обстоятельств становится возможным выявить степень общественной опасности совершенного преступления [17, с. 7]. Подтверждением этому

служит и формулировка п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 №10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Правоприменитель ч.6 ст.15 УК РФ использует достаточно активно. А.В. Горбань и О.В. Береза обращают внимание, что в 2017-2019 гг. число лиц, в отношении которых изменена в сторону снижения категория совершенного ими преступления с тяжкого на средней тяжести каждый год увеличивалось (прирост на 50-96%). Вместе с тем, на 5-8% в этот же период снизилось количество судимых за тяжкие преступления [1]. Данная тенденция сохранялась и в последующие годы [20], как видно из табл. 1 и 2.

Таблица 1

Количество осужденных, которым судом изменена категория тяжести преступлений, чел.

Год	Всего осуждено лиц	Осужденным изменена судом категория тяжести преступлений
2018	658 291	3 217
2019	598 214	4 334
2020	530 998	4 858
2021	565 317	6 522
В первые шесть месяцев 2022	274 687	3 743

Таблица 2

Количество осужденных за совершение тяжких преступлений

Год	Кол-во осужденных
2018	135 616
2019	129 548
2020	115 670

Наибольшее количество изменения категории тяжести преступления судами применено в

отношении лиц, совершивших преступления против собственности, как следует из табл. 3.

Таблица 3

Количество осужденных за преступления против собственности, которым изменена категория тяжести преступления

Год	Ч. 3 ст. 158 УК РФ	Ч. 4 ст. 158 УК РФ	Ч. 3 ст. 159 УК РФ	Ч. 4 ст. 159 УК РФ
2018	640	16	96	30
2019	1 472	14	136	38
2020	1 783	5	93	28
2021	4 225	12	118	23

Вызывает обеспокоенность целесообразность такого существенного расширения судейского усмотрения, а также серьезные проблемы реализации данной нормы на практике, причем как материального, так и процессуального характера. Указывая на практические сложности правоприменения, Н.Г. Иванов также видит глубинные, смысловые девиации, порождаемые изменением категории преступления. В частности, он указывает, что это разрушает ключевой

базис, сущность категоризации преступлений, а также заставляет сомневаться в справедливости законодателя, который подобными положениями законодательства отдает право в руки судьи, отдавая предпочтение «судейскому творению» [6].

В связи с изложенным, вызывает активный интерес широкая научная дискуссия по поводу возможности применения норм об освобождении от уголовной ответственности при изменении категории преступления судом. Стартом для

данной дискуссии стало вышеупомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 №10, в котором высшая судебная инстанция, опираясь на принципы справедливости и гуманизма, прямо указывает на возможность применения ст. 75, 76 и 78 УК РФ в случаях изменения категории преступления на менее тяжкую. Так, в п.1 и п.10 указанного постановления разъясняется право судов «при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78 ... УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания». Именно эти пункты разъяснений стали центром внимания и полемики юристов.

По сути, Пленум Верховного Суда РФ пошел в обход законодателя, сформулировав тем самым новые, не предусмотренные действующим уголовным законодательством виды освобождения от наказания, что неприемлемо, и на что ученые неоднократно обращали внимание [3, 19]. Прямое же указание на использование статей уголовного закона, предусматривающих основания для освобождения от уголовной ответственности, породило ряд вопросов, связанных с фактическим применением аналогии закона, что запрещено ч.2 ст. 3 УК РФ.

Подчеркнем, что современное российское уголовное законодательство устанавливает запрет на применение закона по аналогии (ст. 3 УК РФ), что обеспечивает, по мнению законодателя, реализацию принципа законности. В этой связи анализ применения отдельных норм главы 11 УК РФ в связи с изменением судами категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ), безусловно, представляет интерес.

Институт аналогии уголовного закона давно известен российскому уголовному праву. Так, например, под ним понимают прием заполнения пробелов при помощи закона в случаях, прямо непредусмотренных, но похожих на те, что определены законом [7, с. 252]. Т.Р. Сабитов указывает, что аналогия закона подразумевает применение к неурегулированному конкретной нормой права общественному отношению нормы, регламентирующей сходные по своему характеру отношения [18, с. 137]. Следовательно, аналогия закона может подразумевать не только применение действующих норм уголовного права к сходным общественно опасным деяниям, не включенным в Уголовный кодекс, но и к иным уголовно-правовым отношениям, в том числе применению мер уголовно-правового поощрения.

До 1958 года аналогия закона предусматривалась действующим уголовным законодательством. Например, ст. 16 УК РСФСР 1926 года прямо закрепляла возможность

применения аналогии закона [13]. В дореволюционной России также практика применения судами аналогии закона, в том числе уголовного, применялась широко. Направлено это было, прежде всего, на восполнение пробелов уголовного права. Однако, такой способ восполнения пробелов права вызывал неоднозначную оценку среди юристов. Например, известный русский юрист Н.С. Таганцев считал аналогией закона мерой избыточной, так как такой способ абсолютизирует полномочия судьи и вносит дестабилизацию в законодательную и правоприменительную практику [21, с. 97-98]. В то же время выдающийся русский юрист А.Ф. Кони считал применение такого способа преодоления пробелов в праве допустимым [23].

В настоящее время взгляды на возможность применения аналогии закона в уголовно-правовых отношениях также не являются едиными. Так, С.А. Иванов указывает, что тотальное исключение аналогии уголовного закона негативным образом отразится на результативности действия самого уголовного закона, кроме того, это в принципе не представляется возможным [5]. Вместе с тем, автор указывает на недопустимость применения данного способа при освобождении от уголовной ответственности и наказания. Аналогию закона полагают допустимым и иные исследователи, считая такую меру вынужденной необходимостью [11].

По мнению ряда авторов, такую же позицию, занимает и Пленум Верховного Суда РФ. Так, Н.Е. Крылова и О.В. Костылева не только прямо указывают, что имеет место аналогия закона, что прямо запрещено статьей 3 УК РФ, но и обращают внимание на процессуальные затруднения, возникающие при применении ст. 75 и 76 УК РФ в случае изменения категории преступления, так как нет соответствующей нормы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, регламентирующей процессуальное оформление данного решения [8, с. 111].

Тем не менее, суды стали достаточно широко применять возможность освобождения от наказания, опираясь на нормы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 76 УК РФ) и примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) при снижении категории преступления. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ освобождены от наказания и отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием при условии применения ч. 6 ст. 15 УК РФ: в 2018 году – 73 человека, в 2019 году 130 человек, в 2020 году – 173 человека, в 2021 – 388 человек; в связи с примирением с потерпевшим при условии

применения ч. 6 ст. 15 УК РФ: в 2018 году – 294 человека, в 2019 – 824, в 2020 – 1199, в 2021 – 3160 человек [20].

Приведем типичный пример из судебной практики. 1 июля 2019 г. Ш.С.Ю. осуждён судом по п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ, признан виновным в краже с банковского счёта потерпевшей 4000 рублей. Уголовное дело рассмотрено в особом порядке судопроизводства. Суд учёл обстоятельства дела и в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления с тяжкой на категорию средней тяжести, на основании ст. 76 УК РФ освободил Ш.С.Ю. от отбывания наказания в связи с достигнутым примирением с потерпевшей и указал в приговоре, что в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ Ш.С.Ю. не имеет судимости [12].

Вызывает интерес и решение, принятое судом в Республике Карелия в 2019 году в отношении Б.А.Г., признанной виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Ей было назначено наказание в виде лишения свободы сроком 1 год. Изменив категорию преступления с тяжкой на категорию средней тяжести, суд постановил прекратить уголовное дело в связи с примирением с потерпевшей, в соответствии со ст. 25 УПК РФ, не указав, что Б.А.Г. освобождается от назначенного наказания [16].

Кроме того, имеются в судебной практике и случаи освобождения от наказания при понижении категории преступления по основанию, не указанному не только в уголовном законе, но и в п. 10 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ – с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) [14, 15]. По мнению ряда авторов, такое решение суда недопустимо не только по причине

отсутствия данного основания в разъяснениях высшей судебной инстанции, но и по соображениям реализации принципов законности и справедливости.

А.А. Толкаченко прямо указывает на недопустимость двойной наказуемости и освобождения от ответственности, а также назначения судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) приговором [22]. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в ст. 76.2 УК РФ носит условный характер, в связи с чем возникает закономерный вопрос о том, что делать с «новой» категорией преступления в случае невыплаты штрафа виновным и, соответственно, возврата судом к рассмотрению уголовного дела в общем порядке [19, с. 61], поскольку подобная ситуация в законе не регламентирована. Вместе с тем, судебная практика демонстрирует достаточно большой диапазон расширения судейского усмотрения. При этом самими судами произвольно применяются нормы материального и процессуального права, допуская не только расширительное толкование, но зачастую и применение уголовного закона по аналогии.

Таким образом, несмотря на наличие прямого запрета применения уголовного закона по аналогии, в настоящее время сложилась достаточно противоречивая ситуация. Разъяснениями высшей судебной инстанции, по сути, не только разрешается, а прямо предписывается применение уголовного закона по аналогии путем недостаточно обоснованного расширения дискреционных полномочий органов правосудия. В этой связи представляется целесообразным внести в уголовный закон дополнительные самостоятельные основания освобождения от наказания.

Литература

1. Горбань А.В., Береза О.А. Освобождение от уголовной ответственности как следствие изменения категории преступления // Уголовное право. 2021. № 6 (130). С. 11 – 18.
2. Горбатова М.А., Русман Г.С. Изменение категории преступления: проблемы правоприменения и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5. С. 43 – 45.
3. Звечаровский И.Э. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об изменении категории преступления // Законность. 2018. № 8. С. 52 – 53.
4. Зорина Е.А., Агаев Г.А., Сафонов В.Н. Принцип равенства граждан перед законом в контексте реализации положений правовых норм, предусмотренных статьями 76.1 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 95 – 102.
5. Иванов С.А. Аналогия уголовного закона как способ преодоления его коррупциогенных факторов // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 176 – 181.
6. Иванов Н.Г. Изменение категории преступления // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 22 – 27.
7. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М.: Юрлитинформ, 2007. 304 с.

8. Крылова Н.Е., Костылева О.В. Изменение категории преступления на менее тяжкую: критический анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Закон. 2018. № 10. С. 105 – 113.
9. Малков В.П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. 2013. № 11 (949). С. 36 – 39.
10. Мингалимова М.Ф. Неясность в практическом применении новых положений общей части УК // Законность. 2013. № 3 (941). С. 51 – 52.
11. Морозов М.В. Применение уголовного закона по аналогии // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 34 – 40.
12. Обзор судебной практики по применению уголовного закона об исчислении, снятии и погашении судимости (утв. президиумом Забайкальского краевого суда 21 мая 2020 г.). URL: http://oblsud.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=136 (дата обращения: 27.08.2022)
13. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // "СУ РСФСР". 1926. № 80. Ст. 600.
14. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 8 июня 2020 г. по делу № 1-197/2020 <https://komsomolsky--sam.sudrf.ru> (дата обращения: 29.05.2022)
15. Приговор Кронштадтского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-166/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/КухНmfа35rmJ/> (дата обращения: 29.05.2022)
16. Приговор Суоярвского районного суда Республики Карелия от 20 февраля 2019 года по делу № 1-12/2019. URL: <https://suoyarvsky--kar.sudrf.ru> (дата обращения: 29.05.2022)
17. Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2 (73). С. 3 – 10.
18. Сабитов Т.Р. Применение уголовного закона по аналогии: история и современность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2006. Т. 2. № 1. С. 137 – 145.
19. Скрипченко Н.Ю. Вопросы изменения категории преступлений в постановлении Пленума Верховного суда // Уголовное право. 2018. № 5. С. 60 – 63.
20. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.08.2022).
21. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
22. Толкаченко А.А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 18 – 27.
23. Тюнин В.И., Радошнова Н.В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 83 – 86.

References

1. Gorban' A.V., Bereza O.A. Osvozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti kak posledstvie izmenenija kategorii prestuplenija. Ugolovnoe pravo. 2021. № 6 (130). S. 11 – 18.
2. Gorbatova M.A., Rusman G.S. Izmenenie kategorii prestuplenija: problemy pravoprimerenija i obratnaja sila ugolovnogogo zakona. Ugolovnoe pravo. 2012. № 5. S. 43 – 45.
3. Zvecharovskij I.Ie. Raz#jasnenija Plenuma Verhovnogo Suda RF ob izmenenii kategorii prestuplenija. Zakonnost'. 2018. № 8. S. 52 – 53.
4. Zorina E.A., Agaev G.A., Safonov V.N. Princip ravenstva grazhdan pered zakonom v kontekste realizacii polozhenij pravovyh norm, predusmotrennyh stat'jami 76.1 i 76.2 Ugolovnogogo kodeksa Rossijskoj Federacii. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2022. № 1. S. 95 – 102.
5. Ivanov S.A. Analogija ugolovnogogo zakona kak sposob preodolenija ego korrupciogennoj faktorov. Nauka. Innovacii. Tehnologii. 2013. № 1. S. 176 – 181.
6. Ivanov N.G. Izmenenie kategorii prestuplenija. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2018. № 2. S. 22 – 27.
7. Kaufman M.A. Probely v ugolovnom prave: ponjatje, prichiny, sposoby preodolenija. M.: Jurlitinform, 2007. 304 s.
8. Krylova N.E., Kostyleva O.V. Izmenenie kategorii prestuplenija na menee tjazhkuju: kriticheskiy analiz pravovyh pozicij Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. Zakon. 2018. № 10. S. 105 – 113.
9. Malkov V.P. Pravo suda na izmenenie kategorii prestuplenija. Zakonnost'. 2013. № 11 (949). S. 36 – 39.
10. Mingalimova M.F. Nejasnost' v prakticheskom primenenii novyh polozhenij obshhej chasti UK. Zakonnost'. 2013. № 3 (941). S. 51 – 52.
11. Morozov M.V. Primenenie ugolovnogogo zakona po analogii. Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2020. № 3 (80). S. 34 – 40.

12. Obzor sudebnoj praktiki po primeneniju ugovolnogo zakona ob ischislenii, snjatii i pogashenii sudimosti (utv. prezidiumom Zabajkal'skogo kraevogo suda 21 maja 2020 g.). URL: http://oblsud.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=136 (data obrashhenija: 27.08.2022)
13. Postanovlenie VCIK ot 22.11.1926 "O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda" (vmeste s "Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R."). "SU RSFSR". 1926. № 80. St. 600.
14. Prigovor Komsomol'skogo rajonnogo suda g. Tol'jatti Samarskoj oblasti ot 8 ijunja 2020 g. po delu № 1-197/2020 <https://komsomolsky--sam.sudrf.ru> (data obrashhenija: 29.05.2022)
15. Prigovor Kronshtadtskogo rajonnogo suda g. Sankt-Peterburga ot 25 fevralja 2020 g. po delu № 1-166/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KyxHmfa35rmJ/> (data obrashhenija: 29.05.2022)
16. Prigovor Suojarvskogo rajonnogo suda Respubliki Karelija ot 20 fevralja 2019 goda po delu № 1-12/2019. URL: <https://suoyarvsky--kar.sudrf.ru> (data obrashhenija: 29.05.2022)
17. Pudovochkin Ju.E., Genrih N.V. Izmenenie kategorii prestuplenija sudom: teoretiko-prikladnoj analiz. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 2 (73). S. 3 – 10.
18. Sabitov T.R. Primenenie ugovolnogo zakona po analogii: istorija i sovremennost'. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2006. T. 2. № 1. S. 137 – 145.
19. Skripchenko N.Ju. Voprosy izmenenija kategorii prestuplenij v postanovlenii Plenuma Verhovnogo suda. Ugolovnoe pravo. 2018. № 5. S. 60 – 63.
20. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashhenija: 28.08.2022).
21. Tagancev N.S. Russkoe ugovolnoe pravo: Lekcii. Chast' obshhaja: v 2 t. M., 1994. T. 1. 380 s.
22. Tolkachenko A.A. Sovremennye osobennosti realizacii norm ob osvobozhdenii ot ugovolnoj otvetstvennosti i nakazaniya. Sud'ja. 2020. № 8. S. 18 – 27.
23. Tjunin V.I., Radoshnova N.V. Analogija ugovolnogo zakona kak instrument kriminalizacii dejanij. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 2 (58). S. 83 – 86.

*Zorina E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Antonov A.G., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Vakhmistrova S.I., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia*

**ON THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE NORMS ON
EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY BY ANALOGY IN CONNECTION
WITH THE CHANGE IN THE CATEGORY OF CRIME**

Abstract: the purpose of this study is to critically comprehend the current state of legal regulation of the institution of release from punishment in connection with the change in the category of crime. The main tasks are defined by this goal and include an analysis of the problem of insufficient legal regulation of the grounds for exemption from punishment and the contradictory law enforcement practice that has arisen in this regard. The analysis shows that one of these ways is the application of criminal law by analogy, which has both its positive and negative sides. The practical significance of the research lies in the fact that the article actualizes the need for further development of the relevant norms of criminal legislation with a sufficient level of logical and dogmatic certainty. Based on the conducted research, a conclusion is made about the discrepancy between the will of the legislator and law enforcement practice.

Keywords: analogy of the law, exemption from criminal liability, category of crime, discretionary powers of the court, exemption from punishment, changing the category of crime by the court

For citation: Zorina E.A., Antonov A.G., Vakhmistrova S.I. On the question of the application of the norms on exemption from criminal liability by analogy in connection with the change in the category of crime. Modern Scientist. 2023. 1. P. 232 – 237.

*Абоян А.А.,
Гордеев К.В.,
Парин Д.В.,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет*

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты освобождения собственников транспортных средств от административной ответственности, которые состоят в трудовых отношениях с водителем, управлявшим транспортным средством в момент совершения административного правонарушения. Проанализировав судебную практику применения части 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, авторами сделан вывод о неверном толковании норм материального права, а также позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Проблемы толкования, по мнению авторов, вызваны в разном правовом режиме тяжеловесных (крупногабаритных) и легковых транспортных средств, которые устанавливаются Требованиями к организации дорожного движения по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспорта, а также Правилами дорожного движения. Это вызывает необходимость разграничения некоторых составов административных правонарушений, субъектами которых являются собственник (владелец) транспортного средства и непосредственно участник дорожного движения. В завершение своего исследования авторы делают вывод о возможности освобождения собственников транспортных средств – работодателей от административной ответственности, в случае нарушений Правил дорожного движения, то есть в случаях, когда соответствующие требования возлагаются на водителя, а не на собственника транспортного средства.

Ключевые слова: освобождение от административной ответственности, транспортные средства, собственник (владелец), водитель, трудовые отношения, судебная практика

Для цитирования: Абоян А.А., Гордеев К.В., Парин Д.В. К вопросу о некоторых аспектах освобождения собственников транспортных средств от административной ответственности // Современный ученый. 2023. № 1. С. 238 – 243.

Одной из приоритетных задач правовой политики государства в транспортной сфере является обеспечение безопасного движения транспортных средств по автомобильным дорогам. В связи с чем, на государство, как публично-правовое образование, возложена обязанность установить такое правовое регулирование дорожного движения, при котором бы обеспечивались как законные интересы граждан, в частности безопасность их жизни и здоровья, так и публичные интересы общества и государства. В соответствии с законодательством, целями такого регулирования в целом является предупреждение возникновения дорожно-транспортных происшествий, а также снижение тяжести их последствий [2]. В настоящее время эффективным средством обеспечения безопасности движения транспорта по автомобильным дорогам являются специальные технические средства, которые имеют функции фотосъёмки и видеозаписи, и в автоматическом режиме фиксирующие административные правонарушения. Благодаря использованию таких средств государство обладает возможностью охватить для контроля движения большее количество дорожного полот-

на, чем, если бы такой контроль осуществлялся сотрудниками дорожно-постовой службы, так как человеческий ресурс является весьма ограниченным.

Механизм фиксации нарушений правил дорожного движения в автоматическом режиме предполагает опознавание транспортного средства по государственному регистрационному знаку, так как невозможно установить личность водителя, который нарушает установленные правила движения. Именно поэтому федеральный законодатель установил особый порядок привлечения к административной ответственности лиц, допустивших нарушение правил дорожного движения, зафиксированное с помощью специальных средств фиксации. Так, в соответствии с положениями статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) к административной ответственности за правонарушение привлекается собственник или владелец транспортного средства.

Административная ответственность является распространённым средством государственного принуждения. При этом как любая юридическая

ответственность, административная ответственность ограничивает права граждан, а поэтому должна отвечать принципам справедливости и соразмерности, а также характеру совершённого деяния [7]. Одной из гарантий прав граждан, привлекаемых к административной ответственности, является презумпция невиновности. Важно, что федеральный законодатель фактически установил исключение из презумпции невиновности при введении такого порядка привлечения к административно ответственности. В таком случае к ответственности привлекаются собственники транспортных средств, а должностные лица не обязаны доказывать вину таких лиц при привлечении их к административной ответственности.

В условиях подобного ослабленного, с точки зрения предоставляемых гарантий лицам, привлекаемых к административной ответственности, нормативного правового регулирования законодатель обязан был предусмотреть механизм, уравнивающий публичные и частные интересы. Таким механизмом является освобождение от административной ответственности собственников транспортных средств, которое возможно в случае, если в ходе административного производства будут подтверждены следующие факты: либо, что транспортное средство было передано собственником во владение или в пользование другого лица, либо оно было из его обладания в результате противоправных действий третьих лиц.

Однако такая гарантия не носит абсолютного характера и не распространяется на некоторые категории собственников транспортных средств. Как указывает в своей позиции Конституционный Суд Российской Федерации [5], а также в своих разъяснениях Верховный Суд Российской Федерации [9], положения об освобождении собственников транспортных средств от административной ответственности (часть 2, статья 2.6.1 КоАП РФ) не распространяются на собственников определённых типов транспортных средств, а именно на собственников тяжеловесного или крупногабаритного транспорта. В данном случае собственник таких транспортных средств должен выступать работодателем, то есть он передаёт транспорт во владение (пользование) своему работнику, с которым находится в трудовых отношениях. При этом движение такого транспортного средства должно нарушать требования, предъявляемые к нему по дорогам общего пользования, ответственность за нарушение которых предусмотрена в статье 12.21.1 КоАП РФ (части 1-6).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации «автомобильные дороги общего пользования, будучи основными транспортными артериями страны, предназначены

для перевозки грузов по всей территории России и за её пределы, что предполагает ответственность государства как публичного субъекта и как собственника, на котором лежит бремя содержания данного имущества, за состояние дорог» [6]. В соответствии с законодательством сохранность автомобильных дорог обеспечивается целым комплексом различных мероприятий, которые направлены на соблюдение установленных требований как владельцами, так и пользователями автомобильных дорог [1].

Для обеспечения сохранности дорожного полотна федеральный законодатель ввёл специальный режим для тяжеловесных (крупногабаритных) транспортных средств. Данный режим предполагает особые требования к массе, нагрузке на ось, а также к маршруту таких транспортных средств. При этом ответственность за обеспечение соблюдения указанных требований возложена на собственника. Это положение находит своё развитие в вышеупомянутых Требованиях к организации дорожного движения по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспорта, в которых отмечается, что именно собственник обязан обеспечить соответствие технического состояния транспорта требованиям безопасности движения по автомобильным дорогам [4]. Иные лица, которые управляют транспортными средствами, в том числе лица, выполняющие трудовые функции по договору, заключённому между ними и собственником транспортного средства, не имеют какой-либо объективной возможности по соблюдению установленных требований в области эксплуатации тяжеловесных и крупногабаритных транспортных средств. Именно по этой причине освобождение собственника таких транспортных средств от ответственности по части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ не представляется возможным, иное бы нарушало принцип справедливости, так как допускало бы привлекать к ответственности лицо (водителя), на которое не возложены соответствующие обязанности.

При этом анализ правоприменительной практики показывает, что судебные органы сталкиваются с трудностями при применении части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ в истолковании, данным как Конституционным Судом России, так и Верховным Судом России. Так, суды исходят из того, что приведённое высшими судебными органами Российской Федерации исключение из правила, распространяется на все ситуации, когда собственник транспортного средства состоит в трудовых отношениях с работником. В судебной практике существует множество примеров, когда суды отказываются освобождать работодателей от административной ответственности в случае нарушения

правил дорожного движения работником на транспортном средстве, находящимся в собственности работодателя [21].

Представляется, что указанная проблема вызвана двумя основополагающими факторами. Во-первых, судебные органы не видят разницы между Требованиями к организации движения по автомобильным дорогам тяжеловесного, крупногабаритного транспортного средства (далее – Требования) и Правилами дорожного движения (далее – Правила) [3]. При этом Требования устанавливают обязанности для собственников транспортных средств, а Правила распространяют своё действие на лиц, непосредственно принимающих участие в движении по автомобильным дорогам в качестве водителя.

Во-вторых, такой механизм нормативного правового регулирования в контексте рассматриваемой проблемы необоснованного привлечения собственников транспортных средств, выступающих работодателями, вызывает необходимость разграничения составов административных правонарушений на несколько категорий, а именно на составы, устанавливающие ответственность за невыполнение обязанности, возложенной на собственника транспортных средств (например, статья 12.21.1 КоАП РФ), а также на составы, устанавливающие ответственность за невыполнение обязанности, возложенной на участника дорожного движения, то есть лицо непосредственно управляющим данным транспортным средством (например, статья 12.9 КоАП РФ).

Вышеприведённая судебная практика фактически ставит под сомнение существование основополагающего принципа привлечения к административной ответственности при наличии вины и сводит на нет гарантии прав и свобод лиц, привлечённых к ответственности за правонарушения, совершение которого было зафиксировано специальными техническими средствами. Законоположения, установленные в части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ, предусматривающие по своему смыслу возможность освобождения от ответственности соб-

ственников транспортных средств при отсутствии их вины в совершении правонарушения, применяются вразрез с их назначением и выходят за рамки той интенции законодателя, которая была заложена при принятии этой нормы. Как отмечает С.Д. Князев: «судебная практика в таком случае, идёт по пути, при котором собственникам ставится в вину не то, что он не предпринял мер, направленных на соблюдение правил управления, а то, что им не было проявлено должной осмотрительности при допуске того или иного физического лица к управлению своим автомобилем» [8].

Объективно стоит отметить, что своего рода стабилизатором довольно противоречивых решений судебных инстанций, выступает Верховный Суд, который будучи вышестоящей инстанцией неоднократно указывал на то, что нижестоящие суды неверно толкуют и применяют норму, содержащуюся в части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ. По этой причине Верховный Суд освобождал собственников от административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, так как оно было совершено его работником [10]. Однако подобная продуктивность защиты прав собственников транспортных средств, выступающих работодателями, со стороны высшей судебной инстанции ни коим образом не может в полной мере разрешить проблему тотального непонимания правильности применения положения статьи 2.6.1 КоАП РФ нижестоящими судами.

В завершение настоящего исследования отметим, что для правильного применения нормы части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ необходимо понимать отличия правовых режимов разных транспортных средств. Именно поэтому освобождение собственников транспортных средств от административной ответственности, состоящих в трудовых отношениях с лицом, в пользовании которого на момент совершения правонарушения находилось транспортное средство, возможно в случаях, когда соответствующие требования возлагаются на водителя, а не на собственника транспортного средства.

Литература

1. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5553.
2. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.
3. О Правилах дорожного движения: Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Требований к организации движения по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства: Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 343 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2019 г. № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 4. Ст. 360.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2016 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 24. Ст. 3602.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. №877-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.Д. Князева по делу общества с ограниченной ответственностью «Коммерческий банк «Транспортный» (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1286-О) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.
10. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2021 г. № 51-АД21-7-К8 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 3 мая 2018 г. № 46-АД18-4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 10-АД17-4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2017 г. № 57-АД17-11 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2016 г. № 48-АД16-7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 41-АД15-19 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2015 г. № 9-АД15-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21 августа 2014 г. № 45-АД14-12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 19 августа 2014 г. № 19-АД14-10 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2021 г. по делу № 16-5268/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2021 г. по делу № 16-4183/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Московского городского суда от 17 декабря 2018 г. № 4ф-7919/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Решение Индустриального районного суда города Барнаула Алтайского края от 29 ноября 2019 г. № 12-404/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
23. Решение Нижнесергинского районного суда Свердловской области от 12 апреля 2022 г. по делу № 12-36/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Ob avtomobil'nyh dorogah i o dorozhnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 8 nojabrja 2007 g. № 257-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007. № 46. St. 5553.
2. O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija: feder. zakon ot 10 dekabrja 1995 g. № 196-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 50. St. 4873.
3. O Pravilah dorozhnogo dvizhenija: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23 oktjabrja 1993 g. № 1090. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
4. Ob utverzhdenii Trebovanij k organizacii dvizhenija po avtomobil'nyim dorogam tjazhelovesnogo i (ili) krupnogabaritnogo transportnogo sredstva: Prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii ot 31 avgusta 2020 g. № 343. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18 janvarja 2019 g. № 5-P. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2019. № 4. St. 360.

6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 31 maja 2016 g. № 14-P. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 24. St. 3602.
7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 ijunja 2011 g. №877-O-O. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
8. Osoboe mnenie sud'i Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii S.D. Knjazeva po delu obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Kommercheskij bank «Transportnyj» (Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17 ijulja 2012 g. № 1286-O). Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
9. O nekotoryh voprosah, vznikajushhix v sudebnoj praktike pri rassmotrenii del ob administrativnyh pravonarushenijah, predusmotrennyh glavoj 12 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 ijunja 2019 g. № 20. Bjul'eten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2019. № 9.
10. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18 ijunja 2021 g. № 51-AD21-7-K8. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
11. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 3 maja 2018 g. № 46-AD18-4. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
12. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26 dekabnja 2017 g. № 10-AD17-4. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
13. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13 nojabnja 2017 g. № 57-AD17-11. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
14. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 ijunja 2016 g. № 48-AD16-7. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
15. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22 dekabnja 2015 g. № 41-AD15-19. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
16. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26 fevralja 2015 g. № 9-AD15-1. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
17. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 avgusta 2014 g. № 45-AD14-12. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
18. Postanovlenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19 avgusta 2014 g. № 19-AD14-10. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
19. Postanovlenie Shestogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 19 ijulja 2021 g. po delu № 16-5268/2021. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
20. Postanovlenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 6 avgusta 2021 g. po delu № 16-4183/2021. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
21. Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 17 dekabnja 2018 g. № 4f-7919/2018. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
22. Reshenie Industrial'nogo rajonnogo suda goroda Barnaula Altajskogo kraja ot 29 nojabnja 2019 g. № 12-404/2019. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
23. Reshenie Nizhneserginskogo rajonnogo suda Sverdlovskoj oblasti ot 12 aprelja 2022 g. po delu № 12-36/2022. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».

*Aboyan A.A.,
Gordeev K.V.,
Parin D.V.,
School of Law,
Far Eastern Federal University*

ON THE ISSUE OF SOME ASPECTS OF THE RELEASE OF VEHICLE OWNERS FROM ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Abstract: the article discusses some aspects of the exemption of vehicle owners from administrative liability, who are in an employment relationship with the driver who was driving the vehicle at the time of the commission of an administrative offense. Having analyzed the judicial practice of applying part 2 of Article 2.6.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the authors concluded that the norms of substantive law, as well as the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation were misinterpreted. The problems of interpretation, according to the authors, are caused by the different legal regime of heavy (oversized) and passenger vehicles, which are established by the Requirements for the organization of road traffic on heavy and (or) oversized vehicles, as well as the Rules of the road. This makes it necessary to distinguish between certain types of administrative offenses, the subjects of which are the owner of the vehicle and the road user directly. At the end of their research, the authors conclude that it is possible to exempt the owners of vehicles – employers from administrative liability, in case of violations of traffic Rules, that is, in cases where the relevant requirements are imposed on the driver, and not on the owner of the vehicle.

Keywords: exemption from administrative liability, vehicles, owner, driver, labor relations, judicial practice, evidence

For citation: Aboyan A.A., Gordeev K.V., Parin D.V. On the issue of some aspects of the release of vehicle owners from administrative responsibility. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 238 – 243.

*Бекова Р.М., аспирант,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в современном мире общепринят тезис, что сохранение культуры этнических меньшинств желательнее из-за ее внутренней ценности. Однако не достигнуто единство мнений по вопросу о том, является ли сохранение языков меньшинства обязанностью государств? Статья посвящена влиянию глобализации английского языка на региональные языки Великобритании такие как: валлийский, шотландский гэльский и корнуольский (корнский). В статье описывается влияние англоязычия и политики локального языкового национализма, активно проводимой британским Правительством в XIX в., на рассматриваемые региональные языки и современная языковая политика Великобритании. Рассматриваются вопросы языковой идентичности, анализируются принятые в XX-XXI веках нормативные правовые акты, призванные защитить языковые права меньшинств Великобритании в условиях глобализации. Констатируется, что наиболее очевидная разница между валлийским и гэльским языками заключается в проценте людей, говорящих на этих языках: около 20% для валлийского и 1,2% для гэльского. В этих обстоятельствах неудивительно, что, как правило, существуют разные уровни правовой защиты языков этих национальных меньшинств. Валлийский и шотландский гэльский языки защищены Частью III Европейской хартии региональных языков. Что касается внутренней защиты, то в Уэльсе законодательство (Закон о валлийском языке 1993 г.) было более строгим, чем в Шотландии. В статье используются общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, аналогия, а также метод анализа нормативных правовых актов.

Ключевые слова: английский язык, валлийский язык, гэльский язык, глобализация, глобальный язык, языковой национализм, англоязычия языка, Закон о валлийском языке

Для цитирования: Бекова Р.М. Языковая политика Великобритании как способ сохранения национальной идентичности // Современный ученый. 2023. № 1. С. 244 – 249.

Введение

Задача статьи состоит в изучении роли английского языка и региональных языков Великобритании в сохранении национальной идентичности страны. В исследовании проанализировано влияние социокультурной глобализации и особой роли английского языка как глобального языка на национальную идентичность, продемонстрированы причины упадка региональных языков административно-политических частей страны и потенциал для возвращения их популярности в современных условиях.

Влияние процесса глобализации на языки

Глобализация – процесс, активно начавшийся в XIX в. и продолжающийся до сих, в результате которого стираются национальные отличия в различных социальных сферах и формируются общие для всех явления. Первой сферой глобализации являлась экономика, а ее первым масштабным примером – окончательное формирование в середине XIX в. мирового рынка. Однако процесс глобализации коснулся не только изменений структуры торговых связей, глобализация существенно повлияла на национальную культуру и язык. Глобализация в лингвистике означает процесс умаления роли и постепенного исчезновения национальных языков и формирование единого обще-

мирового языка. При этом процесс глобализации не всегда характеризуется стремлением к полному отказу от определенных национальных языков, скорее, последствия глобализации можно охарактеризовать как снижение роли большинства национальных языков в международном общении [1, с. 7].

Сегодня под термином «языковая глобализация» понимают прежде всего процесс распространения английского языка и активное проникновение в другие языки англицизмов [2, с. 74]. Бесспорно, что процесс активного распространения английского языка и рост его востребованности в международном общении является наиболее ярким примером языковой глобализации, однако процесс глобализация языка происходит и на более локальном уровне. Распространение на протяжении XX в. русского языка в республиках СССР как «второго национального языка» или навязывание колониям языка метрополий в период колониализма – примеры локальной языковой глобализации [1, с. 7].

Язык является одним из определяющих факторов культуры и самосознания нации. Вильгельм фон Гумбольдт в начале XIX в. в своих работах использовал два термина «мировоззрение» и «мировидение». Под мировоззрением он понимал

идеологию, выраженную с помощью языка. Под мировидением – идеологию, выраженную в самом языке, то есть языковую картину мира. Отличие между этими терминами он демонстрировал на примере перевода текста. Если мировоззрение при переводе сохраняется в неизменном виде, то мировидение утрачивается, так как его содержание (смысл) определяет грамматическое и лексическое значение слов и выражений конкретного языка [3, с. 80-82]. Если для изучения естественных наук единый для всех язык создает исключительно преимущества, то в отношении гуманитарного знания, это утверждение не выглядит столько однозначным. Академик РАН А.В. Смирнов в интервью НГ описывает картину, создаваемую английским языком следующим образом: «Английский – это особый язык. Не случайно английская философия – это философия эмпиризма прежде всего. Она была и остается до сих пор философией, приближенной к естественным наукам. В отличие от континентальной традиции, от французской, немецкой философии, где властвует другой язык – более метафизический, если хотите» [4].

Международный и внутренний аспекты лингвистической национальной идентичности

Определяющее значение языка для сохранения культуры и национальной идентичности особенно ярко подчеркивает идеология лингвистического национализма, возникшая в конце XVIII в. на основании идей Ж.-Ж. Руссо. Идею лингвистического национализма можно продемонстрировать цитатой немецкого историка культуры И. Гердера, также являющегося одним из основателей этого движения. Согласно И. Гердеру: «нация не может существовать без языка, а наследование языка – основа преемственности национальной культуры» [5]. Сегодня идея лингвистического национализма о том, что нация определяется общностью языка, проявляется на практике преимущественно в борьбе против глобализации. Глобализация в лингвистике при этом, как отмечалось ранее, проявляется прежде всего в доминировании английского языка, в результате которого иные языки постепенно утрачивают функцию языка международного общения, и включении в другие языки множества культуры.

Сохранение лингвистической идентичности для любой культуры имеет две стороны. Во-первых, это сохранение самоидентичности в общемировом контексте. Самосознание и самоощущение себя отдельной нацией в связи с общим процессом глобализации необходимо для сохранения собственного независимого от других социокультурного поля. Наиболее ярким примером, демонстрирующим желание Великобритании сохранить национальную идентичность на общемировом уровне,

является Brexit (Брекзит) – решение Великобритании о выходе из состава Европейского союза (далее – ЕС), принятое в марте 2017 года. Одной из ключевых причин этого решения являлось отсутствие консенсуса по вопросу роли Британии в европейской интеграции, осуществляемой в рамках ЕС. Неоднозначность решения о вступлении Британии в ЕС вызвала спора, начиная с момента принятия этого решения в 1973 году. Политика «за» или «против» интеграции Великобритании в общеевропейское пространство зависела от партии власти. Если сторонники Лейбористской партии выступали за углубление процессов европейской интеграции, то политику Консервативной партии принято характеризовать как евроскептицизм (*eurosepticism*) [6, с. 102-103]. В результате внутриполитической борьбы в 2015 году были инициированы переговоры об изменении условий членства Британии в ЕС [7]. Одним из условий которых со стороны Британии являлось, освобождение от обязанности стремиться к более тесной интеграции [8]. Это условие было неприемлемо для ЕС, ввиду его противоречия положениям Лиссабонского договора, в соответствии с которым страны ЕС путем общеевропейской интеграции стремятся к построению единого европейского квазигосударства.

При этом угроза сохранения английской лингвистической идентичности в общемировом контексте на сегодняшний день отсутствует. Английский язык – единственный по-настоящему глобальный язык, который в повседневной жизни используют более 1 100 000 000 человек. Утверждение особой роли английского языка в общемировом контексте произошло сравнительно недавно – после окончания Второй мировой войны. Еще в начале XX в. на роль глобального языка в большей степени претендовали французский и немецкий языки. В послевоенные годы США утвердились в качестве центра западной политики и культуры, что позволило во второй половине XX в. английскому языку занять роль глобального языка [1, с. 8]. Известный британский лингвист Д. Кристал, исследующий особую роль английского языка, отмечал, что глобальный язык выполняет ряд важных коммуникативных функций, не свойственных другим языкам. В частности, функцию основного государственного языка для жителей большого числа стран; функцию официального языка, распространенного в институтах власти, юридической системе, рекламе, СМИ, а также в системе образования, функцию приоритетности при выборе иностранного языка для изучения. При этом утверждению языка в качестве глобального, по мнению Д. Кристала, предшествует утверждение

устойчивого экономического, политического и военного положение государства [9].

Во-вторых, это сохранение лингвистической идентичности внутри страны. Великобритания состоит из четырех административно-политических частей: Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Каждая из этих частей имеет собственную культуру и язык, которые в значительной мере пострадали от культурной и языковой политики Великобритании XIX в. Региональными языками на территории Великобритании являются английский, шотландский, валлийский, корнуоллский, гэльский, ольстерский и ирландский языки. Ни один из названных языков не обладает статусом официального или государственного. Однако абсолютное большинство жителей страны используют только английский, что придает ему официальный статус де-факто [10]. Региональными языками, исходя из данных переписи 2001 года, владеют примерно 21% жителей Уэльса (валлийский язык), 10,4% жителей Северной Ирландии (ирландский язык) и менее 2% жителей Шотландии (шотландский кельтский язык). При этом рост популярности изучения региональных языков наблюдается только в течение последних 30 лет, до этого времени фиксировалось постепенное уменьшение интереса к региональным языкам у жителей частей Великобритании [11].

Языковая политика Великобритании в XIX в. – англизация языка и культуры

Тот факт, что языки иных административно-политических частей Великобритании, помимо Англии, не известны их жителям, не случаен. В значительной мере этот факт связан с языковой политикой Великобритании, проводимой в XIX и начале XX веков. Некоторые исследователи называют эту политику, проводимую Британским правительством в XIX в., языковой войной. Правительство Британии в течение XIX в. стремилось исключить национальные языки частей Великобритании как языки национальной культуры и официального общения. Известно, что все официальные документы в этот период, включая те, которая принимались в отношении конкретных административно-политических частей Великобритании, должны были публиковаться исключительно на английском языке. Использование национальных языков для повседневного общения также не поощрялось. В энциклопедии Уэльса приводится такой пример лингвистической дискриминации (политика «*Welsh Not*»): в школах Уэльса устанавливался запрет на использование валлийского языка для общения между детьми, в наказание за использование валлийского ребенку, нарушившему этот запрет, вешали на шею табличку, которую он мог передать, уличив следующего нарушителя.

Последний обладатель таблички по итогу дня наказывался учителем [12, с. 115-122].

Подобный запрет также существовал в отношении шотландского гэльского языка. В 1872 году был принят Закон об образовании в Шотландии (The Education (Scotland) Act 1872), в соответствии с которым устанавливалось обязательное начальное школьное образование детей в возрасте с 5 до 13 лет. Однако закон получил печальную известность тем, что фактически положил конец неанглоязычному образованию в Шотландии. Закон устанавливал, что все преподавание в школах Шотландии должно осуществляться исключительно на английском языке. При этом запрет на использование иных языков распространялся и на внеурочное время, любое общение учеников в стенах школы на не английском языке жестоко наказывалось, в том числе физически. На учеников также оказывалось давление, чтобы те называли имена других учеников, использующих не английский язык. Указанный закон катастрофически повлиял на распространенность гэльского языка тем, что вследствие его принятия родители стали предпочитать не передавать детям родной язык, обучая их исключительно английскому, чтобы избежать возможности жестокого наказания детей в школах [13, с. 117].

Политику правительства Великобритании XIX – начала XX веков можно охарактеризовать как проявление локального, то есть происходящего внутри страны, лингвистического национализма. Стремление административным путем подавить языковое разнообразие внутри страны и установить английский язык в качестве де-факто главного языка Великобритании. Следствием этой политики является то, что Британия и общebritанская идентичность («*Britishness*») в создании самих британцев и жителей других стран, ассоциируется с Англией, английским языком и английской культурой – это явление часто называют англизацией («*Englishness*», «*Anglicisation*») [14, с. 162].

Современная языковая политика Великобритании – диалог культур

Отношение к национальным языкам начало меняться в начале XX в. В начале XX в. в общественном сознании стал появляться интерес к британским языкам, которые в тот период относились к вымершим. В 1904 году Генри Дженнер издает «Справочник корнского языка» в то время, как последний носитель корнского языка умер в конце XVIII в. В 1924 году Генри Дженнером и Робертом Нэнси было основано Общество старого Корнуолла, которое до сегодняшнего дня занимается переводом текстов и популяризацией корнского языка и корнской культуры. В настоящий момент корнский язык преподается в некоторых школах

Великобритании в качестве дополнительного языка, его носителями являются около 3500 человек. В 2010 году ЮНЕСКО переклассифицировал корнский язык из категории «вымерших» в категорию «находящиеся под угрозой вымирания» [15, с. 199-227].

Запрет на использование гэльского языка в школе, установленный в The Education (Scotland) Act 1872, был отменен в 1918 году. С этого времени дети перестали подвергаться наказаниям за использование гэльского языка в школах, однако преподавание в школах Шотландии до 1980 года осуществлялось исключительно на английском языке. С 1980 года кельтский язык изучается во многих школах Британии в качестве дополнительного языка. В 2006 году в Глазго (Шотландия) была основана первая школа, преподавание в которой ведется исключительно на гэльском языке [16, с. 319]. В настоящий момент общее число говорящих на гэльском шотландском языке составляет около 92 000 человек [17].

Валлийский язык является региональным языком Уэльса. Валлийским языком владеет более 1 млн человек. Согласно переписи 2022 года почти 900 тысяч из них являются жителями Уэльса (899 500), что составляет 29,7% от всех жителей региона. В отличие от других региональных языков Британии, валлийский язык обладает законодательно закрепленным правовым статусом. В 1967 году Парламентом Великобритании был принят Закон о валлийском языке (Welsh Language Act 1967). Закон был принят с целью более свободного допуска к правосудию граждан Великобритании, не владеющих английским языком. Благодаря Закону появилась возможность использовать валлийский язык в качестве языка судопроизводства. Закон о валлийском языке стал первым законом, закрепившим юридический статус регионального языка.

Далее в 1993 году был принят новый Закон о валлийском языке (Welsh Language Act 1993). Закон 1993 года закрепил не только возможность

использования валлийского языка для судопроизводства, но и обязывал все государственные органы, оказывающие услуги жителям Уэльса, использовать валлийский язык наравне с английским языком.

Также в 2012 году был принят Закон о валлийском языке (Welsh Language Act 2012), который вводит должность Уполномоченного по валлийскому языку. Цель создания должности Уполномоченного состоит в продвижении популярности и облегчении использования валлийского языка на территории Уэльса. Жители Уэльса, согласно Закону 2012, должны использовать валлийский язык настолько же свободно, насколько они используют английский язык. Для реализации этой цели также Закон предусматривает создание специализированного Суда по валлийскому языку. Жители Уэльса, не имеющие возможности получить какую-либо услугу на валлийском языке на территории Уэльса, могут обратиться в этот суд для того, чтобы он обязал исполнителя предоставить возможность обеспечить доступ к услуге с использованием валлийского языка. Таким образом, с 2012 года валлийский язык де-юре получил статус официального языка на территории Уэльса и стал единственным языком, обладающим таковым статусом в Великобритании.

Таким образом, современная политика Великобритании изменила свой вектор на диаметрально противоположный по сравнению с политикой локального языкового национализма, проводимой Британским правительством в XIX в. Языковая политика Британии XXI в. от тотальной англизации культуры перешла к диалогу различных региональных культур. Во многих школах Великобритании предлагается изучение региональных языков в качестве дополнительных. В Уэльсе возможность ребенка выбрать изучение национального языка предусмотрена законодателем. Изучение региональных языков постепенно становится более популярным.

Литература

1. Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации / Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред.: В.В. Потапов, Е.А. Казак М., 2018.
2. Баландина Л.А., Ганина Е.В. Лингвистические аспекты глобализации. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016;6(3).
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. М., 1984.
4. Академик А. Смирнов: Философия всегда должна быть недовольна / Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/science/2017-02-08/9_6923_philosophy.html
5. Joseph J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. URL: <http://www.nla.gov.au/openpublish/index.php/ara/article/viewFile/1964/2345>
6. Ананьева Е.В. Брекзит: причины, политический фон, последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (6). С. 102 – 103.

7. EU reform: PM's letter to President of the European Council Donald Tusk. 10 November 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/eu-reform-pms-letter-to-president-of-the-european-council-donald-tusk/>
8. Cameron D. The Future of Britain's Relationship with the European Union. 10 November 2015. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/events/special/20151110DavidCameronNEW.pdf/>
9. Crystal D. English as a global language. 2 nd ed. Cambridge, 2003. 212 p.
10. The Languages of Others. Britain's reliance on foreigners willingness to learn English is self-defeating. URL: <https://www.waywordradio.org/discussion/recommended/the-languages-of-others-britains-reliance-onforeignerswillingness-to-learn-english-is-self-defeating-1/>
11. Local UK languages «taking off». 12 February 2009. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/education/7885493.stm/>
12. Smakman D., Smith-Christmas C. Gaelic Language Erosion and Revitalization on the Isle of Skye, Scotland / Proceedings of the 12th Conference of the Foundation of Endangered Languages. 2008. P. 115 – 122.
13. Dunbar R. The European Charter for Regional and Minority Languages: Some Reflections from a Scottish Gaelic Perspective / Minority and Group Rights in the New Millennium. 1-st Ed. Springer, 1999. P. 117.
14. Фёдорова Д.Н. Проблема национальной идентичности в идеологии Британской национальной партии // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.* 2008. № 6. С. 162.
15. Ferdinand S. A Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status // *E-Keltoi*. 2013. Vol. 2. 2 Dec. P. 199 – 227.
16. Жерновая О.Р., Смирнова О.А. Проблема лингвистического национализма в государствах членах Европейского союза (на примере Великобритании и Франции) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012. № 3 (1). С. 319.
17. BBC News. Сводный отчет о Гэльском языке (BBC News: Mixed report on Gaelic language). URL: <http://news.bbc.co.uk/1/low/scotland/4326424.stm>

References

1. Alpatov V.M. Jazykovej aspekt globalizacii. Jazyk v global'nom kontekste: Sovremennaja jazykovaja situacija kak sledstvie processa globalizacii: Cb. nauch. Trudov. RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija; Otv. red.: V.V. Potapov, E.A. Kazak M., 2018.
2. Balandina L.A., Ganina E.V. Lingvisticheskie aspekty globalizacii. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2016;6(3).
3. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*: per. s nem. M., 1984.
4. Akademik A. Smirnov: Filosofija vseгда dolzhna byt' nedovol'na. *Nezavisimaja gazeta*. URL: https://www.ng.ru/science/2017-02-08/9_6923_philosophy.html
5. Joseph J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. URL: <http://www.nla.gov.au/openpublish/index.php/ara/article/viewFile/1964/2345>
6. Anan'eva E.V. Brekzit: prichiny, politicheskij fon, posledstviya. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 2017. № 10 (6). S. 102 – 103.
7. EU reform: PM's letter to President of the European Council Donald Tusk. 10 November 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/eu-reform-pms-letter-to-president-of-the-european-council-donald-tusk/>
8. Cameron D. The Future of Britain's Relationship with the European Union. 10 November 2015. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/events/special/20151110DavidCameronNEW.pdf/>
9. Crystal D. English as a global language. 2 nd ed. Cambridge, 2003. 212 p.
10. The Languages of Others. Britain's reliance on foreigners willingness to learn English is self-defeating. URL: <https://www.waywordradio.org/discussion/recommended/the-languages-of-others-britains-reliance-onforeignerswillingness-to-learn-english-is-self-defeating-1/>
11. Local UK languages «taking off». 12 February 2009. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/education/7885493.stm/>
12. Smakman D., Smith-Christmas C. Gaelic Language Erosion and Revitalization on the Isle of Skye, Scotland. *Proceedings of the 12th Conference of the Foundation of Endangered Languages*. 2008. P. 115 – 122.
13. Dunbar R. The European Charter for Regional and Minority Languages: Some Reflections from a Scottish Gaelic Perspective. *Minority and Group Rights in the New Millennium*. 1-st Ed. Springer, 1999. P. 117.
14. Fjodorova D.N. Problema nacional'noj identichnosti v ideologii Britanskoj nacional'noj partii. *Imagines mundi: al'manah issledovanij vseobshhej istorii XVI-XX vv.* 2008. № 6. С. 162.

15. Ferdinand S. A Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status. E-Keltoi. 2013. Vol. 2. 2 Dec. P. 199 – 227.
16. Zhernovaja O.R., Smirnova O.A. Problema lingvističeskogo nacionalizma v gosudarstvah členah Evropejskogo sojuza (na primere Velikobritanii i Francii). Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 3 (1). S. 319.
17. BBC News. Svodnyj otchet o Gjel'skom jazyke (BBC News: Mixed report on Gaelic language). URL: <http://news.bbc.co.uk/1/low/scotland/4326424.stm>

*Bekova R.M., Postgraduate,
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

UK LANGUAGE POLICY AS A WAY TO PRESERVE NATIONAL IDENTITY

Abstract: in the modern world, the thesis is generally accepted that the preservation of the culture of ethnic minorities is desirable because of its intrinsic value. However, there is no consensus on the question of whether the preservation of minority languages is the responsibility of states? The article is devoted to the influence of the globalization of the English language on the regional languages of Great Britain such as: Welsh, Scottish Gaelic and Cornish (Cornish). The article describes the influence of anglicization and the policy of local linguistic nationalism, actively pursued by the British Government in the 19th century, on the considered regional languages and the modern language policy of Great Britain. The issues of linguistic identity are considered, the normative legal acts adopted in the XX-XXI centuries, designed to protect the linguistic rights of minorities in Great Britain in the context of globalization, are analyzed. It is stated that the most obvious difference between Welsh and Gaelic lies in the percentage of people who speak these languages: about 20% for Welsh and 1.2% for Gaelic. In these circumstances, it is not surprising that, as a rule, there are different levels of legal protection for the languages of these national minorities. Welsh and Scottish Gaelic are protected by Part III of the European Charter for Regional Languages. With regard to internal protection, legislation in Wales (the Welsh Language Act 1993) was more stringent than in Scotland. The article uses general scientific methods: analysis, synthesis, comparison, analogy, as well as the method of analysis of normative legal acts.

Keywords: English language, Welsh language, Gaelic language, globalization, global language, language nationalism, language anglicizations, Welsh Language Act

For citation: Bekova R.M. UK language policy as a way to preserve national identity. Modern Scientist. 2023. 1. P. 244 – 249.

*Дамбаа Н.В., аспирант,
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева*

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: процесс научного познания любого правового явления немислим без изучения исторического развития исследуемого явления. Генезис современных институтов произведен от состояния гражданского общества и регулятивных отношений. Социум и государства в своём развитии меняли представления о чести и достоинстве, равно как и о понимании клеветы, как не только аморального, но и преступного деяния. В современном обществе, с ростом информатизации и проникновением сети интернет во все сферы жизнедеятельности человека, происходит увеличение эффекта воздействия средств массовых информации на аудитории, что ведет следовательно к увеличению общественной опасности такого вида преступления как клевета, совершенная публично. Целью настоящей работы, является изучение уголовной ответственности за клевету совершенную публично, через призму социальных и исторических отношений. В качестве основного метода в работе будет использован диалектический метод познания, позволяющий рассматривать социальные явления в постоянном развитии, взаимосвязи и взаимодействии, предполагающий изучение правовых понятий исследования не как абстрактно-юридические категории, а как общественные явления, порожденные развитием цифровизации в современном обществе, а также системный подход к изучению объекта исследования, который позволит построить изначально общую модель исследуемого правового явления, из которых синтезируется научное знание несущее новизну в юридической науке.

Ключевые слова: клевета, уголовная ответственность за клевету, криминализация клеветы, развитие ответственности за клевету, преступление в сети интернет, речевые преступления, честь и достоинство

Для цитирования: Дамбаа Н.В. Социально-историческая обусловленность уголовной ответственности за клевету в сети Интернет // Современный ученый. 2023. № 1. С. 250 – 254.

В российской уголовно-правовой доктрине, изучающей преступления против личности совершаемые в сети Интернет, обосновываются общественная опасность и тенденции развития киберпреступности [1, с. 64], но за рамками научного анализа остается социально-историческая обусловленность большинства из таких деяний, равно как и уголовной ответственности за них. Восполнению данного пробела и посвящена настоящая статья.

Необходимо отметить, что теоретически важной и практически значимой остается широкая совокупность вопросов правовой охраны чести и достоинства личности, включая вопросы соответствия криминализации и декриминализации их социальной и, что важно для науки и для правотворчества, исторической (цивилизационной) обусловленности.

Социальная обусловленность уголовной ответственности за клевету, прежде всего связана с пониманием объекта рассматриваемого преступления-честь и достоинства, доброго имени личности в исторически-различные периоды времени. Образ конкретного человека в общественном сознании и его собственные представления о себе, являлись ценностью во все исторические периоды начиная с древнейших времен. Еще со времён античности проблемы квалификации речевых правонарушений волновали человечество, о чем в частности

свидетельствуют речевые запреты изложенные в Законах Ману, Законах XII таблиц, а также в священных заповедях различных вероисповеданий. В римском праве клевета являлась преступлением против чести (*existimatio*), которой обладают только граждане Рима. Если честь римлянина оказалась запятнанной, это лишало его одного из важнейших прав гражданина, что обусловило наиболее строгое наказание за клевету как за преступление посягающее на честь римского гражданина – смертную казнь, установленной в законах XII таблиц.

Десять христианских заповедей включали ключевые моральные запреты. В источниках веры мировых религий приведены речевые правонарушения. Так, в Евангелии от Матфея Иисус наставляет учеников: «Кто скажет брату своему “рака” (пустой человек), подлежит синедриону, а кто скажет “безумный”, подлежит геенне огненной» (5:22). Сура 24 Священного Корана гласит: «Тех, которые возведут навет на целомудренных женщин, но при этом не приведут четырех свидетелей, секите восьмьюдесятью [ударами] плети и никогда не берите их в качестве свидетелей, ибо они – преступающие закон». В Седьмом наставлении Будды устанавливается воздержание от «злой речи»-писунавача, привносящую в отношения, причем намеренно, в отношения разобщенность, разногласия и взаимную неприязнь. Именно по-

этому, термин иногда переводят не как «злая речь», а как «клевета» или «навет» имеющей разрушительную силу.

Взгляды на понятия «честь» и «достоинство» с развитием общества существенно трансформировались. В то же время, клевета, с библейских времен всегда и при всех обществах порицалась, считаясь преступлением. «Понятие чести, как указывает С.С. Омельченко, сопряжено с определенными историческими этапами и условиями развития определенного общества, равно как и развития права». В этой связи, автор видит уникальность понимания «для каждой исторической эпохи», доказывая это «изменением составов посягательства на честь, их видов, как и изменением самого понятия» [5, с. 240].

В раннефеодальном праве Древней Руси (до XIV в.) в связи с упрочением Древнерусского государства была составлена «Русская Правда», не содержащая понятия словесных преступлений. Посягательства на честь стояли в одном ряду с посягательствами, причиняющими телесные повреждения. Н.Н. Розин не видит в этом ничего странного, так как моральная сфера относилась к ведению Церкви. Оскорбления рассматривались в соответствии со специализированными уставами о церковных судах. В частности, в таких Уставах князей Владимира и более поздних – великого князя Всеволода однозначно прослеживается подсудность «уреканий» церковным судам. Тогдашний законодатель выделяет сам момент опозорения, с позиции моральных принципов своего времени [6, с. 108]. Таким образом, в древнерусском государстве речевые преступления в основном относились к церковным преступлениям.

Однако, несмотря на то, что и в период существования Древнерусского государства и этап феодальной раздробленности упоминались механизмы защиты чести и достоинства сложившиеся, прежде всего, изначально в уголовном праве, они носили ярко выраженный сословный характер, объектом защиты, которой являлась сословная честь. По представлениям того времени, как отмечается в литературе, в XVIII веке, честь и достоинство определялись через сословную иерархию, честь и достоинство не являлись естественными благами присущими каждому индивиду.

Со временем, с развитием персонентризма в западной естественно-правовой доктрине, в центр права была поставлена личность с присущим ему естественными благами, чем и было обусловлено появление новых юридических конструкций защиты чести и достоинства каждого человека вне зависимости от его социального статуса, как социально-психологической индивидуальности и члена

общества, подвергающегося его влиянию и самому оказывающего влияние на него.

В России о признании чести, достоинства и доброго имени, принадлежащего каждому человеку, вне зависимости от его социального статуса и положения в обществе, правовая мысль пришла в период разложения крепостнического строя в XIX веке, о чем свидетельствуют положения, принятые в 28 главе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [8], согласно которым, предусматривалась уголовная ответственность за следующие виды деяний, направленных против чести и достоинства: умышленная личная обида (оскорбление); опозорение (клевета); а также разновидности квалифицированных составов видов преступлений: оскорбление в публикациях; и разновидности квалифицированных видов преступлений соответственно статуса потерпевшего. В законах XIX в. дифференцировалось оскорбление родителей, священника, должностного лица, в том числе иностранного и др.).

Обращая внимание, на морально-нравственные, и социокультурные предпосылки распространения клеветы, и ее криминализации, можно прийти к выводу о том, что с развитием идей о признании ценности образа индивида в общественном сознании и чувства его внутреннего достоинства, вне зависимости от его социального статуса, возрастала необходимость в создании механизмов защиты чести, достоинства и доброго имени человека.

Используя исторический метод, можно сделать вывод о том, что в древние времена, слову уделялось огромное значение, однако речевые преступления в древней Руси не были так распространены как в настоящее время, поскольку во время влияния Православной церкви люди обладали религиозно-нравственной культурой, православно-христианские принципы устройства мира, человека и общества являлись методологической основой для духовно-нравственного воспитания общества.

В настоящее время современное общество претерпевает духовно-нравственный кризис, который проявляется во всех сферах жизнедеятельности. В приоритете интеллектуального развития над нравственным в современном обществе, и ростом цифровизации, проникновения его во все сферы общества, увеличилась и преступность направленная против чести и достоинства личности. Иллюзия безнаказанности и анонимности пользователей сети интернет, позволяет размещать сведения не соответствующие действительности, кроме того повышенная общественная опасность, размещенных сведений проявляется в обширной аудитории лица пользующимся интернетом, в связи с чем недостоверные сведения становятся достоянием широкой общественности.

Анализируя данные Росстата за предыдущие 3 года использование сети интернет, растет с каждым годом, так в 2019 году доля населения, являющегося активными пользователями сети интернет в процентном соотношении от общей численности населения составляла 81,4%, в 2020 году 84,1%, в 2021 году 87,3%, что свидетельствует о постоянном росте пользователей сети интернет.

Клевета, в условиях современного общества является одним из наиболее распространенных видов преступлений, однако непоследовательность действий законодателя, недостаточность правовой регламентации уголовной ответственности за клевету, на практике порождает определенные проблемы к привлечению действительно виновных лиц, распространяющих заведомо ложные сведения в частности информационно-телекоммуникационной сети интернета к ответственности. Ложная иллюзия безнаказанности пользователей интернет способствует росту преступности данного рода преступлений.

Разрабатывая УК РФ 1996 г. российский законодатель криминализовал клевету в ст. 129 УК РФ, однако федеральным законом от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ, дал обратный ход, декриминализовав распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Через семь месяцев, федеральным законом №141-ФЗ от 28 июля 2012 г., клевета вновь была криминализована. Развитие законодательства в этом направлении было продолжено федеральным законом от 30 декабря 2020 г. №538-ФЗ, в соответствии с которым состав клеветы (ст. 128.1 УК РФ) был дополнен двумя квалифицирующими признаками: публичностью с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернет.

Такого рода изменения стали естественным развитием института уголовно-правовой охраны чести и достоинства, посягательства на которые в условиях быстрого развития информационного общества переместились в виртуальное пространство, где активно распространяется компромат, порочащие сведения. Потребность в придании публичной клевете в информационно-коммуникационном пространстве особого квалифицированного состава теперь общепризнанна в доктрине [9] и в целом, поддержана судебной практикой. Сложности возникают лишь в уголовно-правовой оценке клеветы, которая не персонафицирована, т.е. совершена в отношении индивидуально не определенных лиц [4, с. 26].

К примеру, можно проследить на следующей таблице статистические данные судимости лиц за совершенные преступления [7] (табл. 1).

Так, в 2019 г. до дополнения ч.2 ст.128.1 УК РФ квалифицирующим признаком в виде введения клеветы совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, число привлеченных лиц по ч.2 ст.128.2 УК РФ по сравнению с 2020, 2021г. крайне мала, что позволяет сделать вывод о том, клевета в сети интернет вполне распространена. Вместе с тем, число оправдательных приговоров значительно превышает число обвинительных приговоров, что говорит о недостаточной правовой регламентации защиты чести и достоинства, при том, что общественная опасность данного вида преступлений наносит наибольший вред общественным отношениям, обеспечивающим гражданам право на честь, достоинство и доброе имя. Анализ судебной практики по данной категории дел, показывает, что в настоящий момент не сформировалась единая практика рассмотрения указанных уголовных дел, о чем свидетельствуют многочисленные отмены приговоров апелляционной инстанцией, а также постановления оправдательных приговоров.

Повсеместное проникновение во все сферы жизни сети Интернет служит благодатной почвой для распространения клеветнической информации. Причины проникновения этого явления в Сеть заключаются в простоте распространения информации, доступе к ней большого количества людей. В связи с этим, несомненно, большое значение должно придаваться повышению ответственности интернет пользователей. В российской литературе подчеркивается, что сведения, распространяемые через сеть Интернет, быстро становятся достоянием широкого круга лиц, что говорит о высокой степени общественной опасности распространения клеветнических сведений, совершенного таким способом.

Таким образом, в условиях информационного общества растет социальная обусловленность установления уголовно-правовых запретов за клевету в сети Интернет. Криминализация клеветы прямо вытекает из конституционных положений (ст. 21) об охране достоинства личности и обеспечивается гарантиями, предусмотренными в ст. 23 Конституции РФ в части защиты чести и доброго имени. Такое положение вытекает из признания человека высшей ценностью и определяет защиту чести и достоинства как задачу государства [3, с. 7].

Таблица 1

Статистика уголовных дел по ст. 128.1 УК РФ (2019-2021 гг.)

Год	Статья УК РФ	Осуждены	Оправданы	Прекращено по реабилитирующим основаниям	Прекращено по не реабилитирующим основаниям
2019	ч.1 ст.128.1	64	505	333	310
	ч.2 ст.128.1	7	0	0	14
	ч.3 ст.128.1	0	0	0	0
	ч.4 ст.128.1	9	0	0	7
	ч.5 ст.128.1	3	0	0	6
2020	ч.1 ст.128.1	56	352	230	261
	ч.2 ст.128.1	14	0	2	9
	ч.3 ст.128.1	0	0	0	0
	ч.4 ст.128.1	4	0	0	3
	ч.5 ст.128.1	3	0	2	4
2021	ч.1 ст.128.1	44	295	177	236
	ч.2 ст.128.1	15	0	1	9
	ч.3 ст.128.1	0	0	0	0
	ч.4 ст.128.1	2	0	0	0
	ч.5 ст.128.1	3	0	0	0

Литература

1. Брагина А.Г. Преступные посягательства на личность в киберпространстве // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 61 – 67.
2. Вешняков Д.Ю. Особенности квалификации клеветы, соединенной с обвинением в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 60 – 65.
3. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2007. 274 с.
4. Никонов М.А. Клевета: квалификация и новые сложности оценки деяния // Уголовный процесс. 2021. № 9 (201). С. 24 – 31.
5. Омельченко С.С. Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI-XVII веков // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 276 – 284.
6. Розин Н.Н. Об оскорблении чести: уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Оpozoreние. Томск: Т-во "Печатня С.П. Яковлева", 1910.
7. Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <http://www.cdep.ru>
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. Т. 6.
9. Харитонов И.И. Уголовная ответственность за клевету: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 165 – 168.

References

1. Bragina A.G. Prestupnyye posjagatel'stva na lichnost' v kiberprostranstve. Altajskij juridi-heskij vestnik. 2022. № 3 (39). S. 61 – 67.
2. Veshnjakov D.Ju. Osobennosti kvalifikacii klevety, soedinennoj s obvineniem v sovershenii prestuplenija. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2022. № 6. S. 60 – 65.
3. Vlasov A.A. Problemy sudebnoj zashhity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii. M., 2007. 274 s.
4. Nikonov M.A. Kleveta: kvalifikacija i novye slozhnosti ocenki dejaniya. Ugolovnyj process. 2021. № 9 (201). S. 24 – 31.
5. Omel'chenko S.S. Oskorblenie i kleveta v ugolovnom prave Rossii XI-XVII vekov. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2008. № 1. S. 276 – 284.
6. Rozin N.N. Ob oskorblenii chesti: ugolovno-juridicheskoe issledovanie. Obshhaja chast'. Opozorenie. Tomsk: T-vo "Pечатnja S.P. Jakovleva", 1910.
7. Sudebnaja statistika po delam, rassmatrivaemym federal'nymi arbitrazhnymi sudami, federal'nymi sudami obshhej jurisdikcii i mirovymi sud'jami. URL: <http://www.cdep.ru>

8. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 g. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vv. Pod red. O.I. Chistjakova. M.: Juridicheskaja literatura, 1988. T. 6.
9. Haritonov I.I. Ugolovnaja otvetstvennost' za klevetu: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2015. S. 165 – 168.

*Dambaa N.V., Postgraduate,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev*

SOCIO-HISTORICAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY FOR DEFAMATION ON THE INTERNET

Abstract: the process of scientific knowledge of any legal phenomenon is unthinkable without studying the historical development of the phenomenon under study. The genesis of modern institutions is derived from the state of civil society and regulatory relations. Society and states in their development changed their ideas about honor and dignity, as well as about the understanding of slander, as not only an immoral, but also a criminal act. In modern society, with the growth of informatization and the penetration of the Internet into all spheres of human life, there is an increase in the effect of the impact of the media on the audience, which consequently leads to an increase in the public danger of such a type of crime as slander committed in public. The purpose of this work is to study the criminal liability for libel committed in public, through the prism of social and historical relations. As the main method, the work will use the dialectical method of cognition, which allows us to consider social phenomena in constant development, interconnection and interaction, involving the study of legal concepts of research not as abstract legal categories, but as social phenomena generated by the development of digitalization in modern society, as well as a systematic approach to the study of the object of study, which will allow building an initially general model of the legal phenomenon under study, from which scientific knowledge is synthesized, which carries novelty in legal science.

Keywords: libel, criminal liability for libel, criminalization of libel, development of liability for libel, crime on the Internet, speech crimes, honor and dignity

For citation: Dambaa N.V. Socio-historical conditionality of criminal liability for defamation on the Internet Modern Scientist. 2023. 1. P. 250 – 254.

*Стародубцева М.А., преподаватель,
Печатнова Ю.В., ассистент,
Юридический институт,
Алтайский государственный университет,
Пинчук А.П., преподаватель,
Алтайский государственный университет*

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫМ ИДЕОЛОГИЯМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования»

Аннотация: в статье исследуются актуальные вопросы формирования гражданской позиции преподавателя. Авторами предлагается рассматривать гражданскую позицию преподавателя сквозь призму противодействия деструктивным идеологиям в образовательных учреждениях.

В исследовании применялись логический, системный метод, а также метод формально-юридического анализа. Отличительными свойствами использованной авторами методологии является применение методов социологического анализа посредством проведения опросов и анкетирования по теме исследования.

В целях анализа выявления степени влияния уровня заинтересованности преподавателей в противодействии деструктивному поведению молодежи авторами был проведен мониторинг антитеррористической деятельности студентов и преподавателей в образовательных учреждениях Алтайского края за период 2020 – 2021 годов.

Исследовав результаты проведенных социологических исследований, авторы пришли к выводу о том, что, в целом, современные преподаватели и учителя готовы занимать активную гражданскую позицию. Вместе с тем, остается значительный процент равнодушных преподавателей, не готовых предпринимать конкретные воспитательные меры, направленные на пресечение деструктивного поведения молодежи. Таким образом, указанный результат исследования выявляет необходимость дальнейшей работы по повышению правовой культуры педагогических работников.

В заключение авторы делают вывод о том, что именно от преподавателя зависит воспитание нового поколения, поколения активных граждан, любящих отечество и уважающих законы государства.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, профилактика, преподаватель, педагог, учитель, гражданская позиция, молодежь

Для цитирования: Стародубцева М.А., Печатнова Ю.В., Пинчук А.П. Гражданская позиция преподавателя как фактор противодействия деструктивным идеологиям в образовательных учреждениях // Современный ученый. 2023. № 1. С. 255 – 257.

В современной ситуации гибридно-информационной войны на молодежь оказывается деструктивное влияние со стороны террористических организаций. А ведь именно молодежь является носителем перспектив в их исходном состоянии. От того, насколько удачно пройдет первичная и вторичная социализация, насколько четко будут сформированы взгляды молодежи не только относительно своего будущего, но и будущего своей страны, зависит современная жизнь и завтрашний день.

Современные войны, которые принято называть гибридными, представляют собой целый спектр многоуровневых системных действий, смещение классического и иррегулярного ведения войны, сочетание разрешенных и запрещенных

методов борьбы, использование «обычной войны, малой войны, кибервойны» [1, с. 2].

Одним из важных аспектов гибридной войны является информационно-пропагандистская составляющая. Массовое сознание людей зомбируется пропагандой, целями которой стали запугивание потенциальных жертв и создание атмосферы страха и террора. В современных условиях с повсеместным распространением интернета информационные операции приобретают широчайший размах.

Оценивая ситуацию в целом, можно сказать, что необходимо создавать свои собственные информационные пропагандистские структуры, ориентированные на конкретную аудиторию.

Объявленная частичная мобилизация, внесение изменений в Уголовный кодекс РФ повлекли за собой волну фейковой информации, что вызвало волнение и несогласие среди населения, а также повлекло ухудшение криминогенной обстановки в стране. Беспокойство и растерянность населения коснулись и сферы образования, где сильнее всего идеологическое давление деструктивных элементов на молодежь.

Школьники и студенты – это будущее нашей страны, но что делать, если их моральные и нравственные ценности будут подвержены искажению.

В советское время существовала всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина, которая формировала у школьников патриотизм, общегосударственную идеологию, воспитывала добро, терпимость и трудолюбие.

Формирование активной гражданской позиции является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. В наше время формированием активной гражданской позиции в основном занимается образовательное учреждение, а конкретно преподаватели и учителя. Поэтому мы решили обратиться к результатам ранее проведенных исследований, чтобы выявить связь между заинтересованностью учителя или преподавателя в просветительских мероприятиях и формированием гражданской позиции учащегося.

Авторами был проведен мониторинг антитеррористической деятельности студентов и преподавателей в образовательных учреждениях Алтайского края за период 2020-2021 годов. По итогам проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

По данным первого этапа исследования, при опросе учителей и преподавателей, мы наблюдали, что педагоги не соглашались проводить в своих классах, кураторских группах якобы необязательные лекции и семинары по вопросу профилактики терроризма. При этом учащиеся о подобных мероприятиях были осведомлены.

По данным второго этапа нашего исследования, мы увидели, что перевод обучения на онлайн-рельсы достаточно сильно ударил по уровню мотивации и собранности студентов.

В условиях онлайн-режима обучения далеко не вся информация могла быть вовремя доведена до сведения обучающихся, что говорило о затрудненном взаимодействии преподавателей и студентов.

Естественно, дистанционный формат повлиял и на сферу гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи на базе школ, колледжей и техникумов.

Но все же по результатам второго этапа мы увидели положительную динамику, процент заинтересованных преподавателей и учителей вырос с 34% до 73%.

Сегодня ситуация изменилась, и вопрос о профилактике деструктивных идеологий в молодежной среде, а также гражданском и патриотическом воспитании стал одним из ключевых, что говорит о недопустимости игнорирования просветительских лекций и семинаров в образовательных учреждениях.

В связи с чем, было принято решение провести третий этап исследования, но с упором на исследование готовности преподавателей и учителей проводить больше мероприятий, направленных на развитие гражданской позиции учащихся. В нем приняло участие 88 человек, из них 50% учителя, 40% преподаватели колледжей и 10% преподаватели университета.

По результатам опроса 89,8% респондентов знают о мероприятиях по профилактике идеологии терроризма и кибертерроризма, которые проводятся в образовательном учреждении, но участвуют в них только 62,5%. Указанное означает положительную динамику, ведь по нашему исследованию в 2020 году участвовало в подобных мероприятиях всего лишь 51,6% респондентов.

84,1% опрошенных знают о мероприятиях, формирующих активную гражданскую позицию у студентов/школьников, участвуют в подобных мероприятиях 68,2% респондентов, что можно объяснить высокой учебно-методической нагрузкой педагогов в образовательных учреждениях.

В рамках просветительской деятельности 58% посещают со своими студентами/учениками музеи и театры, 3% – указали на отдаленность от культурных учреждений, можно сказать, что культурный потенциал молодежи поддерживается на среднем уровне. 71,6% респондентов посещают со своими студентами/учениками патриотические мероприятия.

На вопрос о том, как Вы оцениваете эффективность мероприятий, формирующих гражданскую позицию студента/ученика, 73,9% опрошенных указали на эффективность данных мероприятий, 25% – отметили данные мероприятия малоэффективными, что означает необходимость дальнейшей работы в указанном направлении.

75,9% опрошенных участвуют в свободное от работы время в общественной жизни общества, что говорит о достаточном уровне «гражданского неравнодушия» среди преподавателей.

69% опрошенных вовлекают студентов/учеников в разные формы волонтерской дея-

тельности, сами принимают участие в волонтерской деятельности 60,9%. Указанное является хорошим показателем, ведь педагог подает положительный пример своим ученикам.

98,9% одобряют развитие волонтерской деятельности, что является важной составляющей в дальнейшем совершенствовании системы патриотического воспитания в крае.

Исходя из результатов третьего этапа исследования, можно сделать вывод о том, что в целом преподаватели и учителя готовы проводить больше мероприятий, направленных на развитие гражданской позиции учеников.

Указанный вывод подтверждается высоким процентом заинтересованности педагогов, кото-

рые уже занимаются просветительской деятельностью. Но все же остается процент равнодушных преподавателей, что означает необходимость дальнейшей работы по повышению правовой культуры именно педагогов.

Итак, именно от преподавателя зависит воспитание нового поколения, поколения активных граждан, любящих отечество и знающих законы государства. Воспитывая в обучающихся такие качества, как патриотизм, нравственность и чувство долга, образовательное учреждение обеспечивает формирование чувства гордости за свою страну, любви к родине, что является важным средством противодействия терроризму и экстремизму.

Литература

1. Савинкин А.Е. Гибридная война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-03-13/1_gybrid2.html (дата обращения: 29.09.2022)

References

1. Savinkin A.E. Gibridnaja vojna: problemy i perspektivy postkonfliktnogo uregulirovanija. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-03-13/1_gybrid2.html (data obrashhenija: 29.09.2022)

*Starodubtseva M.A., Lecturer,
Pechatnova Yu.V., Assistant Professor,
Law Institute,
Altai State University,
Pinchuk A.P., Lecturer,
Altai State University*

CIVIC POSITION OF A TEACHER AS A FACTOR OF COUNTERACTING DESTRUCTIVE IDEOLOGIES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract: the article examines the topical issues of the formation of a civil position of a teacher. The authors propose to consider the civil position of a teacher through the prism of counteracting destructive ideologies in educational institutions.

The study used a logical, systematic method, as well as the method of formal legal analysis. The distinctive features of the methodology used by the authors is the use of methods of sociological analysis through surveys and questionnaires on the research topic.

In order to analyze the degree of influence of the level of interest of teachers in countering the destructive behavior of young people, the authors monitored the anti-terrorist activities of students and teachers in educational institutions of the Altai Territory for the period 2020-2021.

After examining the results of sociological research, the authors came to the conclusion that, in general, modern teachers and teachers are ready to take an active civic position. At the same time, there remains a significant percentage of indifferent teachers who are not ready to take specific educational measures aimed at curbing the destructive behavior of young people. Thus, the indicated result of the study reveals the need for further work to improve the legal culture of teachers.

In conclusion, the authors conclude that the upbringing of a new generation, a generation of active citizens who love the fatherland and respect the laws of the state, depends on the teacher.

Keywords: terrorism, extremism, counteraction, prevention, teacher, educator, citizenship, youth

For citation: Starodubtseva M.A., Pechatnova Yu.V., Pinchuk A.P. Civic position of a teacher as a factor of counteracting destructive ideologies in educational institutions. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 255 – 257.

*Долженко Н.И., кандидат юридических наук, доцент,
Купряшина Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Подмоков Н.С.,*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация: одним из наиболее динамично развивающихся направлений судебно-экспертной деятельности, способствующих значительному повышению раскрываемости преступлений, является исследование ДНК. Мировая и отечественная практика применения ДНК-технологий показала их преимущества в сфере идентификации личности неизвестного индивида по сравнению с другими известными в криминалистике методами идентификации. Многоаспектность и практическая сложность осуществления данной деятельности обуславливает возникновение большого количества проблем, решение которых возможно путем проведения сравнительного анализа основ функционирования криминалистических баз генетических данных за рубежом и в Российской Федерации. В связи с этим, рассматриваемый в данной работе вопрос является одним из актуальных в современной теории криминалистики и уголовного процесса. В статье рассмотрены криминалистические базы ДНК-данных и особенности их формирования в Великобритании и США, по причине того, что именно там были созданы самые крупные национальные базы данных на сегодняшний день. Авторы обращают внимание на то, что отечественный путь становления и развития баз ДНК-данных отличается от пути, который проходят Великобритания и США. В Российской Федерации пока еще нет единой национальной генетической базы данных, в отличие от указанных стран. В качестве решения предлагается использовать указанный в работе положительный зарубежный опыт по созданию генетической базы данных с минимальным количеством проблем, пробелов и ошибок. Высказана точка зрения, о необходимости определить четкий стандарт для генетических маркеров, используемых экспертными подразделениями, предоставляющими информацию в базу данных.

Ключевые слова: база данных геномной информации, база данных ДНК, криминалистическая база данных ДНК, генетическая база данных, криминалистический анализ ДНК, криминалистическая генетика

Для цитирования: Долженко Н.И., Купряшина Е.А., Подмоков Н.С. Криминалистические генетические базы данных: отечественный и зарубежный опыт использования // Современный ученый. 2023. № 1. С. 258 – 263.

ДНК или дезоксирибонуклеиновая кислота как химическое вещество впервые было открыто в 1869 году Иоганном Фридрихом Мишером. Впоследствии, для того, чтобы разобраться в ее специфике и в итоге понять, что она является носителем генетической информации, ученым потребовалось чуть меньше 100 лет.

В конце 20 века Алекс Джеффрис обнаружил, что ДНК человека уникальна, и ее можно использовать с целью идентификации личности. В контексте данного тезиса нужно отметить, что все люди, за исключением однояйцевых близнецов, имеют отличия в виде полиморфизма их ДНК. Эти отличия (полиморфизмы) условно делятся на: RFLP (restriction fragment length polymorphism) – полиморфизм длин рестрикционных фрагментов, VNTR (variable number tandem repeat) – тандемное повторение с переменным числом, STR (short tandem repeats) – короткий тандемный повтор, SNP (single nucleotide polymorphism) – однонуклеотидный полиморфизм, CNV (copy number variation) – вариация числа копий генов [10, с. 88]. В ходе идентификации личности на основе полиморфиз-

ма молекул ДНК исследуются определенные участки отдельных хромосом – локусов. Такой анализ позволяет создать своего рода генетический паспорт или, иными словами, базу ДНК данных, которая отражает уникальные генетические особенности каждого человека.

Спустя годы, это открытие впервые было применено на практике для поиска насильника и убийцы двух девушек, личность которого полиции долгое время не удавалось установить, пока она не обратилась за помощью к молодому ученому генетику. Сначала Алекс Джеффрис путем анализа спермы, взятой с тел девушек, и последующего сравнения с образцами ДНК предполагаемого преступника определил, что последний не имеет отношения к совершенным действиям. Затем все тот же ученый при непосредственном содействии полицейских «организовал» забор биологического материала у местного населения. Полученные образцы были использованы для проведения генетического анализа и выявления совпадений с образцами ДНК убийцы. Единственной причиной, по которой эти действия не увенчались успехом, ста-

ло уклонение от сдачи крови настоящим преступником (за него это сделал другой человек).

После этого правоохранительные органы начали уделять особое внимание генетическому анализу, а в результате его регулярного практического применения, была признана важность учета генетической информации, что естественным образом привело к созданию баз данных.

Самая первая база генетической информации появилась в 1995 году в Великобритании (NDNAD). Далее к разработке баз данных приступили такие страны, как США (CODIS), Канада (NDDDB), Германия (ВКА), Франция (FNAEG), Израиль (IPDIS) и другие. В общей сложности сейчас криминалистические базы данных уже активно используются в более чем 60 государствах [14, с. 58].

В нашей работе будет рассмотрено развитие и использование генетических баз данных в Великобритании и США, в первую очередь по причине того, что именно в этих странах были созданы самые крупные национальные базы данных на сегодняшний день – Национальная база данных ДНК Соединенного Королевства и Комбинированная система индексов ДНК.

Итак, Англия. В 1980-е гг. местная полиция графства Лестершир предприняла попытку сбора образцов крови мужского населения для поимки убийцы нескольких девочек подросткового возраста [4, с. 153]. Поставленных целей по ряду причин достигнуть не удалось, но полученный опыт (выявление в результате генетического анализа лиц, не причастных к расследуемому преступлению; обоснованное сужение круга подозреваемых; получение достоверных данных, на основе которых было вынесено справедливое судебное решение, и наказание понес виновный человек) позволил сделать объективный вывод о том, что базы ДНК-данных нужно создавать и активно внедрять в процесс расследования преступлений.

Спустя время, в 1995 году в Великобритании начала функционировать первая в мире база ДНК-данных, основанная на STR-полиморфизме, под названием «Национальная база данных ДНК Соединенного Королевства» (National DNA Database, NDNAD). Правовой основой NDNAD стал Закон об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года (Criminal Justice and Public Order Act 1994). Данный нормативный акт наделил полицию правом брать образцы ДНК у лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, относящихся к категории регистрируемых, в том числе и без их согласия, а также пользоваться информационным поиском в базе данных ДНК-профилей [11].

Буквально через несколько месяцев после запуска NDNAD вмещала в себя почти 20 000 ДНК-

профилей. Кроме того, в указанный период с помощью Национальной базы данных было выявлено более 100 лиц, нарушивших закон, путем обнаружения совпадений данных полиморфизма их ДНК с хранившимися в базе.

США выбрали другой путь создания национальной базы данных ДНК, который во многом был предопределен территориальным устройством страны.

В конце 80-х гг. 20 века несколько штатов предприняли успешные попытки создания баз ДНК-данных, что впоследствии спровоцировало разработку Федеральным бюро расследований (ФБР) пилотной версии Комбинированной системы индексов ДНК (Combined DNA Index System, CODIS), которая должна была способствовать установлению контакта и осуществлению обмена данными между разными штатами. Началась апробация системы. Количество образцов ДНК преступников, которые собирались разными штатами, задействованными в процессе тестирования CODIS, стремительно росло. Одновременно с этим стали появляться законодательные решения о функционировании баз ДНК-данных. К концу 1993 года они были приняты почти в 20 штатах.

Правовой основой работы CODIS стал Закон об идентификации ДНК (DNA Identification Act), появившийся в 1994 году. В соответствии с положениями этого акта, ДНК-данные стали относиться к конфиденциальной информации, с установлением ограниченного доступа к ней [13].

К концу 1997 года Комбинированная система индексов ДНК содержала большое количество образцов. Все они были представлены исключительно в виде VNTR-локусов. На их основе получали ДНК-фингерпринтеры или, иными словами, электрофоретические картины. Они представляли собой информацию, тяжело поддающуюся сравнению, по причинам отсутствия единых стандартизированных условий проведения эксперимента и постоянным неизбежным отклонениям в электрофоретической подвижности при анализе полос ДНК, в результате чего сравнение подобных ДНК-фингерпринтов разных людей велось фактически визуально.

Менее чем через год CODIS перешла на другой тип полиморфизма в виде STR-локусов.

Современные варианты и британской NDNAD, и американской CODIS имеют федеративную архитектуру (существует несколько автономно функционирующих локальных баз, работа которых заключается в регулярной «отгрузке» данных в единую федеративную базу). Но в случае с Великобританией в Северной Ирландии и Шотландии есть их собственные криминалистические базы данных, соответственно, данные сначала про-

ходят ирландские и шотландские базы, а уже оттуда направляются в Национальную базу данных ДНК Соединенного Королевства. Из Англии и Уэльса данные в NDNAD поступают напрямую, в связи с отсутствием у них местных баз данных. В Америке создана многоуровневая архитектура, т.е. данные собираются на местном уровне в конкретных городах конкретного штата и образуют LDIS (Local DNA Index System) – местную базу данных ДНК, затем данные из каждой LDIS поступают в SDIS (State DNA Index System) – базу данных ДНК штата, и уже из них загружаются в NDIS (National DNA Index System) – национальную базу данных США. Все это в совокупности является архитектурой национальной криминалистической базы данных США CODIS [8, с. 161].

CODIS хранит всего несколько параметров, среди которых идентификатор лаборатории, которая загрузила данные, идентификатор образца, ДНК-профиль и идентификатор специалиста, ответственного за получение профиля [13].

Среди конкретных категорий ДНК-данных, формирующих содержание CODIS, выделяются группы, куда входят данные лиц, осужденных за преступления, данные лиц, обвиняемых в совершении преступлений, образцы ДНК, полученные на месте преступлений, образцы ДНК с неопознанных человеческих останков, образцы ДНК лиц, состоящих в родстве с лицами, пропавшими без вести и т.д.

NDNAD также содержит ограниченное количество сведений, а именно номер образца, ДНК-профиль, пол, возраст, этнический облик донора и идентификатор лаборатории, которая загрузила данные [8, с. 162].

В эту базу данных включается геномная информация подозреваемых, обвиняемых, признанных виновными в совершении преступлений, лиц, подвергнутых аресту и т.д.

В целом, характеризуемые базы данных предназначены для осуществления результативного сравнения ДНК-профиля лица, например, подозреваемого в совершении «текущего» расследуемого преступления, с ДНК-профилями биологических пятен, ранее собранных с мест происшествия и помещенных в базу данных. И наоборот. Возможно сравнение ДНК-профиля биологических пятен с мест происхождения при расследовании нового преступления с ДНК-профилем лица уже стоящего на учете в базе данных.

Исходя из официальной статистики, которая ежеквартально обновляется, по состоянию на 30 сентября текущего года, общее количество профилей субъектов, хранящихся в Национальной базе данных ДНК Соединенного Королевства, превышает 6 500 000 [15].

Что же касается Комбинированной системы индексов ДНК, а точнее Национального индекса ДНК (NDIS), который входит в CODIS, то по данным, размещенным на официальном сайте правительства Соединенных Штатов и Министерства юстиции на апрель 2021 года, в нем содержалось более 14 500 000 профилей преступников, более 4 000 000 профилей арестованных и более 1 000 000 криминалистических профилей [12].

В Российской Федерации появление первой криминалистической генетической базы данных принято связывать с Приказом МВД России «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», действие которого началось с 2006 года. Данный акт был разработан с целью регламентации процедур формирования, ведения и практического применения экспертно-криминалистических учетов ОВД РФ [6].

Позже Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» определил особенности проведения государственной геномной регистрации, а также урегулировал вопросы, связанные с получением, учетом, хранением, использованием, передачей и уничтожением геномной информации [9].

Указанный Закон был принят в 2008 году, а буквально через год была создана Федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ).

Известно, что геномная информация поступает в ФБДГИ в результате экспертных исследований ДНК, которые в свою очередь ориентированы на обнаружение STR-локусов в составе участков ДНК человека, что полностью исключает попадание в базу данных каких-либо личных идентифицирующих данных.

ФБДГИ содержит геномную информацию лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе следственных действий, а также неопознанных трупов (статья 7 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации») [9].

В соответствии с данными, предоставленными первым заместителем начальника ЭКЦ МВД России полковником полиции Эмилом Мусиным, с помощью Федеральной базы данных геномной информации каждый год удается устанавливать более 5 000 фактов причастности лиц к совершению преступлений. Но есть перспектива повышения таких показателей за счет трансформации отечественного законодательства и появления норм, позволяющих увеличить число ДНК-профилей за

счет расширения круга лиц, подлежащих учету [7]. В частности, был разработан законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации», находящийся на данный момент на стадии рассмотрения в Государственной Думе. В случае его принятия обязательной геномной регистрации будут подлежать лица, подозреваемые, обвиняемые в совершении преступлений, лица, осужденные и отбывающие наказания за совершенные преступления, а также лица, подвергнутые административному аресту [2].

Общее же количество образцов геномов, содержащихся в ФБДГИ, за прошедший год составило более 1 000 000 экземпляров [5].

Помимо общей базы ДНК-данных с 2019 года Следственный комитет России формирует базу данных подозреваемых, генетические следы которых были изъяты с мест преступлений [3].

Что же касается вопросов развития российской криминалистической базы данных в ближайшее время, то им уделяется большое внимание. Начиная с 2021 года, началось выделение бюджетных ассигнований на создание и функционирование информационно-аналитической системы хранения и обработки генетических данных «Национальная база генетической информации», которая должна быть официально запущена уже в 2024 году. Предполагается, что основная информация, содержащаяся в «Национальной базе генетической информации» будет находиться в открытом доступе, а что касается генетических данных людей, то они, конечно, будут обезличены [1].

Таким образом, генетическая информация, используемая в целях идентификации личности, является одним из самых ценных видов доказательств. Помещение такой информации в соответствующие базы данных и формирование на их основе ДНК-профилей позволяет раскрывать преступления качественнее и быстрее.

На сегодняшний день существует большое количество национальных криминалистических генетических баз данных, работающих с короткими tandemными повторами (STR), например, в Австралии, Болгарии, Дании, Канаде, Новой Зеландии, Франции и т.д. При этом все они имеют свои характерные особенности.

В ходе исследования британского, американского и российского опыта использования баз хранения генетических данных стало понятно, что отечественный путь становления и развития баз ДНК-данных отличается от пути, который проходят Великобритания и США. В Российской Федерации пока еще нет единой национальной генетической базы данных, в отличие от указанных стран. Но, используя их опыт, можно создать генетическую базу данных с минимальным количеством проблем, пробелов и ошибок.

Так, например, учитывая географические особенности нашего государства, которые имеют некоторые совпадения с географическими особенностями Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства, наиболее оптимальной архитектурой для российской национальной генетической базы данных будет федеративная архитектура. Помимо этого, стоит обратить внимание на наличие в NDNAD и CODIS конкретного количества и перечня используемых генетических маркеров для ДНК-идентификации. В Российской Федерации какого-либо единообразия в этой сфере пока не наблюдается. На практике для анализа поступивших образцов, в том числе и в рамках одного дела, используются панели с разными ДНК-маркерами. Это создает сложности, во-первых, для процедуры сравнения образцов, а, во-вторых, для формирования федеральной базы генетической информации. Ввиду этого, необходимо последовать примеру зарубежных стран и определить четкий стандарт для генетических маркеров, используемых экспертными подразделениями, предоставляющими информацию в базу данных.

В целом, таких примеров реального применения опыта иностранных государств на территории Российской Федерации можно привести еще много. Но вывод в любом случае будет один – успешное введение в эксплуатацию национальной генетической базы данных, а также ее результативное функционирование во многом зависит от качественного анализа практических действий тех стран, которые смогли путем проб и ошибок разработать эффективные криминалистические базы ДНК-данных, способные оказывать огромную помощь в расследовании даже самых сложных и запутанных преступлений.

Литература

1. Данные в Национальной базе генетической информации будут храниться в обезличенном виде // ТАСС, информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/8689483> (дата обращения: 19.11.2021)
2. Законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации (в части расширения перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации)» / Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (дата обращения: 19.11.2021)
3. Козлова Н. Баstryкин: В России создана единая база ДНК-следов // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/10/15/bastrykin-v-rossii-sozdana-edinaia-baza-dnk-sledov.html> (дата обращения: 19.11.2021)
4. Криминалистические генетические базы данных: сб. статей / Башкирский государственный университет. 2020. С. 151 – 159.
5. Петров И. Колокольцев: В базе МВД есть геном уже более 1 млн человек // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/03/03/kolokolcev-v-baze-mvd-est-genom-uzhe-bolee-1-mln-chelovek.html> (дата обращения: 19.11.2021)
6. Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 (ред. от 11.09.2018) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // Письмо Минюста Российской Федерации. 2006. № 01/2913-ЕЗ.
7. Пробыть по базе. Как с помощью новых технологий ищут пропавших без вести [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/document/25314665> (дата обращения: 19.11.2021)
8. Семиходский А.Г. Криминалистические базы данных геномной информации: международный опыт и возможность его применения в Российской Федерации // Правосудие. 2021. № 1. С. 148 – 183.
9. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 17.12.2009) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст.5740.
10. Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г. и др. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т. 10. № 1. С. 85 – 140.
11. A guide to the Criminal Justice and Public Order Act 1994 [Электронный ресурс] // The Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/guidetocriminalj0000mort/page/n299/mode/2up> (дата обращения: 18.11.2021)
12. Combined DNA Index System (CODIS) [Электронный ресурс] // National Institute of Justice [сайт]. [2021]. URL: <https://nij.ojp.gov/taxonomy/term/5941> (дата обращения: 19.11.2021)
13. Frequently Asked Questions on CODIS and NDIS [Электронный ресурс] // FBI Federal Bureau of Investigation. [сайт]. [2021]. URL: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis/codis-and-ndis-fact-sheet> (дата обращения: 19.11.2021)
14. Helena Machado, Rafaela Granja. Forensic Genetics in the Governance of Crime. Singapore: Palgrave Pivot, 2020. 114 p.
15. National DNA Database statistics [Электронный ресурс] // Government Digital Service. [сайт]. [2021]. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/national-dna-database-statistics> (дата обращения: 19.11.2021)

References

1. Dannye v Nacional'noj baze geneticheskoy informacii budut hranit'sja v obezlichenom vide. TASS, informacionnoe agentstvo [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/8689483> (data obrashhenija: 19.11.2021)
2. Zakonoproekt № 1048800-7 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam gosudarstvennoj genomnoj registracii (v chasti rasshirenija perechnja lic, podlezhashhih objazatel'noj gosudarstvennoj genomnoj registracii)». Sistema obespechenija za-konodatel'noj dejatel'nosti Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). Gosudarstvennaja Duma Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (data obrashhenija: 19.11.2021)
3. Kozlova N. Bastrykin: V Rossii sozdana edinaja baza DNK-sledov. Rossijskaja gazeta [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2019/10/15/bastrykin-v-rossii-sozdana-edinaia-baza-dnk-sledov.html> (data obrashhenija: 19.11.2021)

4. Kriminalisticheskie geneticheskie bazy dannyh: sb. Statej. Bashkirskij gosudarstvennyj universitet. 2020. S. 151 – 159.
5. Petrov I. Kolokol'cev: V baze MVD est' genom uzhe bolee 1 mln chelovek. Rossijskaja gazeta [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2021/03/03/kolokolcev-v-baze-mvd-est-genom-uzhe-bolee-1-mln-chelovek.html> (data obrashhenija: 19.11.2021)
6. Prikaz MVD Rossii ot 10.02.2006 № 70 (red. ot 11.09.2018) «Ob organizacii ispol'zovanija jekspertno-kriminalisticheskikh uchetov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii». Pis'mo Minjusta Rossijskoj Federacii. 2006. № 01/2913-EZ.
7. Probit' po baze. Kak s pomoshh'ju novyh tehnologij ishhut propavshih bez vesti [Jelektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.rf/document/25314665> (data obrashhenija: 19.11.2021)
8. Semihodskij A.G. Kriminalisticheskie bazy dannyh genomnoj informacii: mezhdunarodnyj opyt i vozmozhnost' ego primeneniya v Rossijskoj Federacii. Pravosudie. 2021. № 1. S. 148 – 183.
9. Federal'nyj zakon ot 03.12.2008 № 242-FZ (red. ot 17.12.2009) «O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 49. St.5740.
10. Chemeris D.A., Sagitov A.M., Aminev F.G. i dr. Jevoljucija podhodov k DNK-identifikacii lichnosti. Biomika. 2018. T. 10. № 1. S. 85 – 140.
11. A guide to the Criminal Justice and Public Order Act 1994 [Jelektronnyj resurs]. The Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/guidetocriminalj0000mort/page/n299/mode/2up> (data obrashhenija: 18.11.2021)
12. Combined DNA Index System (CODIS) [Jelektronnyj resurs]. National Institute of Justice [sajt]. [2021]. URL: <https://nij.ojp.gov/taxonomy/term/5941> (data obrashhenija: 19.11.2021)
13. Frequently Asked Questions on CODIS and NDIS [Jelektronnyj resurs]. FBI Federal Bureau of Investigation. [sajt]. [2021]. URL: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis/codis-and-ndis-fact-sheet> (data obrashhenija: 19.11.2021)
14. Helena Machado, Rafaela Granja. Forensic Genetics in the Governance of Crime. Singapore: Palgrave Pivot, 2020. 114 p.
15. National DNA Database statistics [Jelektronnyj resurs]. Government Digital Service. [sajt]. [2021]. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/national-dna-database-statistics> (data obrashhenija: 19.11.2021)

*Dolzhenko N.I., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kupryashina E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Podmokov N.S.,
Belgorod State National Research University*

FORENSIC GENETIC DATABASES: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE OF USING

Abstract: one of the most dynamically developing areas of forensic science, contributing to a significant increase in the detection of crimes, is DNA testing. The world and domestic practice of using DNA technologies has shown their advantages in the field of identifying the personality of an unknown individual in comparison with other identification methods known in forensic science. The multidimensionality and practical complexity of this activity leads to the emergence of a large number of problems, the solution of which is possible by conducting a comparative analysis of the fundamentals of the functioning of forensic genetic databases abroad and in the Russian Federation. In this regard, the issue considered in this paper is one of the most relevant in the modern theory of criminology and criminal procedure. The article discusses forensic DNA databases and the features of their formation in the UK and the USA, due to the fact that it was there that the largest national databases were created to date. The authors draw attention to the fact that the domestic path of formation and development of DNA databases differs from the path followed by the UK and the USA. The Russian Federation does not yet have a unified national genetic database, in contrast to these countries. As a solution, it is proposed to use the positive foreign experience indicated in the work on creating a genetic database with a minimum number of problems, gaps and errors. A point of view was expressed on the need to define a clear standard for genetic markers used by expert units that provide information to the database.

Keywords: genomic information database, DNA database, forensic DNA database, genetic database, forensic DNA analysis, forensic genetics

For citation: Dolzhenko N.I., Kupryashina E.A., Podmokov N.S. Forensic genetic databases: domestic and foreign experience of using. Modern Scientist. 2023. 1. P. 258 – 263.

*Прошин В.М., доктор юридических наук, профессор, адвокат,
Московский государственный областной университет*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТОРОНАМИ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация: на предварительном следствии специалист привлекается следователем к участию в следственном действии для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Стороне защиты предоставлено лишь право ходатайствовать, и в этом праве не может быть отказано, о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Данное обстоятельство фиксирует неравенство сторон перед судом в части использования в доказательном процессе процессуальных статусных возможностей специалиста при сборе и проверки доказательств, а значит процесс формирования правовой позиции стороны обвинения, основанной на доказательствах, добытых с использованием специальных знаний специалиста, и отражённой в обвинительном заключении, протекает вне рамок состязательности.

Ключевые слова: предварительное следствие, процесс доказывания, доказательства, специальные знания, специалист, суд, состязательность сторон, сторона обвинения, сторона защиты, сбор доказательств, оценка доказательств, применение технических средств, материалы уголовного дела, равноправие сторон

Для цитирования: Прошин В.М. Возможности использования сторонами знаний специалиста в ходе предварительного следствия // Современный ученый. 2023. № 1. С. 264 – 266.

Исследованию вопроса использования специальных знаний специалиста в уголовном судопроизводстве посвящено много научных трудов, внимание в которых фокусировалось и на доказательственном значении заключения специалиста и на возможности его использования сторонами в условиях состязательности в ходе сбора, проверки и оценки доказательств. [1, 2, 3] В соответствии с ч. 4 статьи 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. [4] Но в данном случае о равноправии, с нашей точки зрения, можно говорить исключительно как о независимом оценочном суждении суда о правовых позициях сторон. А если вести речь о возможностях защитника по участию в процессе доказывания (ст. 85 УПК РФ) на основе состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), то полномочия стороны защиты при оказании юридической помощи в части использования специальных знаний в лице специалиста по собиранию и представлению доказательств (подп. 2, ч. 1 ст. 53 УПК РФ) в порядке, установленном частью 3 статьи 86 УПК РФ, значительно проигрывают стороне обвинения, так как носят зависимый от мнения следователя характер.

На предварительном следствии специалист привлекается следователем к участию в следственном действии (ст. ст. 58; 168 УПК РФ) для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения вопросов, входящих в его про-

фессиональную компетенцию. То есть, привлекаемый следователем специалист, участвует на стороне обвинения во всех стадиях доказательного процесса, связанных со сбором, проверкой и оценкой доказательств. Стороне защиты предоставлено лишь право ходатайствовать, и согласно ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ в этом праве не может быть отказано, о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Следовательно возможность прибегать при необходимости напрямую к помощи специалиста для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, как обоснованных и эффективных способов и средств установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), является исключительно прерогативой стороны обвинения, в данном случае следователя. Участие же стороны защиты в процессе доказывания по уголовному делу с использованием знаний специалиста сводится к процессуальной возможности оценки отдельных доказательств на основе разъяснений специалиста исключительно по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ). То есть помощь специалиста стороне защиты процессуально допустима на стадии оценки доказательств.

Учитывая, что вызов специалиста и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях на предварительном следствии определяется следователем, а в судебных заседаниях – судом (ст.ст. 168; 270 УПК РФ), реализация полномочий специалиста по содействию в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, исходя из системного толкования норм частей 1 и 2.1 статьи 58 и статей 168 и 270 УПК РФ, находится в исключительной компетенции следователя и суда. А значит защитник, реализуя свои права по собиранию доказательств, установленные частью 3 статьи 86 УПК РФ, и ходатайствуя о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста, может рассчитывать только на содействие специалиста в формировании оценочных выводов по уже собранным и проверенным доказательствам путём разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. То есть процессуальная норма о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста по ходатайству стороны защиты исключительно для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, препятствует использованию всех процессуальных полномочий специалиста, обеспечивающих его активное участие в доказательном процессе по сбору и проверки доказательств, при этом процессуально доступных стороне обвинения. Правовой смысл, вытекающий из системного толкования процессуальных норм частей 1 и 2.1 статьи 58 и статей 168 и 270 УПК РФ, исключает для защитника возможность прибегнуть к помощи специальных знаний специалиста в части реализации его процессуальных полномочий по содействию в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту. То есть данные полномочия специалиста, предусмотренные частью 1 статьи 58 УПК РФ, и исключённые из перечня возможностей использования специальных знаний стороной защиты (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ), недоступны защитнику.

При этом следует заметить, что именно данные полномочия специалиста формируют его процессуальный статус на стадиях сбора и проверки доказательств. А значит активное участие специалиста в процессе доказывания на стороне защиты, привлечённого к участию в деле по ходатайству адвоката, возможно реализовать исключительно на этапе оценки уже собранных доказательств в виде дачи письменного оценочного суждения по поставленным перед ним вопросам, которое может

быть оформлено как заключение специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

В ходе производства по уголовному делу защитник имеет возможность ознакомиться с материалами тех следственных действий, в которых принимал участие (подп. 4, 5, 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), большая часть материалов уголовного дела доступна защитнику только по окончании предварительного расследования (подп. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Следовательно защитник лишён возможности получить разъяснение специалиста по большинству предметов, документов и иных носителей сведений об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу и содержащихся в материалах уголовного дела, на стадии предварительного расследования. Ведь специалист на стадии предварительного расследования привлекается к участию в производстве по уголовному делу следователем (ч. 1 ст. 168; ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Анализ защитника по окончании предварительного расследования доказательств, полученных с использованием специальных знаний специалиста, привлечённого по инициативе стороны обвинения для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, в постановки вопросов эксперту, лишает сторону защиты возможности адекватного процессуального реагирования на правовую позицию обвинения, основанную на результатах участия специалиста в доказательном процессе по инициативе следователя (дознавателя). А значит стороны не равноправны перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ) в части использования в доказательном процессе процессуальных статусных возможностей специалиста при сборе и проверки доказательств. Как следствие, процесс формирования правовой позиции стороны обвинения, основанной на доказательствах, добытых с использованием специальных знаний специалиста, и отражённой в обвинительном заключении, протекает вне рамок состязательности. Ведь обвиняемый лишён права представлять доказательства (подп. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а защитник – собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (подп. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), получение которых обусловлено необходимостью использования специальных знаний специалиста в рамках всего перечня его процессуальных полномочий для формирования контрпозиции в отношении сведений об обстоятельствах события преступления, добытых стороной обвинения с использованием знаний специалиста. Сторона защиты, в условиях декларирования равноправия стороны обвинения и защиты перед су-

дом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ), лишена самостоятельных процессуальных возможностей равнозначного использования всех процессуальных полномочий специалиста при несогласии с правовой позицией обвинения.

Таким образом, равноправие стороны обвинения и защиты перед судом это лишь непредвзятое мнение суда о доказательствах, положенных в обоснование правовых позиций каждой из сторон,

при этом процессуальные возможности по сбору и проверке этих доказательств в части привлечения помощи специалиста далеки от равноправия, что в большинстве случаев лишает совокупность доказательств, положенных в обоснование принимаемого решения по делу, всесторонности и полноты, и как следствие, увеличивается риск вынесения судом незаконного и необъективного приговора (ч. 1 ст. 297 УПК РФ).

Литература

1. Соколов А.Ф., Ремизов М.В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Учебное пособие. Ярославль. 2010. 127 с.
2. Елагина Е.В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Санкт-Петербург. 2019. 115 с.
3. Байков Ю.Ф., Банков В.А., Усков И.Н. Заключение и показания специалиста как форма использования специальных знаний в состязательном уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 63 – 70.
4. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020)

References

1. Sokolov A.F., Remizov M.V. Ispol'zovanie special'nyh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve. Uchebnoe posobie. Jaroslavl'. 2010. 127 s.
2. Elagina E.V. Institut special'nyh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg. 2019. 115 s.
3. Bajkov Ju.F., Bankov V.A., Uskov I.N. Zakljuchenie i pokazanija specialista kak forma ispol'zovanija special'nyh znaniy v sostjazatel'nom ugovnom sudoproizvodstve. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 9. S. 63 – 70.
4. Uголовно-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 №174-FZ (v redakcii ot 24.04.2020)

*Proshin V.M., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor, Advocate,
Moscow Region State University*

OPPORTUNITIES FOR THE PARTIES TO USE THE KNOWLEDGE OF A SPECIALIST DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract: during the preliminary investigation, a specialist is involved by the investigator to participate in the investigative action to assist in the discovery, fixing and seizure of objects and documents, the use of technical means in the study of the materials of the criminal case, to pose questions to the expert, as well as to clarify issues within his professional competence. The defense is granted only the right to petition, and this right cannot be denied, to involve a specialist in the proceedings on a criminal case in order to clarify issues within his professional competence. This circumstance fixes the inequality of the parties before the court in terms of using the procedural status capabilities of a specialist in the evidentiary process when collecting and verifying evidence, which means that the process of forming the legal position of the prosecution based on evidence obtained using the special knowledge of a specialist and reflected in the indictment proceeds outside of competition.

Keywords: preliminary investigation, process of proof, evidence, special knowledge, specialist, court, adversarial nature of the parties, prosecution, defense, collection of evidence, assessment of evidence, use of technical means, materials of a criminal case, equality of parties

For citation: Proshin V.M. Opportunities for the parties to use the knowledge of a specialist during the preliminary investigation. Modern Scientist. 2023. 1. P. 264 – 266.

*Чаплыгина В.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
Черкасова Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Рудов Д.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Аннотация: в представленной статье, авторами поднимается проблема дистанционных мошенничеств совершенных с применением современных технических средств и технологий. На основе анализа статистических данных, авторы характеризуют состояние преступности в сфере хищений с использованием современных средств платежей. Как с позиции теории, так и практики эта проблема остается на данный момент весьма актуальной, так как технические средства развиваются стремительно, при этом растет быстрота совершаемых действий. Указанная проблематика, обусловлена тем, что как правило, преступления указанной направленности совершаются в отношении самых незащищенных слоев населения, которые в наименьшей степени владеют современными технологиями. При этом указанная категория наиболее доверчива и не всегда осознает. Что своими действиями способствует совершению преступлений указанной направленности.

Указанная авторами проблематика обусловлена и тем, что в уголовно-процессуальном законе закреплено право органа предварительного расследования на сбор доказательств совершения преступления, при этом необходимо отметить, что в данной ситуации требуются специальные познания, для чего следователь (дознатель) наделен правом привлечения эксперта (специалиста) для сбора доказательств.

Авторами проводится анализ конкретных следственных ситуаций связанных с расследованием уголовных дел совершенных с использованием современных технологий, при этом даются рекомендации по производству конкретных процессуальных действий.

В контексте проведенного анализа, авторы делают предложения по методике документирования и расследования мошенничеств, совершенных с использованием современных средств платежа.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, средства платежа, современные технологии, расследование, следователь, платежные системы, специальные знания

Для цитирования: Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267 – 271.

В современном мире электронные деньги и средства платежа занимают особую нишу, с каждым днем увеличивая количество людей, пользующихся ими. В особенности, в условиях пандемии COVID-19 данные сервисы значительно обезопасили жизнь человека и стремительно вошли в повседневное пользование. По данным департамента Национальной платежной системы Банка России, по итогам первого полугодия 2022 г. количество безналичных платежей составило почти 69% [1]. Однако вместе с этим выросло число преступлений, в которых фигурируют именно электронные средства платежа и электронные денежные средства. Так, например, согласно официальным данным статистики Центрального Банка России, с июля по сентябрь 2021 года мошенниками было похищено 1,9 млрд. рублей, совершено 163 тысячи операций. В то время как в период с июля по сентябрь 2022 года было осуществлено 180 тысяч операций без согласия граждан, использующих электронные средства платежа, на общую сумму, составляющую 2,5 млрд. рублей. По данным пока-

зателям виден стремительный рост подобных преступлений [2].

С апреля 2018 года положения статьи 159.3 Уголовного кодекса РФ были изменены, и вместо ответственности за совершение мошенничества с использованием платежных карт была установлена санкция за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

В силу того, что данные преступления совершаются в основном с применением специальных технических устройств, необходимо учитывать тот факт, что их создание и настройка требует определенного времени. В основном они предназначены для считывающих информацию о владельце электронных денежных средств, перехватывающих каналы связи клиента с банком-эмитентом, а также создающие на них искусственные помехи, которые способствуют получению дополнительной возможности завладеть средствами путем обмана или злоупотребления доверием.

Безусловно, стоит учитывать тот факт, что субъект преступления, в особенности, разбираю-

щийся в современных технологиях, будет различными средствами скрывать факт совершенного деяния. Зачастую, следствию сложно самостоятельно разобраться в подобных ситуациях в силу наличия только уголовно-правовой специализации. По этой причине привлекаются специалисты-криминалисты в сфере информационных технологий, владеющие широким спектром знаний в данной области.

Наибольшую распространенность в современном преступном мире занимают мошенничества, предусмотренные ст.159.3 УК РФ, совершаемые дистанционно. Среди них можно отметить создание различных сайтов, представляющих собой копию настоящего сервиса, либо заведомо ложных объявлений с целью извлечь материальную выгоду.

Данный вид мошенничества довольно широко распространен в сфере интернет-магазинов, в различных социальных сетях, сайтах продаж типа «из рук в руки». Лица, совершающие данное деяние, выдают себя за истинного сотрудника, владельца магазина или объявления и путем обмана или злоупотребления доверием, завладевают электронными денежными средствами потерпевших. Это происходит в основном в момент так называемой «покупки» товара или услуги. Лицо, клиент, желающий приобрести что-либо, переводит денежные средства на ранее представленный мошенниками счет, заведомо не осознавая обманный характер деяния.

В качестве примера можно привести такую ситуацию: Гражданин N., создав в социальной сети Instagram аккаунт «shop_vladi_good», разместил на нем несколько объявлений по поводу продажи одежды, в которых указывал цену и наименование товара. Гражданка К. решила заказать данный товар и написала продавцу, который в последующем, путем ведения переписки вежливым тоном попросил написать данные для отправки почтой. Вызвав доверие, попросил перевести денежные средства в сумме 2 590 рублей на счет №5426 0293 8777 ****. После удостоверения в совершении перевода «продавец» заблокировал гражданку К. и больше не выходил на связь [3]. В данном случае лицо, совершившее деяние, не имело возможности исполнить обязательства, под видом которых осуществляло продажу товаров и не собиралось выполнять их, то есть путем обмана и злоупотребления доверием завладело денежными средствами потерпевшей.

Подобными способами совершаются преступные деяния в виде мошенничества на различных сайтах продаж, например, на Авито. Пользователь также выкладывает заведомо ложное объявление и под предлогом отправки в другой город службами

доставки (покупателям из других городов) обманывает лиц и завладевает их денежными средствами.

Следующим способом совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа является занесение вирусных программ на какие-либо мобильные или компьютерные устройства с целью извлечения материальных ценностей и выгоды. Под вирусами стоит понимать вредоносные программы, способные, при попадании в устройство, создавать свои копии и нарушать механизм его работы.

При помощи такого способа в основном осуществляется перехват информации о пользователе банковского счета или иного электронного счета, на котором хранятся денежные средства. Путем взаимодействия данных вредоносных программ с сервисами устройства происходит блокирование каналов связи, передающих личные данные в виде паролей, номеров счетов и т.д. После чего осуществляется их передача их с помощью других линий связи на устройства мошенников. Так, зачастую, лица, совершающие подобного рода преступления, рассылают SMS-сообщений в мобильный банк «СберБанк Онлайн» от банка-эмитента. В них предлагается перевести денежные средства клиента, якобы находящиеся под угрозой, на другой «запасной» счет, специально созданный банком. В конечном счете, денежные средства поступают на счет мошенникам.

Ещё одним из наиболее распространенных способов совершения преступлений является незаконный доступ к электронным почтовым сервисам. Здесь также применяются специальные программы для подбора логина и пароля электронной почты. Однако взлом данных сервисов происходит в основном не у граждан, а у каких-либо организаций, продающих товар или услугу. Суть деяния сводится к тому, что после получения доступа к электронной почте, мошенник под видом «продавца» совершает заведомо ложную сделку с покупателем, который производит оплату на счет преступного лица. То есть путем выдачи себя за других лиц и злоупотребляя доверием клиента мошенник завладевает денежными средствами потерпевшего и использует их в собственных целях или в пользу третьих лиц.

Для того, чтобы понять каким образом расследуются подобного рода преступления, необходимо рассмотреть алгоритм действий следователя. В основном он начинается с непосредственного принятия заявления и опроса очевидцев, если они имеются [4, с. 189]. Кроме того, в обязательном порядке лицо, пострадавшее от совершенного деяния, должно получить выписку о движении денежных средств на счете, который был задейство-

ван при совершении преступления [5, с. 85]. Следователь при этом удостоверяет факт действительного перевода или снятия средств, так как они в данном случае имеют доказательственное значение.

После этого необходимо опросить родственников, соседей и возбудить уголовное дело. При этом выносится постановление о признании лица потерпевшим, происходит ознакомление с ним и производится допрос потерпевшего для установления более точных данных произошедшего. В данном случае допрос потерпевшего будет иметь некоторые особенности. В частности, можно отметить, что по составу преступления в виде мошенничества с использованием электронных средств платежа, потерпевшим выступает лицо, которому причинен материальный ущерб посредством хищения денежных средств с электронных счетов. Зачастую, такая ситуация возникает из-за виктимного поведения, к проявлению которого относится, например, утеря банковских карт вблизи терминалов оплаты, в торговых центрах и иных местах большого скопления людей, где возможность совершения противоправного деяния намного выше [6, с. 20]. Нередки случаи утери карт вместе с документами, паролями и иной информацией, которая способствует совершению преступления и вызывает стимул у других лиц.

Вместе с тем, потерпевшие сообщают самостоятельно свои данные под воздействием обмана и злоупотребления доверием мошенников, которые представляются работниками учреждений банка. Таковую категорию лиц в основном составляют лица старшего поколения или юридически и финансово неграмотные.

Именно поэтому необходимо правильно построить тактику допроса потерпевшего таким образом, чтобы он пояснил все обстоятельства, при которых у него были похищены денежные средства. Для этого следователь должен побудить его к свободному рассказу, посредством которого установить следующие обстоятельства:

1) факты, так или иначе связанные с открытием счета, цель, наименование банка, в котором он открыт, вид карты, реквизиты, номер счета и телефона, к которому он привязан. Кроме того, устанавливаются данные об устройстве, посредством которого производятся операции и контроль остатка средств, возможные способы доступа к нему, а также степень его защиты, например, наличие установленного пароля.

2) обстоятельства, свидетельствующие об использовании электронного счета или карты потерпевшим, периодичность, действия и операции, предшествующие совершенному деянию. Особое внимание уделяется возможности других лиц ис-

пользовать данные денежные средства (например, родственниками), иметь к ним доступ или знать входные данные в виде логина или пароля от электронного банка

3) сведения об обнаружении факта списания денежных средств со счета: дата, время, место (если известно), конкретная сумма, каким образом это было совершено (потерпевший самостоятельно перевел денежные средства мошенникам вследствие обмана, указал им свои данные или его платежным средством завладели). В случае, если лицо по своей воле предоставило денежные средства или информацию, позволяющую получить доступ к распоряжению ими, устанавливаются причины, поспособствовавшие этому: было ли это сделано добровольно или по требованию, степень причиненного ущерба [7, с. 85].

После допроса вместе с постановлением суда, разрешающим получение информации, направляются запросы в банк, в котором у потерпевшего имеется счет, фигурировавший в преступлении, о совершении на нем операций [8, с. 79]. Затем осматриваются документы, имеющие значение для уголовного дела. Данный факт закрепляется протоколом осмотра документов. После чего следователем выносится постановление о признании их вещественными доказательствами.

Особую роль в данной ситуации играет поручение органам дознания провести оперативно-розыскные мероприятия, направленные на получение информации о соединениях между абонентами сотовой связи, а также об их активности на конкретном участке сетевого покрытия в определенный период времени (биллинг). Если преступное деяние совершалось путем использования анонимных сетей, например «Tor Browser», то необходимо будет установить подключения и отключения пользователя к сети Интернет по IP-адресам и время его пребывания там. После чего направляется запрос провайдеру, предоставившему канал получения информации через подключение, для установления сведений о пользователе. Если преступление было совершено из иностранного государства, то производятся те же, действия, только запрос направляется в адрес той страны, в котором зарегистрирован определенный IP-адрес.

При установлении сведений о лицах, совершивших преступление, принимаются все необходимые меры, направленные на их задержание либо избрание меры пресечения. В последующем выносится постановление о привлечении в качестве подозреваемого, происходит ознакомление с ним, проводится допрос подозреваемого, у которого так же есть некоторые особенности.

Исходя из анализа практики, можно сказать, что данный контингент лиц, зачастую, делится на

две группы. В первой лица, совершившие такого рода мошенничество и признающие данный факт, они содействуют расследованию и согласны давать показания. Ко второй группе относятся противоположные лица, умысел которых при допросе сводится к сокрытию факта мошенничества отрицанию имеющихся против него доказательств. Однако довольно часто представители первой группы на последующем этапе переходят во вторую и становятся не согласны с правовой оценкой их деяния. В таком случае целесообразным будет тщательно проверить показания подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, это необходимо для исключения факта ошибочного или случайного использования чужой банковской карты или счета, введения в заблуждение.

С целью обнаружения и изъятия у подозреваемого каких-либо предметов, документов, которые могут послужить вещественными доказательствами, производится обыск или выемка с последующим их осмотром и составлением всех необходимых процессуальных документов.

После чего, если доказательства и комплекс проведенных мероприятий позволяют указать на данное лицо, как на совершившее мошенничество, выносится постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Происходит ознакомление его с постановлением и материалами уголовного дела. Составляется обвинительное заключение и уголовное дело направляется в суд, в котором уже решается вопрос о привлечении конкретного лица к определенной законом ответственности.

Резюмируя сказанное, рассмотрев отдельные аспекты характеристики мошенничества с использованием электронных средств платежа, а алгоритм действий следователя при расследовании данной категории дел, можно прийти к выводу о том, что и в настоящее время уголовный закон по данному вопросу допускает некоторые неточности и недоработки. С учетом вышеперечисленных предложений и рекомендаций, повышая внимание законодательных органов к данным уголовно-правовым проблемам, можно способствовать снижению общего числа преступлений, совершенных с использованием электронных средств платежа.

Литература

1. Наша задача – сделать платежи удобными, быстрыми, экономически выгодными [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=5032> (дата обращения: 21.12.2022 г.)
2. ЦБ сообщил о росте числа мошеннических операций на треть [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/society/29/12/2020/5feb72aa9a7947eca31d9f64> <https://www.rbc.ru/society/29/12/2020> (дата обращения: 21.12.2022 г.)
3. Приговор Карачаевского районного суда Брянской области от 20 февраля 2019 года по делу № 1-20/2019.
4. Рудов Д.Н., Морозова Н.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере государственного пенсионного обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 187 – 193.
5. Сретенцев А.Н. Некоторые проблемы расследования мошенничеств, совершенных в отношении пожилых лиц // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 3 (72). С. 84 – 86.
6. Складов С.В. К вопросу о конкуренции норм, предусматривающих уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, и мошенничество с использованием электронных средств платежа // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 17 – 22.
7. Третьякова Е.И. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 83 – 88
8. Колычева А.Н. Понятие криминалистической фиксации доказательств, размещенных на ресурсах сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1(82). С. 75 – 81.

References

1. Nasha zadacha – sdelat' platezhi udobnymi, bystryimi, jekonomicheski vygodnymi [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=5032> (data obrashhenija: 21.12.2022 g.)
2. CB soobshhil o roste chisla moshennicheskikh operacij na tret' [Jelektronnyj resurs] <https://www.rbc.ru/society/29/12/2020/5feb72aa9a7947eca31d9f64> <https://www.rbc.ru/society/29/12/2020> (data obrashhenija: 21.12.2022 g.)

3. Prigovor Karachaevskogo rajonnogo suda Brjanskoj oblasti ot 20 fevralja 2019 goda po delu № 1-20/2019.
4. Rudov D.N., Morozova N.V. Nekotorye aspekty kriminalisticheskoj harakteristiki moshennichestva v sfere gosudarstvennogo pensionnogo obespechenija. Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridiche-skogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'janova. 2022. № 3 (92). S. 187 – 193.
5. Sretencev A.N. Nekotorye problemy rassledovanija moshennichestv, sovershennyh v otnoshenii pozhihlyh lic. Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'janova. 2017. № 3 (72). S. 84 – 86.
6. Skljarov S.V. K voprosu o konkurencii norm, predumtrivajushhijh ugolovnuju otvetstvennost' za krazhu, sovershennuju s bankovskogo scheta, i moshennichestvo s ispol'zovaniem jelektronnyh sredstv platezha. Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2019. № 4 (72). S. 17 – 22.
7. Tret'jakova E.I. Pravovye problemy rassledovanija moshennichestva s ispol'zovaniem jelektronnyh sredstv platezha. Kriminalistika: vchera, segodnja, zavtra. 2020. № 2 (14). S. 83 – 88
8. Kolycheva A.N. Ponjatje kriminalisticheskoj fiksacii dokazatel'stv, razmeshhennyh na resursah seti internet. Nauchnyj vestnik Orlovskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'janova. 2020. № 1(82). S. 75 – 81.

*Chaplygina V.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.) Associate Professor,
Oryol Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov,
Cherkasova E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.) Associate Professor,
Belgorod State National Research University,
Rudov D.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.) Associate Professor,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*

FEATURES OF FRAUD INVESTIGATION USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Abstract: in the presented article, the authors raise the problem of remote fraud committed using modern technical means and technologies. Based on the analysis of statistical data, the authors characterize the state of crime in the field of embezzlement using modern means of payment. Both from the standpoint of theory and practice, this problem remains very relevant at the moment, since technical means are developing rapidly, while the speed of actions taken is growing. This issue is due to the fact that, as a rule, crimes of this direction are committed against the most vulnerable segments of the population, who are the least proficient in modern technologies. At the same time, this category is the most trusting and is not always aware. That by their actions contributes to the commission of crimes of this direction.

The problems indicated by the authors are also due to the fact that the criminal procedure law enshrines the right of the preliminary investigation body to collect evidence of the commission of a crime, while it should be noted that in this situation special knowledge is required, for which the investigator (inquirer) is empowered to involve an expert (specialist) to collect evidence.

The authors analyze specific investigative situations related to the investigation of criminal cases committed using modern technologies, while giving recommendations for the production of specific procedural actions.

In the context of the analysis, the authors make suggestions on the methodology for documenting and investigating fraud committed using modern means of payment.

Keywords: fraud, theft, means of payment, modern technologies, investigation, investigator, payment systems, special knowledge

For citation: Chaplygina V.N., Cherkasova E.A., Rudov D.N. Features of fraud investigation using electronic means of payment. Modern Scientist. 2023. 1. P. 267 – 271.

Монахов Г.Д.,
Бадмадоржиев Г.Е.,
Гордеев К.В.,

Дальневосточный федеральный университет

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ЮАР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ (КЕНИИ, ТАНЗАНИИ И РУАНДЕ)

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию института гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в ЮАР и странах Восточной Африки (Кении, Танзании и Руанде). Данный институт является важным явлением для уголовного процесса, поскольку от уровня доступа граждан к участию в осуществлении правосудия зависит доверие общества к нему и авторитет всей судебной системы в глазах населения.

В странах современного мира данный институт нашёл своё проявление в абсолютно разных формах, наиболее демократичной и прогрессивной из которых считается суд присяжных. Однако не во всех странах он прижился, что объясняется рядом правовых, политических и исторических факторов. В данной работе авторами были рассмотрены такие страны, суд присяжных в которых либо действовал в определенный период, но в последующем был изъят из национальной судебной системы, либо не учреждался вовсе, а участие граждан в отправлении правосудия в таких странах осуществлялось посредством иных, отличных друг от друга форм.

Проведенное исследование было нацелено на анализ исторического опыта данных стран и на выявление причин появления того или иного витка развития института гражданского участия. Так авторами был изучено развитие и современное состояние рассматриваемого института в Кении и ЮАР, где он изначально получил своё проявление в форме суда присяжных, однако позже был заменен на форму участия граждан в качестве ассессоров (народных представителей), и в Танзании, где данный институт изначально был введен в судебную систему в виде участия граждан в уголовном процессе в качестве ассессоров без этапа его осуществления посредством суда присяжных. В последней части работы авторами были рассмотрены временно действовавшие в 2000-е годы в Руанде суды гасаса, которые являлись проявлением племенных традиций и ценностей коренных народов в судебной системе современного государства. Результат исследования, таким образом, может быть в последующем использован при совершенствовании института гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам, когда у государства имеется необходимость учета культуры и интересов народностей, его населяющих.

Ключевые слова: институт гражданского участия в отправлении правосудия, суд присяжных, уголовный процесс, ассессоры, народные представители, суды гасаса в Руанде

Для цитирования: Монахов Г.Д., Бадмадоржиев Г.Е., Гордеев К.В. История развития и современное состояние института гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в ЮАР и странах Восточной Африки (Кении, Танзании и Руанде) // Современный ученый. 2023. № 1. С. 272 – 278.

Развитие института гражданского участия в Южно-Африканской Республике (далее по тексту – ЮАР) и странах Восточной Африки (прежде всего в Кении, Танзании и Руанде) связано с инициативами британских колониальных властей. Под влиянием британцев в указанных странах появился и суд присяжных. Однако с самого своего зарождения данный институт получил только фрагментарное развитие и применялся крайне ограниченно. Именно эти обстоятельства оказали большое влияние на развитие указанного института в странах Восточной Африки и ЮАР, на его состояние и отношение к нему сегодня в этих странах.

Как однажды выразился Дж.Х. Джири: «Использование суда присяжных в Африке является

либо пережитком энтузиазма в отношении суда присяжных, который преобладал в XIX веке, либо результатом требований европейских меньшинств на тех территориях, где эти меньшинства имеют политическое значение» [1]. Так, в Кении суд присяжных был учреждён в конце XIX века на основании Уголовно-процессуального кодекса Индии 1882 года, в котором содержались отдельные положения для судебного разбирательства над европейцами и американцами. Граждане Кении участвовали в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей вплоть до 1963 года, однако с обретением независимости суды присяжных в стране были упразднены, а участие граждан в отправлении правосудия теперь осуществляется посредством их участия в процессе в качестве ассес-

соров (или народных представителей) [2]. Главным отличием между участием в уголовном процессе в качестве ассессора и в качестве присяжного заседателя является круг вопросов, который стоит перед участвующим в таком качестве гражданином: если перед присяжным стоит вопрос лишь о виновности подсудимого, то перед ассессором помимо этого ставятся вопросы о привлечении данного лица к уголовной ответственности и о выборе вида и размера назначаемого наказания. Иными словами, ассессоры по своей сути являются народными судьями, роль которых в уголовном процессе непомерно выше роли, которая отводится присяжному заседателю.

В отличие от Кении и других бывших колониальных владений Великобритании, в Танзании суды присяжных никогда не действовали. В современной Танзании граждане участвуют в отправлении правосудия по уголовным делам посредством участия в уголовных процессах в качестве ассессоров в первичных и районных судах, а также в Высоком суде.

Ассессорами в Танзании могут быть почти все граждане в возрасте от 30 до 60 лет. Их отбирают и назначают Исполнительные комитеты правящей политической партии. Не могут исполнять обязанности ассессоров министры и члены Национального собрания Танзании, судебные магистраты и судьи, священнослужители, практикующие врачи и аптекари, практикующие юристы, военнослужащие, находящиеся на действительной военной службе, умственно немощные лица, полицейские и работники тюрем, иные работники чиновничьего аппарата [3].

Стоит отметить, что реальное воздействие на мнение магистратов есть у ассессоров только в первичных и районных судах, где расхождение во мнениях ассессоров и магистрата может привести к отмене судебного решения. Такое положение ассессоров в низших судах Танзании обусловлено рядом исторических факторов. Так, самое начало постколониального периода истории Танзании связано прежде всего с произволом и враждебностью магистратов по отношению к местному населению, что обусловило необходимость включения в состав суда ассессоров из числа обычных граждан для того, чтобы минимизировать вероятность необоснованного и несправедливого приговора. Ассессорам были предоставлены судебные полномочия заседать вместе с магистратами в суде, и решение суда принималось большинством голосов (при этом заседатели уже составляли большинство, поскольку их было двое, а магистрат - один). Магистрат таким образом был связан решением большинства заседателей, которые являлись рядовыми гражданами страны.

Ранее подобная ситуация наблюдалась и в Высоком суде. Поводом к отступлению от такого подхода послужило дело Р. против Нуру Мохаммеда Гулама Расула. Ассессоры подсудимый, обвиняемый в незаконном хранении бивней слона, придерживались позиции невинности подсудимого, тогда как судья, основываясь на большом количестве собранных доказательств, пришел к выводу о его виновности. Судья, пусть и письменно обосновавший свою позицию, не смог переубедить ассессоров, в результате чего суд вынес оправдательный приговор в отношении явно виновного лица. В последствии именно данное решение повлияло на изменение закона о том, что судья Высокого суда Танзании не должен быть связан решением ассессоров.

Тот факт, что в первичных и районных судах магистрат все еще связан решением ассессоров, по мнению ряда ученых, является причиной того, что качество отправления правосудия в первых инстанциях в Танзании по-прежнему остаётся достаточно низким. Г.М. Фимбо по этому поводу отмечал, что решения большинства в судах первой инстанции дорого обходятся стране в виде незаслуженных оправдательных и несправедливых обвинительных приговоров [4]. По мнению Дж.Ю. Рухангиса, ассессоры при магистрате суда первой инстанции должны выполнять лишь консультативную функцию, аналогичную той, которую они выполняют при осуществлении правосудия в Высоком суде. Решение суда первой инстанции таким образом не должно основываться на большинстве голосов магистрата и ассессоров, а должно приниматься единолично магистратом после учета мнения народных представителей [5].

На наш взгляд, подобное ограничение роли ассессоров в уголовном процессе обесценивает институт участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам, поскольку минимизирует их влияние на содержание выносимого судебного решения. Таким образом, данная форма института гражданского участия перестает выполнять одну из важнейших своих функций, выраженную в борьбе граждан с возможным произволом судебной власти. С несправедливостью решений, выносимых ассессорами, по нашему мнению, необходимо бороться посредством повышения правовой культуры населения, а не путем ограничения роли ассессоров в уголовном процессе, поскольку осознание гражданином мысли, что его мнение не влияет на выносимое судебное решение, может либо посеять семя правового нигилизма, либо, если он уже сформирован, упрочить его положение.

Институт гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в Южной Африке, выраженный в форме участия граждан в суде

присяжных, следуя уже указанному выше высказыванию Дж.Х. Джири, так же, как и в странах Восточной Африки, с момента своего появления в 1828 году действовал как орган расового и колониального господства.

В первой половине XIX века суд присяжных рассматривался британскими поселенцами как важное стратегическое средство обеспечения своей экономической и политической гегемонии над голландцами [6]. Позднее, когда власть Британской Короны распространилась на весь Южно-Африканский регион, формы ее уголовного судопроизводства были введены повсеместно и стали использоваться европейскими колонистами как средство контроля уже над небелым населением.

После принятия Конституции Южно-Африканского Союза в 1910 году во всех четырех провинциях были созданы коллегии присяжных из девяти человек для рассмотрения дел о тяжких преступлениях. Коренным жителям при этом разрешалось заседать в суде присяжных только в Кейптауне. Данное положение было подкреплено Законом об уголовном судопроизводстве и доказательствах от 1917 года.

Ввиду изначальной низменности целей использования института присяжных заседателей он в течение следующих 50 лет с момента его повсеместного распространения неоднократно подвергался жесткой критике со стороны юридического сообщества, пока не был окончательно упразднен в 1969 году. Как правило, критика основывалась на непринятии проявлений вопиющего расизма суда присяжных.

Так как суд присяжных был институтом, введение на африканском континенте которого было тесно связано с господством английской юриспруденции в XIX веке, по мере ослабления британского влияния в веке XX терял актуальность и сам вышеупомянутый институт.

Учитывая единодушное неприятие сложившейся практикой рассмотрения дел судом присяжных (излишне упоминать, что коренное население к данному институту относилось резко негативно), удивительно, что институт суда присяжных просуществовал в законодательстве ЮАР еще 7 лет после обретения независимости в 1961 году.

В настоящее время участие граждан в отправлении правосудия по уголовным делам в ЮАР так же, как и в Танзании, осуществляется посредством института ассессоров, однако тут его введение не являлось проявлением межрасового компромисса или результатом стремления к участию в отправлении правосудия представителей чернокожего населения. В этой связи в ЮАР не существует законодательно определенной процедуры назначения ассессоров, а решающую роль в их назначении

играет усмотрение судьи. По этой же причине «...по большей части ассессоры набираются из числа адвокатов (барристеров), магистратов, особенно отставных, и отставных прокуроров. Иногда привлекаются адвокаты (солиситоры)...» [7]. Роль таких ассессоров в уголовном процессе в ЮАР заключается исключительно в легитимации судебного решения и оказании помощи судье.

Парадоксально, но такая несущественная роль ассессоров в уголовном процессе ЮАР связана во многом с тем, что участие рядовых граждан в отправлении правосудия по сей день ограничено, и выступать в такой роли могут только представители юридической профессии. При условии того, что проблема ксенофобии в ЮАР все еще не разрешена, на практике часто оказывается так, что молодой чернокожий ассессор-адвокат, стремящийся построить в дальнейшем юридическую карьеру, не решается мнения судьи, поскольку прекрасно осознает, что основу юридической элиты ЮАР, от которой во многом и зависит то, как сложится карьера такого адвоката, все еще составляют представители европеоидной расы.

Разумеется, такое положение дел является препятствием для достижения справедливости судебных решений, выносимых по уголовным делам с участием ассессоров. Безусловно, данная проблема требует своего разрешения. Однако ввиду особенностей исторического развития института гражданского участия в ЮАР, поиск решения данной проблемы значительно затруднен. Напрашивающиеся и кажущиеся разумными на первый взгляд пути разрешения ее, такие как замена ассессоров присяжными заседателями или допуск широких слоев населения к участию в процессе в качестве ассессоров, по нашему мнению, не будут сколько-нибудь эффективными. Обосновано это прежде всего историческими особенностями развития указанных институтов. В данном контексте ЮАР является ярким примером того, как даже такой прогрессивный институт, как суд присяжных, при использовании его с целью укрепления господства одной социальной группы над другой, может не только ужесточить межнациональные и межклассовые противоречия, но и привести к серьезным проблемам судебного правоприменения, таким как несправедливость и незаконность выносимых приговоров, утрата доверия населения к судебной власти. Мы ведем к тому, что в первую очередь необходимо решить вопрос расовой нетерпимости, проблемы, являющейся первопричиной неудачи построения института гражданского участия в ЮАР, и уже в последующем переходить к предоставлению равного доступа населения к участию в правосудии. Лишь так, на наш взгляд, удастся преодолеть указанные проблемы.

Уголовно-процессуальному праву Руанды институт гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в формах, которые мы упоминали выше, не знаком. Однако среди народов Руанды получила распространение иная специфическая форма проявления данного института, осуществляемая посредством общинного суда, именуемого в Руанде «гасаса» (произн. «гачаче»). Слово «гасаса» происходит от киньяруандского слова «итусаса» (произн. умукака»), означающего буквально «растение настолько мягкое, что люди предпочитают собираться на нем». Исторически целью собраний в гасаса было восстановление порядка внутри общины путем признания факта несправедливости и её восстановления по отношению к лицам, которые стали жертвами тех или иных противоправных деяний.

После колонизации Руанды и насаждения бельгийской правовой системы в руандийское общество руандийцы при осуществлении правосудия стали прибегать к судам, созданным по европейскому образцу. Подобная практика просуществовала вплоть до геноцида в Руанде 1994 года, после которого было принято решение на какой-то период вернуться к гасаса как основной форме разрешения споров.

Причиной этому послужило то обстоятельство, что геноцид 1994 года серьезно подорвал функционирование национальной судебной системы Руанды, а ресурсов для ее восстановления в кратчайшие сроки в стране, пережившей столь масштабную катастрофу, еще не было. Если до геноцида судей в стране насчитывалось 785, к его окончанию в живых осталось только 20 [8]. При необходимости рассмотрения на тот момент около 130 тыс. уголовных дел в этом количестве данные судьи рассматривали бы их по некоторым оценкам от 150 до 200 лет.

В 2001 году правительство Руанды приняло решение о создании около 11 тыс. судов гасаса [9]. В 2005 году деятельность судов гасаса охватила всю страну: они были учреждены в каждой камере (самой маленькой административной единице Руанды, насчитывающей от 150 до 300 человек). Суды возглавляли *inyangamugaya* (произн. «иньянгамугайя», от киньяруанд. «честные люди»), которые выдвигались и избирались местным сообществом. Вместе с *inyangamugaya* принимали участие в разрешении уголовного дела еще 8 человек, выбранных из общины. Гасаса могли рассматривать дела о преступлениях категории 2, 3 и 4 (где категория 2 – убийство и покушение на убийство, категория 3 – нападение с применением насилия и причинение смерти по неосторожности, категория 4 – преступления против собственности) и своим приговором могли назначать наказания от

общественных работ до тюремного заключения сроком до 30 лет [10].

Представители совета из 9 человек суда гасаса были не столько «зрителями» (или судьями) в уголовном процессе, сколько его активными участниками: они могли давать свидетельские показания и представлять доказательства, которые непосредственно могли бы повлиять на ход дела, а впоследствии и на содержание приговора [11].

Причин, по которым власти Руанды вернулись к осуществлению правосудия посредством гасаса было несколько. Во-первых, гасаса являлись наиболее быстрым способом судебного разбирательства по делам, связанным с геноцидом. Во-вторых, в связи с привлечением к участию в них всего населения Руанды, предполагалось, что они послужат механизмом сдерживания от противоправного поведения, повысят правовую культуру и положат конец идеям безнаказанности в обществе. В-третьих, посредством признания в ходе суда подсудимыми своей вины перед общиной, по мнению властей, достигались цели уголовного правосудия, которые определялись ими как: эффективность уголовного закона, восстановление справедливости и скорейшее примирение народов внутри руандийского общества. В-четвертых, тот факт, что суды гасаса приговаривали виновных к общественным работам, нежели к тюремному заключению, позволил сократить число заключенных в стране и способствовал реинтеграции бывших преступников в общество.

Таким образом, использование судов гасаса позволило властям Руанды, минимизировав расходы на восстановление судебной системы, удовлетворить потребность общества в правосудии и безопасности, восстановить права потерпевших и вернуть на путь исправления осужденных и, самое главное, приблизиться к достижению главной цели судов гасаса – примирению в расколотом обществе Руанды.

Однако при всех своих достоинствах суды гасаса не были лишены недостатков.

Так, проигнорированы были важнейшие права участников процесса, такие как право обвиняемых на адвоката и право сторон вызывать свидетелей и представлять доказательства. Процесс таким образом часто был основан только на доказательствах, собранных местными властями и общественностью.

И потерпевшие, и подсудимые в ходе уголовного процесса опасались, что судьи гасаса не будут беспристрастны и вынесут решение, основывая его на оказании предпочтения представителям одного из племён: хуту или тутси. Каждая группа из указанных племен пыталась повлиять на выборы судей с целью назначения представителей сво-

его племени. Различные правозащитные организации при этом отмечали пристрастность судей при разрешении ими дел и отсутствие у них должного уровня профессионализма [8].

В этой связи следует отметить, что одновременно с гасаса правосудие по делам, связанным с геноцидом 1994 года, осуществлял и Международный уголовный трибунал по Руанде (далее по тексту – МУТР). МУТР воспринимался многими руандийцами как чуждое, недоступное для простых граждан учреждение, которое, в добавок ко всему, еще и контролируется иностранными элементами. Суд же гасаса был учрежден властями Руанды, и участие в нем может принять почти каждый руандиец. Деятельность гасаса основывается на традициях местных сообществ и не опирается на формальные юридические процедуры, разрешить в нем можно любое дело, а не только связанное с геноцидом. Таким образом, с точки зрения традиционного общества, коим является население Руанды, форма правосудия посредством гасаса является более предпочтительной модели европейского осуществления правосудия.

Безусловно, суды гасаса являются достаточно специфичным проявлением института гражданского участия в отправлении правосудия, которое, во-первых, показало себя неоднозначно, во-вторых, положительные черты которого были оправданы только в период восстановления существовавшей ранее судебной системы, имевший место в Руанде в 2000-е годы. Однако в мире остаётся огромное количество многонациональных государств, в которых народы продолжают жить по обычаям предков. По нашему мнению, подобное обращение государственной власти к традициям народов при решении вопросов относительно устройства судебной системы, какое мы проиллюстрировали на примере Руанды 2000-х годов, мо-

жет оказать положительное влияние как на эффективность правосудия в районах, населённых туземцами, так и повысить уровень доверия местных народов к государственной власти страны и судебной власти, в частности.

Таким образом, нами было рассмотрено развитие и современное состояние института гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в ЮАР, Танзании, Кении и Руанде. В результате исследования нами было выявлено, что несмотря на различия в их историческом развитии, ни в одной из данных стран институт гражданского участия в правосудии не выражен посредством суда присяжных, а его введение властями данных стран на сегодняшний день не рассматривается. При этом следует упомянуть, что в половине рассмотренных стран институт присяжных заседателей когда-то существовал, но его введение было обусловлено колониальным влиянием европейских государств, после исчезновения которого, данный институт изымался из системы права и заменялся определенным аналогом. Данные аналоги не лишены недостатков, они учитывают культурные и исторические особенности данных регионов и при их совершенствовании могут стать достойной заменой суда присяжных. Также по результатам рассмотрения вопросов развития и современного состояния института гражданского участия в отправлении правосудия по уголовным делам в ЮАР, Танзании, Кении и Руанде нами был сделан вывод о том, что даже такой, казалось бы, прогрессивный и демократический институт уголовно-процессуального права, как суд присяжных, далеко не во всех случаях может быть востребован, а в некоторых случаях его существование и способ его реализации могут стать камнем преткновения в межнациональных отношениях общества того или иного государства.

Литература

1. Jeary J.H. Trial by Jury and Trial with the Aid of Assessors in the Superior Courts of British African Territories. Part 1 // *Journal of African Law*. 1960. № 3. P. 133 – 146.
2. Vidmar N. Juries and Lay Assessors in the Commonwealth: a Contemporary Survey // *Criminal Law Forum*, 2002. № 13. P. 385 – 407.
3. The Magistrates' Courts Act, 1984: официальный сайт Парламента Танзании [Электронный ресурс]. URL: <https://www.parliament.go.tz/polis/uploads/bills/acts/1566480117-TheMagistrates'CourtsAct,1984.pdf> (дата обращения: 09.12.2022)
4. Fimbo G.M. The Court of Appeal of the United Republic of Tanzania: a Descriptive Essay // *Eastern Africa Law Review*. 1989. № 2 (16). P. 229 – 263.
5. Ruhangisa J.U. Human rights in Tanzania. The Role of Judiciary: Ph.D. Thesis, University of London. London, 1998. 340 p.
6. Spiller P.R. The Jury System in Early Natal (1846-1874) // *The Journal of Legal History*. 1987. № 8. P. 129 – 147.
7. Richings F.G. Assessors in South African Criminal Jury Trials // *Criminal Law Review*. 1976. P.106-116.
8. Burnet J.E. The Injustice of Local Justice: Truth, Reconciliation, and Revenge in Rwanda // *Genocide Studies and Prevention*. 2008. № 3. P. 173 – 193.

9. Graybill L., Lanegran K. Truth, Justice, and Reconciliation in Africa: Issues and Cases // African Studies Quarterly. 2004. №8 (1). P. 1 – 18.
10. Kirkby C. Rwanda's Gacaca Courts: a Preliminary Critique // Journal of African Law. 2006. № 50 (2). P. 94 – 117.
11. Kubai A. Between justice and reconciliation: The survivors of Rwanda // African Security Review. 2007. № 16 (1). P. 53 – 66.

References

1. Jeary J.H. Trial by Jury and Trial with the Aid of Assessors in the Superior Courts of British African Territories. Part 1. Journal of African Law. 1960. № 3. P. 133 – 146.
2. Vidmar N. Juries and Lay Assessors in the Commonwealth: a Contemporary Survey. Criminal Law Forum, 2002. № 13. P. 385 – 407.
3. The Magistrates' Courts Act, 1984: oficial'nyj sajt Parlamenta Tanzanii [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.parliament.go.tz/polis/uploads/bills/acts/1566480117-TheMagistrates'CourtsAct,1984.pdf> (data obrashhenija: 09.12.2022)
4. Fimbo G.M. The Court of Appeal of the United Republic of Tanzania: a Descriptive Essay. Eastern Africa Law Review. 1989. № 2 (16). P. 229 – 263.
5. Ruhangisa J.U. Human rights in Tanzania. The Role of Judiciary: Ph.D. Thesis, University of London. London, 1998. 340 p.
6. Spiller P.R. The Jury System in Early Natal (1846-1874). The Journal of Legal History. 1987. № 8. P. 129 – 147.
7. Richings F.G. Assessors in South African Criminal Jury Trials. Criminal Law Review. 1976. P.106-116.
8. Burnet J.E. The Injustice of Local Justice: Truth, Reconciliation, and Revenge in Rwanda. Genocide Studies and Prevention. 2008. № 3. P. 173 – 193.
9. Graybill L., Lanegran K. Truth, Justice, and Reconciliation in Africa: Issues and Cases. African Studies Quarterly. 2004. №8 (1). P. 1 – 18.
10. Kirkby C. Rwanda's Gacaca Courts: a Preliminary Critique. Journal of African Law. 2006. № 50 (2). P. 94 – 117.
11. Kubai A. Between justice and reconciliation: The survivors of Rwanda. African Security Review. 2007. № 16 (1). P. 53 – 66.

*Monakhov G.D.,
Badmadorzhiev G.E.,
Gordeev K.V.,
Far Eastern Federal University*

HISTORY OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE OF THE INSTITUTE OF CIVIL PARTICIPATION IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES IN SOUTH AFRICA AND THE COUNTRIES OF EAST AFRICA (KENYA, TANZANIA AND RWANDA)

Abstract: this article is devoted to the study of the institution of civic participation in the administration of justice in criminal cases in South Africa and the countries of East Africa (Kenya, Tanzania and Rwanda). This institution is an important phenomenon for the criminal process, since the public's trust in it and the authority of the entire judicial system in the eyes of the population depend on the level of citizens' access to participation in the administration of justice.

In the countries of the modern world, this institution has found its manifestation in completely different forms, the most democratic and progressive of which is the jury trial. However, it has not taken root in all countries, which is explained by a number of legal, political and historical factors. In this paper, the authors considered such countries, in which the jury either operated for a certain period, but was subsequently removed from the national judicial system, or was not established at all, and the participation of citizens in the administration of justice in such countries was carried out through other, different from each other. other forms.

The study was aimed at analyzing the historical experience of these countries and identifying the reasons for the emergence of one or another stage in the development of the institution of civic participation. So the authors studied the development and current state of the institution in question in Kenya and South Africa, where it initially received its manifestation in the form of a jury trial, but was later replaced by the form of participation of citizens as assessors (people's representatives), and in Tanzania, where this institution was originally was introduced into the judicial system in the form of participation of citizens in the criminal process as assessors without the stage of its implementation through a jury trial. In the last part of the work, the authors considered the gacaca courts that temporarily operated in Rwanda in the 2000s, which were a manifestation of tribal traditions and values of indigenous peoples in the judicial system of the modern state. The result of the study, therefore, can be subsequently used to improve the institution of civic participation in the administration of justice in criminal cases, when the state has a need to take into account the culture and interests of the peoples inhabiting it.

Keywords: institution of civic participation in the administration of justice, jury trial, criminal procedure, assessors, people's representatives, gacaca courts in Rwanda

For citation: Monakhov G.D., Badmadorzhiev G.E., Gordeev K.V. History of development and current state of the institute of civil participation in the administration of justice in criminal cases in South Africa and the countries of East Africa (Kenya, Tanzania and Rwanda). *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 272 – 278.

*Красильников Т.С., кандидат юридических наук, судья,
Истринский городской суд Московской области*

ДОКЛАД «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ» И РЕФОРМА СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ

Аннотация: в статье рассматриваются причины судебной реформы в СССР на рубеже 1950-х – 1960-х годов в условиях десталинизации советского общества и проводимой государственной политики восстановления социалистической законности. Приводится исторический обзор развития судебной власти в советский период. Отмечается, что в Советском Союзе формировалось одновременно две системы юрисдикций, а именно: судов общей юрисдикции, где советское законодательство во многом восприняло принципы дореволюционной судебной системы, и системы внесудебного преследования, когда органы внутренних дел были вправе привлекать к уголовной ответственности вне рамок обычной судебной процедуры. Рассматривается механизм осуждения за контрреволюционные преступления в годы «большого террора». В статье рассматривается значение доклада Н.С. Хрущева «о культе личности» для дальнейшей судебной реформы в СССР и обосновываются причины введения судебного надзора на уровне областных и республиканских судов в условиях политики реабилитации. Отмечается роль судебного надзора в судебной советской системе.

Ключевые слова: советская судебная система, культ личности, «большой террор», реабилитация жертв политических репрессий, судебный надзор

Для цитирования: Красильников Т.С. Доклад «о культе личности» и реформа советской судебной системы во второй половине 1950-х годов // Современный ученый. 2023. № 1. С. 279 – 290.

В феврале 1956 года на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев выступил с докладом о «культе личности», где осудил многие проявления политической системы в период нахождения И.В. Сталина во главе государства [11].

Последующий процесс преобразований в СССР, получивший наименование «оттепели», имел далеко идущие последствия для советских граждан и советского общества. В настоящее время еще не сложились единообразное понимание и общая оценка преобразований, проходивших в Советском Союзе в первое десятилетие после смерти И.В. Сталина. Ряд авторов считают, что «хрущевская оттепель» была неудачной попыткой демократизации советского общества, показавшей неэффективность социалистической формы экономической и политической системы [2, с.1 77-182]. Другие авторы отмечают отдельные положительные моменты реформирования советской системы в данные годы, но в то же время приходят к выводу об отрицательных итогах реформы в целом [54, с. 43-44]. Наконец, третьи авторы указывают, что «реформы Хрущева» явились по сути свертыванием социалистического развития страны, начав процесс, приведший к распаду Советского Союза и отказу от социализма как модели государственного устройства [10, 35].

Впрочем, столь разные по содержанию оценки «хрущевской оттепели» имеют общий вывод – преобразования в СССР, проходившие в 1950-ые годы, носили столь глубокий характер, что затронули все сферы общественной жизни и все слои

советского общества, а сами преобразования определили дальнейшее развитие советского общества [23, с. 314-315].

Среди главных критических замечаний в отношении сталинской политической системы Н.С. Хрущев указал на многочисленные нарушения законности: «...культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности» [11].

В принятом в конце июня 1956 года по результатам внутрипартийного обсуждения доклада постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» отмечалось, что в годы правления И.В. Сталина «были допущены серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии. В результате происков врагов были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди» [32].

Необходимость восстановления социалистической законности неоднократно подчеркивалась в указанном постановлении Центрального комитета: «партия твердо стоит на страже ленинизма, дела социализма и коммунизма, соблюдения социалистической законности и интересов народов, обеспечения прав советских граждан» [32].

Политическое решение руководства страны по восстановлению социалистической законности непосредственным образом повлекло реформу советского суда, которая включала как изменения

системы судебной власти, так и принятие новых процессуальных законов.

Реформа советской судебной системы на рубеже 1950-х – 1960-х годов еще мало изучена как в юридической, так и исторической науке. Во многом потому, что созданная в годы «оттепели» судебная система и процессуальные законы сохраняли свою действительность вплоть до начала XXI века (процессуальные законы были изменены в 2002-2003 годах с принятием новых уголовного и гражданского процессуальных кодексов, судебная система реформировалась постепенно с 2012 по 2019 годы).

В последнее время появился ряд новых работ, посвященных проблематике судебной реформы в период «оттепели». В частности, можно отметить статьи Д.О. Серова «Забывтая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 годов» [38], Д.Г. Герасимова «Основные демократические принципы судебной реформы в СССР 1956-1964 годов» [4], а также диссертационные исследования А.В. Шитикова «Государственная политика в сфере обеспечения законности и правопорядка в условиях десталинизации советского общества (1953-1964 гг.)» [53], А.Р. Кошко «Судопроизводство по преступлениям против государства в период “оттепели” (1953-1964 гг.)» [17] и М.В. Леус «Реформирование правоохранительных органов СССР в 1953-1964 гг.» [18].

В своей статье Д.О. Серов отмечает, что масштабы изменений законодательства о судебной системе и судопроизводстве позволяют говорить о масштабной судебной реформе в СССР во второй половине 1950-х годов. Но при этом, на что также указывает Д.О. Серов, ни в политических решениях, ни в юридической печати тех лет специально не указывалось, что в стране проводится судебная реформа, кроме статьи председателя Верховного суда Украинской ССР А. Якименко «Довести до конца судебную реформу» [38].

Рассматривая судебную реформу 1953-1964 годов, необходимо дать краткий очерк развития советской юстиции в предшествующие годы.

В результате судебной реформы, проведенной в царствование Александра II, в России сложилась трехступенчатая организация судебной власти: суд первой инстанции – суд второй инстанции – высшая судебная инстанция. В дореволюционной России судебная система была представлена двумя «ветвями» – мировой юстицией (мировые судьи и съезды как суды апелляционной инстанции) и судами общей юрисдикции (окружные суды и судебные палаты), которые подчинялись одному, общему для обеих «ветвей», кассационному суду – Сенату [47, ст. 1].

После Октябрьской революции советским правительством был принят Декрет от 24.11.1917 «О суде» [9], который в современной литературе рассматривается как радикальное решение, отменившее действие дореволюционных законов и упразднившее систему дореволюционных судебных учреждений, включая институты адвокатуры и судебных следователей [1, 5].

Говоря о политике советского правительства в области организации судебной системы в первые послереволюционные годы, нельзя не указать о двойственности принимаемых решений. С одной стороны, провозглашая обязательным построение социалистического общества, признавалось, что суд в новом обществе прекратит свое существование как общественный институт. Но с другой стороны, фактические обстоятельства требовали от советского правительства организовать эффективный суд для разрешения массы гражданских и уголовных дел, порожденных повседневностью.

В этой связи характерным является второй декрет «О суде», принятый в марте 1918 года [7].

Данный правовой акт советского правительства справедливо считается сформировавшим новую систему правосудия [3], но также можно говорить, что в целом советская судебная система во многом восприняла дореволюционную.

Советское правительство упразднило мировую и подобную ей (волостные суды) юстиции с передачей дел в суды общей юрисдикции [9, п.1]. Также был упразднен суд присяжных [9, п.3]. Вместо института апелляционного производства была введена кассация [9, п. 2]. Одновременно советский суд более широко чем до революции стал использовать институт народных заседателей, которые привлекались к отправлению правосудия как в гражданском, так и уголовном судопроизводстве, наряду с профессиональными судьями [9, п. 1; 3].

В марте 1918 году советское правительство возродило упраздненные несколькими месяцами ранее институты судебного следствия и защиты [7, ст. 23-28].

Кроме того, в Советской России сохранился еще ряд отличительных черт дореволюционного суда.

В первую очередь, сохранился принцип коллегиального состава суда в составе не менее трех судей, в том числе с участием народных заседателей [9, п. 1; 7, ст. 3]. Коллегиальный состав суда стал отличительной чертой советской судебной системы, сохранившейся в течение десятилетия и после распада Советского Союза.

Также в Советской России сохранилась трехступенчатая система организации судебной власти: первая инстанция – народные суды (в отдель-

ные годы – народные судьи, работавшие по территориальным участкам); вторая инстанция (кассационный суд) – региональные суды (губернские, затем областные, краевые, республиканские); высшая судебная инстанция. До 1922 года, когда был образован Верховный Суд РСФСР, высший судебный контроль осуществлял в 1918-1920 гг. съезд представителей окружных (региональных) народных судов [7, ст. 6], а в 1921-1922 гг. – Наркомат юстиции [8]).

С образованием Советского Союза появилась еще одна ступень судебной власти – Верховный Суд СССР. Но в целом положение Верховного Суда СССР в советской судебной системе не нарушала сложившуюся трехступенчатую иерархию, когда пересмотр вступивших в законную силу судебных актов занимались исключительно высшая судебная инстанция.

В тоже время следует отметить, что наряду с системой судов общей юрисдикции в Советской России в первые послереволюционные годы создавался институт специальной юстиции – революционные трибуналы «со специальной целью рассмотрения дел о контр-революционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти» [6, п. 1].

Революционные трибуналы были образованы в декабре 1917 года на основе инструкции Наркомата юстиции РСФСР [14] и юридически были упразднены в 1928 году в ходе процедуры отмены узаконений РСФСР, фактически утративших силу, «но не отмененных до данного момента особыми постановлениями» [24].

В тоже время, упраздняя систему революционных трибуналов, советское правительство сохранило особую юрисдикцию для контрреволюционных преступлений, которые передавались на рассмотрение специальных судебных присутствий Верховного Суда СССР [31, гл. 5].

Конец 1920-х – первая половина 1930-х годов ознаменовались острой политической борьбой внутри партийного и государственного руководства, в ходе которой И.В. Сталину и его окружению удалось отстранить от власти так называемые «левую» и «правую» оппозиции. При этом политическая борьба происходит на фоне глубоких экономических и социальных преобразований, вызванных свертыванием «новой экономической политики» и реализацией программы индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства страны. По точному замечанию самого И.В. Сталина этот период был назван «годами великого перелома» [40].

1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит руководитель местной партийной организации и одновременно член Политбюро С.М. Киров. Смерть Кирова послужила началом к развертыванию государственного репрессивного аппарата. Уже в тот же день – 1 декабря – было принято специальное постановление ЦИК СССР об особом порядке рассмотрения дел по контрреволюционным преступлениям [30]. Новый закон предусматривал сокращенные сроки следствия – до 10 дней, обвинительное заключение вручалось за сутки до рассмотрения дела в суде, дела подлежали слушанию без участия сторон, кассационное обжалование и прошения о помиловании не допускались, приговор к высшей мере наказания (расстрелу) приводился в исполнение немедленно по вынесению приговора.

В своем докладе «о культе личности» в феврале 1956 года Н.С. Хрущев отмечал, что указанное постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 было принято с нарушением обычной законодательной процедуры. Без пленарного обсуждения по прямому распоряжению И.В. Сталина текст постановления был вписан в протокол заседания ВЦИК СССР в качестве нормативного акта [11].

С принятием данного постановления ЦИК СССР от 01.12.1934 был законодательно оформлен механизм для проведения массовых репрессий.

Как уже было отмечено, в первые годы советской власти в развитии судебной системы прослеживается создание и одновременное функционирование двух юрисдикций – общей и специализированной на рассмотрении дел о контрреволюционных (государственных) преступлениях.

В начале «великого перелома», в первой половине 1930-х годов, дела о контрреволюционных преступлениях рассматривались специальными судебными присутствиями Верховного Суда СССР. Такими знаковыми делами против контрреволюции, рассмотренными Верховным Судом СССР, стали «дело Промпартии» [33], «дело партии меньшевиков» [34] и еще ряд других дел против представителей политических партий, существовавших в 1920-ые годы.

После убийства Кирова последовал еще ряд крупных дел, рассмотренных специальным судебным присутствием Военной коллегии Верховного Суда СССР и направленных против бывших противников Сталина по партии большевиков, обвиненных в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

Наиболее знаковыми стали так называемые три «московских процесса», прошедшие в 1936 – 1938 годах. Это – процесс против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (первый московский процесс, состоявшийся в августе

1936 года) [37], процесс против «параллельного антисоветского троцкистского центра» (второй московский процесс, состоявшийся в январе 1937 года) [36] и процесс против «право-троцкистского блока» (третий московский процесс, состоявшийся в марте 1938 года) [42]. В результате «московских процессов» были осуждены видные деятели партии и советского правительства, бывшие в оппозиции Сталину в 1920-ые годы. Кроме того в 1937 году Военной коллегией Верховного Суда СССР была осуждена группа военных во главе с маршалом М.Н. Тухачевским, обвиненных в подготовке государственного переворота [41].

Следует отметить, что указанные политические процессы не были единственными во второй половине 1930-х годов.

В этот период был выработан механизм подготовки уголовных дел против представителей высшего государственного и партийного аппарата, обвиненных в контрреволюционной и антисоветской деятельности, и согласования предстоящих приговоров Военной коллегии Верховного Суда. Этот механизм предусматривал подготовку следственных дел органами НКВД. Затем формировались списки лиц, подлежащих осуждению по первой категории – к расстрелу, и по второй категории – к длительным срокам заключения. Данные списки направлялись в Политбюро на согласование с высшим руководством страны, включая визиование списков Сталиным [12]. После согласования списков происходило юридическое оформление приговоров Военной коллегией Верховного Суда СССР. Этот механизм подготовки и «рассмотрения» уголовных дел сохранялся вплоть до смерти И.В. Сталина. В решениях Политбюро утверждение списков осужденных оформлялось как решение «по вопросу Верховного Суда СССР» (РГАСПИ, фонд 7, опись 162 «Особая папка Политбюро»).

Однако в годы «великого перелома» в стране происходили крупные социальные изменения, вызванные в первую очередь процессом коллективизации крестьянства. Одним из следствий таких изменений стала массовая миграция крестьянства внутри страны, зачастую с нарушением паспортного режима. Эта ситуация в свою очередь повлекла усиление криминальной обстановки как в городах, где появилось значительное количество деклассированных элементов [39], так и в деревне, где происходили события, получившие впоследствии в исторической литературе наименование «кулацкого террора» или «крестьянской войны» [51, с. 164-165].

В целях борьбы с преступностью в 1935 году НКВД было предоставлено право внесудебного (административного) осуждения решениями Осо-

бого совещания НКВД СССР причастных к совершению уголовных преступлений лиц [29]. Впрочем, еще ранее в системе НКВД были образованы квазисудебные органы – тройки для внесудебного рассмотрения уголовных дел, совершенных лицами, ранее судимыми за уголовные преступления, и нарушителями паспортного режима [15]. В 1938 году полномочия троек НКВД рассматривать и приводить в исполнение приговоры по указанным категориям дел был подтверждены [16].

В 1937 году полномочия НКВД по внесудебному осуждению были существенно расширены. На основе оперативного приказа Народного комиссара внутренних дел от 03.07.1937 №00447 [19] органы НКВД получили право рассматривать также дела об антисоветской деятельности, не передавая дела на рассмотрение специальных судебных присутствий Верховного Суда СССР.

В том же 1937 году применение репрессивных мер было распространено на членов семьи осужденных за антисоветскую деятельность, при этом органам НКВД было предоставлено право внесудебного осуждения и данной категории лиц, привлекаемых к ответственности [20].

В стране началась широкая кампания по борьбе с «врагами народа», названная позднее «большим террором», которая широко освещалась в печати. Получили широкое распространение обращения трудовых коллективов и интеллигенции в партийные и государственные органы с требованием применить самые жесткие виды наказания к «врагам народа». Наиболее массовые операции по борьбе с «врагами народа» происходят в 1937-1938 годы [13, с.53,69], но проведение таких операций сохранялось вплоть до января 1953 года, когда было начато «дело врачей-вредителей» [52].

Даже в рамках обычного уголовного преследования органы следствия перед направлением уголовных дел в суды стали включать в итоговое обвинение составы по отдельным контрреволюционным преступлениям [27]. Довольно частой была практика, когда общеуголовные преступления квалифицировались как контрреволюционные [21, 26, 28].

Включение в обвинительное заключение составов контрреволюционных преступлений являлось своего рода гарантией, что суд не вернет дело на доследование, что судом будет вынесен обвинительный приговор с реальным сроком заключения, что при этом не будут применены какие-либо смягчающие обстоятельства к обвиняемому. Также это позволяло скрыть недостатки следственной работы, когда по основным статьям обвинения отсутствовал весь комплекс доказательств вины в совершенном преступлении.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 года и начавшийся процесс десталинизации советского общества ознаменовали собой необходимость пересмотра почти всего массива уголовных дел.

Процесс восстановления социалистической законности начался с отмены специальной уголовной юрисдикции, за которой последовал масштабный пересмотр уголовных дел.

Основной проблемой пересмотра массива уголовных дел было то обстоятельство, что в рамках операций, проводимых органами НКВД, внесудебному осуждению подвергались граждане за совершение общеуголовных преступлений. Так, например, в 1989 году, когда в годы «перестройки» проходил процесс реабилитации жертв политических репрессий, Верховный Совет СССР специально отмечал, что реабилитация лиц, осужденных вне рамок обычной судебной процедуры, «не распространяется на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления. В отношении таких лиц действует установленный законом порядок обжалования вынесенных приговоров и иных решений» [46].

Вопрос о том, какие категории осужденных в период 1930-ые – 1953 годы относить к репрессированным по политическим мотивам, остается дискуссионным до настоящего времени. Исследователь В.Н. Земсков, подсчеты которого относительно общего количества осужденных по политическим преступлениям признаются многими историками, отмечал, что в число осужденных по политическим преступлениям не подлежит включению вся масса раскулаченного крестьянства, а только те крестьяне, кто был осужден и арестован в действительности («кулаки первой категории») [13, с. 77]. «Спорным является вопрос относительно кулаков 2-й категории, направленных под конвоем на жительство в “холодные края” (на спецпоселение)... Кулаков 3-й категории, избежавших как ареста и осуждения, так и направления на спецпоселение, нет оснований ... включать в число жертв политических репрессий» [13, с. 77].

Однако на практике все указанные категории граждан подавали прошения о пересмотре состоявшихся решений о привлечении к уголовной ответственности и дальнейшей реабилитации.

После 1953 года перед органами судебной власти вставала задача рассмотреть каждое прошение о пересмотре уголовного дела и в зависимости от результатов рассмотрения принять решение о полной реабилитации осужденного, либо об отказе

в реабилитации, либо об изменении квалификации деяния и смягчении наказания.

В сентябре 1953 года было упразднено Особое совещание при Министре внутренних дел СССР, а Верховному Суду СССР было предоставлено право пересмотра уголовных дел осужденных решениями органов НКВД – МГБ – МВД СССР [43].

Как уже отмечено ранее, в советской судебной системе полномочиями судебного надзора обладала только высшая судебная инстанция – верховные суды союзных республик, а также Верховный Суд СССР.

В условиях политики восстановления социалистической законности, которая фактически была провозглашена после смерти И.В. Сталина, и предполагая большое количество прошений о пересмотре уголовных дел, правительством принимается решение о расширении круга судебных инстанций, наделенных полномочиями судебного надзора. В противном случае верховные суды союзных республик и Верховный Суд СССР были бы загружены делами по пересмотру уголовных дел, решения по которым были приняты в 1930-ые – 1953 годы, что фактически парализовало бы какой-либо судебный надзор за текущими как уголовными, так и гражданскими делами.

В августе 1954 года на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР в структуре верховных судов союзных и автономных республик, а также краевых, областных судов и судов автономных областей были образованы президиумы как суды надзорной инстанции с правом пересмотра вступивших в законную силу постановлений судов первой и кассационной инстанций [44].

В апреле 1955 года был утвержден порядок рассмотрения дел президиумами судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей [45]. Новый порядок предусматривал, что судебный надзор осуществляется по протестам региональных прокуроров (и их заместителей) или вышестоящих прокуроров, а также председателей региональных судов (и их заместителей) либо вышестоящих судов. Предусматривалось обязательное участие прокурора при рассмотрении дел в порядке судебного надзора и предоставление прокурором заключения по делу.

После выступления Н.С. Хрущева с докладом «о культе личности» на XX съезде КПСС и осуждении политики массовых репрессий именно на президиумы судов выпала задача по пересмотру дел, рассмотренных в годы сталинского правления. И в целом, следует признать, президиумы судов с данной задачей справились.

Опыт выполнения региональными судами надзорных функций в уголовном судопроизводстве был столь успешным, что довольно быстро

судебный надзор президиумов региональных судов был распространен на пересмотр гражданских дел. В 1958 году судебный надзор президиумов региональных судов был специально закреплен в новых Основах законодательства Союза ССР и республик о судостроительстве [22]. Уже в начале 1960-х годов надзорные функции президиумов региональных судов были включены в новые процессуальные кодексы, принимаемые союзными республиками (в РСФСР – в 1964 году).

Такая система, когда региональные суды совмещали как функции суда второй (кассационной) инстанции и судебный надзор, сохранялась в СССР вплоть до его распада в 1991 году. Эта система была воспринята и Российской Федерацией и первые три десятилетия в постсоветский период (только с 2012 года суд второй инстанции стал судом апелляционным, тогда как судебный надзор президиумов региональных судов получил наименование кассационного производства [48, 49]).

В течение периода с 1954 по 2018 годы общие принципы пересмотра дел президиумами региональных судов оставались неизменными. Это был «выборочный пересмотр» дел, когда до рассмотрения дела коллегией судей – собственно президиумом, решался вопрос о приемлемости жалобы. При этом рассмотрение вопроса о приемлемости жалобы включало две стадии: первая – на основе анализа жалобы и приложенных судебных решений; вторая – по результатам изучения материалов дела, истребованного судьей для проверки доводов жалобы. Также дела в порядке надзора могли быть пересмотрены даже без извещения лиц, участвовавших в деле.

В течение 1990-х годов в существовавший порядок судебного надзора был внесен ряд существенных поправок. В 1999 году после специального решения Конституционного Суда РФ было признано обязательным участие сторон при пересмотре гражданских и уголовных дел в порядке надзора [25]. В 2002-2003 годах с принятием в

России новых уголовного и гражданского процессуальных кодексов протесты председателя суда или регионального прокурора были заменены жалобами сторон, хотя вопрос предварительного рассмотрения судьями приемлемости жалобы для пересмотра дела президиумом сохранялся.

Только в 2018-2019 годы в Российской Федерации был введен институт «сплошной кассации», т.е. обжалования вступивших в законную силу решений судов по жалобам лиц, участвующих в деле, и образованы окружные межрегиональные кассационные суды общей юрисдикции [50].

Советский судебный надзор, созданный в ходе судебной реформы на рубеже 1950-х – 1960-х годов, нередко подвергался критике, особенно в постсоветский период. Критические замечания высказывались в отношении порядка рассмотрения приемлемости жалобы до ее передачи на рассмотрение по существу коллегии судей – президиуму суда. Отмечалось, что такой порядок в большей мере является административным и не отвечает принципам правосудия, основанного на равенстве всех перед законом и судом.

Однако за более чем 60-летнюю историю судебного надзора, осуществляемый региональными судами, показал несколько позитивных результатов. В частности, способствовал выработке критериев единообразия применения норм права при рассмотрении гражданских и уголовных дел, позволял судам своевременно реагировать на изменения законодательства и правоприменительной практики, а также исправлять судебные ошибки и смягчать наказания.

Следует признать, что в основе судебной реформы на рубеже 1950-х – 1960-х годов лежала политика преодоления последствий «культы личности» и восстановления социалистической законности. Главным же достижением судебной реформы в СССР в 1953-1964 годы следует признать безусловный отказ государства от внесудебного (административного) уголовного преследования.

Литература

1. Бургер Б.М. Из истории деятельности в России адвокатов по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 203 – 205.
2. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 400 с.
3. Гаврилова А.В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 106 – 119.
4. Герасимова Д.Г. Основные демократические принципы судебной реформы в СССР 1956-1964 годов // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (70). С. 135 – 138.
5. Гук П.А. Исторические этапы развития судебного нормотворчества в России // История государства и права. 2010. № 8. С. 13 – 15.
6. Декрет ВЦИК от 12.04.1919 «О революционных трибуналах (Положение)» // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 13. ст. 132.
7. Декрет ВЦИК РСФСР от 07.03.1918 №2 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. ст. 420.

8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 «Положение о высшем судебном контроле» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 15. ст. 97.
9. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. ст. 50.
10. Довести до конца борьбу против хрущевского ревизионизма. Пекин, издательство литературы на иностранных языках, 1965. 28 с.
11. Доклад ЦК КПСС от 25.02.1956 «О культуре личности и его последствиях» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.
12. Записка Н.И. Ежова и А.Я. Вышинского на имя И.В. Сталина (датирована февралем 1937 г.) о направлении выездных сессий Военной коллегии Верховного Суда СССР для рассмотрения дел «в Азово-Черноморском, Западно-Сибирском, Красноярском краях; Свердловской, Омской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской областях; Азербайджанской ССР, Грузинской ССР и Армянской ССР» и «о предании суду Военной Коллегии троцкистов, поименованных в прилагаемых при сем списках». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stalin.memo.ru/disk/z3/u01_1.htm (дата обращения: 19.10.2021)
13. Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания: монография. Москва: Блок-Принт, 2021. 192 с.
14. Инструкция Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 «О Революционномъ Трибунале, его составе, делахъ, подлежащихъ его ведению, налагаемыхъ имъ наказанiяхъ и о порядке ведения его заседанiй» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 12. ст. 170.
15. Инструкция тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах (объявлена приказом НКВД СССР от 27.05.1935 №00192) // В кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч.консультант Е.А. Скрипилев. Т. V. Советское государство / Отв.ред. Р.С.Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 332 – 333.
16. Инструкция тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах (объявлена приказом НКВД СССР от 21.05.1938 №00319) // В кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч.консультант Е.А. Скрипилев. Т. V. Советское государство / Отв.ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 391 – 392.
17. Кошко А.Р. Судопроизводство по преступлениям против государства и в период “оттепели” (1953-1964 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2009. 25 с.
18. Леус М.В. Реформирование правоохранительных органов СССР в 1953 – 1964 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2005. 201 с.
19. Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел от 03.07.1937 №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» // В кн.: Материалы дела о проверке конституционности указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. М.: Спарк, 1999. Т. 6. С. 195 – 213.
20. Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел от 15.08.1937 // В кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч.консультант Е.А. Скрипилев. Т. V. Советское государство / Отв.ред. Р.С.Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 386 – 389.
21. Определение Верховного Суда РФ от 01.09.2009 №2н-0300/09 574п04пр // документ официально опубликован не был; документ включен в справочно-правовую систему «Консультант+. Судебная практика»
22. Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. ст. 12.
23. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005: в 3-х ча. Том первый. 1945-1964. М.: Новый хронограф, 2009. 456 с.
24. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928 «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями» // документ официально опубликован не был; документ включен в справочно-правовую систему «Консультант+. Российское законодательство».

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.1999 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 325 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.Л. Дрибинского и А.А. Майстрова» // Собрание законодательства РФ. 1999. №1 6. ст. 2080.
26. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 06.10.2004 № 627п2004пр 574п04пр // документ официально опубликован не был; документ включен в справочно-правовую систему «Консультант+. Судебная практика»
27. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15.09.2004 № 574п04пр // документ официально опубликован не был; документ включен в справочно-правовую систему «Консультант+. Судебная практика»
28. постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2007 № 131-П07ПР 574п04пр // документ официально опубликован не был; документ включен в справочно-правовую систему «Консультант+. Судебная практика»
29. Постановление ЦИК и СНК СССР от 05.11.1935 «Об особом совещании при народном комиссаре внутренних дел Союза ССР» // Собрание законов СССР. 1935. № 11. ст. 84.
30. Постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» // Собрание законов СССР. 1934. № 64. ст. 459.
31. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 24.07.1929 «Положение о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР» // Собрание узаконений СССР. 1929. № 50. ст. 445
32. Постановление ЦК КПСС от 30.06.1956 «О преодолении культа личности и его последствий» // Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР. –956. 3 июля (№ 157).
33. Приговор специального судебного присутствия Верховного Суда Союза ССР по делу контрреволюционной организации «Промышленная партия» // В кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч. консультант Е.А. Скрипилев. Т. V. Советское государство / Отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 339 – 353.
34. Приговор специального судебного присутствия Верховного Суда Союза ССР по делу контрреволюционной организации меньшевиков // В кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч. консультант Е.А. Скрипилев. Т. V. Советское государство; Отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 355 – 365.
35. Пролетарская революция и хрущевский ревизионизм. Восьмая статья по поводу Открытого письма ЦК КПСС. Пекин, издательство литературы на иностранных языках, 1964. 68 с.
36. Процесс антисоветского троцкистского центра. М.: НКЮ Союза ССР, юридическое издательство, 1937. 258 с.
37. Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. МЛРД. «Рабочий путь», 2018 260 с.
38. Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956-1964 годов // Вестник НГУ. Серия: Право. 2006. Т. 2, выпуск 2. С. 43 – 53.
39. Серов Д.О., Федоров А.В. Советское следствие в предвоенный период (1930-1941 гг.) // Российский следователь. 2015. № 20. С. 58 – 64.
40. Сталин И.В. Годы великого перелома // Правда. 1929. 7 ноября.
41. Стенограмма судебного заседания Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Приманова В.М. м Путны В.К., 11 июня 1937 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://istmat.info/node/59108> (дата обращения: 19.10.2021)
42. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М.: Юридическое издательство Народного комиссариата юстиции СССР, 1938. 708 с.
43. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.09.1953 «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР» // В кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч. консультант Е.А. Скрипилев. Т. V. Советское государство / Отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 535.
44. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.08.1954 «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 17.
45. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.04.1955 «О порядке рассмотрения дел президиумами судов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 7. ст. 166.

46. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 № 10036-XI «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. ст. 19.

47. Учреждение Судебных Установлений. Том шестнадцатый – часть I. Издание 1892 г. // в кн.: Свод Законов Российской империи. Часть II (том девятый – том шестнадцатый). С.-Пб.: издание товарищества «Общественная польза», 1904.

48. Федеральный закон от 09.12.2010 №353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. ст. 6611.

49. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. ст. 45.

50. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. ст. 4811.

51. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. Москва, издательство АСТ: CORPUS, 2020. 464 с.

52. Хроника: Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953 13 января. № 13 (12581).

53. Шитиков А.В. Государственная политика в сфере обеспечения законности и правопорядка в условиях десталинизации советского общества (1953-1964 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2005. 195 с.

54. Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М.: ИНФРА-М, 2007. 496 с.

References

1. Burger B.M. Iz istorii dejatel'nosti v Rossii advokатов po ugovolnym delam. Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2010. № 1. S. 203 – 205.

2. Vlast' i oppozitsija. Rossijskij politicheskij process XX stoletija. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 1995. 400 s.

3. Gavrilova A.V. Fenomen narodnogo uchastija v sovetskoj modeli pravosudija i ego preemstven-nost' na postsovetском prostranstve. Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 9. S. 106 – 119.

4. Gerasimova D.G. Osnovnye demokraticheskie principy sudebnoj reformy v SSSR 1956-1964 godov. Che-lovek: prestuplenie i nakazanie. 2010. № 3 (70). S. 135 – 138.

5. Guk P.A. Istoricheskie jetapy razvitija sudebnogo normotvorchestva v Rossii. Istorija gosudarstva i prava. 2010. № 8. S. 13 – 15.

6. Dekret VCIK ot 12.04.1919 «O revoljucionnyh tribunalah (Polozhenie)». Sobranie uzakonenij RSFSR. 1919. № 13. st. 132.

7. Dekret VCIK RSFSR ot 07.03.1918 №2 «O sude». Sobranie uzakonenij RSFSR. 1918. № 26. st. 420.

8. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 10.03.1921 «Polozhenie o vysshem sudebnom kontrole». Sobranie uzakonenij RSFSR. 1921. № 15. st. 97.

9. Dekret SNK RSFSR ot 24.11.1917 «O sude». Sobranie uzakonenij RSFSR. 1917. № 4. st. 50.

10. Dovesti do konca bor'bu protiv hrushhevskogo revizionizma. Pekin, izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1965. 28 s.

11. Doklad CK KPSS ot 25.02.1956 «O kul'te lichnosti i ego posledstvijah». Izvestija CK KPSS. 1989. № 3.

12. Zapiska N.I. Ezhova i A.Ja. Vyshinskogo na imja I.V. Stalina (datirovana fevralem 1937 g.) o napravlenii vyezdnyh sessij Voennoj kollegii Verhovnogo Suda SSSR dlja rassmotrenija del «v Azovo-Chernomorskom, Zapadno-Sibirskom, Krasnojarskom krajah; Sverdlovskoj, Omskoj, Gor'kovskoj, Kujbyshevskoj, Saratovskoj, Stalingradskoj oblastjah; Azerbajdzhanskoj SSR, Gruzinskoj SSR i Armjanskoj SSR» i «o predanii sudu Voennoj Kollegii trockistov, poimenovannyh v prila-gaemyh pri sem spiskah». [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://stalin.memo.ru/disk/z3/u01_1.htm (data obrashhenija: 19.10.2021)

13. Zemskov V.N. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstanija: monografija. Moskva: Blok-Print, 2021. 192 s.

14. Instruksija Narkomjusta RSFSR ot 19.12.1917 «O Revoljucionnom# Tribunale, ego sostave, delah#, podlezhashhih# ego vedeniju, nalagaemyh# im# nakazaniyah# i o porjadke vedenija ego zasedanij». Sobranie uzakonenij RSFSR. 1917. № 12. st. 170.

15. Instruksija trojкам NKVD po rassmotreniju del ob ugovolnyh i deklassirovannyh jelementah i o zlostnyh narushiteljah polozhenija o pasportah (ob#javlena prikazom NKVD SSSR ot 27.05.1935 №00192). V kn.: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: istorija, do-kumenty: v 6 t. Nauch.konsul'tant E.A. Skripilev. T.V. Sovetskoe gosudarstvo. Otv.red. R.S.Mulukaev, A.Ja. Malygin. M.: Mysl', 2003. S. 332 – 333.

16. Instrukcija trojkam NKVD po rassmotreniju del ob ugovolnyh i deklassirovannyh jelementah i o zlostnyh narushiteljah polozhenija o pasportah (objavlena prikazom NKVD SSSR ot 21.05.1938 №00319). V kn.: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: istorija, do-kumenty: v 6 t. Nauch.konsul'tant E.A. Skripilev. T.V. Sovetskoe gosudarstvo. Otv.red. R.S. Mulu-kaev, A.Ja. Malygin. M.: Mysl', 2003. S. 391 – 392.
17. Koshko A.R. Sudoproizvodstvo po prestuplenijam protiv gosudarstva i v period "otpepli" (1953-1964 gg.): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Krasnodar, 2009. 25 s.
18. Leus M.V. Reformirovanie pravoohranitel'nyh organov SSSR v 1953 – 1964 gg.: dis. ... kand. istor. nauk. Moskva, 2005. 201 s.
19. Operativnyj prikaz Narodnogo komissara vnutrennih del ot 03.07.1937 №00447 «Ob operacii po repressirovaniju byvsih kulakov, ugovolnikov i dr. antisovetskih jelementov». V kn.: Materialy dela o proverke konstitucionnosti ukazov Prezidenta RF, kasajushhija dejatel'nosti KPSS i KP RSFSR, a takzhe o proverke konstitucionnosti KPSS i KP RSFSR. M.: Spark, 1999. T. 6. S. 195 – 213.
20. Operativnyj prikaz Narodnogo komissara vnutrennih del ot 15.08.1937. V kn.: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: istorija, dokumenty: v 6 t. Nauch.konsul'tant E.A. Skripilev. T.V. Sovetskoe gosudarstvo. Otv.red. R.S.Mulukaev, A.Ja. Malygin. M.: Mysl', 2003. S. 386 – 389.
21. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 01.09.2009 №2n-0300/09 574p04pr. dokument oficial'no opublikovan ne byl; dokument vkljuchen v spravocno-pravovuju sistemu «Konsul'tant+. Sudebnaja praktika»
22. Osnovy zakonodatel'stva o sudoustrojstve Sojuza SSR, sojuznyh i avtonomnyh respublik ot 25.12.1958. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1959. № 1. st. 12.
23. Pihoja R.G. Moskva. Kreml'. Vlast'. 1945-2005: v 3-h cha. Tom pervyj. 1945-1964. M.: Novyj hronograf, 2009. 456 s.
24. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 25.01.1928 «Ob utverzhdenii perechnja uzakonenij Pr-vitel'stva RSFSR, utrativshih silu, no ne otmenennyh do sego vremeni osobymi postanovlenijami». dokument oficial'no opublikovan ne byl; dokument vkljuchen v spravocno-pravovuju sistemu «Konsul'tant+. Rossijskoe zakonodatel'stvo».
25. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.04.1999 № 6-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat'i 325 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa RSFSR v svjazi s zhalobami grazhdan B.L. Dribinskogo i A.A. Majstrova». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. №1 6. st. 2080.
26. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 06.10.2004 № 627p2004pr 574p04pr. dokument oficial'no opublikovan ne byl; dokument vkljuchen v spravocno-pravovuju sistemu «Kon-sul'tant+. Sudebnaja praktika»
27. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 15.09.2004 № 574p04pr. dokument oficial'no opublikovan ne byl; dokument vkljuchen v spravocno-pravovuju sistemu «Konsul'tant+. Sudebnaja praktika»
28. postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 30.05.2007 № 131-P07PR 574p04pr. dokument oficial'no opublikovan ne byl; dokument vkljuchen v spravocno-pravovuju sistemu «Kon-sul'tant+. Sudebnaja praktika»
29. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 05.11.1935 «Ob osobom soveshhanii pri narodnom komissare vnutrennih del Sojuza SSR». Sobranie zakonov SSSR. 1935. № 11. st. 84.
30. Postanovlenie CIK SSSR ot 01.12.1934 «O vnesenii izmenenij v dejstvujushhie ugovolno-processual'nye kodeksy sojuznyh respublik». Sobranie zakonov SSSR. 1934. № 64. st. 459.
31. Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 24.07.1929 «Polozhenie o Verhovnom Sude Sojuza SSR i prokureture Verhovnogo Suda Sojuza SSR». Sobranie uzakonenij SSSR. 1929. № 50. st. 445
32. Postanovlenie CK KPSS ot 30.06.1956 «O preodolenii kul'ta lichnosti i ego posledstvij». Izvestija Sovetov Deputatov Trudjashhija SSSR. –956. 3 ijulja (№ 157).
33. Prigovor special'nogo sudebnogo prisutstvija Verhovnogo Suda Sojuza SSR po delu kontrevoljucionnoj organizacii «Promyshlennaja partija». V kn.: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: istorija, dokumenty: v 6 t. Nauch. konsul'tant E.A. Skripilev. T.V. Sovetskoe gosudarstvo.Otv.red. R.S.Mulukaev, A.Ja. Malygin. M.: Mysl', 2003. S. 339 – 353.
34. Prigovor special'nogo sudebnogo prisutstvija Verhovnogo Suda Sojuza SSR po delu kontrre-voljucionnoj organizacii men'shevikov. V kn.: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: istorija, dokumenty: v 6 t. Nauch.konsul'tant E.A. Skripilev. T.V. Sovetskoe gosudarstvo; Otv. red. R.S. Mulukaev, A.Ja. Malygin. M.: Mysl', 2003. S. 355 – 365.
35. Proletarskaja revoljucija i hrushhevskij revizionizm. Vos'maja stat'ja po povodu Otkrytogo pis'ma CK KPSS. Pekin, izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1964. 68 s.
36. Process antisovetskogo trockistskogo centra. M.: NKJu Sojuza SSR, juridicheskoe izdatel'stvo, 1937. 258 s.
37. Process trockistsko-zinov'evskogo terroristicheskogo centra. MLRD. «Rabochij put'», 2018 260 s.

38. Serov D.O. Zabytaja stranica istorii gosudarstva i prava SSSR: sudebnaja reforma 1956-1964 godov. Vestnik NGU. Serija: Pravo. 2006. T. 2, vypusk 2. S. 43 – 53.
39. Serov D.O., Fedorov A.V. Sovetskoe sledstvie v predvoennyj period (1930-1941 gg.). Rossijskij sledovatel'. 2015. № 20. S. 58 – 64.
40. Stalin I.V. Gody velikogo pereloma. Pravda. 1929. 7 nojabrja.
41. Stenogramma sudebnogo zasedanija Special'nogo Sudebnogo Prisutstvija Verhovnogo Suda SSSr po delu Tuhachevskogo M.N., Jakira I.Je., Uborevicha I.P., Korca A.I., Jejdemana R.P., Fel'dma-na B.M., Primakova V.M m Putny V.K., 11 ijunja 1937 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://istmat.info/node/59108> (data obrashhenija: 19.10.2021)
42. Sudebnyj otchet po delu antisovetskogo «pravo-trockistskogo bloka». M.: Juridicheskoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata justicii SSSR, 1938. 708 s.
43. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 01.09.1953 «Ob uprazhnenii Osobogo soveshhanija pri Ministre vnutrennih del SSSR». V kn.: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: istorija, dokumenty: v 6 t. Nauch.konsul'tant E.A. Skripilev. T.V. Sovetskoe gosudarstvo. Otv. red. R.S. Mulukaev, A.Ja. Malygin. M.: Mysl', 2003. S. 535.
44. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 14.08.1954 «Ob obrazovanii prezidiumov v sostave Verhovnyh sudov sojuznyh i avtonomnyh respublik, kraevykh, oblastnyh sudov i sudov avtonomnyh oblastej». Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1954. № 17.
45. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 25.04.1955 «O porjadke rassmotrenija del prezidiumami sudov». Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1955. № 7. st. 166.
46. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 16.01.1989 № 10036-XI «O dopolnitel'nyh merah po vosstanovleniju spravedlivosti v otnoshenii zhertv repressij, imevshih mesto v period 30-40-h i nachala 50-h godov». Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1989. № 3. st. 19.
47. Uchrezhdenie Sudebnyh Ustanovlenij. Tom shestnadcatyj – chast' I. Izdanie 1892 g. v kn.: Svod Zakonov Rossijskoj imperii. Chast' II (tom devjatyj – tom shestnadcatyj). S. Pb.: izdanie tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1904.
48. Federal'nyj zakon ot 09.12.2010 №353-FZ «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 50. st. 6611.
49. Federal'nyj zakon ot 29.12.2010 № 433-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh zakonoda-tel'nyh aktov (polozhenij zakonodatel'nyh aktov) Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonoda-tel'stva RF. 2011. № 1. st. 45.
50. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 29.07.2018 № 1-FKZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon “O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii” i otdel'nye fede-ral'nye konstitucionnye zakony v svjazi s sozdaniem kassacionnyh sudov obshhej jurisdikcii i apelljacionnyh sudov obshhej jurisdikcii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018. № 31. st. 4811.
51. Hlevnjuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdja: biografija. Moskva, izdatel'stvo AST: CORPUS, 2020. 464 s.
52. Hronika: Arest grupy vrachej-vreditelej. Pravda. 1953 13 janvarja. № 13 (12581).
53. Shitikov A.V. Gosudarstvennaja politika v sfere obespechenija zakonnosti i pravoporjadka v uslovijah destalinizacii sovetskogo obshhestva (1953-1964 gg.): dis. ... kand. istor. nauk. Moskva, 2005. 195 s.
54. Jekonomicheskaja istorija SSSR: ocherki. ruk. avt. koll. L.I. Abalkin. M.: INFRA-M, 2007. 496 s.

*Krasilnikov T.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Judge,
Istra City Court of the Moscow region*

**THE REPORT "ON THE CULT OF PERSONALITY" AND THE REFORM OF
THE SOVIET JUDICIAL SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE 1950S.**

Abstract: the article examines the causes of judicial reform in the USSR at the turn of the 1950s - 1960s in the context of the de-Stalinization of Soviet society and the state policy of restoring socialist legality. A historical overview of the development of the judiciary in the Soviet period is given. It is noted that two systems of jurisdictions were formed simultaneously in the Soviet Union, namely: courts of general jurisdiction, where Soviet legislation largely adopted the principles of the pre-revolutionary judicial system, and the system of extrajudicial prosecution, when the internal affairs bodies were entitled to bring to criminal responsibility outside the framework of ordinary judicial procedure. The mechanism of conviction for counterrevolutionary crimes during the years of the "great terror" is considered. The article examines the significance of N.S. Khrushchev's report "On the cult of personality" for further judicial reform in the USSR and substantiates the reasons for the introduction of judicial supervision at the level of regional and republican courts in the conditions of rehabilitation policy. The role of judicial supervision in the Soviet judicial system is noted.

Keywords: Soviet judicial system, cult of personality, "great terror", rehabilitation of victims of political repression, judicial supervision

For citation: Krasilnikov T.S. The report "On the cult of personality" and the reform of the Soviet judicial system in the second half of the 1950s. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 279 – 290.

*Ракитина В.И., заместитель руководителя, аспирант,
Уваровский межрайонный следственный отдел следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Тамбовской области,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЦАМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация: в данной работе автором уделяется внимание цифровизации уголовного процесса как неотъемлемой части научно-технического прогресса. Отмечается высокая степень необходимости внедрения информационно-телекоммуникационных технологий на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Автором рассмотрены точки зрения на процесс интеграции информационно-телекоммуникационных технологий в практическую деятельность уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов, выделены подходы, используемые в процессе интеграции информационно-телекоммуникационных технологий. В статье автором отражены предпринимаемые законодателем меры к усовершенствованию отечественного уголовно-процессуального закона в части использования информационно-телекоммуникационных технологий при производстве следственных и иных процессуальных действий. Автором отражена необходимость применения таких технологий при производстве следственных и иных процессуальных действий, где участниками уголовного судопроизводства выступают наиболее социально незащищённая категория населения – лица с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, информационно-телекоммуникационные технологии, лица с ограниченными возможностями здоровья, следственные действия, инвалиды

Для цитирования: Ракитина В.И. Цифровизация уголовного процесса с точки зрения реализации процессуальных прав и обязанностей лицами с ограниченными возможностями здоровья // Современный ученый. 2023. № 1. С. 291 – 297.

Двадцать первый век ознаменован стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, которые применяются нами повсеместно: поиск необходимой нам информации по различным сферам жизни и деятельности посредством использования поисковых источников, располагаемых в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, общение посредством различного рода приложений, установленных в наших мобильных телефонах (“Вконтакте”, “Whatsapp” Telegram и др.), покупка и приобретение как жизненно необходимых товаров, так и товаров для досуга в повседневной жизни в так называемых онлайн-магазинах. ИТК пронизывают все сферы и отрасли, включая экономику, политику, международные отношения, медицину, науку. О внедрении и использовании положительного вектора развития сети «Интернет» еще в 2020 году говорил президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию, отмечая, что “Высокая доступность интернета должна стать конкурентным преимуществом России и наших граждан, создать широкое пространство для образования и творчества, для общения, для реализации социальных и культурных проектов” [8]. Применительно к сфере уголовного судопроизводства глава нашего государ-

ства высказался об успешном внедрении сети «Интернет» в рамках выступления на X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 года, указывая на актуальность и востребованность внедрения в судебной системе современных информационных технологий, которые обеспечивают возможность дистанционного участия в судебных заседаниях, ознакомления с материалами дела, а также получения документов в электронном виде [9]. При этом В.В. Путин отметил в своем выступлении о необходимости качественного использования таких технологий: не только для удобства участников судопроизводства, но и в целях формирования надёжных гарантий соблюдения права граждан и юридических лиц на качественную и справедливую судебную защиту.

Многие ученые-процессуалисты выступают за внедрение в уголовное судопроизводство электронной формы документооборота. Действительно, использование сети «Интернет» в уголовном судопроизводстве значительно облегчит не только деятельность уполномоченных должностных лиц на стадии предварительного расследования, но и будет способствовать повышению качества расследуемых уголовных дел при должном подходе к организации цифрового уголовного процесса. Об этом упоминала в своей работе и Воскобитова

Л.А., которая указала на возможность применения сети «Интернет» на стадии предварительного расследования. В частности, Воскобитова Л.А. отметила, что в российской практике уголовного судопроизводства предпринимаются попытки внедрения цифровых технологий для коммуникации с невластными участниками процесса, например, путём вызова для участия в следственном действии лица посредством цифровой телефонной связи, СМС, электронной почты, других электронных средств связи (Интернет, Скайп, WhatsApp), использования видео-конференц-связи при проведении следственных действий, если в силу объективных причин участник процесса не может прибыть или быть доставленным к следователю [4, 34-51]. При этом Воскобитова Л.А. выделяет три подхода к организации внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, среди которых: ведомственный, когда цифровизацию производят отдельные ведомственные структуры (МВД, Следственный комитет РФ, ФСБ, суды и т.д.); уголовно-содержательный – на примере одного “блока”, например, при расследовании преступлений небольшой и средней тяжести в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением внедрение происходит в целях отработки цифровых технологий как с точки зрения защиты прав и свобод участников уголовного процесса, так и с позиции обеспечения сохранности процессуальных документов; и фрагментарный – производится выбор одного относительно самостоятельного этапа уголовно-процессуальной деятельности и к нему применяются цифровые технологии.

Как полагает Полстовалов О.В., “снижение хотя бы сугубо технической нагрузки за счет более широкого использования ИТК-технологий, несомненно, позволит повысить как минимум оперативность работы и снизить затратность досудебного и судебного производства по делу, сделать его более прозрачным для участников процесса, которые в таком формате смогут легче и быстрее знакомиться с материалами уголовного дела, заявлять ходатайства и жалобы, то есть на качественно ином уровне защищать свои права и законные интересы” [6, с. 55-61]. По мнению Синкевич В.В., развитие уголовного судопроизводства в электронной форме будет заключаться не только в оптимизации существующих технических возможностей, но и в изменении установленных законом процедур осуществления уголовно-процессуальной деятельности, что приведет к трансформации федерального законодательства, регулирующего данные правоотношения [7, с. 129-134]. Согласимся с позицией Синкевич В.В., поскольку становление электронного уголовного процесса, несомненно, потребует внесения законодателем, в

необходимых случаях, изменений как в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), так и в ряд нормативно-правовых актов, связанных с деятельностью уполномоченных должностных лиц органов следствия и дознания. До настоящего времени изменения в плане цифровизации уголовного процесса внедрены, к примеру, в деятельность надзорных органов – органов прокуратуры Российской Федерации. В частности, должностные лица органов прокуратуры осуществляют электронный документооборот благодаря действующим у них автоматизированным системам ГАС ПС и АИК Надзор. Благодаря данным указанным программам сотрудники прокуратуры принимают заявления и обращения граждан, запрашивают необходимую им информацию в рамках осуществления надзорных полномочий, направляют заявителям сведения о принятых ими процессуальных решениях по результатам рассмотрения заявлений и обращений, производят обмен справочной литературой и внутриведомственными приказами, непосредственно связанными с их деятельностью, между городскими, межрайонными и районными прокуратурами субъектов РФ. О пользе электронного документооборота, в том числе при использовании вышеуказанных специализированных программ, высказываются как теоретики в уголовно-правовой области знания, так и практические работники. Так, при проведении круглого стола по вопросу реализации концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры в современных условиях Мелодиев А.А., Лихачева Е.Ю. отметили важность такой трансформации как основного вектора оптимизации деятельности правоохранительных органов на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая стадию предварительного расследования [5, с. 17-29]. Такой подход позволяет сократить сроки направления ответов гражданам по их заявлениям и обращениям, а также предоставляет возможность в случае несогласия с принятым решением, получить информацию о действительности регистрации своих заявлений и обеспечить соблюдение процессуальных сроков при даче ответа со стороны должностных лиц органов прокуратуры. Тем самым, дополнительно реализуется такой принцип уголовного судопроизводства как охрана прав и законных интересов граждан. Реализация цифрового документооборота в данном случае возможна благодаря введению так называемой электронной подписи, при помощи которой производится подтверждение соответствия действительности электронного документа за подписью уполномоченного должностного лица. При этом такой электронный документ должен соответствовать определенным требованиям:

наличие электронного шаблона документа, реквизиты, установленные для аналогичного документа на бумажном носителе; наличие электронной подписи [3]. Как показывает практика, в территориальных органах прокуратуры в совершенстве используют специализированные автоматизированные системы для реализации своих надзорных полномочий.

Следует отметить, что Следственным комитетом Российской Федерации в начале 2022 года также были предприняты меры к цифровизации уголовного процесса на его начальном этапе – принятие и регистрация сообщений о преступлениях. Так, принятие от любой категории граждан сообщения, содержащего признаки уголовно-наказуемого деяния, возможно путем направления такого сообщения или обращения в специализированное подразделение данного ведомства – информационный центр, что обеспечивает круглосуточное взаимодействие уполномоченных должностных лиц с населением и оперативное реагирование на обращения (сообщения) граждан.[10] Ежедневно в информационный центр СК России поступает порядка 800 обращений граждан, что свидетельствует о возрастающей популярности данной формы электронного обращения и удобстве пользования ею различными категориями граждан. За первый квартал 2022 года, то есть с января по март, сотрудниками следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тамбовской области рассмотрено порядка 450 обращений граждан по вопросам, относящимся к компетенции уполномоченных должностных лиц указанного ведомства, и число обращений с каждым месяцем неуклонно растёт. Это указывает на обоснованность создания специализированного подразделения по рассмотрению обращений граждан в электронной форме с целью снижения нагрузки на следственные управления по субъекту Российской Федерации [11].

Однако, процесс цифровизации досудебной стадии уголовного судопроизводства находится на начальном этапе своего развития, что подтверждает факт производства следственных и иных процессуальных действий в бумажной форме посредством изготовления протоколов на бумажном носителе. В большинстве случаев в электронной форме на соответствующих материальных объектах (DVD-R, CD-R диски, флеш-накопители и пр.) к материалам уголовного дела прилагаются видеозаписи следственных действий, таких как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, допросы малолетних несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам о совершении тяжких и особо тяжких преступлений. В ряде след-

ственных отделов следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тамбовской области установлены ведомственные специализированные программы, задачей которых выступает занесение в электронной форме сведений о регистрации сообщений о преступлениях, дата принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела, а также информация о направлении ответа заявителю. При этом материалы уголовного дела все также изготавливаются на бумажных носителях, уведомления участникам уголовного судопроизводства о принятых процессуальных решениях направляются посредством почтового отправления.

По нашему мнению, необходимость цифровизации уголовного судопроизводства особенно важна в отношении такой социально незащищённой категории населения как лица с ограниченными возможностями. По состоянию на 1 января 2022 года в России насчитывается 11 330 754 инвалида, из которых 728 988 детей-инвалидов.[12] Указанная цифра составляет примерно 1/14 от общей численности населения нашей страны. На территории Тамбовской области проживает порядка 105 436 инвалидов, из которых 3779 детей-инвалидов.[13] Среди названного числа инвалидов, несомненно, присутствуют лица, которые выступали участниками уголовного судопроизводства в различном процессуальном статусе: как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Данный факт свидетельствует о необходимости рассмотрения вопроса об улучшении реализации лицами с ограниченными возможностями своих процессуальных прав и обязанностей при участии на досудебной стадии уголовного процесса.

Законодателем сравнительно недавно, в декабре 2021 года, уже сделан шаг к цифровизации уголовного процесса в рамках предварительного расследования, а именно был принят Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 30.12.2021 N 501-ФЗ.[2] Данный Федеральный закон внес изменения в УПК РФ, дополнив его статьёй 189.1, согласно которой у следователя, дознавателя появилось право на производство следственных и иных процессуальных действий путем использования систем видео-конференц-связи соответствующих государственных органов, осуществляющих производство предварительного расследования [1]. Благодаря указанному нововведению уполномоченные должностные лица могут проводить процессуальные действия, при наличии технической возможности, в дистанционном режиме. Важность дистанционного формата производства следственного действия будет, в особен-

ности, касаться лиц, имеющих физические недостатки, в том числе, обусловленные нарушениями опорно-двигательного аппарата (травмы или боли в суставах, связках, мышцах, нервах, сухожилиях и структурах, поддерживающих конечности, шею и спину).

Однако, при изучении ряда уголовных дел, в которых в качестве обвиняемых выступали лица с ограниченными возможностями, нами было отмечено не использование следователем возможностей, предоставляемых в наше время благодаря сети «Интернет». В частности, при изучении материалов уголовного дела №1-2/2019 по обвинению гр-на К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлено, что обвиняемый К. является инвалидом-колясочником, группа инвалидности – первая. При проведении следственных действий с участием обвиняемого К. последний принимал очное участие [15]. При исследовании уголовного дела №1-299/2020 по обвинению гр-на Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 162, ч. 2 ст. 325, ч. 1 ст. 314.1, п. «б» ч. 2 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, установлено, что одним из потерпевших по данному уголовному делу выступал гр-н Б., который имел инвалидность второй группы по заболеванию – остеоартроз коленного сустава. Ввиду наличия группы инвалидности потерпевший Б. с трудом, при помощи специального бадика, передвигался от места своего проживания к необходимым ему местам, в том числе, к магазинам, осуществляющим розничную торговлю продуктами питания. Следственные действия с участием потерпевшего Б., которые не требовали выезда непосредственно на место происшествия, проводились следователем в помещении служебного кабинета следственного отдела [16].

Следует отметить, что расследование по указанным выше уголовным делам не представляло собой особо сложности, с учетом признания вины как обвиняемым К., так и обвиняемым Р., мы полагаем, что участие обвиняемого К., а также потерпевшего Б. могло быть обеспечено следователем с применением такой формы информационно-телекоммуникационных технологий как видео-конференц-связь. Это позволило бы обеспечить данным участникам уголовного судопроизводства удобство при проведении следственных действий, выражающееся в возможности лично не присутствовать в служебном кабинете следователя, в том числе для дачи показаний или при осмотре предметов, когда участие такого лица важно для сбора доказательственной базы. Однако, как показывает, среди прочего, вышеуказанная практика, в своей

повседневной деятельности следователи, дознаватели с недоверием относятся к предложенной законодателем оптимизации своего рабочего времени и не используют такой вариант производства следственных действий, поскольку, во-первых, ни в каждом правоохранительном органе присутствует техническая возможность для организации на должном уровне качественной видео-конференц-связи (особенно в районных и межрайонных следственных отделах), во-вторых, ни у каждого потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого имеется техническая возможность для обеспечения видео-связи со следователем или дознавателем. Данный факт необходимо, безусловно, учитывать. К примеру, в следственных отделах следственного управления Российской Федерации по Тамбовской области возможностями сети «Интернет» по-прежнему пренебрегают, так как привычнее в работе использовать вербальный вариант общения с участниками в рамках уголовного дела.

В связи с указанным, мы предлагаем внести соответствующие корректировки в ст. 189.1 УПК РФ, которые бы возлагали на следователя, дознавателя право на применение при проведении таких следственных действий как допрос, очная ставка и опознание, где потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым выступает лицо, имеющее физические недостатки, информационно-телекоммуникационных технологий в форме видео-конференц-связи. Изложить корректировку предлагаем в следующей редакции: *“ч. 9 ст. 189.1 УПК РФ – Возложить на следователя, дознавателя обязанность по рассмотрению вопроса об использовании информационно-телекоммуникационных технологий в форме видео-конференц-связи при проведении допроса, очной ставки или опознания в случае, если потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу выступает лицо, имеющее физические недостатки. Решение следователя об избрании либо не избрании при проведении допроса, очной ставки или опознания информационно-телекоммуникационных технологий в форме видео-конференц-связи должно быть обоснованно, оформлено в форме подписки о применении такой информационно-телекоммуникационной технологии и приобщено к материалам уголовного дела”*. Введение данной уголовно-процессуальной нормы предполагает её обязательное соблюдение со стороны уполномоченных должностных лиц, а в случае необоснованности принятого решения, например, об отказе в применении видео-конференц-связи при проведении вышеуказанных следственных действий, позволит участникам уголовного судопроизводства обжаловать принятое решение

и, тем самым, защитить свои права и законные интересы в рамках предварительного расследования.

По нашему мнению, для успешной реализации лицами с ограниченными возможностями своих процессуальных прав и обязанностей следователям, дознавателям необходимо внедрять в свою практическую деятельность проведение следственных и иных процессуальных действий с применением сети «Интернет», а именно проводить следственные и иные процессуальные действия посредством видео-конференц-связи с обязательным обоснованием следователем факта применения сети «Интернет» в соответствии с предложенными нами изменениями в ч. 9 ст. 189.1 УПК РФ. Соблюдение указанной уголовно-процессуальной нормы будет особенно актуально в отношении лиц

с ограниченными возможностями, которые имеют физические недостатки, препятствующие (полностью либо частично) их участию в производстве процессуальных действий. Внедрение данного подхода к организации предварительного расследования будет способствовать не только большей защите прав лиц с ограниченными возможностями – возникновение права на обжалование принятого должностным лицом решения о применении (не применении) информационно-телекоммуникационных технологий, но и приведёт к повышению уровня качества уголовных дел на досудебной стадии уголовного судопроизводства – разъяснение процессуальных прав и обязанностей участнику уголовного процесса посредством видеозаписи, подробность изложения своих показаний.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 года N 174ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 года: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 года // Рос. газ. 2001. 22 декабря.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2021 г. N 501ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2021 года: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 декабря 2021 года // Рос. газ. 2022. 11 января.
3. О внесении изменений в приказ генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 №459 “О введении в действие инструкции по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации”, а также в инструкцию, утвержденную этим приказом” / Приказ Генеральной прокуратуры России от 11.12.2018 N 818. URL:<https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-11.12.2018-N-818/> (дата обращения: 06.12.2022)
4. Воскобитова Л.А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (20). С. 34 – 51. URL:<https://vestnik.msal.ru/jour/article/viewFile/1240/1261.pdf> (дата обращения: 05.12.2022)
5. Лихачева Е.Ю., Мелодиев А.А. Некоторые вопросы документооборота в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Реализация концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры в современных условиях: сборник материалов круглого стола, Москва, 11.06.2019 / под общ. ред. Е.Ю. Лихачевой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. С. 17 – 29. URL:<https://agprf.org/userfiles/ufiles/obakademii/NMM/2019/СборникРеализацияКонцепциицифровойтрансформацииоргановиорганизацийпрокуратурывсовременныхусловиях.pdf> (дата обращения: 06.12.2022)
6. Полстовалов О.В. Об использовании ИТК-технологий в целях оптимизации уголовного судопроизводства: криминалистические и процессуальные аспекты // Электронные носители информации в криминалистике: материалы круглого стола, МГУ, Москва, 13.05.2016 / под ред. проф. Кучин О.С. М.: МГУ, 2016. С. 55 – 61. URL:<http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2016/06/Материалы-круглого-стола-Электронные-носители-информации-в-криминалистике-13.05.2015-1.pdf>
7. Синкевич В.В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 129 – 134. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ugolovnogo-protssessa-zarubezhnyy-i-otechestvennyy-opyt> (дата обращения: 06.12.2022)
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 "Послание Президента Федеральному Собранию" Текст: электронный. Система “Консультант Плюс” URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 05.12.2022)
9. Выступление Президента РФ на X Всероссийском съезде судей от 29.11.2022 // Стенограмма выступления В.В. Путина на на Всероссийском съезде судей URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vserossiiskom-sezde-sudei-29-11-2022.html> (дата обращения: 05.12.2022)

10. Напишите Баstryкину: В СК появился еще один канал связи с гражданами // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/03/16/napishite-bastrykinu-v-sk-poiavilsia-eshche-odin-kanal-sviasi-s-grazhdanami.html> (дата обращения: 05.12.2022)

11. Статистическая информация о деятельности СУ СКР по Тамбовской области за 2022 год. Текст: электронный // Официальный сайт следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тамбовской области URL: <https://tambov.sledcom.ru/folder/877295> (дата обращения: 05.12.2022)

12. Статистическая информация. Данные федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов» (ФРИ) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 06.12.2022)

13. Статистическая информация. Данные федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов» (ФРИ) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 06.12.2022)

14. Архив Мичуринского городского суда Тамбовской области за 2020 г. (уголовное дело №1-299/2020)

15. Архив Сосновского районного суда Тамбовской области за 2019 г. (уголовное дело №1-2/2019)

References

1. Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 18 dekabrja 2001 goda N 174FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 nojabrja 2001 goda: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dekabrja 2001 goda. Ros. gaz. 2001. 22 dekabrja.

2. O vnesenii izmenenij v Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 30 dekabrja 2021 g. N 501FZ: prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 dekabrja 2021 goda: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 dekabrja 2021 goda. Ros. gaz. 2022. 11 janvarja.

3. O vnesenii izmenenij v prikaz general'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 29.12.2011 №459 “O vvedenii v dejstvie instrukcii po deloproizvodstvu v organah i uchrezhdenijah prokuratury Rossijskoj Federacii”, a takzhe v instrukciju, utverzhdeniju jetim prikazom”. Prikaz General'noj prokuratury Rossii ot 11.12.2018 N 818. URL:<https://rulings.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-11.12.2018-N-818/> (data obrashhenija: 06.12.2022)

4. Voskobitova L.A. Ispol'zovanie funkcional'nogo podhoda dlja cifrovizacii uголовnogo sudoproizvodstva. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA). 2020. № 10 (20). S. 34 – 51. URL:<https://vestnik.msal.ru/jour/article/viewFile/1240/1261.pdf> (data obrashhenija: 05.12.2022)

5. Lihacheva E.Ju., Melodiev A.A. Nekotorye voprosy dokumentooborota v uslovijah razvitija informacionno-kommunikacionnyh tehnologij. Realizacija koncepcii cifrovoj transformacii organov i organizacij prokuratury v sovremennyh uslovijah: sbornik materialov kruglogo stola, Moskva, 11.06.2019. pod obshh. red. E.Ju. Lihachevoj; Un-t prokuratury Ros. Federacii. M., 2019. S. 17 – 29. URL:<https://agprf.org/userfiles/ufiles/obakademii/NMM/2019/SbornikRealizacijaKoncepciicifrovojtransformaciiorganoviorganizacijprokuraturyvsovremennyhuslovijah.pdf> (data obrashhenija: 06.12.2022)

6. Polstovalov O.V. Ob ispol'zovanii ITK-tehnologij v celjah optimizacii uголовnogo sudoproizvodstva: kriminalisticheskie i processual'nye aspekty. Jelektronnye nositeli informacii v kriminalistike: materialy kruglogo stola, MGU, Moskva, 13.05.2016. pod red. prof. Kuchin O.S. M.: MGU, 2016. S. 55 – 61. URL:<http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2016/06/Materialy-kruglogo-stola-Jelektronnye-nositeli-informacii-v-kriminalistike-13.05.2015-1.pdf>

7. Sinkevich V.V. Cifrovizacija uголовnogo processa: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 1 (60). S. 129 – 134. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ugolovnogo-protsesta-zarubezhnyy-i-otechestvennyy-opyt> (data obrashhenija: 06.12.2022)

8. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju ot 15.01.2020 "Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju" Tekst: jelektronnyj. Sistema “Konsul'tant Pljus” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (data obrashhenija: 05.12.2022)

9. Vystuplenie Prezidenta RF na H Vserossijskom s#ezde sudej ot 29.11.2022 // Stenogramma vystuplenija V.V. Putina na na Vserossijskom s#ezde sudej URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vserossiiskom-sezde-sudei-29-11-2022.html> (data obrashhenija: 05.12.2022)

10. Napishite Bastrykinu: V SK pojavilsja eshhe odin kanal svjazi s grazhdanami. Rossijskaja gazeta. URL: <https://rg.ru/2022/03/16/napishite-bastrykinu-v-sk-poiavilsia-eshche-odin-kanal-sviasi-s-grazhdanami.html> (data obrashhenija: 05.12.2022)

11. Statisticheskaja informacija o dejatel'nosti SU SKR po Tambovskoj oblasti za 2022 god. Tekst: jelektronnyj. Oficial'nyj sajt sledstvennogo upravlenija Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Tambovskoj oblasti URL: <https://tambov.sledcom.ru/folder/877295> (data obrashhenija: 05.12.2022)

12. Statisticheskaja informacija. Dannye federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy «Federal'nyj reestr invalidov» (FRI). Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (data obrashhenija: 06.12.2022)

13. Statisticheskaja informacija. Dannye federal'noj gosudarstvennoj informacionnoj sistemy «Federal'nyj reestr invalidov» (FRI). Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (data obrashhenija: 06.12.2022)

14. Arhiv Michurinskogo gorodskogo suda Tambovskoj oblasti za 2020 g. (ugolovnoe delo №1-299/2020)

15. Arhiv Sosnovskogo rajonnogo suda Tambovskoj oblasti za 2019 g. (ugolovnoe delo №1-2/2019)

*Rakitina V.I., Deputy Head, Postgraduate,
Uvarovo Investigate Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Tambov Region,
Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS IN TERMS OF THE IMPLEMENTATION OF PROCEDURAL RIGHTS AND OBLIGATIONS BY PERSONS WITH DISABILITIES

Abstract: in this article, the author pays attention to the digitalization of the criminal process as an integral part of scientific and technological progress. There is a high degree of need for the introduction of information and telecommunication technologies at the pre-trial stage of criminal proceedings. The author considers the points of view on the process of integration of information and telecommunication technologies into the practical activities of authorized law enforcement officials, identifies the approaches used in the process of integration of information and telecommunication technologies. In the article, the author reflects the measures taken by the legislator to improve the domestic criminal procedure law in terms of the use of information and telecommunication technologies in the production of investigative and other procedural actions. The author reflects the need for the use of such technologies in the production of investigative and other procedural actions, where the most socially unprotected category of the population – persons with disabilities – act as participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, digitalization, information and telecommunication technologies, persons with disabilities, investigative actions, people with disabilities

For citation: Rakitina V.I. Digitalization of the criminal process in terms of the implementation of procedural rights and obligations by persons with disabilities. Modern Scientist. 2023. 1. P. 291 – 297.

*Шухов Ф.Г., кандидат юридических наук,
Орехов Д.А., кандидат ветеринарных наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины*

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ АРЕНДЫ И ЛИЗИНГА

Аннотация: аренда животных и лизинг, как вид аренды, являются популярными способами получения животных в пользование с целью извлечения прибыли. Такие договорные отношения регулируются Гражданским кодексом РФ, однако, имеют ряд особенностей, связанных с характеристиками, присущим живым существам. В частности, особое значение приобретает необходимость страхования на всех этапах действия договора. Сельскохозяйственное страхование поддерживается на государственном уровне, но, вероятно, остается для многих предпринимателей недоступным, что влечет за собой серьезные убытки. Другим важным условием правомерного договора аренды является необходимость идентификации предмета аренды, что применительно к живым существам приобретает дополнительную сложность, т.к. при длительной аренде животное утрачивает ряд значимых характеристик, оставаясь тем же самым предметом, который перешел во временное владение. На примерах судебной практики рассмотрены различные способы толкования законодательства в области аренды, объектом которой выступают животные.

Ключевые слова: аренда, арендатор, арендодатель, лизинг, лизингодатель, лизингополучатель, аренда животных, сельское хозяйство

Для цитирования: Шухов Ф.Г., Орехов Д.А. Животные как объект аренды и лизинга // Современный ученый. 2023. № 1. С. 298 – 300.

Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденная постановлением Правительства от 14 июля 2012 года №717 [5] в качестве одной из целей указывает достижение значения индекса производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в 2030 году в объеме 114,6% от уровня 2020 года.

Одной из задач для достижения поставленной цели является увеличение объемов производства продукции в 2030 году к уровню 2020 года по растениеводству на 22,1%, животноводству – на 8%. Достижение целей этой отраслевой программы влияет на достижение национальных целей, в частности: обеспечение достойного, эффективного труда и успешного предпринимательства.

В рамках исполнения программы предусмотрено субсидирование государством части затрат, связанных производством сельхозпродукции и возмещение части затрат на сельскохозяйственное страхование. Субсидии предусмотрены для сельскохозяйственных производителей, включенных в реестр субъектов малого и среднего предпринимательства на поддержку племенного животноводства: маточное поголовье, быков-производителей; на развитие мясного животноводства за исключением племенных животных; приобретение племенного молодняка.

Другим видом поддержки государством животноводства является поддержка лизинга. Основной задачей лизинга как вида деятельности в области сельского хозяйства является помощь сельхозпро-

изводителям в обновлении стад, сохранении ценных пород и стимулировании селекции. Государство, согласно ст. 36 ФЗ № 164 «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 [3], может оказывать меры поддержки в т.ч. путем отнесения к предмету лизинга племенных животных и крупного рогатого скота, специализированных мясных пород. Финансовая аренда (лизинг), предусматривает участие продавца, лизингодателя и лизингополучателя.

Важным условием лизинга в этой области является возможность страхования предмета лизинга. Меры государственной поддержки в сфере сельскохозяйственного страхования до 2024 года предусмотрены ФЗ №260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон "О развитии сельского хозяйства» от 25.07.2011 [4]. Страхование является эффективной возможностью защиты от серьезных убытков. Именно субсидированное страхование занимает большую долю этого специализированного рынка. При этом в страховании заинтересованы все участники договора.

Суть государственной поддержки сельскохозяйственного страхования состоит в компенсации части затрат на уплату страховых взносов за счет средств бюджета (50%). Страховщиками могут выступать только организации – члены объединения страховщиков, договор страхования может быть заключен с франшизой, страховые выплаты, в случае невозможности уплаты страховщиком, выплачиваются за счет средств фонда объедине-

ния страховщиков [1]. На конец 2021 года в России было застраховано 60% поголовья свиней и 10% крупного рогатого скота, в основном в регионах, подверженных заразным болезням животных [2]. Таким образом, потенциал роста застрахованного поголовья достаточно велик, увеличение лизинговых программ будет способствовать и росту покрытия страхованием поголовья сельскохозяйственных животных.

Наличие страхования объекта лизинга может стать серьезной защитой имущества любого из участников договора. Так, в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.09.2018 N Ф01-3817/2018 по делу N А82-15165/2017 отсутствие страхования приобретенных в лизинг животных от вынужденного уоя и отсутствие доказанности причинно-следственной связи между действиями продавца в нарушении правил ветеринарной обработки и заражением животных лишили лизингополучателя возможности возместить свои убытки.

Значительным преимуществом лизинга является вариативность размера арендной платы, причем в договоре возможность учесть и сезонность сельского хозяйства, а также возможность лизингополучателя указать именно то имущество, которое должно быть приобретено лизингодателем для передачи во временное возмездное владение и пользование, то есть лизингополучатель сам определяет лизинговое имущество.

Основными особенностями договора лизинга является использование лизингового имущества в предпринимательских целях, приобретение имущества у продавца осуществляется только при условии передачи его в лизинг пользователю, сумма лизинговых платежей должна включать полную или близкую к ней стоимость лизингового имущества на момент сделки. При этом на весь срок договора собственником имущества является лизингодатель.

Лизинг является специфическим видом аренды. Договор аренды может быть более подходящим способом получить в пользование животных, если арендатор не планирует выкуп или предпринимательскую деятельность – животные входят в состав подсобного хозяйства или не являются источником прибыли. Подсобные хозяйства на государственном уровне не поддерживаются в части аренды, но владельцы таких хозяйств могут получить кредит на специально разработанных условиях, но кредитные ставки не являются льготными., поэтому договор аренды может быть удобен для некоторых категорий граждан.

Согласно ст. 137 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе, с тем лишь условием, что при осуществлении прав на живот-

ное не допускается жестокое обращение с ним. При несоблюдении этого запрета собственнику может быть отказано в защите права, а животные могут быть у него принудительно выкуплены.

Таким образом, животные являются объектом аренды в соответствии со ст. 697 ГК РФ, на такой объект аренды в договоре должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить это имущество, иначе договор не может считаться заключенным.

По прекращении договора аренды арендатор возвращает объект аренды в том состоянии, в котором он его получил, но с учетом естественного износа или в состоянии, обозначенном в договоре (ст. 622 ГК РФ). В случае с арендой животных эти нормы накладывают определенные ограничения – должно быть возвращено именно то животное, которое было сдано в аренду, но как одушевленный объект животное подвержено гораздо большему количеству рисков во время срока аренды, кроме того, с возрастом оно теряет и приобретает характеристики, существенно влияющие на производительность и стоимость животного, а арендатор принимает на себя бремя ухода за животным. Кроме того, арендодатель не имеет права на продукцию и доходы, полученные арендатором во время пользования имуществом. Это должно быть учтено при заключении договора на аренду.

Интересно, что суды придерживаются разных позиций в случае необходимости возврата животных в качестве залога или в качестве объекта лизинга. Так, в Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 22 октября 2012 г. N А03-15543/2011 отражена ситуация, когда молодняк крупного рогатого скота, составлявший предмет залога, на момент осмотра имущества должника перестал быть молодняком, однако суд постановил, что вместо выросшего молодняка предметом залога стал другой присутствующий молодняк, таким образом на первый план вышли свойства животного, а не идентификация.

В сходных обстоятельствах ФАС Восточно-Сибирского округа постановил, что выросший молодняк – это те самые животные, которые должны вернуться лизингодателю, т.е. животные были идентифицированы и именно на них распространялся договор лизинга, а не на других, обладавших подобными характеристиками (Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18 июня 2009 г. N А58-4845/08). Таким образом, индивидуализация, передаваемых в аренду животных, является условием защиты своих прав всеми сторонами договора.

Отсутствие в договоре индивидуализирующих признаков животного (инвентарного номера, клейма, масти, бирки), условия об объекте аренды

считается несогласованным, а договор незаключенным, что лишает арендатора права собственности на плоды, продукцию и доходы от пользования животным. Однако согласно ст. 432 гл. 28 ГК РФ, сторона, подтвердившая действие договора не вправе требовать признания договора незаключенным, если это противоречит принципам добросовестности.

Таким образом, животные, наравне с другим имуществом, являются предметом аренды или ли-

зинга. Законодательством предусмотрена лишь одна особенность такого договора – арендатору не разрешено жестокое обращение с животными. Действительно, это условие отвечает особенностям животных как предмета аренды, однако, другие особенности животных, такие как старение, подверженность болезням, не учтены законодателем и могут стать основой для недобросовестных действий как арендатора, так и арендодателя, что подтверждается судебной практикой.

Литература

1. Сплетугов Ю.А. Сельскохозяйственное страхование в России и за рубежом: сравнительная характеристика // Финансовый журнал. №1. С. 87-99.
2. В России растут доли застрахованного поголовья сельхозживотных. URL: <https://specagro.ru/news/202112/v-rossii-rastut-doli-zastrakhovannogo-pogolovya-selkhozzhivotnykh?ysclid=lbxnwfidnp857723585> (дата обращения: 27.12.2022)
3. Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" от 29.10.1998 N 164-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
4. Федеральный закон "О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон "О развитии сельского хозяйства" от 25.07.2011 N 260-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 "О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия" (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс»

References

1. Spletuhov Ju.A. Sel'skohozjajstvennoe strahovanie v Rossii i za rubezhom: sravnitel'naja harakteristika. Finansovyj zhurnal. №1. S. 87-99.
2. V Rossii rastut doli zastrakhovannogo pogolov'ja sel'hozhivotnyh. URL: <https://specagro.ru/news/202112/v-rossii-rastut-doli-zastrakhovannogo-pogolovya-selkhozzhivotnykh?ysclid=lbxnwfidnp857723585> (data obrasheniya: 27.12.2022)
3. Federal'nyj zakon "O finansovoj arende (lizinge)" ot 29.10.1998 N 164-FZ. SPS «Konsul'tantPljus»
4. Federal'nyj zakon "O gosudarstvennoj podderzhke v sfere sel'skohozjajstvennogo strahovaniya i o vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O razvitii sel'skogo hozjajstva" ot 25.07.2011 N 260-FZ. SPS «Konsul'tantPljus»
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 ijulja 2012 g. N 717 "O Gosudarstvennoj programme razvitija sel'skogo hozjajstva i regulirovaniya rynkov sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stviya" (s izmenenijami i dopolnenijami). SPS «Konsul'tantPljus»

*Shukhov F.G., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Orekhov D.A., Candidate of Veterinary Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine*

ANIMALS AS A RENTAL AND LEASING OBJECT

Abstract: animal rental and leasing, as a type of lease, are popular ways to get animals for use in order to make a profit. Such contractual relations are regulated by the Civil Code of the Russian Federation, however, they have a number of features related to the characteristics inherent in living beings. In particular, the need for insurance at all stages of the contract is of particular importance. Agricultural insurance is supported at the state level, but probably remains inaccessible to many entrepreneurs, which entails serious losses. Another important condition of a legitimate lease agreement is the need to identify the subject of the lease, which, in relation to living beings, acquires additional complexity, because with a long lease, the animal loses a number of significant characteristics, remaining the same object that has passed into temporary possession. Using examples of judicial practice, various ways of interpreting legislation in the field of rent, the object of which are animals, are considered.

Keywords: rent, tenant, lessor, leasing, lessor, lessee, animal rental, agriculture

For citation: Shukhov F.G., Orekhov D.A. Animals as a rental and leasing object. Modern Scientist. 2023. 1. P. 298 – 300.

*Зинченко Д.С., научный сотрудник, адъюнкт, лейтенант полиции,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Нерубенко А.С., старший преподаватель, подполковник полиции,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
Колесникова О.А., старший научный сотрудник, подполковник полиции,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
Колесников А.Г., начальник научно-исследовательского отдела, майор полиции,
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (КВАДРАКОПТЕРОВ) СОТРУДНИКАМИ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация: сложившаяся конъюнктура высокотехнологической отрасли привела к массовому внедрению и применению беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) в различных сферах общества. Появление квадрокоптеров можно сравнить с появлением огнестрельного оружия в XIV веке. Такое технологическое достижение позволяет решать некоторые задачи по обеспечению безопасности правоохранительными органами. Актуальность данного исследования состоит в изучении перспективных направлений использования беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) в условиях проведения контртеррористической операции. В статье рассмотрены преимущества квадрокоптеров и проанализирована эффективность их применения в особых условиях. Авторами затронуты некоторые вопросы правового регулирования эксплуатации беспилотников. Результаты исследования указывают на необходимость полномасштабного применения квадрокоптеров в служебной деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, квадрокоптеры, контртеррористическая операция, сотрудники, правоохранительные органы, спецподразделения, применение, современные технологии, устройство

Для цитирования: Зинченко Д.С., Нерубенко А.С., Колесникова О.А., Колесников А.Г., Перспективы применения беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) сотрудниками спецподразделений в условиях проведения контртеррористической операции // Современный ученый. 2023. № 1. С. 301 – 308.

Современное мировое сообщество вышло на новый, инновационный этап развития. Прогрессирующие процессы глобализации, информатизации и технологизации охватывают все больший масштаб. Новые, модернизированные информационные сети и информационное пространство, технологические устройства и разработки повсеместно используются во всех сферах общества. Однако, несмотря на все преимущества новой, информационно-технологической модели развития общества, прослеживается и ее отрицательная динамика – использование всех достижений науки и техники преступным сообществом.

Криминализация информационно-технологического пространства способствует появлению новых схем, форм и методов совершения преступлений, что порождает рост организованной и транснациональной преступности. Так, за 2021 год в России зарегистрировано 2 млн. преступлений, из которых 2136 преступлений террористического характера и 1057 преступлений экстремистской направленности [8]. За первое полугодие 2022 года в результате преступных посягательств погибли 10,9 тыс. человек, что на 7,1 % меньше, чем за

аналогичный период 2021 года. Также зафиксировано 16,5 тыс. случаев нанесения тяжкого вреда здоровью, что меньше на 2,6% прошлогодних показателей. Однако, несмотря на тенденцию снижения в 2022 году общего числа зарегистрированных преступлений, отмечается рост количества преступлений террористического характера (+4,8%) и экстремистской направленности (+28,5%) [11]. Кроме того, каждое четвертое преступление в стране совершается при помощи IT-технологий, (к примеру, в 2021 году зарегистрировано 50,3 тыс. преступлений по статье 228.1 УК РФ, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий).

Сегодня для эффективного противодействия современным угрозам сотрудниками силовых ведомств применяется довольно широкий круг специальных средств и специальной техники: начиная от палок специальных и средств ограничения подвижности, и заканчивая взрывными устройствами, бронемашинами, а также высокотехнологическими комплексами и аппаратами [4, с. 5]. Однако, для надлежащего обеспечения общественной безопасности и охраны правопорядка, выявления,

пресечения и предупреждения преступности требуется разработка и применение новых форм и методов борьбы с ней, использование современных технических и информационных комплексов, устройств и конструкций.

В последнее время набирающими популярность стали такие технические устройства, как беспилотные летательные аппараты (квадрокоптеры). В настоящий момент законодательно закрепленной трактовки беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА) не существует. Сходное понятие БПЛА содержится в Воздушном кодексе Российской Федерации, раскрывающего определение «беспилотного воздушного судна», под которым понимается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) [2].

Согласно Федеральному управлению гражданской авиации США (FAA) БПЛА – это устройство без пилота на борту, используемое или предназначенное для использования в воздухе [9]. В научных трудах некоторых ученых раскрывается следующее определение беспилотного летательного аппарата (БПЛА) – это мобильный летательный аппарат, не имеющий на своем борту экипажа (пилота) [6, с. 195].

Исходя из вышесказанного, можно определить, что беспилотный летательный аппарат (БПЛА) – это искусственно созданный, многофункциональный летательный аппарат (комплекс), не имеющий на борту пилота и выполняющий всевозможные функции в автономном режиме (с помощью программного или дистанционного управления).

Сегодня существует большое количество беспилотных летательных аппаратов во множестве моделей и их модификаций, одним из которых выступает квадрокоптер [7, с. 26]. Например, в 2019 году российскими учеными разработан беспилотный летательный аппарат AURA 100 вертолетного типа, который может выполнять полеты продолжительностью до трех часов на высотах до 1,5 км и развивать скорость до 150 км/ч. А БПЛА самолетного типа ZALA 421-16EM способен работать на высоте до 3,5 км на протяжении 5 и более часов. Кроме того, в начале августа 2021 года компании Parrot и Skyward объединили усилия на создание первого БПЛА (квадрокоптера) с подключением к сети 4G LTE, что позволит управлять им с любой точки мира. А в конце июля 2022 года компания QinetiQ продемонстрировала первый в мире квадрокоптер с лазерным управлением [1].

Современное использование БПЛА (квадрокоптеров) охватило многие сферы жизнедеятельности. Квадрокоптеры используются в деятельности различных спецслужб, строительных и жилищно-

коммунальных предприятий, средств массовой информации, для мониторинга окружающей среды и чрезвычайных ситуаций, обеспечения временной связи в труднодоступных местах и т.д. [5, с. 189]. Не обошли стороной БПЛА (квадрокоптеры) и деятельность правоохранительных органов.

Применение БПЛА (квадрокоптеров) сотрудниками правоохранительных органов с каждым годом становится все более актуальным. Проведение публичных и крупных спортивных мероприятий, динамика изменяющейся обстановки, своевременность доставки информации в органы оперативного реагирования и в группы управления нарядами для принятия координационных решений – все эти факторы способствуют развитию применения беспилотников в служебной деятельности полиции.

Возможность и активное применение правоохранительными структурами БПЛА (квадрокоптеров) вызваны основными преимуществами, которые запатентованы с их стороны:

– **простота эксплуатации и малозатратность обслуживания.** Конструктивное устройство беспилотников требует минимум специальных познаний в области авиационной специфики, а также по их управлению; использование БПЛА (квадрокоптеров) фактически не нуждается в специальном обслуживании (запасные части устанавливаются самостоятельно оператором управления, система программного обеспечения при необходимости оповещает о процессах обновления);

– **компактность, незаметность и малозумность.** Современные конфигурации БПЛА (квадрокоптеров) малогабаритны, практически не создают шума и обеспечивают незаметность на радиолокационных станциях;

– **высокая мобильность и маневренность.** Время приведения квадрокоптера в режим пилотирования составляет несколько минут, его использование не требует наличия аэродромной инфраструктуры или специальных посадочных площадок, их возможно применять в любых погодноклиматических условиях, в районах природных и техногенных катастроф, труднодоступных местах и ограниченном пространстве;

– **многофункциональность и модульность.** Новейшие модели БПЛА (квадрокоптеров) оборудованы свертехнологическими элементами: гибридными, мультиспектральными камерами, достигающими 36-кратного зума; портативными комплектами прожекторов; системами GPS и ГЛОНАСС, различными датчиками и т.д., которые устанавливаются и реконструируются в зависимости от конкретной задачи.

На сегодняшний день сотрудниками правоохранительных органов БПЛА (квадрокоптеры)

активно применяются для профилактического видеонаблюдения, контроля за общественным порядком в ходе проведения массовых мероприятий, осмотра и изучения мест происшествий, розыска злоумышленников и без вести пропавших лиц, предотвращения нелегальной миграции. Широкое распространение беспилотники получили в сфере транспортной безопасности. Сотрудники госавтоинспекции используют БПЛА (квадрокоптеры) для наблюдения за транспортными потоками, в оперативно-профилактических мероприятиях («Безопасная дорога»), анализа причин ДТП, отслеживания угнанных автомобилей.

Анализ правоохранительной практики показал, что при всех положительных качествах применения квадрокоптеров в настоящее время не используется весь их потенциал. Правоохранителями постоянно ведется работа над практическим применением БПЛА (квадрокоптеров), к числу которых относится проведение сложных спецопераций, а именно контртеррористических операций.

Под контртеррористической операцией понимается комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористической деятельности [3].

Сотрудники правоохранительных органов, принимающие участие в контртеррористической операции, осуществляют свою деятельность в экстремальных условиях, связанных с применением оружия, задержанием преступников, освобождением заложников, пресечением незаконного оборота оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств и психотропных веществ. Как правило, деятельность сотрудников спецподразделений в условиях проведения контртеррористической операции осуществляется в опасной обстановке, которая непосредственно характеризуется сложными климатическими условиями и географическим местоположением, высокой степенью общественной опасности, а также активной деятельностью преступных элементов в отношении сил защиты правопорядка, усилением агрессивности со стороны лиц, оказывающих противоправные действия.

Действия сотрудников полиции в особых условиях, в том числе в условиях проведения контртеррористических операций нередко сопряжены с получением ими увечья или иного повреждения здоровья. Имеющиеся сведения о гибели сотрудников ОВД при выполнении ими своих служебных обязанностей (в 2018 году при исполнении своих

служебных обязанностей погибли 37 сотрудников полиции, в 2019 году – 23 сотрудника) [10] показали необходимость их подготовки к действиям, направленным не только на сохранение правопорядка и защиты граждан, но и на обеспечение личной безопасности, что является наиболее актуальной и острой проблемой, возникшей в реалиях нашей жизни. В связи с чем, недопущение гибели сотрудников является одной из приоритетных задач МВД России.

В этой связи, успешное выполнение поставленных задач при вышеизложенных обстоятельствах достигается не только высокой степенью служебной, физической и огневой подготовки сотрудников, привлекаемых к проведению контртеррористической операции, но и полноценным владением информацией об оперативной обстановке, о топографических особенностях рельефа местности и тактических особенностях действий преступников в зоне проведения операции, получению которой способствует применение техники, специальных средств и устройств.

Для решения вышеуказанных задач и успешного выполнения своего профессионального долга в обстановке смертельной опасности могут активно применяться БПЛА (квадрокоптеры).

При проведении контртеррористической операции по обезвреживанию террористов в горно-лесистой местности сотрудникам правоохранительных органов зачастую необходимо «прочесывать» значительную территорию по их обнаружению. Но опасность заключается в том, что террористы могут находиться на замаскированных позициях, подпустить поисковую группу на близкое расстояние и открыть кинжальный огонь. При таком сценарии очень трудно избежать потерь среди личного состава сотрудников правоохранительных органов.

Однако, поисковая группа, имея в своем арсенале современные виды БПЛА (квадрокоптеров), оснащенные сверхтехнологическими элементами, например, тепловизором (рис. 1), может обнаружить террористов заблаговременно, за более короткий промежуток времени, не рискуя личной безопасностью. В случае отказа террористами о сдаче и принятия решения руководителем контртеррористической операцией об обезвреживании террористов, с помощью БПЛА (квадрокоптера), оборудованного камерой со сверхразрешением, можно осуществлять контроль и корректировку огня, вести наблюдение, а также своевременно выявлять и пресекать попытки сообщников террористов деблокировать место проведения спецоперации, а в случае бегства террористов вести их преследование и не дать им возможность скрыться (рис. 2).

Рис. 1. Квадрокоптер DJI Mavic 2 Enterprise Advanced (с тепловизором)

Рис. 2. Работа тепловизионной камеры с квадрокоптера

Современные модификации БПЛА (квадрокоптеров) с успехом можно применять и в городских условиях, в ограниченном пространстве. К примеру, по достоверной информации террористы находятся в частном доме населенного пункта. Прежде чем осуществлять блокировку участка данного домовладения сотрудники могут с помощью БПЛА (квадрокоптера) осуществлять визуальный контроль за ним. И если при непосредственной блокировке домовладения террористы попытаются скрыться, то оператор беспилотника в режиме онлайн может передавать боевым группам информацию об их перемещениях и местоположении. После блокирования адреса, в случае, когда террористы ничем не выдают своего присутствия,

с помощью БПЛА (квадрокоптера) можно осуществить полный осмотр прилегающей территории на предмет обнаружения противопехотных мин, СВУ (самодельных взрывных устройств), установленных для поражения сотрудников правоохранительных органов на путях их возможного движения.

Кроме того, сотрудники спецподразделений, имея в своем арсенале усовершенствованные минибеспилотники (миникоптеры) (рис. 3), могут, не выдавая своих позиций, обнаружить присутствие террористов в доме, различных постройках, осуществляя наблюдение через окна или облетая внутренние помещения того или иного строения, не рискуя своим здоровьем и жизнью.

Рис. 3. Современные мини-квадрокоптеры

Также, необходимо отметить, что на сегодняшний день Центром Комплексных Беспилотных Решений запатентовано применение FPV-систем (рис. 4). Это отрасль дистанционно пилотируемых систем, где оператор пилотирует квадрокоптер в режиме «от первого лица». Система состоит из наземного оборудования, включающего пульт управления шлема VR, обученного пилота и одного или нескольких конечных устройств – квадрокоптера, и создает своего рода «аватар» бойца на

поле боя. Обладая высокой энергетикой и скоростью, конечные устройства дают возможность пилотам FPV совершать невозможное до сего дня на поле боя: проводить разведку внутри зданий и сооружений, перемещаться на огромной скорости по пересеченной местности и в лесу, использовать квадрокоптеры в качестве носителей различных элементов боевых частей, проводить зачистку внутри городской застройки и участках со сложным рельефом местности (рис. 5).

Рис. 4. Квадрокоптер с FPV-системой

Рис. 5. Практическое применение квадрокоптера с FPV-системой

Возможность и необходимость применения беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) сотрудниками спецподразделений в условиях проведения контртеррористической операции подтверждает положительный опыт зарубежных стран. Правоохранителями зарубежных государств уже давно используются БПЛА (квадрокоптеры), которые приняты на вооружение в качестве спецтехники с целью повышения уровня борьбы с преступностью. Однако, кроме традиционных форм применения БПЛА (квадрокоптеры) (наблюдения за общественным порядком, контроля проблемных территорий и участков, выявления правонарушителей дорожного движения), некоторые зарубежные правоохранители путем реконструи-

рования квадрокоптеров начали их приспособлять для решения других задач, в частности и проведения специальных операций. Так, в США активно используются квадрокоптеры, оборудованные тепловизорами для более эффективного поиска гражданских людей, а также особо опасных злоумышленников в труднодоступных и опасных зонах, в темное время суток. Во многих зарубежных странах для сотрудников спецслужб БПЛА (квадрокоптеры) оснащаются электрошоковыми устройствами и газовыми баллончиками дистанционного управления. Более того, во Франции уже активно выпускают беспилотники «TEAR GAS», которые способны автономно распылять газ или иной газообразующий состав (рис. 6) [1].

Рис. 6. Квадрокоптеры, оснащенные электрошоковым устройством и газовым распылителем

Весь спектр преимуществ БПЛА (квадрокоптеров) и положительный зарубежный опыт указывают на необходимость применения беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе сотрудниками спецподразделений в условиях проведения контртеррористической операции. Как отметил на расширенном заседании коллегии Минобороны РФ 21 декабря 2022 года Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путин, Россия имеет передовой опыт и располагает всеми возможностями для разработки и создания уникальных беспилотников с самыми лучшими и высокими тактико-техническими характеристиками, включая элементы искусственного интеллекта.

Однако, при всех положительных качествах БПЛА (квадрокоптеров) и тенденциях их применения имеются проблемы, связанные с регулированием процессов использования беспилотников. Во-первых, нормативно не закреплено определение беспилотного летательного аппарата (БПЛА); во-вторых, на законодательном уровне не урегулированы вопросы применения БПЛА сотрудниками правоохранительных органов; в-третьих, нередко возникают проблемы, связанные с длительным порядком согласования полетов, сертификацией, страхованием и регистрацией беспилотников, а также с нехваткой специалистов в этой области. Вышеизложенные проблемы требуют незамедлительного решения, вызванного повсеместным использованием БПЛА (квадрокоптеров).

Таким образом, рассмотрев преимущества беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров), проанализировав практику их использования силовыми ведомствами России и изучив опыт за-

рубежных стран, с уверенностью можно сказать о положительных тенденциях и необходимости применения беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) сотрудниками правоохранительных органов, в том числе и сотрудниками спецподразделений в условиях проведения контртеррористической операции.

В виду этого, считаем необходимым:

- закрепить на законодательном уровне определение «беспилотного летательного аппарата», а также разработать и утвердить основные положения их применения сотрудниками правоохранительных органов;

- принять на вооружение органов внутренних дел Российской Федерации беспилотные летательные аппараты (квадрокоптеры), закрепив их в статье 21 Федерального закона от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции» в качестве специальных средств;

- урегулировать порядок использования сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) путем внесения изменений в статью 19 Федерального закона от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции»;

- создать на базе высших учебных заведений МВД России курсы профессиональной подготовки и повышения квалификации, направленные на получение специальных знаний и умений сотрудниками правил эксплуатации и особенностей управления беспилотными летательными аппаратами;

- в случае необходимости, организовать процедуру переориентирования беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) применительно к практической деятельности МВД России на примере зарубежных стран.

Литература

1. Беспилотный летательный аппарат БПЛА (дрон) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 23.11.2022)
2. Воздушный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Контртеррористическая операция [Электронный ресурс]. Режим доступа: [@morfDictionary](https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13337) (дата обращения: 10.12.2022).
4. Князев Н.В., Мурайти А.В., Попандопуло Д.В. Специальные средства органов внутренних дел: учебно-наглядное пособие. Ростов-на-Дону: ГУВД по Ростовской области, 2007. 48 с.
5. Ларин Я.А., Усманова В.Р., Железняков Д.В. БПЛА гражданского назначения // Сб. докл. Всерос. научн.-практ. конференции «Исследования молодых ученых – вклад в инновационное развитие России». Астрахань, 2014. С. 188 – 189.
6. Леонов А.С., Гришкин Д.А., Калашников В.С. и др. Перспективы развития в России беспилотных летательных аппаратов // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2022. Том 2. С. 195 – 198.
7. Павлушенко М.И., Евстафьев Г.М., Макаренко И.К. Национальная и глобальная безопасность. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития: науч. изд. М.: Права человека, 2005. 612 с.
8. Преступность в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 19.08.2022)
9. Сайт Федерального управления гражданской авиации США [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.faa.gov> (дата обращения: 25.10.2022)
10. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.rf> (дата обращения: 25.03.2022)
11. Число преступлений экстремистской направленности выросло в России на 28,5% [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/07/21/932447-chislo-prestuplenii-viroslo> (дата обращения 21.07.2022)

References

1. Bepilotnyj letatel'nyj apparat BPLA (dron) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.tadviser.ru/index.php> (data obrashhenija: 23.11.2022)
2. Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. Federal'nyj zakon ot 19.03.1997 № 60-FZ (red. ot 19.12.2022) // SPS «Konsul'tantPljus».
3. Kontrterroristicheskaja operacija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [@morfDictionary](https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13337) (data obrashhenija: 10.12.2022).
4. Knjazev N.V., Muraiti A.V., Popandopulo D.V. Special'nye sredstva organov vnutrennih del: uchebno-nagljadnoe posobie. Rostov-na-Donu: GUVd po Rostovskoj oblasti, 2007. 48 s.
5. Larin Ja.A., Usmanova V.R., Zheleznyakov D.V. BPLA grazhdanskogo naznachenija. Sb. dokl. Vseros. nauchn.-prakt. konferencii «Issledovanija molodyh uchenyh – vklad v innovacionnoe razvitie Rossii». Astrahan', 2014. S. 188 – 189.
6. Leonov A.S., Grishkin D.A., Kalashnikov V.S. i dr. Perspektivy razvitija v Rossii bepilotnyh letatel'nyh apparatov. Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo». 2022. Tom 2. S. 195 – 198.
7. Pavlushenko M.I., Evstaf'ev G.M., Makarenko I.K. Nacional'naja i global'naja bezopasnost'. Bepilotnye letatel'nye apparaty: istorija, primenenie, ugroza rasprostraneniya i perspektivy razvitija: nauch. izd. M.: Prava che-loveka, 2005. 612 s.
8. Prestupnost' v Rossii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.tadviser.ru/index.php> (data obrashhenija: 19.08.2022)
9. Sajt Federal'nogo upravlenija grazhdanskoj aviacii SShA [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.faa.gov> (data obrashhenija: 25.10.2022)
10. Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://mvd.rf> (data obrashhenija: 25.03.2022)
11. Chislo prestuplenij jekstremistskoj napravlenosti vyroslo v Rossii na 28,5% [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/07/21/932447-chislo-prestuplenii-viroslo> (data obrashhenija 21.07.2022)

*Zinchenko D.S., Research Officer Adjunct, Police Lieutenant,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Nerubenko A.S., Senior Lecturer, Police Lieutenant Colonel,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Kolesnikova O.A., Senior Researcher Officer, Police Lieutenant Colonel,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Kolesnikov A.G., Head of the Research Department, Police Major,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*

**PROSPECTS FOR THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES
(QUADROPTERS) BY EMPLOYEES OF SPECIAL UNIT IN THE
CONDITIONS OF A COUNTER-TERRORISM OPERATION**

Abstract: the current conjuncture of the high-tech industry has led to the massive introduction and use of unmanned aerial vehicles (quadcopters) in various areas of society. The appearance of quadcopters can be compared with the appearance of firearms in the 14th century. Such a technological achievement allows to solve some problems for the security of law enforcement agencies. The relevance of this study lies in the study of promising areas for the use of unmanned aerial vehicles (quadcopters) in the context of a counter-terrorist operation. The article discusses the advantages of quadcopters and analyzes the effectiveness of their use in special conditions. The authors touched upon some issues of legal regulation of the operation of drones. The results of the study indicate the need for a full-scale use of quadcopters in the official activities of the internal affairs bodies.

Keywords: unmanned aerial vehicles, quadcopters, counter-terrorist operation, employees, law enforcement agencies, special forces, application, modern technologies, device

For citation: Zinchenko D.S., Nerubenko A.S., Kolesnikova O.A., Kolesnikov A.G. Prospects for the use of unmanned aerial vehicles (quadcopters) by employees of special unit in the conditions of a counter-terrorism operation. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 301 – 308.

*Короткова О.А., кандидат юридических наук, доцент,
Воробьева М.О.,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского*

ШКОЛА ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ФОРМА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Аннотация: в данной научной статье анализируется антикоррупционная работа, которая представляет собой совокупность наиболее эффективных форм, способов, средств, направленных на противодействие коррупции, результативность которой определяется успешностью проводимых мероприятий. Отмечается, что при осуществлении антикоррупционной работы имеются определенные сложности.

Важная роль в борьбе с коррупцией отводится антикоррупционному воспитанию российского общества. Антикоррупционное воспитание своей целью имеет приобретение воспитуемым компетенций в области противодействия коррупции. Формирование антикоррупционного поведения, предупреждение коррупции являются приоритетной задачей национальной безопасности нашего государства.

Эффективной формой профилактики коррупции, по мнению авторов, является антикоррупционное просвещение.

В статье отмечается, что в настоящее время наблюдается смешение воспитательных и просветительских форм антикоррупционной работы.

Авторами констатируется целесообразность формирования антикоррупционного мировоззрения именно у подрастающего поколения, которому предстоит бороться со всеми проявлениями коррупции в будущем.

В качестве конструктивной формы антикоррупционной работы с несовершеннолетними авторами проводится деятельность Школы правовых знаний Калужского государственного университета. Отмечается, что ШПЗ является весьма перспективным средством антикоррупционного просвещения, антикоррупционного воспитания несовершеннолетних. Представляется необходимость рекомендации аналогичных форм антикоррупционной работы к внедрению в деятельность образовательных организаций на всех уровнях.

Ключевые слова: антикоррупционная работа, правовое просвещение, несовершеннолетний, школьник, правосознание, антикоррупционное воспитание, противодействие коррупции, профилактика, предотвращение

Для цитирования: Короткова О.А., Воробьева М.О. Школа правовых знаний как форма антикоррупционной работы с несовершеннолетними // Современный ученый. 2023. № 1. С. 309 – 312.

В настоящее время вопросы противодействия коррупции весьма волнуют российское общество, так как коррупция поражает весь публичный аппарат управления, тем самым разлагая всю систему государственной власти. Кроме того, коррупция проникает во все сферы жизни современного общества. В массовом сознании распространено мнение, что здравоохранение, образование, многие другие сферы жизнедеятельности весьма коррумпированы. Причинами коррупционного поведения людей, безусловно, являются падение нравственности, возрастание агрессии, наркомания, бесчеловечность, что свидетельствует о низком уровне правовой культуры всего населения, а молодежи особенно.

Система противодействия коррупции в настоящее время включает в себя правовые, политические, социально-экономические, нравственно-этические меры. Представляется, «эффективными методами противодействия коррупции являются профилактика, воспитание и наказание. Современными правоведами весь комплекс мер по противодействию антикоррупционных преступлений

обозначается различными терминами, основными из которых являются «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», составляющие единое профилактическое воздействие» [4, с. 111].

Стоит отметить, что современным российским антикоррупционным законодательством предусмотрены мероприятия, направленные на решение задач совершенствования эффективности образовательных, воспитательных, пропагандистских, просветительских и иных мер, создающих в обществе нетерпимое отношение к коррупции. Мероприятия, определяемые законодателем, направлены на развитие общественного правосознания в целом, а также на распространение в обществе антикоррупционных стандартов. Система антикоррупционных мер ориентирована на гармоничное изменение мировоззрения подрастающего поколения. Формирование неприятия молодежью коррупции, как социального явления, является важнейшей задачей правового просвещения.

Современная юридическая наука характеризуется тем, что многие понятия носят дискуссионный характер. Это касается, в том числе и анти-

коррупционной работы, при проведении которой имеются определенные сложности, одной из которых представляется отсутствие единого понимания феномена «коррупция», понятий «антикоррупционное поведение», «антикоррупционное просвещение».

По нашему мнению, антикоррупционная работа представляет собой совокупность наиболее эффективных форм, способов, средств, направленных на противодействие коррупции, результативность которой определяется успешностью проводимых мероприятий.

Стоит отметить, что в борьбе с коррупцией в современной юридической литературе важная роль отводится антикоррупционному воспитанию российского общества. Формирование антикоррупционного поведения, предупреждение коррупции являются приоритетной задачей национальной безопасности нашего государства.

Раскрывая вопросы понятия данного феномена, считаем возможным согласиться с точкой зрения Е.М. Ибрагимовой и А.Р. Хамдеевым, которые под антикоррупционным воспитанием понимают «определенные установки и способности, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции» [2, с. 3].

Необходимо отметить, что антикоррупционное воспитание – многосторонний и весьма длительный процесс, в ходе которого воспитуемый испытывает воздействие со стороны друзей, родителей, средств массовой информации и т.п. И очень важно, какая из сторон воздействия окажется в приоритете у воспитуемого. Антикоррупционное воспитание своей целью имеет приобретение воспитуемым компетенций в области противодействия коррупции.

Воспитание антикоррупционного поведения направлено на предотвращение коррупционных преступлений и формирование в обществе правомерного поведения в целом, создание шкалы личностных ценностей, исключающей возможность коррупционной составляющей. Воспитывая антикоррупционное мировоззрение, большое значение имеет система ценностей. Представляется необходимым затрагивать вопросы соотношения морали и права, личностного развития человека, защиты прав и законных интересов, обязанностей должностного лица, поскольку коррупция во многом имеет проявление в системе органов государственной власти, и т.п. Антикоррупционное воспитание должно формироваться путем привития нетерпимости к коррупции и закладываться как непререкаемая норма поведения всех членов современного общества.

Система правовых мероприятий воспитательно-образовательного характера представляет со-

бой передачу, распространение правовых знаний, правовой культуры в современном обществе. Антикоррупционное просвещение, являясь неотъемлемой частью правового просвещения, представляет собой систему распространения информации антикоррупционной направленности. Представляется, что антикоррупционное просвещение несовершеннолетних может осуществляться образовательными организациями, общественными объединениями, представителями органов государственной власти любым способом, с использованием любых средств, а также в любой форме.

Стоит подчеркнуть, что антикоррупционное просвещение в течение последних лет активно направлено на повышение антикоррупционной культуры подрастающего поколения посредством развития антикоррупционной грамотности и антикоррупционного сознания, формирования антикоррупционного поведения.

Просветительская деятельность представляется эффективной формой профилактики коррупции, направленной на непринятие и отрицание любых коррупционных проявлений. Считаем возможным согласиться с Е.А. Акунченко, который отмечает, что «систематическое антикоррупционное просвещение образует фундамент антикоррупционного правосознания, создает «антикоррупционный иммунитет» гражданского общества» [1, с. 20].

Анализ современной юридической литературы позволяет констатировать, что в настоящее время наблюдается смешение воспитательных и просветительских форм антикоррупционной работы.

На наш взгляд, представляется неслучайным более активное использование антикоррупционного образовательного инструментария, способного повысить качество профилактики коррупции во всех сферах жизнедеятельности: распространение в обществе идей противодействия коррупции, антикоррупционных методов, моделей антикоррупционного поведения, антикоррупционной литературы, буклетов, плакатов. Представляется возможным результат антикоррупционной работы измерять охватом населения, получившего антикоррупционную информацию.

Говоря об антикоррупционной работе, целесообразно вести речь о формировании антикоррупционного мировоззрения именно у подрастающего поколения, которому предстоит участвовать в общественной жизни, производстве, бизнесе и т.п., а также бороться со всеми проявлениями коррупции в будущем.

Принимая во внимание необходимость правового просвещения в целом, и антикоррупционного просвещения в частности, в КГУ им. К.Э. Циолковского была создана Школа правовых знаний, основной целевой аудиторией которой являются

школьники. ШПЗ – добровольное объединение студентов КГУ, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». При осуществлении своей деятельности ШПЗ взаимодействует с органами управления образованием, образовательными организациями региона.

В процессе антикоррупционной работы ШПЗ важное значение имеет гражданская позиция и нравственный пример педагога, создающего условия для формирования ответственного поведения студентов, проецирующих данное поведение на школьников. Преподаватели генерируют идеи, а непосредственной их реализацией занимаются студенты.

В рамках деятельности ШПЗ для повышения антикоррупционного сознания школьников проводятся мероприятия выбираются целесообразные формы и способы подачи материала, которые готовятся с учетом дифференциации возрастных групп.

Для обучающихся начального звена готовятся весьма динамичные и адаптированные для младших школьников интерактивные формы занятий: например, в творческой форме раскрывается коррупционная проблематика на примере русских сказок. В качестве поощрения школьников данной возрастной группы всегда используются сладкие призы и подарки.

Формат проведения мероприятий антикоррупционной направленности со школьниками среднего и старшего звена включает в себя лектории, викторины, слайд-презентации, блиц-турниры и другие формы.

Стоит отметить, что успешность мероприятий зависит от того, что антикоррупционная работа в школах непосредственно проводится студентами –

вчерашними школьниками, но уже имеющими последовательные знания в области права [3, с. 315], в т.ч. противодействия коррупции (учебные планы включают в себя такие дисциплины, как «Противодействие коррупции», «Антикоррупционная политика и законодательство в России и мире» и др.). Кроме того, успешность мероприятий зависит от выбора соответствующих тем, интересных и актуальных для несовершеннолетних.

Антикоррупционная работа ШПЗ осуществляется на информационных страничках в социальных сетях (ВКонтакте, Дзен-яндексе): в онлайн-формате проводятся различные конкурсы антикоррупционного содержания (буклетов, видеороликов, рисунков, плакатов). «В социальных сетях не только проводится просветительская работа, но и размещаются конкурсные работы, проводится голосование по результатам конкурса» [3, с. 316]. Стоит отметить, что интернет-контент наиболее близок несовершеннолетним, поэтому данный формат позволяет популяризировать правовые знания среди школьников и тем самым осуществлять антикоррупционное воспитание и просвещение.

Таким образом, по материалу данной статьи можно сделать вывод, что Школа правовых знаний как форма антикоррупционной работы с подрастающим поколением является не только конструктивным, но и весьма перспективным средством антикоррупционного просвещения, антикоррупционного воспитания несовершеннолетних. Представляется возможным рекомендовать аналогичные формы антикоррупционной работы к внедрению в деятельность образовательных организаций на всех уровнях.

Литература

1. Акунченко Е.А. К вопросу об организационно-правовых основах антикоррупционного просвещения в сфере образования // Наука и Школа, 2017. № 1. С. 20 – 28.
2. Ибрагимова Е.М., Хамдеев А.Р. Сущность понятия антикоррупционная культура и ее функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 1 – 7.
3. Магомедова Е.А., Короткова О.А., Воробьева М.О. Школа правовых знаний как форма повышения правосознания детей // Современный ученый. 2021. № 6. С. 314 – 317.
4. Соколов И.В., Короткова О.А. Коррупция в органах внутренних дел: понятие, виды, средства и меры противодействия // Право и практика. 2020. № 4. С. 109 – 114.

References

1. Akunchenko E.A. K voprosu ob organizacionno-pravovyh osnovah antikorrupcionnogo prosveshhenija v sfere obrazovanija. Nauka i Shkola, 2017. № 1. S. 20 – 28.
2. Ibragimova E.M., Hamdeev A.R. Sushhnost' ponjatija antikorrupcionnaja kul'tura i ee funkicii. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. № 3. S. 1 – 7.
3. Magomedova E.A., Korotkova O.A., Vorob'eva M.O. Shkola pravovyh znaniy kak forma povyshenija pravosoznaniya detej. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 6. S. 314 – 317.
4. Sokolov I.V., Korotkova O.A. Korrupcija v organah vnutrennih del: ponjatie, vidy, sredstva i mery protivodejstvija. Pravo i praktika. 2020. № 4. S. 109 – 114.

*Korotkova O.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vorobyova M.O.,
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky*

SCHOOL OF LEGAL KNOWLEDGE AS A FORM OF ANTI-CORRUPTION WORK WITH MINORS

Abstract: in this article analyzes anti-corruption work, it is a set of the most effective forms, methods and means that are aimed at combating corruption. The efficiency of the work is determined by the success of the events. It is pointed out that there are certain difficulties in the implementation of anti-corruption work.

A crucial role in the fight against corruption is given to the anti-corruption education of Russian society. An important target of anti-corruption education is the acquisition by the pupil of the necessary competencies in this field. The formation of anti-corruption behavior, as well as the prevention of corruption, is a priority goal of the national security of the Russian Federation.

The authors are confident that legal education can serve as an effective form of corruption prevention.

The article notes that there is a mixture of educational and pedagogical forms of anti-corruption work nowadays.

The authors state the reasonability of creating an anti-corruption worldview among the younger generation, because this group will have to fight all manifestations of corruption in the near future.

The activity of School of Legal Knowledge by Kaluga State University is presented as a constructive form of anti-corruption work with minors. It is emphasized that the school is a promising tool of anti-corruption education and upbringing of children. The authors consider it necessary to include similar forms in the field of anti-corruption in the activities of educational organizations at all stages.

Keywords: anti-corruption work, legal education, juvenile, schoolchild, legal awareness, anti-corruption education, corruption counteraction, prophylaxis, prevention

For citation: Korotkova O.A., Vorobyova M.O. School of legal knowledge as a form of anti-corruption work with minors. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 309 – 312.

*Краснов А.А., аспирант,
Кубанский государственный университет*

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ, ПРИМЕНЯЕМОЙ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация: деятельность сотрудников правоохранительных органов включает широкий арсенал мер пресечения противоправных посягательств. Одним из подобных средств реагирования является необходимая оборона. Необходимую оборону следует рассматривать как субъективное право сотрудника правоохранительного органа на самозащиту и как реализацию публичной функции по охране правопорядка в отношении защиты третьих лиц, охраняемых законом интересов общества и государства. В статье рассматривается проблема правовой регламентации применения необходимой обороны сотрудниками правоохранительных органов в УК РФ. Обращено внимание на то, что в силу бланкетности положений ст. 37 УК РФ, использование в законодателем оценочных и не имеющих легальных дефиниций категорий, основной акцент регламентации указанного правового института перешел из сферы уголовного права в сферу административного нормотворчества – ведомственные нормативные акты. Во многом они играют важную роль в детализации общих положений о необходимой обороне, применительно к деятельности сотрудников правоохранительных органов. Однако, отсутствие четких указаний на этот счет в УК РФ формирует межотраслевую рассогласованность, что существенно искажает правоприменительную практику, формирует ошибки при квалификации действий сотрудников правоохранительных органов в ситуации необходимой обороны. На основе системного анализа норм Конституции РФ, УК РФ, ФЗ «О полиции», ФЗ «О федеральной службе безопасности», ФЗ «Об оружии» автор сформулировал предложения по оптимизации содержания ст. 37 УК РФ.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовно-правовой институт, межотраслевая рассогласованность, противоправное посягательство, субъективное право, пресечение правонарушений

Для цитирования: Краснов А.А. К вопросу о совершенствовании нормативных предписаний уголовного закона о необходимой обороне, применяемой сотрудниками правоохранительных органов // Современный ученый. 2023. № 1. С. 313 – 318.

Конституция России (ч. 2 ст. 45) в действующей редакции признает за каждым гражданином полноправные элементы и правомочие на защиту своих прав и свобод всеми доступными для них способами, конечно же не запрещенными законом РФ. Этому праву соответственно коррелирует действующий институт необходимой обороны, исключая привлечение к уголовной ответственности за причинение вреда лицу, насильственно посягающему на его незыблемую позицию - жизнь, здоровье, имущество и иные охраняемые законом интересы общества и государства в ситуации которая может быть неоспоримой при установлении признаков подпадающих зачастую под квалификацию необходимой обороны. Согласно ст. 37 УК РФ правом на применение мер защиты в указанной ситуации наделены гражданские лица, причем и те, против которых реализуется противоправное посягательство, и те, против которых таковое отсутствует, но они применяют меры защиты в интересах других лиц. Правом на необходимую оборону согласно описываемых уголовным законом признаков наделены в полном объеме так же и сотрудники правоохранительных органов.

Более того согласно наших научных изысканий, для действующих сотрудников правоохранительных органов существующее пресечение противоправных действий к нападающему является не только их Конституционным правом, но и профессиональной обязанностью, которая достаточно детально раскрывается в разных нормативно – правовых документах (ст. 1, 2, 5, 12 ФЗ «О полиции»[1]; ст. 12 ФЗ «О Федеральной службе безопасности»[2]). Так, согласно прямого указания ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» к основным направлениям деятельности полиции отнесены защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан. В своей деятельности, сотрудники правоохранительных органов наделены полномочиями на применение специальных мер и средств реагирования на противоправные посягательства. Институт обстоятельств исключаяющих преступность деяния подчеркивает важную практическую значимость и конфигурацию необходимой обороны, которая говорит об наиболее активных действиях сотрудников полиции по предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений при реализации данных

условий[3], поэтому мы на это обращаем пристальное внимание в своем труде.

Вместе с тем, несмотря на то, что в 2006 г. в ч. 3 ст. 37 УК РФ были внесены существенные уточнения и теперь в ее действующей редакции право на необходимую оборону не может быть ограничено наличием у обороняющегося профессиональной или иной специальной подготовки или занимаемым им служебным положением, в уголовно-правовой доктрине, равно как и отечественной правоприменительной практике к числу дискуссионных до сих пор относится вопрос о правовой оценке действий сотрудника правоохранительных органов при применении им мер необходимой обороны. Об этом свидетельствуют результаты социологических опросов, осуществлённых российскими исследователями, равно как и результаты проведённого опроса автором статьи. Так, по данным К.А. Волкова у 93% из 70 опрошенных сотрудников полиции алгоритм действий и их правовая оценка в ситуации необходимой обороны не имеют четкой определенности [4]. По результатам опроса сотрудников полиции Краснодарского края более 82% респондентов не были уверены в правильной оценке их действий по пресечению правонарушений, в случае причинения правонарушителю вреда жизни.

В качестве основной проблемы, формирующей указанную ситуацию, следует указать на отсутствие межотраслевой дифференциации и межотраслевого взаимодействия положений уголовного закона и ведомственных нормативных актов. В отечественной правовой доктрине до сих пор не сложилось унифицированного подхода по вопросу об иерархии нормативных источников в деятельности правоохранительных органов. Особенно ярко эта проблема проявляется при квалификации проявляемых действий сотрудников правоохранительных органов в ситуации, когда существующие возможности могут быть отнесены к условия необходимой обороны. Особенно это можно наблюдать, когда сотрудники правоохранительных органов в своей служебной деятельности применяют оружие и специальные средства по отношению к нападающему. По справедливому мнению ученый в области уголовного права В.И. Михайлова демонстрировала и утвердительно подчеркивала, что: «Нормативное регулирование всех возможных случаев причинения именно правомерного вреда интересам личности, охраняемым как Конституцией России так и уголовным законом, осуществляется в действительности нормами различных отраслей национального законодательства из-за высокой концентрации в

условиях высокого уровня обобщения, присущего только уголовно-правовым нормам[5]. По научным данным того же ученого В.И. Михайлова, при квалификации и оценке правомерных действий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных уполномоченных лиц, в результате которых именно обороняющимися был причинён вред законным интересам, охраняемым национальным уголовным законодательством, судами нормы главы 8 УК России во внимание не брался, а соответственно нарушались условия квалификации [6].

Бланкетный характер диспозиций указанных норм формирует по нашему мнению определенные существующие коллизии правовой регламентации отдельных условий существующей законодательной правомерности того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния, содержащегося в УК РФ. Научные утвердительные мысли ученого А.В. Никуленко подчеркивают подобную бланкетность и неудобства при квалификации деяния, а соответственно существующая законодательная инициатива нелогична. Чтобы мы могли в полном объеме признать поведение лица правомерным, правоприменителю необходимо обратить свой взор не к единому нормативному правовому акту – Уголовному кодексу к сожалению, а еще проверить поведение обороняющегося и нападавшего на соответствие существующим нормам, прямо не предусматривающим уголовную ответственность [7]. Столь сложная система правовой регламентации уникального института обстоятельств, исключающих преступность деяния дает нам почву не только для размышления, но и для спорных выводов о том, что руководствоваться как Главой 8 так нормой УК РФ о необходимой обороне, могут быть лишь только физические лица, согласно нашего исследования, а вот лица, специально уполномоченные на деятельность по задержанию виновных лиц в совершении противоправных действий должны руководствоваться лишь «отраслевым» законодательством, правилами внутренних документов, уставами, положениями, приказами и т.д., имеющими как нам кажется самостоятельную и даже большую для этой категории лиц юридическую силу по сравнению с УК РФ [8], что нарушает правила юридической техники. Возникающее ограничительное толкование положений гл. 8 УК РФ недопустимо, вместе с тем, оно и не беспочвенно, поскольку в ведомственных нормативных актах содержатся положения, устанавливающие изъятие из общего правового режима необходимой обороны. По своей

сути указанные положения нивелируют положения ч. 3 ст. 37 УК РФ. Примером подобного являются положения ч. 1, 2 и 3 ст. 19 ФЗ «О полиции», в которых содержатся требования, отсутствующие в ст. 37 УК РФ, такие как: 1) обязанность предупреждать о применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия; 2) обязанность сотрудника полиции стремиться к минимизации любого ущерба. Помимо этого, в ч. 5 ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О Полиции» законодателем установлен запрет на условия применения огнестрельного оружия в отношении отдельной категории граждан, а именно женщин и лиц, с ограниченными возможностями по состоянию здоровья, равно как и по отношению заведомо несовершеннолетних лиц, когда возраст для сотрудников полиции очевиден или явно известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции. Аналогичный запрет содержится в ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. №150-ФЗ «Об оружии» [9], ст. 16 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. №77-ФЗ «О вневедомственной охране» [10] и некоторых других нормативных правовых актах. Однако, подобное указание отсутствует в ст. 37 УК РФ. Анализ указанных положений дает основание для вывода о том, что ведомственное законодательство, создает отличную от УК РФ правовую регламентацию необходимой обороны в действиях сотрудников правоохранительных органов. Подобная ситуация не допустима, даже с учетом того, что в ее обоснование приводятся такие аргументы как особый статус правоохранительных органов, наделение их сотрудников особыми властными полномочиями и специальными средствами реагирования на правонарушения. Следует признать справедливым утверждение о том, что в деятельности сотрудника правоохранительного органа в части пресечения противоправного посягательства в отношении третьих лиц субъективное право на необходимую оборону трансформируется в публичное право реализации властных полномочий от имени государства. В этой связи институт необходимой обороны в деятельности сотрудника правоохранительных органов следует разграничить как субъективное право сотрудника правоохранительного органа на самооборону и публичное право на пресечение противоправного посягательства в отношении третьих лиц. В первом случае, никаких изъятий из ст. 37 УК РФ применяться не может. Сотрудник правоохранительных органов в

полной мере правомочен реализовать свое право на самооборону, при условии правомерности которой его действия не будут квалифицироваться как преступные. В этой связи следует рассматривать как важный шаг на пути развития института необходимой обороны, корректировки, внесенные законодателем в ч. 3 ст. 37 УК РФ. Что касается реализации властных полномочий по пресечению правонарушений, то здесь, в отсутствие прямого указания уголовного закона регламентация осуществляется на основе специально установленных ведомственным законодательством правил. В данном случае, ведомственное законодательство не подменяя собой уголовного закона, выполняет роль уточняющего источника права, поскольку квалификация действий причинителя вреда будет осуществлена исключительно по нормам УК РФ. В основе подобного подхода служит специфика выполняемой профессиональной функции, необходимость четкой регламентации действий по реализации властных полномочий, связанных с ограничением прав и свобод человека, вплоть до причинения вреда здоровью и жизни. В данном случае посредством детальной регламентации мер по пресечению противоправных деяний сотрудниками правоохранительных органов законодатель обязан сформировать правовую основу защиты правопорядка, в парадигме соблюдения баланса интересов государства, общества и личности.

В этой связи к наиболее злободневным проблемам института обстоятельств, исключающих преступность деяния относится вопрос согласования положений многочисленного числа отраслевых законов и ведомственных подзаконных актов, регламентирующих условия правомерности вынужденного причинения вреда. Уголовно-правовая норма выступает основой для правовой регламентации необходимой обороны. Ведомственные нормативные предписания не могут противоречить положениям ст. 37 УК РФ, они лишь уточняют и развивают общие положения о необходимой обороне.

Социальный заказ, потребности общества и государства на современном этапе развития общества сформировали концепт согласно которого цели пресечения и предотвращения преступления оправдывают причинение вреда преступнику. Предотвращение сотрудниками правоохранительных органов негативных последствий в отношении нападающих (уклонение от юридической ответственности, совершение разной категории преступных деяний или правонарушений относящихся к административному законодательству), даже если для подобного рода действий с их стороны

необходимо будет причинить существенный вред, который сотрудники не могут оценить в полном объеме при обороне, следует рассматривать как более значимую для квалификации позицию, нежели конституционную защиту неприкосновенности лица, совершившего содержащего все признаки преступления [11]. Сегодня действующие международно-правовые нормы в этом направлении так же содержат достаточно уникальные положения, согласно которым мы можем с уверенностью говорить о лишении права на жизнь. В таких случаях мы можем говорить о том, что международное законодательство более корректно раскрывает позиции об институте обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности. Все существующие условия применяются на основании, которые говорят о следующем: случаи самообороны или защиты других лиц от неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения, влекущего за собой большую угрозу для жизни; имеющие целью арест лица, представляющего такую опасность, сопротивляющегося сотрудникам полиции; а также связанные с целью предотвращения побега лица и лишь в тех случаях, когда менее решительные меры недостаточны для достижения этих целей (ст. 7 Декларации о полиции)[12]. Вместе с тем, безусловно, вся деятельность правоохранительных органов должна протекать в строгом соответствии с требованиями законодательства. В научных публикациях высказывалось предложение о том, чтобы изъять все нормы, устанавливающие правовой режим необходимой обороны из ведомственных нормативных актов [13]. Однако, думается подобный путь лишен конструктивности. Следует признать, что положения ведомственных источников права о необходимой обороне создают необходимые условия правомерности необходимой обороны при пресечении преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Они опередили уголовно-правовую регламентацию данного вопроса. Следовательно отказ от них создаст существенный вакуум правовой регламентации рассматриваемого уголовно-правового института.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что в силу прямого указания ч. 1 ст. 1 УК РФ уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса РФ. Очевидно, что нормы, так или иначе касающиеся института уголовного права должны иметь закрепление в Уголовном кодексе РФ. В действующей редакции уголовного закона отсутствуют правовые предписания о применении необходимой обороны как меры пресечения противоправного посягательства именно сотрудниками правоохранительных

органов. Соответственно исходя из нашего исследования мы считаем, что ст. 37 УК РФ стоит дополнить частью 4, в которой необходимо указать на то, что: «Необходимая оборона в полном объеме может быть применена действующими сотрудниками правоохранительных органов только для неоспоримого пресечения противоправного посягательства со стороны тех лиц которые являются нападающими, где действующий сотрудник перед непосредственным применением профессиональных навыков в виде физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в обязательном порядке должен выкриком в сторону нападающего(их) сообщить лицам, в отношении которых сотрудник предполагает непосредственное применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, о том, что он является действующим полицейским или иным уполномоченным лицом при применении профессиональных навыков, предупредить лиц о своем намерении и предоставить им возможность и время для выполнения законных требований. Полицейский или сотрудник уполномоченный на применение профессиональных навыков в виде (физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия) имеет право не предупреждать о своем намерении применить профессиональные качества в отношении нападающего, если промедление в их применении создает активную непосредственную угрозу жизни или здоровью потерпевших от преступления лиц или уполномоченного на применение профессиональных качеств сотрудника правоохранительных органов либо может повлечь иные тяжкие последствия».

В рамках научного изыскания нами также сделан вывод о том что необходимо дополнить ст. 37 УК РФ частью пятой следующего содержания: «Действующий сотрудник правоохранительных органов при непосредственном им применении профессиональных качеств в виде физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия должен действовать только с учетом создавшейся неблагоприятной как для него так и для третьих лиц обстановки, характера и степени общественной опасности, а также визуально определить силы оказываемого ими сопротивления. При этом действующее уполномоченное лицо правоохранительного органа обязано предпринимать меры для поиска оптимальной возможности при фактических противоправных фрагментах избежать причинения как физического вреда, так и тяжких последствий и соответственно стремиться к их минимизации».

Литература

1. Федеральный закон от 07.02.2011 О полиции: № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 23.12.2022)
2. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. От 05.12.2022 № 498-ФЗ, с изм. и дополнениями).
3. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Том 9. № 2 (32). С. 761 – 766.
4. Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 11.
5. Михайлов В.И. О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. М., 2013. С. 157.
6. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past // Astra Salvensis. 2018. Том 6. № 12. С. 67 – 72.
7. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 49 – 50.
8. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Том 11. № 1. С. 187 – 195.
9. Федеральный закон – Об оружии: от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 29.12.2022 № 638-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 29.06.2012 № 16-П) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 23.12.2022)
10. О ведомственной охране: Федеральный закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ в ред. Федеральных законов от 29.12.2022 № 638-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (дата обращения: 23.12.2022)
11. Пушкарев С.А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 8.
12. Васильев А.М. Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Том 9. № 4. С. 629 – 639.
13. Триль С.А. Правовая оценка действий сотрудников полиции, совершаемых при реализации права на необходимую оборону // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 897.

References

1. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 O policii: № 3-FZ (red. ot 28.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (data obrashhenija: 23.12.2022)
2. Federal'nyj zakon ot 03.04.1995 № 40-FZ (red. Ot 05.12.2022 № 498-FZ, s izm. i dopolnenijami).
3. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Tom 9. № 2 (32). S. 761 – 766.
4. Volkov K.A. Neobhodimaja obrona v dejatel'nosti policii: voprosy teorii i sudebnoj praktiki. Rossijskij sud'ja. 2013. № 4. S. 11.
5. Mihajlov V.I. O koncepcii normativnogo pravovogo regulirovanija sluchaev prichinenija pravomernogo vreda. Problemy kodifikacii ugovolnogo zakona: istorija, sovremennost', budushhee (posvjashhaetsja 200-letiju proekta Ugovolnogo ulozhenija 1813 goda): Materialy VIII Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava, sostojavshegosja 30-31 maja 2013 g. M., 2013. S. 157.
6. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past. Astra Salvensis. 2018. Tom 6. № 12. S. 67 – 72.
7. Nikulenko A.V. Obstoitel'stva, iskljuchajushhie prestupnost' dejaniya: konceptual'nye osnovy ugovolno-pravovoj reglamentacii: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2019. S. 49 – 50.
8. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system. Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Tom 11. № 1. S. 187 – 195.
9. Federal'nyj zakon – Ob oruzhii: ot 13.12.1996 № 150-FZ (v red. ot 29.12.2022 № 638-FZ, s izm., vnesennyimi Postanovleniem Konstitucionnogo Suda RF ot 29.06.2012 № 16-P) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (data obrashhenija: 23.12.2022)

10. О ведомственной охране: Federal'nyj zakon ot 14.04.1999 № 77-FZ v red. Federal'nyh zakonov ot 29.12.2022 № 638-FZ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (data obrashhenija: 23.12.2022)

11. Pushkarev S.A. Pravovye cennosti v professional'noj dejatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. S. 8.

12. Vasil'ev A.M. Tipologija i osobennosti kriminologicheskoy harakteristiki lichnosti prestupnika, sovershivshego sopryazhennoe s ischeznoveniem cheloveka prestuplenie. Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2015. Tom 9. № 4. S. 629 – 639.

13. Tril' S.A. Pravovaja ocenka dejstvij sotrudnikov policii, sovershaemyh pri realizacii prava na neobhodimuju oboronu. Molodoj uchenyj. 2016. № 9 (113). S. 897.

*Krasnov A.A., Postgraduate,
Kuban State University*

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE NORMATIVE PRESCRIPTIONS OF THE CRIMINAL LAW ON THE NECESSARY DEFENSE USED BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Abstract: the activities of law enforcement officers include a wide arsenal of measures to prevent unlawful encroachments. One of such means of response is the necessary defense. Necessary defense should be considered as the subjective right of a law enforcement officer to self-defense and as the implementation of the public function of law enforcement in relation to the protection of third parties, the legally protected interests of society and the state. The article deals with the problem of legal regulation of the use of necessary defense by law enforcement officers in the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that due to the blanket nature of the provisions of Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, the use of evaluative and non-legal categories by the legislator, the main focus of the regulation of this legal institution has moved from the sphere of criminal law to the sphere of administrative rule-making – departmental regulations. In many ways, they play an important role in detailing the general provisions on necessary defense, in relation to the activities of law enforcement officers. However, the lack of clear instructions on this subject in the Criminal Code of the Russian Federation creates an intersectoral inconsistency, which significantly distorts law enforcement practice, generates errors in qualifying the actions of law enforcement officers in a situation of necessary defense. Based on a systematic analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Federal Law "On the Police", the Federal Law "On the Federal Security Service", the Federal Law "On Weapons", the author formulated proposals for optimizing the content of Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: necessary defense, criminal law institution, intersectoral inconsistency, unlawful encroachment, subjective right, suppression of offenses

For citation: Krasnov A.A. On the issue of improving the normative prescriptions of the criminal law on the necessary defense used by law enforcement officers. Modern Scientist. 2023. 1. P. 313 – 318.

*Давыдов Р.Ю., соискатель,
Уральский государственный юридический университет*

ОСНОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ КАК ИНСТИТУТООБАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: статья посвящена институту и стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Автором приводится анализ правовой природы института и оснований возобновления производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что ключевым, институтообразующим элементом в институте возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств является основание возобновления производства по уголовному делу. В этой связи отстаивается позиция о центральной роли оснований возобновления производства по уголовному делу, которые определяют процессуальный порядок в рамках исследуемого института. Кроме этого, автором утверждается о самостоятельности рассматриваемой стадии уголовного процесса в системе процессуальной деятельности, которая, однако, рассматривается отдельно от системы пересмотров приговоров в порядке их обжалования в суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Ключевые слова: возобновление производства по уголовному делу, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, основание возобновления производства по уголовному делу

Для цитирования: Давыдов Р.Ю. Основание возобновления производства по уголовному делу как институтообразующий элемент соответствующей стадии уголовного судопроизводства // Современный ученый. 2023. № 1. С. 319 – 322.

Учеными-процессуалистами уделяется особое внимание предусмотренному главой 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] институту возобновления производства по уголовному делу по мотивам его особой важности в вопросах доказывания по уголовному делу, а также связанной с этим значимости при обеспечении законности и обоснованности итоговых процессуальных решений, охраны прав, свобод и законных интересов граждан [2, с. 180].

С этих позиций возобновление производства по уголовному делу следует признать как исключительную [3, с. 151], но не факультативную стадию уголовного процесса. Какая-либо существенная взаимосвязь и родство между данной стадией и иными стадиями процесса, исходя из ее природы, целей и задач, а также инстанционности, не четко не прослеживается.

В науке уголовного процесса же бытует мнение о схожести данной стадии с надзорным производством по уголовному делу. Здесь необходимо оговорить, что ни международная практика [4], ни аналогичные процессуальные порядки зарубежных стран романо-германской правовой семьи не воспринимают производство в суде надзорной инстанции как эффективный способ правовой защиты. Признавая существующие правовые реалии, направленность уголовно-процессуального законодательства на их действенное регулирование и определенную эффективность работы «надзора» по уголовным делам, полагаем, что деятельность

надзорной инстанции в отечественном уголовном процессе достаточно оправдана. Вместе с тем это не означает, что стадия производства в суде надзорной инстанции и институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств могут иметь общую правовую природу, единые назначение и процессуальный порядок, одинаковое итоговое воздействие на реальные общественные отношения.

Резюмируя сказанное, возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств появилось эволюционно, с течением времени и в силу потребности в возможности его повседневного применения, образования на него «спроса» со стороны государства и общества. Появление данной возможности сразу же было оформлено в виде закрепленного в процессуальном законе правового института, а в уголовно-процессуальной деятельности возобновление производства по уголовному делу заняло место самостоятельной стадии процесса.

Самостоятельной стадией, к примеру, является предварительное расследование или рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции. Это длительные, существенные и значительные правоприменительные комплексы, которые невозможно и не нужно сокращать как в предоставляемых ими арсенале правовых средств, в длительности их прохождения, так и в объеме законодательного

акта, регламентирующего процесс совершения обозначенных процессуальных действий.

В этой связи совершенно несостоятельными представляются позиции В.Б. Алексеева [5, с. 173-174] и И.М. Зайцева [6, с. 132] о признании возобновления производства разновидностью судебного надзора и вовсе о возможности ликвидации исследуемой стадии с последующим ее включением с компетенцию суда надзорной инстанции.

С учетом изложенного закономерно возникает вопрос о причинах, по которым для возобновления производства по уголовному делу разработали самостоятельный процессуальный порядок, который возвели до уровня стадии. Ведь, к примеру, невозможно представить себе, чтобы институту мер процессуального принуждения придали статус самостоятельной стадии, обычной или чрезвычайной.

По нашему мнению – и в этом содержится основная идея института возобновления производства по уголовному делу, а значит, и диссертационного исследования – выделение возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, в самостоятельный процессуальный институт самым непосредственным образом связано ни со сложностью процессуального порядка, ни с длительностью или спецификой совершаемых в его рамках процессуальных действий. Ключевым фактором являются сами основания возобновления производства – те самые вновь открывшиеся обстоятельства и новые обстоятельства.

Дело в том, что данные в сущности основания позволяют начать процессуальную дискуссию об пересмотре приговора или иного итогового процессуального решения по делу. И это, как уже было показано, не сведения о допущенных материальных или процессуальных нарушениях, неполноте предварительного расследования. Всем указанным обстоятельствам при их наличии возможно дать оценку в рамках обжалования.

Однако именно механизм обжалования в данном случае не подходит не в силу его процессуального несовершенства, а ввиду разницы в специфике оснований для обжалования итогового процессуального решения и оснований для возобновления производства по уголовному делу. Рассуждая метафорично, при рассмотрении вопроса о наличии основания для отмены или изменения итогового процессуального решения по уголовному делу суду необходимо мотивированно ответить на вопрос: «Что нижестоящим судом было сделано не так и каким образом это повлияло на приговор?». Ответ на указанный вопрос должен содержаться в судебном постановлении вышестоящего

суда, в который поступила соответствующая жалоба. В какой-то мере идеальным результатом механизма обжалования является именно исправление допущенных ошибок нижестоящего суда, ретроспективно проверенных судом вышестоящим. Кстати, поэтому-то и имеется необходимость рассмотрения данного вопроса вышестоящим судом, поскольку в силу действия общеправового принципа никто не может быть судьей в своем собственном деле.

Напротив, суд, рассматривающий вопрос о возобновлении производства по уголовному делу для определения наличия соответствующих оснований должен будет ответить на вопрос: «Какие новые данные были обнаружены и каким образом это может повлиять на приговор?». Разница между данными двумя вопросами является весьма существенной и носит принципиальный характер.

Во-первых, речь ведется уже о перспективном влиянии новых и вновь открывшихся обстоятельств на ранее постановленный приговор либо иное итоговое процессуальное решение по уголовному делу.

Во-вторых, поскольку судом, разрешающим вопрос о возобновлении производства по уголовному делу, новые и вновь открывшиеся обстоятельства познаются так же ретроспективно, но оцениваются перспективно – не как они повлияли по уже свершившемуся факту постановления приговора, а из принципа «как это может повлиять на приговор» – следует говорить не об исправлении приговора или иного итогового процессуального решения, а об их корректировке, восполнении недостающих данных, нехватка которых не связана с допущенными процессуальными нарушениями.

Различия в специфике оснований для обжалования и оснований для возобновления производства предопределяют и соответствующий процессуальный порядок правоприменительной работы с ними.

Это позволяет допустить, что первичной единицей в институте возобновления производства по уголовному делу является именно основание возобновления.

К слову, руководствуясь указанными выводами о проведении по сути не проверки, ревизии приговора, а оценивая влияние на него новых или вновь открывшихся обстоятельств обозначенные действия без каких-либо последствий может совершать суд первой инстанции или суд, вынесший по делу последнее судебное постановление. Это допустимо, поскольку судьей в своем собственном деле здесь такие органы не выступают – они не устанавливают ошибки, а восполняют дело недостающими данными, что не может лишить их объ-

ективности. На придание этой идее законного статуса и ее закрепление в процессуальном законодательстве потребовалось 17 лет, а произошло это лишь в 2019 году.

С учетом изложенного существование и самостоятельное выделение стадии пересмотра уголовного дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам является достаточно обоснованным, поскольку он предназначен для решения иной задачи. Эта разновидность пересмотра призвана бороться с ошибками, совершенными по объективным причинам. Иными словами, такой порядок позволяет достичь истинных целей правосудия и уголовного судопроизводства и устранить нарушение прав его участников, вызванное принятием решения в непреодолимом отсутствии у правоприменителя всей необходимой информации, имеющей значение для правильного разрешения дела.

Таким образом, правовая природа и сущность оснований возобновления производства по уго-

ловному делу фактически предопределяет процессуальный порядок ее проведения, институционализацию соответствующих норм в уголовно-процессуальном законе. Это означает, что основания возобновления производства по уголовному делу имеют центральное, интитутообразующее значение для науки уголовного процесса. Существование стадии возобновления производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам является крайне важным и обусловлено необходимостью обеспечить уголовное судопроизводство механизмом, позволяющим как обнаружить необходимые для разрешения дела факты, ранее не представленные в силу объективных причин, так и обладать в арсенале правовыми основаниями для возвращения на предыдущие стадии с целью легализации и должной оценки появившихся фактов, и на этом основании принятия нового итогового решения по делу.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // «Российская газета» от 22.12.2001 № 249.
2. Зинатуллин З.З. Избранные труды: в 2 т. СПб., 2013. Том 2. С. 180.
3. Попов А.П. Уголовный процесс России: целеполагание, система задач и средства. Пятигорск, 2016. С. 151.
4. ECHR, Sakhanov v. Russia (dec.). 18 October 2016. No. 16559/16. <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169023>.
5. Алексеев В.Б. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в системе судебного надзора // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды ВНИИСЗ. Вып. 17. 1980. С. 173 – 174
6. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 132.

References

1. Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 05.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.12.2022). «Rossijskaja gazeta» ot 22.12.2001 № 249.
2. Zinatullin Z.Z. Izbrannye trudy: v 2 t. SPb., 2013. Tom 2. S. 180.
3. Popov A.P. Uголовnyj process Rossii: celepolaganie, sistema zadach i sredstva. Pjatigorsk, 2016. S. 151.
4. ECHR, Sakhanov v. Russia (dec.). 18 October 2016. No. 16559/16. <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169023>.
5. Alekseev V.B. Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsja obstojatel'stvam v sisteme sudebnogo nadzora. Problemy sovershenstvovaniija sovetskogo zakonodatel'stva: trudy VNIISZ. Vyp. 17. 1980. S. 173 – 174
6. Zajcev I.M. Ustranenie sudebnyh oshibok v grazhdanskom processe. Saratov, 1985. S. 132.

*Davydov R.Yu., Applicant,
Ural State University of Law*

THE BASIS FOR THE RESUMPTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS AN INSTITUTION FORMING ELEMENT OF THE RELEVANT STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: the article is devoted to the institution and the stage of resumption of criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances. The author analyzes the legal nature of the institute and the grounds for resuming proceedings under new and newly discovered circumstances. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the key, institution-forming element in the institution of the resumption of criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances is the basis for the resumption of criminal proceedings. In this regard, the position is defended on the central role of the grounds for resuming criminal proceedings, which predetermine the procedural order within the framework of the institution under study. In addition, the author asserts the independence of the considered stage of the criminal process in the system of procedural activity, which, however, is considered separately from the system of reviewing sentences in the order of their appeal to the courts of appeal, cassation and supervisory instances.

Keywords: resumption of criminal proceedings, new circumstances, newly discovered circumstances, the basis for the resumption of criminal proceedings

For citation: Davydov R.Yu. The basis for the resumption of criminal proceedings as an institution forming element of the relevant stage of criminal proceedings. *Modern Scientist*. 2023. 1. P. 319 – 322.

*Купин М.С., аспирант,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
ОО «Технологии Доверия – Консультирование»*

ВЛИЯНИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР НА РОССИЙСКИЕ ПРАВИЛА О КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЯХ

Аннотация: в рамках статьи автор рассматривает отдельные вопросы влияния вводимых отдельными странами и международными объединениями ограничительных мер (санкций) на российские правила о налогообложении прибыли контролируемых иностранных компаний. В статье затронуты и проанализированы следующие аспекты: ограничения в валютной сфере и их взаимодействие с правилами о контролируемых иностранных компаниях, порядок признания санкционных иностранных компаний в качестве контролируемых, изменения (послабления) в порядке уменьшения прибыли контролируемых иностранных компаний для налоговых целей, механизм осуществления прав акционера (участника) в отношении российского хозяйственного общества. По результатам анализа автор делает вывод, что введение ограничительных мер (санкций) отдельными странами и международными объединениями оказало влияние на российские правила о контролируемых иностранных компаниях, что выразилось, в частности, в изменении нормативного регулирования. Кроме того, автор делает вывод о том, что правила о налогообложении прибыли контролируемых иностранных компаний начинают приобретать междисциплинарное значение, поскольку они начинают использоваться не только для регулирования собственно налоговых отношений, но и для регулирования отношений в других сферах (валютная сфера, сфера корпоративных отношений). Также автором отмечается, что отдельные аспекты рассматриваемого регулирования можно оценить положительно, другие же аспекты требуют дальнейшего осмысления с теоретической и практической точек зрения и доработки (в случае необходимости).

Ключевые слова: контролируемые иностранные компании, налогообложение, налоговое законодательство, финансовая отчетность, контролирующее лицо, налоговый комплаенс, налоговый контроль, санкции, ограничительные меры

Для цитирования: Купин М.С. Влияние ограничительных мер на российские правила о контролируемых иностранных компаниях // Современный ученый. 2023. № 1. С. 323 – 328.

Правила о налогообложении прибыли контролируемых иностранных компаний (далее – КИК) появились в России в 2015 году. Тем не менее, многие проблемные аспекты указанных правил не получили своего рассмотрения в российской научной литературе [1, 2]. С учетом введения отдельными странами и международными объединениями в отношении России ограничительных мер (санкций) представляется актуальным изучение с теоретической точки зрения того, как такие меры повлияли на российские правила о КИК. Рассмотрим это более подробно далее.

Начиная с начала прошлого года в России в ответ на вводимые ограничительные меры (санкции) было принято относительно большое количество экстраординарных подзаконных актов в том числе в валютной сфере (базовые акты в основном были приняты на уровне Президента Российской Федерации). Такие акты были направлены и направлены в настоящее время на ограничение операций с так называемыми «недружественными» странами [3] и оказывают существенное влияние на бизнес и деятельность физических лиц. Ограничения были введены, в частности, на сделки с ценными бумагами, на распределение дивидендов. Так, напри-

мер, для сделок с ценными бумагами был установлен разрешительный порядок: такие сделки могут осуществляться на основании разрешений, выдаваемых Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации (далее – Комиссия) [4]. Впоследствии также были утверждены критерии, которыми будет руководствоваться Комиссия при принятии соответствующего решения в части одобрения или не одобрения сделки [5].

В дальнейшем указанное ограничение было смягчено (отменено) для случаев, когда одновременно выполняются указанные ниже следующие условия в отношении иностранной компании, которая признается «недружественной» [6]:

1) она находится под контролем российских юридических или физических лиц (конечными бенефициарами являются Российская Федерация, российские юридические лица или физические лица), в том числе в случае, если этот контроль осуществляется через иностранные юридические лица, связанные с такими иностранными государствами;

2) информация о контроле над ними раскрыта российскими юридическими или физическими ли-

цами, указанными выше, российским налоговым органам в соответствии с требованиями российского законодательства.

Соответственно, встает вопрос о том, в каком случае признается наличие контроля над компанией (первое условие) и как такой контроль должен раскрываться российским налоговым органам (второе условие). Возможно ли в данном случае применить и сослаться на правила о КИК из Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс, глава 3.4. «Контролируемые иностранные компании и контролирующие лица»). В своих разъяснениях уполномоченные органы отметили следующее:

1) для признания контроля необходимо исходить из положений статьи 5 Федерального закона от 29.04.2008 №57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [7];

2) раскрытием контроля перед российскими налоговыми органами при этом признается надлежащим в случае, если налоговые органы получили от лица уведомление о КИК [8].

По мнению уполномоченных органов, выполнение только «налоговых» условий не может считаться достаточным для выполнения пункта из указа Президента Российской Федерации. При этом представляется, что такое толкование указанных положений противоречит формальной логике, поскольку если в налоговый орган необходимо раскрыть информацию о контроле и такого раскрытия достаточно при подаче уведомления о КИК, то сам контроль должен определяться по правилам Кодекса, так как уведомление не формируется с учетом иных критериев контроля нежели тех, что установлены в Кодексе (в статье 25.13 Кодекса). Видится, что упоминаемый пункт из указа должен определяться на основе налоговых норм о КИК из Кодекса. При этом отмечаем, что из акта, регулирующего отношения в валютной сфере, была сделана отсылка в акт, регулирующие другую сферу общественных отношений – налоговые отношения, что может свидетельствовать о расширении сферы применения налоговых норм о КИК.

Введение ограничительных мер (санкций) повлияло также и непосредственно на налоговое регулирование в части правил о КИК. Так, в статью 25.15 Кодекса были внесены следующие изменения [9]. Если иностранная компания, признаваемая КИК, не может распределить дивиденды за соответствующий период в связи с действующими ограничительными мерами (санкциями), такая компания не будет облагаться налогом в России

по правилам о КИК. Для этого должны выполняться все следующие формальные условия (пункт 1.2 статьи 25.15 Кодекса):

1) в отношении контролирующего лица или контролируемой им иностранной компании по состоянию на дату окончания календарного года, следующего за годом, за который составляется финансовая отчетность, действовали введенные иностранными государствами или объединениями стран запретительные, ограничительные и (или) иные аналогичные меры (препятствующие принятию решений о распределении прибыли, объявлению и (или) осуществлению выплаты дивидендов – распределению прибыли);

2) выплата соответствующих дивидендов (распределенной прибыли) (в том числе в неденежной форме) по состоянию на дату окончания календарного года, следующего за годом, за который составляется финансовая отчетность, не производилась;

3) государство (территория) постоянного места нахождения иностранной компании не включено в «черный список» Минфина России.

Указанное выше послабление для контролирующих лиц будет действовать в налоговые периоды за 2022, 2023, 2024 и 2025 годы. Стоит однако отметить, что рассматриваемое нововведение не вполне можно назвать полноценным освобождением прибыли КИК от налогообложения в России (по аналогии с освобождениями по статье 25.13-1 Кодекса). Поскольку эффект от указанных положений для контролирующего лица является временным. При прекращении действия одного из указанных выше условий контролирующему лицу необходимо будет восстановить и уплатить налог со всей нераспределенной до этого прибыли (пункт 1.3 статьи 25.15 Кодекса). При этом возникает вопрос о возможности учета распределения дивидендов в таком случае за несколько периодов. Например, если по прошествии нескольких лет будет восстановлена сумма прибыли за указанный период и иностранная компания распределит дивиденды за текущий период и прошлые периоды, когда действовали ограничительные меры (санкции). Представляется, что такое распределение должно будет учитываться для целей налогообложения и уменьшать налоговую базу контролирующего лица для целей правил о КИК в России. Иное, по нашему мнению, приводило бы к необоснованному налогообложению прибыли и не соответствовало бы целям правил о КИК. В целом указанный механизм можно оценить положительно, поскольку это позволяет учитывать текущие внешние обстоятельства и конъюнктуру и не приводить к налогообложению нераспределенной прибыли в случаях, когда распределение прибыли

иностранной компании не может быть осуществлено из-за внешних факторов (действующих ограничительных мер).

У налогоплательщиков также возникают вопросы в области признания иностранных компаний в качестве контролируемых для российских налоговых целей. Так, например, в иностранном государстве инкорпорации соответствующей компании могут быть арестованы счета и активы такой иностранной компании, может быть запрещено осуществление ею деятельности либо введены иные ограничительные и запретительные меры. Можно ли в таком случае продолжать рассматривать указанные иностранные компании в качестве КИК для российских целей. Видится, что на такой вопрос можно ответить утвердительно, поскольку данные обстоятельства не отменяют выполнение условий, на основании которых компании или структуры признаются контролируемыми для налоговых целей в России (наличие определенной доли участия как основного условия – более 25%). Данное обстоятельство пока не нашло своего отражения в положениях Кодекса в связи с чем налогоплательщикам – контролирующим лицами необходимо по-прежнему подавать налоговую отчетность по таким компаниям в российские налоговые органы (уведомление об участии в иностранной организации, уведомление о КИК, налоговую декларацию). Указанная позиция подтверждается также и правоприменительной практикой. Так, в одном из своих писем Минфин России указал, что вводимые ограничительные меры носят временный характер, иностранные компании должны признаваться контролируемыми исходя из общих оснований [10]. Данное письмо было выпущено в другой временной период, однако мы полагаем, что оно может быть применимо и к текущей ситуации в связи со схожестью обстоятельств.

Также отдельно считаем необходимым остановиться на следующем. Достаточно часто владение российскими активами (бизнесом) было структурировано через использование иностранных компаний и структур: российский бенефициар – иностранная компания (структура) – российский бизнес (российское ООО или АО, например). В условиях текущей ситуации вводимые ограничительные меры во многих случаях повлияли на возможность принятия корпоративных решений такими промежуточными иностранными компаниями и структурами в отношении российских дочерних компаний, что негативно сказывается на операционной деятельности таких российских компаний, так как отдельные вопросы должны решаться на уровне иностранного акционера участника путем принятия им соответствующих корпоративных

решений. Для разрешения указанной ситуации законодателем были приняты следующие изменения [11].

Так, в соответствии с изменениями контролирующее лицо может обратиться в ФНС России с заявлением об осуществлении прав акционера (участника) в отношении российского хозяйственного общества, акционером (участником) которого является контролируемая им иностранная компания (КИК). Для подачи такого заявления необходимо, чтобы КИК при осуществлении прав акционера совершались действия (бездействие), которые нарушают права организации или такого контролирующего лица – бенефициара [12]. Доля участия контролирующего лица (или лиц) при этом в такой иностранной компании должна быть более 50%, что превышает стандартный порог для признания лица контролирующим лицом по российским налоговым правилам (более 25%). По результатам рассмотрения заявления ФНС России принимает решение, которое публикуется в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц. Указанный порядок осуществления корпоративных прав является временным и применяется до конца текущего года включительно (до этого срок был до конца 2022 года, после чего были внесены поправки, в результате которых срок был продлен до конца 2023 года). Перечень организаций, в отношении которых применяется указанных механизм осуществления прав, должен публиковаться, однако в настоящее время он опубликован не был. Это с определенной долей вероятности может свидетельствовать либо о не востребованности данного института, либо о его непрозрачности.

В целом идея указанного механизма понятна, однако его правовое оформление вряд ли можно назвать безупречным. Во-первых, упоминаемые изменения не были внесены (инкорпорированы) непосредственно в текст Кодекса, что нарушает общие правила кодификации и единство Кодекса (изменения приведены в тексте закона, вносящего изменения в Кодекс). Во-вторых, возникает вопрос о целесообразности использования налоговых норм о КИК для урегулирования по сути гражданских отношений (корпоративных отношений). В-третьих, критерии получения контроля над российскими организациями нельзя назвать детальными и понятными (не допускающими неоднозначного толкования), что может породить на практике множество вопросов и споров. Видится, что данный механизм требует своего дальнейшего осмысления с учетом формирующейся практики его применения.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие общие выводы. Правила о налогообложении

прибыли контролируемых иностранных компаний начинают приобретать междисциплинарное значение, поскольку они начинают использоваться не только для регулирования собственно налоговых отношений, но и для регулирования отношений в других сферах (валютная сфера, сфера корпоративных отношений). Введение ограничительных мер (санкций) отдельными странами и международными объединениями оказало влияние и на

рассматриваемые правила о контролируемых иностранных компаниях, что выразилось, в частности, в изменении нормативного регулирования. Отдельные аспекты данного регулирования можно оценить положительно, другие требуют дальнейшего осмысления с теоретической и практической точек зрения и доработки (в случае необходимости).

Литература

1. Купин М.С. К вопросу об уменьшении прибыли контролируемой иностранной компании на сумму выплаченных дивидендов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 221 – 223.
2. Купин М.С. К вопросу о фиксированном налоге с дохода физического лица в виде прибыли контролируемой иностранной компании // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 238 – 240.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р вместе с Перечнем иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Выписка из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 118/1 // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации, URL: <https://minfin.gov.ru/ru/permission/79-81/> (дата обращения: 12.01.2023)
6. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Официальное разъяснение Банка России от 18 марта 2022 г. № 2-ОР «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и приклучивших к ним иностранных государств и международных организаций», Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» и Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Официальный сайт Банка России (дата обращения: 12.01.2023).
8. Письмо ФНС России от 30 сентября 2022 г. № ШЮ-3-13/10632@ «О разъяснении порядка применения пункта 12 Указа Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 28 декабря 2022 г. № 565-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
10. Письмо Минфина России от 18 февраля 2019 г. № 03-12-11/2/10129 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
11. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в последней редакции с доп. и изм.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
12. Данченко С. П. Временные права контролирующих лиц // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2022. № 9. С. 64 – 70.

References

1. Kupin M.S. K voprosu ob umen'shenii pribyli kontrolirujemoj inostrannoj kompanii na summu vyplachennyh dividendov. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2022. № 3 (166). S. 221 – 223.
2. Kupin M.S. K voprosu o fiksirovannom naloge s dohoda fizicheskogo lica v vide pribyli kontrolirujemoj inostrannoj kompanii. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2022. № 4 (167). S. 238 – 240.

3. Rasporyzhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 marta 2022 g. № 430-r vmeste s Perechnem inostrannyh gosudarstv i territorij, sovershajushhijh v otnoshenii Rossijskoj Federacii, rossijskih juridicheskijh lic i fizicheskijh lic nedruzhestvennyje dejstvija. Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 marta 2022 g. № 81 «O dopolnitel'nyh vremennyh merah jekonomicheskogo haraktera po obespečeniju finansovoj stabil'nosti Rossijskoj Federacii». Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

5. Vypiska iz protokola zasedanija podkomissii Pravitel'stvennoj komissii po kontrolju za osushhestvleniem inostrannyh investicij v Rossijskoj Federacii ot 22 dekabrya 2022 g. № 118/1. Oficial'nyj sajt Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii, URL: <https://minfin.gov.ru/ru/permission/79-81/> (data obrashhenija: 12.01.2023)

6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 marta 2022 g. № 95 «O vremennom porjadke ispolnenija objazatel'stv pred nekotorymi inostrannymi kreditorami». Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

7. Oficial'noe raz#jasnenie Banka Rossii ot 18 marta 2022 g. № 2-OR «O primenenii otdel'nyh položenij Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28 fevralja 2022 goda № 79 «O primenenii special'nyh jekonomicheskijh mer v svjazi s nedruzhestvennymi dejstvijami Soedinennyh Shtatov Ameriki i primknuvshijh k nim inostrannyh gosudarstv i mezhdunarodnyh organizacij», Ukaza Pre-zidenta Rossijskoj Federacii ot 1 marta 2022 goda № 81 «O dopolnitel'nyh vremennyh merah jekonomicheskogo haraktera po obespečeniju finansovoj stabil'nosti Rossijskoj Federacii» i Uka-za Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 marta 2022 goda № 95 «O vremennom porjadke ispolnenija objazatel'stv pred nekotorymi inostrannymi kreditorami». Oficial'nyj sajt Banka Rossii (data obrashhenija: 12.01.2023).

8. Pis'mo FNS Rossii ot 30 sentjabrya 2022 g. № ShJu-3-13/10632@ «O raz#jasnenii porjadka primenenija punkta 12 Ukaza Prezidenta RF ot 5 marta 2022 g. № 95» // Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

9. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2022 g. № 565-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuju i vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogah i sborah». Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

10. Pis'mo Minfina Rossii ot 18 fevralja 2019 g. № 03-12-11/2/10129. Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

11. Federal'nyj zakon ot 14 ijulja 2022 g. № 323-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (v poslednej redakcii s dop. i izm.). Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tant Pljus».

12. Danchenko S. P. Vremennye prava kontrolirujushhijh lic. Aktual'nye voprosy buhgalterskogo ucheta i nalogoobloženija. 2022. № 9. S. 64 – 70.

*Kupin M.S., Postgraduate,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Technologies of Trust – Consulting LLC*

THE IMPACT OF RESTRICTIVE MEASURES ON THE RUSSIAN RULES ON CONTROLLED FOREIGN COMPANIES

Abstract: in this article the author examines certain issues of the impact of restrictive measures (sanctions) imposed by some countries and international associations on the Russian rules on the taxation of profits of controlled foreign companies. The article touches upon and analyzes the following aspects: restrictions in the currency area and their interaction with the rules on controlled foreign companies, the procedure for recognizing sanctioned foreign companies as controlled, changes (relief) to reduce the profits of controlled foreign companies for tax purposes, the mechanism for conducting the rights of a shareholder (participant) in relation to a Russian commercial company. Based on the results of the analysis, the author concludes that the introduction of restrictive measures (sanctions) by some countries and international associations had an impact on the Russian rules on controlled foreign companies, which was reflected, in particular, in changes in normative regulation. In addition, the author concludes that the rules on taxation of profits of controlled foreign companies are beginning to acquire interdisciplinary significance, since they are beginning to be used not only to regulate tax relations, but also relations in other areas (currency area, corporate relations area). The author also notes that some aspects of the regulation under consideration can be evaluated positively, while other aspects require further reflection from a theoretical and practical points of view and refinement (if any).

Keywords: controlled foreign companies, taxation, tax legislation, financial statements, controlling person, tax compliance, tax control, sanctions, restrictive measures

For citation: Kupin M.S. The impact of restrictive measures on the Russian rules on controlled foreign companies. Modern Scientist. 2023. 1. P. 323 – 328.

*Таранюк Ю.В., кандидат юридических наук, доцент,
Ембулаева Н.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет И.Т. Трубилина*

ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация: цель статьи – показать, что юридические коллизии нельзя рассматривать исключительно как недостаток правовой системы. Очень часто они свидетельствуют о динамике развития общественных отношений. Но не всегда законодатель успевает мгновенно реагировать на такое развитие, что во многом обуславливается процедурными и иными требованиями, предъявляемыми к правотворческому процессу. В таких случаях большая роль отводится правоприменительным органам, которые, в процессе своей деятельности, разрабатывают наиболее эффективные пути и способы разрешения юридических коллизий. Юридические коллизии могут возникать как в публичном, так и в частном праве. Особенно критично появление коллизий в публичных отраслях права. Тем не менее, от коллизий бывают не свободны даже конституционные акты, в том числе и Конституция РФ. Настоящая публикация приводит примеры таких коллизий. В современной России отсутствует единый законодательный акт, регулирующий правила и механизм разрешения юридических коллизий. Данные положения выработаны и совершенствуются в основном силами юридической науки. В частном праве коллизии существуют как между внутригосударственными нормативными актами, так и между законодательством различных стран. В последнем случае ситуацию призваны разрешать в основном международные правила и договоры.

Ключевые слова: юридические коллизии, Конституция, частное и публичное право, международное частное право

Для цитирования: Таранюк Ю.В., Ембулаева Н.Ю. Практика разрешения юридических коллизий в системе российского права // Современный ученый. 2023. № 1. С. 329 – 335.

Юридические коллизии, или коллизии норм права являются явлением, которое не чуждо даже самой совершенной системе законодательства. Коллизии правовых норм в основном рассматриваются как негативное явление, с которым надлежит непрестанно бороться законодателю. Однако не все так однозначно. Существование юридических коллизий, действительно, нарушает такие признаки системы законодательства, как ее целостность, согласованность, внутреннее единство влечет за собой трудности в реализации права, снижение эффективности правовых норм. Но другой стороны, часто появление юридических коллизий говорит развитии общества и государства, о появлении новых правоотношений или изменении уже существующих, и это – их положительный аспект.

Однако часто коллизии влекут негативное воздействие на целый ряд правоотношений и отраслей. Главным образом это касается тех юридических коллизий, которые существуют в публичном праве.

К публичным отраслям права относят отрасли, нормами которых преимущественно защищается общественный интерес. Это такие, например, отрасли как конституционное, административное, уголовное, налоговое право.

Основным видом иерархических коллизий в конституционном праве выступают противоречия

между Конституцией РФ и иными нормативными правовыми актами. Существуют также компетенционные коллизии, которые возникают по вопросам, касающимся разграничения предметов ведения между общефедеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации. Темпоральные конституционно-правовые коллизии возникают в случае, когда есть несколько нормативных актов одной юридической силы, регулирующих одни и те же общественные отношения а структурные – внутри одного и того же нормативного правового акта.

Увы, не свободным от коллизий является и ныне действующий Основной закон Российской Федерации [1]. Он просто изобилует структурными коллизиями. Поскольку Конституция в любом государстве является основополагающим актом, закладывающим основы правоотношений, негативное влияние коллизий в нем распространяется не только на конституционное право, но и на ряд других отраслей как частного, так и публичного права.

Противоречащих друг другу норм стало больше после принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. Так, возникла коллизия между нормой ст. 5 Конституции РФ и ч. 1 ст. 67 Основного закона. В ст. 5 четко обозначен перечень субъектов, которые могут образовываться на территории страны. К ним отнесены

республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа. В ч. 1 ст. 67 тем не менее указано: «На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Такая территория уже появилась в 2020 г. в соответствии с федеральным законом «О федеральной территории "Сириус"» [2].

Противоречат друг другу и положения новой статьи 67.1 и ст. 14 Конституции РФ. В ст. 14 ведется речь о светскости государства, которая подразумевает отделение церкви от государства. Следовательно, законодательство должно быть религиозно нейтральным. Однако ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ закрепляет декларативное положение, согласно которому «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Целый ряд новых редакций статей в главах о Президенте РФ, Федеральном Собрании РФ и Правительстве РФ противоречат положению ст. 10 Конституции, которая закрепляет принцип разделения властей.

Например, первоначально в ст. 110 было определено, что исполнительная власть осуществляется Правительством РФ, которое возглавляет Председатель Правительства РФ. Однако в новой редакции статьи указывается на наличие «общего руководства Правительством РФ» со стороны главы государства. Силловые министры перестали подчиняться Председателю Правительства РФ, а напрямую подчиняются Президенту РФ. Таким образом, фактически формируется исполнительная ветвь власти не во главе с Председателем Правительства РФ, а во главе с Президентом РФ.

Также возникла коллизия между ч. 4 ст. 15 и новой редакцией ст. 79 Конституции РФ. В ст. 15 определен принцип приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации над внутринациональным законодательством. Однако ст. 79 в ее новой редакции противоречит данному принципу, поскольку содержит положение, согласно которому «решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Еще одна конституционно-правовая коллизия касается органов местного самоуправления. Они, согласно ст. 12, не входят в систему органов

государственной власти. Тем не менее поправки были внесены в ст. 71, где появился термин «публичная власть» и в ст. 132, в новой редакции которой органы местного самоуправления вошли в единую систему публичной власти, наряду с органами государственной власти. Н.Л. Пешин в своих работах отмечает, что в ближайшем будущем органы местного самоуправления могут стать одним из уровней государственной власти [3].

Появились и технико-юридические коллизии. Так, несмотря на замену термина «член Совета Федерации РФ» на термин «сенатор», наименование верхней палаты парламента не было изменено.

Иерархические коллизии возникают между нормативными актами или источниками конституционного права различной юридической силы. Например, между нормами Конституции РФ и международными актами. Часть 4 ст. 15 Основного закона предписывает в случае такой коллизии руководствоваться нормами международными. Однако Конституционный Суд РФ занял иную позицию. В двух своих постановлениях 2016 и 2017 г. российский орган конституционного контроля разъяснил, что если правила международного договора нарушают конституционные положения, имеющие особо важное значение, в том числе гл. 1 и 2 Конституции РФ, то они могут не соблюдаться [4].

В отечественной юридической науке предлагаются следующие механизмы разрешения конституционных коллизий. Во-первых, установление последовательного приоритета федерального законодательства над региональным в ходе разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. Во-вторых, соразмерность и разумность вводимых государством законодательных ограничений прав и свобод человека и гражданина. В-третьих, сочетание форм государственного управления и местного самоуправления в рамках осуществления публичной власти. В-четвертых, сохранение баланса частноправовых и публично-правовых интересов в регулировании отношений государством в сфере собственности. В-пятых, поддержание доверия граждан к закону и действиям государственных органов и запрещение произвольного внесения изменений в текущее законодательство, связанных с реализацией своих публично-правовых обязательств. В-шестых, определение требований ясности и определенности правовых норм в части исполнения личностью конституционных обязанностей перед государством. В-седьмых, соблюдение критериев

равенства, справедливости и достоинства в деятельности органов публичной власти в рамках конституционно-правового регулирования взаимодействия между обществом, личностью и государством [5].

Одной из наиболее важных отраслей публичного права является уголовное. Оно является одной из наиболее древних отраслей права, выработавших за многолетнюю историю своего существования свои собственные критерии, подходы к регулированию определенных аспектов общественной жизни. Важность этих аспектов обусловлена направленностью уголовно-правовых норм на охрану сложившегося общественного порядка посредством реализации наиболее жестких мер воздействия на его нарушителей.

В уголовном праве имеют место внутри-отраслевые коллизии: темпоральные, пространственные и иерархические [6]. Темпоральные коллизии могут возникать тогда, когда противоречат друг другу норма, действовавшая в момент совершения преступления и норма, действующая в момент вынесения приговора по делу. В этой ситуации правоприменитель должен руководствоваться правилами, установленными в статьях 9 и 10 УК РФ, закрепляющих правила действия уголовного закона во времени.

Пространственные коллизии возникают между нормами уголовного закона различных государств, в случае, когда иностранный гражданин на территории России совершил преступление, запрещенное как в его стране, так и в Российской Федерации. Для разрешения такой коллизии необходимо обратиться к ст. 11 и 12 УК РФ, которые опосредуют действие уголовного закона в пространстве.

По вопросу о существовании в уголовном праве иерархических коллизий единства мнений нет. Дело в том, что единственным нормативным актом, который в нашей стране может устанавливать составы преступлений, является Уголовный кодекс Российской Федерации. А иерархические коллизии, как было отмечено выше возникают между нормативными актами различной юридической силы.

Ю.А. Тихомиров и В.Д. Филимонов полагают, что к иерархическим можно относить также коллизии, которые возникают внутри одного нормативного акта между нормами общего характера (учредительными нормами: нормами-принципами, нормами-целями, нормами-задачами) и специальными нормами [7].

В качестве примера такой коллизии можно рассмотреть противоречия в определении размера наказания за преступления различной общественной опасности и принципа справед-

ливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ. Согласно принципу справедливости, наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, а также обстоятельствам его совершения и личности виновного лица. Если взять два состава преступления, определенных в п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ (завладение автомобилем группой лиц без цели хищения) и в п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (то же деяние, но с целью хищения), то по степени общественной опасности кража серьезнее, чем угон. Однако санкция за кражу с данными квалифицирующими признаками предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, а санкция за угон – лишение свободы на срок до семи лет. Получается, что за преступление более высокой степени общественной опасности санкция ниже, что противоречит принципу справедливости.

Уголовно-правовая наука выработала два основных способа разрешения коллизий: во-первых, это устранение, предполагающее окончательное разрешение спорного вопроса законодателем посредством отмены или изменения одной или нескольких коллидирующих норм, а во-вторых, – преодоление в процессе правоприменительной деятельности, где важнейшую роль будет играть правильное толкование уголовно-правовых норм [8].

Предотвращению коллизий в уголовном праве будет способствовать соблюдение законодателем следующих требований:

- 1) создания уголовно-правовой нормы, наиболее полным образом характеризующей степень общественной опасности деяния;
- 2) полного и беспробельного описания общественной опасности действия или бездействия;
- 3) точного установления пределов действия уголовно-правовой нормы;
- 4) разработка конкретного описания необходимых признаков предписываемого или запрещенного поведения;
- 5) создания норм, обладающих признаками общеправовой и внутриотраслевой непротиворечивости;
- 6) выбор для каждого общественно опасного деяния санкции, адекватной степени его общественной опасности и характеру [9].

Рассмотрим теперь юридические коллизии в системе частного права.

Самой объемной отраслью частного права является гражданское право, которое содержит в самом себе немало коллизий. Такие отрасли, как жилищное и семейное право, когда-то были подотраслями права гражданского и в своей

основе имеют одинаковую природу общественных отношений, входящих в сферу их регулирования. В сферу жилищного права, например, входят вопросы пользования общим имуществом собственников помещений, которые, несомненно, носят имущественный (гражданско-правовой) характер.

Часто коллизии возникают между ГК РФ и Семейным кодексом РФ. Так, ст. 37 СК РФ и абз. 3 п. 2 ст. 256 ГК РФ по-разному определяют границы «юридических возможностей супругов в изменении законного режима их имущества». Определить однозначно отраслевую принадлежность норм, регулирующих право совместной собственности, сложно. Поэтому и возникает вопрос о правилах разрешения подобных коллизий. Принцип приоритета отраслевого кодекса (иерархический путь разрешения коллизии) здесь не будет работать. Следует руководствоваться содержательным или темпоральным методом.

Еще одна коллизия между нормами семейного и гражданского законодательства возникает, когда идет речь о разделе общего имущества. В соответствии с п. 3 ст. 39 Семейного кодекса РФ, общие долги супругов при разделе имущества распределяются пропорционально присужденным долям. Однако, если кредит был оформлен на одного из супругов, то в соответствии с нормами ГК РФ (ст. 391) перевод долга – это перемена лиц в обязательстве, и она возможна только с согласия кредитора. И ст. 39 СК РФ и ст. 391 ГК РФ являются императивными, отступления от которых не допускаются.

Коллизии возникают и между нормами гражданского и земельного права. Гражданское законодательство содержит нормы общего характера, а земельное – специальные нормы, поэтому при наличии специальной нормы, будет действовать именно она, а не общая норма.

Аналогичным образом следует разрешать и коллизии, которые возникают внутри одного нормативного акта. Например, в Гражданском кодексе РФ есть общая норма п. 1 ст. 433, которая говорит о том, что договор считается заключенным, если offerent получил акцепт. Однако, согласно специальной норме п. 1 ст. 833 ГК РФ, договор банковского вклада считается заключенным с момента поступления на счет денежных средств. Приоритет будет иметь специальная норма.

Следует отметить также существование более сложных коллизий, которые возникают в правовой системе в целом, когда речь идет о невозможности жесткого и последовательного разделения права на отрасли и отнесении вопросов той или иной

отрасли права либо к исключительной компетенции федерального центра, либо к предметам совместного ведения. Например, в сферу гражданского права включен институт возмездного оказания услуг. Гражданское законодательство является предметом исключительного ведения федерального центра, что исключает возможность принятия региональных нормативных правовых актов относительно общественных отношений, входящих в предмет гражданского права. Однако, в ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», который регулирует оказание на возмездной основе туристических услуг, данные отношения отнесены к предметам совместного ведения. Об этом говорит ст. 2 данного нормативного правового акта «Законодательство Российской Федерации о туристской деятельности состоит из настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» [10].

Отдельно следует сказать о международном частном праве, сердцевиной которого является коллизионное право. Если в составе частноправового отношения присутствует иностранный или международный элемент, то такое отношение будет связано не с одним, а с несколькими правопорядками. Вследствие чего сразу возникнет вопрос о выборе того правопорядка, который должен быть применим. Одни и те же вопросы в различных странах могут регулироваться по-разному. Необходимость разрешения таких коллизий и обусловила возникновение коллизионных норм, составляющих основу международного частного права.

Вопрос о применимом праве получает ответ на основе трех основных критериев. Во-первых, домицилий или гражданство участников правового отношения (субъектный подход). Во-вторых, место возникновения, изменения или прекращения правового отношения (территориальный подход). В-третьих, наиболее тесная связь с правовым отношением (гибкий подход). Эти критерии могут использоваться в различных сочетаниях.

В международном частном праве коллизионная норма лишь указывает на правовую систему, в рамках которой должно регулироваться правовое отношение. Однако нельзя коллизионную норму сводить исключительно к техническому моменту. Гибкие коллизионные нормы не устанавливают

единственный возможный путь решения коллизии, а способствуют оценке всего комплекса имеющихся условий и обстоятельств для выбора той правовой системы, нормы которой наилучшим образом смогут урегулировать правовое отношение.

Выделяют пространственные, интертемпоральные и интерперсональные коллизии. Пространственные коллизии возникают при столкновении различных правопорядков. Интертемпоральные коллизии имеют место при противоречии актов, принятых в разное время по одному и тому же вопросу. В международном частном праве интертемпоральные коллизии предполагают необходимость решения сразу нескольких вопросов:

- было ли изменение в материально-правовом регулировании;
- изменялось ли коллизионно-правовое регулирование;
- изменялись ли фактические обстоятельства правового отношения.

В первом случае необходимо решить вопрос о том, какие материальные нормы будут применяться в условиях диящихся правовых отношений: действовавшие в момент их возникновения, либо действующие в момент рассмотрения спора, либо на какой-то иной момент.

Например, в ст. 169 Семейного кодекса РФ установлено, что его нормы применяются к семейным отношениям, возникшим после введения его в действие. Если отношения возникли до введения его в действие, то его нормы будут применяться только к тем правам и обязанностям, которые возникнут после введения его в действие (а именно после 1 марта 1996 г.). Те же правила применяются и в случае изменения коллизионных норм.

Что касается изменения самого фактического состава правового отношения, то законодатель иногда решает этот вопрос. Например, возникновение и прекращение права собственности на имущество определяется по праву страны, в которой это имущество находилось в момент возникновения или прекращения этого

права (п. 1 ст. 1206 ГК РФ) [11]. Все последующие перемещения вещи не будут оказывать влияние на решение этого вопроса.

Однако имеют место три основных исключения из этого общего правила. Во-первых, для установления статуса вещи в пути используется либо место отправления, либо место назначения. Во-вторых, вещный статут морских и воздушных судов определяется местом их регистрации. В-третьих, статут имущества ликвидированного юридического лица определяется личным законом юридического лица.

Интерперсональные коллизии возникают при возникновении противоречий законов, применяемых к различным категориям лиц. Чаще всего они встречаются в правопорядках, где наряду с законодательством действуют религиозные нормы или обычное право. Например, в некоторых мусульманских странах наряду с нормами шариата может действовать английское общее право или французское гражданское право, что связано с бывшей колониальной зависимостью этих государств.

Коллизионные нормы в международном частном праве призваны обеспечить стабильность и определенность в отношениях, осложненных иностранным элементом. Например, при заключении договора между российской и иностранной организацией они могут самостоятельно выбрать применимое право. Если деликт произошел на территории Российской Федерации с участием иностранного гражданина, то в силу коллизионной нормы будет применяться российское право.

Бремя выбора правовой системы возлагается всегда на национальный правоприменительный орган. Им может выступать как суд, так и органы записи актов гражданского состояния, органы опеки и попечительства. В практической деятельности к нормам международного частного права преимущественно обращаются судьи арбитражных судов. Нередко также возникает необходимость определить не только применимую норму материального права, но и выбрать компетентное учреждение для разрешения спора, а также систему процессуальных норм.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 11.01.2023)
2. О федеральной территории «Сириус»: ФЗ РФ от 22.12.2020 № 437-ФЗ (ред. от 05.12.2022 № 498-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2023)
3. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 15.
4. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 14 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. N 12-П // Российская газета. 2016. 5 мая; По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П // Российская газета. 2017. 3 февраля.
5. Татаринов С. А. Конституционно-правовые коллизии в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2022)
6. Уфимцева В.А. Внутриотраслевые коллизии в уголовном праве // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2022)
7. Тихомиров Ю.А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 56.; Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 51 – 55.
8. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С. 8-9.
9. Панько К.К. Конфликты и коллизии в уголовном праве и процессе России // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 3. С. 194.
10. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24.11.1996. № 132-ФЗ (ред. от 28.05.2022 г. № 148-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.2022)
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч.2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2023)

References

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020 [Jelektronnyj resurs] <http://www.constitution.ru> (data obrashhenija: 11.01.2023)
2. O federal'noj territorii «Sirius»: FZ RF ot 22.12.2020 № 437-FZ (red. ot 05.12.2022 № 498-FZ). Oficial'nyj intrenet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru> (data obrashhenija: 11.01.2023)
3. Peshin N.L. Konstitucionnaja reforma mestnogo samoupravlenija: novaja (staraja) model' sootnoshenija gosudarstvennoj i municipal'noj formy publichnoj vlasti. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 6. S. 15.
4. Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolnenija v sootvetstvii s Konstituciej Rossijskoj Federacii Postanovlenija Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 14 ijulja 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossii» v svjazi s zaprosom Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19 aprelja 2016 g. N 12-P. Rossijskaja gazeta. 2016. 5 maja; Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolnenija v sootvetstvii s Konstituciej Rossijskoj Federacii Postanovlenija Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 31 ijulja 2014 goda po delu «OAO «Neftjanaja kompanija Jukos» protiv Rossii» v svjazi s zaprosom Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19 janvarja 2017 g. № 1-P. Rossijskaja gazeta. 2017. 3 fevralja.
5. Tatarinov S. A. Konstitucionno-pravovye kollizii v reshenijah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 22.12.2022)
6. Ufimceva V.A. Vnutriotraslevye kollizii v ugovnom prave. SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 22.12.2022)

7. Tihomirov Ju.A. Normativnoe regulirovanie: vzlet ili krizis? Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 4. S. 56.; Filimonov V.D. Principy ugovnogo prava. M., 2002. S. 51 – 55.
8. Neznamova Z. A. Kollizii v ugovnom prave : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 1995. S. 8-9.
9. Pan'ko K.K. Konflikty i kollizii v ugovnom prave i processe Rossii. Vestnik VGU. Serija: Pravo. 2015. № 3. S. 194.
10. Ob osnovah turistskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon RF ot 24.11.1996. № 132-FZ (red. ot 28.05.2022 g. № 148-FZ). SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 25.12.2022)
11. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (ch.2) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022). SPS «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 12.01.2023)

*Taranyuk Yu.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Embulaeva N.Yu., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin*

THE PRACTICE OF RESOLUTION OF LEGAL CONFLICTS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

Abstract: the purpose of the article is to show that legal conflicts cannot be considered solely as a shortcoming of the legal system. Very often they testify to the dynamics of the development of social relations. But the legislator does not always have time to instantly respond to such a development, which is largely due to the procedural and other requirements for the law-making process. In such cases, a large role is assigned to law enforcement agencies, which, in the course of their activities, develop the most effective ways and means of resolving legal conflicts. Legal conflicts can arise in both public and private law. The emergence of conflicts in the public branches of law is especially critical. Nevertheless, even constitutional acts, including the Constitution of the Russian Federation, are not free from collisions. This publication provides examples of such collisions. In modern Russia, there is no single legislative act regulating the rules and mechanism for resolving legal conflicts. These provisions have been developed and are being improved mainly by the forces of legal science. In private law, conflicts exist both between domestic regulations and between the laws of different countries. In the latter case, the situation is intended to be resolved mainly by international rules and treaties.

Key words: legal conflicts, Constitution, private and public law, private international law

For citation: Taranyuk Yu.V., Embulaeva N.Yu. The practice of resolution of legal conflicts in the system of Russian law. Modern Scientist. 2023. 1. P. 329 – 335.